

Эрнесто Че Гевара

СТАТЬИ

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПИСЬМА

Москва, 2006

УДК 82/89
ББК 84.7 Ар
Ч34

РОЗА РЕВОЛЮЦИЙ

Редакционная коллегия серии

Г. Г. Водолазов, К. В. Майданик, В. Н. Миронов,
А. Н. Тарасов, А. Л. Эбаноидзе

Составители К. Майданик, А. Тарасов

Предисловие, общая редакция К. Майданик

Послесловие В. Миронов

Перевод с испанского Е. Воронова (с. 55–57, 99–111, 161–171, 209–218, 462–474), О. Горин (с. 178–185, 192–208, 260–265, 320–329, 375–407, 419–431), К. Майданик (с. 123–133, 186–191, 493–513, 531–572), Н. Марчук (с. 43–54, 134–143, 236–259, 283–296, 367–374, 449–461, 475–492), М. Морозова (с. 79–98, 144–160, 219–235, 266–280), А. Пятаков (с. 408–418), А. Тарасов (с. 330–348, 514–530), С. Терехов (с. 58–78, 112–122), А. Харламенко, Е. Харламенко (с. 297–319, 349–366, 432–448).

Оформление И. Бернштейн

Че Гевара, Э.

Статьи, выступления, письма / Пер. с исп. Е. Вороновой и др.— М.:
Культурная Революция, 2006.— (Роза революций).— 632 с., ил.

ISBN 5–902764–06–8

В издании собраны статьи, выступления, письма и критические заметки легендарного латиноамериканского революционера Эрнесто Че Гевары (1928–1967). Большинство текстов публикуется на русском впервые.

© Культурная Революция. 2006

© К. Майданик. Составление, научная редакция, предисловие, 2006

© А. Тарасов. Составление, 2006

© В. Миронов. Послесловие, 2006

© И. Бернштейн. Оформление, 2006

Содержание

Введение. <i>К. Майданик</i>	7
Предисловие. <i>К. Майданик</i>	12

Народ и власть

Статьи и выступления 1959—1962 годов

Социальная программа Повстанческой Армии	43
Вид Америки с афроазиатского балкона	55
Университетская реформа и революция	58
Роль университета в экономическом развитии Кубы	69
Политический суверенитет и экономическая независимость	79
Речь на открытии Первого Съезда латиноамериканской молодёжи	99
Выступление на открытии Курсов идеологического воспитания Министерства народного здравоохранения	112
«Народ и власть должны быть единым целым»	123
Заметки к изучению идеологии Кубинской революции	134
Сообщение о поездке в социалистические страны	144
Куба — историческое исключение или авангард борьбы с колониализмом?	161
Против бюрократизма	178
Выступление на чествовании генерала Листера	186

Коллективное обсуждение, персональные решения и ответственность	192
Выступление на пятой пленарной сессии Межамериканского экономического и социального Совета	209
Речь при вручении премий рабочим-передовикам Министерства Промышленности	219
Влияние Кубинской Революции на Латинскую Америку	236
Кадры — становой хребет революции	260
Каким должен быть молодой коммунист	266

Поколение самопожертвования

Статьи и выступления 1962–1965 годов

Тактика и стратегия латиноамериканской революции	283
Марксистско-ленинская партия	297
О партийном строительстве	307
Некоторые соображения о себестоимости	320
Партизанская война как метод	330
Заключительная речь на Международной встрече студентов-архитекторов	349
О понятии стоимости	359
Заключительное выступление на неделе солидарности с Южным Вьетнамом	367
О системе бюджетного финансирования	375
Молодежь и Революция	408
Социалистическое планирование, его значение	419

Новое отношение к труду	432
Выступление на Генеральной Ассамблее ООН по праву предоставления слова для возражения	449
Речь на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки	462
Социализм и человек на Кубе	475
Из выступлений на заседаниях руководства Министерства промышленности	493

Я сделаю это

Статьи и заметки 1966 г. Письма

Из «Записок о революционной войне: Конго»	501
Письмо Армандо Харту Давалосу	505
Отрывки из экономических рукописей 1966 г. («Пражских тетрадей»)	509
Послание народам мира через Конференцию трёх континентов	514
Письма (1959–1966 гг.)	531
Из текстов, не вошедших в собрания сочинений (письма и интервью)	566

Приложения

Основные вехи жизни, борьбы и творчества Эрнесто Гевары ...	575
Послесловие. В. Миронов	586
Предметно-именной указатель	615

Введение

Эта книга — первое по существу обращение к теоретическому и пропагандистскому наследию одного из классиков революционной практики XX и XXI веков, осуществлённое в нашей стране на русском языке. Надо признать, что СССР и Россия опоздали с этим почти на сорок лет (в Италии объёмистый четырёхтомник работ Эрнесто Гевары вышел уже в 1969 г., через два года после его гибели), что опоздание это было глубоко закономерным. Че был в равной мере подозрителен и(ли) ненавистен и для псевдомарксистов квазисоциализма и для псевдодемократов квазикапитализма, для самодовольных чиновников, воинствующих националистов, апологетов любого статус-кво. Был и остаётся.

Называя это издание «пионерским», необходимо сделать две оговорки. Отдельные работы Э. Гевары, связанные с тематикой национально-демократической революционной войны 1956–1959 гг., выходили в СССР в 1961 и 1974 г.¹; в 1968 г. был стыдливо (в Приложении к журналу «Новое время», с огромными купюрами) опубликован «Боливийский дневник». 20 лет спустя (перестройка?) впервые была опубликована в СССР теоретическая работа Че². Во-вторых же, несколькими годами позже вышел сборник³, включивший более десятка статей Че на экономическую и смежную (административную) тематику, который в принципе и мог бы считаться первым ознакомлением нашего читателя с теоретическими взглядами Че.

Беда, однако, в том, что переводы 1987 и 1990 гг. были зачастую достаточно низкого уровня, подчас искажающими смысл, порой — с произвольными сокращениями и, что уж вроде совсем было ни к чему, с ритуальными дополнениями и «округлениями». Кроме того, будучи по определению «однотемными», эти переводы, конечно, не ставили своей задачей дать представление ни о взглядах Эрне-

¹ Партизанская война. М. 1961 г.; «Эпизоды революционной войны», М., 1974.

² «Социализм и человек на Кубе», «Коммунист», № 12, 1987, с. 104–114.

³ «Экономические воззрения Че Гевары», М. 1990 г., перевод и редакция О. Горина.

сто Гевары, взятых в их целостности, взаимосвязи и эволюции, ни о личности самого Че.

В какой мере эту задачу выполнит данный том — судить читателю. Но то, что сама она, наконец, назрела, представляется сегодня очевидным. И не только потому, что невежество по отношению к фигуре, ставшей знаковой для сотен миллионов людей двух веков, не красит и не «внушает». Но в силу очевидного и интенсивного роста интереса в мире к революционеру, убитому четыре десятилетия назад. Интересы, пробудившегося, наконец, — парадокс истории! — и в нашей стране, судьба которой так восхищала и так тревожила Эрнесто Гевару сорок лет назад. Парадоксом стали при этом не столько внешние проявления этого интереса — они-то как раз сближают сегодняшнюю молодёжь России с нонконформистами (да и с частью конформистов) всего мира, — сколько другое: несоответствие растущей популярности Че — и господствующих представлений о кладбищенской политической стабильности в современной России. Так или иначе: откладывать знакомство с подлинным Эрнесто Геварой до момента, когда миллионы россиян достигнут социальной зрелости Европы и Латинской Америки, не стоит. Во всякой случае — поскольку речь идёт о думающей и чувствующей, социально ответственной части нашего населения. О тех загадках и неожиданно-стях, с которыми это познание связано — кое-что в других статьях.

Теперь пришло время сказать о структуре самой книги. Подчеркнём, что речь ни в коей мере не идёт о чём-то, подобном «Собранию сочинений» — пусть и неполному. Начнём с того, что «ПСС» Э. Гевары вообще не существует. Что же имеется в наличии?

I. Два «общедоступных» издания работ Э. Гевары, вышедшие на Кубе в 1970 (двухтомник) и 1977 (9-томник) годах¹. Второе — более полное, чем первое.

II. Издание «*El Che en la revolucion cubana*», подготовленное в Министерстве сахарной промышленности Кубы ближайшим помощником Че Орландо Боррего. В этот многотомник вошёл ряд объёми-

¹ Ernesto Che Guevara. «Obras 1957–1967». Т. I, p. 633; Т. II, p. 701; Ernesto Che Guevara. Escritos y discursos. Т. 1–9; 1977.

² Хотя кое-что из издания 1970 г. в него не вошло.

³ Боррего начал готовить его ещё в 1965–1966 гг. после «ухода» Че. Семь томов этого издания насчитывали более 3600 страниц (издание 1977 г. — менее 2600).

стных материалов, ранее не публиковавшихся, прежде всего — выступления Че на заседаниях коллегии руководимого им Министерства промышленности. Издание было напечатано ограниченным тиражом¹ для узкого круга партийного и идеологического актива, не переиздавалось и, отсутствуя в книжных магазинах и библиотеках, давно уже стало библиографической редкостью².

III. 4-томник (Ernesto Guevara, Opere), выпущенный издательством Фельтринелли в Италии уже в 1969 г. Пока — наиболее полное из «открытых» собраний сочинений Че.

IV. Изданные в 90-х годах в Испании и Италии «Заметки о Революционной войне: Конго», написанные Геварой в январе–феврале 1966 г.

V. Опубликованные тогда же «Дневники» Че, датированные 50-ми годами (те, по которым был снят нашумевший фильм 2004 г.).

VI. Опубликованные в 1987 г. в Буэнос-Айресе письма Че родителям (в Аргентину) «Aquí va un soldado de America».

VII. Значительная (возможно, большая часть «Пражских тетрадей»³ Че интегрирована в изданную в 2001 г. книгу О. Боррего «Огненный путь» («Camino del fuego»).

VIII. С 2000 г. Центр Че Гевары (Гавана), руководимый вдовой Че Алейдой Марч⁴, в сотрудничестве с издательством «Ocean Press» (Австралия) приступил к изданию ранее не публиковавшихся текстов Эрнесто Гевары. Часть из них уже опубликована в 2000–2003 годах, другая — выходит в 2005 и 2006 г.

IX. Несомненно, какие-то материалы хранятся непосредственно в архиве ЦК КПК.

¹ По разным данным — от 200 до 1000 экземпляров.

² Главная причина этой «закрытости» издания — многочисленные несовпадения с официальными догмами «марксизма - через дефис - ленинизма» и, особенно, критические замечания в адрес политики и практики СССР.

³ Заметки Че (1964–1966 гг.), упорядоченные им в период пребывания в Праге (март–июнь 1966 г.) и посвящённые в основном критическому анализу взглядов и практики советских экономистов. Именно эти заметки Че, уезжая в Боливию, поручил заботе О. Боррего.

⁴ Во второй половине 90-х гг. в архив центра впервые были допущены отдельные исследователи, работавшие над биографией Че (К. Таблада, И. Ли Андерсон, Пако Тайбо).

Х. Наверное, отдельный, хотя и не слишком объёмистый томик могла бы составить подборка стихов Че.

XI. И, наконец, многие фразы, высказывания, словечки Че разбросаны в воспоминаниях его соратников и современников.

Этот краткий перечень показывает, думается, насколько далеко отстоит данное издание от «Собрания сочинений» и от претензии дать полное представление о духовной жизни, об идеях погибшего революционера, которому сама вовлечённость в историческую практику почти не оставляла времени, чтобы организовать тот «немного более продвинутый, чем хаос (на первый или второй день творения)», мир сталкивающихся и перекрещивающихся идей, о которых он писал в 1964 г.¹

Стремясь расширить круг читателей, редакция приняла решение сузить число включённых в том материалов, в частности за счёт «военных» работ Эрнесто Че Гевары, переведённых у нас в СССР в 1968 и 1974 гг. и изданных тогда относительно большими тиражами. Наиболее трудным решением для редакции был, наверное, отказ от публикации (в новом переводе) полного текста «Боливийского дневника», однако выход в начале этого (2005 г.) года тома «военных работ» Че стал окончательным аргументом в пользу такого решения.

С другой стороны, те материалы Че, которые будут впервые опубликованы в 2005–2006 гг. (в частности, полный текст «Пражских тетрадей» и философские заметки), «Культурная Революция» предполагает издать в будущем году.

В итоге читателю предлагается книга, основой которой стал второй том кубинского издания 1970 г. (с не очень большими вычётами), дополненный некоторыми материалами издания 1977 г., итальянского издания (письма) и отрывками из публикаций последующих лет (издания О. Боррего, статьи К. Таблада и некоторые другие материалы).

¹ См. с. 559.

² Первый его том как раз и составляют «военные тексты», включая «Боливийский дневник».

³ Без раздела «Взгляд на национальную историю» и нескольких текстов из раздела «Международное значение Революции».

Материалы тома примерно поровну состоят из речей Че (в значительной мере «пропагандистского» и критического порядка) и его статей (в основном помещённых в журналах «Verde Olivo», «Cuba Socialista», «Nuestra Industria»). В первоначальном варианте принят хронологический принцип расположения материала¹. Разнородность тематики в какой-то мере компенсируется при этом возможностью проследить определённую эволюцию интересов, акцентов и решений Че — при преемственности основных подходов и идей².

Все переводы сделаны заново³, при этом в нескольких статьях по экономической тематике сохранены большие фрагменты переводов, осуществлённых О. Гориним в 1989–1990 гг. Сверка и первичное редактирование переводов, а также работа над научным аппаратом проведены К. Майдаником; им же написано предисловие.

Редакция выражает глубокую благодарность Алле Тарасовне Белоконь за самоотверженную работу по перепечатке материалов.

В букве испанского текста (особенно это относится к речам) порой «отсутствуют», но подразумеваются и соответственно воспринимались кубинскими (латиноамериканскими) слушателями отдельные слова, обороты и чуть ли не строчки; немало намеков на известные им (и читателям) события — или поговорки. Для облегчения восприятия текста русскоязычными читателями в этих случаях «пропущенное» фигурирует в квадратных скобках. Иногда приводятся и термины, использованные в подлиннике.

И последнее.

«Послание» Эрнесто Гевары настоящему и будущему, его собственной — и последующей исторической эпохе; «тайна» его воздействия на эти эпохи — в неразрывном и едва ли не уникальном един-

¹ В изданиях, о которых шла речь выше, используется тематический или смешанный — хронологически-тематический — принцип.

² Что неизбежно ведёт к достаточно многочисленным повторениям.

³ В подготовке к печати этого сборника речей, выступлений и писем принимал участие коллектив переводчиков в составе: Е. Воронова, К. Майданик, Н. Марчук, М. Морозова, А. Пятаков, А. Тарасов, С. Терехов, А. Харламенко, Е. Харламенко.

стве трёх «составляющих»: жизненного пути, личностных качеств и идей. Каждый из этих векторов — мысли, действия и этики — усиливал друг друга; каждый может быть по достоинству понят и оценён лишь в сочетании с другими. О чём, думается, стоит помнить каждому, читающему эту книгу, хотя подавляющее большинство её страниц говорит лишь об одном из этих трёх слагаемых.

Предисловие

Чтобы избежать разочарования и упреков тех, кто решил начать чтение «Избранных работ» Эрнесто Гевары со вступления, должен предупредить: разговор не пойдёт ни об уникальной личности Че, ни о его жизненном пути — до и после его физической смерти. Об этом я уже писал — и несколько десятилетий назад, и совсем недавно¹; эти же сюжеты затронет — по замыслу — и эпилог книги. Здесь же хотелось бы сказать о том, что и является по существу основным содержанием данного тома: о мире идей Че, о Геваре-теоретике. Сказать «до» — именно для того, чтобы имело место «после», чтобы недоумения и предрассудки не стали непреодолимым препятствием для потенциального читателя раньше, чем он начнёт знакомиться с книгой. Или «споткнётся» на первой сотне её страниц.

Писать предисловие к любой книге «статей, выступлений и писем» — всегда дело сложное: слишком легко сбиться на пересказ и таким образом «сплющить», обеднить её содержание и тем самым — помимо прочего — лишит читателя радости первой личной встречи (и притупить его интерес к ней).

Применительно же к наследию Эрнесто Гевары — как и иных марксистов прошлого — трудность эта усугубляется и тем, что в современной России марксизм не в моде. И потому, что им (пародией на него) значительная часть читающего населения была в свое время перекармлена (кстати, это в полной мере относится и к соответствующим предисловиям). И, что важнее, в силу того, что истины XIX — или XX века — по распространённому мнению (во многом справедливому) сегодня перестали быть таковыми. (А ведь многие марксизм и за бывшую истину не почитается). Постмодернисты теоретически отрицают научную ценность любых «тотализирую-

¹ См. «Эрнесто Че Гевара, его жизни, его Америка». М. 2004 г. (особенно с. 13–22, 112–132, 135–141, 354–382); «Свободная мысль», 2003 г., № 9, с. 44–55.

щих концепций», «меганарративов», а нормальные люди точно знают, что читать стоит только детективы и рекламные объявления.

Спрашивается: зачем же (в переводе на нормативную лексику) сегодня тратить время на автора, убеждённого в истинности марксизма, в его объяснении мира и его прогнозах на будущее. А убеждённость эта, сначала — романтическая (найденная, наконец, истина), потом — как реалистическое руководство к действию, впоследствии — «аналитическая» и, наконец, стоическая — пронизывает всё, что было написано, сказано, сделано Эрнесто Геварой (никогда, правда, не превращаясь для него в догму раз навсегда познанной истины. «Но об этом — потом»).

Так уж лучше, — говорю о тех, кто не уверен, что Че — это кличка бандита, людоеда, кровожадного фанатика, авантюриста-террориста, персонажа комиксов и т.п.¹ — почитать о жизненном пути легендарного революционера через страны и континенты, о его делах — на войнах и вокруг власти (один «уход» из неё чего стоит!), чем о сказанном и написанном им. И даже сам взгляд Че — с тиражированных футболок, платков и постеров — наверняка более впечатляющ, чем изложение его взглядов. Да и вообще, что понимал в теории и что мог дать теории Гевара — самоучка, дилетант, любитель поговорить и пострелять? И что, мы не знаем, чем «всё это» закончилось, — и для него самого, и для теории, и «вообще»? А, стало быть, и предисловие, оно — ни о чём, вроде тех, которые писались у нас для томов больших и малых вождей в прошлые десятилетия — хоровод вокруг пустого места...

Я намеренно смешал воедино голоса россиян разных настроений и поколений. И должен признать, что некоторые страницы книги могут вроде бы цитироваться в подтверждение рулад этого хора. Верно и то, что даже в «Большом мире» из «триады» послания Че: личность, путь, идеи — последний компонент не являлся и не является ни наиболее известным, ни самым мощным — по силе, долговременности и массовости воздействия.

Но вместе с тем именно этот, идейно-теоретический, вектор Послания придаёт остальным двум историческое объяснение, подлинный исторический смысл, «знак» перед абсолютной величиной. Без него меньшей становится и сама эта величина; вне этого компонента легче воспринять — или изобразить — Гевару лишь как «геро-

¹

Взято из отечественных mass media.

ического партизана» или современного Савонаролу; искателя приключений, «не способного к созидательной деятельности» или донкихотствующего мечтателя¹.

Или — жёстче: Эрнесто Гевара, лишённый «пути» (реальной биографии, жизненных «выборов») — это честный, талантливый политик, организатор, пропагандист лево-марксистского толка, не чуждый теоретизирования, не удовлетворённый ритуальными ответами на «проклятые вопросы» реальной жизни.

А Че вне своего теоретического поиска — герой; что-то вроде Чапаева глобального масштаба; человек действия, последовательно противостоящий и «мировому империализму» и — объективно — выжидающему («зрелости предпосылок») большинству в рядах своих «вроде бы единомышленников».

Но лишь соединение одного с другим придаёт полнокровный смысл и тому, и другому, мысли и действию; позволяет понять глубину, смелость и — через несколько опосредующих звеньев — актуальность его теоретического поиска. И конечный смысл того, что стояло за многообразием интересов Че и географией его передвижений по глобусу, за бескомпромиссностью его требовательности к себе и соратникам, за его сегодняшней востребованностью².

И точно так же можно наверное сказать, что сугубо незаурядные личные качества Эрнесто Гевары, так выделявшие его из числа сверстников³, могли воплотиться и в совсем иной биографии (врача или исследователя, путешественника, благородного бандита или тайного агента) — если бы не то воздействие духовного (теоретического) поиска, которое в огромной мере определило выбор пути. Пути, придавшего этим качествам ту огранку, которая и создала образ Че, третий и, быть может, самый долгосрочный компонент «триады»...

¹ Каждое из этих определений содержит крупницу — или увесистый кусок — истины. Но даже объединённые вместе представления об истинном Геваре они не дают.

² Об этом см. «Свободная мысль», 1998 г. — № 7 (с. 38–50) и 9–12 (с. 92–99); 2003 г. — № 9, с. 53–55.

³ Такие, как культ правды и дела (противопоставленного пустословию), безразличие к материальным благам и страсть к чтению и познанию или абсолютность самостоятельности выбора, нонконформизм, сочувствие чужому страданию, редкое личное мужество и упорство (воспитанные астмой и страстью преодолеть налагаемые ею ограничения).

Все это и возвращает непосредственно к проблеме формирования взглядов Эрнесто Гевара, к общей оценке идейно-теоретического наследства Че.

Стоит, пожалуй, начать с того, что медик по университетскому образованию Эрнесто Гевара с раннего детства (астма!) и до последних (буквально) дней жизни и борьбы был одержим жаждой знания¹). И прежде всего был страстным читателем и почитателем книг²). Наверное, большую часть написанного им составляют выписки, заметки, словари (философский и др.), которые оседали у него после чтения и размышления о прочитанном. Определённое представление об этом даёт список авторов, книги которых прочитал Че в последние месяцы своей жизни — в Конго, Танзании, Праге, на Кубе (август — октябрь 1966 г.) и в Боливии³), между боями и между двумя войнами.

Когда Эрнесто (Тете) Геваре было 15 (или 16) лет, в этом «широком бредне» (испано- и франкоязычном) впервые оказались работы Маркса и Энгельса. Мало что поняв в них тогда, он вернулся к Марксу (и встретился с Лениным) четыре года спустя, в университете. И хотя на этот раз Гевара разобрался в содержании прочитанного и даже поставил Маркса в один ряд со всегда высоко ценимым им

¹ Символами этого могут служить и ночные министерские семинары по «Капиталу», организованные Че и — ночные же — классы по высшей математике, и тома книг в боливийском рюкзаке Че (опытные туристы оценят это по достоинству) — тексты Райта Миллса, Лукача, Троцкого, стихи Л. Фелипе и др.

² Об этом вспоминают все, кто знал его; книга, а не оружие в его руках — атрибут всех описаний Че в мемуарах о «его» войнах, о его встречах со знаменитостями и т. д.

³ В списке значатся Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, Сталин, Мао, Меринг, Плеханов, Дж. Рид, Малькольм Х. [США], Мондольфо [Италия], Лукач, Альтюссер, Райт Миллс. А также Клаузевиц, Гегель, Хосе Гаос [испанский философ], Джордано Бруно, Эразм Роттердамский, Лукреций, Гомер, Х. Марти, Шекспир, Гёте, Ф. Гарсиа Лорка, Х. Гойтисоло, Болеслав Левин (биография Тупак Амару), Х. Кортасар и многие другие. Список заканчивается — уже в Боливии — Ф. Ницше («Секретные силы»).

Фрейдом — решающей, «озаряющей» эта встреча в ту пору (1948 г.) не оказалась. Специфическая, связанная прежде всего с феноменом перонизма ситуация в Аргентине (на стыке десятилетий) не способствовала «открытию ставен в собственном доме». Ни через осмысление социальной борьбы в стране, ни через личное участие в борьбе политической Гевара «выйти на Маркса» тогда не мог¹⁾. А «на веру» он уже в те годы ничего не принимал.

Восприятие марксизма как «своей истины», ответа на свои вопросы пришло к ироничному аргентинцу позднее — в ходе и в результате его странствий 1950–1953 гг. по Латинской Америке. Они и послужили для него тем личным опытом, который превратил знания, данные чтением, — в мировоззрение. Важно подчеркнуть, что Гевара пришёл к марксизму индивидуально — и через первоисточники (не «за компанию» и не через учебники). Пришёл, ведомый двумя главными импульсами — гуманистическим (социально-гуманистическим), от непримиримости к «страданию бедных», к угнетению, к попранию и утрате человеческого достоинства — и антиимпериалистическим (антисевероамериканским²⁾). И находя в марксизме очевидный ответ на все «почему?», «кто?», «против кого?» и «как?» (революция), вытекающие из этого «кипения возмущённого разума».

К концу 1953 г. в Гватемале 25-летний Эрнесто Гевара осознаёт себя революционером — и социалистом. Ещё через год в письме к матери (из Мексики³⁾) непочтительный скептик и постоянный спорщик пишет о своих коммунистических убеждениях. Первый этап поиска заканчивался. Путь к своей истине был долг, зато, как показало будущее, основателен. Но, отнюдь не завершён: сразу же — сначала в Гватемале, затем в Мексике, в одиночку, совместно с подругой⁴⁾, потом — параллельно с военной подготовкой (с Кастро и его

¹ Немалую роль в этом сыграли и особенности Компартии Аргентины — оплота «догматизма и начётничества», практики «объяснения мира» — в противовес изменению его — в коммунистическом движении региона.

² Это, очевидно и был первичный импульс, который превратил бегемистого книжника — бродягу, «ни в малейшей мере не участвовавшего в политической и студенческой борьбе в своей стране», в бунтаря.

³ См. с. 556.

⁴ Потом — женой (Ильда Гадеа).

соратниками) Эрнесто Гевара, с середины 1956 г. уже — Че, углублённо изучает марксистскую литературу, включая тексты по философии и политэкономии.

О становлении Гевары (Че) — марксиста дают представление некоторые из писем, публикуемых в третьем разделе тома. И известный, едва не ставший фатальным для судьбы революционера эпизод, когда вопреки жёстким указаниям Фиделя Кастро аргентинец на допросе в мексиканской полиции (после ареста) утвердительно ответил на вопрос «есть ли тут марксисты?» («Я не мог солгать», — объяснил он потом Фиделю¹⁾).

Таким — убеждённым и «самостоятельно пришедшим» к своему мировоззрению марксистом — вступал Че в Кубинскую революцию. Вступал «левофланговым» 82-х с «Гранмы»...

Два года вооружённой борьбы сыграли свою роль в становлении Че как марксиста (и коммуниста). Оно происходило в ходе первого общения Че с реальностями социальной борьбы (крестьянства) и борьбы внутривластной, через нараставшую интенсивность его связей с кадрами компартии (PSP) — и, опять-таки, через чтение и чтение²⁾. К этому времени относится, по-видимому, и рождение осознанного антидогматизма Гевары, и ригоризм его «стиля», и эскиз того, что через пару лет станет по существу теорией латиноамериканской революции. Возможно, что именно тогда, в годы, которыми не датируется ни одна из включённых в этот том работ, приходит к Че и сознание необходимости гораздо более углублённого, а, быть может, и критического усвоения марксизма — во всем реальном многообразии его тенденций... Но все это пока — между прочим, между боями, в которых Гевара участвует как постоянный боец авангарда, лучший командир Повстанческой Армии, ближайший помощник Фиделя (особенно в 1958 г.).

¹ «Я хотел обругать его — говорил Фидель сорок лет спустя дочери Че — но когда я его увидел, и он мне сказал это («не мог лгать») — знаешь, что? Я его понял потому, что твой папа был таким...» (См. N. Kohan, *op. cit.* p. 268)

² «Я спросила его, сделаны ли буквы (заголовка книги, которую читал Че) из золота», — вспоминала подруга Че (крестьянская девушка из Сиерры) Соила Родригес. — «Он рассмеялся и сказал: это книга, она о коммунизме». «А я была слишком застенчива, чтобы спросить его, что это значит — ведь я никогда прежде не слыхала этого слова.» (см. Jon Lee Anderson, *Che Guevara, A revolutionary life*, New York, 1997, p. 312).

В первый год после победы Революции Че, подчиняясь тактической линии Фиделя, практически не выступает ни как марксист, ни вообще как «теоретик слова». Его теория — в его делах, он — на «острие копья» перерастающей, «перманентной» кубинской революции и её полномочный представитель в «третьем мире» (затем — в странах «реального социализма»).

Ситуация в данном плане довольно резко меняется в 1960–1961 гг.

С одной стороны, Че учится — в промежутках между все (почти все) поглощающей работой по развитию кубинской промышленности — с большей интенсивностью и напряжением, чем когда-либо в прошлом. Семинары по «Капиталу» — в правительстве и Министерстве промышленности. Чтение — сквозное — классиков марксизма. Знакомство с работами Троцкого, Альтюссера, польских экономистов и североамериканских марксистов.

С другой, именно Че становится провозвестником и теоретиком перерастания Кубинской революции: за много месяцев до «официального» объявления о её социалистическом характере (16 апреля 1961 г.), он по существу уже говорит об этом — и на Кубе, и в Москве (в частности в Колонном зале Дома Союзов), избегая лишь самого слова-определения.

Все эти годы Гевара продолжает начатый ранее теоретический анализ Кубинской революции, обеих её фаз (до — и после взятия власти), её уроков для Латинской Америки, развития её новых международных связей.

Впоследствии многие его выступления посвящены экономическим, «административным» идеологическим («воспитательным»), в меньшей мере — политическим¹⁾ проблемам социалистического строительства на Кубе.

И, наконец, уже тогда — через начавшуюся (в 1961–1962 гг.) полемику в левом движении региона — Че выходит к проблематике, которой суждено будет стать главной, узловой в «его» марксизме: к вопросу о соотношении объективных условий — и действия истори-

¹⁾ В конце 1961 — начале 1962 гг. Гевару, как и большинство других лидеров и активистов «Движения 26 июля», оттирают от политики (ревизионист!) выходцы из традиционной компартии (PSP) — это тот самый сектантский (и «копирующий») уклон, с упоминаниями о котором читатель не раз столкнется в тексте.

ческих субъектов; о роли личности сознания в выборе исторической альтернативы, к теме революционного гуманизма...

Не касаясь прямо содержания написанного и сказанного Че в эти годы, подчеркну лишь два момента. Это — решающее значение его работ для понимания истории — Кубинской революции, Латинской Америки 50—60-х годов, дискуссий в её освободительном движении¹⁾. И то, что мысль Гевары постепенно, но неуклонно движется к границам тогдашнего «официального марксизма»²⁾ («марксизма-ленинизма», через дефис); по-существу вступая уже в противоречие с некоторыми — тоже официальными — его новациями 50-х годов³⁾ и находя точки (потом — плоскость) опоры в «активистском» марксизме первой трети века. Подобная двойственность теоретической эволюции («движение без выхода за пределы») в значительной мере была обусловлена реальным, поступательным развитием событий на Кубе, в Латинской Америке и во всем мире⁴⁾ в 1959—1961 гг. (восходящая — все еще! — ветвь альтернативного капитализму и колониализму процесса). В свою очередь ситуация эта давала Геваре возможность непротиворечиво объяснять и анализировать это развитие⁵⁾. Отражением создавшейся ситуации и стало то сочетание «оптимизма воли» и «оптимизма разума», которым проникнуты выступления и статьи Че в 1960—1961 гг.

Конец 1962 г. и, особенно, 1963 г. приносят изменение этой ситуации: читатель без труда убедится, в том, что в эти годы общие теоретические поиски Че выходят за границы «марксистско-ленинского» единомыслия; согласия — пусть и не провозглашаемого вслух

¹ Подробнее позиция Че в этой дискуссии анализируется в статье «Революционер», опубликованной в 1977 г. («Латинская Америка», № 6, с. 128–144).

² Имеется в виду версия, «катехизированная» во второй половине 30-х годов, лёгшая в основу «учебников» 50–60-х (которые тоже не раз фигурируют в текстах этой книги) и по сути сохранившаяся до 80-х годов.

³ Которые одним представлялись ревизионистскими, другим — как «истина по определению», третьим — как «творческие», четвёртым — евроцентристскими.

⁴ В хронологическом центре этого периода — полёт Гагарина и Плайя-Хирон (апрель 1961 г.)

⁵ См. Пако Игнасио Тайбо II «Гевара, известный также как Че». М. 2000, с. 408, 436–437.

— с постулатами внешней политики СССР¹⁾. С 1963 года Гевара вступает в ту «экономическую дискуссию», которая окончательно определяет его место во «внутримарксистской» идейной борьбе и трактовке теории.

Еретическое, бунтарское, стоическое начала в его теоретическом мироощущении окончательно становятся ведущими, что делает ещё более бескомпромиссным «оптимизм воли» революционера — строителя, мыслителя, а впоследствии — снова бойца.

Конечно не только — и не столько — «теоретическое чтение» (ночное) объясняет этот сдвиг²⁾. Главным стимулом новых «поисков и находок» служил ход событий, ситуация «встречного боя» (1962–1968), сменявшая фазу поступательного подъёма освободительного движения и альтернативного развития (в регионе и мире). Планы латиноамериканских революционеров (1962–1963 гг.) остаются нереализованными.

В дни и недели Карибского кризиса США жёстко обозначают границы своего отступления, а СССР — границы своей поддержки революционных движений региона и (по убеждению Че) мира, что заставляет Гевару взглянуть на стратегию мирного сосуществования по-иному, чем год-два назад. Сомнения в правильности курса строительства нового общества в СССР (и в переносе его на Кубу) становятся все более глубокими и «теоретичными», [постепенно перерастая в уверенность «*po es eso!*» («это не то»!) — и в разработку соответствующей альтернативы].

Раскол мирового коммунистического движения воспринимается как свершившийся факт. На самой Кубе стихийный стремительный рост сознательности народных масс замедляется³⁾, наталкиваясь — на разных уровнях — и на «свойства человеческой природы», и на трудности снабжения, и на неистребимость бюрократии, и на влияние советских учебников...

¹⁾ Достаточно сравнить его заметки «О стратегии и тактике латиноамериканской революции» (с. 283–296) с апрельской (1961 г.) статьёй в «Verde Olivo» или с телевыступлением 8 января того же года.

²⁾ Исключением в данном плане могло быть знакомство Че с марковскими «Экономико-философскими рукописями 1844 г.» — вот уж где открылись «ставни в собственном доме»!

³⁾ Во всяком случае — за пределами экстраординарных ситуаций (апрель 1961 г., октябрь — ноябрь 1962 г.).

Перед лицом всех этих проблем и их возможных альтернативных решений¹⁾ выбор Че — и на практике, и в теории — определяется «оптимизмом воли», стремлением до конца использовать и наращивать не иссякший пока импульс «подъёма» (революции)²⁾, и возможности сознания (субъективного фактора) воздействовать на развитие событий...

Мне уже приходилось писать³⁾ о том, насколько этот подход, эта ментальность соответствует пафосу ленинизма — от постановки Лениным проблем революции 1905 г. («долг партии — научить революцию») до его предсмертного анализа закономерностей Октября («О нашей революции»). Вместе с тем у Че установка на отказ от фетишизации материальных предпосылок развития и объективного фактора в целом, категорическое неприятие установки «ждать, пока...» — сочеталось с максимальным влиянием к проблеме личности, её роли и возможностям в революционном процессе; личности, как средству и как главной цели революции (разотчуждение).

И «антиатлантический», и революционно-гуманистический комплексы Че определяют его объективную принадлежность тому течению марксистской мысли, расцвет которого пришелся на первую треть XX века⁴⁾. Связанное с именами Р. Люксембург и А. Грамши, Х. Мариатеги и А. Понсе, Л. Троцкого и Д. Лукача⁵⁾ течение это к

¹ Ждать новых, благоприятных объективных сдвигов (от развития производительных сил в соцстранах — до экономических потрясений на Севере). Сознательно отступить, приспособить к новой ситуации политические и тактические установки и др.

² Решающее, принципиальное значение имела в этом плане поддержка Вьетнама; победа которого должна была — помимо прочего — опровергнуть обязательность выбора между статус-кво и Третей Мировой войной.

³ См. «Ультралевые течения в национально-освободительном движении стран Азии, Африки и Латинской Америки», М. 1975. т. II, с. 184–186; 219–225, «Латинская Америка», № 6, 1977, с. 130–131.

⁴ Объективную, поскольку путь Че к этим установкам был совершенно самостоятельным, что связано с его специфическим и спасительно поздним (а потому — автономным) приходом к марксизму в целом; «спрямления», искажения этого пути через «Краткий курс» не имело место; «онтогенез аргентинца» повторял филогенез марксистской мысли XX века.

⁵ Об этой «генеалогии» Че — теоретика см. интереснейшие материалы в книге Н. Когана (op. cit. pp. 12–43, 73–122)..

середине 30-х годов сходит (точнее — было сведено) на нет — во всяком случае в рамках «официального» коммунистического движения. На смену его поискам пришло обоснование *post factum* «генеральной линии» (и зигзагов сталинской политики) и катехизис «краткого курса». Но и 20 лет спустя «оттепель» 50-х данное течение не воскресила (в тех же рамках). Ни официальные новации XX съезда, ни нео-догмы маоизма, ни полуеретические построения левых структуралистов (Альтюссер и др.), ни лево-либеральные и либерально-гуманистические поиски складывающегося евро-коммунизма не отвечали — или прямо противостояли — установкам революционного гуманизма («активизма», «философии и практики»). Иначе говоря — идейных союзников, «резонансную камеру» в основных течениях коммунистического движения (и мысли), эволюционировавших в 50–60-х годах в разные стороны от революционного марксизма, Че обрести не мог. Но это до определенной степени компенсировалось более интенсивным, чем когда-либо поиском плоскости опоры в наследстве мыслителей прошлого (см. выше). А, с другой стороны — тем откликом, который нашло послание Че в «неокоммунистической» и некоммунистической левой¹⁾ и, особенно, в новых, послевоенных поколениях (что в полной мере выявилось уже после смерти Гевары).

Впрочем об этом, наверное, расскажет эпилог книги. Во вступительной же статье отмечу, что этим, «гуманистически-активистским» посылом проникнуты почти все материалы второго и третьего разделов книги; и поисковая их часть, и те выводы, к которым приходит Гевара в 1964—66 гг. Выводы, отмеченные неизменным культом правды (освобожденной от чужих «табу» — и собственных иллюзий), героическим стоицизмом и все тем же «оптимизмом воли». («Lo haré»...)

Таковы те основные посыпки и «направляющие», вокруг которых складывался «в голове» Че тот «мир перекрещивающихся, сталкива-

¹⁾ Включая экзистенциалистов, единомышленников Ф. Фанона, европейскую и североамериканскую «новую левую», сторонников Мандела — среди троцкистов и, главное, «повстанческую левую» Латинской Америки (и Африки).

ющихся, а иногда и организующихся» идей, которые сам он уподобил в известном письме (Ш. Беттельхейму) «хаосу на первый или второй день творения» (с. 559). Придать этому, к 1967 году — достаточно внутренне упорядоченному «хаосу идей» внешний облик, соответствующий хотя бы «пятому дню творения» Че не успел¹. И **цельность** — в глазах мира — его послания возникла уже как результат биографии Че, а не его теоретического творчества.

Общий же итог своих отношений с «философией практики» в «кубинские» годы Че Гевара подвел строчкой прощального письма (родителям). «Мой марксизм укоренился и очистился» — формулирует он единственную существенную разницу между собою 1956 — и 1965 гг.

Че и догмы

С учётом всего сказанного выше нет, думается, нужды возвращаться¹ к глубокомысленным суждениям о «дилетантизме» Гевары, о его «пренебрежении к теории», «склонности к демагогии» и т. п. Замечу — сугубо «в скобках» — что по своей натуре Че, конечно, был скорее «пропагандистом», чем «агитатором»; по общему правилу ему не очень нравилось выступать перед большими аудиториями и вообще там, где трудно было идти вглубь проблемы или вести дискуссию. И в этой связи хочется сказать немного об обвинениях Гевары в догматизме, повторении затертых и обветшавших лозунгов, непререкаемых истин, которые он напыщенно возвещает³...

Позволю себе длинную цитату — именно об этом «... В структуре мироощущения/ мировоззрения Че явственно проступают три слоя.

Ядро, жёсткий стержень ценностных ориентаций; аксиом, не предполагающих «внутренней дискуссии» — с собой и своими. Такие категорические императивы, как внутренняя свобода и личная ответственность, «не брать, а давать», единство слова и дела, интер-

¹ Хотя его тексты 1965–1966 гг., включая «пражские тетради» (1966 г. — см. отрывки из них на с.), над продолжением которых он работал на боливийских бивуаках, бесспорно были шагом в этом направлении.

² Во всяком случае — до знакомства с самими текстами Че.

³ Именно таким — увы! — он предстал при своём единственном появлении на сцене отечественного театра (Вахтанговского) в 70-х годах.

национализм мысли и действия — и далее по киплингговскому «If». Убежденность в том, что капитализм — это строй эксплуатации, отчуждения, унижения достоинства личности и народов — и высшей экономической эффективности; в том, что революция — сознательное творчество масс, состоящих из личностей — представляет собою путь решения критических проблем человечества и т.п. Иными словами — все, что касалось конечной цели борьбы и своего места в этой борьбе.

Второй слой — это идеи в истинности которых сам Че был в данный момент совершенно уверен, которые он отстаивал в дискуссиях, но которые не представлялись ему аксиомами, нуждались в обсуждении и проверке — окончательной проверке — практикой. Которые он нередко сам же и ставил на обсуждение (концептуальные проблемы стратегии — путей революции и строительства новой жизни).

И, наконец, третий... Те суждения, которые были изначально открыты для обязательной дискуссии; «зоны эксперимента»; решения, по которым вердикт практики заведомо может оказаться негативным¹⁾. Но которые нельзя откладывать на снимающие сомнения завтра; нельзя, исходя из (не подлежащего обсуждению) чувства личной ответственности перед этим самым завтра.

В целом же теория, адекватно отражающая действительность (и альтернативные пути её развития), была для Че важнейшей целью поиска, а не уже готовым фундаментом (и каркасом), подлежащим систематическому освежению новым опытом. А путь к этой цели требовал постоянного мыслительного усилия и отсутствия шор.

Можно спорить о том, в какой мере подобная теоретическая (да и психологическая) открытость связана с особенностями индивидуального пути Эрнесто Гевары к марксизму²⁾ — или с чётким (и объявленным)³⁾ осознанием неполноты своих знаний и незавершённости анализа и концепций, или вытекала из его убежденности в принципиальной невозможности адекватного представления об окружающем мире в рамках раз навсегда познанной и провозглашённой [тем

¹⁾ Может оказаться, что «estoy comiendo mierda» — нередкая формулировка Че в этом контексте.

²⁾ См. выше.

³⁾ О себе Че говорил как о «теоретике не из крупных» («no soy teorico de gran talla»).

менее — назначенной] истины... Но сам факт воинствующего и органичного антидогматизма Че несомненен: недаром ещё в 1962 г. он призывал молодёжь относиться к классикам «со смесью почитания и непочтительности»¹⁾... И как всегда «проповедуя примером», Че критиковал не только конкретные ошибки Маркса-журналиста, но и решения им (и Лениным) некоторых коренных вопросов теории — и стратегии (социалистического строительства).

Ну, а об общем отношении Че к дискуссии и теории, читатель может судить по его письму Х. Медеро Местре (с. 551–552)²⁾. Из двух наиболее частых вариантов поведения «неофита»³⁾ — догматического экстремизма (большого паписта, чем папа) и инерции многолетнего поиска, Че безусловно представляет второй. Иначе, наверное, и быть не могло. И с учётом того, что индивидуальный путь Эрнесто Гевары к марксизму стал своего рода равнодействующей влияния нескольких культурно-политических сред, воздействия марксистской мысли трёх регионов, нескольких «типовых мотивов» идейно-политического самоопределения (см. выше). И потому, что внутренняя свобода в выборе своего бытия и своего сознания с ранней юности была его основополагающей максимой: киплингowski «If» трудно сочетается с отчуждением мысли.

Сознание (Че) и бытие (его мира)

Признаю, однако, что у тех, кто познакомится непосредственно с выступлениями и статьями Че, могут возникнуть определенные недоумения (и сомнения) насчёт сказанного в предисловии. Да и по поводу самих текстов — их отбора и некоторых акцентов, «ранящих слух» в свете нынешних представлений — и того, что мы знаем об истории истекшего десятилетия.

¹⁾ «Свободная мысль», 1998, №7, с. 46–47.

²⁾ Характерны в этой же связи последнее указание Че-министра: опубликовать в журнале его министерства статью своего оппонента (см. с. 497–498) — и его письмо А. Харту (с. 505–509). Автор предисловия имел счастье лично убедиться, что декларированным положениям Че на этот счет полностью соответствовала его «практика» (см. К. Майданик, цит. соч. с. 16–20).

³⁾ Напомню, что Гевара идейно-политически «самоопределился» лишь на двадцать шестом году жизни.

Так может вызвать недоумение публикация в данном, «теоретическом» томе нескольких статей, рассказывающих о становлении и структуре государственных (и общественных) институтов на Кубе в 1960–1963 гг. Материалы эти преимущественно посвящены административно-технической тематике и, строго говоря, со стержневыми проблемами идейно-теоретического поиска Че связаны лишь опосредовано.

Но вот для характеристики личности Че (и в качестве источника по истории Кубы) они важны, отражая его «рабочие качества», давая какое-то представление о деятельности, которой «товарищ министр» отдавал львиную долю своего времени и сил в послевоенные годы на Кубе. И — походя — разрушая дух и букву измышлений о «романтике, чуравшемся повседневной практической работы, тяготившимся ею, неспособном к ней».

Другая из возможных претензий связана с повторениями. Почему столько раз об одном и том же, столько раз — одно и то же? (Это касается в первую очередь анализа особенностей, закономерностей, истории революционной вооруженной борьбы на Кубе — и в Латинской Америке).

Стоит, однако, учесть, что не сам Че готовил свои «собрания сочинений»; он был лишен возможности отбора и сокращения текстов (некоторые из них Гевара вообще не видел опубликованными...) Ещё важнее другое: как победа Кубинской революции, так и её поворот на социалистические рельсы стали для большинства полной неожиданностью, а для «сознательного меньшинства»¹⁾ — ересью, противоречащей всему, чему их обучали, каноническим текстам... В этой ситуации выступления Че снова и снова разъясняли кубинцам (и пробудившимся массам региона), что и почему произошло с ними... И одновременно эти объяснения должны были «агитировать», подготавливая кубинцев к последующему развитию революционного процесса, а латиноамериканскую молодёжь — к тому, чтобы следовать путем Кубы. Между тем к основным теоретическим выводам по этой теме сам Че пришел несколькими годами раньше, ещё к концу войны... Отсюда, по-видимому, и повторения, тем более неизбежные, что и сам стиль Че — жёсткий, логичный, лишённый фиоритур и разговорных интонаций не способствовал семантическому разнообразию текстов, единых по своему основному содержанию.

¹⁾ Имею в виду прежде всего «коммунистов и сочувствующих».

Но критические суждения могут относиться и к самому этому содержанию, к «существу дела».

Первое из них касается «не оправданного и не оправдавшего» оптимизма прогнозов Че — будь-то уверенность в неизбежности революции в Латинской Америке и её победы или в неуклонном росте коммунистической сознательности народа Кубы; гипотеза о возможности — на этой основе — одновременного строительства социализма и коммунизма.

Другое — в связи с тем, что представляется многим главным парадоксом, противоречием, непоследовательностью — и далее по уничтожительной нарастающей — установок Гевары. Настойчиво подчеркивая «личность-центричную» систему своего «послания», своего марксизма; любовь (к людям) как непереносимое и основополагающее качество революционера, Че одновременно — и много раз — демонстрирует чуть ли не маоистское отношение к человеческим жизням, готовность принести на алтарь освобождения любые жертвы; превращает свою многократно доказанную способность к самопожертвованию в императив для миллионов. И подчеркивая необходимость готовности к лишениям, и требуя участия в добровольном неоплачиваемом труде, и призывая к вооруженной борьбе, которая — как он сам признает — неминуемо потребует «большой крови»... Как всё это совмещается с исходной посылкой — и императивом — гуманизма в «проекте Че»?

Подобное обличие «волюнтаристской, субъективистской, антигуманистической и т. д.» составляющей послания Гевары является общим местом либерально-реформистской (и ортодоксально¹⁾-коммунистической) критики в его адрес. Именно отсюда — считают некоторые из обличителей — вытекает еще один изъян «мира идей» Че: в нём, действительно, почти не встречается тема политической демократии и даже само упоминание о ней (см. ниже). Из всего этого и делается однозначный вывод: Гевара стремился «загнать народ в свой рай», вопреки его, народа, воле; навязать ему, народу свои утопии («нового человека» и т. д.) — если не физическим принуждением, то принуждением моральным, если не насильем, то силой («гипнозом») примера, но в любом случае — не желая считаться с реальными, сегодняшними настроениями, мироощущением, слабостями и т. д. большинства, с его правом на эти слабости...

¹ Имеется в виду «ортодоксия» 1956–1991 гг.

Ответ Че своим будущим критикам в значительной мере содержится в тексте книги. Дискуссия о проблеме «требовательности» — и «права на эгоизм» продолжается. Но кое о чём надо, по-видимому, сказать и в предисловии, используя преимущества, которые даёт нам историческая перспектива, взгляд из следующего века, знание того, что и как произошло за истёкшие сорок лет.

Во-первых, о мере оправданности «оптимизма интеллекта» — вначале и «оптимизма воли» — до конца.

Да, сегодня мы — и современники Че, дожившие до 2005 года, и те, кто родились уже после его смерти — точно знаем, что волна революционного движения в Латинской Америке, на исходе которой погиб Эрнесто Гевара, и следующая волна этого движения — на стыке 60-х и 70-х годов, и третья (центральноамериканская) его волна — разбились (за пределами Кубы), так и не прорвав до конца валы сопротивления статус-кво. Однако не заемным знанием из будущего руководствуются те, кто реально желают *изменить настоящее*¹⁾; объективная оценка степени их реализма (авантюризма, волонтаризма и т. п.) — требует сопоставления взглядов (и действий) «прогрессоров» с тенденциями их исторического времени. И с этой точки зрения «оптимизм воли» Че представляется совершенно оправданным, а оптимизм интеллекта (уверенность в возможности победы) опирался на вероятностный характер объективного прогноза на рубеже середины 50-х годов.

Как мне приходилось уже писать «в прошлом веке», главной чертой той, специфической фазы мирового развития²⁾, которая пришла на годы исторического действия Эрнесто Гевары (почти совпадая с ним во времени), была «глобальная ситуация высокого уровня альтернативности». Иначе говоря — максимальная выраженность — и напряженность, сила и подъём тенденции альтернативности мирового развития, которое пребывало (или во всяком случае — воспринималось, как пребывающее) в ситуации своеобразной бифуркации, относительного равновесия путей человечества в будущее. Ситуация эта возникла (возникала) как равнодействующая процессов послевоенного десятилетия (включая качественное ослабление обуславливающих возможностей центра мировой систе-

¹ А не ограничиваться объяснением её, призванным post factum служить оправданием собственного бездействия, его непогрешимости.

² Охватывающей — условно — период 1953/54–1968 гг.

мы¹⁾) — и того нового этапа альтернативного развития и освободительного движения, которым были отмечены 1956–1961 гг.

Это были годы, когда страны альтернативного развития — и прежде всего СССР (и КНР) — объективно доказывали свою способность к соревнованию с Западом — будь-то в космосе, в становящемся «третьем мире» или (пока ещё) на идеологическом и даже экономическом поприще. Годы максимальных темпов и напряженности антиколониальной борьбы (в Северной, а затем Тропической и Южной Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии), переросшей во многих странах каждого из этих регионов в борьбу за полную политическую независимость и свободный выбор пути развития. Годы начала второй национально-революционной войны во Вьетнаме и поисков новых путей антикапиталистической борьбы на Западе, созревания «гроздьев гнева» 1968 г...

На острие же этого, третьего за XX век подъёма борьбы против системного статус-кво²⁾ оказалась именно Латинская Америка, где закономерности и тенденции, порожденные ситуацией глобальной альтернативности развития, преломлялись и «умножались» импульсами, шедшими от ситуации «пика альтернативности» в развитии региона... Пройдя через свой «надир» в середине 50-х годов (символом чего для Гевары стали события в Гватемале³⁾) освободительные процессы в регионе вновь устремились из глубины к поверхности социально-политической жизни⁴⁾.

1 Связанное с результатами Второй мировой войны, начавшейся деколонизацией, складыванием «альтернативного блока» и решающими шагами к достижению им военно-стратегического равновесия. Отдельно надо отметить то обстоятельство, что капиталистические общества Запада и европейские страны альтернативного развития находились уже (и ещё) на качественно общем для них уровне социально-экономического развития (урбанизированные индустриальные страны...).

2 И первого из них, не связанного по своему происхождению с мировой войной.

3 В масштабах же региона в целом это и свержение (военными) популистских лидеров в Бразилии и Аргентине, перевороты (Батисты) на Кубе и Рохаса Пинильи в Колумбии и многое другое в том же роде.

4 И опять-таки Че (уже — Че) оказался на переднем крае этой динамики, открытой — в регионе — высадкой «82-х с “Гранмы”».

За боями в Сьерра-Маэстра последовали события в Колумбии и Венесуэле¹); рушились диктатуры, гибли или бежали диктаторы, вспыхивали очаги повстанческой борьбы... «Затянувшийся на десятилетия кризис структур (последний раз прибегну к «оптовому» самодитированию) вступал в свою решающую фазу... Возникла объективная возможность полярного решения комплекса проблем и противоречий «среднеразвитого зависимого капитализма». Эта историческая ситуация превращала народы далёкого (от прежних магистралей исторического прогресса), «экзотического» континента в современников и субъектов глобального развития. «Сто лет одиночества» остались позади. История и здесь обретала общечеловеческое дыхание, упиралась в глобальные структуры и новейшие проблемы мира, в равнодействующую решения которых Латинская Америка была призвана внести свой вклад — культурой, мыслью, действием...

Поэтому в отблеске борьбы героических десятилетий родилась великая латиноамериканская литература второй половины XX века. Поэтому переместился сюда (60-е годы) центр мировой марксистской мысли. И поэтому юноши 20-х и 30-х годов рождения вырастали здесь в революционных деятелей всемирного масштаба²...»

Цель этих, затянувшихся «воспоминаний и размышлений» об объективной ситуации в Латинской Америке и мире на стыке 50-х и 60-х годов прошлого века — в том, чтобы снять с Че обвинения в волюнтаристском субъективизме прогнозов и оценок. То, к чему он призывал и что он предсказывал, вполне вмещалось в рамки «объективно возможного». (См. с. 423). Тогда...

Но сказанное выше лишь частично отвечает критикам из лагеря «антиволюнтаристского гуманизма». Ибо они могут ответить, что в подобной ситуации как раз и не надо было вооружённой борьбой прищипывать ход событий. Раз объективные условия в целом — благополучно созревают, надо дожидаться полной их зрелости, а не форсировать ход событий кровью и жертвами...

Чтобы понять логику Че³), надо взглянуть на проблему с другой стороны. Даже с двух.

¹ Свержение (в 1957 и 1958 гг.) диктаторских режимов Рохаса Пинильи и Переса Хименеса.

² «Свободная мысль», 1998 г. № 8, с. 40.

³ Т.е. логику «спрямления» пути, форсированного «наращивания» объективных предпосылок под воздействием субъективного фактора развития.

Во-первых, механизм народной революции второй половины XX века¹, перерастания антиколониальных и антидиктаторских (а впоследствии и «либертарных» — а la 1968 г.) движений в борьбу за альтернативный — зависимости и капитализму — путь развития оказался иным, нежели соответствующие «механизмы», известные из истории 1917–1923 или 1944–1949 гг.² Теперь процессы перерастания были лишены той социальной, антифашистской или «компартийной»³ направляющей, которая в прошлом обеспечивала вступившему в бой авангарду поддержку широких масс и даже большинства. Возникали многочисленные факторы социальной и политической блокировки начавшегося процесса⁴. Они дополнялись внешней его блокировкой — народные революции зарождались и развивались в отдалении от евразийского ядра альтернативного развития (а в Латинской Америке — и в непосредственной близости от противостоящего ему полюса силы). Все это означало, что иницилирующая сила и деблокирующая роль субъективного фактора движения объективно возрастала (конечно, если думать о целях борьбы всерьез), превращалась в неперемнное условие победы движения.

Но было еще одно обстоятельство, заставлявшее революционеров «третьего мира» торопиться, подчас действительно жертвуя собой, своими товарищами, экономическими и иными интересами стран «альтернативного» («социалистического») блока. Речь идёт о той дискретности исторического развития, осознание которой пришло (в полной мере?) к Че после Карибского кризиса, трудностей и поражений, с которыми в 1962–1964 гг. столкнулись революционные и освободительные движения в Латинской Америке и Тропической Африке. Затем сознание это было усилено отмежеванием Че от теории и практики «реального социализма», расколом мирового коммунистического движения, «одиночеством Вьетнама». Возлагать в

¹ Характеристика этого типа революций и революционных движений содержится в коллективной монографии ИМЭМО «Развивающиеся страны в современном мире. Пути революционного процесса». М. 1986 (с. 248–249, 264–267; см. также Майданик К.Л., цит. соч. с. 143–146.)

² Там же, с. 260–264, 312–317, 330–332 и др.

³ Имеется в виду ситуация, когда компартия данной страны завоевывает гегемонию уже на этапе, предшествующем «развернуто-антикапиталистическому».

⁴ См. «Латинская Америка», 1977, № 6, с. 133–134.

подобной ситуации все — или главные — надежды на «поступательный ход исторического развития»¹⁾, не считаясь с вероятностью глобального перехода империализма в контрастступление и реставрации капитализма в Восточной Европе — значило для Че и его единомышленников предать интересы человечества и дело своей жизни. А жертвы, которых требовала борьба (если они станут результатом сознательного выбора народа) представлялись им — на фоне гекатомб в Алжире, Гватемале, Конго, Индонезии, Вьетнаме — тяжёлой, но неизбежной ценой освобождения, гарантией от будущих гекатомб...

О конкретике выводов, которые следовали — по Че — из данной, сложной ситуации середины 60-х годов в Латинской Америке и в мире, читатель узнает из самой книги... Задачу же предисловия я видел в том, чтобы обрисовать контуры той объективной ситуации, объективных тенденций её развития, в рамках которых шли поиски и делались выводы. Выводы, которые затем (реже — одновременно) осмысливались в рамках геваровского понимания марксистской теории.

Трудные вопросы

Думается, что проблемы «неоправданных оптимизмов» (разума и воли) Че, его «волюнтаризма» и субъективизма («нетерпения»), его проповеди «готовности к жертвам и крови» связаны друг с другом настолько тесно и органично, что любая попытка отделить их друг от друга (в жизни и при анализе) была бы искусственной. А вот с вопросом об отношении Эрнесто Гевары к проблематике политической демократии²⁾ дело обстоит, мне кажется, по-иному.

Верно то, что места для этой тематики в «хаосе идей» Че действительно не нашлось. Есть борьба против империалистического господства и диктаторских режимов, есть революции и национально-освободительные войны, личность и классы, борьба за землю и воспитание сознания, эксплуатация, отчуждение, единство Латин-

¹⁾ По сути — все то же «развитие производительных сил», под которыми с середины 30-х годов неизменно подразумевался лишь материальный их элемент.

²⁾ И со «смежной» темой об отношении революционеров, «народа» к течениям неревolutionной (лево-центристской, центристской, буржуазной) оппозиции.

ской Америки и народов «третьего мира», проблемы социалистического строительства и отношения между «Югом» и «социалистическими странами». А вот тематика политической демократии, проблемы и противоречия борьбы за неё отсутствуют начисто, хотя рядом с ними и вокруг них — множество вопросов, Геварой поставленных.

Соблазн намертво соединить этот изъян с проблемами, о которых шла речь чуть раньше, велик. И все же связь эта далеко не абсолютна, не безусловна...

Напомню: определённая маргинализация тематики политической демократии (и более широко — политического устройства общества) была свойственна в ту пору — вплоть до 1973 г. отнюдь не только Че и его единомышленникам, но и всему «mainstream» у общественной мысли региона.

Это потом, после установления на большей части территории региона «авторитарно-бюрократических» (квазифашистских) режимов — и в ходе борьбы против них — проблемы политического устройства и борьбы за политическую демократию оказались в центре внимания политики, науки, теории. При жизни же (физической) Че такими, фокусирующими проблемами были борьба против империализма — и пути социальных преобразований.

Как известно, в постколониальной Латинской Америке вопросы политического устройства, политических институтов и т. д. во многом стояли — и решались — по иному, нежели в Европе XIX–XX веков; с середины же прошлого столетия лозунги политической (электоральной) демократии чаще использовались правыми силами, чем реформаторами или революционерами. (Куба после победы революции была отнюдь не единственным тому примером).

С неоднозначностью, «запутанностью» создавшейся вокруг этой ситуации Эрнесто Гевара в полной мере столкнулся еще в дни своего отрочества и юности (феномен перонизма¹⁾); именно она в большей, чем какой-либо иной «единичный» фактор, обусловила особенности его политической биографии во второй половине 40-х и в начале 50-х годов...

¹ Авторитарный режим Перона проводил автономистскую политику по отношению к «Северу» и «социальную» — внутри страны (что обеспечило ему поддержку городской бедноты), с либеральными же лозунгами выступали олигархия — и интеллигенция. И посольство США (см. с. 535–536).

Все это надо, очевидно, учитывать, равно как и отпечаток, наложенный двумя годами вооружённой борьбы с её императивом максимальной централизации (и даже — персонализации) руководства. И все же... Десяток косвенных отсылок к проблеме на 500-х страницах, почти абсолютное игнорирование проблем послереволюционного политического бытия при огромном внимании теме политического сознания (и бытия социально-экономического) говорят, мне кажется, о реальном изъяне «мира идей» Че и как революционера, и как мыслителя¹⁾. И изъяне не случайном: он наложил отпечаток и на решение Геварой таких вроде бы далеко отстоявших друг от друга вопросов, как проблема «тактических (?) союзников» — и отношение к СССР²⁾.

В первом случае речь идёт о том, что в текстах Че вопрос о союзе — даже временном — с неревOLUTIONными группами и течениями оппозиции не ставится; более того, сама возможность такого союза отвергается — идёт ли речь о «буржуазии», оппозиционных военных, либеральных политических течениях и т. п.³⁾ Такие установки контрастируют с отсутствием каких либо моментов сектантства в идеологическом плане — или применительно к отношениям между левыми или в отношениях «индивидуального» и личностного плана.

Очевидно, что за этой линией — выводы, сделанные Че из опыта Аргентины, Гватемалы, частично — Мексики и, конечно, самой Кубы (1958–1961 гг.)⁴⁾. И прежде всего, сама фокусировка пробле-

¹ Объяснять ли это «зияние» тем, что проблема представлялась ему сугубо производной, «решаемой» формулами о «завоевании народом власти» или о праве трудящихся на полноту их участия в решении проблем (плана, производства и т. п.). Либо тем, что она ставила вопросы, к ответу на которые Че не был готов — потому, что они лежали на «обочине» его главных интересов или ставили под сомнение реалии Кубы 1960–1966 гг...

² Точнее: в обоих случаях стратегическая правота выводов Че, не опиралась на полноту анализа.

³ Речь может идти — по Че — лишь об индивидуальном приходе «выходцев» в революционное движение.

Имею в виду и отношения с антибатистовской оппозицией из Майами и Каракаса, и сложности в отношениях с «равниной», и попытку США в последний час «украсть плоды» вооруженной борьбы против диктатуры посредством военного переворота, и позицию либеральной буржуазии и правого крыла Движения 26 июля в 1959–1960 гг.

матики борьбы на завоевании полноты политической власти последовательно революционными силами, способными жёстко противостоять США и «спрямить путь» исторического развития. Вообще закономерностью большинства революционных (и «смежных») процессов XX века было сужение движения в его наступательной фазе и, напротив, расширение его (и его союзников) фронта — в ситуации обороны против абсолютизма, «белых», фашистов, империалистической агрессии и т.п. («Клин» versus «чаши»). И следуя — в фазе подъёма — этой линии на Кубе и в Латинской Америке Че не грешил против опыта и уроков прошлого: просто он «не хотел — и не умел — лгать»¹).

Вместе с тем императив завоевания и упрочнения политической демократии, сохранения и развития её институтов и ценностей бесспорно предполагал борьбу за широту союзов. Иными словами, установка исключительно на боевой союз единомышленников («левый фронт») — и игнорирование проблем политического плюрализма, электоральной демократии и т.д. оказывались достаточно органически связанными. В итоге стратегические выводы Че — и в вопросе об антиимпериализме латиноамериканской буржуазии, и относительно объективного характера победоносной революции в регионе — были подтверждены историей. Однако игнорирование (или маргинализация) проблем политической демократии и союзов (совпадений) с демократическими движениями центра (и «левого центра») — особенно в новой обстановке 70-х годов — облегчило наступление правой (и крайней правой). Обстановка менялась куда быстрее, чем установки...

«Невнимание» к проблематике политической демократии отразилось и на решении(ях) Геварой такой специфической, но весьма для него важной проблемы, как отношение к СССР — его прошлому, настоящему и будущему, оценке его роли в мире и для мира. Простым, прямолинейным это отношение и его эволюцию при всём желании не назовешь, в чём читатель этой книги и убедится.

В середине 50-х годов именно через интерес и восторженное отношение к странам «за железным занавесом» (прежде всего как противовеса империализму США) проходил один из магистральных путей Эрнесто Че Гевары к социализму и марксизму. Такие вопросы,

¹ Т. е. призывать к единству, держа в уме известную установку: «сегодня — союзники, а завтра посмотрим, кто кого расстреляет».

как сталинизм, XX съезд КПСС и т.п. для него, по-видимому, попросту не существовали¹⁾; пропасти между псевдореволюционной и псевдоинтернационалистической риторикой — и имперско-бюрократической практикой он не ощущал. И, вообще, он, по-видимому, руководствовался в те годы логикой: «слушай врага и знай, что истина — в обратном». Вся история СССР воспринималась им тогда как прямое продолжение Октябрьской революции (восторженное отношение к которой Гевара сохранял до конца жизни) и победы над фашизмом.

Это видение и эти оценки сохранялись и в годы партизанской борьбы, и в первый послевоенный год. А затем последовательно интернационалистская позиция, занятая СССР (Хрущевым) в отношении кубинской революции, большая и — в материальном плане — совершенно бескорыстная помощь, оказанная ей; поведение «sovieticos» на Кубе — все это еще более усилило элементы энтузиазма в отношении Че к СССР, его людям²⁾.

В 1960, 1961, 1962 гг. он действительно был едва ли не главным архитектором Кубинско-советской дружбы, председателем Общества дружбы Куба—СССР и т.д.

И все же задолго до Карибского кризиса восприятие Геварой ряда советских реалий становилось критическим³⁾. Сам же кризис, точнее позиция, занятая советским руководством на втором его этапе, превратила возникавшие сомнения в грустную уверенность: на смену романтике «братской солидарности единомышленников» приходил реализм (стоицизм?) «необходимого союза различных...»

Одновременно быстро менялась оценка внутренней ситуации в СССР — и через все более категорическое неприятие советского толкования марксизма (и положения дел на «идеологическом фрон-

¹ Что и проявилось во время допроса в мексиканской полиции — том самом, где Че заявил о себе как о марксисте: Гевара вступил в спор с допрашивающим о Сталине. На дворе — лето 1956 г., что не оставляет сомнений на счет позиции сторон.

² См. с. 153–154, а также «Свободная мысль», 2003 г. № 9, с. 52.

³ Под влиянием непосредственного знакомства с ними в ходе его визитов в СССР в 1960 и 1962 гг., в связи с сомнениями, возникавшими у него по поводу определенных аспектов внешней политики СССР, в ходе полемики КПСС — КПК и, наверное, в раздумьях над прочитанной литературой...

те» в целом). И по мере более глубокого — и критического знакомства с социально-экономической моделью СССР. Как увидит читатель, сначала под сомнение была поставлена возможность достижения — в рамках этой модели — коммунизма (1963–1964 гг.), а затем — уже с конца 1964 г., а, особенно, в 1965–1966 гг. и ...

... Впрочем, не хочу полностью забыть об изначальном обязательстве (не предварять содержание книги). Так или иначе в 1964–1966 гг. и в открытых (публиковавшихся), и в закрытых текстах и выступлениях Че встречаются многочисленные, прямые и косвенные выражения несогласия как с отдельными аспектами идеологической, культурной, социально-экономической («полуночной»), внешнеполитической и т.п. линии СССР—КПСС, так и с постНЭПовской моделью в целом¹. Критику привилегий бюрократии, социального неравенства, отстранения трудящихся от участия в планировании, неадекватности культурной политики и т.п. Но по-прежнему нет — ни в каком ракурсе — ни упоминаний (или размышлений) о сталинизме (как структурном феномене), ни о ситуации с политической демократией в СССР, о связи отмечаемых им феноменов догматизма, бюрократизации, отчуждения и т.п. — с антидемократизмом политического устройства страны...

Проще всего, как уже отмечалось выше, объяснить все это реалиями политической жизни на самой Кубе 1960–1966 гг. Но, думается, проблема — шире и глубже. Она — в основе своей — достаточно традиционна для мысли (и действия) левых², но до сих пор не решена. В отношении Че лично³ она была поставлена (в левой литературе Запада: К. Кароль и др.) еще несколько десятилетий назад, но сколько-нибудь полного и непротиворечивого ответа на этот вопрос, по-моему, предложено не было. Читатель может попытаться найти его сам.

¹ Сущностный анализ этой проблематики, располагающейся вокруг оси «революция — социализм — рынок — коммунизм» в рамках этого предисловия, конечно, не вмещается (и требует предварительной договорённости об определении категорий и мере их соответствия объективным реальностям).

² На мой взгляд, она впервые была поставлена — применительно к революции 1917 г. — еще Р. Люксембург.

³ Т. е. с учетом его антидогматизма и «антикопирования»; решающего значения, придававшемся им проблеме личности и её отчуждения...

Из этой предваряющей «информации к размышлению» (о незнакомых пока текстах) можно пока сделать два, сугубо «разнокалиберных» вывода:

1. Главными «ипостасями» Гевары — теоретика, «ядрами» его специфического идейно-теоретического комплекса («геваризма»), его марксизма предстают, с одной стороны, оптимизм разума, воли (и прогноза); уверенность в необходимости и возможности деблокирующего и «спрямляющего» воздействия субъективного фактора истории на её объективное развитие (в национальном, региональном и глобальном масштабах). С другой — установки революционного гуманизма, проповедь «нового человека», признание разотчуждения личности главной, конечной целью революционно-освободительной борьбы и коммунистического строительства. Между этими двумя определяющими компонентами «геваризма» не существовало (тогда) противоречия; «не было проблемы».

2. Напротив, такое противоречие (и стало быть — проблема) возникло между концепцией (Гевары), взятой в целом — и «белым пятном», образовавшимся в её рамках вокруг вопроса о политическом устройстве общества (особенно — послереволюционного), проблемы политической демократии. Проблемы «частичной», но (как показал и последующий ход событий) исключительно важной. С этим «зиянием» в теории оказались связанными и изъяны в постановке и решении Геварой проблем современного ему советского общества¹⁾ — с одной стороны, проблемы союзников (в особенности — в оборонительных фазах борьбы), с другой.

Вместе с тем представляется, что изъян (уход от проблемы), о котором идёт речь, не присущ «геваризму» органически. В принципе включение «демократического комплекса» в концепцию Че — возможно; он совместим с обоими её «ядрами» — и «активистским», и гуманистическим²⁾. Более того, включение проблематики демокра-

¹⁾ А также его истории, включая проблему сталинизма, и его перспектив (подкрепляя прогноз Гевары основанный на иных векторах развития советского общества).

²⁾ В то время, как решения, основанные на выжидании, «этапизме», абсолютизации роли «объективного фактора», с геваризмом, действительно, несовместимы.

тической борьбы и развития посткапиталистической демократии в эту концепцию усилило бы её цельность и действенность.

Но это уже — мудрость задним числом...

Предисловие явно затянулось — и несколько раз уже выходило за положенные ему пределы, сбиваясь на изложение. Чтобы этот изъян не сыграл роль обиженного билетера из известного анекдота («Убийца — дворецкий»), хочу на момент вернуться из «мира проблем» к «миру личности» Эрнесто Гевары — революционера, «с наибольшей полнотой воплотившего в себе в наше время качества человека»¹⁾ (Ж.-П. Сартр). Вернуться, чтобы напомнить о том, в какой ситуации писались строки и произносились речи, с которыми читателю (раз уж он преодолел предисловие) предстоит познакомиться. И о том, что он не встретится со словами, которые так или иначе не воплотились бы в дела Эрнесто Гевары. Будь то рассуждения о добровольном (неоплачиваемом) труде — или борьбе «на смерть» против привилегий руководителей, о коммунистическом сознании, о тяготах и жертвах партизанской борьбы, об интернационализме мысли и действия или о значении «проповеди примером».

И так до самого конца, когда, встречая пули палача, Че последним в жизни сознательным движением прикусил себе руку — чтобы не вырвался произвольный крик боли...

...Но до этого — еще почти девять лет. Перевернув страницу, читатель окажется в январе 1959 г., на Кубе, восторженно празднующей только что одержанную победу над диктатурой — после двух лет вооружённой борьбы. Выступает мало кому пока известный за пределами Кубы (и ЦРУ США) 30-летний команданте Повстанческой армии. Аргентинец, ещё не имеющий кубинского гражданства. Астматик с трёх лет. Марксист. Победитель в решающем сражении войны...

¹ «L'être humain plus complet de notre époque»...

Народ и власть

Статьи и выступления 1959–1962 годов

Социальная программа Повстанческой армии

27 января 1959 года

Этот вечер с неизбежностью¹⁾ пробуждает в нас «мартианские воспоминания», как удачно сказал оратор, представивший меня вам. И думаю, что, говоря о социальной программе Повстанческой армии, мы прямо касаемся вопроса о той мечте, которую осуществил бы сам Марти.

Поскольку у нас вечер воспоминаний, прежде чем погрузиться в эту тему, в её историческое значение, сделаем краткий обзор того, чем было вчера и чем является сегодня наше Движение.

Я не могу начинать свои воспоминания с момента, когда 26 июля 1953 года были атакованы казармы Монкада. Я хочу коснуться лишь тех событий — имевших своим результатом победу Революции первого января этого года, — участником которых являлся сам.

Начнём поэтому историю с того момента, когда она началась для меня в Мехико.

Для всех нас очень важно выяснить современные убеждения тех людей, которые составляют нашу Повстанческую армию, т.е. убеждения той группы, которая высадилась с «Гранмы»; эволюцию убеждений, родившихся в недрах «Движения 26 Июля», их последующие изменения на различных этапах Революции, чтобы прийти к конечным урокам этой последней главы, закрывшей повстанческую эпопею.

Я уже говорил вам, что завязал знакомство с первыми членами «Движения 26 Июля» в Мехико. Социальная программа у членов «26 Июля» до этапа «Гранмы», до первого раскола в Движении, когда в нём ещё находилась вся группа повстанцев, переживших штурм казармы Монкада, была совсем иной, чем впоследствии. Помню, как во время внутренней дискуссии в одном из домов Мехико я подчеркивал необходимость дать народу Кубы революционную программу и как один из участников штурма Монкады — который, к счас-

1) Речь произнесена накануне (28 января) дня рождения Хосе Марти — вдохновителя и руководителя освободительной (антиколониальной) борьбы народа Кубы в конце XIX века.

тью, затем откололся от «26 Июля» — ответил мне несколькими фразами, которые я навсегда запомнил. «Всё очень просто, — сказал он. — То, что нам следует сделать, так это совершить государственный переворот. Батиста осуществил переворот и захватил власть за один день, а теперь нужно совершить ещё один переворот, чтобы отрешить его от власти. Батиста сделал североамериканцам сто уступок, а мы сделаем им сто одну». Главное, надо было овладеть властью. Я же доказывал ему, что переворот мы должны осуществить, опираясь на принципы, что важно также знать, что мы будем делать с этой властью. Вот таковы были идеи у одного из членов «26 Июля» на начальном этапе Движения, и я повторяю, счастье для нас, что он сам и те, кто разделял его взгляды, вышли из нашего революционного движения и перешли на другой путь.

С того времени начала выкристаллизовываться группа, которая позже отплыла на «Гранме». Она формировалась со множеством трудностей, потому что мы постоянно испытывали преследования со стороны мексиканских властей, которым удалось поставить под вопрос успех нашей экспедиции. Ряд внутренних факторов — такие как поведение индивидов, которые поначалу выразили желание участвовать в предприятии, а затем под тем или иным предлогом откалывались — сокращали численность участников экспедиции. Наконец осталось 82 человека, которые погрузились на «Гранму». Остальное хорошо известно кубинскому народу.

То, что интересует меня сегодня и что я считаю важным, — так это социальные идеалы тех, кто пережил высадку у Алегрия-де-Пио, эту первую и единственную неудачу повстанческих сил на протяжении всего восстания. Мы, оставшиеся пятнадцать человек, находившихся на пределе физических и даже моральных сил, собрались и смогли пойти дальше только благодаря тому огромному доверию, которое в эти решающие моменты внушал нам Фидель Кастро своей фигурой несокрушимого революционного вождя и своей несгибаемой верой в народ. Все мы были по происхождению горожанами, мы были приклеены к Сьерра-Маэстре, но не привиты ей. Мы бродили из хижины в хижину, правда, не отнимали ничего из того, что нам не принадлежало, и даже не ели ничего, если не могли оплатить еду; верные этому принципу, мы пережили немало голодных дней. Мы представляли собой группу людей, к которой относились терпимо, но которая ещё не стала своей. Так прошло много времени... В течение нескольких месяцев мы вели кочевой образ жизни на самых

высоких вершинах Сьерра-Маэстры, нанося время от времени удары и возвращаясь на привал, перебираясь с одной вершины, где не имелось воды, на другую, и жить было чрезвычайно трудно.

Но постепенно крестьянство меняло своё отношение к нам, этот поворот был ускорен действиями репрессивных сил Батисты, которые убивали людей, разрушали дома и проявляли всяческую враждебность по отношению к тем, кто, хотя бы и случайно, имел малейший контакт с нашей Повстанческой армией. Поворот выразился в притоке в наши партизанские отряды «пальмовых сомбреро»¹⁾, и таким образом наша армия горожан стала превращаться в крестьянскую армию. Параллельно вовлечению в вооружённую борьбу крестьян-гуахирос с их требованиями свободы и социальной справедливости прозвучали великие магические слова, которые поднимали угнетённые массы Кубы на борьбу за землю, — «аграрная реформа». Так определилось первое коренное социальное требование, которое затем стало нашим знаменем и главным девизом нашего движения, хотя мы переживали тогда весьма беспокойный этап — из-за естественных опасений, связанных с политикой и поведением нашего могущественного северного соседа. В те времена присутствие иностранного, желательно американского, журналиста было для нас важнее, чем военный успех. Наличие североамериканцев, которые экспортировали бы нашу революционную пропаганду, было даже важнее, чем вовлечение в борьбу крестьян, которые привнесли в Революцию свои идеалы и свою веру.

К тому времени в Сантьяго-де-Куба произошло трагическое событие — убийство нашего товарища Франка Паиса, которое означало переворот во всей структуре революционного движения. Поддавшись эмоциональному порыву, который вызвало убийство Франка Паиса, народ Сантьяго-де-Куба спонтанно вышел на улицы, свершилась первая попытка всеобщей политической стачки, которая, несмотря на отсутствие руководства, полностью парализовала Орьенте и имела подобные отклики в Камагуэе и Лас-Вильясе. Возникшее без предварительной подготовки и руководства, это движение было подавлено диктатурой. Но это народное выступление подтолкнуло нас к пониманию того, что в освободительную борьбу на Кубе было необходимо включить ещё один социальный фактор — рабочих. И мы сразу же приступили к подпольной работе на предприя-

1) Головной убор крестьян.

тиях для подготовки всеобщей забастовки, которая помогла бы Повстанческой армии завоевать власть.

Это было началом кампании по созданию подпольных организаций, осуществлявшейся с установкой на восстание. Однако те, кто разворачивал эти движения, в действительности ещё не знали значения и тактики массовой борьбы. Они пошли по абсолютно ошибочному пути, не позаботившись ни о революционном духе, ни о единстве борцов и попытавшись руководить забастовкой сверху, не имея эффективных связей с массовой базой бастующих.

Победа Повстанческой армии и напряжённая подпольная работа вызвали в стране такое возбуждение, что оно привело к объявлению всеобщей забастовки 9 апреля прошлого года, стачки, которая потерпела неудачу именно из-за организационных ошибок, и прежде всего вследствие отсутствия связей между массами рабочих и руководством, а также ошибочного поведения последнего. Но апрельский опыт не пропал даром; внутри Движения 26 Июля развернулась идеологическая борьба, которая вызвала радикальные изменения в подходе к реалиям страны и в составе участников борьбы. В итоге из потерпевшей неудачу забастовки Движение вышло окрепшим, а накопленный опыт преподал его руководителям урок истины, которая заключалась и заключается в том, что Революция не принадлежала той или иной конкретной группе, а должна была стать делом всего кубинского народа. И на этой цели была сосредоточена вся энергия активистов нашего Движения — как на равнине, так и в горах.

Как раз в это время в Повстанческой Армии начали осуществляться первые шаги по разработке теории и доктрины Революции; это было ощутимым признаком того, что повстанческое движение выросло и тем самым обрело политическую зрелость. Мы перешли от экспериментального этапа к этапу конструктивному, от метода проб и ошибок к продуманным действиям. Сразу началось строительство «малой промышленности» в Сьерра-Маэстре. Произошёл сдвиг, с которым давным-давно познакомились наши предшественники, повстанцы конца XIX века: мы перешли от кочевого к оседлому образу жизни, создали производственные центры в соответствии с нашими самыми настоятельными потребностями. Так, мы построили обувную фабрику, оружейную фабрику, мастерскую, в которой изготавливали фугасы из тех бомб, что тирания сбрасывала на нас, чтобы таким образом вернуть их обратно солдатам Батисты в виде наземных мин.

Мужчины и женщины Повстанческой армии ни в Сьерра-Маэстре, ни в каком бы то ни было другом месте никогда не забывали о своей главной миссии — улучшении положения крестьянина, его вовлечении в борьбу за землю и его просвещении через сеть школ, которые наши импровизированные учителя создавали в самых недоступных местах района Орьенте. Там же был осуществлён первый опыт распределения земли по аграрному регламенту, составленному в первую очередь доктором Умберто Сори Мартином, Фиделем Кастро и при моём участии, конфисковывались крупные имения прислужников диктатуры, и земля по-революционному распределялась среди крестьян, в собственность которых также отдавались государственные земли в этой зоне. Наступил момент, когда нас стали полностью отождествлять с крестьянским движением, знаменем которого выступали земля и аграрная реформа.

Позже нам пришлось пожинать плоды потерпевшей неудачу забастовки 9 апреля: в конце мая начались варварские репрессии Батисты, повсеместно вызвавшие у наших кадров сильные упадочнические настроения, которые могли иметь катастрофические последствия для всего нашего дела. Тем временем диктатура готовила своё самое свирепое наступление. Где-то около 25 мая прошлого года десять тысяч хорошо экипированных солдат развернули наступление на наши позиции, нанося главный удар по колонне №1, которой командовал наш главнокомандующий Фидель Кастро. Повстанческая армия занимала очень небольшую площадь, и сейчас почти невозможно поверить, что мощи десяти тысяч солдат мы могли противопоставить всего триста «винтовок свободы» — единственных имевшихся тогда в Сьерра-Маэстре. Тем не менее правильное тактическое руководство этой кампанией имело своим результатом то, что к 30 июля наступление Батисты выдохлось, а повстанцы перешли от обороны к контрнаступлению, захватив более 600 новых винтовок — вдвое больше, чем мы имели до начала этого сражения; потери врага — убитыми, ранеными, пленными и дезертировавшими — составили более 1000 человек.

Повстанческая армия вышла из этой кампании уже подготовленной к наступательным операциям на равнине, к наступлению, скорее, тактического и психологического характера, поскольку наше вооружение качеством, а тем более количеством не могло сравниться с вооружением диктатуры. Но это была война, в которой на нашей стороне выступал союзник, чью силу трудно «взвесить», — сам на-

род. Повстанческие колонны имели возможность постоянно обманывать врага и располагаться на более выгодных позициях не только благодаря тактическому и моральному превосходству наших бойцов, но и в значительной мере благодаря огромной помощи крестьян. Крестьянин был нашим невидимым союзником и делал всё то, чего не мог сделать повстанец: он снабжал нас информацией, следил за врагом, выявлял его уязвимые стороны, доставлял нам срочные сообщения, шпионил непосредственно в рядах батистовской армии. И обязаны этим мы были не какому-то чуду, а тому, что начали энергично проводить политику на основе аграрных требований. Столкнувшись в Сьерра-Маэстре не только с военными атаками, но и с голодной блокадой, организованной всеми помещиками прилегающих зон, мы пригнали в горы десять тысяч голов крупного рогатого скота. Не только для того, чтобы снабжать Повстанческую армию, но также и для того, чтобы распределить скот среди крестьян. И впервые крестьяне Сьерры в зоне, отличавшейся особой нищетой, обрели достаток; впервые крестьянские дети стали пить молоко и есть говядину и впервые также они приобщились к благам просвещения, потому что Революция принесла им школы. Так все крестьяне приходили к выводам, благоприятным для новых порядков.

С другой стороны, диктатура несла им систематическое уничтожение их жилищ, изъятие земли, смерть — не только с земли, но и с воздуха, посредством напалмовых бомб, которыми демократические соседи с Севера безвозмездно снабжали Батисту, чтобы тот запугал гражданское население. Эти бомбы весят по 500 килограммов и, когда падают, имеют поражающее действие на площади радиусом свыше ста метров. Попадание такой бомбы на кофейную плантацию означает полное разрушение плантации и вложенных в неё долгих лет упорного труда, и требуется пять или шесть лет, чтобы восстановить то, что разрушается за одну минуту.

В это время и начался поход в Лас-Вильяс¹⁾. Я считаю важным упомянуть об этом походе не потому, что был его участником, а потому, что, оказавшись в Лас-Вильясе, мы столкнулись с социально-политической панорамой, новой для Революции.

1) Речь идет о т.н. «Вторжении» — прорыве двух повстанческих колонн под командованием Че (№ 8) и Камилло Сьенфуэгоса (№) из Сьерра-Маэстры через равнины Орьенте и Камагуэя в провинцию Лас-Вильяс в центре Кубы.

Мы прибыли в Лас-Вильяс под знаменем Движения 26 Июля, а там против диктатуры уже вели борьбу Революционный Директорат, группы «Второго Фронта Эскамбрая», группы Народно-социалистической партии и мелкие отряды Аутентичной Организации. Требовалось осуществить важную политическую задачу, и вот тогда-то, как никогда прежде, стало понятно, что единство являлось важнейшим фактором революционной борьбы.

Движение 26 Июля во главе с Повстанческой армией должно было предпринять усилия, чтобы достигнуть единства различных недовольных элементов, которые в нашей деятельности в Сьерра-Маэстре увидели единственную объединяющую платформу. Во-первых, надо было спланировать это единство так, чтобы оно охватило не только вооружённые группы в горах, но и организации на равнине. Мы должны были проделать очень важную работу по выявлению и систематизации всех имевшихся в провинции рабочих организаций. Эту задачу нам пришлось выполнять вопреки множеству оппозиционеров даже внутри нашего движения, которые всё ещё страдали болезнью сектантства.

Как только, мы оказались в Лас-Вильясе, нашим первым правительственным актом — ещё до учреждения первой школы — стал революционный декрет об аграрной реформе, в котором, помимо всего прочего, устанавливалось, что владельцы мелких парцелл освобождались от уплаты ренты до того момента, пока Революция не примет решение по каждому отдельному случаю. Фактически мы наступали с аграрной реформой как остриём копья Повстанческой армии. И это не было демагогическим приёмом, просто в течение года и восьми месяцев Революции взаимопонимание между руководителями и крестьянскими массами стало настолько глубоким, что во многих случаях оно подталкивало Революцию делать то, о чём мы раньше и не думали.

Эти действия были не нашим изобретением, а настоятельным требованием крестьян. Мы лишь убедили их в том, что оружие, организация и отсутствие страха перед врагом обеспечивает победу. А крестьянин, движимый могучим, «нутряным» побудительным мотивом, «навязал» Революции аграрную реформу, конфискацию крупного рогатого скота и все иные меры социального характера, которые предпринимались в Сьерра-Маэстре.

В Сьерра-Маэстре во время избирательного фарса 3 ноября был провозглашён закон номер 3, который провозглашал подлинную аг-

рарную реформу и, несмотря на свою неполноту, содержал весьма положительные положения: распределение государственной земли, земли прислужников диктатуры и земли тех, кто владел ею на основании фальсифицированных документов на право собственности (к которым прибегали те «землееды», которые присвоили себе тысячи кабальерий по границам владений). Закон передавал в собственность всем мелким арендаторам (не более двух кабальерий¹⁾ земли), участки, за которые они платили ренту. Всё это бесплатно. Принцип был весьма революционным. От аграрной реформы выиграют более двухсот тысяч семей. Вместе с тем закон номер 3 ещё не означает завершения аграрной революции. Для этого необходимо издать нормы, направленные против латифундизма как такового — так, как это предписывает Конституция. Надо дать точное определение «латифундии», которая является характерной чертой нашей аграрной структуры, неоспоримым источником препятствий развитию страны и всех бед громадного большинства крестьянства и которая до сих пор оставалась нетронутой.

Закон, запрещающий латифундизм, станет делом организованных крестьянских масс, подобно тому, как эти массы заставили Повстанческую армию провозгласить принципы аграрной реформы законом номер 3. И есть ещё один аспект проблемы, который следует иметь в виду. Конституция устанавливает, что всякой экспроприации земли должна предшествовать денежная компенсация. Если аграрная реформа будет проводиться по этому принципу, то она, по видимому, окажется несколько медленной и дорогостоящей. Необходимы коллективные действия крестьян, завоевавших с победой Революции право на свободу, чтобы демократическим путём добиться отмены этого принципа и суметь прямо идти к подлинной и широкой аграрной реформе²⁾.

Снова перейдём к вопросу о социальной программе Повстанческой армии. У нас — вооружённая демократия. Когда мы планируем аграрную реформу и рассматриваем требования новых революционных законов, которые дополняют, ускоряют и делают жизнеспособной эту реформу, мы задумываемся о социальной справедливости, означающей перераспределение земли, а также о создании емкого внутреннего рынка и о диверсификации сельскохозяйствен-

1) Одна кабальерия — примерно 14 гектаров.

2) Совет Министров уже отменил это положение Конституции. (Э. Г.)

ных культур, то есть о двух важнейших взаимосвязанных целях революционного правительства, которые нельзя откладывать, потому что речь идёт, по сути дела, об общенародном интересе.

Все отрасли экономики взаимосвязаны. Мы должны развивать индустриализацию страны, не игнорируя при этом вызываемые ею многочисленные проблемы. Но политика поощрения промышленного развития требует определённых таможенных мер, которые защитили бы нарождающуюся промышленность, и внутреннего рынка, способного поглотить новые товары. Этот рынок мы можем увеличить не иначе, как предоставлением доступа к нему основным массам крестьянства, крестьянам, не обладающим покупательной способностью, но имеющим потребности, которые должны быть удовлетворены и которые пока ещё не могут быть покрыты покупками.

Мы отдаём себе отчёт в том, что мы вступили в борьбу за цели, которые требуют громадной ответственности с нашей стороны и к тому же не являются единственными. Мы обязаны также ожидать реакции против наших мер со стороны тех, кто более чем на 75% контролирует нашу внешнюю торговлю и наш рынок. С учетом этой опасности мы должны готовиться к принятию контрмер, среди которых первостепенное значение имеют таможенные пошлины и диверсификация внешних рынков. Нам необходимо создать кубинский торговый флот для перевозки сахара, табака и других товаров, потому что обладание флотом окажет весьма благотворное влияние на тип фрахта, а от него в высокой степени зависит прогресс таких слаборазвитых стран, как Куба.

Если мы переходим к развитию программы индустриализации, то что является самым важным для её успеха? В первую очередь сырьё, которое мудро защищала наша Конституция, но которое было отдано диктатурой Батисты в руки иностранных консорциумов. Мы должны приступить к отвоеванию наших недр, наших минеральных ресурсов.

Другим элементом индустриализации является электричество. Им тоже надо располагать. Мы обеспечим переход электроэнергии в руки кубинского народа. Мы должны также национализировать телефонную компанию ввиду её плохого и дорогостоящего обслуживания.

Какими же средствами мы располагаем, чтобы осуществить заявленную программу? У нас есть Повстанческая армия, и она должна стать нашим первым, самым положительным и самым мощным

орудием борьбы, и мы должны разрушить всё, что ещё остаётся от батистовской армии. И надо хорошо понимать, что делается это не из чувства мести и не только из чувства справедливости, но исходя из необходимости обеспечить достижение всех этих завоеваний народа в кратчайшие сроки.

Мы разгромили намного превосходящую нас — численно — армию, опираясь на помощь народа, адекватную тактику и революционную мораль. Но теперь мы сталкиваемся с новой реальностью: наша армия ещё не подготовлена к такой — завоёванной ею — новой ответственности, как защита всей территории страны. Мы должны в кратчайшие сроки перестроить Повстанческую армию, потому что в ходе борьбы мы создали вооружённые силы из крестьян и рабочих, многие из которых неграмотны, не обладают культурой и технической подготовкой. Мы должны поднять техническую и культурную подготовку бойцов этой армии на уровень тех задач, которые стоят перед ней сегодня.

Повстанческая армия является авангардом кубинского народа, и, говоря о её техническом и культурном прогрессе, мы должны знать, что это означает в современном контексте. Мы уже начали — символически — воспитание и обучение нашей армии посредством текстов, пронизанных почти исключительно духом и учением Хосе Марти.

Национальное возрождение должно покончить со множеством привилегий, и поэтому нам необходимо быть подготовленными к защите нации от её врагов — как явных, так и скрытых. В этом смысле новая армия должна адаптироваться к новой ситуации, возникшей из освободительной войны, поскольку мы хорошо знаем, что если на нас нападает даже небольшой остров, то это потому, что его поддерживает держава почти континентальных размеров, и поэтому любое вторжение на нашу территорию приобретает гигантский масштаб. И мы должны заранее на это настраиваться и готовить наши действия в духе повстанческой стратегии — так, чтобы наша оборона не рассыпалась при первом же натиске и сохранила централизованное командование. Весь кубинский народ должен будет превратиться в этом случае в партизанскую армию, потому что Повстанческая армия — это растущий институт, чьи размеры ограничены лишь численностью всего 6-миллионного населения республики. Каждый кубинец должен научиться владеть оружием и знать, когда он должен использовать его...

Я изложил в общих чертах социальную программу Повстанческой армии после победы и её роль движущей силы по отношению к правительству в осуществлении революционных чаяний.

Есть нечто более интересное, о чём я хотел бы сказать в заключение, — о том примере, который означает наша Революция для Латинской Америки, и об уроках, которые вытекают из разрушения ею всех кабинетных теорий. Мы доказали, что небольшая группа решительных людей, поддерживаемая народом, не боящихся умереть, если придётся, способна одержать верх над регулярной дисциплинированной армией и окончательно её разгромить. Это — главный урок. Есть и другой урок, который должны извлечь для себя наши братья в Америке, экономически принадлежащие к такой же категории аграрных стран, как и мы. И он заключается в том, что необходимо осуществлять аграрные революции, вести борьбу в деревне, в горах и уже оттуда нести революцию в города, а не стремиться совершить её в городах, не заботясь о её целостном социальном содержании.¹⁾

И вот теперь в свете накопленного нами опыта можно ставить вопрос о том, каково же наше будущее, которое теснейшим образом связано с будущим всех слаборазвитых стран Латинской Америки. Революция не ограничивается кубинской нацией, ибо она глубоко затронула сознание Америки и внушила серьёзную тревогу врагам наших народов. Поэтому мы ясно предупредили, что любую попытку агрессии наш народ пресечёт с оружием в руках. Пример Кубы ещё более усилил революционное брожение во всей Латинской Америке и других угнетённых странах. Революция вынесла приговор латиноамериканским тиранам, потому что они — такие же враги народных режимов, как и иностранные монополистические предприятия. Так как Куба — маленькая страна, мы нуждаемся в поддержке всех демократических народов и в особенности народов Латинской Америки.

Мы должны рассказывать всю правду о благородных целях Кубинской революции всему миру, в том числе дружественным народам нашего континента, североамериканцам и латиноамериканцам. Мы должны создать духовное единство всех наших стран; союз, который выйдет за рамки обычной болтовни и сосуществования бю-

1) Вариант: «совершить её — лишённую целостного социального содержания [sin contenido social integral] — в городах».

рократий и воплотится в действенную помощь нашим братьям, предоставив в их распоряжение наш опыт.

И, наконец, мы должны находить новые пути, которые позволят выявить общие интересы наших развивающихся стран. Мы должны быть готовы ко всяким попыткам и намерениям разделить нас; бороться против тех, кто силится посеять семена раздора между нами; против тех, кто, вынашивая известные планы, старается извлечь для себя выгоду из наших политических разногласий и разжечь предвзятости, ставшие уже невозможными в нашей стране.

Сегодня весь народ Кубы находится в состоянии борьбы, он должен и впредь оставаться единым в борьбе за то, чтобы победа над диктатурой не оказалась преходящей и стала бы первым шагом к победе всей Америки.

Журнал «Humanismo», апрель 1959 г., с. 346–357

Вид Америки с афроазиатского балкона

Когда жители Азии говорят о нашей, не освобождённой, Америке, они имеют в виду некий континент без определённых границ, столь же неведомый им, как нам неизвестна эта огромная часть мира, где стремление к освобождению нашло своё адекватное выражение в Бандунгском пакте.

Об Америке здесь никто ничего не знал, кроме, может быть, того, что это — гигантская территория, где обитают темнокожие дикари в набедренных повязках с копьями наперевес. Когда-то туда добрался некий Христофор Колумб. Примерно в те же времена когда некий Васко да Гама преодолел Мыс Бурь и загнал в «скобки» — на много веков — всю культурную, экономическую и политическую жизнь народов, населявших пространства Азии. Знанием этого факта почти ограничивались конкретные представления азиатских народов о Латинской Америке. Сейчас к нему прибавляется ещё один — почти абстрактный для них — факт, называемый Кубинской Революцией. Действительно, для этого далёкого мира Куба — не более чем абстракция, сцена, необходимая для появления некоего мифологического существа, именуемого Фиделем Кастро. Бороды, длинные волосы, форма цвета хаки; горы, находящиеся где-то в стране, имя которой они недавно узнали (и не каждый знает, что речь идёт об острове), — это и есть Кубинская Революция. Это и есть Фидель Кастро. И эти люди, появившиеся на острове, трудно различимом на карте мира, движимые магической палочкой человека-мифа, и являются Америкой, той новой Америкой, которая сегодня расправляет спину, онемевшую после стольких веков пребывания на коленях...

Уходит в прошлое другая Америка. Та, в которой мизерная зарплата рабочих на оловянных рудниках Боливии позволяла в ещё большей мере снизить оплату горняков, добывающих олово в Индонезии. Та, где умиравшие от малярии пеоны на каучуковых плантациях Амазонии делали ещё более нищенской зарплату трудившихся на добыче каучукового сока в Индонезии, Малайе, на Цейлоне... Америка, чьи баснословные запасы нефти позволяли нефтявладельцам не платить большую зарплату нефтяникам в Ираке, Саудовской Аравии или Иране. Америка дешёвого сахара — столь дешёвого, что

рабочий в Индии за ту же работу, под тем же палящим тропическим солнцем не мог рассчитывать на более высокое вознаграждение.

Отличные от нас и всё ещё удивлённые своей дерзостью — желанием быть свободными,— Африка и Азия смотрят за океан. А что если этот, другой склад сырья и злаков населён людьми с теми же простыми и глубокими стремлениями, как и у жителей Азии и Африки? А что если наше братство бросит вызов морским просторам, языковым барьерам, отсутствию культурных связей и мы обнимем друг друга как товарищи по борьбе? Разве аргентинский пеон, боливийский рудокоп, рабочий United Fruit Company или рубщик тростника на Кубе не в большей мере брат твой, чем надменный потомок японского самурая — даже для японского рабочего? А быть может, и Фидель Кастро — это нечто большее, чем изолированный факт — или миф? Быть может, он — авангард американского народа в его нарастающей борьбе за свободу, — такой же человек, из плоти и крови, как Сукарно, Неру или Насер?

Освободившиеся народы начинают отдавать себе отчёт в том, что они стали жертвой чудовищного обмана, внушённого им комплекса расовой неполноценности, и начинают осознавать, что, возможно, и они ошибались в своей оценке народов других континентов.

Куба была приглашена на очередную Конференцию народов Азии и Африки. Американская страна будет говорить о праве и боли Америки перед историческим собранием наших афроазиатских братьев. И это не случайно: происходит историческое сближение всех угнетённых народов в этот час освобождения. Это означает, что Куба существует. Что Фидель Кастро — человек, народный герой, а не мифическая абстракция. И что Куба не изолированное явление, а первый признак пробуждения Америки.

Когда мы рассказывали о безымянных народных героях, о неизвестных солдатах, погибших на полях сражений всего континента, о так называемых колумбийских «бандитах», боровшихся на своей родине против союза креста и шпаги; когда мы говорили о парагвайских поденщиках («*mensú*») и боливийских горняках, убивавших друг друга, отстаивая — не зная об этом — интересы нефтедобывающих компаний Англии и Северной Америки; когда мы всё это вспоминали, мы замечали, насколько удивлёнными были взгляды слушателей: не потому, что они слышали нечто, о чём они совсем не знали раньше, но потому что перед ними развертывался новый вариант — идентичный по сюжету и последствиям — той хорошо зна-

комой им колониальной истории, которую они прожили и претерпели в течение веков позора.

Америка ныне обретает для них конкретную форму и очерта-ния. Америка — то есть Куба, Куба — то есть Фидель Кастро, представляющий целый континент, становится правдоподобно живой. В сознании азиатов и африканцев наш континент населяется реальными людьми, которые страдают и борются за те же идеалы, что и они сами.

В свете новой перспективы, открывающейся с моего балкона, я заново оцениваю то, в чём сам участвовал — начиная с великого момента «двенадцати»¹⁾; я вижу, как исчезает память о мелких противоречиях, чье подлинное значение так преувеличивалось в ту пору; как расширяются горизонты и значимость борьбы народов Америки. С точки зрения этой перспективы я могу оценить по-детски наивный, спонтанный жест человека из тех краев, который гладит мою бороду и спрашивает на чужом языке: «Фидель Кастро?» И добавляет: «Вы из партизанской армии, которая возглавляет борьбу за освобождение Америки? Значит, вы наши заокеанские союзники?» И я должен ответить ему и сотням миллионов жителей Азии и Африки, которые так же, как и он, идут вперед к свободе в это новое, беспокойное, опасное атомное время. Я отвечаю ему: да, я — оттуда, и больше того — я твой брат — один из множества твоих братьев в этой части света; братьев, которые с бесконечным нетерпением ожидают момента, когда консолидируется блок сил, способных раз и навсегда покончить с анахронизмом колониального господства...

Журнал «Humanismo», сентябрь–октябрь 1959 г.

1) Речь идет о воссоединении разбитого и рассеянного отряда высадившихся с «Гранмы».

Университетская реформа и революция

17 октября 1959, Сантьяго-де-Куба¹⁾

Добрый вечер, уважаемые товарищи!

Я должен просить прощения у присутствующей учёной публики за задержку начала этого мероприятия: в ней виноваты я — и погода, которая была очень плохой на протяжении всего пути, так что нам пришлось остановиться в Байамо.

Мне очень интересно обсудить одну из тех проблем, которые наиболее близко затрагивают учащуюся молодёжь всего мира, и обсудить её здесь, в революционном Университете и, уж точно, в одном из самых революционных городов Кубы.

Тема, о которой идёт речь, весьма обширна. Настолько, что о различных её гранях говорили разные докладчики. Мне как участнику революции интересно проанализировать именно вопрос о революционном долге студенчества в связи с проблематикой Университета. А для этого мы должны уточнить, кто такой студент, к какому общественному классу он принадлежит. И есть ли что-либо, что определяет студенчество как некую общность или особую ячейку общества или же его мировосприятие просто отвечает мировосприятию различных классов, к которым студенты могут принадлежать. И тут мы сталкиваемся с тем, что университетский студент — это отражение именно Университета, в котором он учится. Потому что существуют ограничения различных типов, но в конечном счёте определяемые экономическим положением, которые приводят к тому, что студенты принадлежат к тому общественному классу, проблемы которого — не экономические проблемы — не являются столь острыми, как у других. Студенчество принадлежит в основном к среднему классу — не только здесь, в Оренте, в Сантьяго-де-Куба, а по всей Кубе и, можно сказать, по всей Латинской Америке. Естественно, есть исключения — и мы все их знаем; есть люди исключительных способностей, которые с удивительным упорством борются с неблагоприятными условиями и добиваются университетской степени. Но в основной своей массе студенты университетов принадлежат к

1) Выступление опубликовано посмертно.

среднему классу и отражают чаяния и интересы этого класса; хотя достаточно часто, особенно в такие моменты, как сейчас, животворное пламя революции может побуждать их переходить на более радикальные позиции. И сейчас мы стремимся проанализировать именно это: общие тенденции студенчества, соответствующие тому общественному слою, из которого оно происходит, и его революционный долг по отношению к обществу в целом.

Потому что Университет несёт наибольшую ответственность за победу или поражение — в техническом плане — того великого социально-экономического эксперимента, который осуществляется на Кубе. Мы приняли законы, которые глубоко меняют господствующую общественную систему: практически одним росчерком пера ликвидированы латифундии, изменена налоговая система, вскоре будет изменена система пошлин, создаются даже промышленные трудовые кооперативы; таким образом, на Кубе расцветает ряд новых явлений, вместе с которыми возникают соответствующие новые учреждения. И всю эту работу мы начали, обладая только доброй волей, убеждённости в том, что мы идём по правильному и справедливому пути, но не располагая необходимыми техническими элементами, позволяющими всё делать правильно.

А нет их у нас именно потому, что мы создаём новое, а такое учреждение, как Университет, было ориентировано на то, чтобы давать обществу профессионалов, которые входили в набор потребностей страны в предыдущую эпоху. Существовала нужда в адвокатах, врачах, меньше нужно было гражданских инженеров, то же касалось других профессий. Но теперь мы сталкиваемся с тем, что нам нужны сельские учителя, агрономы, химики, инженеры, физики, даже математики, а их нет. Иногда нет даже такой кафедры, в других случаях на нужном факультете учится очень небольшое число студентов, которые поняли необходимость начать изучать новые специальности, или просто попали туда потому, что на другом факультете не было мест, или просто потому, что они хотели учиться, но не знали, что точно им нравится. В общем, не существует государственного руководства, чтобы заполнить все пробелы в обеспечении нашей Революции нужными специалистами.

И это приводит нас к самой сердцевине университетской проблемы, к её конфликтному узлу. И я буду говорить об этом прямо и, если угодно, агрессивно. Потому что единственная структура, которая на данный момент может хоть сколько-нибудь точно опреде-

лить, сколько студентов нам будет действительно нужно и как будут распределены студенты по различным факультетам Университета,— это государство. Никто, кроме него, не может этого сделать. И каким бы ни было соответствующее государственное учреждение, каким бы ни был этот государственный институт, он должен быть институтом, который был бы полностью осведомлён о положении во всех отраслях производства и был бы в курсе плановых проектов Революционного правительства.

Серьезных дисциплин, являющихся основой достижений наиболее развитых стран,— таких, как высшая математика и статистика, на Кубе практически не существует. Начав проводить необходимые статистические исследования, мы сталкиваемся с тем, что у нас нет статистиков; с тем, что нам нужно приглашать их из-за рубежа или искать на Кубе людей, которые обучались этому в других странах. Здесь — центральный узел проблемы. Если государство — это единственный орган, единственный институт, способный хоть с какой-то долей уверенности говорить о нуждах страны, то очевидно, что оно должно принимать участие в руководстве Университетом. Это положение вызывает яростные протесты; студенческие кандидаты в Гаване даже поднимают этот вопрос почти как вопрос принципа: вмешательство, «потеря автономии» — как это называют студенты — или невмешательство. Но следует точно определить, что значит автономия. Если только то, что нужно выполнять ряд предварительных условий для того, чтобы вооружённый человек мог войти на территорию университета для выполнения предписанных ему законом функций, тогда это не имеет значения; не это сердцевина проблемы, и все согласны с тем, чтобы этот вид автономии был сохранен. Но если сегодня автономия означает, что университетское руководство, освободившее себя от обязательств по отношению к генеральной линии центрального правительства, то есть как своего рода маленькое государство внутри государства, будет брать бюджет, выделяемый ему правительством, и распоряжаться этим бюджетом и распределять его так, как считает нужным, мы считаем, что это — неправильная позиция. Это неправильная позиция именно потому, что Университет освобождает себя от обязательств по отношению ко всей жизни страны, замыкаясь в своих стенах и превращаясь в некую башню из слоновой кости, отдалённую от практических свершений Революции. И ещё потому, что в этом случае Университет будет продолжать поставлять нашей Республике огромное ко-

личество адвокатов, в которых сейчас нет нужды, врачей, которых тоже не нужно столько, сколько сейчас поступает студентов на медицинские факультеты, или специалистов ряда других профессий, программы обучения по которым должны быть по крайней мере пересмотрены, чтобы приспособить их к текущим нуждам.

И вот на этом перекрестке двух дорог — или веков — появляются более или менее значительные группы студентов, которые считают худшим в мире понятием «государственное вмешательство» или «потерю автономии». Сегодня эти студенческие круги — говорю это со всей ответственностью и без намерения задеть кого-либо — выполняют, может быть, долг перед тем классом, к которому они принадлежат, но забывают о революционном долге, об обязательствах, взятых на себя в ходе общей борьбы вместе с массами рабочих и крестьян, которые были рядом, проливали свою кровь и пот совместно со студентами в каждом из сражений, разворачивавшихся на всех фронтах страны, чтобы прийти к тому великому свершению, которым стало первое января.

И это — крайне опасная позиция. Не сегодня, не сегодня потому, что линии размежевания ещё до конца не определились. Потому что пока есть много людей, которые, даже если пострадали их экономические интересы, считают, что Революция была большим достижением. Людей, которые способны видеть много дальше своего кармана, думать об интересах родины. Но вся эта небольшая проблема, вращающаяся вокруг слова «автономия», соотносится и взаимосвязана с действиями сил, находящихся далеко за пределами нашего Острова. Извне предпринимаются значительные стратегические усилия, призванные объединить всех тех, кто чувствует, что потерял что-то с этой Революцией. Не агентов охраны, не казнокрадов или членов предыдущего правительства, а тех, кто, оставаясь с краю или даже в какой-то форме поддерживая это правительство, чувствуют вместе с тем, что они отстали от происходящего или что они потеряли в экономическом плане. Такие люди рассеяны в различных слоях общества и могут в любой момент абсолютно свободно проявлять своё недовольство. Но задача, на которую нацелены в данный момент национальная и международная реакция, состоит в том, чтобы сплотить всех недовольных против правительства, и в том, чтобы объединить их в прочной структуре, чтобы создать внутренний фронт, необходимый для их планов — по вторжению или организации экономического кризиса, или... кто знает, каких ещё.

И университеты, начиная борьбу, иногда весьма жёсткую, яростно сражаясь за слово «автономия», а также, естественно, яростно сражаясь за вопросы меньшего значения, такие, например, как выборы студенческого руководства, создают плодородное поле для посева именно тех семян, которые настолько жаждут посеять реакционеры. И тогда Университет, который всегда был в авангарде народной борьбы, может стать орудием реакции, если не присоединится к генеральной линии Революционного правительства.

То, о чём я говорю,— это не теоретический анализ вопроса и не поспешное умозаключение; дело в том, что подобные события происходили по всей Латинской Америке, и примеры этого можно приводить в изобилии. Мне вспоминается сейчас красноречивый пример Университета Гватемалы, который, как и кубинские Университеты, был в авангарде народной борьбы против диктаторских режимов, а потом, сначала при правительстве Аревало, но особенно при правительстве Арбенса, превратился в один из решающих очагов борьбы против демократического режима. И защищал он именно то, что защищают у нас сейчас: университетскую автономию, священное право группы людей на принятие решений по фундаментальным проблемам нации, даже когда решения эти противоречили самим интересам нации. И в процессе этой слепой, бесплодной борьбы Университет превращался из авангарда народных сил в орудие борьбы гватемальской реакции. Потребовалось вторжение Кастильо Армаса, публичное, в духе средневекового варварства, сожжение всех книг, в которых говорилось о том, что не нравилось этому маленькому гватемальскому сатрапу, чтобы Университет отреагировал и снова занял своё место в народной борьбе. Но слишком многое было потеряно, и Гватемала сегодня, как вы знаете, пытается выйти из хаоса и, идя от неудачи к неудаче, вновь наладить работу общественных институтов в соответствии с демократическими нормами. Это — живой пример, который вы все помните, поскольку он принадлежит истории наших дней.

Мы могли бы углубиться в историю и проанализировать великие завоевания университетской реформы восемнадцатого года¹⁾,

1) Речь здесь (и дальше) идет о движении за университетскую реформу, начавшемся в июне 1918 г. в Аргентине, и о самой реформе; событиях, которые наряду с мексиканской революцией рассматриваются многими как открывающие новейшую историю региона.

которая произошла в той стране, откуда я родом, и в той провинции, которую я считаю своей, а именно в Кордове. И мы могли бы проанализировать личную судьбу большинства студентов-активистов, боровшихся за университетскую автономию против консервативных правительств, которые в ту эпоху правили почти всеми странами Америки. Я не хочу приводить конкретные имена, чтобы не вызвать международную полемику, но мне хотелось бы, чтобы взяли, например, книгу Габриэля дель Масо, содержащую глубокий анализ университетской реформы, и поискали в указателе имена всех тогдашних крупных деятелей этой реформы. Посмотрите, какую политическую позицию они занимают сегодня, какое место они занимают в общественной жизни своих стран, и вы будете весьма удивлены, как был удивлён и я, когда, веря в университетскую автономию как основной фактор прогресса народов, я проделал этот анализ (который советую сделать и вам). Самые чёрные деятели реакции, самые лицемерные и опасные — потому что говорят на языке демократии и практикуют систематическое предательство, — были теми же, кто поддерживал университетскую реформу и часто были в своих странах её творцами. И, между нами говоря, обратите внимание также на автора книги, потому что здесь тоже будут сюрпризы.

Всё это я сказал, чтобы предостеречь вас от подобной позиции. И больше чем где бы то ни было — в Сантьяго, где столько студентов отдали свои жизни за Революцию и столько других пришли в нашу Повстанческую армию. Поскольку наша армия — народная и у нас есть чувство собственного достоинства, мы никого не спрашиваем, какова его политическая позиция по отношению к тем или иным конкретным фактам; какую религию он исповедует, как он думает. Это зависит от сознания каждого индивида. Поэтому я не могу сказать вам, какой будет позиция членов Повстанческой армии.

Я надеюсь, что вы хорошо поймете общие контуры проблемы и что вы будете следовать в том же направлении, что и Революция. Может быть, да, а может быть, нет...

Но эти слова обращены не к ним, не к меньшинству, а к основным массам студенчества, ко всем тем, кто составляет его ядро. Я помню, несколько месяцев назад я вкратце разговаривал с некоторыми из вас и советовал установить контакт с народом; не являться к народу, подобно аристократической даме, раздающей монетки: монетки знания или монетки какой-нибудь помощи, но прийти к нему как бойцы великого революционного легиона, который сегодня

ня управляет Кубой. Подставлять плечо в практических делах страны; в делах, которые позволят каждому специалисту увеличить багаж своих знаний и присоединять ко всем тем интересным вещам, которые они изучили в аудиториях, другие, может быть, гораздо более интересные, которые они узнают на подлинных полях сражений великой борьбы за строительство обновлённой страны.

Очевидно, что одна из самых главных обязанностей Университета состоит в том, чтобы осуществлять свою профессиональную деятельность в неразрывной связи с народом. И очевидно также, что для того чтобы организованно осуществлять эту деятельность, нужно направляющее и планирующее содействие какого-либо государственного органа, который был бы прямо связан с этим народом. Или даже нескольких государственных органов, поскольку в настоящее время для того, чтобы сделать любое дело в любом месте республики, взаимодействуют три, четыре или более учреждений. И лишь недавно в стране была начата деятельность, направленная на то, чтобы планировать работу и не расплывать усилия.

Но, возвращаясь к главной теме нашего разговора — о праве изучать, выбирать профессию по своему призванию, мы всё время сталкиваемся с одной и той же проблемой. Кто имеет право ограничивать призвание студента конкретным государственным приказом? Кто имеет право говорить, что в год можно выпускать только 10 адвокатов и 100 промышленных химиков? Это уже диктатура. Ну что ж, да, это диктатура. Но разве диктатура обстоятельств — это не та же диктатура, которая существовала раньше в виде вступительных экзаменов, или в виде аттестации, или в виде экзаменационных сессий, которые отсекали наименее способных? Мы просто меняем последовательность ориентиров процесса, система же остаётся той же самой: просто в прошлом выпускались специалисты, которые *затем* начинали бороться за место под солнцем в различных отраслях знания. Сегодня всё меняется, речь идёт о вступительном экзамене или отборочном конкурсе... но в конце концов, метод — это не самое главное. Необходимо поставить обучение на тот путь, который необходим Революции для выполнения наших технических задач. И думаю, что это не должно вызвать негативной реакции. Мне кажется очевидным, что интеграция Университета с Революционным правительством не должна вызывать реакции отторжения.

Мы не хотим прятаться за слова и пытаться объяснить, что нет, это не потеря автономии, на самом деле это просто более проч-

ная интеграция. Но эта более прочная интеграция действительно означает потерю автономии, однако подобная потеря автономии необходима всей стране. Раз так, то раньше или позже, если Революция продолжит развиваться в том же направлении, что сейчас, она найдёт способ обеспечить себя всеми специалистами, в которых она нуждается. Если Университет замкнётся в своих стенах и продолжит выпускать адвокатов или иных специалистов, которые не настолько нужны нам сегодня (не подумайте, что я ополчился именно на адвокатов); если он продолжит эту линию, что ж, придётся сформировать какой-то другой тип технического учебного заведения. В Гаване уже подумывают о создании Высшего Института Технической Культуры, который бы выпускал именно таких специалистов; этот институт будет, возможно, организован отличным от Университета образом и со временем может превратиться, если непонимание будет сохраняться, в соперника Университета. Или Университет превратится в соперника этого нового, задуманного нами учебного заведения — в борьбе за то, чтобы монополизировать нечто, что невозможно монополизировать, потому что знания принадлежат всему народу, как принадлежит ему культура.

Кроме того, то, что сейчас создаётся на Кубе, уже делалось в других странах мира, и прежде всего в странах Латинской Америки. Точно так же и там происходит борьба между различными учебными заведениями, техническими или политехническими институтами, в целом более низкого культурного уровня, — и Университетом. Не знаю, говорили ли уже и ясно ли было сказано, что эта борьба — это отражение борьбы между социальным классом, который не хочет терять свои привилегии, и новым классом или совокупностью классов, которые пытаются обрести свои права на культуру. И мы должны говорить об этом, чтобы предостеречь всех революционно настроенных студентов, чтобы показать им, что борьба такого рода — это просто выражение сопротивления того, что мы на Кубе старались уничтожить, что это — классовая борьба, и что выступающий против того, чтобы большее количество студентов скромного происхождения обрело доступ к богатствам культуры, попросту пытается осуществить классовую монополию на культуру.

И ещё об одном. Когда здесь говорилось об университетских реформах и все согласилось с тем, что университетская реформа — это нечто важное и необходимое для страны, первое, что сделали студенты, было взять в известной мере под свой контроль учебные

заведения с тем, чтобы навязать преподавателям ряд мер и в той или иной степени вмешиваться в принятие решений руководством Университета. Правильно? Это поведение победившей группы, победившей и потребовавшей после победы своих прав. Преподаватели — некоторые в силу возраста, а другие даже в силу своего менталитета — не участвовали в той же мере в борьбе, и те, которые боролись и победили, это право обрели. Но я задаюсь вопросом: а разве Революционное правительство не боролось и не победило? И разве оно не боролось и не побеждало с таким же или большим воодушевлением, чем любой другой обособленный слой общества, потому что это было выражением борьбы всего народа Кубы за своё освобождение? Однако правительство не вмешалось в дела Университета, не потребовало своего куска пирога, поскольку не считает, что это было бы самым логичным и достойным поведением. Оно просто призывает студентов к реализму, призывает к рациональному мышлению, которое так важно в пору революции. И призывает к дискуссии, из которой с неизбежностью должно родиться такое мышление.

Сейчас обсуждается программа университетской реформы. И немедленно взоры обращаются к университетским реформам восемнадцатого года, ко всё тем сверхмудрецам, которые впоследствии предали свою науку и свой народ, но которые в то время, когда они боролись за такое благородное и нужное дело, как университетская реформа, ещё ничего ни о чём не знали, были простыми студентами, но боролись — потому что это было необходимостью. Теоретизировали они уже потом и теоретизировали, когда у них уже сложилось недоброжелательное отношение к тому, что они сами сделали. Почему же тогда мы должны искать принципы университетской реформы в том, что было сделано в других местах? Почему не использовать опыт других лишь как дополнительную информацию для решения наших крупных проблем — того, из чего мы должны исходить прежде и превыше всего; проблем, которые существуют здесь. Проблем победившей революции, противостоящей ряду очень могущественных, враждебных правительств, которые преследуют нас, нападают на нас и в сфере экономики, а иногда и с помощью военной силы; которые наводнили весь мир пропагандой, распространяя множество небылиц о нашем правительстве, о том правительстве, которое осуществило аграрную реформу в том же духе, в каком я советую проводить реформу университетскую: глядя вперёд, а не назад, принимая то, что было сделано в других частях мира в каче-

стве подсобного ориентира, но анализируя в первую очередь положение нашего собственного крестьянства. Это правительство провело налоговую реформу, реформу таможенных тарифов и сейчас приступило к решению великой задачи индустриализации страны. Нашей страны, где сейчас нужно найти необходимые для проведения нашей реформы ресурсы; страны, где собираются рабочие, которые ещё не добились удовлетворения всех требований, к которым они стремились — и логично продолжают стремиться, — собираются и единогласно решают на массовых собраниях отдать часть своей заработной платы, чтобы помочь экономическому строительству в стране. Страны, где Революционное правительство сделало своим боевым знаменем аграрную реформу, продвигает её с одного конца острова до другого и постоянно страдает от того, что у него нет необходимых для этого специалистов, а добрая воля и труд только частично восполняют этот дефицит. И поэтому каждый из нас постоянно вынужден возвращаться назад и учиться на собственных ошибках, что означает учебу за счёт жертв нации.

А когда мы приходим к тем, на кого по логике вещей мы должны опираться, приходим в Университет, чтобы он дал нам специалистов, чтобы он влился в великий поход Революционного правительства, в великий поход народа к своему будущему, мы сталкиваемся с тем, что внутренняя борьба и пустопорожные дискуссии снижают способность этих учебных центров выполнять свой нынешний долг. Поэтому мы хотим использовать этот момент, чтобы высказать нашу правду. Может быть, горькую правду, может быть, в чем-то несправедливую, может быть, очень раздражающую многих, но выражающую мысли Революционного правительства. Правительства честного, не пытающегося захватить или сломить институт, который не является его врагом, а напротив, должен быть его союзником, его самым близким и эффективным сотрудником. И обращается с этим именно к студентам, потому что никогда революционный студент не будет ни врагом, ни даже противником того правительства, которое мы представляем. Потому что мы постоянно стремимся к тому, чтобы учащаяся молодёжь присоединила к полученным в аудиториях знаниям созидательный энтузиазм всего народа Республики и влилась в огромную армию тех, кто делает, покинув малый отряд тех, кто только говорит.

Вот поэтому я и пришёл сюда не только, чтобы произнести речь, а для того, чтобы представить некоторые полемические тезисы

сы и, естественно, призвать к дискуссии, какой бы острой и эмоциональной она ни была, но всегда идущей на пользу демократическому строю. К объяснению всех фактов, к анализу того, что происходит в стране, и к анализу того, что произошло в других странах с людьми, занимавшими некогда позиции, подобные тем, которые занимают сегодня некоторые студенческие группы.

И в заключение, напоминание студентам, интересующимся этими проблемами университетской реформы: изучайте будущую жизнь, будущую, но уже и прошедшую; жизнь с того момента, когда началась реформа восемнадцатого года, и до настоящего времени; изучите жизнь каждого из деятелей той реформы. Уверяю вас, что это интересно.

Вот и всё.

Журнал «Mambi», 15 октября 1968 г.

Роль Университета в экономическом развитии Кубы

выступление в Гаванском университете, 2 марта 1960 года

Мои дорогие товарищи!

Прежде чем приступить к теме нашей сегодняшней беседы, я хотел бы предостеречь вас от слишком большого доверия к словам господина Наранхо. Позвольте мне остаться тем, кем я на самом деле являюсь, — скромным революционером и студентом первого курса... (*аплодисменты*). Я — студент первого курса по специальности «финансы» Университета Революции. (*Аплодисменты*.)

Просто я пришёл побеседовать с вами, используя это немного туманное звание революционера и роднящее меня с вами общее звание студента.

Я думал, что беседа эта могла бы быть более непринуждённой, с вопросами и ответами и даже с дискуссией, однако особые её условия — трансляция на всю страну, участие телевидения и т.д. — принуждают к большей упорядоченности в изложении темы, которую я хотел бы развить. Темы, которая заботит меня персонально и, думаю, является предметом озабоченности многих из вас.

Она могла бы быть озаглавлена примерно так: «Роль Университета в экономическом развитии Кубы» — поскольку мы вступаем в новый этап экономического переустройства.

Мы добились всех необходимых характеристик политического устройства страны, позволяющих начать эту экономическую реформу — и мы сделали первый её шаг, изменив структуру землевладения в нашей стране. Иначе говоря, мы начали с того, с чего должны начинаться процессы экономического развития, — с аграрной реформы.

Но для того чтобы знать, каким должен быть этот процесс, нам необходимо самоопределиться в историческом и экономическом плане. Если мы находимся в самом начале процесса развития, это значит, что наша экономика не является развитой, или, иными словами, мы являемся страной слаборазвитой, недоразвитой, полуколониальной, полуиндустриальной (как хотелось бы оптимистам) — можете назвать её как хотите, но в любом случае мы должны основательно изучить, каковы же характерные черты того состояния,

которое превратило нас в слаборазвитую страну. И найти средства, которые позволят нам выйти из этой ситуации.

Конечно, одна из первых характеристик слаборазвитой страны — это отсутствие промышленности, зависимость от поставок необходимых промышленных товаров из-за рубежа. И Куба по этому первому критерию точно соответствует понятию слаборазвитости. Почему же на протяжении целого ряда лет Куба, будучи в полном смысле слова полуколониальной страной, выглядела процветающей? Просто потому что исключительные климатические условия Кубы и ускоренное развитие одной-единственной отрасли промышленности — сахарной позволили нам конкурировать на мировом рынке, обладая необходимым уровнем производительности труда в этой единственной отрасли, в производстве сахара.

Североамериканские капиталы, нарушившие ими же самими установленные законы, дали импульс развитию этой отрасли. Дело в том, что ещё в эпоху североамериканского правления на Кубе¹⁾ был издан закон, который запрещал североамериканцам владеть землями на острове. Такова была буква закона который, однако, был быстро нарушен; декрет Сангили, запрещавший иностранцам иметь землю на Кубе, не был претворён в жизнь — и мало-помалу они стали собственниками сахарных латифундий и создали эту мощную отрасль производства: более 160 централей, дававших до 6 млн. тонн сахара в год — и с производительностью, делавшей их продукцию конкурентоспособной на мировом рынке. Но они озаботились — и весьма — и тем, чтобы Куба сохранила и другую характеристику полуколониальной страны, чтобы она оставалась монопроизводителем, зависела исключительно от одного продукта для получения валютных средств, на которые приобретались все необходимые товары потребления на зарубежных рынках.

При этом нам сделали видимость подарка в виде высоких цен на сахар — с одной стороны, и низких пошлин на товары, произведённые и ввозимые североамериканцами, — с другой. Это последнее сделало невозможной конкуренцию аналогичных товаров, произведённых в какой-либо иной стране (кроме США), в том числе и тех, которые производились на самой Кубе. Так втокнули нас в «свободную экономику, действующую исключительно в рамках закона спроса и предложения».

1) Т.е. в 1899–1903 гг.

Эта столь четко выраженная экономическая зависимость с первых же лет провозглашения национального суверенитета обернулась почти абсолютной зависимостью политической, сохранившейся и после отмены «поправки Платта»¹⁾. Эта политическая ситуация была ликвидирована первого января 1959 года, и немедленно возникли первые трения и трудности с «северным гигантом». Эти разногласия являются логичными, если одна из стран, привыкших к своему привилегированному положению, вдруг обнаружила, что эта маленькая карибская «колония» позволила себе разговаривать на том единственном языке, на котором может говорить Революция, — на языке равноправия участников диалога.

Сначала на карикатурах огромный Дядя Сэм смотрел с ухмылкой и удивлением на маленького бородатого карлика, который хочет пнуть его по ногам, потому что не достаёт выше — из-за роста. (*Аплодисменты*). Затем бородатый карлик внезапно вырос до достижения пропорций, одинаковых с североамериканскими, и появлялся на пикнике обладателей денег Америки в своём настоящем облике. И каждый раз, когда наш народ (*аплодисменты*) ... стремится выразить своё неудовлетворение и своё несогласие с грабежом, поднимается дорогое для нас знамя с портретом Фиделя Кастро. (*Аплодисменты*)...

Итак, поскольку речь идёт о политической проекции, мы доросли до самого высокого уровня в нашей, не освобождённой пока Америке. Мы совершенно бесспорно — нравится это или не нравится большим странам Америки (*аплодисменты*) — являемся лидерами народа. Для могущественных хозяев мы представляем собой всё, что есть абсурдного, негативного, непочтительного и беспокойного в Америке; всё то, что они презирают; но с другой стороны, для огромной массы американского народа, для того, который живёт южнее Рио-Браво, мы представляем собой всё благородное ... (*аплодисменты*), всё искреннее и борющееся, что есть у этих народов, пренебрежительно именуемых «метисами». Но мы отлично знаем, что наше политическое развитие намного перегнало развитие экономическое — поэтому-то и могут оказаться эффективными попытки экономической агрессии, планируемые палатой представителей США, ибо мы по-прежнему зависим от одного продукта и одного рынка. И когда мы изо всех сил боремся, чтобы освободиться от этой зависимости, и

1) Т.е. после 1934 г.

подписываем соглашение о поставке миллиона тонн сахара в Союз Советских Социалистических Республик и о предоставлении им кредита в сто миллионов долларов (или песо), вскакивают носители колониального духа и сеют замешательство, пытаясь доказать, что, продавая сахар другой стране, мы попадаем в рабство. И им не приходит в голову помолчать и подумать о том, сколько рабства означали и означают для народа Кубы те три миллиона тонн сахара, которые мы год за годом продавали по предположительно преференциальным ценам «гиганту Севера».

Сейчас мы должны развивать экономическую борьбу за диверсификацию наших рынков и диверсификацию нашего производства — и политическую борьбу за просвещение народа, чтобы в любой момент суметь объяснить ему, для чего же кубинская революция стала искать новые рынки. Чтобы суметь показать — анализируя историю с обсуждением новых законов в палате представителей США — исторические корни и мотивы того, почему мы должны принять превентивные меры против раскручивающейся агрессии и должны попытаться с максимальной быстротой освободить наши сахарные поставки для их выхода на новые рынки.

Но я не пришёл сюда только для того, чтобы говорить о сахаре. Я предпочел бы вообще не говорить о нем, потому что мы стремимся к тому, чтобы сахар стал лишь одним из многих и многих кубинских продуктов, производимых для обмена на всех рынках мира кубинскими руками и на кубинских заводах. (*Аплодисменты*). И вот здесь-то, на этом уровне приобретает всю свою значимость, всю свою реальную важность вопрос о роли техники и культуры в экономическом развитии страны. Другими словами — роль наших образовательных центров в будущем развитии нашей страны.

Я не думаю, что именно уровень образованности определяет модель страны, и мы даже доказали в своё время, что это не так, когда наша необразованная Повстанческая армия успешно сломала столько препятствий и предрассудков. Но не верно и то, что экономический процесс сам по себе придаст образованию — лишь благодаря эффекту экономической трансформации — качества, необходимые для развития страны. Образование и экономическое развитие находятся в постоянном взаимодействии, обуславливая друг друга. И если мы смогли полностью изменить национальную панораму на уровне экономики, то структура высшего образования в стране остаётся прежней. Проблема эта уже начинает стучаться в двери практики —

такие, например, как двери Национального института аграрной реформы.

Мы одним росчерком пера освободили нашу нефтяную промышленность, превратив её в кубинскую (*аплудисменты*); мы сделали основополагающий шаг для освобождения нашей горной промышленности и превращения её в кубинскую. (*Аплудисменты*). Мы начали процесс ускоренного развития шести наиважнейших и базовых отраслей промышленности, таких как: тяжёлая химия, органическая химия (от углеводов до сахарного тростника), горная промышленность, топливная промышленность, металлургия в целом и чёрная металлургия в особенности, а также производство продукции, от которой зависит интенсивное развитие нашего сельского хозяйства. Однако мы столкнулись с печальной реальностью: та подготовка, которую дают университеты страны, не соответствует новым потребностям Революции — ни по ориентации, ни по пропорциям и количеству выпускников.

Накануне, несколько дней назад, товарищ Кеведо спросил меня в своём письме о моём мнении насчёт того, нужно или не нужно иметь Школу Экономистов в Гаванском Университете. И когда для ответа на этот вопрос нам не осталось ничего другого, как запросить помощи экономистов, работающих в данный момент в плановых органах государства, ответ этот возник сразу же и в форме, граничащей с агрессивной. Это надо же: в ситуации, когда у нас нет других специалистов по экономике, кроме чилийцев, мексиканцев, аргентинцев, венесуэльцев, присланных из CEPAL или INRA, и когда даже наш министр экономики получил образование в иностранном университете, ответ на вопрос о том, существует или нет необходимость в Школе Экономистов, очевиден: нужда эта огромна. И в квалифицированных преподавателях вообще, и особенно в преподавателях, способных истолковать и объяснить ритм и направление развития нашей экономики, что равнозначно ритму и развитию нашей Революции.

Это лишь один из примеров, однако существует такая же нужда в инженерах-горняках, в инженерах-нефтяниках, в тех, кто может работать в контактах с инженерами-химиками, которые знают своё дело, которые работают в основных отраслях химической науки; в каждой из этих шести основных отраслей нашей индустрии, где правительство должно дать импульс, новый тонус и сверхдинамику развитию, нам недостаёт исполнителей, каковыми являются

техники. И заметьте, что я даже не говорю о технике-революционере, что было бы идеальным, — просто о технике любой категории и любого склада ума, какой бы ни была его идеологическая ограниченность, пережитки прошлого в его сознании. Ведь сегодня даже таких техников «без прилагательных» — подобия размягчённого асфальта на пути Революции — мы всё едино не имеем.

И ещё одно: в то время, когда студентам любого типа необходимо дать максимум возможностей для того, чтобы они могли исполнить свой долг и дойти до финала своего пути в высшем образовании, мы столкнулись с тем, что простой перевод студента из Санта-Клары в Гавану приводит к перерыву в цикле обучения. Потому что в этой маленькой стране три университета до сих пор не договорились о составлении по меньшей мере общих программ.

И если правительство делает важные шаги, хорошо зная, куда они ведут, и весь народ эти шаги поддерживает, и вы проходите военную подготовку, чтобы уметь защитить своими телами и своей кровью Революцию, которая сегодня является гордостью Америки, почему же ваш университет не может идти вместе с другими университетами по общей дороге и в общем ритме с революционным правительством? (*Аплудисменты*).

Я не хочу, чтобы мой приезд спровоцировал полемику перед лицом телевизионных камер; хочу просто обратить на это ваше внимание; чтобы вы подумали ещё раз: не может быть двойственности принципов и не может быть у студенческой молодежи двойственности критериев. Тот, кто готов отдать свою жизнь для защиты Революции, должен присоединиться и к действиям Революции. (*Аплудисменты*). И гораздо проще, что бы об этом ни говорили, гораздо легче приспособиться к определённым нормам, чем отдать жизнь за идеал.

Именно поэтому Университет приобрёл на данный момент особенную важность, но при этом превращается в определённой мере — несмотря на то, что состоит из отдельных индивидов, в большинстве своём поддерживающих наше правительство — в потенциальный фактор торможения Революции. Сегодня вы этого не боитесь, сегодня вы всё видите в розовом цвете, но придёт — рано или поздно — день, когда отсутствие технических специалистов решительно помешает становлению нашей промышленности и его придётся отсрочить на два, три, пять или кто знает сколько лет. И именно в этот момент можно будет увидеть, насколько важен был этот

фактор отставания высшего образования, которое не смогло подняться на уровень, требуемый Революцией. Революцией, которая есть — народ.

Но неизбежно ли это, фатально ли то, что университеты должны превратиться в фактор отставания, то есть почти что в очаги контрреволюции? Со всей силой моей революционной убежденности я отказываюсь верить в это, потому что единственное, что в этом случае нужно, абсолютно единственное — это координация. Ничего большего, чем это словечко, которое стало центром устремлений всех зависимых от правительства учреждений и которое должно быть также в центре внимания товарищей студентов. Координация между студентами университета Гаваны и учащимися университетов Лас-Вильяса и Ориенте. Координация программ обучения этих трёх университетов и программ обучения среднеобразовательных колледжей и институтов, которые питают своими выпускниками аудитории университетов. Координация между всеми этими учебными заведениями и Революционным правительством. Координация, необходимая для того, чтобы студенты знали, что согласно планам в определённый момент будущего правительству будут необходимы, скажем, сто инженеров-химиков — и что будут приняты меры, необходимые для того, чтобы приспособить всю структуру образования к тому, чтобы этих будущих химиков обучить... Координация — для того, чтобы не было переизбытка моих коллег — медиков, которые прозябают на своих бюрократических должностях, не выполняя великой социальной функции работника медицины и посвящая себя одной только борьбе за устройство своей личной жизни. Координация — для того, чтобы традиционные профессии, именуемые гуманитарными, сократили свой набор до того числа специалистов, которое действительно необходимо для культурного развития страны, и чтобы студенческие массы повернулись к новым профессиям, которых требует непрерывное развитие техники и чей недобор сегодня со всей силой скажется в дне завтрашнем.

Это и есть весь секрет триумфа — или провала — ну, скажем, не провала, а относительной неудачи — выполнения в возможно более быстром темпе плана Революционного Правительства. (*Аплодисменты*).

В настоящее время мы по соглашению с техническими специалистами международных организаций и техническими специалистами Министерства образования изучаем возможности для созда-

ния технологических институтов, которые станут основой для, скажем, среднего научного образования. Это сильно поможет нашему экономическому развитию. Но никогда страна не сможет называться по-настоящему развитой, пока она не может строить все свои планы и производить большинство необходимой для внутреннего потребления промышленной продукции внутри своих границ. Техника позволит нам производить всё что угодно. Но что именно и как производить, заглянуть за пределы сегодняшнего дня — это задача плановиков, и это должно изучаться в высших учебных заведениях, в институтах и университетах, на широкой культурной основе. С тем чтобы выпускники этого, нового Университета, о котором все мы мечтаем, смогли ответить потребностям той Кубы, которая возникнет через 10 или 15 лет.

Сегодня уже на многих постах мы видим целый ряд докторов, людей с учёной степенью, исполняющих бюрократические обязанности. В этой ситуации экономическое развитие подняло палец и сказало: «хватит», уже есть достаточное количество профессионалов, которые могут потребоваться в данных областях знаний. Но университеты оставались слепы к предупреждениям экономического процесса и продолжали выпускать из своих аудиторий этот тип профессионалов. Мы должны вернуться на несколько шагов назад, основательно изучить характеристики развития и дать ему наконец новых специалистов.

Кто-то мне сказал однажды, что профессия — это продукт призвания и склонностей, что это нечто внутреннее и что нельзя заставлять себя изменить призванию.

Во-первых, думаю, что это утверждение является ложным. Я думаю, что мой частный пример, говоря статистически, не имеет особой важности, но так или иначе я начинал мою учебу как будущий инженер, закончил как медик, затем был военным командиром, а сейчас вы меня видите в качестве докладчика (*аплодисменты*). Существуют некоторые общие склонности, это верно — они существуют. Но сегодня различные области науки настолько дифференцированы и вместе с тем настолько тесно связаны между собой, что трудно кому-либо на заре его интеллектуального развития с точностью определить, каково же его подлинное призвание. Конечно, кто-то, решив, что будет хирургом, станет им, и всю свою жизнь будет доволен тем, что он — хирург. Но рядом с ним будут ещё девяносто девять, которые будут хирургами, как могли бы стать дерматоло-

гами, психиатрами или администраторами больниц — в зависимости от требований или разрешения общества.

Призвание может быть частью — и притом малой частью — мотивации, когда решается вопрос о потребностях в новых, надлежащих быть созданными профессиях или о переориентации профессий, уже существующих. По-другому не может быть, потому что против иного решения проблемы выступают те факторы, о которых я сказал: гигантские потребности общества.

И кроме того, потому что сегодня сотни и тысячи, а может, и сотни тысяч кубинцев имели призвание и хотели стать врачами, или инженерами, или архитекторами, или овладеть какой-то другой профессией, и не могли стать ими просто из-за того, что не могли оплатить учебу. Другими словами, поскольку речь идёт о личных мотивах призвание не играет решающей роли. Настаиваю на этом, потому что в нашем современном мире, где нефролог (специалист по почкам), если говорить о тех профессиях, в которых я разбираюсь, крайне отдалён иногда от окулиста или ортопеда. Но в то же самое время эти три профессионала, как химики или физики, будут учиться для понимания феноменов материи на основе ряда элементов, которые являются общими для этих наук. Они будут разговаривать сегодня уже на языке физической химии или химической физики, а не просто на языке физики или на языке химии, как зачастую до сих пор преподают в среднеобразовательных колледжах. А также, насколько я помню, для хорошего понимания физики и химии необходимы математические знания. Таким образом, все профессии объединены в минимуме необходимых знаний, которыми должен овладеть студент. Почему же в этой ситуации предполагать, что наш товарищ, поступивший сегодня на первый курс Университета, уже может точно знать, что по истечении семи, или шести, или пяти лет — сколько ему положено, — после упорной учебы, в ходе которой он приобретает знания, о которых он даже не подозревал, он станет ортопедом или адвокатом, специалистом в криминологии..? Я считаю, что на всё это надо постоянно смотреть под углом зрения интересов масс, а не отдельных личностей, не исходя из того, что мы выступаем лишь как индивиды, более всего обеспокоенные защитой своей индивидуальности и способные отстаивать этот критерий тысячу и один раз, в то время как речь идёт об анализе и расчёте потребностей страны. Преступно мыслить, исходя только из индивида — потому что его потребности меркнут и тускнеют перед потребностями челове-

ского сообщества, состоящего из всех соотечественников этого индивида.

Говоря откровенно, хотелось бы привести вам, товарищи студенты, ряд цифр и данных, которые демонстрируют разрыв, существующий на настоящий момент между Университетом и потребностями Революции. К сожалению, наши статистики работают очень плохо и здесь сейчас тоже нет статистиков (буквально только что соответствующее отделение было организовано) и я не мог предстать перед вами, людьми, чей разум привык иметь дело с практически и физически ощутимыми проблемами, вооружённый убедительностью цифр. Я оставляю это для другого случая — конечно, если у вас будет столько же терпения, как в этот вечер. А на сегодня я буду удовлетворен, если после этих слов вы обсудите насущные проблемы и задачи университета уже не со мной, а между собой, со своими преподавателями, со своими товарищами из университетов Орьенте и Лас-Вильяса, чтобы обсудили их также с правительством, что равносильно обсуждению их с народом. (*Аплодисменты*).

Политический суверенитет и экономическая независимость

вступительная беседа телевизионной программы
«Народный Университет», 20 марта 1960 г.

Начиная беседу подобного типа, я, естественно, хочу приветствовать всех слушателей Кубы и повторить вслед за нашим товарищем, почему такое большое значение имеет этот вид народной педагогики, доходящий непосредственно до масс наших рабочих и крестьян, доводящий до них правду Революции, срывая все языковые покровы, специально предназначенные для того, чтобы затемнить правду; наша задача — сорвать с правды всё искусственное и показать её такой, как она есть.

Я имею честь начать этот цикл бесед, хотя сначала предполагалось, что выступать будет наш товарищ Рауль Кастро, но поскольку речь должна была идти о проблемах экономики, он передал эту задачу мне. Как солдаты Революции, мы будем выполнять ту задачу, выполнения которой требует наш долг, даже если у нас нет для этого, мягко говоря, идеальной подготовки. Может быть, это одна из таких задач — превратить в простые слова, во всём знакомые и понятные представления ту огромную важность, которую имеет тема политического суверенитета и экономической независимости, и объяснить, кроме того, теснейшую связь между этими двумя понятиями. Одно из них может, как это случилось на Кубе, предшествовать другому, но они обязательно сопутствуют друг другу и через некоторое время должны стать одним целым. Это можно утверждать, исходя и из положительного опыта Кубы, которая добилась политической независимости и немедленно посвятила себя борьбе за экономическую независимость, и из опыта отрицательного — тех стран, которые добиваются политической независимости или вступают на путь, к ней ведущий, а затем, из-за того, что не была обеспечена экономическая независимость, политическая независимость постепенно слабеет, пока не оказывается утеряна вовсе. Сегодня наша революционная задача состоит в том, чтобы думать не только о полном угрозах настоящем, но и о будущем.

Лозунг сегодняшнего дня — это планирование. Сознательная и умная реструктуризация всех проблем, к решению которых приступит народ Кубы в предстоящие годы. Мы не можем думать только о защитных действиях, о контрударах перед лицом более или менее непосредственной агрессии, но мы должны приложить все усилия, чтобы выработать целостный план, который позволит нам предвидеть будущее. Люди Революции должны осознанно идти навстречу своей судьбе. Но недостаточно, чтобы это сделали люди Революции, необходимо также, чтобы весь народ Кубы точно понимал, что такое революционные принципы. И чтобы он знал, что вслед за нынешним моментом, когда некоторым людям будущее представляется неопределённым, нас, несомненно, ждёт счастливое будущее, и будущее славное, потому что именно мы заложили первый камень свободы Америки. Поэтому столь важна эта программа, куда могут прийти и высказать свою точку зрения все люди, которым есть что сказать. Не то чтобы это было чем-то новым, потому что каждый раз, когда наш премьер-министр появляется перед камерами, он даёт великолепный урок, который может давать только педагог его уровня. Но и здесь мы планируем образовательную программу и стараемся разделить её на специализированные темы, не ограничиваясь ответами на вопросы. Приступим же непосредственно к нашей теме, как мы уже сказали, это — политический суверенитет и экономическая независимость.

Но перед тем, как сказать о задачах, которые Революция выполняет, чтобы сделать реальностью эти два слова, эти два понятия, которые всегда должны сопутствовать друг другу, следовало бы определить и разъяснить их вам. Определения всегда страдают изъянами, они всегда склонны замораживать понятия, делать их безжизненными — и всё-таки нужно по крайней мере дать общее представление об этих двух категориях-близнецах. Происходит так, что некоторые не понимают или не хотят понять (что, в общем, одно и то же), в чём состоит суверенитет, и пугаются, когда наша страна, например, подписывает соглашение (в подписании которого, кстати, я имел честь участвовать), торговое соглашение с Советским Союзом и, кроме того, получает кредит от этой страны. В истории Америки есть прецеденты подобной борьбы. К примеру, на днях, точнее, два дня назад, отмечалась очередная годовщина экспроприации нефтяных компаний в Мексике при правительстве генерала Ласаро Карденаса. Мы, молодые люди, в ту эпоху были ещё детьми (с тех пор про-

шло более двадцати лет) и не можем найти точные слова, чтобы описать потрясение, которое это событие вызвало в Америке, но в любом случае термины и обвинения были точно такими же, с какими сегодня приходится сталкиваться Кубе, с какими недавно столкнулась Гватемала, чему я лично был свидетелем; с какими в будущем придётся столкнуться всем странам, которые решительно вступят на этот путь свободы. Сегодня мы можем сказать, почти ничего не шаржируя, что то, как теле- и радиоконпании, крупные газеты Соединённых Штатов, эти глашатаи общественного мнения, преподносят любого правителя, действительно даёт представление о его значимости и честности, если просто заменить соответствующие слова на противоположные. Если какой-либо правитель подвергается большим нападкам, он, бесспорно, является лучшим, а мы сегодня имеем привилегию быть самой атакуемой страной и правительством, не только сейчас, а может быть, на протяжении всей истории Америки. Намного больше, чем Гватемала, и, может быть, даже больше, чем Мексика в 38-м или 36-м годах, когда генерал Карденас издал указ об экспроприации. Нефть в ту эпоху играла важнейшую роль в мексиканской жизни; сегодня у нас эту же самую роль играет сахар — роль монопродукта, который идёт на монорынок, то есть который идёт на один-единственный рынок.

«Без сахара нет страны», — истерически восклицают глашатаи реакции и верят при этом, что если рынок, который покупает у нас этот сахар, перестанет это делать, крах будет полнейшим. Как будто этот рынок, который покупает у нас этот сахар, делает это только из-за желания помочь нам. В течение веков политическая власть была в руках рабовладельцев, потом у феодальных сеньоров. И чтобы облегчить ведение войн против врагов и подавление восстаний угнетённых, они передавали свои исключительные права одному из них, самому решительному, самому жестокому. Он становился объединяющим ядром — королем, сюзереном и деспотом. Постепенно, на протяжении исторических эпох, он навязывал другим свою волю, пока не сделал её абсолютной. Мы, естественно, не будем рассказывать обо всём историческом развитии человечества, кроме того, время королей уже прошло. Остаются только некоторые образцы в Европе. Фульхенсио Батиста никогда не собирался зваться Фульхенсио I. Ему просто было достаточно, чтобы могущественный сосед признавал его президентом и чтобы офицеры его армии подчинялись ему, то есть чтобы обладатели физической силы, материальных сил, ин-

струментов насилия подчинялись ему и поддерживали его как самого сильного из них, самого жестокого из них или как того, кто имеет лучших друзей за границей. Сейчас существуют короли без короны — монополии, истинные хозяева целых стран, а иногда континентов, как это было до недавнего времени с африканским континентом и большей частью азиатского континента и, к несчастью, и с нашим американским континентом. Иногда монополии пытаются добиться мирового господства. Первым был Гитлер, представитель крупных немецких монополий, который пытался внедрить идею о превосходстве одной расы и навязать её путём мировой войны, которая стоила 40 миллионов жизней.

Значение монополий огромно, так велико, что оно сводит на нет политическую власть во многих наших республиках. Когда-то мы читали эссе Папини, где его персонаж Гог покупал республику и говорил, что эта республика думает, что у нее есть президенты, палаты депутатов, армии, что она суверенна, когда в действительности это он её купил. И эта карикатура точна; есть республики, которые имеют все формальные характеристики суверенных, и которые, однако, зависят от всеобъемлющей воли, например, *Compania Frutera*, чьим ненавидимым всеми директором был адвокат-неудачник. Другие зависят от *Standard Oil* или от какой-либо другой нефтяной монополии, третьи — от оловянных королей или от торговцев кофе — если приводить примеры из американской жизни, не прибегая к африканским и азиатским. Таким образом, политический суверенитет — это понятие, которому не нужно искать формальных определений, нужно лишь пойти немного глубже, нужно поискать его корни. Все договоры, все правовые кодексы, все политики мира утверждают, что политический национальный суверенитет — это идея, неотделимая от понятия суверенного государства, современного государства. Если бы это было не так, не приходилось бы некоторым державам называть свои колонии свободно присоединившимися государствами, то есть скрывать за этим определением колонизацию. Внутренняя политическая система, которую имеет каждый народ, в той или иной степени позволяющая или совершенно не позволяющая осуществлять свой суверенитет, должна быть вопросом, касающимся только этого народа. Но национальный суверенитет означает, во-первых, право страны на то, чтобы никто не вмешивался в её жизнь, право народа иметь то правительство и образ жизни, которые более всего ему подходят. Это зависит от его

воли, и только этот народ может определять, менять или не менять ему своё правительство.

Но все эти понятия политического суверенитета, национального суверенитета являются фикцией, если им не сопутствует экономическая независимость.

Вначале мы уже говорили, что политический суверенитет и экономическая независимость сопутствуют друг другу. Если нет собственной экономики, если она пронизана иностранным капиталом, нельзя быть свободным от опеки страны, от которой зависишь. И тем более страна не сможет осуществлять свою волю, если она сталкивается с крупными интересами той, другой страны, которая экономически господствует над ней. Эта мысль всё ещё не вполне ясна кубинскому народу, и необходимо повторять её снова и снова. Краеугольные камни политического суверенитета, заложенные 1 января 1959 года, будут надёжно укреплены только тогда, когда будет достигнута полная экономическая независимость. И мы сможем сказать, что идём по правильному пути, только если каждый день будут приниматься меры, обеспечивающие нашу экономическую независимость. В тот самый миг, когда правительственные меры приведут к тому, что движение по этому пути остановится или повернёт вспять, пусть это будет только один шаг назад, это будет означать, что всё потеряно и неизбежно начат возврат к системе колонизации, более или менее замаскированной в соответствии с характеристиками каждой страны и ситуации в обществе.

Сегодня очень важно разбираться во всех этих понятиях. Сейчас уже очень трудно задушить национальный политический суверенитет страны посредством неприкрытого и простого насилия. Последний или два последних тому примера — это безжалостное, коварное нападение английских и французских колониалистов на Порт-Саид в Египте и высадка североамериканских войск в Ливане. Тем не менее морскую пехоту уже не посылают так же безнаказанно, как это делали раньше. И намного легче поставить завесу лжи, чем вторгаться в страну только потому, что экономическим интересам какой-либо крупной монополии был нанесён ущерб. В данный момент вторгаться в страну, которая заявляет о своём праве на суверенитет в ООН, где все народы хотят высказывать своё мнение и голосовать, — затруднительно.

И не так легко усыпить собственное или мировое общественное мнение. Для этого необходимы огромные пропагандистские уси-

лия, которые подготовили бы условия для того, чтобы сделать эту интервенцию менее одиозной.

Именно это сейчас с нами и делают. Мы ни в коем случае не должны переставать подчеркивать при каждой возможности, что готовятся условия для того, чтобы усмирить Кубу — в той форме, в которой они сочтут необходимым. И только от нас зависит, чтобы эта агрессия не произошла. Они могут осуществлять экономическую агрессию в любых масштабах, но мы должны обеспечить в стране такой уровень сознательности, чтобы, если они захотят осуществить агрессию военную (непосредственно при участии солдат — соотечественников монополий или наёмников из других стран), цена, которую им придётся заплатить, была бы столь высока, чтобы они не смогли этого сделать.

И они пытаются утопить нас, они готовят условия, чтобы потопить в крови, если будет необходимо, эту Революцию только потому, что мы идём по пути экономического освобождения, потому что мы подаём пример другим странам, принимая меры, направленные на полное освобождение нашей страны и на то, чтобы степень нашей экономической свободы достигла уровня нашей сегодняшней политической свободы и политической зрелости.

Мы взяли политическую власть, мы начали борьбу за освобождение, имея власть, которую народ удерживает в своих руках, и удерживает твёрдо. Народ не может даже мечтать о суверенитете, если не существует власти, которая отвечала бы его интересам и чаяниям, а народная власть означает не только, что Совет Министров, полиция, суды и все правительственные органы находятся в руках народа. Также это означает, что и экономические органы переходят в руки народа. Революционная власть или политический суверенитет являются инструментом для завоевания власти экономической, для того, чтобы сделать полномасштабной реальностью национальный суверенитет. В кубинской ситуации это означает, что наше Революционное правительство является орудием для того, чтобы на Кубе правили — во всех смыслах и сферах, от политической сферы до распоряжения богатствами нашей земли и нашей промышленности — только кубинцы. Мы всё ещё не можем провозгласить перед могилами наших мучеников, что Куба является экономически независимой. И она не может быть независимой, когда корабль, задержанный в Соединённых Штатах, заставляет остановиться фабрику на Кубе, когда любое распоряжение какой-либо монополии парализует здесь за-

воды и фабрики. Независимой Куба станет, когда она разовьёт все свои средства, все природные богатства, когда будет гарантировано, посредством договоров, посредством торговли со всем миром, что ни одна иностранная держава не сможет осуществить одностороннюю акцию, которая могла бы помешать поддерживать ритм производства, а все фабрики и сельское хозяйство будут продолжать производить максимум возможного в рамках проводимого нами планирования.

Да, мы можем точно сказать, что днем, когда в качестве первого шага был достигнут национальный политический суверенитет, был день, когда победила народная власть, день победы нашей Революции, то есть 1 января 1959 года. Это был день, который всё больше и больше считается не только началом необычного года в истории Кубы, но и началом новой эры. И мы даже осмеливаемся думать, что это начало новой эры не только на Кубе, но и во всей Америке. Для Кубы 1 января — это высшая точка развития после 26 июля 1953 г. и 12 августа 1933 г., а также 24 февраля 1895 г. и 10 октября 1868 г.¹⁾ Но и для Латинской Америки это тоже означает дату её славы, служащую продолжением 25 мая 1809 года — дня, когда Морильо поднял восстание в Альто-Перу, или 25 мая 1810, день открытого заседания Кабиљдо в Буэнос-Айресе²⁾... или любой другой даты, которая знаменовала начало борьбы американского народа за свою политическую независимость в начале XIX века.

Эта дата, первое января, завоёванная ценой, невероятно высокой для кубинского народа, подытоживает борьбу многих поколений кубинцев — со времён складывания нации, — борьбу за суверенитет, за родину, свободу и полную политическую и экономическую независимость Кубы. Уже нельзя сводить её лишь к очередному кровавому, впечатляющему, решающему даже, если хотите, эпизоду, моменту в истории кубинцев. Первое января — это не только день гибели деспотического режима Фульхенсио Батисты, этого малень-

1) 10 октября 1868 г. — начало первой, десятилетней войны кубинского народа за независимость (от Испании); 24 февраля 1895 г. — начало второй, победоносной войны Кубы за независимость (Х. Марти, А. Масео, М. Гомес), 12 августа 1933 г. — бегство диктатора Х. Магадо, конец его девятилетней диктатуры.

2) Фактическое провозглашение независимости Аргентины; сегодня — национальный праздник страны.

кого отечественного Вейлера¹⁾, но это и дата рождения подлинной республики, политически свободной и суверенной, которая считает высшим законом полное достоинство человека.

Это первое января означает триумф всех наших мучеников предыдущих поколений, начиная с Хосе Марти, Антонио Масео, Максиме Гомеса, Каликсто Гарсиа, Монкады или Хуана Гуальберто Гомеса²⁾, чьими предшественниками, в свою очередь, были Нарсисо Лопес, Игнасио Аграмонте и Карлос Мануэль де Сеспедес³⁾, а продолжателями стала плеяда мучеников нашей республиканской истории — Мелья, Гитерасы, Франки Паисы, Хосе Антонио Эчеверриа или Камило Сьенфуэгосы⁴⁾.

И Фидель осознаёт, как осознавал всегда, с той поры, когда он полностью отдался борьбе за свой народ, всё величие революционной твёрдости духа, величие этой даты, которую сделал возможной коллективный героизм всего народа — этого великолепного кубинского народа, из которого возникла славная Повстанческая армия, продолжение армии мамби. Поэтому Фиделю нравится сравнивать стоящие перед нами теперь задачи с той задачей, которая стояла перед горсткой выживших бойцов после легендарной высадки с «Гранмы». Там, покинув «Гранму», мы оставили на ней все личные надежды, там началась борьба, в которой весь народ должен был победить или потерпеть поражение. И благодаря этой великой вере и этому великому единству со своим народом Фидель никогда не терял присутствия духа, даже в самые трудные моменты кампании; потому что он знал, что борьба не изолирована в горах Сьерра-Маэстры, что она идёт в каждом уголке Кубы, где мужчины и женщины поднимают знамя достоинства.

И знал Фидель, как позже узнали и все мы, что это была такая же борьба, как та, которую мы ведём сегодня, где весь народ Кубы победит или будет повержен. Сейчас он повторяет те же слова и говорит: или мы все спасёмся, или все пойдём ко дну. Вы знаете эту фразу. Потому что трудности, которые мы должны преодолеть, так

-
- 1) Командующий испанскими войсками в период борьбы Кубы за независимость, символ жестокости колонизаторов.
 - 2) Руководители национально-освободительной войны 1895–1898 гг.
 - 3) Руководители Десятилетней войны (1868–1878 гг.).
 - 4) Руководители и герои (погибшие) борьбы против диктатур Мачадо и Батисты в 1920–1930-х и 1950-х гг.

же трудны, как и в те дни, после высадки с «Гранмы». И всё же сегодня счёт бойцов идёт не на единицы и десятки, их насчитываются миллионы. Вся Куба превратилась в одну Сьерра-Маэстру, чтобы на территории, где окажется враг, дать решительный бой за свободу, будущее и честь нашей родины, которая сегодня, к несчастью, остаётся единственной, участвующей в битве.

Битва Кубы — это битва Америки, ещё не окончательная, по крайней мере не окончательная в том смысле, что даже если Куба проиграет эту битву, Америка её не проиграет; но если Куба выиграет эту битву, вся Америка выиграет схватку. Такова важность, которую приобрёл наш остров, и именно поэтому так хотят подавить «дурной пример», который мы подаем. В ту эпоху, в 56-м году, стратегической целью, то есть главной целью нашей войны, было свержение батистовской тирании, то есть восстановление всех понятий о демократии, суверенитете и независимости, уничтоженных иностранными монополиями. Начиная с той эпохи 10 марта 1952 г.¹⁾ Куба превратилась в такую же казарму, как и те, которые мы передаём сегодня под школы. Вся Куба стала одной казармой. 10 марта было делом рук не одного человека, а целой касты, группы людей, объединённых рядом привилегий, из которых самым честолюбивым, самым дерзким был Фульхенсио I нашей истории. Эта каста выражала интересы реакционного класса нашей страны, латифундистов, паразитического капитала и была связана с иностранным колониализмом. Их было много, целая компания исчезнувших как по мановению волшебной палочки типов, от manengues до приближенных к президенту журналистов, от штрейкбрехеров из желтых профсоюзов до царей²⁾ игорного бизнеса и проституции. 1 января была достигнута главная на тот момент стратегическая цель Революции: уничтожение тирании, которая почти семь лет проливала кровь народа Кубы. И всё же наша Революция, Революция, сознающая свою природу, понимает, что политический суверенитет тесно связан с суверенитетом экономическим.

Эта Революция не хочет повторять ошибок десятилетия 30-х годов — просто ликвидировать одиозную фигуру³⁾, не отдавая себе от-

-
- 1) Дата военного переворота, осуществлённого Батистой и положившего конец институтам представительной демократии на Кубе.
 - 2) Так в тексте.
 - 3) Речь идет о диктатуре Херардо Мачадо.

чёта в том, что фигура эта представляла определённый класс и определённую систему. И что если не будет уничтожена эта система, враги народа подыщут другого человека. Поэтому Революция стремится уничтожить корни терзающего Кубу зла. Мы должны брать пример с Марти и снова и снова повторять, что радикал — это просто человек, который доходит до корней; радикалом нельзя назвать человека, который не доходит до сути, или человека, который не заботится о безопасности и счастье людей. Эта Революция предлагает вырвать несправедливость с корнем, повторяет Фидель, следуя курсом Марти, хотя и используя другие слова.

Достигнув великой стратегической цели: свержения тирании и установления революционной власти, возникающей из глубин народа и отвечающей перед ним; власти, чья армия является сегодня вооружённой рукой народа, мы ставим сегодня новую стратегическую цель — завоевание экономической независимости, новое завоевание полного национального суверенитета. Вчера тактическими целями в рамках нашей борьбы были Сьерра, равнины (Ланос), Санта-Клара, Президентский Дворец, Колумбия¹⁾, центры производства, которые нужно было завоевывать прямыми атаками, или предварительно окружая их, или действиями подпольщиков. Сегодня нашими тактическими целями являются победа аграрной реформы, которая станет основой индустриализации страны, диверсификация внешней торговли, подъём уровня жизни народа для достижения той великой стратегической цели, каковой является освобождение национальной экономики. И экономический фронт стал главной ареной борьбы, хотя крайне важными являются и другие, например образование; недавно мы уже говорили о важности образования, которое даст нам необходимых для этой битвы специалистов. Но как раз это и указывает на то, что экономический фронт является сегодня наиболее важным, а образование предназначено для того, чтобы подготовить офицеров для этой битвы. Я могу называть себя военным, военным, пришедшим из народа, который взял в руки оружие подобно многим другим, просто повинуюсь зову; который исполнил свой долг

1) Равнины (Ланос) — пространства, разделяющие горные массивы Сьерра-Маэстра и Эскамбрай, восток и центр Кубы; Санта-Клара — столица провинции Лас-Вильяс, ключ к Гаване, выигранная Че решающая битва на заключительном этапе войны; Президентский Дворец, военный лагерь Колумбия — символы власти Батисты в столице, Гаване.

в нужный момент и который сегодня находится на известном вам посту. Я не претендую на то, чтобы быть экономистом, просто я, как все бойцы революции, нахожусь в новом окопе, куда меня направили, и моя сегодняшняя забота и ответственность — состояние национальной экономики, от которого зависит судьба Революции. Но эта битва на экономическом фронте отличается от тех, которые мы вели в Сьерре, это позиционные бои, бои, где непредвиденное почти не происходит, где концентрируются войска и тщательно подготавливаются атаки. Победы являются здесь результатом труда, упорства и планирования. В этой войне требуется коллективный героизм, самопожертвование всех, и это будет продолжаться не день, не неделю и не месяц, это очень долгая война, и она будет продолжаться тем дольше, чем больше мы будем изолированы и чем меньше мы будем знать все характеристики поля боя и чем менее полным будет наш анализ врага.

Эта война тоже ведётся многими видами «оружия», начиная от четырёхпроцентного взноса трудящихся на индустриализацию страны до работы каждого кооператива, до создания отраслей, до сих пор неизвестных в национальной промышленности, таких как цитрохимия, та же базовая химия или металлургия, и её главная стратегическая цель — следует постоянно помнить об этом — завоевание национального суверенитета. Но завоевать что-либо — означает отнять это у другого, и следует выражаться ясно, не прячась за понятиями, которые могут быть неправильно истолкованы. Мы должны завоевать суверенитет страны, и нужно отобрать его у тех, кого называют монополиями. Хотя монополии вообще-то не имеют отечества, все монополии, которые были на Кубе, которые пользовались кубинской землёй, имеют очень тесные связи с Соединёнными Штатами. Иными словами, наша экономическая война — это война против могущественной державы Севера, и это не простая война. Иначе говоря — наш путь к освобождению предполагает победу над монополиями и конкретно над североамериканскими монополиями. Контроль над экономикой одной страны со стороны другой, бесспорно, уродует экономическое развитие первой из этих стран.

24 февраля Фидель сказал в СТС¹⁾: как можно было считать, что революция будет ждать решения от инвестиций частного инос-

1) СТС — Confederacion de Trabajadores de Cuba — единый профцентр страны.

транного капитала? Как можно было предполагать, что революция, возникшая из борьбы за права трудящихся, которые нарушались в течение многих лет, станет ждать решений от частных иностранных инвестиций, которые движутся туда, где капитал имеет больший интерес, которые вкладываются не в те товары, которые необходимы стране, а в те, которые обещают большую прибыль? Стало быть, Революция не могла выбрать этот путь, путь эксплуатации, иначе говоря, нужно было искать другой путь. Надо было нанести удар по самой вредоносной из всех монополий, по монополии на владение землёй, разрушить её, передать землю в руки народа и начать, таким образом, настоящую борьбу, потому что, несмотря ни на что, именно это стало первым боевым соприкосновением двух врагов. Главная же битва развернулась не на уровне аграрной реформы, она уже стала фактом; битва разворачивается сейчас и развернётся в будущем на ином поле, потому что, несмотря на то что монополии обладали здесь большой территорией, самые главные из них находятся в химической промышленности, в машиностроении, в нефтяной отрасли, и именно там им мешает пример Кубы, дурной пример, как они его называют.

Тем не менее, начинать надо было с аграрной реформы. Полтора процента собственников земли, собственников кубинских или не кубинских, но собственников кубинских земель, владели сорока шестью процентами национальной площади, а семьдесят процентов владели только двенадцатью процентами национальной площади. У нас было 62 тысячи земельных наделов размером меньше $\frac{3}{4}$ кабальерии¹⁾, при том, что согласно закону об аграрной реформе минимально необходимым для жизни являются две кабальерии, т. е. это необходимый минимум неорошаемой земли для того, чтобы семья из пяти человек могла прожить, удовлетворяя минимум своих потребностей. В Камагуэе пять компаний, пять-шесть сахарных компаний, контролировали 56 тысяч кабальерий. Это составляет двадцать процентов всей площади провинции.

И кроме того, монополии владеют никелем, кобальтом, железом, хромом, марганцем и всеми нефтяными концессиями. В нефтяном секторе, например, были предоставлены и поданы заявки на концессии, общая площадь которых в три раза превосходила площадь страны. То есть отдана была вся национальная площадь, прилегаю-

1) Одна кабальерия = 13,4 гектара; $\frac{3}{4}$ кабальерии = 10 га.

шие островки и вся зона кубинского континентального шельфа и, кроме того, были зоны, на которые были поданы заявки со стороны двух или трёх компаний, оспаривавших эти зоны друг у друга. Эти отношения собственности североамериканских компаний также были ликвидированы. Также был нанесён удар по спекуляции жильём посредством снижения платы за жилье — а теперь и плана INAV по предоставлению дешёвого жилья. У нас было много монополий в жилищном секторе, и хотя они, возможно, и не были североамериканскими, это был паразитический капитал, связанный с североамериканцами, по крайней мере в смысле идеологической концепции частной собственности на службе одного человека для эксплуатации народа.

Вмешательство государства в управление крупными рынками и создание народных магазинов, из которых 1400 находятся в сельской местности, позволили обуздать, по крайней мере сделать первый шаг на пути обуздания спекуляции и монополии во внутренней торговле.

Вы знаете, как дорожают продукты, и если нас слушают крестьяне, вы знаете, какая большая разница между сегодняшними ценами и ценами, которые в ту злосчастную эпоху назначали на селе *garroteros*¹⁾. По крайней мере удалось обуздать ранее ничем не ограниченные действия монополий в области жизнеобеспечения.

Телефон и электричество — это два примера. Монополия фигурировала во всех областях жизни кубинского народа. Не только в экономической сфере, о которой мы сейчас говорим, но и в политике и культуре.

Теперь надо было сделать ещё один важный шаг в нашей борьбе за освобождение: нанести удар по монополии на наш рынок.

Уже заключены несколько торговых договоров с разными странами, и на кубинский рынок на условиях полного равенства постоянно приходят новые страны. Из всех подписанных договоров, несомненно, самым важным является договор, заключённый с Советским Союзом. Необходимо помнить это, потому что на данный момент с нашими продажами происходит нечто необычайное: мы продали весь сахар в рамках нашей квоты на мировом рынке, при этом у нас всё ещё есть заявки на сахар в размере от восьмисот тысяч до миллиона тонн, заключаются новые контракты, новые договоры с

1) Гарротерос — здесь палачи, душители (исп.).

другими странами. Кроме того, мы обеспечили на пять лет вперёд продажу миллиона тонн. Конечно, мы получим за этот сахар только двадцать процентов оплаты в долларах, но доллар — это не более чем инструмент для покупки, у доллара нет никакой другой ценности, чем его покупательная способность, и мы, получая промышленную продукцию или сырьё, просто используем сахар в качестве доллара. Некоторые мне говорили, что разорительно подписывать подобный контракт, поскольку расстояние, отделяющее Советский Союз от Кубы, значительно удорожает все импортируемые продукты. Подписанный контракт на нефть не оставил от этих предсказаний камня на камне. Советский Союз обязался поставлять на Кубу нефть различных сортов по цене на тридцать три процента дешевле, чем у североамериканских монополистических компаний, которые находятся от нас на расстоянии шага. Это и называется экономическим освобождением.

Естественно, есть те, кто утверждает, что Советский Союз продаёт нам нефть по такой цене из политических соображений, что это делается только для того, чтобы нанести ущерб Соединённым Штатам. Мы можем согласиться, что это действительно так. Да, если Советскому Союзу при осуществлении им своего суверенитета хочется проучить Соединённые Штаты, он продаёт нам нефть и покупает у нас сахар. Но нас это не касается, нас не касаются их намерения, торгуя, мы просто продаём товар и не продаём национальный суверенитет, как это делали раньше. Мы просто будем говорить на языке равенства. Каждый раз, когда здесь появляется представитель новой страны мира, сегодня он будет говорить на языке равенства. Не имеет значения размер страны, которую он представляет, или мощь её пушек. Как независимая нация Куба имеет голос в ООН наравне с Соединёнными Штатами и Советским Союзом.

В этом духе были заключены все договоры, и в этом духе будут заключаться все новые торговые договоры. Потому что следует настаивать на том, что понимал и ясно сказал Марти много лет назад, когда он заявлял, что нация, которая покупает, — это нация, которая командует, а нация, которая продаёт, — это нация, которая подчиняется. Когда Фидель объяснял, что торговый договор с Советским Союзом очень выгоден Кубе, он просто объяснял... даже не объяснял, можно сказать, он выразил чувства кубинского народа. Действительно, весь мир почувствовал себя немного более свободным, когда узнал, что можно подписывать торговые договоры, с кем хочешь, и весь

мир почувствует себя ещё свободнее, когда узнает, что в этом случае был подписан не просто торговый договор в рамках осуществления суверенитета страны, но что это один из самых выгодных для Кубы торговых договоров. И когда будут изучены кабальные ссуды североамериканских компаний и сравнены со ссудой или кредитом, предоставленным Советским Союзом на двенадцать лет под два с половиной процента, под самый низкий процент в истории международных торговых отношений, станет видна его важность. Это правда, что кредит этот дан для покупки советских товаров, но правда также и то, что ссуды Export Bank'a, например, который вроде бы является международной структурой, предназначены для покупки товаров в Соединённых Штатах. И кроме того, эти ссуды предоставляются для того, чтобы покупать определённые товары иностранных монополий. Например, Export Bank даёт ссуду (конечно, это не значит, что это происходит на самом деле) бирманской Электрической Компании — представим себе, что бирманская Электрическая Компания равняется кубинской Электрической Компании — и ссужает этой компании восемь, десять или пятнадцать миллионов песо. Затем он же ставит свою аппаратуру, начинает поставлять очень дорогой электрический ток, причём с перебоями, получает огромный процент, а потом эта страна выплачивает основную сумму. Таковы системы международных займов. Это коренным образом отличается от кредита, предоставленного стране для того, чтобы эта страна его использовала на благо всех детей этого народа. Было бы совсем другое дело, если бы Советский Союз ссудил 100 миллионов песо своей дочерней компании, чтобы наладить здесь свой бизнес и вывозить дивиденды обратно в Советский Союз. Но на самом деле сейчас планируется построить с помощью СССР большое металлургическое предприятие и нефтеперерабатывающий завод, полностью национальные и на службе народа.

Иначе говоря, всё, что мы заплатим, означает только оплату того, что мы получили, причём правильную и честную оплату, как мы уже видели в случае с нефтью. Но я не могу пока сказать, что по мере того, как будут подписываться другие договоры, мы сможем так же открыто сообщить всем и о чрезвычайно низких ценах на все товары, которые производит наша страна, и что все они будут высокого качества.

Нам оппонирует газета *Diario de la Marina*, и стоит её процитировать ещё раз. К сожалению, я не принес самой интересной ста-

тьи, в которой приводятся пять, шесть или семь причин, по которым этот договор им кажется плохим. Все они лживы, естественно. Но они лживы не только в интерпретации, что уже плохо. Они лгут даже в фактах. Они лгут, например, когда говорят, что договор означает обязательство Кубы поддерживать советские действия в ООН. Это совершенно не так. В декларации, которая является приложением к этому договору и которая была отредактирована при обоюдном согласии, Куба обязуется бороться за мир в рамках ООН. То есть, как уже разъяснил Фидель, Кубу обвиняют как раз в том, для чего была создана ООН — согласно её учредительным документам. А освещение всех прочих экономических вопросов страдает крупными ошибками и грубой ложью, которые уже были опровергнуты нашим Министерством торговли. Самая большая ложь относится к вопросу о ценах. Вы знаете, что цена сахара естественным образом устанавливается на мировом рынке через спрос и предложение. *Diario de la Mañana* утверждает, что если этот продаваемый Кубой миллион тонн Советский Союз, в свою очередь, выбросит на мировой рынок, Куба ничего не выиграет. Это ложь просто потому, что в договоре твердо закреплено, что Советский Союз может вывозить сахар только в те страны, которые обычно покупали у него сахар и раньше. Советский Союз — импортер сахара, но он также экспортирует рафинированный сахар в некоторые пограничные страны, которые не обладают сахароперерабатывающей промышленностью, как, например, Иран, Ирак, Афганистан. И естественно, Советский Союз будет продолжать экспортировать сахар в те страны, в которые он обычно его экспортировал, но наш сахар будет потребляться полностью в рамках планов увеличения народного потребления в самом СССР.

Если североамериканцы так сильно озабочены, заявляя даже в Конгрессе, что Советский Союз их догоняет, и если они верят Советскому Союзу, почему мы не должны ему верить? Когда Советский Союз говорит нам, и, кроме того, подписывает договор, а не просто говорит на словах, что этот сахар — для внутреннего потребления, ни одна газета здесь не должна сеять сомнения, которые подхватываются на международном уровне и которые действительно могут повредить ценам на сахар. Это не что иное, как контрреволюционное действие. Это действия тех, кто не может примириться с потерей своих привилегий.

Другой вопрос — о ценах на кубинский сахар: вопрос, заслуживший незаслуженное упоминание со стороны одного из глашата-

ев контрреволюции (речь шла о т.н. цене Линкольна): в связи со сделанным нами несколько дней назад заявлением они настаивают на том, что эти сто или сто пятьдесят миллионов лишних песо, которые США платят за наш сахар, представляют собой их подарок Кубе. Это не так. В связи с данной ценой Куба подписала тарифное обязательство, согласно которому за каждый песо, который североамериканцы тратят на Кубе, Куба должна была тратить примерно песо и пятнадцать сентаво. Это значит, что за десять лет из рук кубинского народа в руки североамериканских монополий перешёл миллиард долларов. У нас нет причин дарить что-либо кому-либо, но если бы эти деньги перешли из рук кубинского народа в руки североамериканского народа, мы бы ещё могли быть довольны. Однако они перешли в сундуки монополий, которые являются не чем иным, как инструментом подавления, и видят свою цель в том, чтобы помешать угнетённым народам мира пойти по пути освобождения. Кредиты, которые Соединённые Штаты давали Кубе, стоили Кубе шестьдесят один сентаво процентов за каждый песо. И это краткосрочные займы. Не будем говорить, во что бы это обошлось нам в рамках долгосрочного займа, такого, какой предоставляет нам Советский Союз. Поэтому мы продолжаем постоянно следовать заповеди Марти, а во внешней торговле настаиваем на как можно большей её диверсификации, на том, чтобы не ставить себя в зависимость от одного покупателя и диверсифицировать не только нашу внешнюю торговлю, но и наше внутреннее производство, чтобы иметь возможность продавать на большем числе рынков.

Итак, Куба идёт вперёд. Мы переживаем действительно звездный момент нашей истории, когда взгляды всех стран Америки устремлены на этот маленький остров, а реакционные правительства обвиняют Кубу во вспышках народного негодования, которые происходят во всех уголках Америки. Уже не раз было ясно подчеркнуто, что Куба не экспортирует революцию; революцию нельзя экспортировать. Революции происходят тогда, когда внутри страны возникает ряд неразрешимых противоречий. Куба экспортирует только свой пример, тот самый «плохой пример», о котором я уже говорил. Это пример маленького народа, который опровергает законы лженауки, именуемой «геополитика», и перед самой пастью монстра, о котором говорил Марти, бросает клич свободы. Вот то преступление, вот тот пример, которого боятся североамериканские империалисты и колониалисты. Они хотят раздавить нас, потому что мы

поднимаем знамя Латинской Америки, они хотят применить к нам доктрину Монро, и уже существует новая редакция этой доктрины, представленная в Сенат Соединённых Штатов; думаю, что, к счастью для них самих, её не приняли или она не прошла одной из комиссий.

Мне представилась возможность прочитать констатирующую часть этой версии, и она отражает такой пещерный, такой крайне колониалистский менталитет, что, думаю, её принятие стало бы позором североамериканского народа. Этот проект возрождал доктрину Монро, но в ещё более откровенном виде, один из параграфов гласил, я точно это помню: «Поскольку доктрина Монро ясно устанавливает, что ни одна страна, находящаяся за пределами Америки, не может поработать американские страны». То есть страна, находящаяся в пределах Америки, может это делать. И дальше следовало: «... эта редакция (доктрины Монро), более чем прежняя, даёт основания для вмешательства без обращения в ОАГ» с тем, чтобы потом поставить ОАГ перед свершившимся фактом. Ну что ж, это политические опасности, производные от нашей экономической кампании за освобождение. У нас сейчас... прежде всего у нас мало времени, но... мы должны рассмотреть последнюю проблему — как инвестировать нашу валюту, как инвестировать усилия нации, чтобы ускорить реализацию наших экономических планов. 24 февраля, выступая перед трудящимися при получении символического четырёхпроцентного взноса¹⁾, Фидель Кастро сказал: «... но когда Революция пришла к власти, уже нельзя было больше снижать наши резервы, а народ привык к более высокому уровню потребления импорта по сравнению с экспортом».

Вот в такой ситуации страна должна инвестировать, должна экономить или же должна получать капитал из-за границы... Каким был наш тезис об экономии, прежде всего экономии валюты для развития нашей собственной промышленности? Было выдвинуто положение о ввозе частного капитала. Когда речь идёт о национальном частном капитале, капитал находится внутри страны. Но когда речь идёт об импорте капитала — а нам требуются капиталы и предлагаемая нам формула решения заключается во вложении частного капи-

1) На многочисленных собраниях, прошедших «зимой» 1960–1961 гг. на предприятиях Кубы, трудящиеся принимали решения об отчислении 4 % заработка на нужды индустриализации страны.

тала, — мы находимся в следующей ситуации. Иностранный частный капитал не перемещается из благородства, он не движим актом благородного милосердия, не мобилизуется желанием прийти к народам. Иностраный капитал движется из желания помочь себе самому. Частный иностранный капитал — это капитал, который становится излишним в одной стране и переводится в другую, где зарплаты ниже, условия жизни, сырьё дешевле, что даёт большие прибыли. То, что движет иностранным частным капиталом, — это не щедрость, а прибыль, а нам здесь всегда предлагалось дать гарантии частным инвесторам, чтобы решить проблемы индустриализации.

В сельское хозяйство и промышленность будут вложены триста миллионов песо. Речь идёт о битве за экономическое развитие нашей страны и решение наболевших проблем. Конечно же, это не простой путь. Вы знаете, что нам угрожают, вы знаете, что говорят об экономических санкциях, о военных маневрах, о том, чтобы лишить нас квот, и т.д. и т.п., в то время как мы просто пытаемся продать наши товары. Значит ли это, что мы должны отступить? Что мы должны оставить всякую надежду на лучшее, если нам угрожают? Каков правильный путь народа? Кому вредит наше желание развиваться? Разве мы хотим жить за счёт труда других народов? Разве мы хотим жить за счёт богатств других народов? Так чего же хотим мы, кубинцы? Мы хотим жить не за счёт чужого пота, мы хотим жить за счёт своего пота. Не жить за счёт чужих богатств, а жить своими богатствами, чтобы удовлетворять все материальные нужды нашего народа и на этой основе решить все остальные проблемы страны. Поэтому мы говорим не об экономике как об экономике «для себя», а об экономике как основе для удовлетворения всех остальных нужд страны: образования, гигиены и здравоохранения, нужды в жизни, которая состояла бы не только из работы, но и из развлечений; нужды в решении крупных проблем, которые достались нам в наследство со времён колонии... Как мы потратим все эти миллионы, это вам объяснит какой-нибудь другой товарищ во время одной из следующих бесед, рассказывая не только как, но и почему мы их потратим так, а не иначе, на избранном нами пути.

Теперь для слабых, для тех, кто боится, для тех, кто думает, что мы единственные в истории, кто попал в подобную ситуацию, и что спасения нам нет и что если мы не остановимся или не отступим, то мы пропадём — я хочу привести ещё одну последнюю цитату, историю, которую рассказывал Хесус Сильва Эрсог, мексиканский

экономист, автор закона об экспроприации нефти. Эта история относится к той пережитой Мексикой эпохе, когда международный капитал тоже перешёл в наступление против духовных и культурных ценностей народов — под теми же лозунгами, которые повторяли в сжатом виде всё то, что сегодня говорится о Кубе, и история эта такова. «Само собой, говорили, что Мексика — коммунистическая страна. Поминался призрак коммунизма. В книге, которую я уже цитировал на предыдущих конференциях, посол Дэниэлз рассказывает, как он в те трудные дни отправился в Вашингтон и один английский джентльмен заговорил с ним о мексиканском коммунизме. Сеньор Дэниэлз говорит ему: «Ну, я не знаю в Мексике ни одного коммуниста, кроме Диего Риверы, но всё-таки, что такое коммунист?» — спрашивает затем Дэниэлз у английского джентльмена. Тот садится в удобное кресло, размышляет некоторое время, потом поднимается и пытается дать определение. Оно его не удовлетворяет. Он снова садится, вновь принимается размышлять, начинает потеть, снова встаёт и даёт другое определение. И оно тоже оказывается неудовлетворительным. И так продолжается до тех пор, пока он в отчаянии не говорит Дэниэлзу: «Сеньор, коммунист — это любой тип, который нам досаждаёт».

Вы можете оценить, как повторяются исторические ситуации; я уверен, что все мы довольно сильно досаждаем другим людям. Похоже, мы с Раулем разделяем честь быть самыми досаждающими... Но параллели исторических ситуаций имеют своё продолжение. Подобно тому, как Мексика национализировала свою нефть и смогла пойти вперёд, а Карденас был признан самым великим из всех президентов, которых имела эта республика, так и мы пойдём вперёд.

Все те, кто находится на другой стороне, будут как угодно называть нас, будут говорить нам всё что угодно; единственной правдой является то, что мы работаем на благо народа, что мы не отступим, а эти люди, те, у кого экспроприировали, конфисковали собственность, «сикитрильдос»¹⁾, они не вернуться...

1) Наиболее труднопереводимое из тех прозвищ, которыми наградили кубинцы в 1959–1961 гг. контрреволюционеров, злопыхателей, эмигрантов и т.д. («la siquitrilla» — грудная кость курицы).

Речь на открытии первого Съезда латиноамериканской молодёжи

28 июля 1960 года

Товарищи из Америки и всего мира! Пришлось бы слишком долго передавать привет нашей Родине индивидуально каждому из вас и каждой из стран, которые вы представляете. Особо, однако, мы хотим приветствовать представителей стран, ставших жертвами природных катаклизмов — и катастроф, явившихся результатом действий империализма. Это относится к Клотарио Блесту — представителю братского народа Чили, ставшего жертвой одного из самых страшных землетрясений в истории человечества¹⁾.

Мы хотим также особо приветствовать Хакобо Арбенса (*аплодисменты*), президента первой латиноамериканской нации, бесстрашно поднявшей свой голос против колониализма и выразившей чаяния крестьянских масс в глубокой и смелой аграрной реформе. Мы благодарны ему и погибшей гватемальской демократии за пример и опыт, которые они нам дали. Мы поняли и верно оценили ошибки, с которыми не смогло справиться его правительство, чтобы, не повторяя их, дойти до сути проблемы и одним махом снести головы²⁾ и власть предрержащим, и своре их наёмных палачей.

И ещё мы хотим приветствовать две самые многострадальные, наверное, делегации Америки: Пуэрто-Рико (*аплодисменты*) — страны, которая сто пятьдесят лет назад первой в Америке объявила себя свободной, но и сегодня продолжает бороться за то, чтобы сделать хотя бы первый шаг к этой цели: создать свободное — хотя бы формально — правительство. Мне бы хотелось, чтобы делегаты из Пуэрто-Рико передали приветствие от меня и от всей Кубы Педро Альбису Кампосу³⁾ (*аплодисменты*). Нам бы хотелось, чтобы вы передали ему

-
- 1) Че говорит о землетрясении марта 1960 г.
 - 2) «Abajo y de un solo tajo» — формула «macheteros», рубщиков сахарного тростника на Кубе.
 - 3) Лидер движения за независимость Пуэрто-Рико, приговоренный в 1955 г. к пожизненному заключению американским трибуналом.

всю нашу взволнованность, сердечность, признательность — за пример мужества, который он нам подаёт; всю силу братского чувства, которое испытывают свободные люди к человеку, свободному, несмотря на то что он находится в застенках США, провозглашающих себя демократической страной. (Крики: «Долой!»). Но мне хотелось бы — как бы парадоксально это ни звучало — приветствовать сегодня и делегацию, представляющую лучшую часть североамериканского народа. (Аплодисменты). Приветствовать её, потому что народ Северной Америки не только не отвечает за акты варварства и несправедливости своих правителей, но и выступает как жертва гнева народов всего мира, которые зачастую не видят разницы между общественной системой — и народом.

Итак, ещё раз передаю мой привет выдающимся личностям, здесь присутствующим, и делегациям братских народов. Мои объятия и объятия всей Кубы открыты для всех вас, мы хотим показать вам всё, что у нас есть хорошего, и то, что у нас плохо, чего мы достигли, а что ещё предстоит достичь, какой путь мы уже прошли — и что нас ждёт впереди. Потому что, хотя вы приехали сюда прежде всего для того, чтобы принять участие в обсуждении наших общих проблем, представляя позицию своих стран, — всех вас, я уверен, привело сюда и стремление с наибольшей полнотой узнать и понять, что же собой представляет этот феномен, родившийся на острове в Карибском море, феномен, зовущийся сегодня: Кубинская революция.

Многие из вас, принадлежащие к различным политическим течениям, спрашивают и сегодня — так же как делали это вчера и, быть может, будут делать это завтра, — что же это такое Кубинская революция? Какова её идеология? И сразу же и у сторонников, и у противников возникает следующий в этих случаях вопрос: Кубинская революция коммунистическая или нет? Кто-то с надеждой скажет «да» — или «к тому всё идёт». Кто-то скажет это «да» разочарованно. Кто-то так же разочарованно скажет «нет». А кто-то скажет «нет» с надеждой.

Если бы меня лично спросили, является ли эта революция, которую вы видели в деле, коммунистической, я бы после популярного объяснения по теме «что такое коммунизм» и, игнорируя избитые доводы и обвинения империалистов, колониальных держав и т.п., которые вообще всё валят в одну кучу, ответил бы так: если эта революция марксистская (заметьте, я сказал «марксистская»), то про-

изошло это потому, что она сама, своими методами открыла те пути, на которые в своё время указал Маркс. (Аплодисменты).

Недавно один из высокопоставленных деятелей Советского Союза, заместитель премьер-министра Микоян (аплодисменты), поднимая тост за Кубинскую революцию, признал (будучи марксистом всю свою жизнь), что это — явление, которое Маркс не предвидел (аплодисменты), и заметил, что жизнь учит нас большему, чем самые мудрые книги и чем самый глубокий из мыслителей. (Аплодисменты).

И эта кубинская революция, не слишком заботясь о своих лозунгах и о том, что о ней говорят, постоянно прислушивалась лишь к одному: чего хочет от нее кубинский народ. Она шла вперёд именно в этом направлении и достаточно быстро столкнулась с тем, что и сделанное нами для счастья нашего народа, и то, что мы намеревались для этого сделать, привлекает к себе внимание друзей и врагов, взгляды и надежды всего континента, — и взгляды ярости царства монополий.

Но всё это не возникло в одночасье, и позвольте мне поделиться собственным опытом, который может пригодиться многим, оказавшимся в схожих условиях, для того, чтобы понять динамику становления революционной мысли в современном мире. Сегодняшняя Кубинская революция — это не Кубинская революция вчера, даже сразу после её победы. И ещё менее похожа она на восстание, начавшееся высадкой восьмидесяти двух молодых людей, которые на дырявой посудине пересекли бурный Мексиканский залив и высадились у подножия Сьерра-Маэстры. Между ними и представителями нынешней Кубы дистанция, не измеряемая годами, по крайней мере в том смысле, как мы измеряем время, когда в сутках — 24 часа, а в часе — 60 минут.

Все члены кубинского правительства, молодые по возрасту, по характеру, с иллюзиями, присущими молодости, возмужали в этом горниле опыта и живого контакта с народом, его нуждами и чаяниями. Это стало нашим университетом.

Когда-то все мы мечтали о дне, когда, добравшись до какой-то точки Кубы, после нескольких громких призывов и героических действий, потеряв какое-то число своих товарищей и выступив на конечной стадии борьбы с обращением к народу по радио, — мы, завоевав власть, изгоним диктатора Батисту. История показала нам, что всё гораздо сложнее. Оказалось необходимым уничтожить всю систе-

му власти, опиравшейся на армию убийц. Причём не просто убийц, а партнеров этой власти, за спиной которых стояла в конечном счёте самая мощная колониальная сила земного шара...

И соответственно постепенно менялась вся наша концепция борьбы. Мы, дети городов, научились уважать крестьян, уважать их чувство независимости, их верность, их опыт передвижения по горным тропам, признать законность их векового стремления к земле, которая была у них отнята. От нас крестьяне узнали, что может человек с ружьём, готовым выстрелить в другого человека, сколько бы ружей того ни сопровождали. Крестьяне передали нам свои знания и свою мудрость, а мы им — свой дух мятежа. С тех пор и по нынешний день, и навсегда кубинские крестьяне и повстанческие силы Кубы, а сегодня и Революционное правительство Кубы идут вместе как один, в едином строю.

Революция нарастала; мы изгнали с крутых склонов Сьерра-Маэстры войска диктатуры. И тогда мы столкнулись с иной, новой для нас реальностью Кубы: с кубинским рабочим, трудящимся, всё равно где — в сельском хозяйстве или в промышленности. От него мы тоже многому научились, но и ему дали понять, что в определённый момент гораздо более мощным и действенным средством, чем самая мощная мирная демонстрация, становится меткий выстрел в нужную цель /*un tiro bien dado a quien se lo debe dar*/ (*аплодисменты*). Мы усвоили всё значение организации, а до рабочих донесли всё значение восстания. И результатом этого синтеза стало организованное восстание на всей территории Кубы.

Время шло, и многими смертями — бойцов и невинных жертв — был уже отмечен путь, приведший впоследствии к нашей победе. Империалисты начали осознавать, что Сьерра-Маэстра не оплот банды разбойников или честолюбцев, рвавшихся к власти. Они щедро снабдили диктатуру бомбами, патронами, самолётами и танками, чтобы еще раз, последний раз штурмовать Сьерра-Маэстру. К тому времени, несмотря на то что наши повстанческие силы начали уже захватывать другие области Кубы, уже был сформирован Второй Восточный Фронт «Frank Pais», возглавляемый команданте Раулем Кастро (*аплодисменты*), несмотря на рост нашего влияния в общественном мнении (для газет всего мира мы представляли собой *materia de cintillos*) и т.д. — так вот, несмотря на всё это, у Кубинской революции было всего двести винтовок. Я не сказал двести человек. Я сказал двести винтовок — для того, чтобы противостоять последне-

му натиску режима, бросившего против нас десять тысяч солдат и полный набор смертоносной боевой техники. История каждой из этих двухсот винтовок написана кровью и самопожертвованием наших бойцов — ведь первоначально речь шла о винтовках империи, которые, будучи очищенными кровью и решимостью мучеников революции, стали достойным оружием народа... Так развернулся заключительный этап «решающего» наступления армии, который они окрестили этапом «окружения и уничтожения».

Поэтому я говорю вам, пытливые юноши и девушки Америки, что если мы сегодня и осуществляем то, что называется марксизмом, мы делаем это потому, что открыли его здесь и сами. Уже после разгрома войск диктатуры, которые потеряли тысячу человек убитыми (впятеро больше, чем насчитывали все наши боевые силы), и после захвата более, чем шестисот единиц вооружения в наши руки попала небольшая брошюра Мао Цзэдуна (*Аплудисменты*). В этой брошюре речь шла о стратегии революционной борьбе в Китае. Там описывались кампании Чан Кай Ши против народных сил, которые диктатор также назвал «кампаниями окружения и уничтожения». Одинаковыми оказались не только слова, которыми два диктатора по разные стороны планеты окрестили свои кампании, но и сам тип кампаний, призванных покончить с народными силами. И одинаковыми оказались методы этих сил, хотя им были незнакомы ни учебники по стратегии и тактике партизанской войны, ни наставления, написанные на другом конце света, чтобы с партизанами бороться. Ибо каждый, делясь своим опытом, не может быть на 100% уверен в том, что этот опыт не будет кем-то повернут против него самого. Но в то же время опыт этот может быть воспроизведён, повторен и теми, кто ничего о нём не знал.

Мы не знали, с чем столкнулись китайские войска в течение двадцати лет борьбы на своей территории. Но мы знали нашу территорию, знали нашего врага и использовали нечто, что каждый имеет на плечах и что, будучи использовано по назначению, многого стоит — свою голову. Мы пустили её в ход и потому враг был разгромлен.

Потом настало время «вторжений» — прорывов на запад, перерезанных путей сообщения противника — и катастрофическое падение диктатуры в момент, когда никто этого не ожидал. Так наступило первое января. И революция, снова не вспоминая о том, что было прочитано раньше, но прислушиваясь к голосу народа, поня-

ла, с чего ей надо начать. Было принято решение: прежде всего — покарать виновных. И возмездие их настигло¹⁾.

За это сразу же ухватились колониальные державы. «Убийства» — вот как они это назвали. И, как и всегда, они сразу же попытались посеять среди нас раскол. Разъяснив, что «убивали — палачи-коммунисты, с которыми наивный патриот по имени Фидель Кастро не имеет ничего общего, и что он может быть спасен». Они пытались расколоть тех, кто вчера сражался за одно общее дело, используя любые уловки, предлоги и доводы, какими бы пустыми и смехотворными те ни были. И в течение некоторого времени они оставались в плену своих иллюзий. Но настал день, и им пришлось убедиться, что одобренный закон об аграрной реформе оказался гораздо более жёстким и глубоким, чем всё то, что предлагали доморощенные умники из правительства. Все они, замечу в скобках, сейчас пребывают в Майами или каком-либо другом городе США: — Пепин Риверо из «*Diario de la Marina*» или Медрано из «*Prensa Libre*». (Крики и свист). Были и другие. Был даже премьер-министр нашего правительства, который проповедовал предельную умеренность, поскольку «ко всем этим вещам надо подходить с позиций умеренности...»

Это словечко — «умеренность» — тоже очень нравится агентом колониалистов, народ-то ни в коей мере норм умеренности не придерживается. «Умеренными» были все те, кто испытывал страх или уже думал о предательстве — в той или иной форме. Они рекомендовали разделить между крестьянами земли, заросшие марабу, кустарником-сорняком, который растёт на наших полях. Они хотели, чтобы крестьяне своими мачете вырубали этот кустарник или поселились на каких-нибудь болотах или выцарапывали у государства клочки земли, пока ещё не проглоченные латифундистами. Упаси Боже посягать на земли латифундистов. Это было бы грехом, находившимся за пределами того, что они считали возможным. Но именно это было сделано.

Помнится, как-то в те времена я разговорился с одним господином, который уверял меня, что никаких проблем с Революцион-

1) Речь идёт о судах над палачами, карателями, заплечных дел мастерами режима Батисты, ответственных за смерть 20 тысяч кубинцев. По приговорам народных трибуналов (суды носили открытый характер) около 500 убийц было расстреляно.

ным правительством у него не существует, поскольку он владеет всего-навсего десятью тысячами гектаров земли. Проблемы, конечно, возникли, земель этого господина лишили, они были поделены, а право собственности было передано мелким крестьянам-единоличникам. Кроме того, на землях, где сельскохозяйственные рабочие уже привыкли работать сообща за заработную плату, были созданы кооперативы. Здесь — одна из особенностей Кубинской революции, требующих отдельного изучения: впервые в Америке была проведена аграрная реформа, направленная против общественных отношений, не носивших феодального характера. Правда, пережитки феодализма существовали в производстве табака и кофе, поэтому соответствующие земли были переданы мелким индивидуальным производителям, желавшим стать собственниками земли, на которой они трудились всю свою жизнь. Что же касается выращивания сахарного тростника и риса, а также животноводства, в той форме, в какой это делается на Кубе, раздела собственности не произошло. Земля перешла в коллективную собственность тружеников, работавших и продолжающих работать на ней. Здесь речь идёт не о владельцах отдельных земельных участков, но о собственности на целый земельный комплекс, называемый кооперативом. Всё это позволило нашей аграрной реформе продвигаться вперёд очень быстро и очень основательно. Потому что — и речь идёт о неоспоримой истине, которую должен осознать каждый из вас — здесь, в Америке не может быть правительства, заслуживающего того, чтобы его называли революционным, которое не осуществит — как свою первую меру — именно аграрную реформу. (*Аплудисменты*). Более того, не может считаться революционным правительство, которое обещает — или проводит — робкую, половинчатую реформу. Революционно то правительство, которое осуществляет аграрную реформу, изменяющую отношения собственности на землю, предоставляя крестьянину не только излишки земли, но и — главным образом — то, что излишком не является: землю, которой владеют латифундисты и которую они используют; это лучшая, плодородная земля, та самая, которую в прошлом отняли у крестьян.

Это подлинная аграрная реформа, и с нее должны начать все революционные правительства. А затем на её основе развернётся великая битва за индустриализацию страны, дело, гораздо более сложное... Здесь нам придётся столкнуться с большими проблемами, с препятствиями, преодолеть которые в прошлом было бы исключи-

тельно трудно¹⁾, но сегодня на свете существуют мощные силы — друзья наших маленьких народов (*аплудисменты*). Да, друзья, потому что — надо подчеркнуть это здесь для всех: для друзей, для тех, кто ими не является и для тех, кто нас ненавидит, — что страны, подобные сегодняшней Кубе — революционные и не страдающие от излишней умеренности, — не могут колебаться, отвечая на вопрос, являются ли Советский Союз или Народный Китай нашими друзьями, не могут отвечать на этот вопрос уклончиво.

Мы должны со всей определённой ответить, что Советский Союз, Народный Китай и все социалистические страны и многие другие освободившиеся колониальные или полуколониальные страны — наши друзья. (*Аплудисменты*). И что на основе дружбы с народами и правительствами этих стран могут быть осуществлены новые свершения американской революции. Потому что, когда империализм атаковал нас своим эмбарго на сахар и нефть, без Советского Союза, который давал нам нефть и купил у нас сахар, кубинскому народу потребовалась бы невиданная сила, вера, преданность делу, чтобы выдержать удар врага; чтобы противостоять силам раскола, которые смогли бы опереться на настроения, вызванные общим падением уровня жизни народа в результате мер, принятых североамериканской «демократией» против «угрозы свободному миру». Они совершили против нас открытую агрессию, но до сих пор некоторые правительства Латинской Америки советуют нам лизать руки тех, кто хочет нас ударить, и оплёвывать тех, кто хочет нас защитить. (*Аплудисменты*). Этим правителям, которые в разгар XX века проповедуют прелести самоунижения, мы отвечаем, что, во-первых, Куба не унижается ни перед кем, и что, во-вторых, хотя Куба (как, впрочем, и сами они) на собственном опыте узнала слабости и порочность того правительства, которое рекомендует подобные меры, она тем не менее никогда себе не позволяла и не позволяет рекомендовать правителям этой страны, чтобы они расстреляли офицеров-предателей²⁾ или национализировали свои монополии. (*Аплудисменты*.) Народ Кубы расстрелял своих убийц и распустил армию диктатуры, но не призывал ни одно правительство Америки расстрелять

- 1) Другие варианты перевода: «в которых в прежние времена можно было бы безнадежно увязнуть»; «с рифами, на которых в прошлом корабль революции очень легко потерпел бы крушение».
- 2) Речь идет о Венесуэле и (затем) о её президенте Ромуло Бетанкуре.

их убийц или ликвидировать опору диктаторских режимов в их странах. Но Куба знает, что убийцы находятся в каждой из наших стран, и свидетелями этого могли бы стать наши соотечественники, члены нашего Движения, которые убиты в дружественной стране агентами прежней диктатуры. (*Аплодисменты и выкрики «К стенке!»*)

Мы даже не требуем поставить к стенке убийцу наших бойцов, хотя в нашей стране это было бы уже сделано. (*Аплодисменты*). Но если уж не можешь быть солидарным с Америкой, не надо, думаем мы, по крайней мере Америку предавать; мы хотим, чтобы никто больше в Америке не повторял, что в планы Кубы входит подчинение себе всего континента. Это самая трусливая и оскорбительная ложь, какую может произнести глава правительства в Америке. (*Аплодисменты. Выкрики: «Куба да, янки нет!»*). Мы, представители Кубинской революции, мы — весь народ Кубы, называем друзей друзьями, а врагов врагами. Середины здесь нет. Ты или друг, или враг. (*Аплодисменты.*) Мы, народ Кубы, не указываем ни одному народу на земле, как, например, строить свои отношения с Международным валютным фондом. Но и мы, в свою очередь, не желаем, чтобы указывали нам. Мы знаем, как надо правильно поступить. Если кто-то не хочет — их дело. Но мы и не принимаем советов, потому что до последнего момента мы оставались в Америке в одиночестве, ожидая — в полной боевой готовности — прямой агрессии самой сильной державы капиталистического мира. Мы ни у кого не просим помощи. Мы вместе с нашим народом были готовы дойти до конца, принимая все возможные последствия нашего восстания. Поэтому на любом съезде, на любом Совете мы говорим твёрдым голосом и с высоко поднятой головой. Кубинская революция может ошибаться, но она никогда не прибегнет ко лжи. С любой трибуны Кубинская революция несёт правду сыновей и дочерей своей земли, высказывая её в лицо своим врагам и своим друзьям. Мы никогда не нанесём удар исподтишка и никогда не предложим советов, скрывающих в бархате кинжал.

На нас ведутся атаки, постоянные атаки не только за то, чем мы являемся, но и в ещё большей мере за то, что мы показываем народам Америки, чем могут стать они. Гораздо больше, чем наши никелевые разработки или производство сахара на Кубе, беспокоят империалистов нефть Венесуэлы, хлопок Мексики, медь Чили и говядина Аргентины, чай матэ Парагвая и кофе Бразилии — все эти важнейшие ресурсы; сырьё, питающее монополии.

Поэтому при каждом удобном случае они вставляют нам палки в колёса. Не могут сами, нанимают помощников. В нашей Америке, к сожалению, желающие находятся. *(Крики)*. Не имеет смысла называть имена. Никто не виноват. Мы не можем обвинить президента Бетанкура в гибели нашего соотечественника и единомышленника. Виновен не президент Бетанкур — он просто является заложником режима, который именуется демократическим. *(Крики и аплодисменты)*. Этот режим, который в принципе мог бы стать ещё одним примером для Америки, совершил большую ошибку — не поставил своевременно к стенке тех, кто этого заслуживал. И сегодня демократическое правительство Венесуэлы оказалось пленником тех сил, тех убийц, которые вчера были властью в Венесуэле, на Кубе, в стольких других странах Америки. Мы не можем бросить в лицо президенту Бетанкуру обвинение в смерти нашего товарища. Мы лишь можем сказать, опираясь на нашу революционную историю, на нашу революционную веру, что в тот день, когда избранный народом президент Бетанкур почувствует себя до такой степени пленником, что не сможет идти дальше; когда он решится попросить помощи у братского народа, Куба будет готова эту помощь оказать. Куба поделится с Венесуэлой своим опытом революционной борьбы. *(Аплодисменты.)*

Пусть знает президент Бетанкур, что наш дипломатический представитель ни в коей мере не был замешан, да и не мог быть замешанным, в той интриге, которая привела к его смерти. Причастны к этому в конечном счёте были североамериканцы или правительство США, в какой-то степени — сторонники Батисты и те, которые составляли резерв правительства США в этой стране, те, кто провозглашали себя противниками Батисты, но, желая ухода диктатора, пытались сохранить систему: все эти Миро, Кеведо, Диасы, Лансы, Уберто Матосы¹⁾. *(Крики)*.

И, наконец, только уже на самой поверхности — реакционеры, которые орудуют в самой Венесуэле. Печально признавать, но правительство Венесуэлы может пасть жертвой своей же армии: вспомните об автомобиле, начинённом взрывчаткой. Президент Венесуэлы находится в плену у своего же репрессивного аппарата.

Всё это прискорбно, очень прискорбно, потому что именно из Венесуэлы пришла самая ощутимая и самая бескорыстная помощь

1) Представители правого крыла «Движения 26 июля» или их временные попутчики.

кубинскому народу, когда мы находились в Сьерра-Маэстре. При-
скорбно, потому что народу Венесуэлы раньше нас удалось сбросить
с себя ненавистный репрессивный режим Переса Хименеса. А также
потому, что когда в Венесуэлу прибыли наша делегация, потом Фи-
дель Кастро и наш президент Дортикос (*аплудисменты*), все они бы-
ли приняты исключительно тепло и сердечно.

Народ, достигший такого высокого уровня политической со-
знательности и боевитости, как венесуэльский, недолго ещё будет
бояться штыков и пуль. Случается, что пули и штыки меняют хозя-
ина, и тогда мертвыми окажутся убийцы.

Но моя миссия здесь не состоит в том, чтобы перечислять уда-
ры — серьёзные и мелочные, — нанесённые нам правительствами Аме-
рики. И не в том, чтобы подбрасывать дрова в огонь восстания. Это
не моя задача потому, что, во-первых, Куба сама ещё не избавилась
от опасности. Пока она остаётся единственным центром, притягива-
ющим к себе взгляды и внимание империалистов в этой части мира,
ей нужна ваша солидарность, солидарность всех сторонников как
Демократического Действия¹⁾, так и URD²⁾, коммунистов и КОПЕИ³⁾,
любой другой партии Венесуэлы, солидарность всего народа Мекси-
ки, Колумбии, Боливии, каждого из народов Америки. Потому что
фактом является то, что колониалисты испугались. Как и все, они
боятся ракет и бомб. (*Аплудисменты*). Но впервые в истории они по-
няли, что ракеты и бомбы эти могут упасть и на их семьи, на всё то,
что они создавали со всей любовью, которую люди питают к богат-
ству. Тогда они сели за расчёты, подключили свои вычислительные
машины и увидели, что их система защиты не так уж и надёжна. Но
это никоим образом не означает, что они отказались от своих пла-
нов подавления кубинской демократии. Они снова на тех же маши-
нах пытаются вычислить новые, наиболее адекватные методы борь-
бы с Кубинской революцией. У них на вооружении уже есть метод

-
- 1) Демократическое Действие — одна из двух системообразующих пар-
тий Венесуэлы после 1959 г., лидером которой и был в это время
Ромуло Бетанкур.
 - 2) URD — Республиканский Демократический Союз, политическая пар-
тия Венесуэлы, влиятельная в первое десятилетие после свержения
диктатуры Переса Хименеса.
 - 3) COPEI — венесуэльская партия христианско-демократического тол-
ка, вторая из системообразующих в 60–80 гг. XX века.

Идигораса¹⁾, метод Никарагуа, метод Гаити, пока ещё нет метода Санто-Доминго, но есть метод действий наёмников, окопавшихся на Флориде, есть метод ОАГ, и ещё многие другие. У них достаточно сил для совершенствования этих методов.

У президента Арбенса (*аплудисменты*) тоже было много методов и много сил. Но, к несчастью для Гватемалы, он имел армию старого образца. И он не до конца осознавал всю силу солидарности народов и свою собственную способность противостоять любой агрессии. В осознании этого — один из главных источников нашей силы. По всему миру пришли в движение люди, готовые к тому, чтобы, забыв о своей приверженности той или иной национальной политической организации, объединиться в нужный момент для защиты Кубинской революции. И я позволю себе сказать, что в этом — долг молодежи Америки.

Происходящее здесь — это новое, которое вам предстоит изучить. Не буду вам подсказывать, что именно в этом новом достойно похвалы. Вы сами должны найти и оценить это.

Что у нас плохого? Я знаю об этом. Знаю, что у нас много дезорганизации. Вы сами увидите это... Может быть, уже увидели, если были в Сиерре. Что у нас пока много партизанщины... Я знаю это. Что нам чудовищно не хватает специалистов — особенно в свете наших планов... И это я знаю. Что наша армия не достигла пока необходимого уровня зрелости, а «милисианос» не хватает координации, необходимой, чтобы стать настоящей армией... Я знаю и это. Но я также знаю — и хотел бы, чтобы это знали все вы, — что наша революция всегда опиралась на волю всего народа... Что если рабочий или крестьянин ещё недостаточно владеет оружием, то он без усталости работает над тем, чтобы научиться владеть им лучше — ибо знает, что защищать он будет СВОЮ революцию. И если в данный момент он не может ещё понять, как устроен сложный механизм машины (обслуживавшейся техником, который отбыл сейчас в США) — он каждый день учится, чтобы в этой машине разобраться — для того, чтобы ЕГО предприятие работало лучше. И крестьянин стал изучать СВОЙ трактор, для того чтобы ЕГО кооператив давал больше продукции.

1) Идигорас Фуэнтес — тогдашний диктатор Гватемалы, на территории которой располагались в 1960 г. базы наемников, готовившихся к вооружённой интервенции на Кубу (совершённой в апреле 1961 г.).

Все кубинцы в городе и селе, породнённые одним чувством, устремлены в будущее, руководимые лидером, к которому они питают абсолютное доверие, потому что в тысячах битв и при тысяче различных обстоятельств он доказал свою способность к самопожертвованию, мощь и проницательность своей мысли. (*Аплодисменты*).

И этот народ, который вы сегодня видите перед собой, говорит вам, что даже если он исчезнет с лица земли в атомной войне, которая будет развязана вокруг него и первой мишенью которой он станет, он сочтёт себя совершенно счастливым и совершенно состоявшимся, если каждый из вас, вернувшись к себе домой, сможет сказать: «Мы — здесь. Влажный кубинский лес посылает нам свой голос. Мы поднялись на Сьерра-Маэстру, мы увидели зарю. Наши души и наши руки полны её семян, которые мы готовы посеять на нашей земле и защищать их плоды». И из всех братских стран Америки — и из нашей страны, если она сохранится как пример, им ответит голос народов — с этого момента и во веки веков: «Да будет так! Да будет завоевана свобода в каждом уголке Америки!» (*Овация*).

†

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

⑤

Выступление на открытии Курсов идеологического воспитания Министерства народного здравоохранения

19 августа 1960 года

Товарищи, это простое собрание, ещё одно среди сотен, которыми кубинский народ день за днём отмечает свою завоёванную свободу, принятие и выполнение революционных законов, продвижение по пути полной независимости, для меня представляет особый интерес.

Почти все знают, что несколько лет назад я начал мою профессиональную деятельность в качестве врача. И когда я избрал профессию врача, когда начал изучать медицину, большинство представлений, которые сегодня у меня есть как у революционера, отсутствовали среди моих идеалов.

Я хотел добиться успеха, как хочет добиться успеха каждый. Я мечтал стать известным исследователем, мечтал неутомимо работать, чтобы добиться чего-то, что могло бы быть представлено в распоряжение человечества, но что на тот момент означало бы мою личную победу. Как все мы, я был сыном своей среды.

После получения диплома из-за сложившихся обстоятельств, а также, пожалуй, из-за моего характера я отправился путешествовать по Америке и узнал её всю целиком. В той или иной форме я посетил все страны Америки, кроме Гаити и Доминиканской Республики. И в силу условий, в которых я путешествовал, сначала как студент, затем как врач, я сталкивался воочию с бедностью и нищетой, с голодом, с болезнями, с невозможностью обеспечить лечение больного ребенка из-за отсутствия средств, с отуплением и потерей человеческого облика, которые наступают от голода и постоянного страха, отуплением, доходящим до того, что отец, теряя ребенка, считает это не имеющим особой важности происшествием, которое часто случается в среде угнетённых классов нашей американской родины. Я постепенно начал понимать, что существует вещь, которая в тот момент, мне показалась почти почти столь же важной, как стать известным исследователем или внести какой-либо значительный вклад в медицинскую науку: помочь этим людям.

Но я продолжал оставаться, как и все мы, сыном своей среды и хотел помочь этим людям своим личным усилием. Уже достаточно попутешествовав, находясь в тот момент в Гватемале, в Гватемале Арбенса, я начал писать заметки, чтобы попытаться установить нормы поведения революционного врача. Я начал анализировать, что нужно делать для того, чтобы стать революционным врачом.

Без сомнений, агрессия, которая тогда имела место против Гватемалы, была развязана компанией «Юнайтед Фрут», Государственным Департаментом, Фостером Даллесом, что в реальности одно и то же, и их марионеткой, которую звали Кастильо Армас. Звали!¹⁾

Агрессия прошла удачно благодаря тому, что народ не достиг там того уровня зрелости, который отличает сегодня народ Кубы. И в один прекрасный день я, как и многие другие, избрал путь изгнания — или попросту путь бегства из Гватемалы, поскольку та не была моей родиной.

Тогда-то я понял основополагающую вещь: чтобы стать революционным врачом — или быть революционером, первое, что нужно, это сама революция. Бесполезны изолированное усилие, индивидуальная борьба, чистота идеалов, стремление посвятить всю свою жизнь и даже пожертвовать ею во имя самой благородной цели, если это усилие совершается в одиночку, в дальнем уголке Америки в борьбе против враждебных правительств и социальных условий, не позволяющих идти по пути прогресса. Для становления революции необходимо то, что сейчас есть на Кубе: чтобы весь народ поднялся на борьбу и чтобы он научился — используя оружие и опыт, который даёт коллективная вооружённая борьба — тому, что даёт винтовка и что даёт единство народа.

И тогда мы действительно оказались в центре проблемы, которая и сегодня стоит перед нами. Уже тогда у нас было право, больше того — долг стать в первую очередь врачом-революционером, иначе говоря, человеком, использующим технические знания своей профессии на службе Революции и народу. Однако здесь вновь встают вопросы, стоявшие передо мной и прежде: как поднять эффективность усилия, направленного на рост социального блага? Что сделать, чтобы оптимальным образом объединить усилия отдельной личности с потребностями общества?

1) В 1960 году палач Гватемальской революции Кастильо Армас уже был убит.

Необходимо заново пересмотреть жизнь каждого из нас, вспомнить, что каждый из нас делал и думал, как врач или работник медицинского обслуживания до революции. И сделать это в духе глубокой самокритики, чтобы в результате прийти к заключению, что почти всё, о чём мы думали и что чувствовали в то, уже прошедшее время, должно быть сдано в архив, и должен воспитываться новый человек. И если каждый из нас станет собственным архитектором этого человека нового типа, для всех нас станет намного более простой задача создания и воспитания того, кому суждено стать представителем новой Кубы.

Это важно, чтобы вы, присутствующие здесь жители Гаваны почувствовали ударение, сделанное на этой идее: на Кубе воспитывается человек нового типа. Быть может, этого нельзя в полной мере оценить здесь, в столице, но вне её, в каждом уголке страны это ощущается с особой силой. Те из вас, кто добрался 26 июля до Сьерра-Маэстры, могли бы увидеть две вчера абсолютно незнакомые для страны вещи: колонны военных с ломami и лопатами, которые с большой гордостью приняли участие в патриотических праздниках в провинции Ориенте, маршируя ряд за рядом с этим «оружием», в то время, как товарищи ополченцы шагали с винтовками. (*Аплодисменты*). Но вы также увидели бы нечто более важное — детей, чья физическая конституция позволяет думать, что им лет 8–9, а на самом деле им по 13–14 лет; они — самые настоящие дети Сьерра-Маэстры, самые подлинные дети голода, нищеты и бедности во всех её проявлениях. Они порождены истощением. На этой маленькой Кубе при наличии четырёх или пяти телевизионных каналов, сотен радиостанций, при всех достижениях современной науки, когда эти дети приходили впервые вечером в школу и видели яркий электрический свет, они вскрикивали, что звезды этим вечером опустились очень низко. И эти дети, которых некоторые из вас видели, изучают в школах-интернатах всё, начиная от первых букв и до овладения ремеслами и сложнейшей наукой быть революционерами.

Это — новые человеческие типы, которые рождаются на Кубе. Рождаются в глуши, в отдалённых пунктах Сьерра-Маэстры, но и в кооперативах и трудовых центрах, и всё это имеет много общего с темой нашей сегодняшней беседы, с вовлечением в революционное движение врача или любого другого работника медицины, потому что эти цели: обучать и кормить детей, обучать армию, перераспределить землю, передав её от прежних проживающих в городах хозя-

ев в руки тех, кто поливал эту землю потом, но не получал плоды своих трудов — всё это и есть главное, что сделано для общественного здравоохранения на Кубе. Принцип, на котором должна основываться защита от болезней, — это создание крепкого тела, но не такое создание, при котором виртуозная работа врача осуществляется над слабым организмом, а когда крепость тела создаётся усилиями всей общности, и прежде всего — общности социальной.

И медицина должна будет однажды преобразоваться, таким образом, в науку, которая будет *предотвращать* болезни, будет ориентировать весь народ на здоровый образ жизни. И которая сама будет вмешиваться лишь в чрезвычайных и экстренных ситуациях, при необходимости хирургического вмешательства — или при встрече с чем-то, не отвечающим характеристикам того общества, которое мы создаем.

Медицина сегодня... (Что там происходит? А, хорошо. Но для тех, кто находится сейчас вне этого зала, сообщаю, что в последних его рядах кто-то упал в обморок.)

Однако продолжим. Министерству здравоохранения, всем медицинским учреждениям поручено сейчас организовать работу так, чтобы оказать помощь возможно большему числу людей, предотвращая все болезни, которые можно предвидеть, а также развернуть санитарное просвещение масс.

Но для решения этих организационных задач, как для решения всех других революционных задач, нам нужны прежде всего личности. Вопреки тому, что думают некоторые, революция — это не стандартизация коллективной воли и коллективной инициативы, но нечто прямо противоположное: освобождение индивидуальных способностей человека.

То, чем является Революция, на самом деле включает в себя одновременно и стремление дать ориентиры этим способностям. И наша сегодняшняя задача — сориентировать возрастающие возможности всех профессионалов от медицины в направлении задач медицины социальной.

Мы находимся сейчас на заключительном этапе целой эпохи — и не только здесь, на Кубе, — сколько бы ни утверждали обратное и сколько бы ни было тех, кто хотел бы с надеждой верить этим утверждениям: те формы капитализма, которые мы знаем, при которых мы выросли, страдали и терпели, терпят поражение по всему миру. (*Аплодисменты*).

Монополии терпят поражение, коллективная наука день за днём отмечает всё новые и более важные победы нашего дела. И нам здесь, в Америке, выпали на долю гордость и жертвенный долг быть авангардом освободительного движения, которое некоторое время назад началось на других порабождённых континентах, в Африке и Азии. И этот столь глубокий общественный сдвиг требует также очень глубоких сдвигов в духовной структуре людей.

Индивидуализм как таковой, как изолированное деяние личности, ощущающей себя одинокой в своей социальной среде, должен исчезнуть на Кубе. Завтра индивидуализм должен заключаться в полной самоотдаче личности — всей личности — в пользу общего блага, коллектива. Но даже сегодня, когда это в принципе осознаётся, когда понимаются все эти вещи, о которых я говорю, и хотя сейчас все готовы думать немного о настоящем и о прошлом, и о том, каким должно быть будущее, — для того, чтобы изменилось привычное мышление, нужно ещё пройти через глубокие внутренние сдвиги и стать свидетелем глубоких сдвигов внешних, особенно социальных. Последние происходят на Кубе каждый день. Один из способов понять и узнать нашу революцию, научиться распознавать силы, таящиеся в народе Кубы, столько лет дремавшие в нём, — это проехать через всю Кубу, побывать в разных её уголках, посетить существующие и возникающие кооперативы и рабочие центры.

И способ добраться до самой сердцевины проблемы здравоохранения в нашей стране — это не только посетить, не только посмотреть, но и познакомиться с людьми, которые живут и работают в кооперативах и на предприятиях. Выяснить там, какими болезнями они болеют, от чего страдают, в какой бедности и нищете они жили долгие годы, каково вековое наследие репрессий и тотального подчинения.

Иными словами, врач, медицинский работник должен двинуться к тому, что является сегодня центральным объектом его новой работы, — к человеку, живущему в массах, к человеку внутри коллектива.

Всегда, что бы ни происходило в мире, врач, будучи так близко к пациенту, зная столько о глубинах его души, разделяя с ним его боль — и смягчая её, — выполняет очень важную и очень ответственную задачу социального характера.

Недавно, несколько месяцев назад, здесь, в Гаване, группа уже отучившихся студентов, только что закончивших обучение на вра-

чей, не захотела ехать в сельскую местность, требуя за это дополнительное вознаграждение. И если посмотреть на это с точки зрения прошлого, случившееся абсолютно логично; по крайней мере мне кажется, что я это отлично понимаю...

Просто мне показалось, что я стою перед зеркалом воспоминаний о том, кем я был и о чём думал несколько лет назад. Снова тот же образ «бунтующего гладиатора», одинокого борца, который стремится обеспечить себе лучшее будущее, лучшие условия, набить себе цену, используя возникшую в нём нужду. Но что случилось бы, если бы на месте этих молодых людей, чьи семьи смогли оплатить большинству из них все эти годы обучения, оказались бы другие люди, которые не имели таких возможностей и лишь сегодня начали постигать свою будущую профессию? Что произошло бы, если бы вместо них двести или триста крестьян появились бы, скажем, по мановению волшебной палочки из университетских аудиторий?

А случилось бы просто то, что крестьяне эти немедленно и со всем энтузиазмом бросились бы помогать своим братьям. Они просили бы самые ответственные участки и с наибольшим количеством работы для того, чтобы показать, что годы учебы, которые им были даны, не прошли впустую. Случилось бы то, что произойдёт через шесть или семь лет, когда новые студенты, дети рабочего класса или дети крестьян, получают свои дипломы профессионалов разных специальностей. (*Аплодисменты*).

Но мы не должны смотреть на будущее с позиций социального фатализма, разделяя людей на детей рабочих и крестьян — с одной стороны, и на непременных контрреволюционеров — с другой. Потому, что это упрощённый подход, и это неверно ещё и потому, что ничто не просветит честного человека лучше, чем его жизнь в среде революции. (*Аплодисменты*). Потому, что никто из нас не был в прошлом рабочим или крестьянином, никто из первой группы, прибывшей на «Гранме», укрепившейся в горах Сьерра-Маэстры и научившейся уважать крестьянина и рабочего, живя с ними бок о бок. Конечно, были среди нас и те, кто должны были работать, кто знал с детства нужду. Но голод, то, что называется настоящим голодом, никому из нас знаком не был, а узнали мы его в горах Сьерра-Маэстры, испытывая его время от времени в течение двух долгих лет. И вот тогда многие вещи стали для нас куда более ясными.

Мы, которые вначале сурово наказывали тех, кто притрагивался к чужому имуществу — даже если оно принадлежало богатым

крестьянам или даже латифундистам, — однажды пригнали десять тысяч голов скота в горы Сьерры и просто сказали крестьянам «Ешьте». И крестьяне, впервые за многие годы, а некоторые из них впервые в жизни, ели говядину. Уважение, которое мы питали к частной собственности на эти десять тысяч голов скота, улетучилось в процессе вооружённой борьбы. Мы отлично поняли, что жизнь одного только человека стоит в миллионы раз больше, чем любая собственность самого богатого человека в мире. (*Аплудисменты*). И это поняли мы, это постигли мы там, мы, которые не были детьми рабочих или крестьян. Почему же мы говорим об этом сейчас во весь голос, мы, которые принадлежали некогда к числу привилегированных, а другая часть населения Кубы не может понять то же самое? Конечно, смогут понять это; но, с другой стороны, революция сегодня и требует, чтобы они это поняли, требует, чтобы они уяснили для себя, что гордость служения ближнему гораздо важнее, чем хорошая оплата; что благодарность народа более значима и гораздо более долговременна, чем всё золото, какое только можно накопить. (*Аплудисменты*). Каждый врач в процессе своей деятельности может и должен накапливать это сокровище, каким является благодарность народа.

Итак, начнём же изживать наши прежние представления и начнём становиться всё ближе к народу, всё более самокритично относясь к себе. Не так, как мы сближались раньше, потому что каждый из вас может сказать: «Нет. Я друг народа. Мне очень нравится беседовать с рабочими и крестьянами, и по выходным я отправляюсь туда-то посмотреть то-то». Это делали все. Но это делалось как проявление благотворительности, а то, что нам необходимо сегодня, — это солидарность. (*Аплудисменты*).

Мы не должны сближаться с народом для того, чтобы сказать: «Мы здесь. Мы пришли, чтобы своим присутствием осуществить акт милосердия, просветить тебя нашей наукой, указать тебе на твои ошибки, на твоё бескультурье, на то, что тебе не хватает элементарных знаний...» Нет, мы должны идти со стремлением понять и исследовать, без малейшего высокомерия; чтобы самим учиться у народа, у его мудрости... (*Аплудисменты*).

Много раз мы поймем ещё, насколько ошибочными были наши представления — такие близкие, ставшие частью нас самих и — автоматически — нашего сознания. Много раз мы должны будем менять наши представления — не только общие — социальные и фило-

софские, но иногда также и медицинские. И мы увидим, что не всегда с болезнями борются так, как это делается в больницах большого города; поймем, что врач должен стать также земледельцем, обучаться выращиванию новых культур и сортов и показывать на своём примере пользу и необходимость диверсификации продуктов питания, сегодня такого скудного, такого однообразного — и это в одной из самых богатых в плане земледелия и потенциальных возможностей стран мира.

Мы увидим, что в этих обстоятельствах мы должны также стать немного педагогами, а иногда — в основном педагогами, а ещё и политиками... Но первое, что мы должны будем сделать, — это не изливать, приходя, свою мудрость, а доказывать делом, что мы готовы учиться вместе с народом, вместе с ним осуществлять этот великий и прекрасный опыт: строительство новой Кубы.

Уже многое сделано и уже пройден определённый отрезок пути от первого января 1959 г. до сегодняшнего дня, дистанция, которую нельзя измерить общепринятыми мерками. Уже давно большинство народа поняло то, что здесь не только был свергнут диктатор; что рухнула целая система. Теперь пришло время, когда народ должен научиться строить на руинах развалившейся системы новую систему, которая составит его подлинное счастье.

Я помню, как в первые месяцы прошлого года из Аргентины вернулся товарищ Гильен¹⁾. Он и тогда был таким же великим поэтом, каким остаётся сегодня, хотя, может быть, в ту пору его книги не были ещё переведены на столько языков — потому что с каждым днём он завоевывал новых читателей, его стихи переводятся на все языки мира, но в целом он был тогда тем же, что и сегодня. Тем не менее для Гильена было тяжело читать здесь свои стихи, народную поэзию, потому что мы переживали ещё первый период, период предрассудков. Никто не хотел думать о том, что в течение многих лет поэт Гильен с неподкупной самоотверженностью и преданностью отдавал весь свой огромный талант художника служению народу и своему делу, в которое он верил. Люди видели в нём не славу Кубы, а представителя политической партии, которая находилась под табу. Но та ситуация уже в прошлом; мы уже поняли, что не должно быть места расколу, связанному с представлениями о некоторых внутренних структурах

1) Николас Гильен (1902–1989) — крупнейший кубинский поэт XX века, коммунист.

нашей страны, в ситуации, когда у нас — общий враг и речь идёт о том, достигнем ли мы — или нет — общей цели.

Если нет — мы все знаем почему, мы окончательно пришли к убеждению о том, что общий враг существует. Уже никто не оглядывается по сторонам — а не услышит ли его кто-нибудь другой, и не запрашивает предварительно мнения некоего посольства, прежде чем недвусмысленно высказаться против монополий, прежде чем ясно и четко сказать: «Наш враг и враг всей Америки — это монополистическое правительство Соединённых Штатов Америки». (*Аплодисменты*). Если же все уже знают, что оно и есть наш общий враг, и приходит осознание того, что каждый, кто борется против этого врага, имеет нечто общее с нами, тогда и приходит время второго вопроса: каковы же наши цели здесь, на Кубе? Чего же мы хотим? Хотим или не хотим мы счастья для народа? Боремся мы или нет за полное экономическое освобождение Кубы? Боремся или нет за возможность быть страной, свободной среди свободных, без принадлежности к какому-либо военному блоку, не обязанной консультироваться с посольством какой-либо крупной державы по поводу проведения каких-либо действий и мероприятий внутри страны и за её пределами? Если мы — все — думаем о перераспределении богатств, передаче их от тех, кто имеет излишне много, в пользу тех, кто ничего не имеет (*аплодисменты*); если думаем превратить здесь работу в созидательный труд, динамичный источник нашей ежедневной радости, тогда у нас уже есть общие цели, о которых только что говорилось. И каждый, перед кем стоят те же цели, является нашим другом. Если же кто-то из нас имеет при этом некоторые различия с другими в своих суждениях, принадлежит к той — или иной — организации, то это уже дискуссии, имеющие меньшее значение.

В моменты больших опасностей, в моменты крайнего напряжения и творческого созидания решающее значение имеют главные враги и основные цели. Если мы пришли к согласию в этом, если мы все знаем, куда идём — вопреки всем, кто встанет поперёк нашего пути, — то мы должны уже начинать нашу работу. (*Аплодисменты*).

Я вам говорил, что для того чтобы стать революционером, надо начать с того, чтобы иметь революцию. Мы её уже имеем. Нужно также узнать народ, с которым мы будем работать. Я считаю, что до сих пор мы друг друга знаем не очень хорошо, по этому пути нам предстоит ещё идти и идти. И если меня спросят, каковы же средства этого «познания народа» — помимо самого движения в глубинку, изуче-

ния кооперативов, жизни в этих кооперативах, работы в них (но это не каждый может сделать: есть множество иных мест, где присутствие медицинских работников чрезвычайно важно) — [так вот, помимо этого] одним из главных проявлений солидарности народа [сегодняшней] Кубы выступает создание Народной милиции¹⁾. (*Аплодисменты*). Это ставит сегодня перед врачом новые задачи и готовит его к тому, что в любом случае ещё несколько дней назад представляло как невеселая и почти неизбежная реальность Кубы²⁾. Иными словами, к перспективе стать мишенью или по меньшей мере жертвами вооружённого нападения большого масштаба.

При этом я должен заметить, что врач в этой роли революционного «милисиано» всегда должен оставаться врачом. Не должны повторяться ошибки, которые мы допустили в горах Сиерры (хотя, может быть, в том случае речь и не шла об ошибке), когда — все товарищи врачи того времени помнят об этом — нам казалось бесчестьем оставаться у койки раненого или больного, и мы искали любую возможность схватить винтовку и показать — на передовой, — что нужно делать бойцу.

Сейчас условия иные, и новые воинские формирования, создаваемые для защиты страны, должны быть войсками с другой, новой техникой. И рядом с этой техникой новой армии резко возрастает и важность функции врача. Он должен оставаться врачом. А это — одна из самых благородных профессий в мире и одна из важнейших на войне. Это относится не только к самим врачам, но и к санитарам, лаборантам, всем тем, кто посвятил себя этой столь гуманной профессии.

Но, зная, что мы находимся под постоянной угрозой и продолжая готовиться к отражению агрессии, мы должны перестать думать только об этом. Потому что, если мы сделаем центром наших устремлений подготовку к войне, нам не удастся построить то, что хотим, мы не сможем посвятить себя созидательному труду.

Вся работа, все силы и средства, которые вкладываются в подготовку к военным действиям, — это потерянные деньги и работа. К сожалению, приходится заниматься этим, потому что существуют другие, которые к этому готовятся. Однако — и я говорю это со всей

1) *Milicia Popular*

2) Речь идет о возможной реакции США на национализацию американской собственности на Кубе.

честностью и гордостью солдата — нет денег, покидающих ворота Национального Банка¹⁾, на которые я смотрю с большей грустью, чем те, которые оплачивают орудия разрушения. (*Аплодисменты*).

В то же время у Народной Милиции есть функция и в мирное время; в населённых пунктах «милисианос» должны выступать как средство объединения народа — и познания народа. Как мне уже рассказывали товарищи — врачи, практикующие в милиции, солидарность здесь проявляется на предельно высоком уровне. Здесь необходимо срочно решать проблемы, стоящие перед всей Кубой в моменты любой опасности. Но вместе с тем это и возможность узнать друг друга, возможность жизни бок о бок людей, принадлежащих ко всем социальным классам Кубы, породнённых и уравненных военной формой.

Если мы, медицинские работники — позвольте мне вновь использовать эту, уже подзабытую мной категорию, — если все мы используем это новое оружие солидарности, если мы знаем цели и знаем врага, знаем направление, в котором мы должны двигаться, нам не хватает только знания каждодневного участка движения по этому пути. А эту часть задачи никто не сумеет вам объяснить, эта часть пути — своя у каждой личности: это то, что вы будете делать каждый день, то, что вберёт в себя ваш индивидуальный опыт, и то, что даст вам практика вашей профессии, направленная к благополучию народа.

Мы уже имеем все элементы, необходимые для движения в будущее. Вспомним же ту самую фразу Марти, которой в данный конкретный момент я не следую, но которой нужно в принципе следовать постоянно: «Лучший способ сказать — это сделать». И двинемся к будущему Кубы. (*Овация*).

1) С конца ноября 1959 г. Че — президент Национального банка Кубы.

«Народ и власть должны быть единым целым»¹⁾

выступление на проводах добровольцев
интернациональных трудовых бригад 30 сентября 1960 г.

Товарищи кубинцы, товарищи из других стран мира, которые принесли сюда, в отроги Сьерра-Маэстры послание солидарности с Кубинской революцией.

Сегодня у нас радостный день — день встречи молодежи, но и день грусти расставания. Сегодня мы прощаемся с товарищами со всего мира, которые приехали сюда, чтобы отдать свой труд кубинской революции и чтобы узнать эту революцию и её народ. Вы работали со всем юношеским и революционным энтузиазмом, на который способны, и, думаю, что вы также смогли узнать наш народ, такой же народ, как все другие, состоящий из миллионов людей, составляющих сегодня единую массу, готовую к борьбе в защиту своих недавно обретенных прав, готовую идти на смерть, чтобы сохранить эти права и чтобы продолжить свой путь к новым завоеваниям.

Мы впали бы в грех гордыни, если бы стали объяснять каждому из товарищей, которые приехали сюда со всех концов света, что такое революция, и если бы пытались побудить их следовать нашему примеру, как если бы он был единственным в [нашем] мире. То, что вы видели здесь, это не больше — но и не меньше, — чем образ народа, который вступил в революцию и твёрдо остаётся в ней.

Многие молодые люди мира знают уже, что это такое — вступить в революцию, как знают это и кубинцы, и знают также, каких великолепных результатов добивается народ, который смог освободиться от пут, мешающих его развитию.

Но, к сожалению, многим товарищам из Америки и из других районов мира ещё не довелось увидеть свой народ вступающим в революцию. Быть может, пока мы ещё не можем до конца объяснить

1) Такое название эта речь получила в итальянском издании трудов Че (1969). Точный ее испанский заголовок гласит: «Выступление на проводах интернациональных бригад добровольного труда» (последние впервые работали на Кубе в августе–октябре 1960 г. и включали в себя юношей и девушек из десятков стран мира).

исторический феномен, в силу которого Куба — страна, не в большей мере колонизованная, чем иные, обрела тем не менее в своём отчаянии силу, необходимую для того, чтобы начать борьбу, которая разорвёт его цепи. И вправду, трудно в рамках традиционных теорий объяснить, почему именно здесь, на Кубе, впервые в Америке прозвучал клич окончательного освобождения, и удалось продвинуться вперёд — вплоть до момента, который мы сейчас переживаем. И мы не претендуем на то, чтобы объяснить здесь это, как и не считаем, что этот кубинский пример показывает единственный путь осуществления чаяний народа, что именно этот путь борьбы выступает как единственный и окончательный к тому, чтобы достигнуть подлинного счастья — свободы и экономического благосостояния. И всё-таки многое из того, что мы делаем здесь, действительно может быть осуществлено почти во всех угнетённых странах — угнетённых, колонизованных, полуколониях, не «слаборазвитых», как нас называют, поскольку мы не слаборазвитые. Мы просто плохо развиты, плохо, потому что империализм уже давно овладел источниками нашего сырья и стал развивать их в соответствии с его имперскими потребностями.

Не стоит перечислять примеры. Вы знаете, как это было с сахаром на Кубе или с нефтью — в Венесуэле, или с оловом в Боливии, или с медью Чили, с аргентинским животноводством и пшеницей или с бразильским кофе. Все мы объединены общим знаменателем, все мы — страны монопродукта и монорынка.

И мы знаем уже, что путь к освобождению лежит через борьбу против монорынка — вначале против монопродукта, затем через диверсификацию внешней торговли и диверсификацию внутреннего производства. До сих пор всё просто. Проблема, однако, в том, как этого добиться — путём ли парламентских выборов и решений, путём ли вооружённой борьбы или путём, совмещающим парламентаризм и оружие? Я не знаю точного ответа на этот вопрос. Что я с уверенностью могу сказать вам, так это то, что в условиях Кубы, под гнётом империалистических хозяев и их местных марионеток мы не видели для кубинского народа иного выхода, чем тот, о котором возглашают винтовки.

А тем, кто, руководствуясь голым техницизмом, вопрошает нас: а подумали ли вы, сколько капитала потребует начало аграрной реформы, мы скажем, что его не потребуется; единственный капитал для этого представлен вооружённым народом, осознавшим свои пра-

ва. (Аплудисменты). Этого капитала оказалось достаточно, чтобы мы здесь, на Кубе, осуществили нашу аграрную реформу, затем — углубили её, развивали её и встали на путь индустриализации.

Конечно, невозможно резюмировать в столь простой формуле все усилие народа, потому что речь идёт о борьбе, стоившей крови и страданий, а империи мира пытаются добиться, чтобы эта кровь и эти страдания росли. Поэтому необходимо твёрдо объединиться вокруг винтовок, вокруг единственного голоса, ведущего весь народ к его окончательным целям; объединиться бескомпромиссно, не позволяя, чтобы кто-либо сеял раскол, потому что — говорит Мартин Фьерро¹⁾, — если братья дерутся между собой, их пожирают враги извне. Империя хорошо знает эту истину, которую поэт просто услышал от народа; империя знает, что надо разделить для того, чтобы победить. Вот нас и разделили на страны, производящие кофе — или медь, нефть, сахар или олово, или разделили нас на страны, соперничающие за рынок в одной стране, что позволяет той постоянно снижать закупочные цены, чтобы более легко наносить нашим странам поражения — одной за другой.

Иными словами, то, что истинно для одного народа, может быть применимо ко всем народам с неполным развитием. И все мы должны объединиться. Все народы мира должны объединиться, чтобы добиться самого святого — свободы, экономического благосостояния; чувства, что не существует никакой проблемы, которую мы не могли бы в будущем решить, уверенности, что ежедневным воодушевлённым и творческим трудом мы можем прийти к поставленным целям, и ничто не сможет остановить нас на этом пути.

Но существуют империи, которые все вы знаете, империи, которые знаем и мы, поскольку они нас эксплуатировали; империи, которые знакомы и товарищам, родившимся на их территории, которые жили в чреве чудовища и знают, что значит жить в этих условиях, если верить в предназначение человека; знают о них и миролюбивые страны, которые видят себя в кольце атомных баз империи и не могут поэтому полностью реализовать свои стремления к развитию...

Все мы знаем их, и потому наш общий долг — постараться объединиться через голову правительств, которые хотят разделить нас; сомкнуть руки — не только молодых, как мы это делаем здесь, но и

1) Мартин Фьерро — гаучо, герой одноимённой поэмы Хосе Эрнандеса, ставшей своеобразным народным эпосом Аргентины.

зрелых и старых людей и детей, чтобы создать единый сгусток воли, призванный предотвратить сегодня самую страшную из войн, грозящих человечеству, и для того, чтобы осуществить эти чаяния всего мира. Но когда народы, которые знают все это — ибо народы сегодня многому научились, — хотят осуществить подобный союз, начинается (как это произойдёт со многими из вас) давление со стороны всех государств, возглавляемых продажными лидерами: вас будут бросать в тюрьмы, будут заставлять забыть обо всём, что вы узнали, находясь в свободной стране, чтобы дать на вашем примере урок, который заставит всех робких и боязливых отказаться следовать дорогой достоинства.

Это уже не раз происходило с теми американцами, которые посещали Кубу, и, к сожалению, будет происходить и впредь. Многие из вас встретятся с трудностями, многие будут осуждены, как представители «худшей человеческой разновидности», вступившие в союз «с чуждыми нам иноземными угнетателями», ставшие союзниками «всего самого зловещего», стремящимися уничтожить то, что они называют демократией, уничтожить западный образ жизни. Этот западный образ жизни, который столь хорошо известен представленному здесь борющемуся народу Алжира, всем угнетённым народам, борющимся и умирающим день за днём, чтобы достигнуть счастья, которое они никогда бы не увидели иначе.

Поэтому путь не прост; он не прост даже для тех, кто, подобно нам, смог преодолеть первый барьер и установить власть народа. (*Апладисменты*). Настаёт более трудный этап борьбы, этап, когда фальшивые демократии наносят всё более сильные удары по народу, а народ всё более отчётливо ощущает, как негодование и даже ненависть овладевают им, как он превращается в одной стране за другой в человеческую волну, берущуюся за оружие, борющуюся, завоевывающую власть. Это означает, что в условиях, в которых живёт сегодня человечество, колониальные и полуколониальные страны, пребывающие под игом правительств-марионеток империи, почти наверняка через короткий или более длительный срок должны будут взяться за оружие, чтобы добиться установления власти представителей народа. И таким образом объединить всю Америку, всю Африку, всю Азию и всех вместе — Америку, Азию, Европу в единый счастливый мир. (*Апладисменты*).

Но вы увидите многое. Увидите, что если империализм действительно проспал Кубу, сегодня и он проснулся, его разбудили

возгласы народа; увидите, как будут формироваться полиции, которые получают название международных, начальство над которыми будет поручено тем, кто имеет наибольший опыт в антикоммунистической борьбе, иначе говоря (если речь идёт об Америке) — Соединённым Штатам. Эта полиция направит оружие — или, вернее, ей будет вручено оружие, чтобы наши латиноамериканские братья были брошены под прикрытием того знамени позора, которым стала сегодня ОАГ¹⁾, против бунтующих народов. Вы станете свидетелями этого в Америке — и достаточно скоро. Потому, что народы восстанут и потому, что империя сформирует эти армии. Но это не остановит историю мира и мы — или наши товарищи, если нам предстоит пасть в борьбе — но в любом случае наше поколение, увидит, как эти армии, вооружённые самой варварской державой планеты, будут побеждены борьбой народов, которые полностью разрушат структуры империализма.

Мы, люди этого поколения, увидим окончательно освобождённый мир (*аплодисменты*), даже если должны будем пройти через величайшие страдания и лишения, даже если враги в своём безумстве попробуют развязать войну, которая лишь ускорит их конец. Но если какой-либо из народов добьётся своей независимости, не пройдя через эту борьбу или сокращая её этапы, и вновь спросит о рецепте дальнейшего развития, мы ответим, что таким рецептом является объединение народа, осуществление — при опоре на капитал винтовок и народа — самых глубоких социальных и экономических реформ. И скажем им также, что очень важно воспитывать народ — и что народы учатся с необычайной быстротой.

Мы, которым выпало на долю пережить столь богатый событиями опыт, как Кубинская революция, с волнением видим, как день за днём наш народ обретает новые знания, большую веру в революцию, более высокое революционное сознание. И если всего, что вы видели, мало, напомню вам один-единственный пример: здесь тепло приветствовали делегации всех братских стран, но три делегации были встречены особо горячими аплодисментами, ибо представляют особые ситуации: это делегация народа Соединённых Штатов Америки (*аплодисменты*), делегация, которую никогда не спутают с правительством США, делегацию народа, не знающего расовой ненависти, не признающую различий между индивидами по цвету кожи, по ре-

1) Организация Американских Государств.

лигии или по экономическому положению. И столь же горячо аплодировали тем, кто как никто представляет сегодня противоположный полюс: делегации Народной Республики Китая. (*Аплодисменты*). И в то же время так же, как аплодировали двум народам, правительства которых находятся в состоянии ожесточённой борьбы друг с другом, одно — имея за собой весь свой народ, другое — обманывая свой или противостоя ему; столь же пылко аплодировали собравшиеся делегации Алжира (*аплодисменты*), делегации народа, который пишет другую замечательную страницу мировой истории, борясь против тех, с кем и мы должны были бороться в наших горах, но противостоя не вторжению на свою землю своих же земляков, которые при всём своём варварстве всегда что-то уважают, но вторжению войск чужеземцев, которых натаскали на убийство, воспитали в духе расовой ненависти и философии войны.

И тем не менее этот же самый собравшийся здесь народ сумел щедро аплодировать и делегации народа Франции, которая также не представляла своё правительство (*аплодисменты*). И мы спрашиваем себя: народ, который умеет так точно расставить акценты в своих аплодисментах, разобраться в политических корнях происходящего, так четко обозначить разницу между народами и правительствами даже в такой момент, как сегодня, когда на кубинскую делегацию в Организации Объединённых Наций, например, обрушилась волна ненависти, грубые репрессии, вылившиеся даже в физическое насилие — не говоря уже об устных издевательствах¹⁾, — совершили ли наш народ революцию в силу этих своих качеств? Никким образом. Наш народ сегодня таков, какой он есть, в силу того, что он совершает революцию. Именно осуществляя свои революционные права, народ за какие-то двадцать месяцев революции научился всему, что стоит за его сегодняшним поведением и что вы, делегаты со всего мира, могли видеть и ощущать на острове за истекшие дни.

Итак, меняя постановку вопроса и его категории, изначальным рецептом воспитания народа является само его вовлечение в революцию. Никогда не пытайтесь воспитать народ так, чтобы путём «чистого воспитания, осуществляемого деспотическим правительством, он

1) Речь идет о дискриминирующем приёме, оказанном в Нью-Йорке кубинской делегации во главе с Фиделем Кастро (результатом чего стал отъезд делегации в гостиницу в Гарлеме, где и состоялось её посещение Н. С. Хрущев).

научился бы бороться за свои права. Научите его прежде всего завывать его права, и тогда этот народ, представленный в правительстве, научится всему, чему его учат, и больше того — без каких бы то ни было усилий сам станет учителем всех. (*Аплодисменты*).

Этим вещам научились и мы, Революционное правительство, часть народа, находящаяся на руководящих постах, всегда стремясь узнать мнение народа и никогда не отделяясь от него. Ибо руководитель, который изолируется в башне из слоновей кости и пытается руководить народом посредством спускаемых тому формул, обречён на крах и идёт дорогой деспотизма.

Народ и власть всегда должны составлять единое целое, и все те, кто к нам приезжает — товарищи из Америки и из колониальных стран, которые не добились ещё независимости, поймите: для того, чтобы руководить народом, не обязательно обладать дипломом¹⁾, — конечно, если он есть, это лучше, если руководитель является к тому же философом или математиком — это хорошо. Но главное, руководить народом — это понимать его чаяния, что достигается несравненно легче, когда ты сам — часть народа; когда ни на момент — в силу своего лучшего образования или под воздействием какого-либо иного разделяющего нас сегодня барьера — руководитель не изолирован от народа.

Поэтому у нас правительство рабочих, крестьян, а также людей, которые уже давно научились читать, но — что гораздо важнее — научились главному в ходе этой борьбы.

И здесь перед вами наглядный пример этого — из рядов повстанческой молодежи. (*Аплодисменты*). Когда в воскресенье вы слушали здесь Хоэля Иглесиаса (*аплодисменты*), знали ли вы, что этот майор Повстанческой армии пришёл в Сьерру пятнадцати лет от роду, что он едва умел читать, а писать не умел совсем? Сегодня же он может обращаться ко всей молодежи — и не потому, что он за полтора года уже превратился в философа; он может говорить с народом, потому что он — часть этого народа, потому что он чувствует то же, что все вы чувствуете постоянно, и может выразить это так, чтобы каждый понял его. Если правительства будут создаваться из подобных людей, это было бы лучше всего.

Поэтому отсюда мы приветствуем те правительства мира, руководители которых прошли курс страданий вместе с народом, про-

1) Буквально — «знать буквы».

шли свои университеты в ходе борьбы и остаются сегодня как всегда плотью от плоти, кровью от крови своего народа. (*Аплодисменты*).

Вы приехали сюда, товарищи из многих стран мира, узнать нас и трудиться с нами, и хотя вы принесли нам свои знания и свой опыт, я думаю, что и вы сможете узнать здесь что-то новое — и особенно товарищи из стран, не переживших подобного опыта, но готовящихся пережить его: ведь Куба стала уже частью истории, а то, что стало историей, уже нельзя изменить.

Здесь можно узнать многое — и не только хорошее, не только то, что бросается в глаза каждый день; не только то, за чем стоит пыл и энтузиазм народа. Здесь можно научиться и отталкиваясь от плохо сделанного, чтобы тогда, когда вы станете властью у себя в странах, вы не повторяли ошибки, которые были совершены нами; чтобы вы научились тому, что победа народа должна быть теснейшим образом связана с его организацией, и, что чем глубже организация, тем легче будет добыта победа.

Вы приехали сюда работать, строить школьный городок, а когда прибыли сюда, обнаружили, что не всё было организовано; что работа шла с отставанием; и поэтому вы не смогли закончить этот маленький памятник человеческой солидарности, который хотели оставить здесь. Это досадно, хотя для нас то, что вы сделали, ценно так, как если бы вы воздвигли здесь самый величественный из замков. Но вместе с тем это и урок, показывающий всю важность организации, показывающий, что нельзя думать о том, что революционер подобен ангелу, который является на землю по воле Божьей, простирает свои крыла, начинается революция и все проблемы решаются в миг их возникновения — просто по милости осеняющего благословением.

Революционер должен быть неутомимым тружеником, но не только неутомимым, но и организованным. И если вместо того, чтобы учиться на пропущенных в борьбе ударах, на поражениях и ошибках борьбы — подобно тому, как учились мы, — вы привнесёте в революционную борьбу этот опыт прошлой борьбы и организации, тем лучше будет для стран, где вам доведётся бороться за революцию. Это — один из тех уроков, которые вы можете извлечь из пребывания здесь и который вы можете извлечь из этого конкретного примера именно потому, что позитивно мы оценить его не можем.

Но, конечно, во многих иных отраслях экономики страны мы этим грехом не страдали. Мы с первых дней борьбы тоже учились

тому, насколько важна организация и поэтому уже сейчас, когда заканчивается всего лишь второй год революции, мы готовимся представить наш первый хорошо организованный план развития, чтобы вместе со всем народом с энтузиазмом принять его. Потому что смелый план развития, выполнение которого требует полного напряжения сил народа, не может вырабатываться без его участия, он должен готовиться вместе с ним, чтобы все понимали этот план, чтобы все схватывали его сущность и чтобы все подставили своё плечо для выполнения поставленной задачи.

И тогда мы снова станем в Америке также и первой страной, которая сможет с гордостью сказать, что обладает планом экономического развития и, помимо этого (и это самое важное), что речь идёт о плане, который будет выполнен, о плане, в отношении которого мы сделаем всё возможное, чтобы даже перевыполнить его. (*Аплудисменты*).

Почему нам так необходим план? Ведь для нас это тоже нечто новое.

Потому что мы всегда должны думать о том, что не сразу доступно нашему пониманию: о том, что хочет враг, чтобы мы сделали, проанализировать, почему он хочет, чтобы мы это сделали, — и затем сделать обратное тому, что он хочет. И если враг не хочет, чтобы мы планировали, чтобы мы организовывались, не хочет, чтобы мы осуществили огосударствление нашей экономики и всеми силами борется против этого — мы задаём вопрос: почему он делает это? Потому, что именно анархия капиталистического производства создаёт среду, позволяющую выжимать соки из трудящегося народа и ту специфическую ментальность, которая ведёт к тому, что все, каждый человек становится волком для другого человека; что каждый пытается бороться в одиночку, пуская в ход локти, удары ногой и головой, чтобы опередить других, не отдавая себе отчёта в том, что если бы все действовали вместе и сообща, они стали бы огромной силой и могли бы двигаться гораздо дальше и скорее, так, чтобы от этого выигрывали бы все. (*Аплудисменты*).

Ясно, что всегда есть и будут некоторые, которые останутся в положении зрителей¹⁾; те, кто чужд общему усилию и повседневной работе, которые чувствуют себя оскорблёнными, когда слышат призывы к такой работе, которые изрыгают проклятия, ораторствуя в за-

1) Буквально: «которые будут смотреть на быков из-за барьера».

щиту священной частной собственности. Но чем была эта частная собственность — мы говорим именно о собственности крупных монополий — не о мелком промышленнике или торговце, чем была она, эта собственность, как не разрушителем нашей силы, нашей культуры, нашей национальности. Эти монополии, представляющие сегодня архетип частной собственности, архетип борьбы человека против человека, — они являются и орудием империи, которое раскалывает народ, эксплуатирует его, ведёт его к вырождению. Да, они производят продукты более дешёвые, но зачастую ненужные и низкого качества. Они продают нам свою культуру — в форме фильмов, детективных романов или детских сказок, но при этом намеренно создавая в нас иную ментальность. Потому что за всем этим стоит стратегия — стратегия, основанная на противопоставлении индивидуального усилия усилию коллективному, на том, чтобы воззвать к той доле эгоизма, которая существует в каждом человеке, дабы она оказалась определяющей всё остальное. И ещё речь идёт о том, чтобы воззвать к этой доле человеческого «Я», к этому небольшому комплексу собственного превосходства, который свойствен каждому человеку и внушает людям мысль, что они в чем-то лучше других. Так вот, монополии прививают человеку с детства представление о том, что ему, который лучше и способнее других, надлежит вести свою индивидуальную борьбу против всех, обыграть всех и самому тоже превратиться в эксплуататора. Они очень озабочены тем, чтобы доказать, что коллективное усилие поработает, что оно не позволяет выделиться самым умным или самым способным, — как если бы народ делился на более или менее умных, более или менее способных, а не представлял бы собой единую массу воли и сердец, в которой все имеют примерно одинаковые ум и способность к труду, один и тот же дух самопожертвования.

Они приходят к этой однородной массе и стремятся разделить её на чёрных и белых, на более и менее способных, на грамотных и неграмотных; а потом стремятся снова и снова разделить и эти группы, чтобы добраться наконец до индивидуальной личности и поставить её, эту личность, в центр общества.

Конечно, над этими индивидами, которых они нам демонстрируют, находятся монополии, коллективы — но коллективы эксплуатирующие. И мы должны показать народу, что сила его — не в том, чтобы считать себя чем-то большим или лучшим, чем другие, научить его сознавать ограниченность индивидуальных возмож-

ностей и силу союза, чтобы он проник сознанием того, что всегда двое толкают сильнее, чем один; десять сильнее, чем двое и сто сильнее, чем десять. А шесть миллионов¹⁾ — сильнее, чем сто! (*Аплодисменты*).

Товарищи, делегаты из всех стран мира, от имени кубинского народа я должен сказать вам «спасибо!» и откровенно сказать вам, что мы многому у вас научились и что вы оставите по себе незабываемую память. Я должен сказать также: мы надеемся, что и Куба оставила такую же память о себе у вас и что вы сможете взять от нас всё то, что может вам пригодиться, и чтобы во всех уголках мира вы смогли проанализировать то, что требует анализа, причины происходящего; что вы будете изучать теории, подвергать их пересмотру, тщательно анализируя их — и чтобы все и каждый спросили себя, не смогут ли они когда-либо стать счастливыми и что нужно сделать для того, чтобы стать счастливыми.

Мы не претендуем на то, чтобы ответить на все эти вопросы своим примером. Мы просто даём вам наш опыт, с открытыми руками предлагаем его как факт истории. Если кто-либо сможет извлечь из него уроки, которые смогут улучшить хотя бы в минимальной мере положение какой-либо части населения мира — мы будем удовлетворены. Но даже если мы и не пригодимся для этого, всё равно мы сочтём себя счастливыми, если, странствуя порой по другим частям мира, мы встретим дружеские руки тех, кто будет вспоминать об этих двух месяцах пребывания на Кубе. (*Аплодисменты*).

Мы, товарищи, будем помнить о вас с большим удовольствием. Мы желаем новых встреч с вами и приглашаем вас посетить нашу страну столько раз, сколько вы этого захотите, — чтобы трудиться в ней, чтобы учиться в ней, просто для того, чтобы ещё раз увидеть её. Мы прощаемся с вами братским объятием и словами «до встречи!» (*Овация*).

Заметки к изучению идеологии Кубинской Революции

Это — необычная революция, и некоторые считают, что она не соответствует одной из наиболее ортодоксальных предпосылок революционного движения, сформулированной Лениным: «Без революционной теории нет революционного движения». Договоримся, что революционная теория как выражение социальной истины выше какого бы то ни было её изложения. Другими словами, революция может осуществиться, если верно толкуется историческая реальность и если правильно используются участвующие в ней силы — даже если те не знакомы с теорией.

В любой революции всегда участвуют группы людей, принадлежащих к самым различным течениям, которые, однако, совпадают в своих действиях и в непосредственных целях, к которым они стремятся.

Ясно, что, если революционные руководители перед началом активных действий обладают соответствующим теоретическим знанием, они могут избежать многих ошибок — в том, разумеется, случае, если принятая теория отражает реальное положение дел.

Основные действующие лица нашей Революции не имели последовательной и стройной концепции, но, с другой стороны, нельзя сказать, что они не имели представления о различных концепциях истории общества, экономики и революции, которые обсуждаются сегодня в мире.

Глубокое знание действительности, тесная связь с народом, твёрдость в достижении цели и опыт революционной практики дали руководителям революции возможность более полно сформулировать теоретическую концепцию.

Всё сказанное должно рассматриваться как введение к разъяснению этого любопытного феномена, который заинтриговал весь мир — феномена Кубинской Революции. Как и почему группа людей, которая была наголову разбита во много раз лучше вооружённой и многочисленной армией, сначала смогла выжить, затем окрепнуть, позднее стать сильнее врага на полях сражений, а в последующем продвигаться на новые территории, вплоть до заключительного разгрома врага в решающих битвах, несмотря на то, что количественно

она продолжала уступать ему? Это событие истории современного мира действительно достойно изучения.

Разумеется, мы, которые зачастую не проявляли необходимого интереса к теории, не будем сейчас говорить о правде кубинской революции, как люди её осуществившие. Просто попытаемся дать основы для того, чтобы правда эта верно истолковывалась. При этом следует выделить в кубинской революции два совершенно различных этапа: вооружённой борьбы — до первого января 1959 года — и политических, экономических и социальных преобразований после этой даты.

В свою очередь, эти два этапа заслуживают дальнейшего членения, причем мы делаем это не под углом зрения изложения последовательности событий, а анализируя эволюцию революционного мышления руководства; эволюцию, протекавшую через его отношения с народными массами. Кстати, именно здесь возникает необходимость изложить нашу общую позицию относительно одного из самых спорных в современном мире терминов: марксизма.

Когда нас спрашивают: марксисты вы или нет, наша позиция примерно такая же, как у физика, когда его спрашивают, ньютоновец ли он, или биолога, отвечающего на вопрос, пастерианец ли он... Есть истины настолько очевидные, настолько укоренившиеся в сознании народов, что обсуждение их уже стало бесполезным. Нужно быть «марксистом» с той же естественностью, с которой являются «ньютонистом» в физике или «пастерианцем» в биологии, исходя при этом из того, что новые факты и события, определяющие новые концепции, никогда не умаляют ту часть истины, которая содержалась в концепциях прошлого. Так обстоит, например, дело в случае соотношения теории относительности Эйнштейна или квантовой теории Планка с более ранними открытиями Ньютона. Без сомнения, они абсолютно не умаляют величия английского мыслителя. Именно благодаря Ньютону стал возможен прорыв физики к открытию новых концепций Вселенной. Деятельность английского учёного была необходимым этапом в этом процессе.

Прорыв в области социально-политических наук, как и прорывы в других областях, являются звеньями в цепи длительного исторического процесса; полученные знания суммируются, накапливаются и постоянно совершенствуются. На заре истории народов была математика китайская, арабская и индийская, а сейчас математика не имеет границ. В нашей истории были и грек Пифагор, и

итальянец Галилей, и англичанин Ньютон, и немец Гаусс, и русский Лобачевский, и Эйнштейн, и многие другие. Также и в области социально-политических наук длинная цепочка мыслителей, от Демокрита до Маркса, присоединяла к нашим знаниям результаты своих оригинальных исследований и возводила здание науки из своего опыта и доктрин.

Заслуга Маркса в том, что он осуществил качественный сдвиг в истории общественной мысли, сумел по-новому истолковать исторические процессы, понять их динамику, предвидеть будущее, однако, помимо этого предвидения — выполнения до конца своего научного долга, он выразил революционную концепцию: должно не только объяснять природу, но и преобразовывать её. Человек перестаёт быть рабом и инструментом среды и превращается в архитектора собственной судьбы. Именно поэтому в настоящее время Маркса пытаются позиционировать таким образом, что он становится обязательной мишенью для всех тех, кто заинтересован в сохранении старых порядков; так, как это раньше произошло с Демокритом, чей труд был сожжён лично Платоном и его последователями — идеологами афинской рабовладельческой аристократии.

Начиная со времени Маркса-революционера появилась политическая группа с конкретными идеями, опирающимися на наследие гигантов — Маркса и Энгельса и развивающимися во времени, этап за этапом, такими личностями, как Ленин, Сталин, Мао Цзедун, а также современными советскими и китайскими руководителями, придавшими новую цельность этому учению создавшими примеры для подражания.

Кубинская Революция взяла Маркса там, где он отложил в сторону науку, чтобы реализовать «критику оружием». И взяла она его там не из-за духа ревизионизма; не для того, чтобы бороться с теми, кто был после Маркса, не для того, чтобы оживить «чистого» Маркса, но просто из-за того, что именно до той поры Маркс, как учёный, абстрагируясь от сиюминутной окружающей действительности, исследовал и прогнозировал. Затем же в рамках этой действительности Маркс-революционер сражался. Мы, революционеры-практики, начиная нашу борьбу, просто действовали в соответствии с законами, открытыми Марксом-ученым. И, ведя вооружённую борьбу, сражаясь со старой структурой власти, поддерживаемые народом в разрушении этой структуры, имея целью нашей борьбы счастье народа, мы просто следовали предсказаниям Маркса-учёного. Другими словами,

и нужно ещё раз подчеркнуть это, законы Маркса содержатся в свершениях кубинской Революции, независимо от того, знакомы ли эти законы во всей полноте её лидерам, разделяют ли они теоретические взгляды Маркса или нет.

Для лучшего понимания кубинского революционного движения в период, предшествующий Первому январю (1959 г.), необходимо разделить его на следующие этапы: период до высадки с «Гранмы»; от высадки с «Гранмы» до победы у Ла-Плата и Арройо-дель-Инфиерно; от этих событий до взятия Уверо и создания Второй партизанской колонны; затем до создания Второй партизанской колонны; затем до создания Третьей и Четвёртой колонн, наступления до Сьерра-де-Кристал и открытия Второго Фронта; далее до апрельской забастовки и её провала; отражения последнего большого наступления противника; рейда в Лас-Вильяс. Каждый из этих малых исторических моментов партизанской войны включает в себя и различные социальные концепции, различные оценки кубинской действительности, формировавшие мышление тех военных лидеров Революции, которые со временем утвердили себя и в качестве её политических руководителей.

До высадки с «Гранмы» у нас преобладало мироощущение, которое в определённой мере можно назвать субъективистским. Слепая надежда на скорый взрыв народного возмущения, энтузиазм и вера в возможность ликвидации батистовской власти путём ожидавшегося в скором времени восстания и спонтанных революционных забастовок с последующим падением диктатора. Движение было прямым наследником Ортодоксальной Партии и её основного девиза: «Стыд против денег». Иначе говоря, порядочность и честность администрации как основная идея кубинского правительства.

Тем не менее за несколько лет до этого Фидель Кастро в своей речи «История меня оправдает» заложил основы концепции нашей революции. Цели, намеченные им в этой речи, были почти полностью осуществлены Революцией, но ею же они были расширены — особенно, поскольку речь шла о её углублении в экономической сфере, что привело к сходному углублению революционного преобразования в сфере политики — национальной и международной.

После высадки нас ждало поражение, почти полное уничтожение наших сил, их перегруппировка и последующее объединение в партизанский отряд. Вот тогда мы, небольшое число выживших, причём выживших и не потерявших мужества и воли к борьбе, при-

шли к пониманию ошибочности порождённой нашим воображением схемы возникновения стихийных очагов борьбы по всему Острову; мы пришли к осознанию того, что борьба будет долгой и что она необходимо должна опираться на участие в ней широких масс крестьянства.

Именно тогда в партизанское движение приходят первые крестьяне и происходят два первых боевых столкновения, незначительные — по числу их участников, но исключительно важные с точки зрения психологической: именно они позволили преодолеть предрассудки, которые существовали среди бойцов-горожан, составлявших ядро и основную часть отряда, по отношению к крестьянам. Крестьяне же, в свою очередь, не доверяли партизанам и прежде всего боялись варварских репрессий правительства. На этом этапе выявились два обстоятельства, оба очень важные с точки зрения взаимосвязи факторов: крестьяне поняли, что ни зверства армии, ни непрерывность преследования ею партизан не смогут покончить с теми, кто непосредственно угрожает жизни крестьян, их домам, их урожаю, их семьям; поэтому наилучшим решением для них было бы укрыться за спинами партизан, где их жизни были бы в безопасности. Но и партизаны осознали всё большую необходимость завоевать крестьянские массы на свою сторону, для чего им надо было, очевидно, предложить нечто, чего они жаждали бы всей душой. А для крестьянина нет ничего более желанного, чем земля.

В последующие месяцы продолжался этап кочевой жизни, когда Повстанческая армия начала завоевывать зоны влияния. Она не могла постоянно находиться в этих зонах, но и вражеская армия не могла этого сделать и едва проникала на эти территории. В результате серии боев образовалось подобие линии фронта, не очень четко демаркированной воюющими сторонами.

28 мая 1957 года стало качественной вехой в развитии борьбы: был атакован гарнизон в Уверо, который был хорошо вооружен, защищён достаточно мощными оборонительными сооружениями и имел возможность быстро получить подкрепление как со стороны моря, так и используя аэродром. Победа повстанческих сил в этой битве (одной из самых кровопролитных: тридцать процентов вступивших в сражение бойцов были убиты или ранены) позволила полностью изменить сложившуюся ситуацию. Образовалась территория, на которой Повстанческая армия навела свои порядки, откуда к врагу не могла просочиться информация о наших вооружённых си-

лах и откуда мы могли одним броском достигнуть равнины и атаковать оборонительные пункты противника.

Немного позднее уже произошло первое разделение наших вооружённых сил, и были образованы две боеспособные колонны. Вторая колонна получила из соображений вполне детской конспирации наименование Четвёртой¹⁾. Сразу вслед за этим обе колонны предприняли активные действия, 26 июля была атакована Эстрада Пальма, а пять дней спустя — Буэйсито, в тридцати километрах от Эстрады. Демонстрации силы стали более интенсивными, мы ожидали карателей в полной боевой готовности. Несколько их попыток подняться в Сьерру закончились неудачей. Были открыты уже несколько фронтов борьбы; появились участки «ничейной земли», где обе стороны проводили боевые рейды, возвращаясь затем за свои «передовые линии».

Численность герильи росла в значительной мере за счёт крестьян зоны боевых действий и отдельных участников Движения из городов; повышалась боеспособность, поднимался боевой дух партизан. После отражения нескольких попыток наступления врага, в феврале 1958 года часть партизан выделилась в колонну Альмейды, Третью, которая заняла позицию непосредственно в районе около Сантьяго, и шестую колонну Рауля Кастро, которой было присвоено имя нашего героя, Франка Паиса, погибшего несколькими месяцами раньше. В первых числа марта Рауль совершил героический переход через Центральное шоссе, обосновался на холмах у Маяри и образовал Второй Восточный Фронт Франк Паис.

Растущие успехи наших повстанческих сил, несмотря на цензуру, влияли на умы людей; стала быстро расти, достигла своего максимума революционная активность народа. Именно в этот момент в Гаване был поставлен вопрос о расширении борьбы на всю территорию страны путём организации революционной всеобщей забастовки, которая должна была уничтожить врага одновременно по всем направлениям.

Повстанческая армия должна была в этом случае выполнить функцию катализатора или, может быть, «раздражающей занозы» для высвобождения мощи движения. В эти дни наши партизанские

1) О том, кто был назначен её командиром (comandante), Че не упоминает — в отличие от командиров других вновь созданных колонн (см. ниже). Даже в третьем лице.

силы увеличили свою активность, начала создаваться героическая легенда Камило Сьенфуэгоса, впервые перенесшего борьбу на восточную равнину.

Однако вопрос о революционной стачке не был поставлен адекватно: игнорировалась вся важность единства рабочего движения; не добивались того, чтобы рабочие сами в ходе осуществления своего революционного действия выбрали наиболее благоприятный для стачки момент. Забастовка готовилась как тайный переворот, призыв к которому должен был поступить по радио; закрывались глаза на тот факт, что секретная информация о дне и часе начала забастовки стала известна агентам режима¹⁾, но не народу. Забастовочное движение потерпело неудачу, были безжалостно убиты многие лучшие революционеры...

В этот момент произошло одно из самых важных качественных изменений в развитии военных действий. Пришла уверенность в том, что победа будет достигнута только путём постепенного роста партизанских сил, вплоть до полного разгрома армии противника в ходе фронтальных сражений.

К этому времени уже были установлены прочные и всесторонние отношения с крестьянством. Повстанческая армия имела свои кодексы — и уголовный, и гражданский, отправляла правосудие, распределяла продовольствие и собирала налоги на управляемых ею территориях. Соседние зоны также находились под влиянием Повстанческой армии. Были проведены крупные наступательные операции, в результате которых за два месяца борьбы армия противника была полностью деморализована, потеряв тысячу солдат и шестьсот единиц вооружения, пополнившего наши боевые запасы.

Эта ситуация показала, что армия противника уже не могла нас разгромить. Не было силы на Кубе, способной захватить вершины Сьерра-Маэстры и холмы, где был расположен Второй Восточный Фронт имени Франка Паиса. В Oriente дороги стали непроходимыми для войск тирании. После того как наступление противника завершилось его разгромом, Камило Сьенфуэгосу во главе Колонны № 2 и автору этих строк во главе Колонны № 8 имени Сиро Редондо было поручено пересечь провинцию Камагуэй и, обосновавшись

1) Курьез, о котором нужно упомянуть хоть раз, рассказывая историю нашей Революции: Жюль Дюбуа, доносчик североамериканских монополий, заранее знал о дне начала забастовки. (Прим. авт.).

в Лас-Вильясе, перерезать стратегические коммуникации противника. Камило должен был затем продолжить своё продвижение на запад и повторить подвиг героя (Антонио Масео), имя которого было присвоено его колонне: пройти весь остров от востока до запада.

Война в этот момент приобретает новый характер. Соотношение сил меняется в пользу Революции, две маленькие колонны, из восьмидесяти и ста сорока бойцов, пересекли за полтора месяца равнины Камагуэя, постоянно находясь в окружении, преследуемые армией, насчитывающей тысячи солдат, вошли в Лас-Вильяс и приступили к выполнению задачи: разрезать остров надвое.

Временами было удивительно, в других случаях — непонятно, а иногда просто невероятно то, что смогли сделать эти две колонны, имея столь малый количественный состав, без коммуникаций, без средств передвижения, без самых элементарных средств ведения современной войны, против хорошо обученных и, главное, отлично вооружённых регулярных войск противника.

В основе этого «чуда» лежали сущностные черты каждой из противоборствующих групп: чем более тяжёлыми и неудобными становились условия, чем безжалостней — природа, тем в большей мере партизан ощущал себя «в своём доме», тем более высокими становились его моральные качества, тем большим становилось его чувство уверенности. В то же время при любых обстоятельствах он готов был рисковать своей жизнью, бросать вызов судьбе, исходя из того, что окончательный результат боя мало зависит от того, выживет или нет отдельно взятый партизан.

Солдат же противника в кубинском варианте, рассматриваемом нами, был младшим партнером диктатора, человеком, получавшим последнюю крошку, оставленную ему предпоследним из всех наживавшихся в той длинной цепи, которая начиналась на Уолл-стрит и заканчивалась на нем. Он был готов защищать свои привилегии, но он защищал в той самой мере, в какой они представляли для него возможность. За своё жалованье и привилегии он готов был немного пострадать и немного рисковать, но жизни его они не стоили. Если же ценой их сохранения становилась его жизнь, то лучше отказаться от них, другими словами — отступить перед опасностью, представленной партизанами...

Из этих двух подходов и двух моралей и возникло то разительное отличие между двумя воюющими сторонами, которое привело к кризису 31 декабря 1958 г.

День ото дня становилось всё более очевидным превосходство Повстанческой армии, и, вместе с тем с занятием Лас-Вильяс нашими колоннами проявилась большая популярность Движения 26 Июля по сравнению со всеми остальными, среди которых были: Революционный директорат, Второй Фронт Лас-Вильяс, Народная Социалистическая Партия и некоторые небольшие партизанские отряды Организации Аутентика. Это было связано в первую очередь с магнетической личностью лидера Движения Фиделя Кастро, но, конечно, и с влиянием более правильной революционной политики Движения.

Так заканчивалось восстание, но люди, которые вошли в Гавану после двух лет ожесточённой борьбы в горах, на равнинах, в городах Орьенте, Камагуэя и Лас-Вильяса, уже не были с идеологической точки зрения теми же, которые высадились на пляжи Лас-Колорадас или вступили в герилью на начальном этапе борьбы. Их недоверие к крестьянам переросло в привязанность и уважение к лучшим качествам крестьянства, их полное незнание специфики жизни в сельской местности трансформировалось в точное знание потребностей наших гуахиرو¹⁾; их легковесное кокетничанье со статистикой и теорией было аннулировано и заменено железобетоном практики.

Под знаменем аграрной реформы, которая начала проводиться ещё в Сьерра-Маэстре, эти люди вступили в борьбу с империализмом. Они знают, что аграрная реформа — это основа, на которой будет строиться новая Куба. Знают также, что аграрная реформа даст землю всем неимущим, лишит неправедных владельцев собственности на нее. Знали и о том, что наиболее крупные из этих неправедных владельцев обладали большим влиянием на государственный департамент и правительство Соединённых Штатов Америки. Однако наши новые руководители научились преодолевать трудности — смело, мужественно и, главное, при полной поддержке народа. Они уже видели будущее освобождения, которое ждёт нас по другую сторону страданий настоящего.

На пути к нашим конечным целям уже много пройдено и достаточно много изменилось. Параллельно с последовательными качественными изменениями на фронтах вооружённой борьбы шли изменения в социальном составе наших партизанских отрядов, а также сдвиги в идеологии их командиров. Потому что каждый из этих процессов, каждая из этих перемен эффективно сказывались на каче-

1) Гуахиро — кубинский крестьянин.

ственном изменении личного состава, на силе, на революционной зрелости нашей армии. Крестьянин дал ей крепость своих мышц, способность переносить лишения, знание природы, любовь к земле, жажда аграрной реформы. Интеллектуал любого типа вложил свою песчинку, начав эскиз теории. Рабочий привнес своё чувство организации, врождённую склонность к коллективизму, к объединению. И над всеми этими «вкладами» витал пример повстанцев, которые доказали уже, что означают нечто намного большее, чем «раздражающая заноза», и чей пример будил и поднимал массы, терявшие в конечном счёте страх перед палачами. Сейчас, как никогда, нам ясна и понятна концепция взаимодействия. Мы могли чувствовать, как созревало это взаимодействие, показывая нам действенность вооружённого восстания, силу, которую обретает защищающийся от врагов человек, когда в руках его появляется оружие, а в зрачках глаз — решимость добиться победы, умение крестьян, показывающих нам хитрости и ловушки Сьерры; силу, необходимую там для выживания и победы, примеры упорства, непреклонности и готовности к самопожертвованию, столь необходимые для того, чтобы нести в будущее судьбу нашего народа.

Поэтому, когда, все в крестьянском поту, оставив за горизонтом горы и облака над ними, под палящим солнцем нашего Острова командир повстанцев и его соратники вошли в Гавану — «сама история ногами народа поднялась по парадной лестнице Зимнего сада».

Журнал «Verde Olivo», 8 октября 1960 г.

Сообщение о поездке в социалистические страны

телевизионное выступление, 6 января 1961 г.

Во-первых, я хочу поприветствовать телезрителей Кубы после того, как некоторое время не появлялся на публике, и сообщить вам, что причиной сегодняшнего выступления стала необходимость разъяснить хотя бы вкратце всю важность договоров, подписанных с социалистическими странами, особенно с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Кроме того, я должен в точности рассказать, какова была позиция каждого участника этих переговоров, которые могут показаться очень долгими, поскольку шли они два месяца, и в течение этого времени мы трижды посетили Советский Союз. Конечный результат мог бы выглядеть как венец долгих и трудных переговоров, из которых кубинская делегация вышла триумфатором, навязав другим уже известные вам экономические соглашения. Мы договорились о закупках сахара со стороны Советского Союза и других социалистических стран в размере четырёх миллионов тонн по цене четыре сентаво за фунт, то есть по цене существенно большей, нежели цены мирового рынка, зафиксированные на обеих биржах — в Нью-Йорке и Лондоне.

В действительности всё было не так. Переговоры в Советском Союзе с самого начала шли с чрезвычайной легкостью благодаря тому духу сотрудничества, с которым руководители социалистических стран изучили просьбу кубинской стороны. Конечно, мы не могли просить социалистический мир, чтобы он купил у нас такое количество сахара и купил по такой цене, обосновывая нашу просьбу экономическими доводами. Потому что на самом деле с точки зрения международной торговли не существует резонов заключать подобное соглашение о поставках. Попросту это соглашение представляет собой политическую акцию.

Куба подвергается экономической агрессии со стороны североамериканского империализма и при этом по-прежнему является пока страной монокультуры. Чтобы развиваться и вести международную торговлю, Куба должна рассчитывать на сахар. Или она продаёт свой сахар, или столкнётся с очень крупными провалами во внешней торговле. Кроме того, она должна продать его по опреде-

лённой цене, в противном случае произойдёт явная декапитализация страны, поскольку основной производимый нами продукт продавался бы по цене гораздо ниже его себестоимости.

Этими политическими доводами и была обоснована просьба кубинской стороны в письме, посланном правительством и подписанном премьер-министром Фиделем Кастро. Просьба была встречена социалистическими странами с необычайной симпатией и пониманием. Вначале было созвано совещание в Москве, в результате которого было подписано многостороннее соглашение о платежах. Возможно, это уникальный случай такого рода. Пока мы совещались, в Москву съехались делегаты коммунистических партий восьмидесяти одной страны мира, чтобы решить ряд важных проблем, которые привлекли внимание таких выдающихся представителей социалистического лагеря, как Лю Шао-ци и как Хрущев.

Тем не менее они нашли время, чтобы организовать совещание, которое прошло фактически на уровне министров внешней торговли, — этого министерства у нас пока нет, тогда как в социалистических странах торговля разделена на внешнюю и внутреннюю. Некоторые министры внешней торговли и другие высокопоставленные государственные деятели приехали в Москву, чтобы провести с нами переговоры, и единственной темой обсуждения было количество сахара, которое сможет приобрести каждая страна, чтобы помочь Кубе.

Советский Союз обязался закупить 2 миллиона 700 тысяч тонн сахара в случае, если их не купят Соединённые Штаты, что кажется весьма вероятным. Китай покупает миллион тонн сахара, а остальные социалистические страны, которые, к сожалению, сами являются производителями сахара, обязуются закупить 300 тысяч тонн. Это поскольку речь идёт о странах Европы. Кроме того, дополнительно Коре́йская Народно-Демократическая Республика покупает двадцать тысяч тонн; Народно-Демократическая Республика Вьетнам — пять тысяч тонн; и — в качестве символической покупки, чтобы выразить монолитность позиции поддержки нашему правительству со стороны всего социалистического блока, — Народная Республика Монголия покупает тысячу тонн сахара.

Наша делегация, которую раньше возглавлял я, а в настоящее время возглавляет заместитель министра иностранных дел Родригес Льомпарт, совершит поездку по всем странам социалистического блока. Сейчас делегация находится в Болгарии; нам осталось по-

сетить только Румынию и Албанию. В качестве дополнительной цели в задачу делегации входило подписание протоколов по торговле на 1961 и последующие годы со всеми странами этого блока.

В целом это была трудная задача; трудная потому, что нам пришлось в течение нескольких месяцев изменить всю структуру нашей торговли. Ещё в конце 1959 года, то есть год назад, мы были страной с полностью колониальной структурой торговли, с системой внутренней и внешней торговли, полностью подчинённой крупным импортерам, которые зависели от монополистического капитала. За десять месяцев, к октябрю, когда предшествующий цикл был окончательно завершён, мы прошли путь до страны, где государство осуществляет абсолютную монополию внешней торговли и контролирует значительную часть торговли внутренней.

Этот сдвиг неизбежно приносит взаимосвязанные сильные потрясения и очень серьёзные трудности. Мы получили искренние поздравления от социалистических стран не из-за наших огромных требований, а потому, что, учитывая объём проделанной работы, мы совершили мало ошибок. Мы смогли разработать план основных потребностей нашей страны на 1961 год, и здесь мы столкнулись с новыми трудностями. Одна из них состоит в том, что в социалистических странах принята метрическая система мер, десятичная система исчисления. А мы здесь, естественно, следовали колониальной практике измерять всё в фунтах, ярдах, милях, применять нашу систему измерений — давления, различных инструментов, диаметров труб и насосов, машин для производства сахарного тростника, в общем, весь необходимый нам промышленный инструментарий относится к другому типу измерения. Например, электричество в социалистических странах — это 50 Гц, а у нас 60. Нужно адаптировать все машины к этому циклу.

И всё это в странах, обладающих высокоразвитой системой планирования, где уже запланированы основные показатели производства на 1961 год; а в некоторых странах, например, в Чехословакии, план развития составлен уже вплоть до 1980 года. Иными словами, им пришлось изменить ранее намеченное, фундаментально адаптировать свою внешнюю торговлю к нуждам Кубы по многим товарам, которые крайне важны для Кубы, которые необходимо было ей поставлять, ибо в противном случае развитие Кубы остановилось бы, и было необходимо поставлять их в определённые сроки, да ещё адаптированными к кубинским потребностям.

Создалась ситуация, действительно невиданная и для последнего времени, и во всей истории внешней торговли: целый блок стран должен был изменить всё — вплоть до своей структуры производства, чтобы помочь такой стране, как наша, такой маленькой — и территориально, и по количеству жителей; такой брошенной на произвол судьбы перед лицом североамериканского могущества.

Тем не менее мы встретили наилучший приём во всех странах, которые мы посетили. За этот короткий период времени, за два месяца, которые я там пробыл — а мы всё ещё продолжаем работать в этом направлении, — была проделана огромная работа. Кроме того, мы неожиданно обнаружили, что Куба может распространить свою внешнюю торговлю на всю территорию социализма, прежде всего на азиатские страны, особенно Китай. Там наш основной продукт, сахар, может быть закуплен в полном объёме и даже ещё больше, только бы у нас были средства перевезти его, поскольку есть возможность равноценного обмена товарами.

В Китае сейчас потребление сахара составляет менее двух килограммов на душу населения в год. На Кубе эта цифра составляет около сорока килограммов, а в индустриальных странах мира — от тридцати до сорока килограммов. Для Китая поднять уровень душевого потребления на килограмм в год означает сейчас от 650 до 700 тысяч тонн. То есть если Китай поднимет уровень потребления до десяти килограммов на человека в год, что тоже всё ещё очень мало, это будет означать, что он потребит урожай Кубы в размере семи миллионов тонн, то есть весь наш нынешний урожай в размере шести миллионов потребит запросто...

Просто мы могли бы развивать нашу торговлю сахаром, обменивая весь его урожай Китаю на другие товары. Советский Союз находится в другой ситуации. Советский Союз сейчас является самым крупным производителем сахара в мире. Он превзошёл Кубу как раз два года назад и стал первым производителем. У него имелся широчайший план промышленного производства сахара, чтобы и в этой области подняться на высоту остальных промышленных стран мира, догнать и впоследствии перегнать Соединённые Штаты.

В настоящее время потребление в Советском Союзе ниже, чем в Соединённых Штатах, но они намереваются через несколько лет догнать США. Мы также в состоянии продавать много сахара в европейские социалистические страны, но с этими странами необходимо провести весьма долгие переговоры, чтобы скоординировать

наши экономические системы и добиться того, что североамериканцы называют «взаимодополняемостью» экономических систем. На их жаргоне это означает: выкачать все богатства колониальных стран. Но при равноправных отношениях это же самое может означать гармоническое развитие таких стран, как наша.

Подписанное многостороннее соглашение о платежах позволяет Кубе использовать её возможности продавать сахар, чтобы покупать промышленную продукцию и разнообразные потребительские товары в рамках европейского рынка, а социалистические страны компенсируют друг другу это количество. С подписанием этого многостороннего соглашения решаются все проблемы. То есть, например, мы продаём Советскому Союзу два миллиона семьсот тысяч тонн сахара, и у нас остаётся положительное сальдо с Советским Союзом; мы можем купить у Венгрии товаров, скажем, на миллион песо, и это количество составляет негативное сальдо для нас. Но Венгрия и Советский Союз так составляют расчёты между собой, что то, что нам должен Советский Союз, переходит к Венгрии, и, таким образом, устанавливается баланс между всеми европейскими странами социалистического блока и Кубой. В этом соглашении участвуют все социалистические страны Европы, а также Народная Республика Монголия от Азии.

Кроме этого, у нас уже есть Договор об использовании кредита в сто миллионов песо, который был нам предоставлен Советским Союзом во время прошлогоднего визита вице-премьера Микояна на Кубу. Вы знаете, что все проблемы, связанные с промышленностью, достаточно сложны. Надо провести необходимые исследования и затем провести переговоры, чтобы суметь окончательно реализовать заключённые контракты. Уже подписаны соглашения об использовании ста миллионов песо первого из этих кредитов, и сейчас изучается вопрос о строительстве металлургического завода, точное расположение которого ещё не определено. Это зависит от местонахождения наших минеральных богатств, но, скорее всего, это будет где-то между Орьенте и Лас-Вильяс.

Кроме того, мы подписали протокол, согласно которому Советский Союз проведёт геологическую разведку на территории нашей страны, чтобы в ближайшее время найти основные минеральные месторождения. У нас есть весьма крупные запасы — меди, никеля, а также марганца, — которые мы будем разрабатывать; а также менее крупные — хрома и некоторых других, менее важных минера-

лов. Специалисты из социалистических стран уже исследуют наши рудники и трудятся на них, чтобы обеспечить их дальнейшую разработку. План вложений в добывающую отрасль на этот, 1961 год составляет 27 миллионов песо. Это очень масштабный план, который позволит нам за несколько лет начать добычу меди, никеля и марганца.

Что касается никеля, тут имеется ещё более важный вопрос: все знают, что рудник в Никаро был наполовину парализован, а рудник в Моа — парализован полностью. Что же это была за система, позволившая североамериканцам, уходя, оставить рудник в Моа парализованным? Да очень просто: рудник в Моа даёт семьдесят процентов производства конечного продукта, т. е. никеля. Остальные тридцать процентов производились в Соединённых Штатах. Из Соединённых Штатов доставлялись все материалы, необходимые для производства никеля. Таким образом, мы были в сетях, которые невозможно было разорвать, пока не настало революционное время. Но даже сейчас мы просто решили, что лучше, чтобы рудник в Моа не производил ничего, чем выносить всё давление и шантаж, которому нас подвергали в связи с его функционированием. Советский Союз прислал своих специалистов, и они обещают в скором времени это функционирование наладить, что будет означать очень крупное для страны поступление валюты. Но, кроме того, они обещают так обновить всю систему производства, чтобы через несколько лет всё производство никеля происходило внутри страны. И мы станем производителями металлического никеля — одного из главных материалов современной химической промышленности. Вся современная химия, не говоря уже о производстве летательных аппаратов, использует никель в качестве одного из основных материалов. Кроме того, также будет максимально развивать свой потенциал рудник в Никаро. Всё это при ввозе необходимого оборудования в основном из Советского Союза, а также из Чехословакии, и при технической помощи советских и чехословацких специалистов.

Также мы подписали с Советским Союзом менее масштабные соглашения о некоторых заводах: о заводе по производству напильников¹⁾ и заводе по производству запасных частей, которые требу-

1) Напильник для Кубы — изделие стратегической важности, используемое для точки мачете — главного орудия уборки сахарного тростника...

ют не слишком больших вложений, но стратегически важны для страны. Мы должны производить наши собственные запчасти по очень простой причине: социалистические страны, готовые постоянно оказывать нам всю возможную помощь, не производят запчастей для североамериканской техники, преобладающей в нашей стране.

Таким образом, у нас есть программа развития заводов по производству этих специфических запчастей. Тот завод, оборудование для которого поставит Советский Союз, будет служить общему восстановлению промышленности. Будет и другой завод, для производства запчастей для автобусов, автомобилей и т. д. Кроме того, Советский Союз поставит полный комплект оборудования для нефтеперерабатывающего завода, способного перерабатывать примерно миллион тонн нефти в год. Он также будет построен в том месте, которое ещё предстоит определить. И ещё СССР обещает провести на Кубе разведку запасов нефти, которая до сих пор не давала результатов. Мы обнаружили кое-где небольшие запасы, например, в Хатибонико и около Гаваны, но количество этих запасов не достигает даже одного процента нашего внутреннего потребления. Мы надеемся, что новые разработки Кубинского Института нефти и работа советских специалистов позволят нам добывать значительное количество нефти.

В Чехословакии, первой стране, которую мы посетили, был подписан очень важный договор — об увеличении первоначального кредита в двадцать миллионов песо, предоставленного в ходе визита министра внешней торговли Крайчи, до сорока миллионов. А кроме того, мы договорились о том, что эти сорок миллионов будут предназначены для всей первой очереди строительства цехов по производству транспортных средств, таких как тракторы, грузовики, двигатели в целом, мотоциклы, а далее мы сможем расширить эти линии и начать производство автобусов и автомобилей. Этот промышленный комплекс, который будет одним из важнейших на Кубе, весьма вероятно — мы уже можем сказать это, хотя абсолютной уверенности у нас пока ещё нет, — весьма вероятно, будет построен в Сантьяго-де-Куба.

И ещё мы подписали с Чехословакией протоколы о закупке значительного количества оборудования для небольших заводов, которое уже начало поступать. В Сантьяго-де-Куба строится завод по производству винтов — его стены уже возведены. И во всей стране в течение этого года начнётся строительство предприятий, оборудова-

ние для которых уже закуплено в социалистических странах. Сейчас уже подписаны соглашения о строительстве более ста заводов в течение пятилетки 61–65-го годов, и обсуждается вопрос о строительстве в течение пятилетки ещё такого же или даже большего количества заводов.

Мощности по производству электричества, являющиеся основой промышленного производства, будут увеличены в нашей стране на шестьдесят процентов в сравнении с нынешними; само производство электроэнергии возрастет в течение пятилетки примерно вдвое с помощью оборудования, закупленного в Советском Союзе и Чехословакии. Для нас крайне важно развитие электроэнергетики. Без электроэнергии в наше время промышленность развиваться не может.

И это тоже влечёт за собой новые проблемы, потому что электроэнергию мы должны производить на основе нефти. Мы не можем производить её за счёт гидроэлектростанций, поскольку реки наши малы. Так что мы должны обеспечить поступление нефти, и пока мы её ищем, мы уже гарантировали её поставки из Советского Союза и в будущем подпишем соглашения, которые обеспечат продажу нефти на Кубу в течение нескольких лет, чтобы обеспечить снабжение наших электростанций. И, кроме того, уже обеспечена продажа значительного количества сахара, который явится нашей платой за эту нефть.

В Восточной Германии — это ещё одна страна, которую мы посетили — мы также собрали богатый урожай промышленных предприятий. Кроме того, мы добились в принципе соглашения о кредите; нам обещали, что соглашение о выделении кредита в десять миллионов песо будет подписано в Гаване с торговым представительством Германской Демократической Республики на Кубе.

Этот заём является весьма значимым, потому что Германия ГДР не только переживает очень трудный период (Западная Германия, которая была её главным экономическим контрагентом на Западе, решила ничего не покупать у неё в этом, 1961 году, денонсировав договор, заключённый несколько лет назад). И ГДР оказалась вынужденной остаться с рядом непроданных товаров, которые потребляются только в другой части Германии, у которых нет рынка сбыта больше нигде в мире (а их производство уже запланировано). Несмотря на это, и они решили дать нам кредит — небольшой, но демонстрирующий готовность помогать нам. Кроме того, хотя они

являются крупными производителями и экспортерами сахара, они закупили у нас шестьдесят тысяч тонн по четыре сентаво и публично объявили, что весь этот сахар они будут хранить на своих складах, иначе говоря — не выходя с ним на мировой рынок.

Конечно, и Советский Союз решил сделать то же, и весь наш сахар, который не будет потреблён в этом году, будет сохранён для последующих лет, при существенном увеличении его потребления внутри страны.

У Китайской Народной Республики подобных проблем нет, потому что она испытывает большую нехватку сахара. Контракт на миллион тонн, который мы подписали, и договор на сто миллионов песо будут легко выполнены. Следует подчеркнуть необычайный уровень развития, достигнутый Китаем, необычайный с точки зрения тех, кто знаком с историей отсталых стран мира и знает, что в мире было две страны, символизировавшие голод, нищету и колониальный позор, — Китай и Индия.

Во время нашей поездки в позапрошлом, 1959 году мы побывали в Индии. Несомненно, там было народное правительство, правительство, которое предприняло ряд мер для улучшения жизни населения, но всё ещё бросается в глаза ужасающий голод, гигантская нищета, жестокая эксплуатация, и, кроме того, видно, что существующая структура не в состоянии дать то, чего жаждет вся эта масса людей, которые по-настоящему голодают.

Все помнят, что ещё недавно Китай был раем для торговцев опиумом. Несколько лет назад в этой стране продавали женщин, а крестьяне убивали новорождённых девочек, в точности как они убивают самок животных, кошек или собак. Это происходило в Китае всего несколько лет назад. Там происходили даже такие ужасные вещи, как каннибализм.

Но для тех, кто знает эту прошлую реальность Китая, действительно невероятно увидеть то, что там происходит сегодня. В Китае более шестисот пятидесяти миллионов жителей. Они не знают точное количество своих жителей, как и мы не знаем число своих. Но мы не знаем этого, потому что до сих пор не смогли провести перепись населения, а на Кубе вчерашней позаботились о том, чтобы мы ничего о ней не знали, чтобы не было никакой переписи. У них же проблема состоит в том, что их слишком много, это очень большая страна, и у них нет соответствующих средств связи. Но примерно Китай насчитывает шестьсот семьдесят миллионов жителей.

Естественно, мы не станем говорить, что уровень жизни в Китае достигает уровня развитых капиталистических стран, но там уже не увидишь ни одного из тех признаков нищеты, которые бросаются в глаза в других странах Азии, где мы побывали, включая значительно более развитые, такие, как сама Япония. А здесь у всех есть еда, у всех есть одежда — и хотя эта одежда действительно похожа на униформу, но все одеты, — у всех есть работа, и все проявляют необычайную силу духа.

Действительно, Китай — это одна из тех стран, где видишь, что кубинская революция — не изолированное событие; что то революционное бурление, которое сегодня можно встретить на Кубе, — это нормальное событие в сегодняшней истории народов. Китай сейчас переживает часть своей революционной истории, похожую на ту, что переживает Куба: все полны энтузиазма, все готовы работать сверхурочно, все заинтересованы в производстве, в повышении производительности труда. Практически не встретишь ни одного трудящегося без книги под мышкой, изучающего какие-нибудь технические вопросы. Идёт решительная борьба с неграмотностью, и через несколько лет она будет наконец побеждена.

Я знаю, что недавно, четыре или пять месяцев назад, товарищ Нуньес Хименес совершил путешествие в социалистические страны. Он пришёл потом на телепередачу, начал рассказывать о том, что видел, и потом его прозвали «Алиса в Стране чудес». В самом деле, я сейчас тоже могу сказать, после того, как объехал ещё больше стран, объехал весь социалистический континент, пусть меня теперь называют «Алиса на континенте чудес» (смех). Но надо говорить то, что действительно видишь, и быть честным. А достижения социалистических стран, как высокоразвитых, так и тех, которые пока ещё переживают процессы, сходные с теми, что происходят на Кубе, чрезвычайно велики. Не может быть никакого сравнения с капиталистическими странами в том, что касается образа жизни, системы развития. И прежде всего нет никакого сравнения между тем, как люди воспринимают такое событие, как наша Революция, в этих странах — и в любой капиталистической стране мира. Во всех этих странах энтузиазм по отношению к Кубе просто поразителен.

Наверное, более всего это можно ощутить в Советском Союзе. Революция произошла там сорок три года назад, у всех высочайший уровень политической культуры, и было просто потрясающе видеть, как незнакомые люди узнавали нас — двоих или троих, носивших

подобие бороды. Они сразу же начинали приветствовать кубинскую Революцию и заявлять о своей солидарности с ней. И на каждом собрании или другом мероприятии, которые мы посещали, горячие проявления дружбы всех присутствующих вызывали и в нас настоящий ответный энтузиазм.

Нас пригласили присутствовать на выступлении заместителя председателя Совета Министров Козлова, это было ежегодное выступление. Мы вошли в зал, и когда нас узнали, все разразились невероятными аплодисментами. Потом нас пригласили подняться в президиум, и когда выступавший упомянул Кубу, началась овация, которая длилась несколько минут; и это был момент доклада, вызвавший наибольший энтузиазм присутствовавших; а ведь речь шла о важнейших проблемах Советского Союза, проблемах, которые прямо связаны с жизнью советского народа, с будущим советского народа и всего мира. И тем не менее — тем, что вызывало наибольший энтузиазм, было упоминание Кубы.¹⁾

Кроме того, они оказали нам необычайную почесть — нечто, чего я лично никогда не забуду, пригласив меня, как главу кубинской делегации, присутствовать в Президиуме парада 7 ноября²⁾, где присутствуют только главы государств социалистических стран и члены Президиума Верховного Совета, то есть всего человек двадцать — двадцать пять. И там, когда люди нас узнали — это что-то невероятное, насколько в этой стране знают кубинскую Революцию, — крики приветствия в адрес Кубы были воистину подобны грому. Наверное, это был один из самых волнующих моментов нашей поездки. Там, а также в Китае и в Корее, видя, с каким энтузиазмом люди относятся к кубинской революции, понимаешь, с каким сознанием и самопожертвованием эти люди готовы нам помочь.

В Китае, естественно, происходило нечто подобное. И там мы должны были выступить на нескольких важных встречах, и там придавалось огромное значение визиту кубинской делегации, которая была первой официальной экономической делегацией. Кроме того, в Китае нам дали беспроцентный кредит в шестьдесят миллионов песо, или долларов, которые должны быть возвращены в течение пятнадцати лет после того, как будут израсходованы.

-
- 1) Редактор может лично засвидетельствовать, что так оно (в ноябре 1960 г.) и было...
 - 2) Так в тексте. Речь идет, конечно, о трибуне Мавзолея.

Кроме того, мы провели ряд переговоров с высшими руководителями этой социалистической страны (Китая), которые рассказали нам, в каком виде Кубе будет предоставлена эта помощь,— потому что эти кредиты нельзя квалифицировать иначе, как помощь.

С премьер-министром Чжоу Энляем мы даже поспорили в связи с подписанием совместного коммюнике. В это коммюнике кубинская делегация вставила фразу о «незаинтересованной помощи социалистических стран». Это вызвало длинную философскую дискуссию, потому что они категорически отказались признавать слово «незаинтересованный». Они заявили, что это совершенно неверно, что они предоставляют свою помощь как заинтересованную помощь, что это именно заинтересованная помощь, хотя их интерес и не денежный. Потому что Куба сегодня находится в авангарде борьбы против империализма, а империализм является общим врагом всех народов, поэтому помогать Кубе — в интересах всех социалистических стран. Стоит ли говорить, что «незаинтересованную помощь» в результате заменили на просто «помощь».¹⁾

Кроме того, нам объяснили, что все эти средства должны быть даны именно в форме ссуд, поскольку этого требует международное право в отношениях двух суверенных стран, но Куба не обязана платить до того момента, пока она не сможет этого сделать, а если не сможет, то и это не имеет никакого значения. (*Продолжительные аплодисменты*). Вот так социалистические страны восприняли нашу просьбу. Если бы такую просьбу мы обратили к Соединённым Штатам, даже в нормальные для наших взаимоотношений времена, я не говорю про нынешние, это вызвало бы хохот со стороны всех правителей и всех бизнесменов их страны.

Именно это и дух человечности, проявленный этими народами — есть нечто, что действительно убеждает в том, что мы должны рассчитывать не на традиционные «дружественные правительства», а в первую очередь именно на данные страны мира. А кроме того, столь высокий темп экономического развития, напор, сила и энергия, демонстрируемые ими, всестороннее развитие сил народа — всё это убеждает нас в том, что будущее принадлежит тем странам, кото-

1) Остается неясным, в какой мере эта дискуссия была связана с языковой проблемой, иначе говоря, как было переведено на китайский язык слово «desinteresada», означающее по-испански не столько «незаинтересованный», сколько «бескорыстный».

рые, как и они, борются за мир в мире и за справедливость, доступную всем людям.

Это ни в коей мере не значит, что всё, что мы видели, — это сплошные чудеса. Естественно, есть вещи, которые кубинцу, живущему в XX веке, окружённому всеми городскими удобствами, к которым нас приучил империализм, могут даже показаться признаками отсутствия цивилизованности. Это страны, которые должны всё производимое ими — до последнего сентаво — тратить на развитие.

Мы должны были поставить перед ними некоторые проблемы, за которые нам, по правде говоря, несколько стыдно. Потому что мы, например, ставили вопрос о том, что кубинскому народу необходимо сырьё для производства дезодорантов. А в этих странах нас просто не поняли, потому что эти страны всё своё производство направляют на повышение уровня базового благосостояния народа и до сих пор вынуждены преодолевать колоссальные отставания, стремясь догнать более развитые страны капиталистического мира по производству основных товаров. Они не могут заниматься ещё и этим. В нашей-то стране, да... Я знаю, что у нас здесь всё время проблемы с бритвами «Жилетт», с дезодорантами и другими потребительскими товарами подобного рода, они всё время в дефиците, потому что, естественно, нам тоже теперь приходится заниматься более важными вещами. Ну и, наконец, мыло и всё прочее в этом роде не едят, а мы в первую очередь должны обеспечить людей едой.

Едой — потому что мы ведём войну.

Это экономическая война и почти уже не только экономическая; война против колоссальной державы, которую мы ведём при помощи другой колоссальной державы. Но мы должны играть свою роль в этой драме, мы не зрители, наблюдающие за борьбой двух колоссов вокруг Кубы, мы важнейшие участники в этой борьбе. И мы должны сохранять единство нашего народа, дух нашего народа, способность нашего народа к самопожертвованию, мы должны ещё больше развивать эту способность. Потому что в действительности, если знаешь историю всех этих стран... у нас здесь ничего этого, к счастью, не было. Мы говорим о двадцати тысячах наших погибших, а у них погибло двадцать миллионов. И просто невероятно видеть, как все эти страны, где погибло двадцать миллионов человек — это не выражение, это не цифра для красного словца, это двадцать миллионов человек, реально погибших пятнадцать лет назад на последней войне, не вернувшихся в свои дома, которых до сих пор вспо-

минают... И вот в этой стране, в Советском Союзе, где всеми так овладела идея мира и убежденность в том, что всех целей, которые перед собой ставишь, можно добиться мирными средствами... И всё же они готовы рискнуть всем в атомной войне, войне невероятной разрушительной мощи, где количество погибших будет во много раз больше, только для того, чтобы утвердить основополагающий принцип и защитить Кубу.

Вот что мы видели во всех этих странах. Но, естественно, именно доверием этих больших стран, которым, возможно, придётся нести всю тяжесть войны, войны такого масштаба, мы должны мерить сегодня нашу собственную значимость и понимать, что именно мы должны развивать, чтобы быть достойными этого доверия.

Из тех стран, которые мы лично посетили, одной из самых удивительных является Корея. Может быть, эта страна произвела на нас наибольшее впечатление из всех. В ней всего десять миллионов жителей, и она размером с Кубу, немножко меньше, примерно сто десять тысяч квадратных километров¹⁾. Такая же территория, как и в южной части Кореи, но вдвое меньше жителей. Эта страна была опустошена такой страшной разрушительной войной, что от её городов не осталось ничего, — и когда я говорю ничего, это значит ничего. Это как те маленькие поселки из пальмовой древесины в Сьерра-Маэстре, которые были сожжены здесь Меробом Соса, Санчесом Москерой и всей этой публикой; поселки, от которых не осталось ничего, кроме пепла. Таким был, например, Пхеньян, город с миллионом жителей. А сегодня уже не видно и следа этих разрушений, всё новое. Единственным воспоминанием остаются на всех дорогах, шоссе, железнодорожных путях воронки от бомб, падавших вплотную, одна к другой.

Мне показали многие заводы — восстановленные, а также вновь построенные. На каждый такой завод было сброшено от 30 до 50 тысяч бомб. Если мы представляем себе, что такое 10 или 12 бомб, сброшенных на нас в Сьерре — а это была ужасающая бомбардировка, и надо было иметь мужество, чтобы вынести её, — так что же должны были означать 30 тысяч бомб, сброшенных на участок земли в несколько раз меньший, чем одна кабальерия?!

Северная Корея вышла из войны без промышленности, без жилищ, даже без животных. В эпоху, когда воздушное превосходство

1) На деле — немного больше Кубы (121 т км².)

североамериканцев было столь велико и уже не осталось ничего, что можно было бы разрушить, пилоты развлекались, убивая буйволов, убивая всё живое, что встречалось на их пути. В течение двух лет над Северной Кореей царила настоящая оргия смерти. На третий год появились Миг-15, и всё изменилось. Но эти два года войны были, возможно, самым варварским систематическим разрушением в истории.

Всё, что можно рассказать о Корее, кажется ложью. Например, на фотографиях мы видим людей с ненавистью в глазах, той ненавистью, которую испытывают народы, которая идёт из самой глубины существа. Эту ненависть испытываешь, когда видишь фотографии ям, куда бросали по двести, триста, четыреста детей трёх-четырёх лет, а потом убивали огнём, а иногда газом. Людей четвертовали, беременным женщинам штыками вспарывали животы, чтобы оттуда вышел плод, раненых сжигали из огнемётов... Самые бесчеловечные вещи, которые только может вообразить человеческий мозг, делала североамериканская оккупационная армия.

А потом они почти дошли до границы Кореи с Китаем; в тот момент они оккупировали почти всю страну. Учитывая также, что и при отступлении они уничтожали всё, можно сказать, что Северная Корея — это страна, которая воссоздала себя из смертей. Естественно, она получала помощь социалистических стран, прежде всего помощь Советского Союза, очень широкую и благородную помощь. Но более всего поражает дух этого народа, вынесшего всё это уже после тридцатилетнего японского владычества, после жестокой борьбы против этого владычества, при котором у них даже был запрещён национальный алфавит. Сегодня у них есть литература, есть национальная культура, есть национальное правительство и практически неограниченно развивается культура. Среднее образование, которое у них составляет девять классов, обязательно для всех.

В промышленности у них есть проблема, которую нам бы неплохо иметь сегодня — но у нас она возникнет лишь через два или три года; это проблема нехватки рабочей силы. Корея быстро механизует всё сельское хозяйство, чтобы увеличить количество рабочих рук для осуществления своих планов в сфере промышленности, а также готовится снабжать своих братьев из Южной Кореи продукцией текстильных и других фабрик, чтобы помочь им перенести тяжесть североамериканского колониального владычества. Это действительно пример страны, которая благодаря своему строю и тако-

му замечательному руководителю, как маршал Ким Ир Сен, смогла выйти из величайших бедствий и сделаться сегодня промышленной страной.

Северная Корея могла бы стать для всех здесь, на Кубе, символом одной из стольких отсталых стран Азии. Тем не менее мы ей продаём сахар-сырец и другую продукцию, тоже необработанную, например, хенекен, они же продают нам фрезеровочные станки, разнообразные машины, шахтовое оборудование, то есть товары, производство которых требует высокого уровня технического развития. Поэтому это одна из стран, которые вдохновили нас более всего.

Я уже потратил час из тех минут, которые мне дали, чтобы сделать это небольшое сообщение...

Я хотел ещё сказать вам, что в Китайской Народной Республике в счёт кредита в шестьдесят миллионов, который мы ещё полностью не израсходовали, мы купили оборудование для текстильной фабрики. И ещё оборудование для другой текстильной фабрики на сто тысяч веретён мы купили в Демократической Германии. Очень скоро — как только прибудет это оборудование — та часть проблемы текстиля, которая связана с выработкой тканей, будет решена, останется ещё другая проблема, которая непосредственно относится к Отделу промышленности INRA.

Кроме того, естественно, закуплено оборудование и для других предприятий, которые трудно даже перечислить. Это позволит нам к концу текущей пятилетки, которая заканчивается в 1965 году, стать по меньшей мере аграрно-индустриальной страной.

Если же к тому же мы добьёмся успеха в одном из наших самых неотложных начинаний — превращении сахара в субпродукты, то есть добьёмся полного использования углеводов сахарного тростника для производства ряда важнейших химических материалов, так, чтобы сахар стал для нас просто ещё одним продуктом, не самым важным, тогда мы сможем считать себя уже индустриально-аграрной страной, а не аграрно-индустриальной. Ясно, что я никоим образом не опьянён увиденным до такой степени, чтобы пророчествовать. Пока что большим успехом будет, если через эти пять лет мы станем аграрно-индустриальной страной.

Ну, может быть, это будет и не таким уж большим успехом, мы уже знаем, что ничего никогда не бывает много и всегда можно достичь чего-то большего. Но, в конце концов, это по крайней мере

уже будет много по сравнению с тем, что существует в других странах Латинской Америки. Когда началась кубинская Революция, они — наши самые любимые братья — находились на одном с нами уровне слаборазвитости. И если в Латинской Америке не произойдёт чего-нибудь очень важного, то, когда закончится эта пятилетка, они, к несчастью, в подавляющем большинстве останутся в том же состоянии слаборазвитости, может быть, даже ещё более придавленными империалистическим сапогом.

А теперь, думаю, мне пора перейти в распоряжение ведущих, чтобы и они немного поработали. (Аплодисменты).

Куба — историческое исключение или авангард борьбы с колониализмом?¹⁾

«Рабочий класс — класс плодотворный и творческий. Именно рабочий класс производит всё национальное богатство страны. И пока власть не находится в его руках, пока рабочий класс позволяет, чтобы власть находилась в руках эксплуатирующих его хозяев, в руках спекулянтов, в руках латифундистов, в руках монополий, подчиняясь их интересам, пока оружие находится на службе этих интересов, а не в его собственных руках, рабочий класс будет вынужден влечить жалкое существование, сколько бы крох ни бросали ему с барского стола».

Фидель Кастро

Никогда ещё в Америке не возникало явление с такими исключительными характеристиками, с такими глубокими корнями и непреодолимыми последствиями для судеб прогрессивных движений континента, как наша революционная война. Недаром некоторые доходят до такой крайности, что расценивают её как главное событие в Америке, по своей исторической значимости следующее за великой трилогией, представленной русской революцией, победой над гитлеровской империей и связанными с этим последующими социальными преобразованиями — и победой Китайской революции.

Это движение, в высшей степени еретическое в своих формах и проявлениях, следовало тем не менее — а иначе и быть не могло — некоторым общим закономерностям всех крупных исторических событий нашего века, закономерностям антиколониальной борьбы и перехода к социализму.

Однако кое-кто, руководствуясь корыстными интересами или наилучшими намерениями, приписывает Кубинской революции та-

1) Статья опубликована в журнале накануне интервенции на Плайя-Хирон (апрель 1961 г.)

кие черты исключительности и настолько завышает удельный вес этих черт в общей характеристике революции как социально-исторического феномена, что исключительное искусственно превращается в определяющее. Говорится об исключительности революции при сравнении её реальности с установками других прогрессивных партий Америки — и соответственно делается вывод, что формы и пути Кубинской революции уникальны и что в других странах Америки закономерности исторического перехода будут иными.

Да, в ходе Кубинской революции выявились некоторые исключительные моменты, которые и придали ей определённое своеобразие. Всем давно известно, что развитие каждой революции включает в себя определённый вектор специфики. Однако также установлено, что развитие это следует определённым общим закономерностям, преступить которые не может ни одно общество.

Давайте же проанализируем факторы этой провозглашаемой исключительности.

Во-первых — и это, возможно, самое важное, самое оригинальное — речь идёт о феномене теллурической силы по имени Фидель Кастро Рус; имени, которое за несколько лет спроецировалось на историю человечества. Будущее более точно определит масштабы заслуг нашего премьер-министра. Но уже сегодня они представляются нам сопоставимыми с масштабом исторического воздействия самых выдающихся фигур Латинской Америки.

Каковы те черты исключительности, которые характеризуют личность Фиделя Кастро? Черты эти — его жизни и его характера — значительно выделяют Фиделя даже среди его товарищей и последователей; он настолько крупная личность, что в любом движении ему принадлежала бы роль руководителя. И он был им всегда — во времён своей студенческой жизни и до нынешней поры, до сегодняшней роли лидера нашей родины и угнетённых народов Америки. Ему присущи качества подлинного вождя, которые в сочетании с его личностными характеристиками — смелостью, силой, мужеством, с его необычайным по силе стремлением и умением постоянно прислушиваться к воле народа привели его на тот почётный и жертвенный пост, который он сегодня занимает. Но Фидель обладает и другими важными качествами: он способен впитывать в себя знания и опыт, что делает его способным оценить ситуацию в целом, не упуская при этом деталей. Он безгранично верит в будущее. Широта его видения позволяет ему предотвратить нежелательный

ход событий и опережать их повороты: он всегда видит дальше и чётче, чем его товарищи. Благодаря этим определяющим качествам Фиделя и его способности объединять людей, противостоять ослабляющим нас тенденциям раскола, благодаря его способности возглавить действия народа и его бесконечной любви к этому народу, его вере в будущее и способности это будущее предвидеть — Фидель Кастро больше, чем кто-либо сделал для того, чтобы построить — из ничего! — сегодняшний мощный аппарат Кубинской революции.

Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что на Кубе существовали политические и социальные условия, полностью отличные от тех, которые присущи другим странам Америки, что именно это сделало возможной революцию. Не меньшей ошибкой было бы, с другой стороны, утверждать, что Фидель Кастро совершил революцию вопреки этим различиям. Фидель, выдающийся и умелый руководитель, начал и направлял Кубинскую революцию в тот момент и в той форме, в которых он это делал, точно интерпретируя те глубокие политические потрясения, которые готовили народ к качественному скачку. Кроме того, на Кубе сложились определённые условия, не такие уж исключительные сами по себе, но которые вряд ли смогут быть использованы снова где бы то ни было, потому что империализм в отличие от некоторых прогрессивных групп действительно учится на своих ошибках. Одно из этих неповторимых условий состоит в том, что североамериканский империализм был застигнут врасплох и так и не смог по достоинству оценить подлинные горизонты и масштабы Кубинской революции. Это в некоторой степени объясняет многие из очевидных противоречий так называемой четвёртой власти США¹⁾. Как это обычно происходит в подобных случаях, монополии уже начинали подыскивать преемника Батисты именно потому, что они знали: народ не принимает диктатуры и стремится покончить с Батистой — но путём революции. Какой умный и умелый ход — убрать отслужившего свой срок диктаторишку и поставить на его место новых молодцов, которые в положенный час взяли бы на себя дело защиты интересов империализма! Империя в своё время поставила на эту карту в масштабах всего континента — и бесславно проиграла.

До победы революции они подозревали нас, подозревали, но не боялись. По сути, на нас ставили как на запасную вторую карту,

1) Т.е. средств массовой коммуникации.

опираясь на накопленный ими опыт беспроектной игры. Эмиссары Госдепартамента несколько раз под видом журналистов «прощупывали» революционеров в наших горах, но так и не смогли выявить там симптомы неминуемой опасности. Когда же империализм решил наконец отреагировать, когда он отдал себе отчёт в том, что группа неопытной молодёжи, праздновавшая победу на улицах Гаваны, полностью осознавала свой политический долг и обладала железной решимостью этот долг исполнить, было уже поздно.

Так в январе 1959 года занялся рассвет первой социальной революции во всей Карибской зоне, самой глубокой из всех американских революций.

Напротив, с нашей точки зрения нет ничего исключительно в том, что буржуазия, или по крайней мере значительная её часть, благосклонно отнеслась к революционной борьбе против тирании, поддерживая одновременно и движения, целью которых было заменить правительство Батисты людьми, стремившимися сдерживать развитие Революции.

Принимая во внимание те условия, в которых развивалась революционная война, и разнородность политических тенденций, противостоящих тирании, мы не считаем чем-то исключительным и тот факт, что даже некоторые латифундисты заняли нейтральную или по крайней мере не воинствующе враждебную по отношению к повстанческим силам позицию.

Вполне естественно, что национальная буржуазия, уставшая бояться империализма и тирании, чьи войска грабили мелкого собственника и возвели подкуп и вымогательство в закон жизни, наблюдала с определённой симпатией за молодыми повстанцами, карающими в своих горах наёмную армию — вооружённую «руку» империализма.

Так, не революционные силы фактически облегчали становление революционной власти.

Другой фактор исключительности — социально-психологическая характеристика большей части сельского населения Кубы. На большей части её территории крестьянство пролетаризировалось. Это произошло в силу потребностей крупного капиталистического полумеханизированного хозяйства. Таким образом, вчерашний крестьянин прошёл школу организации и в значительной мере приобрёл классовое сознание. Это мы готовы признать, но истины ради надо признать и другое: на изначальной территории базирова-

ния Повстанческой армии (которую создали немногие уцелевшие из разбитой колонны прибывших на «Гранме») проживали крестьяне, весьма отличные в социально-историческом и культурном плане от тех, которые работают на равнине в крупных хозяйствах полумеханизированного сектора. Исторически Сьерра-Маэстра — это место, где находили убежище все крестьяне, которые, вступив в открытую борьбу с латифундистами, ушли в горы, чтобы найти себе новый клочок земли, который они захватывают у государства или у прожорливых латифундистов, чтобы создать там своё маленькое богатство. Они должны постоянно бороться с вымогательствами солдат, вечных сообщников латифундистов. Предел их мечтаний — это бумага о собственности на землю. Крестьяне, первыми приходившие в нашу создававшуюся армию, принадлежали именно к той части этого класса, которая в наибольшей мере жаждала земли, истово любила её и стремилась к обладанию ею. Это то, что принято считать мелкобуржуазным духом. Крестьянин борется потому, что хочет землю. Землю для себя, для своих детей. Он хочет её обрабатывать, продавать и покупать её, обогащаться благодаря своему труду.

Но, несмотря на своё мелкобуржуазное сознание, крестьянин вскоре приходит к выводу, что он не сможет удовлетворить свою страсть к земле, если не покончит с латифундистской системой собственности. Радикальная аграрная реформа, единственная реформа, способная дать землю крестьянам, сталкивается с прямыми интересами империалистов, латифундистов, сахарных и животноводческих магнатов. Буржуазия боится ущемить их интересы. А пролетариат не боится. Таким образом Революция объединяет рабочих и крестьян. Рабочие поддерживают требования, направленные против латифундий. Бедное же крестьянство, получившее собственность на землю, проявляет верность революционной власти и защищает её от империалистов и контрреволюционеров.

Думаю, что мы исчерпали список факторов исключительности, которую мы сознательно выпячивали. Рассмотрим теперь те всеместные и постоянные феномены, которые, напротив, общи Кубе и всей Латинской Америке и образуют основу всех её общественных процессов, т.е. противоречия, которые, вызревая в недрах современного общества, вызывают сдвиги, способные перерасти в революцию, подобную кубинской.

В хронологическом порядке, хотя в данный момент и не в порядке значимости, список этих феноменов должен начаться с лати-

фундий. Латифундия представляла собой основу экономической власти господствующего класса в течение всего периода, наступившего после великой освободительной антиколониальной революции прошлого века. Латифундисты, как общественный класс, существующий во всех наших странах, как правило, не поспевают за общественными изменениями, которые сотрясают сегодняшний мир. Однако в некоторых странах самая бдительная и просвещённая часть класса латифундистов, предвидя нависшую над ними опасность, меняет тип капиталовложений, переходит иногда к механизированному землепользованию, переводит часть своей прибыли в отрасли промышленности или превращается в коммерческих агентов монополий. Как бы то ни было, первой освободительной революции нигде не удалось разрушить основы латифундизма; всегда занимая реакционные позиции, латифундисты стремятся сохранить на земле рабский труд. Речь идёт о феномене, который мы видим во всех странах Америки, без исключения. Это явилось первоосновой всех остальных несправедливостей, начиная с эпохи, когда король Испании даровал самым именитым конкистадорам огромные угодья, как это было, например, на Кубе, где туземцам, метисам и белым беднякам были оставлены только «реаленгос» (вокруг поместий проводились окружности — так, чтобы они соприкасались друг с другом; «реаленгос» — это те клочки земли, которые оставались при этой операции между «кругами»).

В большинстве наших стран латифундисты поняли, что в одиночку им не выжить, и быстро вошли в сговор с монополиями, самым сильным и жестоким угнетателем народов Америки. Североамериканский капитал прибыл под флагом освоения пустующих, целинных земель, потом тихо и незаметно стал вывозить к себе валюту, которую он раньше «великодушно» подарил, и товары, стоимость которых во много раз превосходила сумму первоначальных капиталовложений в «облагодетельствованную» страну...

Одновременно Америка становилась ареной межимпериалистической борьбы. Там происходили «войны» между Коста-Рикой и Никарагуа, Парагваем и Боливией, отделение Панамы; подлость, совершённая против Эквадора в его конфликте с Перу, — всё это лишь проявления гигантской схватки между крупными монополистическими концернами Севера, исход которой после Второй мировой войны почти всегда решался в пользу монополий США. С тех пор империя посвятила себя совершенствованию механизма своего колони-

ального господства, структурированию своих **новых** владений с тем, чтобы не допустить в них ни старых, ни **новых** конкурентов из других империалистических стран.

Для нас результатом всего этого стала чудовищно изувеченная экономика, описанная стыдливymi учёными империи при помощи безгрешной формулы «слаборазвитости»¹⁾; формулы, призванной продемонстрировать всю глубину сочувствия, которое им внушаем мы, бедные низшие существа. (Они называют «индейчиками» [inditos] наших зверским образом эксплуатируемых, подвергающихся насилию, доведённых до скотского состояния индейцев; зовут «цветными» негров и мулатов — заброшенных, дискриминируемых, используемых как инструмент раскола классового движения рабочих, борющихся за лучшую экономическую участь.) А нам, народам Америки, они подобрали другое определение — более стыдливое и мягкое, нас называют «слаборазвитыми».

Что же такое слаборазвитость? Карлик с огромной головой и раздувшимся торсом «недоразвит» в том смысле, что его маленькие ручки и ножки плохо сочетаются с другими характеристиками его анатомии. Это — результат прирождённого дефекта развития, который искривил, изуродовал весь организм. В действительности мы и являемся таким уродцем, мы, кого мягко называют «слаборазвитыми», а на деле — колониальные, полуколониальные или зависимые страны. Страны с экономикой, изуродованной имперским воздействием, при котором определённые отрасли промышленности и сельского хозяйства развиваются как дополнение к экономике империи, а не в соответствии с нуждами самих этих стран. Такое искривлённое развитие (слаборазвитость) влечёт за собой опасную специализацию при производстве или добыче сырья, создавая постоянную угрозу голода. Мы, «недоразвитые», являемся вместе с тем странами монокультур, монопродуктов, монорынков. Производство единственного продукта, не гарантированная продажа которого на единственном рынке, устанавливающем и навязывающем свои условия — такова формула имперского экономического господства, которая дополняется старым и вечно молодым девизом римлян «разделяй и властвуй!»

1) Категория, термин «слаборазвитость» (subdesarrollo) может быть переведён и как «недоразвитость», что и объясняет некоторые акценты текста.

Итак, латифундия через свои связи с империализмом порождает ту самую «недоразвитость», которая приводит к низким заработкам и безработице. Этот феномен низкой зарплаты и безработицы создаёт порочный круг: ещё более низкие заработки и большая безработица, по мере того как обостряются основные противоречия системы и происходят циклические колебания экономики. Так возникает то, что представляет собой общий знаменатель всей ситуации от Рио-Браво до Южного полюса, феномен, достойный того, чтобы писаться с большой буквы, и лежащий в основе любого научного анализа социальных явлений Америки: Голод Народа. Голод и усталость — от угнетения, издевательств, непомерной эксплуатации, усталость от необходимости ежедневно продавать свою рабочую силу за мизерную плату (необходимость — ибо в противном случае он пополнит собой громадную армию безработных). И всё это для того, чтобы прибыль, выжатая из каждого тела работника здесь, проматывалась затем в огнях владельцев капитала — там.

Итак, мы видим, что существует общий для всей Латинской Америки знаменатель её национальных ситуаций. Каждой из них присущи некоторые взаимосвязанные черты, которые дают «на выходе» страшное и непреходящее явление — Голод Народа.

...Латифундия — будь-то форма первоначальной, примитивной эксплуатации или выражение капиталистической монополии на землю — приспособливается к новым условиям и вступает в союз с империализмом.

...Империализм, представляющий форму эксплуатации финансового и монополистического капитала, преступающий национальные границы и создающий ситуацию экономического колониализма, эвфемистически именуемую «слаборазвитостью», ситуацию, результатом которой становятся низкие зарплаты, неполная занятость, безработица, голод народа. Всё это было на Кубе. Здесь тоже был голод. Процент безработного населения был одним из самых высоких в Латинской Америке. Империализм действовал на Кубе более жестоко, чем во многих других странах Америки. А латифундизм обладал здесь такой же силой, как и в других братских странах.

Что же сделали мы, чтобы освободиться от империализма и череды его марионеточных правителей, чтобы покончить с армиями наёмников, готовых защищать этих марионеток и весь комплекс социальной системы эксплуатации человека человеком? Просто мы применили некоторые формулы; назовём их открытием нашей эм-

пирической медицины, рекомендованным ею «народным средством» против главных недугов нашей любимой Латинской Америки. Эти рецепты эмпирической медицины были быстро включены в рамки объяснений, проистекающих из известных научных истин...

Итак: объективные условия борьбы были созданы как голодом народа, так и его реакцией на этот голод, страхом, насаждаемым, чтобы потушить эту реакцию — и волной ненависти, которую порождает репрессия, этот страх несущая. Чего в Америке не хватало, так это субъективных условий, важнейшее из которых — осознание возможности победы на путях насильственной борьбы против имперских властей и их внутренних союзников. Эти условия создаются в ходе вооружённой борьбы, которая высвечивает необходимость сдвига (и даёт возможность его предвидеть), разгрома армии народными силами и её последующей ликвидации (как непременно и наиважнейшего условия любой подлинной революции).

Мы уже отметили, что эти условия созревают и интегрируются в ходе вооружённой борьбы. Ещё раз надо подчеркнуть, что ареной этой борьбы должна стать сельская местность. И уже оттуда, опираясь на отряды крестьян, стремящихся осуществить те коренные цели, за которые призвано бороться крестьянство (справедливое распределение земли — первая из них), революция двинется на города. Основываясь на идеологии рабочего класса, чьи великие мыслители открыли управляющие нами законы общественного развития, крестьянство Америки создаст великую освободительную армию будущего, как это уже произошло на Кубе. Эта армия, зародившаяся в сельской местности, где созревают субъективные условия для взятия власти, будет извне захватывать города, объединяясь с рабочим классом и расширяя русло революционной идеологии, внося в неё свой новый вклад, может и должна разбить армию угнетателей; вначале — в ходе стычек, схваток, внезапных нападений, а затем, когда она вырастет из пелёнок герильи и станет мощной народно-освободительной армией, — в ходе крупных, заключительных сражений. Этап консолидации революционной власти совпадёт с полной ликвидацией старой армии.

Что же произойдёт, если все эти условия, данные, использованные в опыте Кубы, найти и воспроизвести в других странах Латинской Америки, в других битвах неимущих классов за власть? Что произойдёт? Выполнимо ли это? Если выполнимо, то будет ли это делом, более легким или более трудным, чем на Кубе?

Скажем о тех трудностях, которые с нашей точки зрения сделают послекубинские революции в Америке более тяжёлыми. При этом отделим трудности общего порядка, характерные для всех наших стран,— и специфические трудности, определяемые уровнем развития и национальными особенностями отдельных стран.

В начале данной статьи, говоря о факторах исключительности, мы указали на то, что империализм был застигнут врасплох Кубинской революцией. Мы говорили и о позиции национальной буржуазии, также дезориентированной и даже с определённой симпатией взиравшей на действия повстанцев. Давление империи, обусловившее эту позицию, роднит Кубу с ситуацией в других американских странах.

Куба снова провела магистральную разделительную черту, возвращая Америку к дилемме Писарро. По одну сторону стоят те, кто любит народ, а по другую — те, кто его ненавидит, по две стороны этой межи стоят две мощные социальные силы — буржуазия и трудящиеся, которые по мере развития кубинской революции всё более четко определяют свои позиции.

Это значит, что империализм глубоко усвоил урок Кубы. Он больше не даст застигнуть себя врасплох ни в одной из наших двадцати республик, ни в одной из существующих ещё колоний, ни в какой части Америки. Это означает, что великие народные битвы против мощных армий вторжения ожидает тех, кто намеревается в будущем нарушить кладбищенский покой, мир империи. И если тяжкой была двухлетняя освободительная война на Кубе с её непрекращающимися боями, тревогами и нестабильностью, то во много раз тяжелее будут новые бои, которые ожидают народы в других частях Латинской Америки.

Соединённые Штаты поспешно вооружают марионеточные правительства, которым, по мнению империи, грозит наибольшая опасность. Они заставляют их подписывать кабальные договоры, чтобы обеспечить себе юридическую базу для отправки туда оружия и войск подавления и расправы. Растёт военная подготовка кадров репрессивных армий. Именно они призваны стать остриём копья в борьбе против народа.

Спросят: а как с буржуазией?.. Во многих странах Америки существуют объективные противоречия между национальной буржуазией, которая борется за саморазвитие, и империализмом, который наводняет рынки своими товарами, чтобы подавить в неравной борь-

бе национального предпринимателя, и использует другие формы и проявления борьбы за прибавочную стоимость и обогащение.

Несмотря на эти противоречия, национальная буржуазия, как правило, неспособна долго удерживаться на позициях последовательной борьбы с империализмом.

Она больше боится народной революции, чем неудобств и неприятностей, связанных с давлением и деспотичным господством империализма, который подавляет национальный дух, оскорбляет патриотические чувства и колонизирует экономику.

Крупная же буржуазия открыто противостоит революции, без колебаний объединяется с империализмом и латифундистами, чтобы бороться против своего народа и перекрыть ему путь к Революции.

...Отчаявшийся и впадающий в истерику империализм, предпринимая самые разнотипные маневры, снабжающий оружием армии своих марионеток и даже готовый послать им на помощь свои войска, чтобы подавить любой поднимающийся на борьбу народ... озверевший латифундизм, не гнушающийся ничем и применяющий самые жестокие формы репрессий... крупная буржуазия, готовая любыми средствами преградить пути народной революции — таковы главные силы блока, непосредственно противостоящего новым народным революциям в Латинской Америке. Эти новые условия и новые трудности, возникшие в Латинской Америке после консолидации принявшей необратимый характер Кубинской революции, следует присовокупить к тем, которые всегда и всюду возникают в ходе революционной борьбы рассматриваемого типа.

Существуют и иные трудности, более специфические. В странах, которые, не осуществив ещё подлинной индустриализации, уже развили «среднюю» и легкую промышленность, или где просто уже далеко зашли процессы концентрации населения в крупных центрах, намного труднее подготовить партизанскую войну. Идеологическое влияние подобных центров сдерживает развитие партизанской борьбы и способствует развитию мирных форм борьбы организованных масс.

Это последнее порождает определённую приверженность существующим институтам, а также приводит к тому, что в более или менее «нормальные» периоды отношение власти к народу становится менее жёстким, чем обычно. Возникает и мысль о том, что вероятный рост количества революционных депутатов на скамьях парла-

ментов дойдёт до такой черты, за которой открывается возможность осуществить качественный сдвиг.

Подобная надежда, думаю, имеет достаточно мало шансов реализоваться в современных условиях в какой-либо стране Латинской Америки. Хотя не исключено, что в какой-то из них сдвиг начнётся в рамках избирательного процесса, преобладающие в наших странах условия делают возможность победы революции в этих рамках весьма отдалённой.

Революционеры не могут заранее предвидеть все тактические варианты, которые могут возникнуть в ходе борьбы за выполнение своей программы освобождения. Подлинные способности революционера измеряются мерой его умения найти революционную тактику, адекватную каждому изменению ситуации, учитывать все тактические варианты и максимально использовать возможности каждого из них. Было бы непростительной ошибкой недооценивать ту пользу, которую может извлечь развитие революции из каждого данного избирательного процесса. Но точно так же непростительно было бы ограничиваться рамками этого процесса и не видеть других средств борьбы — в том числе и вооружённых, — направленных к взятию власти. Власть представляет собой необходимое и незаменимое орудие для осуществления и развития революционной программы. Без прихода к власти все прочие завоевания — какими бы прогрессивными они ни выглядели — непрочны, недостаточны, неспособны обеспечить необходимые решения.

И когда говорят о приходе к власти через выборы, наш вопрос всегда остаётся одним и тем же: если народное движение, получившее на выборах широкую поддержку народа, образует правительство и приступит к последовательному осуществлению той программы крупных социальных преобразований, которая и дала ему победу, не вступит ли оно немедленно в конфликт с реакционными классами данной страны? И не была ли всегда армия орудием подавления в руках этого класса? А если это так, то не логичным было бы предположить, что такая армия примет сторону своего класса и вступит в конфликт с новым правительством? И в этом случае либо правительство будет свергнуто путём более или менее бескровного государственного переворота и всё вернётся на круги своя, либо армия угнетения будет разбита вооружённым народом. Оба этих варианта — реалистичны. Что, напротив, представляется маловероятным, так это благосклонное — или смиренное — принятие вооружёнными

ми силами глубоких социальных реформ и самой своей ликвидации как касты.

Возвращаясь к проблеме крупных городов, хочу повторить наше скромное мнение на этот счёт. В условиях общей экономической отсталости и в этих случаях было бы целесообразно развивать долговременную борьбу вне пределов городов. Наличие партизанского очага в горах в странах с крупными городами будет устойчиво подпитывать огонь начинающейся революции. Для властей будет очень трудно быстро ликвидировать партизанские отряды, обладающие устойчивой социальной базой и действующие в благоприятных географических условиях — конечно, если партизаны последовательно используют стратегию и тактику, адекватные для такого типа войны.

В городах всё по-другому. И здесь вооружённая борьба против войск карателей может развернуться, принимая масштабы, о которых мы сегодня и не подозреваем. Но эта борьба примет фронтальный характер лишь тогда, когда одной армии будет противостоять иная, сопоставимая с ней по силе. Нельзя начинать фронтальное наступление на боеспособную и хорошо вооружённую армию силами мелких групп.

Но если для фронтальной схватки в городах требуется много оружия, закономерный вопрос: откуда же оно возьмётся? Оно не валяется на улице, его надо отобрать у врага. Сделать же это можно только в ходе борьбы с ним, а вести эту борьбу в форме регулярной войны — невозможно. Стало быть, вооружённая борьба в городах должна начинаться с действий подпольщиков, атакующих группы военных, захватывающих оружие в ходе следующих одно за другим действий боевых групп.

В рамках этого варианта возможно успешное развитие борьбы — и мы не осмелимся утверждать, что народное восстание, опирающееся на партизанское движение в городах, не может одержать победу. Не существует теоретических доводов против этого, во всяком случае, в наши намерения утверждать это не входит. Вместе с тем отметим, что в условиях города велика уязвимость руководителей революции: они могут быть уничтожены и в результате доноса, и в ходе последовательных прочесываний, предпринятых противником. Напротив, даже при всемерном развитии действий в городах, широком применении организованного саботажа, и прежде всего такой особо эффективной формы борьбы, как партизанская война, в

пригородах, сохранение руководящего ядра движения в местности, благоприятной для развития классической герильи — даже в том случае, если репрессии власти уничтожат все силы народного сопротивления в городах, революционный политический центр останется незатронутым, находясь в сравнительной безопасности от перипетий военных действий. Но при этом следует подчеркнуть, что речь идёт о сравнительной безопасности в условиях войны, которой этот центр руководит не издалека и тем более не из-за границы. Он располагается в центре происходящей борьбы, в гуще народа, её ведущего.

Таковы те соображения, которые заставляют нас думать, что и в странах, где абсолютно преобладает городское население, политический центр вооружённой борьбы может действовать и успешно развиваться в сельской местности.

Теперь к вопросу о ячейках военных, которые могли бы помочь нам своим выступлением, обеспечить революционеров оружием т.д. Здесь возникают две проблемы, два варианта развития событий. Если группа военных, объявив о своём присоединении к народу, совершает переворот, рассматривая себя как организованное ядро, способное действовать в рамках принимаемых ими самими решений, — в этом случае речь идёт, по сути дела, о выступлении одной части армии против другой, и казовая структура армии остаётся, скорее всего, нетронутой. При втором варианте войска быстро и стихийно присоединяются к народным силам; но это может произойти, по нашему мнению, только после жестоких ударов, полученных армией от сильного и упорного врага, то есть в условиях катастрофы существующей власти. Именно в такой ситуации — разбитой армии со сломленным моральным духом — может реализоваться второй из названных вариантов. Но очевидно, что этому опять-таки должна предшествовать вооружённая народная борьба. Что вновь возвращает нас к исходному вопросу о том, как и где эта борьба должна вестись. А ответ на него вновь приведёт нас к формуле развития партизанской борьбы в местности, наиболее для неё благоприятной; герилье, поддерживаемой борьбой в городах, при возможно более широком участии пролетарских масс, руководствующихся, естественно, идеологией своего класса.

Мы уже достаточно подробно проанализировали те дополнительные трудности, с которыми столкнутся революционные движения Латинской Америки. Теперь встаёт вопрос о том, не появились

ли какие-то благоприятные факторы в сравнении с предыдущим этапом, тем, когда Фидель Кастро сражался в Сьерра-Маэстре? Думаю, что такие дополнительные условия, способствующие развитию очагов восстания, действительно возникли — как в рамках Америки в целом, так и специфические — и ещё более благоприятствующие нашей борьбе — в отдельных её странах. В этой связи следует отметить два сдвига субъективного порядка, ставших самыми важными последствиями Кубинской революции. Первый из них — это осознание возможности победы. Теперь уже доподлинно известно, что почин, подобный тому, который был предпринят группой мечтателей с «Гранмы» в их двухлетней борьбе на Сьерра-Маэстре, может увенчаться успехом. Их опыт показывает, что можно создать революционное движение, которое начинает свои действия в сельской местности, связывается с крестьянскими массами, развивается от меньшего к большему, уничтожает во фронтальной схватке армию и, опираясь на базу в сельской местности, завоевывает города; движение, которое своей борьбой наращивает субъективные условия, необходимые для взятия власти.

Всю важность данного урока демонстрирует нынешний рост числа поборников «теории исключительности»; тех, кто видит в Кубинской революции явление исключительное и неповторимое. Они — и левые, и правые — приписывают её успех одному человеку. При этом левые считают его линию свободной от ошибок, правые — настаивают на её полной ошибочности, но и те, и другие сходятся на том, что только благодаря этому человеку Кубинская революция смогла пройти по тропам, которые больше никогда и ни перед кем не откроются... Это — ложь, притом абсолютная. Возможность победы народных масс в Латинской Америке определяется выбором пути партизанской борьбы, основанной на действиях вооружённых крестьян, на союзе рабочих и крестьян, на разгроме армии в ходе открытой борьбы, на взятии городов извне, на роспуске армии, становящимся первым этапом тотального слома надстройки старого колониального мира...

Теперь о втором субъективном факторе. Народные массы осознали теперь не только возможность своей военной победы. Они уже знают дальнейшие судьбы революции. Всё с большей ясностью они понимают, что, каковы бы ни были превратности истории на небольших отрезках времени, будущее — за народом, ибо будущее — за социальной справедливостью. Это позволит поднять революционное

брожение [fermento] в Латинской Америке на уровень, которого она ещё не знала...

Прибавим к сказанному некоторые соображения более частного характера, связанные с тенденциями, интенсивность которых различна в разных странах. Одно из них, и чрезвычайно важное, состоит в том, что эксплуатация крестьянства во всех странах Америки гораздо больше, чем это было на Кубе. Тем, которые связывают успешное развитие повстанческой борьбы с пролетаризацией кубинского крестьянства, хотелось бы напомнить, что воздействие этого феномена с особой, определяющей силой проявилось на этапе борьбы, последовавшем после взятия власти и провозглашения аграрной реформы, в ходе ускорения и углубления революционных процессов в деревне (кооперативизация). Но на первом этапе борьбы, когда крестьяне составляли сердцевину повстанческой армии, они были теми же, что и сейчас на Сьерра-Маэстре, — гордыми хозяевами своих наделов и непоколебимыми индивидуалистами... Естественно, в каждой стране Америки крестьянство обладает своей спецификой. Ментальность аргентинского крестьянина — иная, нежели у коммунального крестьянина Перу, Боливии или Эквадора. Но страстное желание иметь землю постоянно присуще всем крестьянам, и именно крестьяне определяют общую тональность Америки. И тот факт, что крестьяне подвергаются здесь ещё большей эксплуатации, чем это было некогда на Кубе, увеличивает возможность того, что этот класс поднимется с оружием в руках.

И ещё об одной проблеме. Армия Батисты при всех её огромных изъянах была построена таким образом, что все военнослужащие, от рядового до высшего генералитета, были вовлечены в эксплуатацию народа. Она полностью принадлежала к типу наёмных армий, что обеспечивало определённую цельность и сплочённость репрессивного аппарата. Напротив, большинство армий Америки комплектуется из профессиональных офицерских кадров — и рекрутов ежегодного призыва. Каждый год молодые люди покидают свой семейный очаг, унося с собой образ постоянных лишений и мучений своих родителей, их рассказы о нищете и социальной несправедливости. И если однажды их как пушечное мясо пошлют на борьбу против защитников идей, которые они в глубине своих душ и тел ощущают как справедливые, их боеспособность будет глубоко ослаблена — и при использовании соответствующих методов массового воздействия, призванных показать новобранцам справедливость на-

шей борьбы, её причины и цели, можно будет добиться великолепных результатов.

Подводя итоги этому беглому анализу феномена Кубинской революции, мы можем сказать, что в ходе Кубинской революции проявились как факторы исключительности, которые обусловили её своеобразие, так и факторы, общие для всех народов Америки; факторы, в которых находит своё выражение внутренняя закономерность этой революции. Мы видим также возникновение новых условий, которые облегчат взрыв революционных движений, давая массам сознание своей судьбы, осознание необходимости революции и уверенность в её возможности. В то же время возникли и условия, затрудняющие быстрое взятие власти вооружёнными массами. Это — тесная смычка империализма с буржуазией всех американских стран в целях фронтального противостояния народным силам. Дни бурь ожидают Латинскую Америку, а последние заявления руководителей США указывают, кажется, на то, что ареной таких бурь может стать весь мир. Зверски убитый Лумумба величием своего мученичества показывает, какой урок надо извлечь из трагических ошибок, с тем чтобы в дальнейшем они не повторялись. Начав антиимпериалистическую борьбу, необходимо быть последовательными, постоянно нанося удары по уязвимым позициям врага, не делая ни шагу назад. Всегда вперёд, всегда контратакуя, всегда отвечая на любую агрессию всё более мощным давлением народных масс. Только так придём к победе.

Когда ещё раз представится возможность, мы проанализируем судьбы Кубинской революции после завоевания власти. Развилась ли она на этом этапе по пути, где определяющими были факторы исключительности, или же и здесь, выявляя в своём развитии определённые специфические черты, доминировали всё же тенденции, логически вытекающие из закономерностей, которые необходимо присущи всем социальным процессам?

-с: Журнал «Verde Olivo», 9 апреля 1961 года

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Против бюрократизма¹⁾

Наша Революция явилась, в сущности, результатом партизанского движения, которое положило начало вооружённой борьбе против тирании и превратило её во взятие власти. Как первые шаги Революционного государства, так и весь первоначальный период нашей деятельности как правительства были сильнейшим образом окрашены в цвета основных элементов партизанской тактики. «Партизанщина» повторяла опыт вооружённой борьбы в горах и на полях Кубы в различных административных и массовых организациях, и выражалось это в том, что органы администрации и общества в целом следовали лишь основным революционным лозунгам (которые часто трактовались на самые различные лады). Формы же решения конкретных вопросов зависели от свободной воли каждого руководителя.

Охватывая все функции управления обществом, сферы деятельности «административной герильи» сталкивались между собой, между ними происходили постоянные трения, приказы сменялись контрприказами, различные трактовки законов приводили в отдельных случаях к их критике со стороны тех органов, которые издавали свои собственные постановления в форме декретов, не считаясь с центральным аппаратом управления. После года болезненного опыта мы пришли к выводу, что совершенно необходимо полностью изменить наш стиль работы и вернуться к рациональной организации государственного аппарата, используя методы планирования, применяемые в братских социалистических странах.

Именно так, в качестве контрмеры, началось создание мощных бюрократических аппаратов, которые характерны для первого этапа строительства нашего социалистического государства; но шаханье было слишком большим, ряд органов, среди них Министерство промышленности, начали проводить политику оперативной

1) Путаница, имевшая место при издании собрания сочинений Э. Гевары в 1977 г. (на Кубе), привела к тому, что данная статья, написанная зимой 1962–1963 г.г., оказалась и здесь, по недосмотру редактора, помещенной вне своей хронологической ниши.

централизации, излишне подавляя инициативу администраторов. Подобное понимание централизации объясняется нехваткой кадров среднего звена и предшествующим духом анархизма, что порождало особое рвение в требовании о выполнении директив. Параллельно с этим отсутствие должного аппарата контроля создавало трудности в своевременном обнаружении административных ошибок, что приводило к «говорильне по бумажке». Таким образом, и более сознательные, и более боязливые сдерживали свои порывы, чтобы приспособить их к неспешному движению административной системы сцеплений, в то время как другие, которые пребывали ещё в состоянии излишнего самоуважения, вызванного прежними заслугами, не чувствовали себя обязанными подчиняться какой-либо власти, вынуждая усиливать механизм контроля сверху, что, в свою очередь, парализовало и их деятельность.

Так начала страдать наша Революция от зла, именуемого бюрократизмом. Очевидно, что бюрократизм не рождается вместе с социалистическим обществом и не является его обязательным компонентом. Государственная бюрократия существовала в эпоху буржуазных режимов, со своей свитой привилегий, синекур и лакейства: под сенью бюджета росло число ловкачей, которые составляли двор очередного политика. В капиталистическом обществе, где весь государственный аппарат поставлен на службу буржуазии, его значение как руководящего органа весьма невелико; главное состоит в том, чтобы сделать его достаточно проницаемым, чтобы открывать путь ловкачу, и достаточно герметичным, чтобы держать в узде народ.

При наличии и весе «первородного греха», гнездящегося в старых административных аппаратах, и ситуаций, возникших после победы Революции, зло бюрократизма начало успешно развиваться.

В настоящее время при поиске основных корней бюрократизма мы добавили бы к традиционным его причинам новые мотивации, обусловленные тремя главными факторами.

Один из них — отсутствие «внутреннего стимула». Имеется в виду отсутствие у человека интереса служить государству и разрешать складывающиеся ситуации. Вызывается это отсутствием революционной сознательности или, во всяком случае, конформизмом в отношении того, что идёт плохо.

Можно установить прямую и очевидную связь между отсутствием «внутреннего стимула» и отсутствием интереса к тому, что-

бы разрешать проблемы. В этом случае, будь то по причине полного отсутствия убеждений или же под воздействием определённой дозы отчаяния перед постоянно возникающими проблемами, которые не поддаются решению, человек или же группа людей находят убежище в бюрократизме, заполняют бумаги, снимают с себя ответственность и устанавливают бумажную защиту, чтобы продолжать существовать или защититься от безответственности других.

Другой причиной является отсутствие организации. В попытках положить конец «партизанщине», не имея достаточного опыта управления, делаются перемещения, воздвигаются барьеры и создаются узкие места, которые тормозят приток информации снизу и инструкций или приказов, исходящих из центральных аппаратов. Иногда и то, и другое принимается в искажённом виде, причём инструкции превращаются в нелепые и неумные указания, ещё больше способствующие возникновению путаницы и дезорганизации.

Отсутствие организации характеризуется в основном недостаточным умением оценить каждое данное положение. Примером могут служить министерства, когда этими последними делаются попытки разрешать вопросы на любых уровнях, кроме адекватного, или же когда пытаются решать их неверным путём и в конце концов тонут в бумажном лабиринте. Бюрократизм — это цепочка служащих, каждый из которых хочет любым путём решить свои вопросы, наталкиваясь каждый раз на установленный порядок, и не имеет возможности их решить. Мы нередко наблюдаем, как многие служащие видят единственный выход из подобной ситуации в увеличении персонала, в то время как для решения проблем вместо нагромождения ненужных бумаг требовалось просто немного обычной логики.

При здоровой самокритике мы никогда не должны забывать, что ответственным за большинство бюрократических ошибок является экономическое руководство нашей Революции. Государственные учреждения не развивались по единому плану, предусматривающему хорошо продуманные межведомственные отношения, что дало широкий простор для самых различных толков насчёт административных методов управления. Центральный аппарат экономики — Центральная хунта планирования — не выполнил, да и не мог выполнить свою задачу по руководству, так как не имел достаточно власти над соответствующими органами, был неспособен издавать четкие распоряжения, основанные на единой системе, осуществлять контроль выполнения указаний, ему не доставало необходимого

перспективного плана. Чрезмерная централизация без хорошей организации затормозила стихийные действия, не дав взамен правильных и своевременных распоряжений. Нагромождение мелких решений заслонило ясное видение крупных проблем, и их решение безнадежно застопорилось. Типичным в нашей работе стало принятие решения в последнюю минуту, на ходу и без всякого анализа.

Третьей и очень важной причиной является отсутствие достаточных технических знаний, которые были необходимы для принятия правильных и своевременных решений. В связи с невозможностью делать это приходилось обращаться к опыту многих, не имеющему большой значимости, и пытаться извлечь из него какие-то выводы. Происходили бесконечные споры, причём ни один из спорящих не имел достаточного авторитета для того, чтобы свою точку зрения сделать общей. После одного, двух и более совещаний вопрос продолжал оставаться открытым, пока он не решался сам собой или срочно нужно было принимать какое-нибудь, пусть неудачное, но решение. Почти полное отсутствие знаний заменяется, таким образом, длинной чередой заседаний и порождает такое явление, как «заседательщина», оборачивающееся отсутствием перспективы решения проблем. В таких случаях бюрократизм, бумажный тормоз и нерешённые вопросы развития общества становятся участью затронутых этой болезнью органов управления.

Эти три основные причины — каждая по отдельности или в различных комбинациях друг с другом — влияют на всю институциональную жизнь страны. Уже настало время покончить с этим злокачественным влиянием. Надо принять конкретные меры для того, чтобы придать действенность государственному аппарату так, чтобы можно было установить жёсткий централизованный контроль, который позволит руководству держать в руках основные «нити» развития экономики и максимально высвободить инициативу, развивая на основе здоровой логики отношения между элементами производительных сил страны.

Раз мы знаем причины и результаты бюрократизма, мы можем четко проанализировать возможности исправить зло. Из всех основных причин мы можем выделить плохую организацию нашей работы как центральную проблему и заняться ею со всей необходимой строгостью. Для этого мы должны изменить наш стиль работы; установить иерархию наших проблем, передавая их для разрешения каждому органу управления и каждому из уровней решения в соот-

ветствии с выполняемыми функциями; установить четкие конкретные отношения между ними — и между ними и другими организациями, начиная с центра решений в сфере экономики и до последней административной единицы, а также отношения между различными составляющими по горизонтали, чтобы сформировать целостную систему отношений в экономике. Это — наиболее осуществимая для нас задача в настоящее время, и её разрешение в качестве дополнительного выигрыша позволит нам направить в другие сферы большое количество лишних служащих, которые не работают, выполняют незначительные функции или дублируют функции других без какого бы то ни было результата.

Одновременно мы должны настойчиво вести политическую работу, чтобы устранить изъяны внутренней мотивации — иными словами, недостаток ясного политического видения, что приводит к недостатку исполнительности. Для этого необходимо: постоянное воспитание посредством конкретного разъяснения задач, посредством пробуждения интереса у административных служащих к своей конкретной работе, посредством примера работы передовиков, с одной стороны, а с другой — через принятие решительных мер по устранению паразитизма, идёт ли речь о тех, за чьим поведением скрывается глубокая враждебность к социалистическому обществу, или о тех, кто безнадежно поссорился с выполняемой им работой.

И, наконец, мы должны исправить ту нашу слабость, которой является отсутствие знаний. Мы приступили к решению гигантской задачи преобразования общества сверху донизу в обстановке империалистической агрессии, блокады, которая с каждым днём становится жестче; в обстановке полной смены нашей технологии, острой нужде в сырье и продуктах питания, в ситуации массового бегства из страны тех немногих квалифицированных техников, которых мы имели. В этих условиях мы должны настроиться на серьезную и упорную работу с массами с тем, чтобы заполнить бреши, оставленные предателями, и удовлетворить потребности в квалифицированной рабочей силе, потребности, которые вызываются быстрым темпом, диктуемым нашему развитию. Поэтому повышение квалификации кадров занимает ведущее место во всех планах Революционного правительства.

Подготовка активных трудящихся началась на рабочих местах на уровне начальной школы. Она включает в себя: ликвидацию остатков неграмотности, которые ещё имеют место в наиболее отда-

лённых местах страны; курсы для начинающих; курсы по повышению рабочей квалификации для окончивших третий класс; курсы технического минимума для рабочих с более высоким уровнем образования; курсы подготовки квалифицированных рабочих — помощников инженеров; университетские курсы для всех профессий, в том числе администраторов. Революционное правительство намерено превратить нашу страну в большую школу, где обучение и успехи в учебе являлись бы одним из основных факторов улучшения положения личности — как в экономическом плане, так и с точки зрения её морального самочувствия, её места в обществе в соответствии с её, личности, качествами.

Если мы сумеем высвободить из запутанного бумажного клубка сложные отношения между различными организациями и отделами этих организаций, устранить дублирование в выполнении функций и бесконечные «выбоины», в которые попадают наши учреждения, мы обнажим корни проблемы и выработаем нормы организации, вначале элементарные, а затем и более сложные, дадим открытый бой недовольным, сбитым с толку и бездельникам, перевоспитаем и воспитаем эти элементы, включим их в Революцию, отбросим всё негодное и в то же время, не падая духом, продолжим, каковы бы ни были встречающиеся трудности и неудобства, великое дело обучения на всех его уровнях; если мы сделаем всё это, то будем в состоянии в короткий срок ликвидировать бюрократизм.

Опыт последней мобилизации¹⁾ стал мотивом для обсуждения в Министерстве промышленности интереснейшего феномена: в дни, когда вся страна напрягала свои силы для отпора нападению врага, промышленное производство не снижалось, исчезли прогулы, все проблемы решались неожиданно быстро. Анализируя это положение, мы пришли к выводу, что имело место совпадение различных факторов, которые устранили основные причины бюрократизма: имел место мощный патриотический и национальный импульс сопротивления империализму, который воздействовал на подавляющее большинство кубинского народа, и каждый трудящийся на своём месте превратился в солдата экономики, готового решить любую проблему.

1) Имеется в виду массовая мобилизация населения страны для отпора империалистической агрессии в период (осень 1962 г.) Карибского кризиса.

Таким образом, тот внутренний стимул, идеологический мотор, о котором шла речь выше, был запущен самим воздействием иностранной агрессии. Организационные меры сводились к тому, чтобы точно указать на то, чего нельзя было делать, и обозначить основную проблему, которая должна была решаться; поддерживать производство, несмотря ни на что; поддерживать с ещё большей настойчивостью определённые отрасли производства и освобождать предприятия, заводы и организации от всех функций, выполняемых время от времени (хотя и необходимых в условиях нормального хода общественного процесса).

Особая ответственность, которая возлагалась на каждого человека, обязывала его быстро принимать решения. Мы находились перед лицом общенациональной чрезвычайной ситуации, и решения должны были приниматься, будь они правильными или ошибочными, но приниматься быстро... Мы ещё не подвели итоги мобилизации, и, очевидно, в финансовом плане, они не могут быть положительными, но в плане идеологической мобилизации они, безусловно, таковыми были, послужив углублению сознательности масс. Каков же её урок? В плоть и кровь наших трудящихся, рабочих, крестьян и служащих должно войти сознание того, что опасность империалистической агрессии грозит нам постоянно, что ситуации прочного мира не существует и что наш долг — продолжать ежедневно и ежечасно укреплять Революцию, так как это, помимо прочего, является самой верной гарантией того, что вторжение не повторится. Чем дороже встанет империалистам овладение этим островом, чем крепче будет его защита и чем выше сознание его сыновей, тем больше задумаются те, кто хочет напасть; но в то же время экономическое развитие страны приближает нас к ситуации меньшего напряжения, к повышению благосостояния. Нашей идеологической задачей является превращение великого мобилизующего примера противостояния империалистической агрессии в постоянный.

Мы должны проанализировать ответственность каждого служащего, определить её как можно точнее в пределах его функций с тем, чтобы он под угрозой самых строгих санкций не выходил за эти пределы, и на этой основе представить ему самые широкие права. В то же время надо изучить, что является основным и что вспомогательным в работе различных подразделений государственных органов, и ограничить всё вспомогательное, побочное с тем, чтобы сделать упор на основном, и тем самым предоставить возможность дей-

ствовать быстро. Надо потребовать от наших служащих действий, установить сроки выполнения указаний, исходящих от центральных органов, правильно контролировать и обязать принимать решения в разумные сроки.

Если мы сумеем выполнить всю эту работу, бюрократизм исчезнет. Фактически это не является задачей какого-то одного органа или даже всех экономических органов страны; это задача всей страны, её руководящих органов, и прежде всего Единой партии Социалистической Революции и всех массовых организаций. Все мы должны работать, чтобы реализовать лозунг настоящего момента. Война бюрократизму. Мобильность государственного аппарата. Производство без пут и ответственность за производство.

Журнал «Cuba socialista», № 18, февраль 1963 года

Выступление на чествовании генерала Листера¹⁾

2 июня 1961 г.

Дорогие товарищи.

Сегодня от имени народа Кубы я имею честь ещё раз приветствовать находящегося среди нас генерала Листера. Представлять его вам — миссия не из трудных: уже много лет его имя известно всему миру, с той самой поры, когда Испания трёхлетней войной против фашизма вписала в свою историю одну из самых героических и трагических страниц.

Приезд генерала Листера подчеркивает символическую параллель между нашими двумя странами: сегодняшняя Куба, как и Испания тех зловещих дней, представляет собой авангард прогрессивного мира в его борьбе против наступления империалистической бести.

Та, прошлая битва, была проиграна. Несмотря на весь героизм испанского народа, вопреки помощи, которую смогли оказать ему другие народы мира и единственное в ту пору социалистическое государство, борьба народа Испании, лишённого мощного единого руководства, разъедаемого порой внутренними разногласиями; народа, окружённого предательством западных держав, была проиграна. Республика пала — и это открыло дорогу мировой войне...

Все знают, чем была Испания в ту пору: бастионом и испытательным полигоном, где впервые было испробовано оружие самой мощной державы тех лет — нацистской Германии: пикирующие бомбардировщики и новые типы танков, массовые бомбардировки и тактика блицкрига.

Но это была иная эпоха мировой истории, ускоряющей в последние годы свой ход. Тогда существовала единственная социалис-

1) Энрике Листер (1906–1989) — испанский коммунист (в 60-х годах — один из лидеров компартии), в годы гражданской (национально-революционной, антифашистской) войны 1936–1939 гг. — один из главных военачальников Республики (командующий «Пятым полком», впоследствии — прославленным V корпусом Республиканской Армии).

тическая страна и её надо было уничтожить. Сильных империалистических держав было несколько, они готовились к борьбе между собой за господство над миром, но они совпадали в том, что конечной целью борьбы должен был стать разгром Советского Союза.

Битва в Испании обернулась прелюдией тех гигантских сражений, которые должны были развернуться и развернулись в полном объёме через два года после её окончания.

Испания была страной-авангардом, которая пошла по пути создания народной власти. Власть эта была завоевана народом на свободных выборах, и он готовился осуществить реформы, необходимые для осуществления своих чаяний. Но он забыл об армии, о том, что та в основном представляла класс, побеждённый на выборах, но жаждавший реванша.

Эта армия восстала в 1936 г. — и, несмотря на весь героизм народа, героизм, который наполнил наши сердца (быть может — бессознательно) гордостью принадлежности к той же расе, гордостью чувствовать себя более или менее прямыми потомками испанцев, — несмотря на эту борьбу, народная власть пала.

И вот сегодня здесь — Куба, тоже возникшая по страстной воле народа и находящаяся гораздо ближе от главной державы империализма. В силу этого Куба стала сегодня одним из краеугольных камней и одной из авангардных сил антиимпериалистической борьбы. И поэтому же окружение и наступление империалистов постоянно ощущаются на острове; они атакуют нас каждый день. Для них действительно опасно, что в центре того, что было задним двором империи, братские страны нашей Америки смогли увидеть, на что способен народ, когда он приходит к власти. Поэтому раз за разом они пытаются уничтожить нас.

Но история движется вперёд, и опыт, обретенный народами в их суровой борьбе, не остаётся втуне. Там — Испания, здесь, в Америке, — Гватемала научили нас той основополагающей истине, что любая народная власть должна опираться на собственную, народную армию, которая до конца будет защищать завоевания народа. А не на профессиональную, кастовую и классовую армию, которая превращается в пятую колонну, разрушающую народную власть.

Мы разгромили эту армию на первой фазе нашей борьбы, пришли к власти во фронтальной борьбе против нее, полностью уничтожили её как корпорацию, полностью заменили её и заявили об этом перед всем миром как об одном из завоеваний кубинской

революции, о наглядном доказательстве того, что народ может встать против армии — даже когда он безоружен, разбить её в ходе продолжительной борьбы, вырвать из её рук оружие, стать более сильным, чем армия угнетателей, взять власть — и затем ликвидировать старую армию окончательно. Без её ликвидации взятие власти не будет полным.

Так пришли мы к этому, 1961 году, в котором мы ни в какой мере не являемся одиноками. Так же как в «час Испании», в час Листера имя страны — передового бастиона на слуху всего мира, и его народы смыкают ряды вокруг маленького антильского острова. Так же, как и в ту эпоху, имя подобной страны служит объединению всех сил прогресса в их противостоянии всем силам реакции.

Но сегодняшняя солидарность — не та «безоружная» солидарность с республиканской Испанией, которую проявили тогда народы мира; не только солидарность тысяч людей, которые искали и нашли оружие и приехали из всех частей мира, чтобы принять удар врага и умереть рядом с испанцами, защищая общее дело всего мира¹⁾. Человечество не стояло на месте в эти годы, и сегодня мы имеем нечто более действенное.

Сегодня нам, борцам за мир, нашему премьер-министру Советский Союз вручил Ленинскую премию мира как признание подлинности нашей борьбы за мир, за то, что действительно является миром. Миром людей, которые не только страстно желают его и готовы в максимальной степени использовать мир на благо своего народа, но и знают, что мир не выпрашивают на коленях; знают, что его завоевывают и защищают смелостью, могуществом, несокрушимым упорством; что мир не есть некое статическое состояние, но включает в себя динамику мировой истории. И что чем более сильным, единым и готовым к борьбе будет народ, — тем легче будет ему сохранить мир, которого он жаждет.

И этот миролюбивый народ, постоянно подвергающийся атакам империализма — посредством наёмников, бомбардировок, всевозможных блокад, в этом, 1961 году поддерживается не только солидарностью безоружных, не только подавляющим большинством людей доброй воли.

1) Че имеет в виду десятки тысяч (более 35 тыс.) бойцов интернациональных бригад, тысячи советских добровольцев — летчиков, танкистов, советников.

Солидарность сегодняшнего дня — это атомная солидарность, это солидарность воинов, солидарность, в рамках которой было ясно предупреждено, что Куба имеет право жить в мире со всеми на земле, жить жизнью, которой требует народ от своего правительства. И было ясно сказано, что в мире существуют правительства, готовые использовать всю свою силу, все свои ударные средства, чтобы помочь Кубе выполнить этот долг, реализовать право народов жить в мире и в мире строить своё будущее счастье.

Испания в своё время тоже жаждала мира, чтобы начать подлинное обновление, чтобы выйти из феодализма, превратившего сильнейшую державу Европы и мира во второстепенное государство. И тогда боролись испанские патриоты за то, чтобы изменить лицо страны, чтобы нанести поражение силам зла — тем же, что существовали и здесь, и превратить Испанию в тот земной рай, в который мы мечтаем превратить нашу страну. Этого не произошло: слишком силен был империалистический враг. Ни Листер, ни тысячи Листеров не могли в ту пору изменить ход вещей; два миллиона испанцев погибли тогда, защищая своё право на благосостояние и счастье. Танки, самолёты и армии врагов оказались сильнее. И сегодня всякий раз, когда мы испытываем момент слабости — или сомнения, мы обращаем наш взгляд в прошлое и снова вспоминаем об этих двух примерах из нашей недавней истории; об уроках, которые служат нам, чтобы исправить ошибки и укрепить наш дух.

Мы вспоминаем о республиканской Испании — там и о Гватемале — здесь; мы исправляем ошибки и учимся бороться с империей и двигаемся вперёд так скоро, как мы можем, вплоть до провозглашения, как вы знаете, в день Первого мая этого года нашей революции — первой социалистической революцией в Америке. Это был исторически долгий путь, который мы прошли за короткий промежуток времени: меньше чем за два с половиной года. Но смогли мы пройти этот путь так быстро, смогли сегодня продемонстрировать нашу несокрушимую силу, нашу способность к сопротивлению и ускоренному строительству лучшего мира, нашу уверенность в конечной победе благодаря тому, что в течение долгих лет прошлого во всём мире были люди, умиравшие для того, чтобы стала возможной сегодняшняя Куба. И потому, что не годами, а веками человечество боролось за священную идею уничтожения эксплуатации.

В ту пору, когда существовал только Советский Союз, окружённый сообществом всех сил империализма, атакованный со всех сво-

их границ — спасти его помогала солидарность рабочих всего мира и история гигантского самопожертвования рабочих и крестьян нового народного государства; история, для рассказа о которой нужны тома и тома. Но именно благодаря той борьбе и благодаря самопожертвованию испанского народа можем мы сегодня сказать всему миру: «Мы — здесь, Революция — здесь».

Да, в Испании была война, гражданская война, очень жестокая война. Но вместе с тем это была и битва, одна из битв другой, гигантской войны, которую вёл империализм против сил прогресса, и хотя тогда эта битва была проиграна, время было выиграно, а оно в тот момент было воистину на вес золота.

История ещё скажет, какова была точная цена этого времени, скольким обязан мир самопожертвованию испанцев, которые — порой без оружия — вступали в бой с фашистским варварством. Но даже не будучи пока в состоянии точно оценить это, мы знаем всё величие самопожертвования Испании. И, без всяких сомнений, прекрасными свершениями нынешних дней мы обязаны и той героической трёхлетней борьбе.

Поэтому мы принимаем Листера как одного из нас не только потому, что он испанец, — а уже одно это делает его в известной мере нашим, но и потому, что он боролся и потому как он боролся в той войне, которая тоже была нашей, в войне, которая для нас неразрывно связана с борьбой наших мамби, с тридцатью годами борьбы за независимость Кубы; связана как звенья единой великой цепи войны народов против империалистических держав.

Один из предков нашего народа — это испанский народ, который три года вёл борьбу, подобную той, которую вёл Сандино в Америке. И не имеет значения, что пример их не стал примером победы. Но он был и остался героическим примером самопожертвования. Испания, Никарагуа, Гватемала вчера и сегодня показывали, что и поражение может стать примером, необходимым, чтобы исправить ошибки и продолжать идти вперёд.

Сегодня многие народы мира уже обрели свою свободу. И всё новые присоединяются к их числу. К несчастью, Испании нет среди них. Народ Испании и 20 лет спустя ещё не оправился от той жестокой борьбы.

Мы слушали здесь товарища Листера, который рассказывал о новых условиях, сложившихся в Испании, о сегодняшней борьбе — мирными средствами — испанского народа; о том, как шаг за шагом

выигрывается эта упорная борьба, о надежде отвоевать для мира этот кусок Европы, где господствуют феодализм и мракобесие. Все мы, я лично, весь народ Кубы, желают, чтобы так и произошло, чтобы всё это быстро стало реальностью, чтобы испанский народ, не прибегая к оружию, демонстрируя силу широких масс рабочего класса и крестьянства, сумел добиться для себя такого правительства, какое он сочтёт лучшим.

Но если этого не произойдёт, если реакционные силы откажутся считаться с неумолимым ходом истории, не смогут понять, что та полоса её, когда человек утверждался перед себе подобными как волк — близится к концу; если они не поймут этого, и народ вновь, испытав всю глубину боли и унижения, должен будет опять взяться за оружие и вернёт себе — своё в той форме, в которой сочтёт необходимой, тогда мы сможем сказать товарищу Листеру, великому борцу той эпохи, перефразируя стихи Антонио Мачадо¹⁾:

«Если мой револьвер на что-нибудь сгодится — я буду рад сражаться в твоей колонне!»

☺
-0
☺
☺

☺
☺
☺
☺
☺

☺

Антонио Мачадо-и-Руис (1875–1939) — великий испанский поэт XX века, активный участник антифашистского войны.

Коллективное обсуждение, персональные решения и ответственность

июль 1961 г.

Наша революция развивалась так стремительно и подход к возникающим проблемам должен меняться настолько быстро, что они опережают способность к [адекватной] реакции и ассимиляции происходящего в определённых секторах революционных организаций.

Данным докладом, который является плодом широкого обсуждения, мы и хотим наметить общие контуры политики, которой должны следовать руководители государственных предприятий в своих отношениях с такими рабочими и политическими объединениями, как технические советы, профсоюзы, ХУСЕИ¹⁾, революционные организации и т. д.

Кубинская революция, быстро пройдя первый, демократический и антиимпериалистический этап, переросла в социалистическую; с учетом этого все проблемы, которые она ставит сегодня, должны рассматриваться с точки зрения государства, которое идёт к социализму, и в свете основных руководящих принципов марксизма, учитывая при этом опыт стран, уже реально строящих социализм на своей территории. Всё это должно быть дополнено учетом основных черт нашей собственной национальной идентичности — и необходимости их адаптации к общим потребностям развития на каждом данном этапе.

Наша Революция уже миновала фазу борьбы, на которой неизбежно должны были применяться общие жёсткие меры экспроприации капиталистов, в особенности в промышленности, где было национализировано более 80% предприятий, сейчас этот процесс продолжается посредством выкупа экспроприированного у тех, кто бежит из страны, покидает предприятия или уличается в соучастии

1) ХУСЕИ — Junta Provincial de Coordinacion, Ejecucion e Inspeccion — Советы (провинциальные) по координации, исполнению и контролю, — возникшие на Кубе в ту пору органы местной власти. О них см. с. 204–206.

с контрреволюционными элементами. Всё это привело к необходимости создать государственный производственный аппарат, игнорируя при этом — с точки зрения практических нужд — частное производство. В плане рассматриваются производственные возможности и потребности в обеспечении государственных предприятий¹⁾ и той немногочисленной группы частных предпринимателей, которые продолжают сохраняться (взяты как целое).

С течением времени само понятие предприятия менялось. Центральный совет планирования дал определение предприятия, которое дословно гласит:

«Понятие общественного предприятия подразумевает интеграцию производственных единиц, производящих одинаковую или схожую продукцию или оказывающих одинаковые или схожие услуги, хотя это не исключает возможности того, что в отдельных случаях по практическим соображениям общественные предприятия могут строиться и на других принципах интеграции».

Решение Центрального совета планирования гласит:

«Предоставить в принципе общественным предприятиям следующие полномочия:

а) заключать контракты на закупку или получение материалов (электроэнергии, сырья, смазочных материалов, запчастей для действующих машин);

б) заключать контракты на продажу или передачу созданной продукции;

в) заключать контракты на строительство зданий и приобретение машин и оборудования, необходимых для увеличения производственных мощностей входящих в объединение единиц согласно утверждённому праву капиталовложений;

г) заключать коллективные трудовые контракты и соглашения;

д) назначать, передвигать и увольнять неруководящий состав входящих в объединение организаций, согласуя эти вопросы с Министерством труда и руководствуясь утверждённым штатным расписанием;

1) «Предприятия», о которых идёт речь в статье (Empresa, Empresa pública, Empresa Consolidada), — понятие, соответствующее «отрасли промышленности» или «главку» в отечественной терминологии. Иногда в качестве синонима фигурирует термин «объединение».

е) определять, в каких производственных единицах должен вестись бухгалтерский учет;

ж) разрабатывать бюджет, на основе которого предприятия посредством государственных ассигнований будут получать необходимые фонды для обеспечения контрактов, упомянутых в пунктах а), б), г), а также передавать в национальный доход прибыль от продажи продуктов».

Таким образом, государственное предприятие является объединением более или менее схожих производственных единиц, которые работают, имея установленный бюджет, и в соответствии с этим бюджетом определяют свои производственные задачи, подписывают контракты с целью их выполнения, заключают коллективные трудовые договоры и соглашения, назначают, передвигают и увольняют неруководящий состав входящих в объединение организаций по согласованию с Министерством труда, заключают договоры на строительство сооружений, закупку машин и т.д.

Администраторам каждой фабрики¹⁾ передаётся часть функций директора объединённого предприятия, но в отношении начальников отделов мы можем не отделять руководителей объединённого предприятия от руководителя фабрики. В действительности объединённое предприятие является количественным объединением ряда фабрик, но приблизительно с теми же функциями.

Каковы руководящие кадры сегодняшних предприятий Министерства промышленности согласно последнему утверждённому регламенту? Начальник экономического отдела, начальник производственного отдела и начальник отдела сбыта и закупок. Три наиболее важных человека, которые вместе с директором осуществляют исполнительную власть на предприятии. Но объединённое предприятие, как и фабрики — я вновь повторяю это, — не представлены только этой руководящей группой государственных служащих; там существуют ещё две очень важные организации, которыми являются профсоюз и технический совет. Отношения между каждой из них должны быть четко определены.

Прежде чем продолжить, следует уточнить, что фабрики являются собственностью всего народа, а так как народ в нашей стране

1) Здесь — и в дальнейшем — слово «фабрика» означает любое предприятие в привычном для нас смысле этого слова. Синоним: «производственная единица».

представлен государством, значит, они являются собственностью государства. Кубинский народ поручил государству миссию руководить производством для достижения целей социалистической революции. И именно социалистический характер Кубинской революции определяет общие направления производства; отвергая анархию капиталистического производства, революция провозглашает план рационального социалистического производства. Поэтому план — одна из направляющих осей социалистической системы, в нём выдвигаются задачи, в которых согласуются усилия всей страны, гармонично распределённые и тесно увязанные между собой.

Конечно, правительство не может диктовать нормы, составлять планы, ставить цели без участия народа, так как в этом случае план был бы неэффективным, бюрократическим. Поэтому предприятие должно обращаться к своим служащим и рабочим с целью привлечь их к обсуждению планов, вовлечь трудящихся в дела производства и в решение производственных вопросов в такой форме, чтобы конечный результат был бы «живым», итогом практических обсуждений определённых тем, которые могли бы привести к законченным выводам. Следует добавить, что согласно действующим принципам руководства предприятиями в социалистических странах администратор и административный совет несут единоличную и абсолютную ответственность за выполнение возложенных на них обязательств. Это должно быть предельно ясно; не может допускаться никакого уклонения со стороны администратора от исполнения функций, возложенных на него государством; он не может ни уступить, ни передоверить функции, предоставленные ему как директору предприятия или администратору фабрики. Только исходя из этого основного критерия, можно начать обсуждение поставленной проблемы.

Какими должны быть отношения между администратором и профсоюзами?

В заголовке статьи уже содержится мысль, что руководство должно быть единым при личной ответственности и коллективном обсуждении. Директора — мы уже говорили об этом — должны выполнять и добиваться от других выполнения общих указаний министерства; кроме того, они должны и руководить всеми этапами непосредственного планирования, организацией, реализацией и контролем

всех функций и дел объединённого предприятия или фабрики. Директор объединённого предприятия должен:

а) руководить сам или через компетентных служащих работой отделов, контор и производственных подразделений объединённого предприятия, являясь главным лицом, ответственным перед министерством за хороший ход работы;

б) руководить составлением и выполнением государственного плана в части, касающейся объединённого предприятия (технико-экономический план объединённого предприятия);

в) следить за выполнением установлений, касающихся работы, заработной платы, контрактов, технологии, финансов, мер безопасности и гигиены труда рабочих. Следить также за правильным и эффективным использованием ресурсов, выделенных объединённому предприятию государством;

г) принимать сочтённые им необходимыми решения внутреннего характера, направленные на улучшение работы объединённого предприятия. Издавать необходимые инструкции по лучшей организации административной, экономической, технической, производственной и коммерческой деятельности объединённого предприятия;

д) информировать, стимулировать, обучать личный состав объединённого предприятия, повышать его способность к более революционной, эффективной и экономичной деятельности;

е) подписывать необходимые документы общественного и частного характера, которые однако никоим образом не должны по своему содержанию выходить за пределы, установленные в технико-экономическом плане объединённого предприятия;

ж) председательствовать на административных советах, комитетах и собраниях, которые проводятся для информации и координации различного рода деятельности объединённого предприятия;

з) сотрудничать с революционными и профсоюзными организациями;

и) добиваться активного участия трудящихся в управлении и выполнении плана.

Какова будет роль профсоюзов?

Профсоюзы имеют две различные функции, которые в революционную эпоху дополняют друг друга.

Одна из них — понять общую идею организации и целей правительства, обсудить её на уровне конкретного предприятия или завода и довести эту идею до сознания основной массы трудящихся, чтобы в их сознании укоренилось понимание того, что нужно сделать, и чтобы это сознание и дальше с ещё большей силой продвигало дело вперёд.

Другая задача, по видимости противоположная первой, состоит в защите специфических и непосредственных интересов рабочего класса на уровне предприятия или фабрики. Установление социалистической системы не устраняет противоречия, но изменяет форму их разрешения. Сейчас также будут иметь место противоречия, и в их разрешении профсоюз будет играть важную роль, обосновывая точку зрения трудящихся определённой отрасли для возможного удовлетворения их нужд (без ущерба общим интересам всего рабочего класса: построению социализма и индустриализации страны в короткий срок), когда нужды эти не учитываются при определении норм труда, когда нормы эти вступают в противоречие с тем, что было завоевано в ходе многолетней профсоюзной борьбы, когда игнорируются насущные нужды рабочих предприятия и когда дело касается общего обсуждения коллективного трудового договора. Как же может быть совмещена вся эта защита непосредственных интересов рабочего класса с его участием в больших экономических начинаниях правительства? Просто потому, что между этими двумя задачами нет сущностного противоречия; правительство старается вести страну вперёд, по возможности более быстро, используя возможно большее количество ресурсов для улучшения положения наибольшего количества людей в наиболее короткий срок. Это великое стремление, но иногда на каком-то заводе оно сталкивается с практическими трудностями и проблемами; в этом случае задача профсоюза — привести в соответствие реальные условия своего рабочего центра и общие установки развития государства. Могу привести пример, чтобы пояснить эту мысль.

Предположим, что на одном промышленном предприятии (не будем его сейчас называть) имеется цех, работа в котором вредна для здоровья; страна нуждается в продукции, для получения которой приходится работать в спешном порядке, в очень нездоровых условиях. Экономические инстанции через свои организации передают просьбу директору указанного предприятия; директор хочет удвоить показатели производства, просит увеличить время работы,

просит о других жертвах, необходимых для увеличения производства без новых вложений, которые в этот момент сделать невозможно. Профсоюз может выступить и сказать: «Подождите, от этой группы рабочих просят несоразмерных усилий, потому что работа по стольку часов вызывает такую-то болезнь, ведёт к физическому износу; потому что нет минимальных условий охраны труда, потому что есть то или нет другого. От имени рабочих, которых мы представляем, требуем, чтобы были улучшены условия труда, улучшены санитарные условия, социальное страхование; всё это нужно, чтобы выполнить задание правительства, и в случае удовлетворения наших просьб мы обязуемся сделать это».

Естественно, речь идёт о крайнем случае; администрация всегда учитывает условия, необходимые для выполнения рабочими своих заданий, имеет в виду благосостояние рабочих и не станет требовать от них того, что карикатурно изображено в нашем примере, но здесь как раз в общих чертах и проявляется та, другая задача профсоюза, о которой говорилось выше.

Профсоюз должен выполнять эту двойственную функцию наблюдения за условиями труда рабочих и служащих, давая при этом революционное направление самопожертвованию или необходимым усилиям масс со всей честностью, на которую способны сознательные пролетарии, так как общие направления экономической политики Революции определены желанием создать больше благ для повышения благосостояния рабочего класса, крестьян, всего народа.

Профсоюз должен хорошо знать, каковы эти направления и каким образом надо воспитывать массы для быстреего достижения запланированных показателей; для этого он должен иметь доступ к управлению предприятием. Пока структуры управления предприятием ещё не упорядочены, желательно, чтобы администрация предоставила секретарю профсоюза место в совете дирекции. Этот личный контакт даст возможность внести большую ясность в сознание рабочих, позволит им яснее увидеть экономические задачи.

Деятельность профсоюзов тесно связана с повышением производительности труда и укреплением трудовой дисциплины — краеугольными камнями процесса построения социализма. Профсоюзы также участвуют в подготовке администраторов из рабочих, повышая их технический и политический уровень.

Другой задачей профсоюзов, о которой уже шла речь, является забота о непосредственных материальных и духовных интересах

рабочих. Согласовывая все эти интересы путём обсуждения и убеждения (это основной метод правильных действий), профсоюз выполнит все свои обязанности в этот период напряжённого развития производительных сил.

Таким образом, отношения между директором и профсоюзом должны быть сердечными, гармоничными и несут характер взаимодействия, причём действуют они в разных сферах; за всё, что связано с управлением, ответственность несёт администратор, который должен осуществлять свою власть; в области воспитания и повышения идеологического уровня масс профсоюзы несут большую ответственность и должны выполнять эту задачу с глубоким революционным чувством.

Любое противоречие должно разрешаться посредством дискуссий, потому что самое сильное оружие рабочего класса — забастовка — является орудием насильственного разрешения классовых противоречий; явлением, которое не должно иметь места в обществе, идущем к социализму; рабочие забастовки на наших предприятиях будут означать оглушительный провал деятельности нашей администрации, а также явятся, к сожалению, выражением изъянов политического сознания рабочего класса.

К счастью, оба этих отрицательных феномена изжиты в нашей стране; значительно повысилась сознательность рабочих, и направление нашей экономической политики является правильным, имея как основную задачу — удовлетворение интересов рабочего класса в целом.

Ярким выражением нынешнего положения дел, совершенно отличного от прошлого, и является добровольный труд рабочих, труд, возглавляемый и направляемый профсоюзами. В сознании рабочих уже твёрдо укоренилась идея, что невозможно отделить предприятие от трудящихся, что это — единое целое и что, когда трудящийся делает что-то для предприятия, он делает это для своего блага и для блага всего народа. Таким образом, добровольный труд сплачивает рабочих, которые переходят от одного вида работы к другому, исходя из потребностей страны; по мере необходимости он позволяет производить ротацию трудящихся в различных отраслях или предприятиях, как это было с производством сахара, когда трудящиеся всех отраслей внесли свой вклад в это дело и тем самым содействовали объединению сознания рабочего класса страны, претворению в жизнь её важнейших лозунгов.

Технический совет (Consejo Tecnico Acesor)

Существует — особенно на уровне отдельных фабрик, но также в объединениях, орган, более или менее технический, именуемый Техническим советом. Он состоит из наиболее отличившихся рабочих от каждого подразделения производства, которые, объединившись, консультируют администратора по практическим мерам, которые необходимо осуществить в каждом производственном подразделении.

Сфера деятельности Технических советов — все революционно-технические проблемы. Например, нужна какая-то запасная часть, машина стоит из-за её отсутствия, инженер считает, что эта деталь должна быть доставлена из-за границы, на что нужно полтора месяца; что эту деталь невозможно починить и поэтому нужно остановить машину. «Во всяком случае, — скажет инженер, — эту деталь нужно доставить самолётом».

Собирается Технический совет, обращается к практическому опыту всех рабочих и решает, что эту деталь можно отремонтировать на Кубе, пока не придёт новая. Ставится задача, и деталь ремонтируется. Как охарактеризовать работу этих людей? Она была технической, но она была и революционной. Это является основной функцией Технического совета, но он же с высоты своего положения на фабрике может очень хорошо ощущать, как развиваются производственные отношения, может видеть значение дисциплины труда, значение организации труда; то, как воспринимают в различных цехах предприятия ошибочные действия администрации на том или ином участке.

Таким образом, Технический совет является экспериментальной лабораторией, в которой рабочий класс готовит себя для выполнения великих задач будущего — всестороннего управления страной. Он должен способствовать развитию всех рабочих, способных к творческому росту и вместе с профсоюзами предлагать им учиться на различных курсах, создаваемых сегодня; должен постоянно работать над повышением технического уровня рабочих, в то время как профсоюзы и революционные организации обязаны повышать их культурный и идеологический уровень.

Администратор является председателем Технического совета. Его решения на уровне предприятия или фабрики окончательны, но могут быть переданы на рассмотрение в высшую организацию. То

есть, если речь идёт о фабрике, Технический совет может (да и должен) сообщить директору объединённого предприятия, что такой-то администратор завода совершает такие-то и такие-то действия, которые идут вразрез с политикой министерства и наносят ущерб производству, рабочим и общему ходу дел на фабрике; если директор объединения не обратит внимания на это заявление, можно послать его ещё выше, соответствующему заместителю министра. Как видите, существует надёжная гарантия, что все заявления Технического совета будут рассмотрены лицами, ответственными за проблемы производства.

Таким образом, Технический совет имеет целью дополнять действия дипломированных техников и улучшать условия труда, опираясь на свой опыт и революционный энтузиазм. В особенности его задача будет состоять в изучении проблемы запасных частей, в рационализации процесса производства, повышении производительности труда; он также будет сотрудничать с профсоюзами в работе, направленной на улучшение дисциплины труда и повышение технической грамотности рабочих. Кроме того, сейчас его насущной задачей является разработка — совместно с ответственными лицами Министерства труда и соответствующих министерств — нормативов труда. Эти нормативы станут основой для расчёта заработной платы в социалистической системе, именно вокруг них формируется коллективный договор.

В производстве участвует ещё одна очень важная социальная группа, которая в силу особенностей политического развития страны закономерно отстала в своей идеологической эволюции. Речь идёт о техниках¹⁾. На Кубе техниками, как правило, были люди, вышедшие из мелкобуржуазной среды или высших слоев населения, чьи отцы имели деньги на их обучение здесь или за границей, как правило, в Соединённых Штатах; кроме того, они были воспитаны в духе почтения к североамериканской технике и преклонения перед ней. После завершения учебы такой техник чаще всего проходил курс на каком-нибудь американском предприятии и часто шёл работать также на американское предприятие. Таким образом, его идеологический горизонт замыкался на его практических занятиях. У него не было контактов с другим миром и для него отвратитель-

1) «Тесписо» по нашей терминологии соответствует «инженерно-техническому составу» (ИТР).

но всё то, что не является «свободной инициативой» и не даёт ему возможности тоже когда-нибудь разбогатеть. И хотя его сегодня эксплуатируют, хотя его старший товарищ, какой-нибудь инженер, которому уже 60 лет, продолжает прозябать в роли скромного служащего, как и раньше, несмотря на всё это, он лелеет надежду и поэтому не испытывает симпатии к обобществлению предприятий. Он привык работать по несколько часов в день, привык, чтобы его уважали, а может быть, и побаивались рабочие. И вдруг он увидел, как весь окружающий мир, очень стабильный, который он видел неизменно за все годы своего в нём существования; мир, где он жил в относительном удобстве и с иллюзорными возможностями осуществить большой скачок к богатству, неожиданно рухнул.

Кроме того, рабочие на фабриках вообще видят в технике союзника хозяина, безжалостного человека, который заставляет их больше работать, заставляет соглашаться с той или иной работой, определяет квалификацию рабочих; с основанием или без основания рабочие переносят свою ненависть к старым хозяевам и на инженеров. Инженер чувствует себя преследуемым и начинает искать то, что могло бы ориентировать его в этой обстановке, помочь ему преодолеть кризис; вот здесь, в этой ситуации и важна роль администратора. Администратор — именно тот человек, который должен оказать помощь инженерам и техникам, заботиться об их идеологическом уровне, показать им — на своём примере, в постоянных с ними беседах, что может сделать социализм, ясно изложить им правду о том, что при социализме техник имеет больше возможностей для своего развития, чем при капитализме; что, хотя можно найти один, два или пять примеров техников, разбогатевших при капитализме, сотни и тысячи других техников должны были для этого пройти через унижения и эксплуатацию. Нужно оказать ему доверие, приблизить его к революционному процессу. Техник не запятнан никаким первородным грехом, и нормы его поведения просто определяются воспитанием, которое он получил, общественным классом, из которого он вышел, обстановкой, в которой прошла вся его жизнь. Революционный администратор должен работать, добиваясь, чтобы его техники оставались в стране; чтобы в их сознании произошёл идеологический переворот, который позволил бы им не только просто работать, но работать с энтузиазмом для Революции, чтобы они слились с рабочим классом; классом, который в самом ближайшем будущем призван решать судьбы страны.

Всё это нужно делать, не упуская, однако, из виду, что нельзя позволять ни малейшего превышения техниками своих прав и функций; можно допускать все их идеологические сомнения и все выпады против существующего реального положения, но нельзя им разрешать, например, чтобы они в силу старого образа мышления плохо обращались с рабочими, отсутствовали на работе, отказывались отремонтировать какую-нибудь машину или работать с техниками из социалистических стран, которые прибыли в составе многих специализированных групп, присылаемых этими странами с целью помочь нам. Задача администратора — убеждать, но убеждать твёрдо, это является одной из самых деликатных сторон его повседневной работы.

Всё это — задача переходного периода; лицам, вышедшим из общественных классов, потерпевших поражение в ходе борьбы, должна быть оказана помощь на тот период времени, в течение которого они перестанут себя чувствовать чужими в новом обществе и войдут в него. В будущем новые техники выйдут из рядов рабочего класса и крестьянства, их слияние с Революцией будет полным и дух социалистического соревнования станет для них естественным делом.

Очень важно уже сегодня приложить максимальные усилия, чтобы рабочий класс шёл к овладению техникой, так же как он семимильными шагами идёт дорогами идеологического развития. Так быстрее смогут рабочие овладеть контролем над аппаратом производства, что является экономической основой новой системы.

Эта совокупность революционных органов — Технический совет, профсоюзы и администрация, возглавляемая главным администратором, — имеет ряд общих задач и отношений. Задачи их в основном уже уточнены; что касается отношений между ними, то следует настоятельно и четко объяснить, подчеркнуть, так, чтобы бросалось в глаза: *ответственность за выполнение планов правительства несёт администратор* и, следовательно, на него ложится полная ответственность за выполнение распоряжений правительства, направленных на выполнение плана.

Должна существовать широкая интеграция этих органов, следует устанавливать постоянные связи, которые позволят обмениваться мнениями в любой момент и советоваться по всем необходимым политическим и техническим аспектам данной проблемы с тем, чтобы администратор в последней инстанции и под свою пол-

ную ответственность принял решение. Именно это и позволит конкретному предприятию или объединению идти правильным путём.

Наряду с этими учреждёнными органами, обладающими, можно сказать, определённой институциональностью, существует ещё один, который имеет стратегическую важность, поскольку должен стать истинным выразителем чаяний и мнений рабочего класса, — производственная ассамблея-совещание.

Производственное совещание призвано охватить всех рабочих фабрики, это демократический орган, где трудящиеся свободно излагают свою точку зрения на ход производства и выполнение плана. Производственное совещание представляет собой как бы палату представителей, которая обсуждает свои собственные задачи и задачи всех служащих и рабочих.

Там должны господствовать как средство социалистического воспитания критика и самокритика. Они позволяют обменяться различными, иногда противоположными точками зрения, воспитывать администраторов в духе критического анализа их собственных задач перед всем коллективом предприятий, а последний — через действенный контроль за выполнением администрацией своих задач.

Критика и самокритика являются основой повседневной работы, но наиболее ярко они проявляются именно на производственном совещании, где обсуждаются все вопросы, связанные с производством, и где работа администратора будет подвергнута проверке и критике со стороны рабочих, которыми он руководит. В то же время необходимо ещё раз подчеркнуть, что обсуждения должны вестись с позиций логики и здравого смысла — не с позиций силы и не исходя из мелочных и частных интересов. Метод «указов», высочайших повелений — неэффективен. Точно так же, как представления о том, что администратор должен ублажать рабочих, потому что, если он не будет делать того, что они желают, он останется вне предприятия.

Из новых органов, созданных Революцией, самым молодым является ХУСЕИ¹, который основал в Ориенте товарищ Фидель Кастро; затем они были созданы повсюду, вплоть до провинции Матансас; их нет только в Гаване и провинции Пинар-дель-Рио. ХУСЕИ имеет две важные функции, одна из которых связана с проблемами производства на центральном уровне, а вторая — с координацией связей на местном уровне. ХУСЕИ в настоящее время осуществляет функции местной политической власти. В этом качестве он должен

знать всё, что происходит в данной местности, в зоне, о которой идёт речь, и даже в провинции. В этом случае отношения с центральным руководством не так важны.

В то же время ХУСЕИ выполняют функцию специального аппарата координации, наблюдения и контроля государства на местном и провинциальном уровне, и очень важно, чтобы эта функция тщательно выполнялась. Здесь отношения должны строго осуществляться в соответствии с установленными принципами с тем, чтобы не происходило трений, не было бы бесплодной работы, и чтобы функции ХУСЕИ не возрастали бы чрезмерно, порождая анархию руководства. Следует исходить из основной предпосылки, что администрация каждой отрасли производства является высшим органом власти в этой определённой отрасли. Конфликты между подразделениями различных министерств, конфликты любого характера, возникающие на уровне провинции или населённого пункта, ХУСЕИ должны решать в духе сотрудничества, призывая стороны к их обсуждению; ХУСЕИ не является исполнительным органом в сфере экономики и никогда не может посредством местной директивы исказить общенациональные установки, намеченные соответствующим министерством.

Необходимо установить это различие: например, конфликт между администраторами государственного предприятия, принадлежащего Министерству промышленности, и другого предприятия, принадлежащего Министерству транспорта, имеющий местный характер, можно разрешить на местном уровне, и ХУСЕИ, в котором представлены обе эти организации, может действовать в духе их примирения, пытаясь найти решения наиболее разумные, наиболее справедливые, приносящие максимальную пользу стране. Если же происходит конфликт между администратором какого-нибудь предприятия и служащим высшей иерархии соответствующего министерства — в этом случае ХУСЕИ должен воздержаться от вмешательства. Управленцы прежде всего должны помнить, что в административном порядке они подчиняются министерству, к которому относятся, это во-первых, и что отношения с ХУСЕИ являются в данном случае вторичными. Иначе говоря, недопустимо, чтобы заявление от рабочих и администратора на какого-либо служащего вышестоящей инстанции подавалось в провинциальный ХУСЕИ, в обход министерства, так как это было бы нарушением административного порядка.

Так же как и при отношениях с профсоюзами и Техническим советом, отношения между руководителями предприятий и ХУСЕИ провинций должны помочь объединению усилий, к которому мы все стремимся, и тому, чтобы сделать более эффективной работу администратора. Однако администратор никогда никоим образом не может отказаться от своих законных прав и основных обязанностей; следует сказать, что управление предприятием — это его ответственность и за всё, что происходит в процессе этого руководства, он должен отвечать перед соответствующим министерством. Исходя из этих предпосылок, ХУСЕИ, в который входят представители революционных организаций и местных административных органов, выполняет важную задачу: он призван координировать действия всех этих сил, сглаживать «шероховатости» и работать на общее благо, делая всё для полного использования производственных возможностей страны на местном уровне.

Каковы же главные задачи администратора? Можно сказать в данный период, что основной его задачей является выполнение и перевыполнение плана. Как администратор обеспечивает выполнение или перевыполнение плана? В основном двумя путями: за счёт роста объёма производства и повышения производительности труда. Производство, т.е. создание продукции, необходимой для достижения намеченных задач, и производительность, т.е. ускорение процесса производства таким образом, чтобы с меньшими или с теми же самыми затратами производить больше. Можно добиться необходимой производительности посредством различных факторов: координации административных и технических сил с производительными силами, с рабочими, глубокое усвоение основными массами рабочих мысли о важности выполнения плана и повышение рабочего своего технического уровня, начиная с самого низкого.

Важную роль в данный момент играет то, что идеологические сдвиги в сознании масс, их желание сделать больше и лучше кристаллизуются в развитии соревнования. Соревнование — одна из опор ускоренного развития страны, переживающей период революции, и его условия должны досконально изучаться и обсуждаться на всех предприятиях для того, чтобы общее усилие привело к высоким показателям кубинского производства.

Всё это должно делаться без ущерба для качества продукции. Напротив, качество должно быть составной частью оценки приложенных усилий. Если сегодня некоторые продукты изменили вид

или вкус, в будущем мы найдём соответствующий рецепт и необходимое для этого сырье. Мы всегда должны двигаться вперёд, учитывая важность качества продукции для повышения благосостояния населения, и не жертвовать качеством в угоду росту количества продукции.

Для всего этого нужно выполнить одну из наиболее важных и плодотворных задач, которая должна решаться в тесном сотрудничестве директорами предприятий, членами Технического совета, профсоюзами, революционными организациями, а также ХУСЕИ: эта задача — формирование кадров. Формирование кадров — это основа, которая обеспечит нам будущий успех предприятий, объединений и страны в целом. Тот, кто сегодня сумеет пожертвовать кое-какой продукцией, несколькими рабочими часами, с лихвой выиграет — за счёт повышения производительности труда в будущем — то, что теряет сегодня. И о таком рабочем (или служащем) можно сказать, что он прекрасно понял процесс социалистического производства на предприятии или в государственном учреждении. Подготовка кадров является одной из важнейших задач, которые стоят перед нами в настоящий момент — в то время, когда мы готовимся создать необходимые условия для того, чтобы в ближайшие годы на производство пришло много новых способных техников. Для этого мы совместно с социалистическими странами разработали подробный план, который уже начал выполняться.

Хотя человеческая личность, представляя собой целостность, не может быть разделена на четко очерченные «клеточки», содержащие то или иное достоинство, оцениваемые — в отдельности, — а затем суммированные простым арифметическим сложением, можно попытаться представить облик образцового директора предприятия или фабрики объединения или предприятия. Это человек, который умеет сочетать в своей деятельности заинтересованность в развитии рабочего класса и страны в целом — и заботу о конкретном успехе своего предприятия; который координирует свои действия со всеми революционными организациями — и обладает решимостью и авторитетом, необходимыми для решения возникающих проблем под свою ответственность; который умеет взглянуть на проблему с высоты, позволяющей охватить процесс производства в целом — и в то же время поддерживать непосредственный личный контакт с массой. Его руководство базируется на объективном факторе — знаниях и в то же время на личном примере, которым он увлекает за со-

бой других; он знает теорию планирования, её проблемы — и технологию производства на своём предприятии; обладая интеллектуальным уровнем выше среднего и продолжая непрерывно учиться, — он в то же время ощущает себя частью рабочего коллектива и постоянно обращается к его опыту. Это человек, способный полностью забыть о личном интересе, ставящий выполнение законов и революционного долга выше личной дружбы, умеющий оценивать людей, основываясь на фактах — взятых в их совокупности, а не исходя из видимости — и слов. Он соединяет строжайшую дисциплину управленца с революционной отвагой и инициативой; содействует техническому и политическому развитию рабочего класса, предоставляя трудящимся широкие возможности для учебы. Это руководитель, который окончательно проникся той идеей, что великие научные истины революционного движения должны дополняться постоянной и целенаправленной работой — всегда учитывающей реальность и использующей оружие теории для изменения этой реальности.¹⁾

Теория и практика, решимость и дискуссия, управление и организация, анализ и синтез — таковы диалектические противопоставления, которыми должен владеть революционный администратор.

«Трабахо» («Труд»), вторая половина июля 1961 г.

1) ... «Y trabajando sobre ella con el arma de teoria.»...

Выступление на пятой пленарной сессии Межамериканского экономического и социального Совета (CIES)

в Пунта-дель-Эсте 16 августа 1961 года

Господин председатель:

Куба вынуждена воздержаться от общего голосования по Документу — и постарается объяснить причины принятого решения.

Господин председатель, в своей речи на открытии пленарных заседаний наша делегация предупредила об опасностях, таящихся в программе «Союза ради прогресса», которую она рассматривает как исходный пункт маневра, направленного на изоляцию Кубинской революции.

В то же время делегация Кубы заявила о своей готовности работать сообща, принять участие в обсуждении, попытаться — в соответствии с основополагающими принципами нашей Революции — скоординировать со всеми странами совместные действия с тем, чтобы принятые документы выражали не только существующую реальность, но и общие стремления всех наших народов.

К сожалению, как понимает кубинская делегация, её позиция не могла быть полностью воспринята. Куба, господин Председатель, внесла 29 проектов резолюции, в которых речь шла о многих фундаментальных проблемах, отягощающих, по мнению нашей страны, жизнь Америки, уродующих её развитие, и делающих его зависимым от действий иностранных монополий.

Куба указала на противоречие между помпезностью общих деклараций и незначительностью реальных целей, упомянутых в документе. Здесь упоминался «вызов судьбе», говорилось о «союзе, способном обеспечить благосостояние всем жителям Америки», использовались слова в высшей степени высокопарные.

Однако, когда настало время уточнить, что же конкретно принесёт «десятилетие демократического прогресса», выяснилось, что при предполагаемом чистом годовом приросте в 2,5% на душу населения мы только через сто лет придём к нынешнему уровню жизни в Соединённых Штатах — уровню, бесспорно высокому, но не столь уж

недостижимому, и цели, не столь уж вдохновляющей. И ещё одно (не претендуя при этом на строгую научность расчёта): если сохранятся нынешние пропорции развития различных групп стран, ста слаборазвитым странам потребовалось бы 500 лет, чтобы сравняться в доходах на душу населения со странами развитыми. Мы считаем, что если положение дел в Америке таково, каким оно является — и зачем-то мы ведь собрались на эту экономическую конференцию, мы не можем говорить о таких величественных целях — и ставить перед собой такие незначительные практические задачи.

Цели, поставленные в сферах образования и здравоохранения также оказались весьма скромными, порой — более скромными, чем предложенные несколько лет назад международными организациями, включая ЮНЕСКО. Речь идёт о рубежах, уже достигнутых нашей страной, — или о целях, которые будут в полном объёме реализованы на Кубе менее чем за пять лет.

В плане обеспечения жильём конкретные цели вообще не определены. Также мы не найдём качественной дефиниции того, что понимается под «индустриальным развитием».

Кроме того, нечётко определены цели, связанные с аграрной политикой, на одну доску ставятся проблемы латифундий и минифундий, ни в одном пункте документа не упоминается о роли иностранных латифундий, которые порождают хаос в экономике многих стран Америки.

Куба разъяснила, что если бы многие из целей, о которых идёт речь (и которые в более или менее схожей форме были заявлены во многих первоначальных документах, представленных на наше рассмотрение), были бы сохранены, и если бы вместе с тем была сохранена система прямых иностранных частных инвестиций, было бы невозможно выстроить цельную основу, необходимую для того, чтобы обеспечить народам Америки реальное право на создание здоровой экономики, которая обеспечила бы высокие темпы роста.

Кроме того, в ходе Конференции делегация Кубы неоднократно задавала вопросы, о том, каким видится механизм распределения ресурсов так называемого «Союза ради прогресса» — и может ли Куба рассчитывать на эти ресурсы. Ни на один из этих двух вопросов ответ получен не был.

По поводу экономической интеграции в Латинской Америке Куба, отметив, что интеграция не является ни панацеей, ни альтернативой коренным социально-экономическим реформам, постави-

да вместе с тем вопрос о том, охватывает ли предлагаемая интеграция страны с различными формами экономической и социальной организации. При условии уважения её социально-экономических особенностей Куба выражает готовность присоединиться к экономической интеграции Латинской Америки.

Кроме того, Куба указала, что предварительным условием подлинной интеграции должен быть полный суверенитет, осуществляемый интегрируемыми странами на всей их территории, конкретно упомянув в этой связи базу в Гуантанамо (на территории Кубы) и зону Панамского канала.

Кроме того, был сделан ещё ряд запросов, некоторые из которых в той или иной форме (иногда — весьма приглаженной по сравнению с их первоначальным звучанием) были включены в заключительные документы нашего заседания. Но некоторые другие, например, об обеспечении гарантий для морских и воздушных судов, даже не были рассмотрены.

В связи с проблемой экспорта нашего сырья было указано на нестабильность цен и товарных рынков, была обличена экономическая агрессия и высказано пожелание осудить и прекратить её и указано на необходимость разнообразить экспорт из латиноамериканских стран, увеличивая глубину переработки экспортируемого сырья, включая всё новые товары в список экспортируемых и открывая новые рынки. При этом было прямо сказано о рынке социалистического мира, рост производства в котором составляет сейчас порядка 10% в год.

Куба подвергла критике предоставление субсидий и демпинг, используемые при экспорте продукции индустриальных стран, и отметила тот риск, которым чревато накопление этими странами излишков сельскохозяйственного производства и стратегических резервов полезных ископаемых для мирового сырьевого рынка. Предложения и предостережения, высказанные Кубой, нашли отклик у представителей некоторых стран. Куба, в свою очередь, откликнулась на соображения, высказанные представителями других стран, поскольку, естественно, многие из этих проблем являются общими для всех наших слаборазвитых стран. Тем не менее в заключительном документе глубинный смысл наших идей оказался практически до такой степени выхолощенным, что они прозвучали совершенно беспредметно и безобидно. Один пример. Делегация Кубы поставила вопрос об отмене ограничений на импорт и о прекращении суб-

сидий своим внутренним производителям со стороны индустриальных стран. Окончательный же документ выразил это требование в следующей форме: «сократить вплоть до полной отмены, если это представится возможным, указанные ограничения».

Подобное происходило во многих случаях. Конкретные целенаправленные предложения превращаются в туманные декларации с использованием выражений типа: «если это представится возможным», «в рамках устава», «когда условия это позволят», «если это потребуется», «если это позволят», и так далее: так, чтобы возможность обойти решения и рекомендации возникала с самого начала...

По данным FAO¹⁾, Соединённые Штаты выделили на поддержание цен на свою сельскохозяйственную продукцию в 1955 году — и этими цифрами мы располагаем — 2.525 миллионов долларов. Это гораздо больше, чем то, что до сих пор выделялось ежегодно странам «Союза».

Настоящий документ даже не предлагает эффективной гарантии против дальнейшей экспансии субсидированного внутреннего производства США.

Мы могли бы ещё долго перечислять конструктивные предложения, внесённые Кубой в её стремлении выработать эффективные резолюции, которые не нарушали бы суверенитета ни одной страны, даже такой мощной, как та, что в силу своего индустриального развития находится в особых условиях по сравнению со всеми остальными; резолюции, которые обеспечили бы чёткие гарантии малым и слаборазвитым странам и породили бы в них уверенность в том, что та самая новая эра, о которой здесь столько было сказано, действительно может начаться.

Вчера была представлена декларация, над которой мы работали. Куба воздержалась при голосовании за её принятие, так как усмотрела в ней некоторые спорные моменты: одни по сути, другие — по форме, как это уже случалось в ходе заседаний.

Главный момент заключается в том, что Соединённые Штаты так и не ответили на вопрос Кубы. И их молчание было равносильно отрицательному ответу. Куба не будет участвовать в «Союзе ради прогресса». Как же можно поддерживать такой союз, в котором предполагаемый «союзник» участвовать не будет? Кроме того, ничего не

1) FAO (Food and Agricultural Organisation) — продовольственная и сельскохозяйственная организация при ООН.

говорится о коренном источнике наших бед — иностранных монополиях, которые уродуют нашу экономику и привязывают нашу международную политику к внешнему диктату.

Не осуждается экономическая агрессия, а именно это осуждение представляет собой одну из важнейших целей, которые ставит перед собой Куба, на собственной шкуре прочувствовавшая звериную хватку агрессора.

Документ настаивает на том, что проблемы Америки необходимо решать проведением монетаристской политики — в том смысле, что сдвиги именно в этой сфере могут изменить экономическую структуру наших стран. Мы же считаем, что только коренное изменение всей экономической структуры страны, изменение отношений производства является тем, что может реально обеспечить условия, делающие прогресс возможным.

И настаивается также на свободном предпринимательстве, которое, как всем известно, Кубой было осуждено в философском плане — подобно осуждению эксплуатации человека человеком, а в практическом — исчезло почти на всей нашей территории и не участвует в новом процессе развития.

По всем этим причинам Куба не может подписать документ, сеньоры делегаты.

Однако должен вас заверить в том, что была проведена конструктивная работа, а также в том, что Куба на протяжении этой конференции не чувствовала себя одинокой. Правда, на многие заседания Куба не была приглашена и мы не можем судить о том, что там обсуждалось. Но мы знаем, что на многих из них основной темой была именно Куба. Мы знаем также, что в этих заседаниях участвовали либо наши друзья, либо люди, абсолютно преданные своим идеалам и своим взглядам, которые заняли дружественную позицию в отношении Кубы.

Итак, к окончанию конференции мы смогли прийти в атмосфере определённой гармонии и, думаю, мы сумели показать, что в каждый момент нашим стремлением было сотрудничать в развитии системы межамериканских отношений на основе подлинной независимости и дружбы между народами, а не на основе подчинения всех руководству кого-то одного.

Мы считаем, что Куба, несмотря на отказ нашей делегации подписать документ, может испытывать определённое удовлетворение результатами нашей работы. Главным образом потому, что от-

крылись новые перспективы для Америки. Мы считаем, что в одном из параграфов заключительного документа прямо признаётся, что наряду со странами, базирующимися на частном предпринимательстве, в американском сообществе имеют право на существование и страны с иным общественным строем. Иными словами, признаётся, что среди американских стран есть страна со своими специфическими особенностями, которые отличают её от остальных, но которые тем не менее не мешают ей быть частью целого, на что прямо указывается в констатирующем разделе документа.

Таким образом, по нашему мнению, было заложено первое звено подлинного мирного сосуществования в Америке, сделан первый шаг к тому, чтобы и те правительства, которые решительно настроены против нашего правительства и нашей системы, признали по крайней мере необратимость Кубинской революции и её право быть признанной в качестве независимого государства со всеми её особенностями, вне зависимости от того, нравится ли кому-то существующий на ней режим или нет.

Правительство Соединённых Штатов проголосовало за все пункты данной Хартии. Мы считаем поэтому, что и оно сделало шаг вперёд, признавая право на существование режима, философия которого не приемлет принципа свободного предпринимательства в этой части Америки. Мы рассматриваем этот шаг как весьма позитивный.

Мы всегда были готовы решать наши споры с правительством Соединённых Штатов путём переговоров. В последние годы трудности в отношениях между нашими странами были предметом многих дискуссий, и даже нескольких конференций в этой части мира. Мы ещё раз повторяем — мы готовы встретиться где угодно, с единственным условием: отказом от всяких предварительных условий.

Наше правительство ещё раз подтверждает постоянство своей позиции по этому вопросу. Мы не выключаем никакого сближения, не просим ни о каком перемирии, но чётко и ясно перед лицом всех дружественных народов заявляем о своей готовности жить в дружбе со всеми народами континента, которые этого желают.

Тем не менее мы усматриваем некую опасность, буквально витающую в воздухе. Мы отступили бы от традиции Кубинской революции, — прямо говорить о том, что думаем, если бы не сказали, что нам — как и всем здесь собравшимся — известно, что данная конференция в какой-то форме связана с совещанием министров

иностранных дел полушария, обсуждающим «дело Кубы». Очевидно, что многочисленные связанные с этим поездки направлены на то, чтобы заручиться голосами одобрения¹⁾. Тем не менее мы констатируем определённый прогресс: несколько лет назад²⁾ министры иностранных дел были собраны для того, чтобы осудить Гватемалу, и лишь после этого им была обещана конференция по экономическим проблемам. Примерно то же самое произошло в Коста-Рике. Сегодня же вначале созывается конференция по экономике, а уже после неё — встреча министров иностранных дел. В этом мы усматриваем положительный, конструктивный шаг, и хотелось бы надеяться, что встреча министров вообще не состоится, что сделало бы прогресс ещё более масштабным. Сейчас перед основополагающим выбором эпохи поставлены все народы мира, и важность его проецируется и на Латинскую Америку.

Многие делегаты, а может быть и все, задают себе вопрос: «Что будет, если «Союз ради прогресса» провалится?» Это вопрос крайней важности. Соединённые Штаты оказались чувствительными к давлению со стороны народов. Они поняли, что ситуация в Америке, как и во всём мире, настолько напряжена и может так глубоко затронуть устои империалистической системы, что решили искать какой-то выход из создавшегося положения.

«Союз ради прогресса» — это попытка найти решение в рамках экономического империализма. Мы считаем, что в таких условиях «Союз ради прогресса» провалится. Я не хочу никого обидеть, но позволю себе усомниться в том, что в ближайшие годы мы действительно будем располагать двадцатью миллиардами долларов.

Административные процедуры, волокита в большой северной стране таковы, что угроза регламентации иногда нависает (как это происходит сейчас) над суммами кредитов порядка 5 миллионов долларов. Если под угрозой находятся кредиты столь малых размеров, то можно только вообразить, что произойдёт с суммами на три порядка бóльшими.

Совершенно ясно — об этом сказано открыто — что эти займы пойдут главным образом на развитие свободного предпринимательства. И поскольку империалистические монополии, расположивши-

-
- 1) Речь идет о «выламывании рук» правительством Латинской Америки, дабы навязать им разрыв дипломатических отношений с Кубой.
 - 2) В 1954 г., накануне интервенции против Гватемалы.

еся почти во всех странах Америки, не были — ни в малейшей мере — осуждены в документах Совета, логично предположить, что и выделяемые кредиты будут обслуживать эти же, окопавшиеся в наших странах монополии. Несомненно, это приведёт к некоторому подъёму в сфере промышленности и деловой активности в целом, к большей прибыли предприятий [монополий]. При существующем почти во всех странах Америки режиме свободного обмена валюты всё это будет означать и рост вывоза капитала в Соединённые Штаты. Таким образом, «Союз ради прогресса» в конечном счёте превратился бы в финансирование латиноамериканскими странами иностранных монополистических предприятий.

Кроме того, поскольку ни в одной части документа не содержится решений относительно таких основополагающих вопросов, как поддержание цен на сырьё, запрет снижения этих цен и т.д., — с очень большой долей вероятности можно предположить, что и в будущем сохранится нынешняя тенденция и что цены на сырьё в Америке будут всё более снижаться.

В этом случае можно предположить, что во всех странах Америки будет расти дефицит платёжного баланса. Это — в сочетании с ростом экспорта капитала монополиями — и будет означать отсутствие развития. То есть нечто противоположное тому, что выступает как объявленная цель «Союза ради прогресса».

Отставание в развитии приведёт к росту безработицы. Безработица означает понижение зарплаты, вступает в действие всем известный механизм инфляции: доходная часть бюджета, не пополняемая за счёт экономического роста, подпитывается эмиссией. В подобных случаях почти во всех странах Америки решающую роль начинает играть Международный валютный фонд.

Именно в этот момент перед странами со всей четкостью станет вопрос о подлинном выборе пути; путей этих всего лишь два — либо столкнуться с народным недовольством со всеми вытекающими последствиями, либо начать процесс освобождения внешней торговли, основополагающий для экономики наших стран: развивая независимую экономическую политику, стимулируя развитие всех внутренних сил и ресурсов страны. Всё это, естественно, в рамках независимой внешней политики наших стран, которая одна только и обеспечит развитие торговли со странами других регионов мира.

Конечно, не все страны могут добиться этой цели: для этого требуются специфические условия, и прежде всего необходимо боль-

шое мужество. При той системе, в которой они живут, руководители этих стран должны будут осуществить крутой поворот в своей экономической и внешней политике и немедленно вступить в конфликт с иностранными монополиями. Народные массы поддержат те правительства, которые пойдут на этот конфликт, защищая уровень жизни своих граждан; но массы, поддерживая позиции своих правительств, предъявляют им свои требования.

И тогда правительства оказываются перед лицом двойной угрозы и нелегкого выбора. С одной стороны, давление империалистических монополий, а с другой — напор народных масс, требующих новых шагов. Чтобы действительно избрать новый путь, надо разрушить все старые структуры, встать на сторону масс и начать подлинную революцию. Но сейчас речь идёт не о революциях, но о том пути, который выберут нынешние правительства и который не выльется непосредственно в процессы, носящие революционный характер.

Руководители стран, столкнувшиеся с этой альтернативой, должны знать, что если у них достанет мужества, чтобы взяться за решение этой проблемы, если они готовы удовлетворить хотя бы часть чаяний народных масс и не капитулировать перед иностранными монополиями, они смогут какое-то время продолжать двигаться вперёд.

К большому нашему сожалению, исторический опыт показывает, что в этой ситуации столкновения альтернатив страх правителей перед лицом давления масс толкает их к союзу с монополиями и с импортирующим сектором национальной буржуазии. И начинается этап репрессий.

Для успеха же первого из рассмотренных вариантов необходимым является само наличие сильной, наступающей национальной буржуазии, желающей преодолеть сковывающие её развитие препятствия и уверенной в своих идеалах. И, во-вторых, соответствующая позиция армии, её способность понять происходящее сегодня в Америке и во всём мире. Случится ли это или нет — это не тот вопрос, на который мы можем сегодня ответить.

Иной путь — это рост народного недовольства. В этих условиях оно может разрастись до таких размеров, что снова создаётся историческая ситуация развилка путей. Либо после всенародных выборов прежнее правительство должно будет передать власть новому, в котором прямо будут участвовать массы, либо в стране созда-

стся ситуация гражданской войны. Если формируется правительство с участием народных масс, опять-таки нарастает острейшее противоречие между народом, который стремится всё дальше идти вперёд по пути удовлетворения своих требований, — и национальной армией, которая защищает другие общественные слои и при этом пока имеет в руках оружие. Эта ситуация чревата другой гражданской войной.

Если правителям удастся ликвидировать движение масс и сохранить жесткое руководство государственным аппаратом, над ними постоянно будет нависать опасность внутренних войн, за которые — и мы это официально заявляем — Куба не будет нести никакой ответственности. Эти войны начнутся в самых недоступных районах, будут постепенно охватывать сельскую местность, подступят к стенам городов, и в один прекрасный день приведут к завоеванию политической власти народными массами.

Это и есть, господин председатель и господа делегаты, то послание, которое мы сочли своим долгом изложить перед всеми вами, сказав о том, как реально видится нам «Союз ради Прогресса», в чём мы видим опасности, кроющиеся в этой программе, каким мы видим будущее народов, если все международные встречи, подобные этой, по-прежнему будут оставаться не более чем состязанием в красноречии.

По всем этим причинам и относясь с симпатией к большой части благих намерений, выраженных в этой «Хартии Пунта дель Эсте», Куба не может, к сожалению, подписать её в данный момент. Она вновь подтверждает своё желание крепить дружбу со всеми народами континента. Она готова обсуждать любые двусторонние проблемы с любой страной Америки. Она благодарит всех делегатов за проявленный ими дух сотрудничества, с которым были выслушаны выступления Кубинской делегации, её слова, её предостережения и, может быть, несколько утомительные и неоднократные постоянные разъяснения своей позиции.

Большое спасибо.

Речь при вручении премий рабочим-передовикам Министерства промышленности¹⁾

30 апреля 1962 года

Товарищи трудящиеся всех отраслей нашей промышленности, товарищи трудящиеся из хора СТС, чьи великолепные выступления показали нам рост культурного уровня нашего народа, товарищи!

Хотел бы сказать вам, что выступать перед этим собранием — волнующий для меня момент. Мы стали очевидцами многих свидетельств освобождения рабочего класса, многих свидетельств любви к своей работе, к своей родине и к своему классу. И в каждый момент, остающийся позади, мы видим, что для истинного революционера, осознающего свой долг и в то же время жаждущего достичь победы как можно быстрее, нет другого выхода, нет другого способа истолковывать события, нет другого способа действовать, нет иной дороги, чем полностью, неограниченно опираться на рабочий класс, держаться его линии, улавливать его мысли и эмоции. И пытаясь, по крайней мере временами, хотя бы чуть лучше истолковать действительность, чтобы иметь возможность хотя бы на малую толику изменить её или указать пути её изменения.

Но тот, кто день за днём творит своим трудом и каждодневной борьбой историю, кто превращает историю в реальность её великих моментов, — это класс трудящихся. Это рабочие, это крестьяне, это вы, товарищи, создатели этой Революции, создатели и опора всего лучшего в ней; и именно вам, всему трудовому народу — моё самое взволнованное и самое пламенное приветствие. (*Аплодисменты*).

Я хотел бы перед вами выразить сожаление в связи с упущением, из-за которого другие производственники, другие министерства, руководящие жизненно важными для страны предприятиями, не смогли присутствовать здесь, чтобы были вручены награды работникам других отраслей, которые так же хорошо, так же блестяще, как и товарищи, награждённые Министерством промышленно-

1) В некоторых изданиях материал фигурирует под названием «В честь (En homenaĵe) победителей соревнования».

сти, сумели защищать Революцию в своих окопах, производя с каждым разом всё лучшую продукцию.

Но по крайней мере я исполню свой долг по отношению к трудящимся сельскохозяйственного сектора нашей самой мощной отрасли промышленности, которая в ближайшие годы должна стать основой нашего развития; к сельским труженикам, снабжающим сырьём сахарную промышленность, к рубщикам тростника. Я хотел бы привести вам в качестве примера товарищей Рейнальдо Кастро Йедра и Хосе Мартина Алайона. (*Аплодисменты*). Хотел бы сказать вам, что товарищ Хосе Мартин Алайон из кооператива по рубке тростника «Хосуэ Паис» в Матансасе за 56 дней работы срубил 31,812 арроб, то есть по 568 арроб ежедневно (*аплодисменты*); а товарищ Рейнальдо Кастро Йедра из кооператива по рубке тростника «Энрике Нода» в Агруппасьон Мангито в Матансасе за 71 рабочий день срубил 54,224 арробы, и его средний уровень за эти дни — 749 арробы ежедневно. (*Аплодисменты*).

Тем не менее я хотел бы сказать — ведь не случайно эти товарищи находятся здесь, — что эти показатели отнюдь не средние национальные показатели наших рубщиков. Хочу сказать вам, товарищи, что в этом году сафра не стала нашим успехом, по-прежнему нужно многое сделать и очень за многое побороться; что остаётся в силе то, о чём мы уже раньше предупреждали, а Камагуэй по-прежнему остаётся «самым медлительным партизаном в отряде»¹⁾, как мы сказали месяц назад. Усилия по рубке тростника надо увеличить. Но чтобы лучше понять, куда мы идём, хочу сказать, что это одна из важнейших составляющих труда и развития рабочих. Этим товарищам рубщикам-передовикам я не сказал бы, что они сделали из производства культ, а скорее, что они достигли высокого уровня развития своего политического сознания. Производство на таком фантастическом уровне означает высокое политическое развитие.

Мы должны стремиться к тому, чтобы все наши рабочие в каждый рабочий день вкладывали всё, о чём их можно попросить, и даже немного больше, для того, чтобы в трудный час рабочий класс показал, на что он способен и был бы опорой нашей Революции.

Но так или иначе, вы видите здесь двух людей, которые за определённый промежуток времени срубили тростника больше всех

1) Отсылка к классической формуле о том, чем измеряется скорость движения отряда...

на Кубе. Я хотел бы сказать, например, что они срубили в три, четыре раза больше, чем средний рубщик тростника. Однако любая машина для рубки тростника, даже те самые «cobarditas»¹⁾, которые мы сейчас начинаем использовать, может срубить десять тысяч арроб за восемь часов работы. (*Аплудисменты*). И это ещё одна сторона, ещё одна фаза строительства социализма.

Можно сказать, что определение социализма очень простое, он определяется производительностью, которую даёт механизация, правильным использованием техники на службе общества, возрастанием производительности и сознательности, которая возникает, когда рабочие отдают всё, что имеют, на благо общества. Производительность, то есть большее производство, больше сознательности,— это и есть социализм. И сегодня наша задача в том и состоит, чтобы строить социализм, день за днём увеличивать производительность и повышать сознательность.

Можно было бы привести много примеров. Я не хотел бы затягивать свое выступление, но разрешите мне прочитать письмо, которое мне прислал товарищ Нестор Диаго (*аплудисменты*); это товарищ, который находится рядом с Фиделем.

«Товарищи! В последние дни для меня стало сюрпризом, что на собрании товарищ управляющий моего завода («Объединённое предприятие по производству ликеров и вин — Производственное объединение Н-1», улица Алехандро Рамиреса, владение 66 в Серро) рекомендовал меня как лучшего рабочего года из-за моих успехов в производстве. Это стало для меня большой радостью.

Несколько дней спустя я получил телеграмму из Института Городской Реформы, в которой меня приглашали на встречу с товарищем Даниэлем Васкесом, насколько я понял — на процедуру по передаче мне дома, предоставленного в качестве премии в связи с этим выбором. Я не смог принять участие в этом мероприятии, поскольку был занят на добровольных работах, а два или три дня спустя я объяснил этому товарищу, что на данный момент у меня нет необходимости в новом доме, но я хотел бы немного отремонтировать тот дом, что у меня уже есть. Кроме того, как «ответственный за персонал» в моём департаменте, я знал о нескольких случаях, когда мои товарищи острейшим образом нуждаются в жилье. И я хотел бы, чтобы сначала были решены их проблемы (*аплудисменты*), а уже

1) «Трусихи»; наиболее медлительные из используемых агрегатов.

когда жилье будет у всех, тогда подумать — если это будет возможно в соответствии с линией нашего революционного правительства — об улучшении моих жилищных условий. И ещё я думаю и мне бы больше хотелось, чтобы моя премия состояла бы в получении значка или эмблемы, которую мои товарищи воспринимали бы как стимул — для них — работать с каждым днём больше и лучше, экономя, планируя, увеличивая ритм производства и с каждым днём всё больше чувствуя себя хозяевами на своём рабочем месте.

На данный момент это всё. Я высоко ценю ваше внимание, я никогда не думал, что меня наградят за мою работу, так как такое отношение к ней всегда было для меня нормальным, а тем более сейчас, когда мы стали хозяевами нашей судьбы. Я только хотел бы, чтобы весь рабочий класс работал бескорыстно, как это делаю я, без какого-либо выпячивания своей персоны.

С революционным приветом, Нестор Диаго Гой». (*Аплодисменты*).

Товарищи! Я думаю, нет необходимости объяснять, почему мы проводим это мероприятие и почему оно проходит накануне Международного дня трудящихся. Не существует более славной даты, с таким энтузиазмом воспринятой рабочими всего мира даже в наилучших условиях империалистического господства, чем Первое мая.

Проводя это собрание, мы стремились, товарищи, не больше и не меньше, к тому чтобы полностью воздать должное труду и подчеркнуть, что производительный труд на благо общества является основополагающей задачей, достойной самой высокой похвалы, наряду с двумя другими крупными революционными задачами сегодняшнего дня, которые объединяются между собой и дополняют друг друга, — защитой завоёванной власти и учебной, подготовкой к выполнению новых задач, которые поставит будущее.

Из месяца в месяц мы знакомились с товарищами, которые приезжали к нам, иногда, когда позволяли обстоятельства, из отдалённых районов страны. Мы разговаривали с ними, задавали вопросы и вкратце обсуждали задачи текущего момента.

В последние месяцы, встревоженные создавшейся ситуацией, которую мы не могли правильно определить, мы постоянно спрашивали награждённых товарищей, сколько из них являются членами «Активных революционных ячеек»¹⁾, и всегда получали ответ, что

1) Первичные организации создававшейся «полуподпольной» ОРО.

очень мало: десять процентов, двадцать, может быть. И мы всё время спрашивали себя, почему «ячейки» не пополняются большинством награждённых товарищей; не скажу, что всеми, потому что быть «рабочим месяца» не всегда и не во всех случаях означает быть примером революционной морали, примером революционера. Есть люди, которые просто не питают слишком теплых чувств к Революции или считают, что их долг состоит в том, чтобы работать за зарплату, и они не хотят, скажем, заниматься политикой. Иначе говоря, не все награждённые рабочие станут членами ячеек.

И всё же на протяжении нескольких месяцев мы задавались вопросом, почему не используются способности тех, кто выступают передовиками производства на своих рабочих местах, на одном из самых трудных участков, каковым и являются все предприятия. Это был авангард Революции, выполнявший завет Ленина: «Каждый революционер должен быть лучшим в любом порученном ему деле». И награждённые рабочие выполняли завет Ленина, будучи лучшими из всех на своих рабочих местах.

Именно здесь находится та сила, из которой могут возникнуть активные ячейки, которые снизу будут постоянно двигать вперёд нашу Революцию. Потому что «ячейка активных революционеров» — это не что иное, как зародыш, из которого возникнет Объединённая Партия Социалистической Революции (*аплодисменты*). Партия, которая необходима потому, что это — авангард авангарда, лучшая часть рабочего класса, который является лучшей частью народа.

Поэтому мы искали ответ, иногда не сознавая точно, что происходило, и хотели, чтобы лучшая часть рабочего класса вошла в эти революционные ячейки, из которых вышла бы наша Объединённая Партия Революции.

И, наконец, мы поняли, какой огромный груз субъективности присутствовал в создании этих ячеек¹⁾, в какой сектантской и догматической форме они были созданы, как велик разрыв между «революционными ячейками» и массой трудящихся. Мы вновь и вновь настаиваем именно на таком объяснении, потому что это важно, потому что оно многое объяснило нам. Этот недостаток контакта между тем, что должно было стать стеновым хребтом Революции, и народ-

1) Варианты перевода: «насколько субъективистски протекал процесс образования»; «какой печатью субъективизма был отмечен процесс образования».

ными массами делал бесполезными директивы, приходившие из министерств, от политического руководства. Он же сделал нас глухими к голосу масс, потому что между народом и центральным руководством был недостаток связи, а это привело к тому, что массы и руководство, которые всегда шли бок о бок, уже не находили взаимопонимания. Казалось, что мы говорим на двух разных языках.

Когда мы поняли, что происходит, когда мы отдали себе в этом отчёт, и, возможно, раньше всех это сделал товарищ Фидель Кастро (*аплудисменты*), который как никто другой улавливает помыслы народа, его чаяния и стремления, тогда, товарищи, мы поставили себе задачу исправить то, что было несколько искажено. Мы решили изменить наш стиль работы, войти в прямой контакт с массами и везде, где это возможно, узнавать у трудящихся их мнения, предложения, настроения, выслушивать их руководящий голос, потому что именно народу принадлежит власть в нашей стране, именно народ делает историю.

Так что сегодня мы решаем задачу исправления ошибок. Но разве, товарищи, эти ошибки проявляются только в том, что при формировании партии возникли бюрократические ячейки, в которых имеет место что-то вроде формального разделения между массами и руководителями? Нет, нанесённый вред был намного глубже, потому что субъективизм, применяемый последовательно ко всем явлениям экономической жизни, привёл к тому, что массы, представляющие подлинные силы нашего народа, пришли в смятение, запутались. Мы не сумели сделать необходимые прогнозы и свалились в небольшую «яму», будучи вынужденными нормировать значительную часть основных продуктов питания.

Очевидно, что продовольствие нормируется только потому, что у нас не работает ни полностью, ни частично главный «защитный механизм» капиталистических режимов — цена. Потому что в нашей стране мы защищаем низкую цену товаров от любого давления для того, чтобы распределение было как можно более равномерным. Эта задача — распределение богатств страны — самая трудная, самая обременительная. И именно её решением мы занимаемся сегодня, чтобы справедливо распределить нашу бедность, чтобы не было у нас ни одного человека, у которого не было бы еды, одежды, возможности получать образование и медицинскую помощь, но также чтобы не было ни одного человека, который получал бы это в излишке. Это также задача всего народа и национальная задача, сто-

ящая во всех уголках страны. Иногда мы решаем её с бóльшим успехом, а иногда испытываем временные неудачи. Снабжение некоторыми продуктами мы смогли обеспечить лучше, а снабжение другими не смогли полностью наладить. Но сигнал тревоги уже прозвучал, мы сошли с неправильного пути и двинулись теперь по верному пути, по пути контакта с массами, то есть контакта с действительностью.

Сейчас необходимо распределить бедность и исправить ошибки, но прежде всего, товарищи — товарищи рабочие промышленных предприятий, и, в первую очередь, товарищи сельскохозяйственные рабочие, — лозунгом сегодняшнего дня должно стать: производить, производить и производить, каждый день с бóльшим энтузиазмом! (*Аплудисменты*). Рубить тростник, как вы, товарищи; сеять, как сеют другие передовики, работать на производстве, как работают наиболее выдающиеся товарищи каждого предприятия — вот таким должен быть сегодня наш лозунг.

Таким образом, что же мы предлагаем? Наша революция великодушно раздавала в первые годы, а сегодня она уже не может раздавать с таким великодушием. Она, быть может, была несколько расточительна по отношению к своим богатствам, но мы не жалеем об этом. Мы не можем жалеть о наших больницах и о наших школах; мы не можем жалеть о наших стипендиях и о том, что огромное количество крестьян во всех уголках страны действительно получает сейчас лекарства и медицинское обслуживание. Мы можем раскаиваться, может быть, в том, что построили какой-то слишком шикарный туристический центр, хотя по сути дела он также принадлежит рабочим. Мы можем жалеть, может быть, о деньгах, вложенных в не самую необходимую стройку. Однако в основном все деньги народа пошли на создание общественных благ для народа, материальных благ, которые не исчисляются в песо и сентаво на каждый день, но облегчают тяжесть семейного бюджета во всех уголках страны.

Сейчас мы должны разрешить один из самых трудных, самых конфликтных для всех нас вопросов, который капиталисты всегда используют, чтобы разделять рабочий класс: это — вопрос о шкале заработной платы. Нам пришлось ещё раз пересмотреть её, сделать так, чтобы наименее, скажем, «обеспеченные»; те, кто имел меньшие оклады и самые тяжёлые условия труда, чтобы они могли иметь хотя бы минимум жизненных благ. И для будущего, для новых ставок

заработной платы — не для теперешних — мы выдвигаем, и выдвигаем здесь и сейчас, наше требование, которое мы уже выдвинули несколько дней назад и выдвинем его перед всем народом Кубы, перед всеми национальными профсоюзами и перед всеми профсоюзными комитетами, везде, где работают трудящиеся. Это требование о полном регулировании заработной платы на Кубе, по крайней мере в промышленных отраслях Министерства промышленности, а в скором времени и в других отраслях производства.

В чём состоит смысл введения единой шкалы заработной платы? Сегодня это означает, что некоторые заработают немного больше и что никто не будет получать меньше. Вот наша генеральная линия сегодняшнего дня. Но мы уже не будем дифференцировать, товарищи, зарплату рабочих ни в соответствии с большей или меньшей доходностью отдельных фабрик, ни даже по большей или меньшей доходности отраслей производства. Рабочие будут теперь объединены в равные категории, таким образом, что механик будет механиком, работает ли он на Объединённом Машиностроительном Предприятии или на сигарной, деревообрабатывающей или какой-либо другой фабрике.

В будущем исчезнут различия в зарплате для товарищей, которые работают в той или другой отрасли, потому что мы исходим из того принципа, что вся совокупность промышленного производства — это общественное богатство. Это базовый фонд зарплаты рабочих, и они не должны чувствовать себя ни обделёнными, работая в малопродуктивной отрасли промышленности, ни привилегированными, работая в очень доходной её области. Просто сейчас все отрасли промышленности принадлежат народу, и средняя доходность, которой добиваются все предприятия, вместе взятые, станет определять уровень нашего развития и будет мерилем степени нашего продвижения вперёд, к будущему.

Таким образом, вся шкала зарплат на Кубе будет разделена на двенадцать различных секторов и на три группы, в соответствии с тем, сколько усилий требует данный участок работы. Мы установим шкалу за час труда, и мы должны, товарищи, как можно быстрее в откровенных дискуссиях определить необходимые нормы качества и количества, которые характеризовали бы каждый из тысяч и тысяч различных видов работ, которые производят на Кубе.

Где здесь могут возникнуть линии трения, точки конфликтов? Однажды мы уже говорили об этом. Дело в том, что зарплаты рабо-

чих, уже сегодня получающих больше средней нормы, которую можно платить на Кубе, будут заморожены, а новый рабочий, приходящий на производство, будет выполнять ту же работу не с заработной платой товарища, который уже приобрёл свое право ранее, а с новой усреднённой заработной платой. (*Аплудисменты*).

Я хочу сообщить об этом сегодня, товарищи, потому что мы дали обязательство всему рабочему классу, что к Первому мая мы определим общие основы политики в области зарплат. Мы интенсивно работали, искали вновь и вновь, и сейчас в конце концов мы выработали решение, которое кажется нам удачным для проблемы заработной платы в масштабах всей Кубы.

Поэтому мы хотели представить эту программу сегодня, чтобы сказать вам, что если мы до сих пор не выполнили полностью наши обещания — ведь мы тоже грешили субъективизмом, то есть думали, что задача окажется более легкой, — то в последние недели мы работали все дни напролёт, а товарищи, которым была непосредственно поручена эта задача, во главе с товарищем министром труда работали — я бы сказал — «днём и ночью», по субботам и воскресеньям, в общем, так, как мы работаем почти всегда — стараясь решить эту задачу. Она кажется простой, а на деле — исключительно сложна. На данный момент нам удалось достигнуть вот чего: мы построили органограмму, охватившую все возможные виды работ, которые имеются на Кубе. Затем, как я уже говорил, должны будут пройти обсуждения, сначала с национальными профсоюзами, а потом на каждом предприятии.

В первых числах мая мы соберемся с министром труда и всеми руководителями национальных профсоюзов, чтобы обсудить основные принципы решения. Затем, вероятно, настанет очередь «круглого стола», где мы разъясним эти принципы народу, а потом уже обсуждение начнётся на каждом предприятии.

Нужно готовить условия — отрасль за отраслью. На сегодняшний день, чтобы выполнить наше старое обещание, следует признать уже не раз невыполненное обещание, данное работникам одной из наиболее тяжёлых на Кубе отраслей производства; мы начали с него, подготовили и уже можем обсуждать в первых числах мая с профсоюзными комитетами все вопросы, относящиеся к условиям труда в горнодобывающей промышленности. (*Аплудисменты*).

Затем может наступить очередь машиностроения и таким образом... Я пока не осмеливаюсь назвать определённую дату, товари-

щи, чтобы вновь не впасть в грех субъективизма, но в самое ближайшее время, в зависимости от наших возможностей, в зависимости от того, как пойдут взаимные переговоры, мы сможем прийти к общим соглашениям по всей стране.

Я должен сказать вам, товарищи, что если мы сможем договориться по всем предлагаемым вопросам с последующим рассмотрением их в деталях, мы сделаем шаг вперед, который поставит нас в ряды первых стран мира, которые смогли взяться за проблему зарплаты. Потому что заработная плата — это старое зло, это зло, которое рождается с установлением капитализма, когда буржуазия берёт власть, разрушая феодализм, и оно не умирает даже на социалистическом этапе. Это зло окончательно сгинет, исчерпает себя, лишь когда прекратится денежное обращение, когда мы достигнем этапа идеала — коммунизма. (Аплодисменты).

Заработной платой, то есть деньгами, измеряется различная квалификация всех, кто что-то получает за свой труд. Деньгами измеряется и трудовое рвение каждого из тех, кто работает согласно своей квалификации. Деньги — это единственная мера, которая может вмещать всё, и в эпоху строительства социализма, когда ещё существуют товарно-денежные отношения, мы должны работать с деньгами.

Да, мы должны разъяснить вопрос о зарплатах как можно более рациональным языком. Напрасным было бы пытаться объяснять вам иррациональную природу зарплат на Кубе — ведь вы это знаете лучше, чем я, гораздо лучше, чем я, потому что вы пережили несправедливость зарплат, потому что вы знаете, что при изначальной и постоянной несправедливости по отношению к рабочему классу иногда имеются товарищи, которые получают очень много денег за какую-нибудь работу, но при этом всегда существовали большие группы населения, которые в течение многих лет получали нищенскую зарплату.

Когда мы жалуемся сейчас на нехватку рубщиков тростника, мы забываем, как тяжела эта работа, какую ненависть испытывает кубинский рабочий по отношению к той ужасной форме эксплуатации, какой является рубка тростника; о голоде, на который были обречены рубщики в мертвый сезон; о никогда, год за годом, не сбывавшихся надеждах рабочего класса, когда наступало время сафры. Мы забываем о том, что сегодня трудящиеся хотят иметь свободу делать то, что им хочется: идти в кооперативы или на фермы, в любое

место, где иногда заработная плата выше или, где иные условия работы или где они по крайней мере немного забывают о голоде прошлого.

И мы должны помнить также о работе шахтеров в отдалённых районах страны, в изолированных районах; о тех, кто работает под землей во вредных для здоровья условиях, а сегодня ко всем свойственным этой профессии тяготам испытывают ещё и трудности, порождённые проблемой снабжения.

И если мы пробежимся так по каждому из различных национальных профсоюзов, мы увидим, что у большинства рабочих Кубы нет никаких причин благодарить капитализм; никаких причин, чтобы вспоминать ушедшие времена с ностальгией. А наш сегодняшний день, полный самопожертвования, но также полный надежды и достоинства,— это новый этап в истории Кубы и новый этап в истории Америки, когда нам выпала высокая честь быть авангардом освобождения. (*Аплодисменты*).

И когда, товарищи, мы думаем уже не о нашем прошлом, не о положении большинства рабочих Кубы годы назад, когда они были жертвами эксплуатации, жертвами колебаний рынка, когда они были вынуждены радоваться, когда какой-нибудь международный конфликт увеличивал цену на сахар, и грусть, когда мирные инициативы «угрожали» капиталистическому миру...

Но давайте также помнить о том, что нам выпала великая честь быть авангардом Америки, и задумаемся на минуту о трагической реальности Америки сегодняшнего дня; Америки, которая вся— без исключения— живет в состоянии потрясений, когда народные массы ждут момента, чтобы броситься в борьбу и взять власть каким бы то ни было способом, а массы эксплуататоров ждут помощи империализма, чтобы огнём и кровью покончить с любым народным движением.

В Гватемале (*аплодисменты*) партизаны контролируют отдельные районы страны, и в самой столице страны студенты и рабочие атакуют силы репрессии. (*Аплодисменты*).

В Венесуэле (*аплодисменты*), в одном из редутов империализма, который казался самым прочным, народные силы находятся, похоже, в каждом уголке страны, и с каждым разом они становятся всё сильнее и отважнее.

В Колумбии (*аплодисменты*) народные силы вновь и вновь сражаются и организуются, несмотря на то что уже много героев запла-

тили жизнью за свою решимость противостоять тому, чтобы каждые четыре года вечно делили власть две олигархические касты.

В Парагвае, несмотря на империалистический гнёт, народные силы выбирают путь партизанской войны. И на полях Парагвая господству репрессивных сил приходит конец.

В остальных странах просыпается вулкан, подземный шум которого всё слышнее в мире, его слышит и империализм, несмотря на свою глухоту, несмотря на свое презрение к народам, несмотря на свое чувство мнимого превосходства.

В Панаме готовятся контрпартизанские силы. (*Аплодисменты*). И, правда, стоит поплодировать им; несмотря ни на что, они умны. Они уже поняли — или начинают понимать сейчас, — что вулкан в любом случае взорвётся. (*Аплодисменты*). А вот чего они не знают — это что народный партизан никогда не будет тем же, что «контрпартизан». (*Аплодисменты*).

Когда мы здесь, товарищи, слышим этот гул — предвестник приближающегося извержения; когда мы видим, как империализм вынужден отбросить даже тот крошечный фиговый листок, которым он прикрывал свою наготу; когда Бетанкур балансирует на хлипком канатике, раскачиваясь всё сильнее и опаснее, когда всей Америкой овладевает новый прилив энтузиазма и мы слышим всё это, мы должны испытывать чувство обоснованной гордости, потому что всё, что там рождается, не являясь, конечно, результатом кубинской Революции, происходит тем не менее по тем же историческим причинам, которые вызвали её взрыв, и мы чувствуем себя предвестниками и теми, кто указывает путь. (*Аплодисменты*).

Иногда кто-нибудь из товарищей из Латинской Америки спрашивает, что мы думаем о том, где и как будет взята власть в том или ином месте. И каждый раз мы отвечаем, что проблема не в том, в какой форме будет взята власть, что рабочий класс, усиленный классом крестьянства и при его помощи, никогда не должен стремиться к наиболее кровавым сражениям, потому что это будет стоить тысяч, тысяч и тысяч, миллионов жизней его сыновей. Но мы отвечаем также, что взятие власти рабочим классом — это историческая необходимость и что никто не может противопоставлять себя истории. Так что те, кто не хочет уступить требованиям и объединённым силам рабочего класса, должны готовиться — и защищать свои позиции зла при помощи оружия и быть готовыми к своему поражению перед натиском исторической силы, которая не признаёт пределов своей

власти, своему распространению, своей способности постоянного восхождения...

Это то, что мы говорим нашим американским братьям; то, что иногда доходит и до слуха наших братьев в Азии или Африке, несмотря на то что в этих регионах земного шара есть свои великие, блестящие примеры. И на что способны их народы, доказывает сегодня независимый Алжир. (*Продолжительные аплодисменты*).

Товарищи, завтрашний день, Первого мая, принадлежит — мы все это знаем — рабочему классу всего мира. Иногда мы не помним или на минуту забываем значение этой даты. Иногда мы забываем, что сам Марти был свидетелем совершённой гнусности, память о которой на протяжении десятилетий, чтобы стать затем символом борьбы рабочих за свои завоевания и власть.¹⁾

Зарождающийся империализм убивал рабочих Первого мая, чтобы закрепить господство своего класса, но от того Первого мая к сегодняшнему дню человечество двигалось очень быстрыми темпами. Каждый из мучеников Чикаго, умирая, чувствовал, что умирает за строительство нового общества; чувствовал, что жертва не напрасна, что знамя борьбы будет подхвачено рабочими их страны. И может быть, кто-нибудь из них интуитивно предвидел, что их знамя, их пример и память будут подхвачены рабочими всего мира.

Но когда казалось, что у империализма впереди ещё много лет полного господства над миром, а мир будет лишь свидетелем борьбы между противостоящими друг другу империалистическими странами, между имперской Германией или Англией той эпохи, или Францией, или Соединёнными Штатами, тогда, в конце Первой мировой войны, возникло первое социалистическое государство. С этого момента всё изменилось.

Вскоре рабочие России, руководимые гением Ленина (*оvation*), рабочие России, товарищи, смогли взять власть. И после многих лет бесчисленных жертв, по сравнению с которыми наша сегодняшняя ситуация — это то, о чём тогда могли только мечтать советские борцы, которые защищали свою свободу и новое рабочее государство, Советский Союз смог выйти из этой сложнейшей ситуации и через четыре года гражданской войны он окончательно сложился и был признан всем миром как суверенное государство.

1) Речь идет об антирабочей провокации в Чикаго и последующем судебном убийстве пролетарских руководителей США.

Это стало возможным только благодаря силе и решимости рабочих. Никто не помогал им. Решимость советских рабочих и интернационалистский дух рабочих мира были единственной силой — плохо вооружённых, голодных, раздетых, испытывавших страшную нищету, — ковавшей будущее рабочего класса Советского Союза.

После великой Мировой войны (второй по счёту) возникновение плеяды социалистических стран уже давало миру понять, что эра капитализма приближается к своему концу. Великая китайская революция после двадцати лет столь же напряжённой борьбы (*аплодисменты*) завоевала власть. Её сестрами в Азии стали, хотя и оказавшись разделёнными, республики Корея и Вьетнам. (*Аплодисменты*). А в первый день января 1959 года бежал диктатор маленького острова в Карибском море. (*Аплодисменты*). Группа партизан-романтиков, чьей единственной идеологией представлялись тогда бороды... (*Продолжительные аплодисменты*). Борода и прицел ружья — ничего больше не увидел империализм в этом новом движении. Просто молодые люди, которыми легко будет управлять. Просто смена имён, как это ежедневно происходит в нашей несчастной Америке, скажем, в отношении Гидо-Фрондиси¹⁾ (*смех*), — и все довольны! Однако, товарищи, на этот раз проницательный взгляд империализма совершенно замутился (*смех*). Они не увидели за этой группой грязных и бородатых парней, входящих в Гавану, великую народную лавину. И когда все наши братья в Латинской Америке, товарищи, говорили, что в данный момент ничего нельзя сделать, потому что «условия не созрели», кубинская Революция пробуждала стала призывом их к сражению, провозглашая: «Условия созревают в борьбе!»²⁾ (*Аплодисменты*).

И когда товарищи из Латинской Америки отвечали: но армия в нашей стране невероятно могущественна, вооружена самым современным оружием и её поддерживает империализм, в той же Америке — голос кубинской Революции говорил им: нет такой армии, какой бы могущественной она ни была, которая могла бы противостоять вооружённому народу! (*Аплодисменты*).

- 1) А. Фрондиси — президент Аргентины (1958–1962), свергнутый женщиной и замененный (ею) на Х. Гидо. Пришедший ему на смену А. Иллиа (1963–1966), в свою очередь, был сменён военной диктатурой Х.К. Онганиа.
- 2) У Че — «в дороге»; парафраз знаменитых строк великого испанского поэта А. Мачадо («Путник, нет впереди дороги, дорогу торят, идя...»)

И когда нас спрашивают эти товарищи, о чём думал Фидель через несколько дней после катастрофы в Алегрия-де-Пио, голос кубинской Революции отвечал им: он думал о власти рабочего класса! (*Аплодисменты*). И наш лидер повторял снова и снова: рабочий класс не должен бороться за крошки, которые ему бросают с хозяйского банкетного стола, рабочий класс должен бороться за власть. (*Аплодисменты*).

Рабочие, крестьяне, интеллигенция Америки видят сегодня во Второй Гаванской Декларации (*аплодисменты*) декларацию принципов всей этой массы людей, подверженной тому же давлению, живущей под тем же гнѐтом империализма, который тоже один и тот же — от одного края Америки до другого. И весь народ Америки видит в Гаванской Декларации свою декларацию борьбы за окончательную свободу.

Великие сражения народа за завоевание власти уже начинаются. В ближайшие годы, товарищи, вся Америка станет ареной непрекращающихся братоубийственных битв; в её истории будет много крови и много боли. Исторический рок, упрямство олигархических классов, эксплуататорских классов, которые в большинстве стран Америки предпочитают союз с империализмом потере власти, вынудят наши народы встать на путь Кубы или другой подобный ему; вынудят народы Америки бороться с оружием в руках против империалистического угнетения.

А мы, товарищи, будем ли мы спокойными зрителями этой схватки? Ведь на нас лежит огромная ответственность. Мы первыми в Америке бросили этот клич, мы были действующими лицами этой новой исторической эпохи для нашего континента. Мы подаём пример и несѐм ответственность как страна — пример. Мы должны быть ещё тверже, ещё сознательнее. Защищаться на всех наших фронтах от врага, который атакует нас день за днѐм.

Так что не думайте, что империалистический враг будет тихо себя вести на Кубе из-за того, что на других границах обширного бастиона несправедливостей ему будут угрожать и здесь — в Америке, и там — в Азии или в Африке. Империалистический враг будет атаковать здесь, тем или иным способом, но он будет атаковать. Он постоянно ищет возможность уничтожить Революцию.

Сегодня — это пожар в строящемся здании, завтра — на складе сырья. Это стоило нам жизни одного из стольких юношей, которые самоотверженно (*аплодисменты*) отдали её ради защиты народ-

ного имущества. Потом — убивают рабочего или крестьянина; затем появляется оружие, сброшенное с самолёта; на следующий день — оружие, выгруженное с подводной лодки или с яхты. Сегодня переходит границу агент ЦРУ, а на следующий день — группа североамериканских моряков, которые ищут сокровища около наших берегов и притворяются заблудившимися. Каждый день империализм подстерегает нас, следит за нами с самыми чёрными намерениями и может совершить здесь одну из самых страшных своих ошибок. (*Аплодисменты*).

И наша миссия, товарищи, состоит в том, чтобы сомкнуть ряды, чтобы ещё больше объединяться, чтобы становиться более сознательными, чтобы думать о нашем долге. Помните, что сегодня — не 17-й или 18-й год этого века, что сейчас мы живём в 1962 году, что первой социалистической революции уже 44 года, что сила народов уже вышла за пределы одной страны и с каждым днём становится всё могущественнее.

Помните, что силы, которые защищают мир; силы, защищающие в этот решающий момент право человечества жить в лучшем мире, не проходя через кровавый холокост, каким стала бы новая мировая война, крепнут с каждым днём.

Помните, товарищи, что в этом, 1962 году мы не одиноки, что мы не были одиноки в эти последние годы, что нам всегда вовремя протягивали руку помощи, вовремя давали мудрый совет, вовремя звучало грозное предупреждение тем, кто угрожает нашим границам. (*Аплодисменты*).

Мы должны сохранять выдержку, должны идти вперёд, сражаться за сохранение и укрепление наших завоеваний и изо всех сил бороться за то, чтобы силы мира добились своей цели. Мы должны показать нашу мощь для того, чтобы [наши враги] не обманулись в отношении нас, для того, чтобы они не поставили здесь в опасность мир на планете, [мы должны делать это] ради нашей собственной безопасности и ради всех народов мира. Образ силы, который Куба демонстрирует всему миру, должен стать предупреждением для империалистов и должен стать маяком для всех полуколониальных народов. Иначе говоря, товарищи, наша ответственность огромна.

Но тем, кто сомневается в возможности выполнить нашу задачу и продолжать наш путь, мы советуем на минуту бросить взгляд назад и подумать всего о трёх таких годовщинах, как эта; о трёх первомайских праздниках, которые предшествовали этому.

Вспомните, что каждый из них означал усиление и углубление Революции, возрастание сплочённости и организации рабочего класса, всё более значительное укрепление сил народа. Вспомните, как государство понемногу становилось владельцем средств производства и ставило их на службу рабочим. Как за несколько дней до предыдущего Первого мая, когда империалистическая агрессия готова была обрушиться на Кубу, мы провозгласили социалистический характер этой Революции. (*Аплодисменты*).

Вспомните, робкие или скептики, о том огромном пути, который прошла кубинская Революция, вспомните её уверенный шаг, саму ту силу, которая позволяет революции признавать свои ошибки перед лицом общественного мнения, показывать рабочим свои ошибки и готовиться исправлять их вместе с рабочими, вместе со всем народом.

Вспомните, товарищи, этот длинный путь. Вспомните также, что у нас есть организованная военная сила для защиты от любой агрессии. Вспомните тысячи и тысячи «becados»¹⁾, которые учатся, готовясь к будущему. И когда мы увидим всё это, у нас будет более ясное представление о том, что нас ждёт, о великом будущем кубинской Революции бок о бок со всеми народами мира. И вместе мы сможем воскликнуть с той же силой, как все эти последние годы, с момента взрыва «La Coubre»²⁾: «Мы победим!» (*Овация*).

-
- 1) «Becados» (от «la beca», стипендия) — многие тысячи подростков из бедняцких семей, из сельских районов и т.п., размещённые в крупных городах (в жилищах эмигрантов), жившие на государственном обеспечении и ускоренно проходившие курс средней школы; некое подобие наших рабфаковцев 1920–1930-х гг.
 - 2) «La Coubre» — корабль с оружием (из Бельгии), взорванный контрреволюционерами 4 марта 1960 г. в Гаванском порту. В речи, произнесённой через день Фиделем Кастро на похоронах погибших при взрыве (было убито около ста человек), впервые прозвучала новая «формула выбора» Кубы: «Родина или смерть!».

Влияние Кубинской Революции на Латинскую Америку

выступление перед членами
Департамента государственной безопасности, 18 мая 1962 г.

Прежде всего должен попросить у вас прощения, потому что движимый лучшими побуждениями я намеревался подготовить ряд данных и цифр, которые помогли бы более чётко проанализировать ситуацию в Латинской Америке в целом, её отношения с империализмом и те отношения, которые у неё сложатся с кубинским революционным правительством. Но, как и всегда, добрым намерениям не суждено было сбыться, и я должен буду говорить по памяти, отталкиваясь не от цифр, а от проблем общего характера.

Я не претендую на изложение долгой истории проникновения империализма в Америку, однако полезно знать, что та часть континента, которая называется Латинской Америкой, почти всегда жила под игом крупных имперских монополий. Вы знаете, что Испания господствовала над значительной частью американской территории, затем, на этапе капиталистического развития, состоялось проникновение других европейских стран; Англия и Франция также приобрели здесь ряд колоний.

После борьбы за независимость американская территория превратилась в объект соперничества между многими державами, а с возникновением экономического империализма в конце прошлого — начале этого столетия Соединённые Штаты быстро установили свое господство над всей северной частью континента, Южной Америкой и Центральной Америкой. На юге ещё сохраняли свои позиции другие империалистические державы. На крайнем юге, в Аргентине и Уругвае, сильные позиции до конца последней мировой войны занимала Англия.

Иногда наши страны становились полями сражений, спровоцированных монополиями разных держав, которые боролись между собой за сферы влияния: война в Чако — это один из примеров борьбы за нефть между Shell, принадлежавшей английским и германским группам, и Standard Oil. Это была жестокая война, в кото-

рой Боливия и Парагвай в течение четырёх лет истребляли лучшую часть своей молодёжи в сельве Чако.

Имеются и другие примеры того же рода, когда Перу, представлявшая интересы Standard Oil, захватила часть эквадорской территории, где пользовалась влиянием Shell. Происходили также войны и за продукты иного типа. United Fruit провоцировала в Центральной Америке войны за обладание территориями банановых плантаций; имели место войны и на юге между Чили, Боливией и Перу за обладание залежами селитры, которая весьма ценилась до открытия синтетического способа получения нитратов. Иначе говоря, мы являлись в лучшем случае бессознательными участниками борьбы между империями.

Тем не менее после второй мировой войны последние редуты британского империализма (германский империализм был вытеснен ещё раньше) пали под натиском империализма США.

Тот факт, что произошла полная унификация экономического господства в Америке, породил тенденцию к объединению сил, которые борются против империализма. Мы должны всё теснее объединяться, потому что это общая борьба; борьба, которая сегодня, например, выражается в солидарности всех народов с Кубой, так как они всё быстрее убеждаются в том, что имеется только один враг — империализм, и что здесь, в Америке, он имеет одно имя: североамериканский империализм. Формы его проникновения сильно менялись в зависимости от исторических, политических, экономических обстоятельств, а также в зависимости от географической близости или отдалённости империалистической метрополии. Есть страны, которые полностью являются колониями, подобно Панаме, что обуславливает всю систему её жизни. Есть страны, которые в гораздо большей мере сохраняют свои национальные черты и ещё находятся на этапе культурной борьбы против империализма. Однако общим для всех для них является господство США над огромными запасами стратегических материалов (стратегическими не только на случай войны, но и для всей североамериканской промышленности), а также господство банков США и осуществляемая ими «почти монополия» внешней торговли.

Латинская Америка очень интересует нас по многим причинам: потому что в культурном и историческом отношении мы — часть этого континента, часть конгломерата, который борется за свою свободу, а ещё потому, что от позиции Латинской Америки

весьма сильно зависит будущее нашей революции в её стремлении к идеологической экспансии. Ибо характерной чертой всех подлинных революций является распространение их идеологического влияния; они не замыкаются в рамках одной страны, а распространяются в сопредельных зонах, в зонах влияния, если употреблять экономический термин, хотя и не совсем к месту. Кубинская революция имела огромное влияние в Америке; но каждый из народов региона испытал его не в одинаковой степени, и нам предстоит проанализировать как общие причины влияния Кубинской революции, так и причины того, почему в одних странах оно оказалось большим, чем в других. Для этого мы должны рассмотреть, в частности, политическую жизнь каждой из этих стран, позицию и деятельность прогрессивных партий в каждой из них, естественно, сохраняя при этом должное уважение к их независимости и не вмешиваясь во внутренние дела каждой партии. Но и не уклоняясь от деталей, поскольку позиция этих партий очень важна для анализа современной ситуации.

Есть страны, в которых борьба народных масс достигла чрезвычайной степени остроты; есть другие, в которых народная борьба затормозилась; есть страны, в которых Куба выступает священным символом для всего народа; есть и такие, в которых опыт Кубы, выступая как общий символ освободительного движения, рассматривается как бы извне, не как руководство к действию для них самих. Истоки такого положения сложны, но они всегда связаны с подходом к вопросу о форме борьбы за власть и испытывают на себе сильное влияние решения этой проблемы. В некоторых случаях они связаны также с большей или меньшей численностью рабочего класса и его влиянием, а в других — с географической близостью к нашей революции.

Эти страны мы можем рассмотреть по группам.

На юге Америки есть две страны, очень важные с точки зрения их идеологического влияния; одна из них — это Аргентина, относительно сильная латиноамериканская держава. Кроме того, там находится Уругвай, обладающий весьма схожими с Аргентиной характеристиками. Обе страны являются скотоводческими, в обеих существуют мощные олигархические группировки, которые, базирясь на латифундистской собственности на землю и обладании скотом, контролировали внешнюю торговлю, но сегодня вынуждены делить этот контроль с Соединёнными Штатами.

Это страны с наиболее чётко выраженным преобладанием городского населения. Правда, мы не можем сказать, что в Уругвае доминирует рабочий класс, потому что Уругвай это страна, в промышленном плане мало развитая. В Аргентине же рабочий класс превалирует; но это такой рабочий класс, который находится в очень трудной ситуации, так как он используется только в обрабатывающей промышленности, зависит от иностранного сырья, в стране пока ещё нет прочной индустриальной основы. Господствующим городским центром является Буэнос-Айрес, который сосредоточивает 30% всех жителей страны, расположенной на трёх миллионах квадратных километров заселённой территории (другая её часть, оспариваемая антарктическая территория, не имеет демографической ценности).

В этой огромной стране более шести миллионов населения проживает на территории, которая чуть больше Гаваны, и этот город царит над громадным пространством необрабатываемой земли, где имеется класс крестьянства, владеющий относительно большим количеством земли, и небольшая группа сельскохозяйственных рабочих, кочующих из одного района в другой — в зависимости от сезона уборки урожая, подобно тому, как здесь, на Кубе, поступали рубщики сахарного тростника, которые в другое время могли собирать кофе, идти на сбор урожая табака или чередовать его со сбором иных сезонных культур.

В обладающих такими чертами Аргентине и Уругвае, а также в Чили, где рабочий класс, действительно, преобладает, до сих пор господствовала философия гражданских форм борьбы против деспотических властей и вопрос о взятии власти в будущем более или менее прямо и открыто увязывался с выборами или мирными формами борьбы.

В большей или меньшей мере всем вам известны последние события в Аргентине, когда возникла ситуация более или менее реального господства некоторых относительно левых групп, которые представляют прогрессивный сектор аргентинского рабочего класса, но которые искажают многие устремления народа через установки полностью оторвавшейся от него перонистской партийной камарильи. Однако, когда встал вопрос о выборах, вмешались гориλλы (так здесь называют ультрареакционные группы аргентинской армии) и ликвидировали опасную ситуацию (возможность прихода перонистов к власти).

В Уругвае происходит нечто схожее (хотя здесь армия не обладает никакой силой), и также была совершена разновидность государственного переворота очередным ультрареакционером, которого зовут Нардоне. Ситуация, созданная правыми переворотами, с одной стороны, и философией взятия власти посредством Народных фронтов и выборов — с другой, порождает здесь определённую апатию по отношению к Кубинской революции.

Кубинская революция продемонстрировала опыт, который не претендует на всеобщность для Америки, а выражает собой одну из форм прихода к власти. Естественно, это не очень привлекательная форма с точки зрения настроений народных масс, несмотря на то что они подвергаются давлению, задавлены и угнетены местными эксплуататорами и империализмом. Надо поэтому сделать некоторые пояснения по поводу Кубинской революции, и эти пояснения теоретического характера также обуславливают подход к самой революции.

Мы можем сказать, что симпатии к Кубинской революции больше в тех странах, в которых открыто было принято и провозглашено решение взять власть с помощью оружия. Естественно, что занять такую позицию труднее и она вызывает большие споры, в которых мы не должны принимать непосредственного участия. Каждая страна и каждая партия внутри своей страны должны искать такие формулы борьбы, которые им подсказывает их собственный исторический опыт. Но Кубинская революция — это факт, и факт общеинтерконтинентального масштаба. По крайней мере кубинская действительность оказывает сегодня воздействие на каждую из сфер жизни этих стран.

Во всех этих странах возникло то, что называют «ультралевыми группами» или даже «провокаторами», которые пытаются насадить кубинский опыт, не утруждая себя размышлениями над тем, адекватна ли для этого данная местность или нет. Они просто заимствуют опыт, реализованный где-то в Америке, и пытаются перенести его в каждую страну... Естественно, это вызывает ещё большие трения между различными группами левой. История защиты Кубы народными силами этих стран также представляет собой часть их внутренней истории, и (уместно сказать это здесь, дабы вы лучше понимали некоторые проблемы), это — история мелочности, история борьбы за групповые успехи в утверждении господства той или иной левой организации. Куба поэтому оказалась невольной заме-

шанной, скажем так, в эту полемику. Я говорю невольно, потому что нам достаточно нашего опыта, и при всём его нынешнем значении мы никогда не должны стремиться направлять в каждой стране политику и форму осуществления революций, диктовать формы борьбы за власть. Тем не менее снова и снова мы оказываемся в центре полемики.

В Чили, где левые партии обладают большим и возрастающим авторитетом, таким твёрдым курсом и такой идеологической зрелостью, как, возможно, нигде в Америке, положение было похожим на аргентинское, за исключением того, что чилийская компартия и другие левые партии уже ставят вопрос о дилемме: либо взятие власти осуществится мирным путём, либо оно должно совершиться насильственным путём, и соответственно все готовятся к будущей борьбе. К борьбе, которая, с моей точки зрения, обязательно свершится, потому что не существует исторического опыта (и в ещё меньшей мере он может быть здесь, в Америке, в современных условиях развития борьбы между великими державами и обострения борьбы между империализмом и лагерем мира), который бы продемонстрировал (а здесь, на мой взгляд, он и вовсе не может продемонстрировать) склонность империализма мирно уступить свои позиции. С точки зрения стратегической, это было бы смешно, поскольку они ещё обладают оружием; чтобы в этих условиях вынудить реакцию к капитуляции, левые силы должны быть чрезвычайно могущественными, чего в Чили, по крайней мере пока что, нет.

Всё это — та часть Южной Америки, где народ воспринимает Кубинскую революцию как нечто, обладающее характеристиками, отличными от тех, которые он считает привычными для себя.

Поднимаясь далее к северу, мы попадаем в страны, где Кубинская революция действительно является маяком для их народов. Мы можем оставить в стороне Боливию, потому что в Боливии несколько лет назад свершилась буржуазная революция, очень робкая и весьма ослабленная теми уступками, которые должна была сделать экономика, полностью связанная с империалистической экономикой и полностью монопроизводящая: страна является моноэкспортером олова. Местная буржуазия должна была отчасти содержаться империализмом. Естественно, что империализм одной рукой извлекает её богатства, а другой рукой и четвертью того, что извлекает, поддерживает её правительство. Так он создал ситуацию зависимости, в которой, несмотря на все усилия, иногда вполне искренние, предпри-

нятые боливийским правительством, боливийцы не в состоянии отделаться от империалистического ига. Тем не менее правительства Боливии исповедуют в какой-то мере правильный подход к поставленным кубинцами вопросам, проявляют максимально возможный дружественный подход на международных конференциях. Они провели аграрную реформу, хотя и весьма умеренную, при которой не были отобраны владения у духовенства, при которой кооперативы в действительности не обладают большим развитием, а скорее являются кооперативами традиционного типа, базирующимися на традиционном опыте первобытного коммунизма индейцев данного региона; опыте, который сохранился в этих традициях. Однако это та страна, в которой накал борьбы не выглядит столь очевидным, поскольку в какой-то мере изменились условия этой борьбы: речь не идёт уже о прямой борьбе угнетённых масс крестьян и рабочих против империализма, но о борьбе с национальной буржуазией, которая сделала ряд уступок народу, особенно разгромив феодалов, креольских латифундистов, вследствие чего классовая борьба носит здесь не столь острый характер.

Близко к боливийцам находится их прежний противник по войне в Чако **Парагвай**, где сегодня происходит партизанская борьба. Это очень бедная страна, в которой приблизительно полтора миллиона жителей проживает на территории немного большей, чем Куба; с очень большими тропическими лесами. Это страна таких ужасных эндемических заболеваний, как проказа, распространившаяся в громадных масштабах; страна, где практически отсутствует здравоохранение, где цивилизация ограничена тремя или четырьмя относительно крупными городами. В тамошних горах несколько раз возникали очаги партизанской борьбы, из которых наиболее важными и наиболее серьёзными с идеологической точки зрения были движения, возглавлявшиеся Революционным народным фронтом с участием в некоторых важных случаях Парагвайской коммунистической партии. Её партизанские отряды систематически терпели поражения; как мы полагаем, были допущены тактические ошибки в руководстве революционной борьбой — ведь та имеет ряд законов, которые нельзя нарушать, но тем не менее восстания продолжают вспыхивать. В настоящее время есть люди, которые в силу обстоятельств находятся с оружием в руках в горах; они находятся вдали от границ, а если они сдадутся, то окажутся убитыми. Парагвай — идеальная страна для партизанской войны, очень богатая в

плане сельского хозяйства, с прекрасными природными условиями; здесь нет ярко выраженных гор, но имеются очень большие возвышенности и реки, зоны, весьма трудные для действия регулярных войск, но чрезвычайно благоприятные для партизанской борьбы, которой помогает крестьянское население. В стране — ультраправая диктатура, которая прежде находилась под влиянием аргентинской олигархии, являлась полуколонией Аргентины, но сегодня, в связи с недавним проникновением североамериканского капитала, перешла в прямую зависимость от Соединённых Штатов; они поддерживают эту варварскую диктатуру в стране, где налицо все условия народной борьбы, которая может интенсивно развернуться уже в краткосрочной перспективе.

Чуть выше находится Перу. Перу — это одна из тех стран, к которым в будущем следует внимательно присмотреться. Она имеет весьма специфические черты, обладает 80% индейского или метисного населения при очень большом расовом разделении. Там белый является хозяином земли и капиталов, метис (или чоло) — в основном управляющим у белого, а индеец — крепостным крестьянином.

В Перу до сих пор поместья продаются вместе с их крестьянами. И в газетных объявлениях они выставляются на продажу вместе с таким-то числом работников или таким-то числом индейцев, которые обязаны трудиться на феодального сеньора. Это настолько жалкое положение, что его невозможно себе представить, не побывав в этой зоне. В Перу имеет место единственный в Америке случай, когда в крупном аграрном районе левые партии (это единственная зона влияния Коммунистической партии) имеют решающее влияние и абсолютное преобладание. Перу и индейский район Куско являются единственной на всю Америку зоной сильного влияния марксистской партии в деревне. Несколько лет назад город Куско был захвачен вооружённым путём, но отсутствовали революционные условия, и дело кончилось чем-то вроде тактического перемирия: повстанцы сдали город, а правительственные войска не предприняли репрессий. Но напряжённая ситуация здесь сохраняется, и это одна из тех зон, где имеются реальные надежды на революцию в Америке. Но в схожем положении находится всё Перу. Это положение, как я сказал, крайней нищеты и крайнего угнетения, которое является существенной чертой густо населённых Анд, представляет собой также проблему для руководства революции. В этой зоне говорят не на испанском, а

на кечуа и аймара, которые являются наиболее распространёнными языками и имеют общую основу. Тот, кто хочет общаться с коренным населением, должен уметь говорить на этих языках, иначе общение здесь невозможно. К тому же эти народности живут по обе стороны границы, разделившей государства и народы. Аймара из Боливии понимают гораздо лучше аймара из Перу, чем белых из Боливии. Сами колонизаторы, а затем и империалисты позаботились о сохранении такой ситуации, так что имеется естественное родство между двумя этими странами.

Точно такое же положение — на севере, между перуанскими и эквадорской зонами колья и кечуа, на территории, заходящей и в Колумбию. Во всех этих странах местные языки преобладают. Это страны с чрезвычайно разнообразным рельефом. В Перу имеются три горные цепи, пересекаемые долинами, а восточная половина страны выходит в амазонский бассейн, где образуется то, что в Перу зовется «монтанья»: горные цепи средней высоты с субтропическим климатом, похожим на климат наших гор, но с более суровыми природными условиями.

Имеющаяся в Перу очень слабо развитая буржуазия целиком проживает в районе Косты, а Коста — это узкая пустынная полоса вдоль океана, параллельно которой идёт очень высокая горная зона. Разрыв высот между самой высокой точкой Западной Кордильеры и уровнем моря насчитывает 5000 метров, а по прямой их разделяют не более 100 километров, то есть приходится подниматься изнутри настоящей раковины. В горнорудной зоне центра страны месяц или два назад тоже происходили восстания, о которых вы, должно быть, слышали. В Перу существует развитая горнорудная промышленность, а вы знаете, что горняк — это, как правило, индивид, обладающий высокой степенью боевитости. Пусть не всегда он обладает высокой политической сознательностью — из-за специфических условий своей страны, но он всегда отличается высокой боевитостью. Перуанская армия состоит из класса, касты офицеров — и из крепостных индейцев, так что, если случится серьезное восстание, подавить его не удастся.

Условия в Эквадоре такие же, с той лишь разницей, что эквадорская буржуазия или часть этой буржуазии, как и сторонники всех левых сил, пользуются гораздо большим влиянием в городах и обладают гораздо более чётким осознанием необходимости восстания. Среди этих эквадорских левых групп имеются лидеры, которые

побывали на Кубе и находятся под сильным влиянием результатов и последствий Кубинской революции. Они открыто поднимают там знамя немедленной аграрной революции. Естественно, и здесь имеется сильная репрессивная армия, а кроме того, в Эквадоре расквартированы части североамериканских регулярных войск. Думаю, что это также одна из тех стран, где вскоре мы увидим вспышки интенсивной революционной борьбы.

Следуя далее на север по гряде континентальной Сьерра-Маэстры, то бишь по цепи Анд, мы окажемся в Колумбии, стране, которая уже на протяжении двенадцати лет пребывает в состоянии хронической войны. Временами эта война имеет больший или меньший размах, но длится она уже двенадцать лет. Колумбийские партизанские движения имели некоторые ошибки, которые не позволили им выкристаллизоваться в победоносное народное восстание, как это случилось в нашей революции. Одной из имеющихся у них проблем является отсутствие идеологического руководства. Разрозненные партизанские движения без единого, как это было на Кубе, руководства подчинены персональному руководству вожаков от сохи, которые, чтобы выжить, начали совершать такие же грабежи и убийства, как и их противники, и, естественно, мало-помалу скатились к бандитизму. Ряд партизанских отрядов заняли позицию самообороны и ограничивались лишь тем, что защищались, когда их атаковало правительство; но вся эта ситуация войны, борьбы не на жизнь, а на смерть привела к тому, что партизанские отряды, взявшие курс на самооборону, постепенно были ослаблены, а некоторые из них полностью уничтожены. В настоящее время партизанское движение возникло снова, и возникло под безраздельным влиянием Кубинской революции. Имелась группа молодёжи, которая создала, нечто похожее на то, чем на первых порах было «Движение 26 Июля», движение, которое называется МОЭ¹⁾. В нем есть ряд правоанархистских тенденций, иногда с оттенками антикоммунистических идей, но они отражают в зародыше решимость к борьбе. Некоторые из его лидеров побывали на Кубе, и, пожалуй, самым пламенным и решительным из них был товарищ Ларрота, который был с нами во время апрельского²⁾ вторжения и который был убит по возвращении в Колумбию. Возможно, что МОЭ не будет иметь значения как поли-

-
- 1) Рабоче-студенческое движение.
 - 2) В 1961 году.

тическое движение и может быть в некоторых случаях опасным, но это демонстрация тех сдвигов, которые происходят. Колумбия — это наглядный пример ситуации, когда левые партии пытаются затормозить повстанческое движение, чтобы привести его на предвыборный аукцион в такой абсурдной ситуации, когда имеются лишь две легальные партии, которые конституционно должны сменять друг друга у власти. В таких абсурдных условиях идти на выборы, значит, по мнению самых энергичных колумбийских революционеров, попросту терять время, и поэтому различными путями и несмотря ни на какие нажатые тормоза, развивается борьба, которая уже переросла латентное состояние и во многих районах страны превратилась в открытую вооружённую борьбу. Может или не может борьба в Колумбии стать важным фактором, предсказать трудно, именно потому, что там нет хорошо структурированного левого движения, которое возглавило бы эту борьбу; это всего лишь ряд импульсов, ряд попыток сделать что-то, но отсутствует идеологическое руководство, и это очень опасно. Так что невозможно предугадать, как далеко всё это зайдёт, но в любом случае происходящее, естественно, создаёт условия для будущего развития хорошо организованной революционной борьбы в Колумбии.

В Венесуэле ситуация гораздо более динамична, Коммунистическая партия и Движение революционной левой (МИР) возглавляют вооружённое освободительное движение, и практически Венесуэла переживает состояние гражданской войны. Нас должно весьма интересоваться это венесуэльское движение, нам надлежит смотреть на него не только с большой симпатией, но и с большим вниманием. Тем более что наметилось определённое расхождение тактического свойства, в вопросе о подходе к вооружённой борьбе. Находясь под влиянием собственного опыта, практически родившись как нация с односторонним опытом, мы всегда проповедуем партизанскую войну, базирующуюся на крестьянских поселениях и последующий захват городов при опоре на деревню. Подобный подход базируется на острейшем земельном голоде наших масс, на труднодоступности для наемных войск громадных территорий Америки, на неэффективности атак империализма на народные силы в местностях, пригодных для партизанской войны, иными словами, на неспособности правящих кругов действовать за пределами крупных населённых пунктов. Некоторые венесуэльские товарищи неоднократно высказывали мнение, что в Венесуэле имеется возможность пред-

принять насилие иного рода, поскольку здесь существуют особые условия, и в частности есть группы военных, выступающие за восстание, за вооружённое движение.

Частичные результаты подобных установок и действий реализовались в попытке восстания в Карупано, где ещё раз была продемонстрирована та истина, что объективно [прогрессивная] миссия профессиональных военных Америки сводится лишь к тому, чтобы передать оружие народу, вооружить его. Единственное, что могут дать революции профессиональные военные, — это дать себя разоружить, чтобы народ потом оставил их в покое, в лучшем случае привлекая к себе из их состава отдельных лиц. Восставшая в Карупано морская пехота не смогла сделать ни шагу за пределы своей базы. Этот район я в точности не знаю, но лично знаком с окрестной зоной, и это та зона, где непроходимые горы и леса находятся поблизости, где партизанская война создаёт чрезвычайно трудную ситуацию для расположенных неподалеку морских портов, через которые экспортируется нефть (Карипито), и угрожает одной из базовых зон империалистической экономики в Венесуэле. Тем не менее морская пехота так и не вышла из казарм и сдалась сразу же, как только стало очевидным, что сохранившие верность правительству войска превосходят её численностью.

В таких условиях нельзя совершать революцию. Партизанская борьба, как вы знаете, это борьба длительная. В ней бои случаются не так часто, а наибольшие трудности состоят не в непосредственных действиях врага, а в борьбе с суровостью климата, с нехваткой провизии, с отсутствием медикаментов, в борьбе за идеологическое влияние на крестьянские массы, в политической борьбе за вовлечение масс в народное движение, за постепенное развитие революции; в условиях же Венесуэлы, конечно, надо предвидеть и американскую интервенцию в защиту своих нефтяных владений. Все эти факторы обуславливают искомые формы борьбы партизанских сил. Путь же, избранный в Венесуэле на этот раз (и нельзя сказать поиному, именно на «этот раз!»), заключался в попытке совершить вооружённый переворот с помощью нескольких армейских частей. В случае его успеха это была бы победа одной части армии над другой. Что бы в этом случае сделала армия? Очень простую вещь: она объявила бы амнистию для проигравшей части, сохранила бы свои классовые привилегии и сииекуры и, кроме того, свое прежнее классовое господство в стране, потому что это эксплуататорский класс,

который обладает оружием и сохраняет эксплуататорскую армию. С победой одной её части над другой, конституционной над антиконституционной (если хотите их так назвать), произойдёт не более чем маленькое изменение в расстановке сил или мелкое столкновение между группами эксплуататоров; выявится противоречие, которое в нынешних условиях Америки никогда не станет решающим, и империализм сохранит свои механизмы эксплуатации. Поэтому одной из предпосылок подлинной, Кубинской революции стало разрушение армии, причем сразу же, как условие, необходимое для взятия власти всерьёз.

Есть ещё одна крупная страна в Южной Америке, которая также находится в своеобразном положении, в ситуации нестабильного равновесия, это **Бразилия**. Как вы знаете, Бразилия — самая крупная страна Латинской Америки. Это третья в мире страна по территории¹⁾ и крупнейший резерв сырья для североамериканцев. Она имеет свыше 60 миллионов жителей и является настоящей державой. Она уже перерабатывает своё сырьё, но все её богатства находятся под господством североамериканских капиталов, и там наблюдаются все характерные для Америки противоречия. Там также среди левых сил отмечаются две тенденции: с одной стороны, сторонники мирной революции, мирного, конституционного пути завоевания власти, а с другой — левые силы, представленные в особенности крестьянскими массами северо-востока, которые имеют очевидное намерение взять власть вопреки сопротивлению буржуазии (империализму, главному врагу, буржуазия почти не оказывает сопротивления). По сути дела, эта страна состоит из нескольких стран: одна из них Северо-Восток очень бедная, густонаселённая страна, где случаются страшные засухи и где имеется весьма многочисленное и боевитое крестьянство. Есть пустынная зона, покрытая сельвой и мелкими земледельческими хозяйствами по всем центральным районам страны, а к югу от неё расположена промышленная зона, подлинной столицей которой является Сан-Паулу, там же находится Рио-де-Жанейро — важнейшие города Бразилии. Северные районы представляют собой, по существу, мятежную зону, здесь эксплуатация доведена до такой крайности, что крестьяне не выносят её более; каждый день приходят известия о гибели нескольких товарищей из Бразилии в их борьбе против латифундистов. После отставки Куадроса и попытки военного пере-

1) На самом деле — пятая.

ворота¹⁾ наступила компромиссная ситуация, и находящееся у власти правительство является продуктом сделки между эксплуататорскими группами, между бразильской национальной буржуазией и империализмом.

Естественно, эта сделка будет расторгнута, как только враги смогут снова вступить в схватку между собой, и если до сих пор они не сделали этого открыто, то это потому, что у них имеется общий могущественный враг, это сам бразильский народ.

Когда состоялась отставка Куадроса, Фидель, как вы помните, выступал здесь и более или менее пояснил, что должен был бы сделать бразильский народ. Эти слова, дошедшие через эфир до Бразилии, вызвали сильную обеспокоенность, некоторые восприняли это как вмешательство нашего правительства во внутренние дела Бразилии. Мы же считаем, что именно с таким мнением должен выступить революционер в моменты такой опасности и такой потребности в решении, как тогда. Если бы в Бразилии была бы выиграна решающая битва, панорама Америки быстро бы изменилась. Бразилия граничит со всеми странами Южной Америки, кроме Чили и Эквадора. Она имеет громадное влияние, это воистину поле решающего сражения, а в наших отношениях с американскими странами мы всегда должны помнить о том, что мы — часть одной семьи, семьи с более или менее специфическими чертами каждого из её членов, но мы не можем забывать о нашем долге солидарности и о нашем долге высказывать свое мнение в некоторых, особых случаях. Речь не идёт ни о том, чтобы постоянно вмешиваться в дела других, ни о том, чтобы надоедливо соваться со своим примером; примером, которому не во всех странах смогут последовать. Но в моменты, подобные тому, когда в Бразилии решалась не то чтобы судьба Американского континента — до этого не дошло; можно было частично проиграть, как в действительности и случилось, бразильскую битву, и ничего судьбоносного не произошло бы, но это был чрезвычайно напряжённый момент. Если бы битва была выиграна, мы все много выиграли бы, но то, что в действительности произошло в Бразилии,

1) Жанио Куадрос, президент Бразилии (1961 г.); ушёл в отставку под давлением реакционной верхушки вооружённых сил, не сумевших тогда, однако, предотвратить приход к власти вице-президента Ж. Гуларта. Его час настал тремя годами позже, когда в Бразилии была установлена продолжавшаяся два десятилетия диктатура.

было не победой народных сил, а просто-напросто сделкой, в которой группа, обладающая властью, оружием, решимостью взяться за него и, кроме того, ясным сознанием того, что надо делать, уступила часть завоёванных в тот момент прерогатив, чтобы попытаться вернуть их себе в другой момент, и потому там тоже неизбежно должно наступить новое столкновение.¹⁾

Этот год уже рассматривается как год ожесточённых столкновений между народными силами и силами угнетения²⁾; следующие годы будут примерно такими же. Никто не может быть пророком настолько, чтобы в точности предсказать, в каком году, в какой момент и в какой стране Америки произойдёт сшибка этих сил; но ясно, что противоречия всё более обостряются и формируются субъективные условия, столь важные для развития революции. Таких субъективных условий два: осознание необходимости и срочности осуществления общественной трансформации, чтобы ликвидировать ситуацию социальной несправедливости, и уверенность в возможности осуществить эту трансформацию. Весь народ Латинской Америки подготавливает себя, чтобы осуществить её. Эта подготовка состоит в восстаниях отдельных групп, в повседневной борьбе, осуществляемой иногда легальными, а иногда и нелегальными средствами, иногда в открытой борьбе, а иногда и в борьбе подпольной; но эта подготовка народа осуществляется постоянно и идёт всевозможными путями, она вызревает качественно и количественно и предвосхищает великие битвы в нашей Америке...

Центральная Америка — это по сути единая страна с общими характеристиками, одно крупное владение империализма и один из тех районов, где народная борьба уже достигла своей зрелости, но и её результаты трудно определимы; и я не думаю, что в краткосрочной перспективе они очень заманчивы: слишком сильно здесь господство североамериканцев. В Гватемале прогрессивные силы вновь потерпели неудачу, а Мексика гигантскими темпами превращается в колонию янки. Здесь имеется относительно значимая буржуазия, но она уже вступила в соглашение с империализмом. Это сложная страна, реальности которой глубоко фальсифицированы

-
- 1) Оно и произошло менее чем через два года, и его проекция на историю региона оказалась именно той, о которой говорил Че.
 - 2) Теперь уже известно, что именно 1962 г. рассматривался в регионе как решающий.

так называемой Мексиканской революцией и в которой трудно предвидеть значительные акции против её правительства...

Мы сосредоточили внимание на странах, которые вошли с нами в наиболее резкие противоречия или в которых сформировались специфические условия для борьбы. Через наши средства массовой информации мы ответили на агрессивные наскоки, а также объяснили народным массам, насколько смогли это сделать своим языком, что можно было бы сделать, и сейчас ожидаем результатов. Мы ожидаем этого не как завсегдатаи театров, занявшие места в ложе и взирающие на разворачивающуюся драму, в этой борьбе мы не зрители, а участники, притом важные участники. Судьба народных революций в Латинской Америке теснейшим образом связана с развитием нашей революции. Естественно, у нас есть более могущественные друзья, чем все силы Америки, и североамериканцы знают, что напасть на нас — значит подвергнуть свою территорию серьезной опасности; вместе с тем они избрали и довольно педантично осуществляют политику изоляции нас от остальной Латинской Америки. Во-первых, очень слабы наши экономические отношения с её странами, только связи с Чили обладают какой-то значимостью. Затем — разрыв отношений с большинством стран; этот процесс продолжается, и не думайте, что он остановится. Агрессии, подобные той, которую, похоже, они собираются предпринять на Ямайке, направлены на то, чтобы помешать нам конкурировать, ликвидировать влияние Кубинской революции посредством прекращения контактов. То же, что делают иезуиты, когда надевают длинную сутану, и все желания оказываются скрытыми под ней; это же самое собираются сделать с нами, то есть поместить нас под колпак, чтобы никто нас не видел и чтобы наше зловерное влияние не распространялось. Очень важно бороться против этого, потому что наши контакты с Латинской Америкой также зависят от той формы, в которой её народ реагирует на атаки империализма, и от этой формы реакции народа очень во многом зависит наша безопасность. Не следует забывать, что империализм делает много ошибок, империализм знает или не знает, что способен сделать Советский Союз ради нашей защиты; я думаю, что он знает это, ибо, если бы он этого не знал, то уже давно напал бы на нас.¹⁾ Но он может ошибаться на этот счёт, и потому на-

1) Именно в мае 1962 г. стартовал процесс, который пять месяцев спустя обернулся Карибским кризисом.

ша задача состоит в том, чтобы не дать ему ошибиться на этот раз, потому что, если он ошибется, империализм будет разрушен до основания; но и от нас тогда мало что останется, а потому мы должны быть борцами за мир и убеждёнными защитниками мира — убеждёнными, потому что рискуем собственной шкурой, если мир окажется взорванным.

Почему же мы одновременно так свободно продолжаем говорить о народных революциях? Дело в том, что революции, народная борьба являются, как ни парадоксально это звучит, формой защиты мира. Империализм не может бороться со всем вооружённым народом, он, в конечном счёте, должен прийти к какой-то сделке; кроме того, ему не подходит затевать войну против чего-то такого, чего в действительности не существует, поэтому он стремится спровоцировать войну между народами. Где империализм всегда побеждает, так это в локальных войнах между народами, когда, продавая воюющим сторонам свое оружие, он может увлечь страны в долговую яму, продавая свое военное снаряжение обеим странам либо только одной; в конечном счёте всё зависит от обстоятельств, ему выгодно опробовать в этих войнах свою военную машину, проверить свою тактику, испытать новые изобретения. Вот это ему подходит. Народная же война против противника, который на первых порах то появляется, то исчезает, с фронтами, которые вроде бы не существуют; как это происходит сегодня в Индокитае, где в 40 километрах от столицы уже находится зона партизанской войны, официально объявленная «зоной смерти», — это война, которую империалисты не способны долго вести, что, однако, ничему их не научило. Они не могут научиться сражаться с рассеянными частями в местности, где нет реально видимого врага. Они готовятся к войне с Советским Союзом, которую должны будут вести с применением ядерных ракет и совершенно иной стратегии.

Империализм, хотя и не истекает кровью, теряет, однако, свои опорные пункты; не следует забывать и ещё одной важной вещи: североамериканцы не так глупы, как кажется; они ошибаются, это правда, но они не глупы. И они достаточно хорошо умеют предвидеть. Уже давно они поняли, что их резервы сокращаются; Соединённые Штаты — богатая страна, но их собственные ресурсы истощаются, и они начали их поиски по всему миру; например, вблизи Индокитая, находятся запасы олова; олово есть также в Малайзии, Перу, Боливии; медь в больших количествах имеется в Перу и Чили;

в Перу есть также железо, а в Аргентине, между прочим, уран, который, как я думаю, они тоже вывозят; в Мексике имеется сера, а в Венесуэле нефть. Всё это и есть та основа, на которой движется империалистическая машина. Чтобы удержаться, им нужен весь американский континент, а также те части Азии и Африки, где они господствуют. За что идёт борьба в Конго? В Конго есть уран, в Конго есть медь, в Конго есть алмазы, есть целый ряд других полезных ископаемых. Штаты вели напряжённую борьбу в Конго, вытеснили бельгийский империализм и теперь остались там одни; такова политика, которую Соединённые Штаты проводят по всему миру, сколачивая блоки, чтобы сохранить свои позиции в будущем. И лишить империализм этой опоры, лишить его экономической основы,— значит ослаблять его, и ослаблять в самом его сердце. Ведь не надо забывать, что империализм действует экстерриториально, Соединённые Штаты уже давно действуют не только в Соединённых Штатах: их капиталы разбросаны по всему миру, они играют ими, изымают и вкладывают их. Таким образом, это ослабление экономической основы империализма помогает подорвать его могущество и поддерживает мир, мир во всём мире, а именно в этом мы и заинтересованы. Поэтому мы должны стремиться к тому, чтобы империализм не ошибался; до сих пор мы всегда открыто объявляли о серии шагов, которыми собирались отвечать на их удары, которые мы в самом деле предприняли и которые они почувствовали.

Мы объявляли об этом не единожды, и они слушают радиостанцию, находящуюся, например, здесь, в Гаване, и слышат в своём сердце эту правду, потому что это радио вещает на всю Латинскую Америку, крестьяне по всей Америке слышат её, и то, о чём эта радиостанция говорит, воспринимается ими как кадры из кино. Так что мы показали им свою силу, нашу скромную силу и должны сделать так, чтобы это представление о нашей силе у них сохранялось. Конечно, они стремятся не только изолировать нас, но также и наносить нам удары здесь. Как? Предположительно теми актами саботажа, которые были совершены в последние дни, а также попытками оказывать воздействие на людей, чтобы создать определённый климат, а общественный климат — это вещь весьма специфическая. Вам известно о событиях в Венгрии; событиях, которые интересны некоторыми ошибками народного правительства, когда вдруг, как будто из ничего, разразилась контрреволюция, которая была оплачена, подготовлена и развязана янки.

Здесь в Америке имел место весьма похожий случай, хотя это и не было правительство с чертами венгерского. Это произошло в Боливии.

В Боливии имелось буржуазное и, по меньшей мере, антиамериканское правительство, которое возглавлял майор Вильярозль, выступавший за национализацию рудников, за осуществление целого ряда мер и чаяний боливийского народа. Это правительство постиг ужасный конец, майор Вильярозль был повешен народом на фонарном столбе, на площади, а ведь это было народное правительство. Почему это произошло? Потому что североамериканские специалисты умеют использовать определённые слабости внутри правительств, какими бы прогрессивными те ни были.

Мы также довольно долго шли по пути ошибок¹⁾, и все вы несёте часть вины за этот путь, хотя, разумеется, ваша вина минимальна, поскольку главная вина лежит на нас, на руководителях правительства, обязанных быть прозорливыми. Тем не менее мы шли по пути, который называли сектантским, но который был чем-то худшим, чем сектантским, — глупым. Это был путь отрыва от масс, путь чередования правильных и абсурдных шагов, путь подавления критики не только со стороны того, кто имел законное право это делать, т. е. со стороны народа, но также прекращения критического надзора со стороны партийного аппарата, который превратился в исполнителя и утратил свои черты контролера и инспектора. Это привело нас к серьёзным экономическим ошибкам — а вы помните, что в основе всех политических движений лежит экономика, — а наши экономические ошибки как раз и означали движение по тому пути, в котором был заинтересован империализм. Сегодня он силится разрушить нашу экономическую основу посредством блокады, а мы посредством всех наших ошибок ему помогли. Почему я говорю и о вашей доле вины? Возьмем, например, Комитеты Защиты Революции (КЗР) — институт, который возник в разгар кампании за народную бдительность, отражавшей стремление народа защитить революцию, и который шаг за шагом превращался в принудилровку, в рассадник оппортунизма. Комитеты становились организацией, вызывавшей антипатию у народа. Я полагаю, что сегодня можно с достаточной степенью уверенности сказать, что КЗР антипатичны народу по причине совершения ими актов произвола. Правда, здесь, в го-

1) Че имеет в виду месяцы, предшествующие марту 1962 г.

роде, это не так бросается в глаза и не так беспокоит нас. А вот деревню, которая составляет нашу базу, откуда вышла наша партизанская армия, из которой она в течение двух лет набирала силы, позволившие ей одержать победу над городами, — эту деревню мы полностью забросили, обрекли на забвение и, по сути, оставили в руках КЗР.

Комитеты защиты революции оказались пристанищем болтунов, тщеславных оппортунистов всяких мастей, которые даже не задумываются над тем, какой ущерб они наносят революции. И поскольку в борьбе задействованы все средства, империализм начал работать и с каждым разом работал всё эффективнее, создав в ряде районов ситуацию подлинного антагонизма между революцией и некоторыми секторами мелкой буржуазии, которые оказались чрезмерно зажаты революционной деятельностью. Всё это преподносит нам конкретный урок, который мы должны усвоить, и, кроме того, напоминает о той важнейшей истине, что органы безопасности, какого бы типа они ни были, должны находиться под контролем народа. Иногда действительно необходимо, а иногда может лишь казаться, будто необходимо принимать жёсткие меры, которые несут в себе опасность оказаться произвольными.

Естественно, что в моменты крайней напряжённости нельзя постоянно действовать в белых перчатках, и здесь было задержано множество людей без абсолютной уверенности в их виновности. В Сьерре мы расстреливали людей, не будучи полностью убеждены в их виновности: существуют ситуации, когда революция не могла позволить себе слишком долго заниматься расследованием, её священным долгом было победить. Но когда естественные отношения между людьми вновь обретают свою решающую важность, мы должны отступить и вернуться к этим отношениям, положить конец отношениям, основанным на принципах силы и слабости: «Я сказал — и всё тут!». Во-первых, потому что подобные отношения несправедливы, а во-вторых — и это очень важно, — они несостоятельны политически. Так же, как КЗР превратились в органы, вызывающие антипатию или как минимум в значительной мере утратившие свой былой престиж и любовь, которыми они пользовались, органы безопасности может постичь такая же участь, потому что фактически они совершали такие же ошибки.

Наша важная заслуга состоит в том, что мы не скатились к пыткам и прочим ужасающим вещам, к которым прибегали во мно-

гих странах во имя защиты справедливых принципов. Мы установили норму, которую всегда твёрдо отстаивал Фидель: и пальцем не прикасаться к человеку, даже если через минуту он будет расстрелян. Возможно, были и исключения из этого правила, я знаю об одном таком случае, но главное в том, что ваш институт всегда придерживался этой принципиальной позиции, и это тем более важно, что здесь, на Кубе, всё известно, и обо всём, о чём мы не сообщаем в газетах и даже не хотим знать, мы потом всё равно узнаём. Я возвращаюсь домой, а жена говорит мне: «Послушай, в посольство проник такой-то тип» или «Посмотри на автобус, в который стреляли солдаты». Здесь обо всём известно, известно также о каждом акте насилия и произвола, совершаемых тем или иным органом. Каким бы подпольным он ни был и как бы скрытно он ни работал, народ узнаёт обо всём и умеет оценивать всё.

Ваша роль в защите революции чрезвычайно важна, хотя менее важна, помните об этом, чем развитие экономики. Для нас гораздо важнее, чтобы народ имел похлебку, чем вас. Тем не менее ваша роль всё-таки важна и надо уметь её выполнять, потому что впереди нас ждут ещё тяжелейшие сражения и кто знает, сколько времени они продлятся. И все мы на том или ином участке, в той или иной мере, в ближайшем или отдалённом будущем должны будем предоставить свои жизни в распоряжение революции; так или иначе битва будет продолжаться. Какой степени напряжённости, какой степени превращения в открытую борьбу, какой степени глубины она достигнет, я не могу предсказать, ибо я не пророк. Но все мои желания, все мои устремления направлены на то, чтобы она не достигла крайней степени. Если же она этой степени достигнет, тогда ни ваша, ни моя деятельность не окажет существенного воздействия на её конечный результат. Но если до этого не дойдёт, а все мы не только хотим, но и боремся за то, чтобы до этого не дошло, если империализм сможет быть остановлен там, где сейчас находится, если удастся снизить его агрессивность, потому что, как говорил Никита, «хотя тигр всегда останется тигром, но и слон силён», вот тогда ваша миссия обретает всё своё значение, и состоит она в том, чтобы раскрывать всё, что готовит враг, и информировать правительство о том, что чувствует народ.

Однако, к примеру, в Матансасе руководители революционных организаций ходили с веревками по деревне, утверждая, что ИНРА предоставил веревки, дабы народ сам выбрал висельника; и

обо всём этом не было никакой информации, по крайней мере я не читал ничего об этом. Это значит, что ваша организация либо не выполнила своих обязанностей, либо сама не знала, что происходят подобные вещи. Имело место нечто вроде так называемого красного террора, который хотели развязать в Матансасе в ответ на белый террор, не отдавая себе отчёта в том, что белый террор существовал лишь в мозгах отдельных свихнувшихся. Мы сами развязываем белый террор своими абсурдными мерами, а зачем провозглашаем красный террор. В Матансасе как раз и произошёл поучительный и печальный пример абсурдных мер, которые может принимать группа революционеров, когда они находятся вне контроля. Но такое может повториться, и мы должны быть бдительными, дабы такого повторения не допустить.

Контрреволюционером является каждый, кто нарушает революционную мораль, не забывая об этом. Контрреволюционер — это тот, кто борется против революции, но контрреволюционером является и тот, кто, используя свое влияние, сначала приобретает себе дом, затем обзаводится автомобилями, а далее достаёт себе продукты вне карточной системы, а потом имеет всё то, чего нет у народа; эти блага он может выставлять или не выставлять напоказ, но он ими пользуется. Это — контрреволюционер, и вот таких-то надо немедленно разоблачать; тот, кто использует свой авторитет и влияние ради собственной корысти или в интересах своих дружков, тот контрреволюционер, и таких нужно преследовать, яростно преследовать и уничтожать. Оппортунизм — враг революции, и он процветает повсюду, где отсутствует народный контроль, вот почему так важно контролировать его в органах безопасности. В тех институтах, где контроль осуществляют только самые высокие инстанции, где из-за самого характера деятельности этого института не может осуществляться контроль за каждым его шагом или каждым его членом, и там надо быть непреклонным по тем же двум причинам: во-первых, потому что мы совершили революцию против несправедливости, а во-вторых, потому что непреклонность в данном случае — это единственно верная политика. Ибо все те, кто, говоря о революции, нарушают революционную мораль, являются не только потенциальными предателями, но и худшими очернителями революции — ведь люди видят их и знают обо всём, что делается, даже если мы сами не знаем о положении дел или не желаем знать о нем. Люди, повторяю, знают обо всём, и, таким образом, наша революция, вступив на этот оши-

бочный путь, всего за несколько месяцев растратила самое святое, что имела, — веру народа в неё. И теперь всем нам снова предстоит трудиться как никогда вдохновенно и самоотверженно, чтобы вернуть то, что мы промотали. А это тяжёлая задача, все мы это замечаем: энтузиазм в этом году куда ниже, чем в прошлом. Есть вещицы, которые, будучи потерянными, потом восстанавливаются, но сделать это трудно, потому что в той обстановке, в которой жила Куба, было легко внушить людям веру в революцию, а теперь, когда эта вера в какой-то момент была предана или ослаблена, вернуть её не так-то легко. Теперь вам предстоит потрудиться ради этого и в то же время быть непреклонными в отношении контрреволюции, быть хранителями секретов государства, постоянно быть бдительными и считать Кубу частью Америки при любом анализе ситуации, который вам предстоит проделать. В любой момент Куба должна рассматриваться вами как часть Америки, прямо и непосредственно с ней связанная. То, что произошло здесь, имеет историческое значение, и даже если бы мы того не хотели, опыт Кубы будет перенесён на континент. Некоторыми народами он уже воплощается в жизнь, всеми другими ещё воплотится. Вторая Гаванская декларация будет иметь важное значение для развития революционных движений в Америке. Это документ, который будет звать народы на борьбу; это, сохраняя должное уважение к великим документам прошлого, то, что можно было бы назвать «Коммунистическим манифестом нашего континента и нашей эпохи». Декларация базируется на нашей действительности и на марксистском анализе всех реалий Америки...

Поэтому мне показалось правильным немного поговорить с вами этим вечером об Америке. Надеюсь, вы меня простите за то, что я не был более убедительным из-за недостатка конкретики, за то, что я не рассказал более полно о столь важном аспекте борьбы, каким является её экономический аспект. Было бы очень интересно, если не для вас, то по крайней мере для меня, привести целый ряд данных, объясняющих механизм империалистического проникновения; данных, которые наглядно показали бы связь между политическими движениями и экономическим положением наших стран, связь между степенью и формами империалистического проникновения и соответствующим уровнем реакции на него; каким образом, какими историческими и экономическими предпосылками обусловлен тот или иной тип империалистического проникновения. Это могло бы проиллюстрировать развитие борьбы между империализмом и местной

буржуазией или между той и иной империей за отдельные сферы влияния; результаты абсолютной монополизации экономики всего нашего региона Соединёнными Штатами и то, насколько экономика каждой из стран Америки зависит от этой монополизации. Они показали бы, что такие слова, как «Колгэйт», «Мехораль» или «Пальмолив» встречаются почти во всех странах Америки, как и тысячи других товаров, потребляемых здесь ежедневно. Империализм использовал наш континент как источник сырья и как сферу экспансии своих монополий. А это, в свою очередь, создало наш союз, союз, который должен быть священным для нас, союз, который мы должны защищать и поддерживать.

Мораль — как в басне — нашей беседы состоит в том, что вы должны больше изучать Латинскую Америку. Я заметил, что вообще-то сегодня мы на Кубе знаем о любом регионе мира, наверное, больше, чем о Латинской Америке, а это неправильно. Изучая Латинскую Америку, мы также учимся немного лучше понимать себя самих, учимся лучше понимать друг друга, познаем наши отношения и нашу собственную историю. Изучать Латинскую Америку — значит изучать империалистическое проникновение, то есть изучать её экономику. В ней вы найдёте зародыши всего того, что происходит.

14

98

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

1959

1959

1959

1959

1959

Кадры — становой хребет революции

сентябрь 1962 год

Нет необходимости снова и снова говорить об особенностях нашей Революции, о необычайной, отмеченной некоторыми чертами стихийности, форме перехода от национально-освободительной революции к революции социалистической, о многочисленных этапах, с необычайной быстротой пройденных революционным процессом, руководимым — на каждом из этих этапов — теми же людьми, кто участвовал в исходной эпопее Монкады, прошли затем через «Гранму» и остались во главе процесса и после того, как был провозглашён социалистический характер Кубинской революции.

Всё новые и новые сочувствующие, активисты, организации включались в изначально слабую организационную структуру начинающегося движения — пока оно не вылилось в то половодье народного участия, которое стало характерной чертой нашей революции.

Когда же стало очевидным, что на Кубе новый общественный класс окончательно овладел властью, высветились и ограничения, и трудности, с которыми столкнулось здесь осуществление государственной власти в силу тех специфических условий, в которых оказалось государство, — без кадров, способных решать огромное количество задач, которые оказались возложены на государственный аппарат, политическую организацию и на все хозяйственные органы.

В период, непосредственно последовавший за взятием власти, на управленческие должности назначались методом «тыка», при этом особых трудностей не возникало, поскольку старая структура ещё не была сломана. Аппарат продолжал действовать — медленно и вяло, почти безжизненно, по старинке. Но сохраняя прежнюю структуру, в рамках которой осуществлялась координация, достаточная для того, чтобы удерживаться по инерции, игнорируя политические перемены, ставшие прелюдией перемен в экономической структуре.

«Движение 26 июля», разрываемое борьбой между правым и левым своим крылом, не могло посвятить себя созидательным задачам. Народно-социалистическая партия, испытывавшая жестокие удары в долгие годы подполья, не могла подготовить кадры среднего

звена, способные взять на себя тяжесть новой ответственности на приближавшемся новом этапе борьбы.

Когда государство только начало свое вмешательство в экономику, задача поиска кадров не казалась слишком сложной. Их можно было выбирать из огромного числа людей, обладавших минимальной подготовкой для решения управленческих задач. Но с ускорением процесса, которое началось после национализации американских, а в дальнейшем и крупных кубинских предприятий, в стране стал ощущаться настоящий голод на управленческие кадры. С другой стороны, ощущалась острая нехватка и специалистов на производстве, что было связано с выездом из страны многих из них, привлекаемых выгодными условиями, которые были им предложены империалистическими компаниями в других странах Америки и в самих Соединённых Штатах. Поэтому политический аппарат должен был приложить максимум усилий, чтобы в контексте решения созидательных задач вести всю необходимую идеологическую работу с массами, сближавшимися с Революцией и имеющими большое желание научиться всему.

Мы делали всё, что было в наших силах, но не смогли избежать ни спешки, ни неудач. Много ошибок было допущено распорядительными органами исполнительной власти, крупные ошибки были допущены новыми руководителями предприятий, которые сосредоточили в своих руках слишком большую ответственность; крупные и дорогостоящие ошибки мы допустили также и в политическом аппарате, который постепенно погружался в застойное и убаюкивающее болото бюрократии, который рассматривался как подобие трамплина для новых продвижений по службе, как ступенька к более или менее важным постам; аппарат оказался в полном отрыве от масс.

Центральной осью наших ошибок стало отсутствие чувства реальности в каждый данный момент. Но главное, чего нам конкретно не хватало, что ослабило нашу способность к восприятию и превратило партию в бюрократический придаток, поставив при этом под угрозу и систему управления, и производство, так это нехватка подготовленных кадров среднего звена. Кадровая политика рассматривалась как синоним политики по отношению к массам. Восстановить заново связь с массами, тесную связь, которая поддерживалась Революцией на первом этапе её развития, — таким был наш лозунг. Но восстанавливать её надо было посредством аппара-

та, который был бы эффективен как в понимании всех нужд и чаяний масс, так и в передаче им политических установок, зачастую звучавших лишь в выступлениях премьер-министра Фиделя Кастро или некоторых других руководителей Революции.

Здесь возникает вопрос: что же такое кадры? На наш взгляд, кадры — это люди, обладающие достаточно высоким уровнем политического развития для того, чтобы суметь истолковать основные директивные указания центральных органов власти, внутренне воспринять их и довести их как установки для масс. Вместе с тем они ясно понимают, чего хотят массы и какова глубинная мотивация их поведения. Эти люди, соблюдающие административную и идеологическую дисциплину, знающие принципы демократического централизма и действующие в соответствии с ними, умеющие оценить свойственные данному методу противоречия и, исходя из этого, максимально использовать различные его грани. Люди, умеющие использовать на производстве принцип коллективного обсуждения и личной ответственности за принимаемые решения; люди, чья верность делу Революции уже доказана, чьи нравственные качества неразрывно связаны с развитием их идейных установок, благодаря чему они всегда готовы вступить в любые споры и отвечать — если понадобится, то и собственной жизнью — за успешное развитие Революции. Кроме того, это люди, обладающие способностью к самоанализу, что позволяет им принимать необходимые решения и развивать творческую инициативу, не входя в конфликт с дисциплиной.

Таким образом, кадровый работник — это творец, это руководитель высокого уровня; специалист, обладающий высоким политическим уровнем, умеющий мыслить диалектически, способный развивать свой участок производства и работать в массах в качестве политического руководителя.

Такой тип человека, обладающий достоинствами, которые можно было бы характеризовать как труднодостижимые, стал тем не менее реальностью на Кубе, и мы каждодневно встречаемся с ним. Главное — использовать все возможности, которые имеются для его наивысшего развития, для его воспитания, для того чтобы извлечь из каждой личности максимальную пользу, превращая её в главную ценность нации.

Кадры формируются в процессе решения каждодневных задач, но вместе с тем следует вести и систематическую работу в специальных учебных заведениях, где компетентные преподаватели,

сами служащие примером для слушателей, будут способствовать их более быстрому идеологическому росту.

В государстве, приступающем к строительству социализма, не может быть кадровым работником тот, кто не обладает необходимым политическим развитием, но развитие не должно сводиться лишь к изучению марксистской теории. Одно из требований, предъявляемых к кадрам, заключается в их личной ответственности за свои действия; в дисциплине, которая препятствует любой временной слабости, но не препятствует большей инициативе; в постоянной озабоченности проблемами Революции. Для того чтобы развить всё это, надо начинать с установления принципа отбора в массах. Именно здесь надо искать рождающиеся личности; людей, прошедших испытание на прочность или начинающих сейчас показывать свою беспокойность [общим благом]. И направлять их в специальные школы или — за отсутствием таковых — назначать на более ответственные посты, чтобы они проявили себя на практической работе.

Так мы нашли множество новых кадров, сформировавшихся за эти годы, но их становление не было гладким, потому что молодые товарищи столкнулись с реальностями революционного созидания, не имея необходимого партийного руководства. Некоторые с честью вышли из такого положения, но немало и тех, кто не смог полностью преодолеть эту ситуацию и остановился на полпути. Есть и такие, которые просто потерялись в бюрократическом лабиринте или же в искушениях, которые порождаются властью.

Чтобы обеспечить победу и полную консолидацию Революции, мы должны готовить кадры различного рода: политические кадры — которые стали бы основой наших массовых организаций: они ориентируют их деятельность через Единую партию социалистической революции¹⁾ (эта основа уже начинает закладываться при помощи национальной и провинциальных школ Революционного обучения, а также при помощи различных учебных центров и кружков всех уровней); нужны также военные кадры, при этом можно воспользоваться результатами отбора, который осуществила война среди наших молодых бойцов. Большинство из тех, кто остались в живых, не обладают глубокой теоретической подготовкой, но они

1) Название, официально принятое весной 1962 г. Объединёнными революционными Организациями (ОРО) — после преодоления догматически-сектантского уклона.

прошли испытание огнём, в самых сложных условиях борьбы, они доказали на деле свою беспредельную верность революционному режиму, с рождением и развитием которого они неразрывно связаны начиная с первых партизанских действий в горах [Сьерра-Маэстра]. Нам также надо готовить хозяйственные кадры, которые посвятят себя решению сложных задач планирования и организации социалистического государства в эту пору его творения. Необходимо работать с профессионалами, стимулировать молодёжь продолжать учебу по важнейшим технологическим специальностям, чтобы попытаться придать науке энергию идеологического энтузиазма, которая гарантирует её ускоренное развитие. Настоятельно необходимо создать и управленческий аппарат, способный использовать и объединять специальные технические знания остальных и ориентировать предприятия и другие государственные организации на то, чтобы они подключались к динамическому ритму Революции.

Общим знаменателем [деятельности всех этих звеньев аппарата] выступает ясность политических установок. Это не означает безусловную поддержку всех постулатов Революции, а подразумевает поддержку разумную, основанную на готовности к самопожертвованию и на способности к диалектическому мышлению, позволяющей постоянно и на всех уровнях вносить свой вклад в богатую теорию и практику Революции. Эти товарищи должны отбираться из масс, исходя из единого для всех принципа, согласно которому отбирается всегда лучший и лучшему должны быть даны большие возможности для развития.

И везде независимо от конкретной сферы их деятельности кадры выполняют одну общую функцию. Кадры — это направляющая ось того идеологического мотора, каковым является Единая партия социалистической революции. Их можно назвать динамической частью этого мотора, которая обеспечивает его правильное функционирование. Динамической, поскольку речь идёт не о простом механизме сцеплений, передающем вниз — или вверх — лозунги (или требования), но о механизме творческом, помогающем развитию масс и доводящем информацию до руководителей, выступающем связующим звеном между ними.

Иными словами, кадры передают «наверх» всё то, что идёт от масс и служат проводником партийных установок в массах, их миссия — заботиться о том, чтобы не погас великий дух Революции, чтобы та не впала в спячку, чтобы не ослабился её ритм.

Таким образом, развитие кадров — неотложная задача текущего момента. Революционное правительство упорно работает над её решением.

Программы обучения стипендиатов на основе принципов тщательного отбора; программа обучения рабочих, которым предоставлены различные возможности для повышения уровня технических знаний; расширение сети профессионально-технических училищ и средних школ; открытие новых факультетов в университетах; провозглашение лозунга «Учеба, работа, революционная бдительность!» как общепартийного — вот шаги, которые мы предпринимаем в этом направлении. Здесь мы опираемся прежде всего на Союз молодых коммунистов, из рядов которого должны прийти самые различные кадры и в том числе будущие руководящие кадры нашей Революции.

С понятием «кадры» тесно связана способность к самопожертвованию, способность воплотить в собственном примере правду и лозунги Революции. Кадры как политические руководители своей деятельностью должны завоевать уважение трудящихся. Необходимо, чтобы они пользовались уважением и любовью своих товарищей, которых они должны вести дорогами авангарда.

Вот почему лучшие кадры — это те, которые избраны массами на собраниях, где называются образцовые рабочие, достойные быть принятыми в Единую партию социалистической революции наряду со старыми членами ОРО, прошедшими все необходимые стадии отбора. Вначале они образуют небольшую партию, но её влияние среди трудящихся будет огромным. Затем её ряды начнут расти по мере того, как развитие социалистического сознания превратит в потребность труд и полную самоотдачу личности во имя общего дела. Имея таких руководителей среднего звена, мы сможем с меньшими срывами решить стоящие перед нами сложные задачи. После недавнего периода замешательства и неудачных методов работы мы вышли на верный путь, с которого уже никогда не свернем. Опираясь на постоянно обновляющуюся энергию рабочего класса, пополняя из этого неиссякаемого источника ряды будущей Единой партии социалистической революции и при её руководящей роли мы широким фронтом решаем задачу формирования кадров, призванных обеспечить стремительное развитие нашей Революции. Борьба за эту цель должна увенчаться победой.

Каким должен быть молодой коммунист

речь на праздновании второй годовщины
объединения революционных молодёжных организаций Кубы,
20 октября 1962 года

Дорогие товарищи!

Одно из самых отрадных для революционера дел — из года в год наблюдать за ходом Революции, видеть, как формируются, укрепляются, обретают славу институты, рождавшиеся в начале Революции. Как организации, которые начинались с малого и росли с большими трудностями, потом преобразовывались посредством ежедневной работы и связи с массами в мощные ячейки сегодняшнего революционного движения, как они превращаются в подлинные институты — сильные, энергичные, авторитетные в глазах масс.

Союзу Коммунистической Молодёжи почти столько же лет, сколько и нашей Революции, хотя за эти годы он сменил несколько названий и организационных форм. Вначале это была эманация Повстанческой Армии. Вероятно, отсюда и возникло его первое название¹⁾. Это была тесно связанная с армией организация, чьей целью являлось массовое посвящение кубинской молодёжи в дело национальной обороны, что было тогда самой безотлагательной национальной проблемой, требующей скорейшего решения.

В прежнем отделе политического просвещения Повстанческой Армии зародились как Ассоциация Повстанческой Молодёжи (АПМ), так и Национальная Революционная Милиция. Впоследствии они зажили каждая своей жизнью. Милиция стала самостоятельной мощной организацией вооружённого народа, сплавленной с армией для решения задач обороны и действительно представляющей собой вооружённый народ.

Предназначением же АПМ стало политическое воспитание кубинской молодёжи.

Потом, когда Революция консолидировалась и мы уже начали ставить перед собой появившиеся на горизонте новые задачи, товарищ Фидель предложил изменить название организации. Оно

1) Ассоциация повстанческой молодёжи.

должно было стать выражением принципов; Союз Коммунистической Молодёжи¹⁾ (*Аплодисменты*) прямо ориентирован на будущее, его организующей идеей является светлое будущее социалистического общества, когда позади останется трудная дорога строительства нового общества, по которой мы идём сегодня, а впереди будет лежать путь окончательного укрепления диктатуры класса, чтобы прийти в конце концов к бесклассовому обществу, совершенному обществу; обществу, которое вам предстоит строить, направлять и которым вы в будущем станете руководить.

Ради этого Союз Коммунистической Молодёжи поднимает свои символы, которые являются и символами всего народа Кубы: учеба, работа и оружие. (*Аплодисменты*).

А на его значке — образы двух лучших выразителей духа кубинской молодёжи — оба они трагически погибли, и им не суждено увидеть конечный результат той борьбы, которая является сегодня нашим уделом — Хулио Антонио Мельи и Камило Сьенфуэгоса.²⁾ (*Аплодисменты*).

В эту вторую годовщину³⁾, в этот час лихорадочного строительства, постоянной подготовки к защите страны, максимально ускоренной технической и технологической подготовки, должен всегда — и прежде всего — ставиться вопрос о том, чем является и чем должен являться Союз Коммунистической Молодёжи.

Союз Коммунистической Молодёжи определяется одним-единственным словом: «авангард». Вы, товарищи, должны быть авангардом всех движений, первыми, готовыми к любым жертвам, которых может потребовать Революция. Вы должны быть первыми в работе, первыми в учебе, первыми в защите страны. И эта задача должна быть поставлена не только как выражение духа всей молодёжи Кубы, не только как задача широких масс, на основе которых строится эта организация, а как ежедневная задача каждого члена Союза Коммунистической Молодёжи. А для этого нужно ставить реальные и конкретные задачи, задачи ежедневной работы и не позволять себе падать духом. Задачи организации должны быть постоянно связаны с работой любого типа, которая ведётся в Союзе Коммунисти-

-
- 1) Это название организация приняла 4 апреля 1962 г.
 - 2) Впоследствии к ним присоединилось изображение самого Че.
 - 3) 20 октября 1960 г. было провозглашено объединение всех революционных молодёжных организаций Кубы.

ческой Молодёжи. Организация — это ключ, который позволяет поддерживать начинания, выдвигаемые вождями Революции, начинания, которые раз за разом выдвигает наш Премьер-министр, начинания, возникающие в недрах рабочего класса. Все эти инициативы должны преобразовываться в чёткие директивы, в ясные планы для последующего действия. Ибо там, где не существует организации, идеи после первого порыва, данного начальным импульсом, утрачивают силу, тонут в рутине, растворяются в конформизме, и в итоге от них не остаётся ничего, кроме воспоминаний.

Я предупреждаю об этом потому, что за короткий, но такой богатый период нашей Революции уже потерпели крах многие крупные инициативы — канули в забвение из-за отсутствия организационного аппарата, необходимого для того, чтобы поддержать их и довести до конца.

В то же время все мы и каждый из вас в отдельности должны осознавать, что быть молодым коммунистом, принадлежать к Союзу Коммунистической Молодёжи — это не милость, которую кто-то вам оказывает, и не милость, которую вы оказываете государству или Революции. Принадлежность к Союзу Коммунистической Молодёжи должна быть высшей честью для молодых людей нового общества. Честью, за которую они будут бороться в каждый момент своей жизни. А кроме того, они должны беречь свое личное честное имя и гордо нести его под прославленным знаменем Союза Коммунистической Молодёжи. К этому тоже нужно постоянно стремиться.

Так мы будем двигаться вперёд ещё быстрее. Привыкая думать от имени масс, осуществлять начинания, возникающие из великого почина рабочих масс и из инициатив наших руководителей. И в то же время всегда поступать как люди, постоянно заботящиеся о том, чтобы наши собственные действия не запятнали ни наше имя, ни имя организации, к которой мы принадлежим.

Спустя два года мы уже можем сделать некоторые обобщения и проследить результаты выполнения этой задачи. И в жизни Союза Коммунистической Молодёжи действительно есть огромные достижения. Одним из важнейших и самых впечатляющих из них стало участие молодёжи в подготовке к обороне. И молодые люди, которые первыми поднялись на пять вершин Туркино¹⁾; и те, которые вступили в разнообразные военные организации, все те, кто взял в

1) Самая высокая гора на Кубе (в Сьерра-Маэстра).

руки оружие в моменты опасности, будучи готовыми защищать Революцию везде, где ожидалось вторжение или вражеские действия — а в Плайя-Хирон на долю молодёжи выпала величайшая честь защищать нашу Революцию (*аплодисменты*), защищать всё то, что мы создали посредством огромных жертв, защищать то, что наш народ завоевал за многие годы борьбы.

И за эти семьдесят два часа сражений они защитили там нашу Революцию. Враги намеревались создать достаточно укреплённый плацдарм с аэропортом внутри, что позволило бы атаковать всю нашу территорию, подвергать её безжалостным бомбардировкам, превращать в пепел наши фабрики, стирать в порошок коммуникации, разрушать сельское хозяйство. Одним словом — сеять в стране хаос. Решительные действия нашего народа ликвидировали империалистическую агрессию всего за семьдесят два часа. Там юноши, фактически — подростки, покрыли себя славой. Некоторые из них находятся сегодня здесь как представители этой героической молодёжи, от других нам остались лишь их имена, как воспоминание, как стимул в новых ждущих нас сражениях, как стимул для новых героических действий в борьбе против атак империалистов. (*Аплодисменты*).

Когда защита страны была важнейшей задачей, молодёжь была на своём месте. Сегодня оборона продолжает оставаться нашей главной обязанностью. Но мы не должны забывать, что категории девиза Союза Коммунистической Молодёжи тесно связаны между собой: оборона страны строится не только на обучении владению оружием и подготовке к обороне; мы должны защищать страну, отстраивая её нашим трудом и готовя новые технические кадры для ускорения её развития в грядущие годы. Сейчас эта задача приобретает огромную важность и поднята на ту же высоту, что и борьба с оружием в руках.

Когда перед нами встали эти задачи, молодёжь снова оказалась на высоте. Молодёжные бригады, откликнувшись на призыв Революции, отправились во все уголки страны. И вот, через несколько месяцев тяжёлой борьбы, которая тоже дала мучеников Революции, мучеников битвы за образование мы смогли объявить о новой ситуации в Америке: о том, что Куба — это территория Америки, свободная от неграмотности. (*Аплодисменты*).

Учеба на всех уровнях — это и сегодня задача молодёжи. Учеба, совмещённая с работой, как это делают молодые студенты, ко-

торые собирают кофе в Орьенте (*аплудисменты*), используя каникулы для сбора зёрен, столь важных для нашей страны, для внешней торговли, для всех нас, — ведь мы ежедневно потребляем очень много кофе. Эта задача сходна с задачей ликвидации неграмотности, та жертва, которая приносится с радостью, которая опять же объединяет товарищей студентов и ведёт их в горные районы нашей страны, чтобы нести туда свое революционное послание.

Эти задачи крайне важны, потому что, решая их, Союз Коммунистической Молодёжи, молодые коммунисты, не только отдают что-то. Они получают нечто взамен, и иногда получают больше, чем отдают. Они обретают новый опыт, опыт человеческих взаимосвязей, узнают, как живут наши крестьяне, как работают и живут в самых отдалённых местах и что нужно сделать, чтобы поднять эти районы на тот же уровень, что города и густонаселённые сельские районы. Они набираются опыта и обретают революционную зрелость. Те товарищи, которые выполняют эту работу по ликвидации неграмотности или сбору кофе, находясь в прямой связи с нашим народом, помогая ему вдали от мест своей привычной жизни, эти товарищи получают — я могу утверждать это — ещё больше, чем отдают, а отдают они очень много! Это лучший вид образования для молодёжи, которая воспитывает себя для коммунизма. Это тот вид образования, где труд перестаёт быть кошмарной необходимостью — каковой он является в капиталистическом мире, а становится приносящей удовлетворение общественной обязанностью, которая выполняется с радостью, под звуки революционных песен, в атмосфере дружбы и братства, связей между людьми, которые укрепляют и поднимают дух всех.

Кроме того, Союз Коммунистической Молодёжи добился больших успехов в организационном плане. Сегодняшняя его организация сильно отличается от того слабого зародыша, который формировался как приложение к Повстанческой армии. Везде, на всех предприятиях, во всех административных органах, повсюду где они могут развернуть свою деятельность, есть молодые коммунисты. И всюду они работают для Революции. Организационные успехи также следует считать важным достижением Союза Коммунистической Молодёжи.

Однако, товарищи, на этом трудном пути было много проблем, были большие трудности, были грубые ошибки, и не всегда нам удавалось их преодолеть. Очевидно, что Союз Коммунистической

Молодёжи, будучи младшей организацией, меньшим братом Объединённых Революционных Организаций (ОРО), должен пользоваться опытом товарищей, которые дольше участвовали во всех революционных начинаниях, всегда и с уважением прислушиваться к этому опыту. Но молодёжь должна творить. Молодёжь, которая не творит, — это просто аномалия. А Союзу Коммунистической Молодёжи, пожалуй, не хватает творческого духа. В лице своего руководства он стал слишком послушным, слишком почтительным и недостаточно решительным, чтобы поднимать свои собственные проблемы.

Сегодня этому приходит конец. Товарищ Хоэль¹⁾ рассказал нам об инициативах по работе на селе. Это примеры того, как начинает рушиться ситуация полной — доходящей до абсурда — зависимости от старшей организации; как Союз Коммунистической Молодёжи начинает думать своей головой.

Дело в том, что мы, и наша молодёжь вместе с нами, начинаем выздоравливать от болезни, которая, к счастью, не была очень продолжительной, но тем не менее сильно повлияла на отставание в идеологическом развитии нашей революции. Мы все начинаем выздоравливать от этой болезни, называемой сектантством. К чему привело сектантство? Оно привело к механическому копированию, к формальности анализа, к появлению элементов разрыва в отношениях между руководством и массами. Это произошло даже в нашем Национальном Руководстве, и прямым отражением этого стала ситуация здесь, в Союзе Коммунистической Молодёжи.

Если мы, также дезориентированные таким явлением, как сектантство, не сумели услышать голос народа — самый мудрый голос и самый верный ориентир, если мы не почувствовали настроения народа, чтобы суметь преобразовать их в конкретные идеи, в чёткие планы, как же мы могли давать указания Союзу Коммунистической Молодёжи! И так как зависимость была абсолютной, а послушание очень большим, Союз Коммунистической Молодёжи дрейфовал как маленькая лодочка в кильватере большого корабля — наших Революционных Организаций, которые тоже дрейфовали, потеряв управление.

Здесь возникали лишь мелкотравчатые начинания — единственное, что был способен произвести Союз Коммунистической Молодёжи, — начинания, которые преобразовывались иногда в вуль-

1) Майор Хоэль Иглесиас — руководитель СКМ в начале 60-х годов.

гарные лозунги, явно демонстрирующие отсутствие идеологической глубины. Товарищ Фидель серьёзно критиковал проявления экстремизма и некоторые лозунги, которые вы все хорошо знаете: такие, как «ORI — la candela...», «Мы — социалисты, вперёд, вперёд...»¹⁾. Всё то, что критиковал Фидель и что вы хорошо знаете, — это отражение болезни, обрушившейся на нашу Революцию.

Мы прошли этот этап. Мы полностью преодолели его, однако отдельные органы всегда немного отстают. Это как болезнь, из-за которой человек находился в бессознательном состоянии. Когда болезнь отступает, к мозгу возвращается ясность мысли, но члены всё ещё плохо координируют свои движения. В первые дни, встав с кровати, человек ходит неуверенно, но постепенно уверенность вновь к нему возвращается. На этом отрезке пути мы и находимся. Таким образом, мы должны определить и проанализировать состояние всех наших организмов — со всей возможной объективностью, чтобы продолжать их очищать. Знать, что мы ещё ходим не очень уверенно, — знать это, чтобы не упасть, чтобы не споткнуться и не оказаться на земле; знать наши слабости, чтобы научиться преодолевать их, знать наши недостатки; чтобы избавиться от них и набрать новых сил.

Это отсутствие собственной инициативы проистекает из непонимания в течение длительного времени диалектики, которая двигает массовые организации. И забвения того, что такие организации, как Союз Коммунистической Молодёжи, не могут быть просто органами управления, которые постоянно дают массам руководящие указания и ничего не получают от масс. Считалось, что Союз Коммунистической Молодёжи и все организации Кубы являются организациями, придерживающимися одной-единственной линии, единственной линии, которая идёт от головы к основанию, но у неё не оказалось провода обратной связи с массами. Постоянного двойного обмена опытом, идеями, директивами, из которого и должны рождаться наиболее важные указания, те, которые направляли бы работу нашей молодёжи.

1) Че не цитирует полностью эти речёвки — они действительно хорошо были известны слушателям. «La candela» — буквально означает свеча, но на городском «жаргоне» — нечто соответствующее нашим «рука», «крыша», «босс». А после «вперёд»'ов во второй речёвке недовольным предлагалось «принять слабительное».

В то же время это позволило бы обнаружить те места, где работа наиболее слаба, проблемы, вокруг которых она ослабла в наибольшей мере. И сегодня мы всё ещё видим, как молодые люди, почти герои патриотических романов, которые могут сто раз отдать свою жизнь ради Революции, когда она призывает их для выполнения какой-либо конкретной и одноразовой задачи, и готовы к совместной борьбе за эти цели — в то же время прогуливают работу из-за собрания Союза Коммунистической Молодёжи или потому, что они поздно легли спать предыдущей ночью, обсуждая какую-либо инициативу СКМ, или не приходят на работу просто так, без уважительной причины.

И когда в бригаде добровольного труда выясняют, где же молодые коммунисты, часто их там не оказывается. Они не явились. Одному руководителю нужно было идти на собрание, другой был болен, ещё одного не известили... И в результате оказывается, что основополагающая позиция, позиция авангарда народа, позиция живого примера, который двигает всех вперёд — как это делала молодёжь на Плайя-Хирон, — эта позиция, это поведение не воспроизводятся в повседневной работе. Серьёзность, которой должна обладать сегодняшняя молодёжь, чтобы выполнять великие обязанности — а самой великой из них является строительство социалистического общества — не проявляется в конкретной работе.

Есть крупные слабости, и нужно работать над ними. Работать, организовывая, работать, конкретизируя болезненные моменты, слабые места, нуждающиеся в исправлении. И работать над каждым из вас, чтобы добиться ясного осознания того, что не может быть хорошим коммунистом тот, кто думает о Революции лишь тогда, когда наступает момент самопожертвования, сражения, героического подвига; того, что выходит за пределы обычной, повседневной жизни, а на работе при этом проявляет себя посредственно или хуже чем посредственно.

Как это может происходить, если вы уже носите имя Коммунистической Молодёжи; имя, которого мы, руководящая организация, руководящая партия, всё ещё не имеем? Вы, которые должны строить будущее, где труд станет наивысшим достоинством человека, общественной обязанностью и радостью человека. Где труд будет максимально творческим и все должны будут быть заинтересованными в своей работе и в работе других людей, в продвижении общества вперёд, день за днём.

Как же это может быть, что вы, кто уже сегодня носят это имя, не уважаете труд? Здесь явный провал. Провал организации, провал разъяснительной работы. Кроме того, это личностный человеческий изъян.

Всем нам — думаю, что всем — намного больше нравится то, что ломает монотонность жизни; то, что время от времени заставляет думать о собственной значимости, о нашей значимости в обществе. И я представляю себе гордость тех товарищей, которые, например, управляли «четырёхстволками»¹⁾, защищая свою родину от самолётов янки, а кому-то даже повезло увидеть, как его пули поразили вражеский самолёт. Несомненно, это самый счастливый миг в жизни человека. Это никогда не забывается, этого никогда не забудут те товарищи, которым довелось пережить подобный миг.

Но мы должны защищать нашу Революцию каждый день. И чтобы быть способными её защитить, нужно продолжать её строить, укреплять посредством того труда, который сегодня не нравится молодёжи, или, по крайней мере, который молодёжь считает последней из своих обязанностей. Потому что всё ещё сохраняется старинный менталитет, менталитет, происходящий из капиталистического мира, а именно: да, труд — это обязанность и необходимость, но при этом печальная обязанность и необходимость.

Почему это происходит? Потому что мы всё ещё не смогли придать труду его истинный смысл содержание. Мы не смогли объединить трудящихся сознанием значимости, которое имеет их ежедневно реализующийся творческий акт. Трудящийся и машина, трудящийся и объект труда — это две различные, две антагонистические вещи. И здесь нужно работать, чтобы формировать новые поколения, которые были бы максимально заинтересованы в труде и умели находить в труде постоянный и постоянно меняющийся источник новых эмоций. Делать из труда нечто творческое, нечто новое.

Здесь сегодня, возможно, самое слабое место нашего Союза Коммунистической Молодёжи, самый чувствительный пункт его деятельности; подчеркиваю это (понимая, что снова добавляю маленькую каплю горечи в радость нынешнего празднования), чтобы призвать молодёжь прореагировать на сказанное.

1) «Cuatroboca» — тяжёлая четырёхствольная зенитная автоматическая установка, которыми управляли подростки на Плайя-Хирон.

Сегодня у нас прошло собрание, на котором обсуждались дела в Министерстве, ход соревнования. Многие из вас, вероятно, уже обсудили это в своих трудовых коллективах и прочитали распространённый объёмистый документ. Но в чём же проблема соревнования, товарищи? Проблема в том, что соревнование не может возникнуть из бумаг, которые его регламентируют, упорядочивают и придают ему форму.

Правила и форма необходимы, чтобы впоследствии можно было сравнивать работу энтузиастов, участвующих в соревновании: когда два товарища начинают соревноваться, каждый на своей машине, чтобы больше сделать, через некоторое время они начинают чувствовать необходимость каких-то правил, определяющих, кто из них двоих производит больше: сравнить качество продукта, количество, часы работы, в каком состоянии находится машина после работы, как за ней ухаживают... Много разного. Но если вместо того, чтобы вести речь о двух товарищах, которые действительно соревнуются и которым мы дадим правила соревнования, будут устанавливаться правила для двух других, которые только и ждут, когда наконец наступит время идти домой, для чего тогда нужны правила, какую функцию они выполняют?

Во многом мы работаем согласно регламенту, придавая форму тому, чего не существует. Между тем форма должна иметь содержание. Регламент должен в этих случаях определять и ставить в конкретные рамки уже созданную ситуацию, стать результатом соревнования, проводившегося, если хотите, анархически, но с энтузиазмом, выходя за привычные рамки, во всех трудовых коллективах Кубы. И тогда автоматически возникла бы необходимость регламентировать его. Но устанавливать правила раньше, чем началось соревнование? Нет, так мы уже подходили ко многим проблемам, так мы проявляли формализм по отношению ко многому...

И когда на собрании в министерстве я спросил, почему не пришёл и сколько раз приходил секретарь Союза Коммунистической Молодёжи, мне сказали, что «как-то раз»... «несколько раз он бывал»... и что «коммунистической молодёжи не было»... Но в ходе собрания и обсуждения этих и других проблем Коммунистическая Молодёжь, ячейка и Федерация Женщин, Комитеты Защиты и Профсоюз, естественно, преисполнились энтузиазма. По крайней мере, они преисполнились угрызений совести, горечью, желанием улучшить ситуацию, желанием доказать, что способны сделать то, что не

было сделано: побуждать людей к действию. И тогда все обязались добиться того, чтобы всё Министерство приняло участие в соревновании на всех уровнях, обсудить правила соревнования уже после того, как оно начнется и через две недели представить конкретные факты, и чтобы в Министерстве к этому моменту уже шло соревнование.

И мобилизация началась. Люди уже поняли и внутренне почувствовали — потому что у нас прекрасные товарищи, — что чего-то не хватает в их работе. Они почувствовали, что их достоинство ущемлено, и приступили к решению проблем. Именно это следует делать. Помнить, что труд — это самое важное. Простите, что я повторяю это снова и снова, но проблема в том, что без труда не существует ничего. Все богатства мира, все ценности человечества — это не больше, чем накопленный труд. Без этого ничто не может существовать. Без сверхурочной работы, осуществляемой для того, чтобы создавать дополнительное богатство для создания новых предприятий, новых социальных центров, страна не будет двигаться вперёд. И какой бы мощной ни была наша армия, темпы роста будут оставаться медленными. И с этим надо покончить, порвать со всеми старыми ошибками, вынести их на суд общественности, проанализировать их в каждом рабочем центре и на основе этого — исправить их.

А теперь я хочу изложить вам, товарищи, свое мнение, моё представление как национального руководителя ОРО о том, каким должен быть молодой коммунист, — и посмотрим, все ли с ним согласятся.

Я думаю, что первое, что должно характеризовать молодого коммуниста, — это чувство гордости от того, что он является молодым коммунистом. Эта чувство проявляется в том, что он открыто ведёт себя перед всеми как молодой коммунист. Оно не уводит его в подполье, оно не сводится к повторению формул, но выражает его сущность в каждый момент и исходит из глубины его души. Он заинтересован в том, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к молодым коммунистам, потому что это — символ его гордости.

А ещё огромное чувство долга, долга по отношению к обществу, которое мы строим вместе с нам подобными людьми и со всеми людьми мира.

Всё это и должно характеризовать молодого коммуниста. Это и огромное чувство причастности в отношении ко всем проблемам, равнодушие по отношению к несправедливости; чувство него-

дования каждый раз, когда происходит что-то плохое, независимо от того, откуда оно исходит¹⁾. (Аплудисменты). Ставить все вопросы, которые остались непонятными; спорить и просить разъяснить то, что не ясно; вести войну против формализма, всех типов формализма. Всегда быть открытым для нового опыта, соразмерять огромный опыт человечества, которое уже много лет двигается по пути социализма, с конкретными условиями нашей страны; с реальностями, которые существуют на Кубе: и думать — всем вместе и каждому в отдельности, — как действовать, изменяя действительность, улучшая её.

Молодой коммунист должен ставить перед собой задачу всегда быть первым во всём, бороться за то, чтобы быть первым, чувствовать досаду, когда в чём-то он отстаёт. Бороться за то, чтобы стать лучше... Ясно, что не все могут быть первыми, но быть в числе этих первых, в группе авангарда, быть живым примером, примером, по которому равнялись бы товарищи, не принадлежащие к Коммунистической Молодёжи; примером, на который могут смотреть мужчины и женщины старшего возраста, отчасти потерявшие юношеский энтузиазм, прежнюю веру в жизнь, но сохранившие в себе способность отозваться на пример. Это ещё одна задача Коммунистической Молодёжи.

А рядом со всем этим — дух великого самопожертвования — не только в героические дни, а всегда. Идти на жертвы, чтобы помогать товарищам в решении повседневных задач, чтобы они смогли выполнить свою работу, чтобы они смогли выполнить свои обязанности в колледже, в учебе, чтобы они смогли — в том или ином — стать лучше. Быть всегда внимательным ко всем людям, его окружающим.

Иначе говоря, долг каждого молодого коммуниста быть глубоко гуманным, настолько гуманным, чтобы приблизиться к лучшему, что есть в человеке. Очищать это лучшее через труд, учебу, постоянную солидарность со своим народом и со всеми народами мира, развивать до предела чувство сопричастности, чтобы ощущать скорбь, когда где-нибудь в мире убивают человека, и чувствовать себя воодушевлённым и счастливым, когда где-либо в мире поднимается новое знамя свободы. (Аплудисменты).

1) В подлиннике: «lo haya dicho quien lo haya dicho». Другой вариант перевода: «чьим бы именем оно ни прикрывалось».

Молодой коммунист не может чувствовать себя ограниченным рубежами одной территории: он должен действовать в соответствии с духом пролетарского интернационализма, ощущая его как собственное, идущее изнутри свойство. Помня, как должны помнить все мы, молодые коммунисты и кандидаты в коммунисты здесь, на Кубе, что мы — реальный и осязаемый пример для всей нашей Америки и даже больше, чем для нашей Америки — для других стран мира, которые и на других континентах сражаются за свою свободу, против колониализма, против неоколониализма, против империализма, против всех форм угнетения, исходящих от несправедливых систем. Всегда помнить о том, что мы — это зажжённый факел, что все мы вместе — это то же самое зеркало, каким каждый из нас в отдельности является для народа Кубы; зеркало, в которое смотрят борющиеся за свою свободу народы Америки, народы угнетённого мира, и мы должны быть достойны этой роли — в любой момент, в любой час.

Вот что мы думаем о том, чем должен быть молодой коммунист. И если нам скажут, что мы — какие-то романтики, что мы — неисправимые идеалисты, что мы думаем о невозможном, что нельзя добиться того, чтобы весь народ стал почти образцом¹⁾ человека, мы должны ответить ещё раз и ещё тысячу раз, что да, что это возможно, что мы уверены, что весь народ может идти вперёд, идти, освобождаясь от человеческих слабостей, как он это делал на Кубе на протяжении этих четырёх лет Революции; идти, совершенствуясь, как все мы совершенствуемся день за днём, неуклонно избавляясь от всех тех, кто отстаёт, кто не может идти в одном ритме с кубинской Революцией. Так должно быть и так будет, товарищи. (*Аплодисменты*). Так будет, потому что вы — молодые коммунисты, создатели нового совершенного общества, люди, чьё предназначение — жить в новом мире, откуда окончательно исчезнет всё дряхлое, всё старое, всё то, что представляет собой то общество, основы которого мы только что разрушили. Над достижением этого надо работать каждый день, работать в духе внутреннего самосовершенствования, наращивания знаний, углубления понимания мира, который нас окружает. Исследовать, проверять и хорошо знать, почему всё происходит так, а не иначе. И всегда относиться к великим проблемам человечества как к своим собственным. И тогда однажды, в какой-нибудь день грядущих го-

1) В оригинале *arquetero*, то есть можно перевести это слово и как «архетип».

дов — после многих жертв, после того, как мы, возможно, не раз окажемся на грани уничтожения, — возможно, после того, как мы увидим наши фабрики разрушенными и вновь отстроенными, после того, как мы станем свидетелями резни, убийства многих из нас, и после того, как мы снова построим то, что было разрушено,¹⁾ в конце всего этого однажды, почти незаметно, мы создадим вместе с другими народами мира коммунистическое общество — наш идеал. (*Аплодисменты*).

Товарищи, говорить с молодёжью — это очень приятная задача. В такой момент чувствуешь себя способным передать некоторые вещи и чувствуешь, что молодёжь тебя понимает. Я многое хотел бы сказать обо всех наших усилиях, о наших порывах — о том, как тем не менее снова и снова приходится всё начинать заново из-за моментов слабости, и о том, как связь с народом — с идеалами и чистой народом — воскрешает в нас заново революционный пыл...

Много о чём можно было бы сказать. Но я тоже должен выполнять свой долг. И хотел бы использовать свое объяснение того, почему я вынужден попрощаться с вами, с прямым намеком, если хотите. (*Смех*). Я прощаюсь с вами, потому что отправляюсь на добровольную работу на одной текстильной фабрике (*аплодисменты*), где работаю уже некоторое время. Мы соревнуемся с Объединённым Предприятием пряжи и гладких тканей, работники которого трудятся на другой текстильной фабрике, а кроме того, с сотрудниками Центрального Управления планирования, работающими ещё на одной текстильной фабрике.

Я хочу честно сказать, что Министерство промышленности сейчас занимает последнее место в соревновании, что нам надо приложить большие и многократные усилия, чтобы идти вперёд, чтобы наши собственные слова о том, что надо быть лучшими, не расходились с делом; стремиться стать самыми лучшими, потому что нам больно оказаться в социалистическом соревновании последними... У нас попросту произошло то, что случилось и со многими из вас: в соревновании мало пыла, оно несколько искусственно, нам не удалось наладить прямую связь с массами промышленных рабочих. Завтра у нас собрание, где мы обсудим эти проблемы и постараемся их решить, найти точки объединения, найти общий язык,

1) Речь произнесена за два дня до «официального» начала Карибского кризиса...

добиться абсолютного единства между рабочими этих предприятий и нами — работниками Министерства. А когда мы добьемся этого, мы серьезно увеличим производительность труда — я в этом уверен — и сможем честно и достойно, по крайней мере, бороться за первые места.

В любом случае на ближайшем собрании в будущем году мы расскажем вам о результате.

До встречи.

Поколение самопожертвования

Статьи и выступления 1962–1965 годов

Тактика и стратегия латиноамериканской революции¹⁾

«Тактика учит использованию
вооружённых сил в боях,
а стратегия — использованию боев
для достижения цели войны».
Карл фон Клаузевиц

Мы взяли эпиграфом к этим заметкам цитату из Клаузевица, военного автора, который воевал против Наполеона и который теоретизировал о войне столь мудро, что его нравилось цитировать Ленину, ценившему ясность его концепции, хотя речь шла, конечно, о буржуазном аналитике.

Тактика и стратегия — это два главных элемента искусства ведения войны, но война и политика тесно связаны между собой общим знаменателем, которым является стремление достичь конечной цели, будь то уничтожение противника в вооружённой борьбе или взятие политической власти.

Однако анализ тактических и стратегических принципов, которыми руководствуется военная или политическая борьба, нельзя сводить к одной схематичной формуле. Богатство каждого из этих понятий можно измерить лишь посредством комплексного анализа связанных с ними сложнейших мероприятий.

1) Речь идет о «заметках», набросанных Че в «грустные и светносные» [«Tristes y luminosos»] (см. стр. 562) дни Карибского кризиса — и проникнутых трагическим духом этих дней, отвечавшему мироощущению авангарда — и народа — Кубы, «духом Нумансии», «смерти стоя», «последнего и решительного боя». В этом, думается, особая историческая ценность заметок, придающая им характеристику документа. Вместе с тем именно эта тональность — особенно сильная и осязаемая в последних абзацах заметок — объясняет, по-видимому, почему Че не опубликовал их после того, как призраком атомного столкновения отступил и Че уже не считал, наверное, вправе требовать от «других» того, что он по-прежнему считал единственно верным и возможным для себя. Опубликованы эти заметки были лишь через семь лет — и через год после гибели Че, в октябре 1968 г.

Нет неизменных тактических и стратегических целей. Иногда тактические цели приобретают стратегическую важность, а в других случаях стратегические цели превращаются в чисто тактические элементы.

Точный анализ относительного значения каждого из этих элементов — это то, что позволяет революционным силам в полной мере использовать все события и обстоятельства, направленные на достижение великой и конечной стратегической цели: взятия власти.

Власть является стратегической целью *sine qua non* революционных сил, и всё должно быть подчинено этому великому стремлению.

Чтобы взять власть в этом поляризованном мире, две силы которого предельно различны между собой и абсолютно противоположны по своим интересам, нельзя ограничиваться рамками той или иной географической или социальной общности. Взятие власти — это мировая цель революционных сил. Завоевание будущего представляет собой стратегический элемент революции, замораживание настоящего — это стратегическая контрцель, движущая силами реакции в современном мире, в котором они находятся в состоянии обороны.

В этой борьбе мирового масштаба громадное значение имеет географическое размещение позиций. Иногда ему принадлежит решающее значение. Куба, например, — выдвинутый вперёд бастион, возвышенность, с которой наблюдается обширный экономически перекошенный мир Латинской Америки; аванпост, который направляет в её сторону антенну своего излучения, так как пример Кубы принес свет всем народам региона. Кубинский форпост имеет большое стратегическое значение для противоборствующих лагерей — империализма и социализма, — которые сейчас оспаривают гегемонию в мире. Его значение было бы совсем другим, если бы он существовал в иной географической или социальной ситуации. Его значение было совсем другим, когда до революции он составлял лишь одну из тактических позиций империализма. В настоящее время значение кубинского редута возрастает не только потому, что он представляет собой открытую дверь в Латинскую Америку. К его стратегическому, военному и политическому положению присоединяется ещё и мощь его морального влияния; его моральные снаряды имеют столь разрушительную действенность, что становятся едва ли не самым главным элементом в определении ценности Кубы.

Поэтому, чтобы анализировать каждый элемент в войне или в политике, нельзя отрывать его от того целого, частью которого он является. Все прецеденты подтверждают последовательную линию или позицию этого принципа по отношению к великим стратегическим целям.

Переноса данную дискуссию на почву Америки, следует задать себе вопрос, требующий точного ответа: каковы те тактические элементы, которые должны использоваться для достижения великой цели взятия власти в этой части мира? Возможно или невозможно в современных условиях нашего континента добиться этого (то есть установления социалистической власти) мирным путём?

Мы отвечаем категорически: в подавляющем большинстве случаев это невозможно. Самое большее, чего можно достичь мирно,— это формальный захват буржуазной властной надстройки, но переход от ситуации правительства, которое в условиях утвердившейся буржуазной законности формально приходит к власти, к социализму должен будет осуществляться в обстановке жесточайшей насильственной борьбы против всех тех, кто тем или иным образом попытается покончить с продвижением этого правительства к новым общественным отношениям.

Здесь одна из наиболее дискуссионных и в то же время наиболее важных проблем, по которой наша революция имеет, пожалуй, наибольшие расхождения с другими революционными движениями Америки. Мы должны со всей ясностью выразить свою позицию и попытаться проанализировать все «почему».

Америка в настоящее время представляет собой вулкан; он ещё не извергается, но уже сотрясается могучим подземным гулом, который предвещает приближение извержения. Эти предвестники слышны повсюду. Вторая Гаванская декларация является выражением и конкретизацией этих подземных движений. Она стремится добиться осознания необходимости и, более того, уверенности в возможности революционных изменений. Понятно, что американский вулкан не изолирован от всех остальных движений, которые бурлят в современном мире в нынешний момент решающего столкновения сил между двумя могущественными толкованиями истории. Мы могли бы, говоря о нашей родине, сослаться на следующие слова Гаванской декларации:

«Чем является история Кубы, если не историей Латинской Америки? И что такое история Латинской Америки, если не история

Азии, Африки и Океании? И что представляет собой история этих народов, если не историю самой жестокой и бесчеловечной эксплуатации империализмом всего мира?»

Америка, равно как Африка, Азия и Океания, — это части единого целого, в котором экономическое развитие было изуродовано деятельностью империализма. Но не все эти континенты обладают одинаковыми характеристиками. Формам империалистической, колониальной и неоколониальной экономической эксплуатации, использовавшимся буржуазными силами Европы, суждено было столкнуться не только с освободительной борьбой угнетённых народов Азии, Африки или Океании, но также и с проникновением империалистического североамериканского капитала. Это создало различные соотношения сил в определённых странах и сделало возможным в некоторых из них мирный переход к независимым или полуколониальным национально-буржуазным системам.

В Америке — нет. Америка — это плацдарм североамериканского империализма. Нет в мире экономических сил, способных поддержать борьбу, которую развернула бы национальная буржуазия с североамериканским империализмом, а потому её силы, относительно более слабые по сравнению с буржуазией других регионов, подчиняются империализму, идут на соглашения и сделки с ним.

Перед лицом этой ужасной для вечно всего боящейся буржуазии драмы выбора: подчинение иностранному капиталу или уничтожение в борьбе с внутренними народными силами; перед лицом этой дилеммы, которую Кубинская революция углубила и поляризовала своим примером, буржуазии не остаётся другого решения, кроме капитуляции. А когда та свершается, когда освящается договор о подчинении, силы местной реакции объединяются с самой могущественной реакцией внешней и делают невозможным мирное развитие социальных революций.

Характеризуя современную ситуацию, Вторая Гаванская декларация отмечает:

«Во многих странах Латинской Америки революция сегодня неизбежна. Этот факт обусловлен не чьей-либо волей. Он обусловлен ужасающими условиями эксплуатации, в которых живет американец, развитием революционного сознания в массах, мировым кризисом империализма и всемирной борьбой угнетённых народов. Отмечаемое сегодня волнение является безошибочным признаком восстания. Приходят в движение глубинные силы континента, ко-

торый был свидетелем четырёхвековой рабской, полурабской и феодальной эксплуатации человека, начиная с коренных жителей и привезённых из Африки рабов и кончая национальным населением, возникшим впоследствии: белыми, неграми, мулатами, метисами и индейцами, которых сегодня роднят презрение, унижение и угнетение со стороны янки, как роднит их и надежда на лучшее будущее».

Таким образом, можно заключить, что решимость достичь более справедливой общественной системы должна заставить нас думать главным образом о вооружённой борьбе. Имеется, конечно, и возможность мирного перехода; на неё указывают работы классиков марксизма, и она подтверждена недавней Декларацией коммунистических партий, но в современных условиях Америки с каждой минутой всё труднее реализовывать мирные устремления: последние события¹⁾ с точки зрения Кубы показывают сплочённость буржуазных правительств региона с империалистическим агрессором по главным аспектам конфликта.

Напомним о нашем настойчивом предупреждении: мирный переход — это не завоевание формальной власти посредством выборов или движения общественного мнения без прямого сражения; он означает установление социалистической власти со всеми её атрибутами без использования вооружённой борьбы. Естественно, это не означает, что все прогрессивные силы должны вступить на путь вооружённой борьбы; они должны до последней минуты использовать возможность борьбы легальной, в рамках буржуазной системы.

Главное здесь, как указывает Декларация 81 партии...²⁾

В отношении формы, которую примут революционные движения после взятия власти, возникают вопросы, истолкование которых представляет большой интерес. Характеризуя современную эпоху, Декларация 81 партии гласит:

«Наша эпоха, главное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, является эпохой борьбы двух диаметрально противоположных общественных систем, эпохой социалистических революций и национально-освободительных движений, эпо-

- 1) Карибский кризис и проамериканская позиция, занятая в эти дни подавляющим большинством правительств Латинской Америки.
- 2) Че предполагал включить сюда цитату из Декларации Совещания 81 коммунистической партии (1960 г.), но не сделал этого.

хой разрушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпохой перехода всё большего числа народов на социалистический путь, эпохой победы социализма и коммунизма во всём мире.

Главная черта нашей эпохи состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества».

Иными словами, утверждается, что при всей важности борьбы за освобождение народов то, что определяет нынешний момент, это переход от капитализма к социализму. На всех эксплуатируемых континентах имеются страны, в которых существующие там общественные системы достигли разных ступеней развития, но почти все они характеризуются наличием мощных социальных страт феодального характера и сильной зависимостью от иностранного капитала. Было бы логично полагать, что в освободительной борьбе, если следовать естественному ходу поступательного развития, сначала возникнут правительства национальной демократии с более или менее ярко выраженным преобладанием буржуазии; это действительно произошло во многих случаях. Однако те народы, которые для завоевания независимости были вынуждены прибегнуть к силе, продвинулись по пути социальных преобразований дальше, а многие из них вступили в социализм.

Куба и Алжир дают нам новейшие осязаемые примеры воздействия вооружённой борьбы на развитие общественных преобразований. И если мы приходим к заключению, что в Америке мирный путь почти ликвидирован как возможность, то мы можем утверждать, что очень вероятно, победоносные революции в данном регионе мира будут иметь своим результатом режимы с социалистической структурой.

Чтобы прийти к этому, прольются реки крови. Еще не залечивший свои раны Алжир, продолжающий истекать кровью Вьетнам, отважно, но одиноко борющаяся за свою независимость Ангола, а также Венесуэла, патриоты которой, вдохновлённые борьбой кубинцев, продемонстрировали на днях самую высокую и самую выразительную форму солидарности с нашей революцией, и Гватемала, ведущая трудную, почти невидимую борьбу,— вот осязаемые примеры этого.

Кровь народа — это самое священное наше сокровище, но её приходится проливать, чтобы не дать пролиться гораздо большей крови в будущем.

На других континентах достигнуто освобождение от колониализма и установление¹⁾ более или менее прочных буржуазных режимов. Это произошло без насилия или почти без него, но, следуя логике событий, имевших место до сегодняшнего дня, логично предположить, что эта национальная буржуазия в ходе своего непрерывного развития в определённый момент вступит в противоречие с остальными слоями населения. С ликвидацией ига угнетающей страны-метрополии буржуазия исчерпает себя как революционная сила, превратится в полном смысле слова в эксплуататорский класс и цикл социальной борьбы возобновится. Можно или нельзя будет продвигаться при этом по мирному пути? В любом случае в данной борьбе неизбежно противостояние двух крупных факторов: эксплуатируемых и эксплуататоров.

Поскольку речь идёт о взятии власти, эта дилемма нашей эпохи не избежала проникновения в дискуссию североамериканских империалистов. Они тоже выступают за мирный переход. Они согласны ликвидировать старые феодальные структуры, которые до сих пор сохраняются в Америке, и объединиться с наиболее развитой частью национальной буржуазии для проведения отдельных бюджетных реформ, некоторого изменения режима землевладения, умеренной индустриализации, которая затронет преимущественно производство товаров широкого потребления и основана на технологии и сырье, импортированных из США.²⁾

Эта усовершенствованная формула подразумевает союз национальной буржуазии с внешними силами и интересами; они вместе создают в определённой стране новые отрасли промышленности, получают для этих отраслей такие налоговые льготы, которые позволяют полностью исключить конкуренцию со стороны других империалистических держав и вывозить из страны полученные таким путём прибыли под прикрытием несовершенного валютного регулирования.

Посредством этой новейшей и более гибкой системы эксплуатации сама «националистическая» страна берёт на себя защиту интересов Соединённых Штатов, устанавливая таможенные тарифы,

- 1) Вариант (перевода): «На других континентах, где освобождение было достигнуто в борьбе против колониализма, были установлены...»
- 2) Что имеет в виду выдвинутую Д. Кеннеди программу «Союз ради прогресса».

позволяющие получать сверхприбыли (которые те же североамериканцы реэкспортируют в свою страну). Естественно, что продажную цену товара, не испытывающего конкуренции, устанавливают производящие его монополии. Всё это и отражено в проектах «Союза ради прогресса», который является не чем иным, как империалистической попыткой затормозить созревание условий для народной революции посредством дележа небольшой части своих прибылей с креольскими эксплуататорскими классами, становящимися надёжными союзниками в борьбе против наиболее эксплуатируемых классов. Иначе говоря, это попытка в максимально возможной мере упразднить внутренние противоречия капиталистического строя.

Как мы уже сказали, в Америке пока нет силы, способной вмешаться в эту экономическую борьбу, и потому здесь игра империализма достаточно проста. Единственной возможностью изменить эту ситуацию выступает всё более бурное развитие европейского Общего рынка, который под руководством Германии смог бы достичь достаточного могущества, чтобы конкурировать в этих широтах с североамериканским капиталом. Но развитие внутренних противоречий и их насильственное разрешение происходят сейчас так быстро, так вулканически, что возникает впечатление, что Америка превратится в поле битвы между эксплуатируемыми и эксплуататорами раньше, чем в арену борьбы между двумя империализмами. Намерениям Союза ради прогресса не суждено сбыться, потому что сознание масс и объективные условия слишком созрели для того, чтобы сделать возможной столь незамысловатую ловушку.

Решающим в настоящее время является то, что фронт империализма и креольской буржуазии остаётся единым. На последнем голосовании в ОАГ разногласий по фундаментальным вопросам не наблюдалось и только некоторые правительства стыдливо прикрыли свою откровенность легалистскими формулами, так и не разоблачив агрессивной сущности принятых США решений, противоречащих всякому праву.

Тот факт, что на Кубе имелись атомные ракеты, послужил предлогом для того, чтобы все встали на сторону Соединённых Штатов: акция на Плайя-Хирон не произвела противоположного действия.¹⁾

1) Т.е. прямая агрессия США не имела тогда своим результатом столь же единодушную поддержку латиноамериканскими правительствами Кубы.

Хотя латиноамериканские правительства хорошо знают, что это было оборонительное оружие, как знают и то, кто является агрессором. Выходит, что все они, хотя и не говорят это вслух, знают о подлинной угрозе, исходящей от Кубинской революции. Самые продавшиеся, а потому и самые циничные из них говорят об опасности «подрывных действий» со стороны Кубы, и они правы. Самая большая опасность, которую несёт в себе Кубинская революция, состоит в её заразительном примере, в распространении революции, в том, что правительство, руководимое лидером мирового масштаба, сумело поднять мужество кубинского народа на редкую в истории высоту.

Это вызывающий трепет пример народа, который готов сам сгореть в атомном пожаре ради того, чтобы его пепел превратился в фундамент для новых обществ, и который, когда за его спиной заключается соглашение о вывозе атомных ракет, не издаёт вздох облегчения, не благодарит за перемирие, но выступает на мировую арену, чтобы своим собственным и только ему свойственным голосом выразить собственную и лишь ему свойственную позицию борьбы и, более того, свою решимость продолжать бороться, даже если он останется один на один со всеми опасностями, включая атомную угрозу со стороны североамериканского империализма.

Это потрясает народы. Они слышат этот новый призывный голос, который доносится с Кубы и звучит громче, чем все страхи, всё враньё, все предрассудки, чем вековой голод, чем все те средства, которыми его пытаются заглушить. Он крепче, чем страх перед местью, самым варварским наказанием, самой жестокой смертью, самым зверским угнетением со стороны эксплуататоров. Этот голос с новыми и чистыми тонами отозвался во всех уголках Америки. В этом состояла наша миссия, и мы выполняли и будем выполнять её со всей решимостью нашего революционного сознания.

Можно спросить себя: И это единственный путь? А нельзя ли использовать противоречия в империалистическом лагере, найти поддержку тех секторов буржуазии, которые империализм подвергал закабалению, а иногда — ударам и унижению? Нельзя ли поискать формулу, менее суровую, менее саморазрушительную, чем эта позиция Кубы? Нельзя ли добиться силой или совместными дипломатическими маневрами выживания Кубы? Мы отвечаем: против грубой силы — сила и решимость, против всех тех, кто желает нас уничтожить, — лишь воля бороться до последнего человека, защищая свою страну.

И эта формула сохраняет свою силу для всей Америки: тем, кто стремится удержать власть вопреки воле народа — отвечать огнём и кровью, пока не будет уничтожен последний эксплуататор.

Как осуществить такую революцию в Америке? Дадим слово Второй Гаванской декларации:

«В наших странах недоразвитость промышленности сочетается с феодальным характером аграрного строя. Именно поэтому, при всей тяжести условий жизни городских рабочих, сельское население проживает в ещё более ужасных условиях угнетения и эксплуатации; и при этом оно, за немногими исключениями, является самым многочисленным сектором латиноамериканского населения, достигая подчас 70% его численности. За вычетом землевладельцев, которые зачастую проживают в городах, остальная многочисленная часть сельского населения находит себе пропитание, трудясь в качестве пеонов в асьендах за нищенскую заработную плату или обрабатывает землю на таких условиях эксплуатации, которым не в чем позавидовать Средневековью.

Именно эти обстоятельства определяют то, что в Латинской Америке бедное сельское население составляет громадную потенциальную революционную силу.

Армии, сформированные и оснащённые для традиционной войны и представляющие собой силу, на которую опирается власть эксплуататорских классов, оказываются абсолютно бессильными, когда сталкиваются с партизанской войной крестьян в их естественных условиях обитания. Они теряют по 10 солдат на каждого павшего революционного бойца, и их ряды охватывает деморализация, как только им приходится противостоять невидимому врагу, не оставляющему им возможности блеснуть академической тактикой и парадными воинскими фанфарами, которые они так часто демонстрируют при подавлении рабочих и студентов в городах.

Борьба, которую начинают немногочисленные отряды бойцов, без конца питается новыми силами; начинает разворачиваться массовое движение, старый порядок постепенно раскалывается на тысячу кусочков, и тогда наступает момент, когда рабочий класс и городские массы решают исход борьбы.

Что же с самого начала борьбы делает эти первые отряды непобедимыми, независимо от численности, мощи и ресурсов врага? Поддержка народа; и этой массовой поддержкой они будут располагать в возрастающей степени.

Но крестьянство — это такой класс, который в силу состояния бескультурья, в котором его держат, и изолированности, в которой он живет, нуждается в революционном и политическом руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции, без которых он сам по себе не смог бы подняться на борьбу и одержать победу.

В современных исторических условиях Латинской Америки национальная буржуазия не может возглавить антифеодальную и антиимпериалистическую борьбу. Опыт показывает, что в наших странах этот класс, даже когда его интересы противоречат интересам империализма янки, оказывался неспособным пойти на столкновение с ним, поскольку парализован страхом перед социальной революцией и напуган требованиями эксплуатируемых масс».

Так говорится во Второй Гаванской декларации¹⁾, и это является своего рода рецептом того, чем должны стать революции в Америке. Не мечтать о союзах, которые не будут находиться под абсолютным руководством рабочего класса; не думать о сотрудничестве с фарисейской и предательской буржуазией, уничтожающей силы, на которые она опиралась, чтобы прийти к власти; оружие в руках народа, обширные уголки нашей Америки как поле битвы, крестьянство, борющееся за землю; военные засады, беспощадная смерть эксплуататору — и, неся эту смерть, суметь и принять её, принять с достоинством революционера — вот что имеет значение.

Такова панорама Америки, континента, который готовится к борьбе. Чем скорее он возьмется за оружие, чем быстрее он занесёт свои мачете над головами землевладельцев, промышленников, банкиров, эксплуататоров всех мастей и над их видимой верхушкой — угнетательской армией, тем лучше.

О том, должна ли тактика вооружённой борьбы всегда сводиться к партизанской войне или допустимо осуществлять другие акции в качестве направляющей оси борьбы, можно долго дискутировать. Наши возражения против использования иной тактики в Америке базируются на двух аргументах.

Во-первых, если принять за истину, что враг будет бороться за сохранение власти, то следует подумать о разрушении угнетательской армии, а чтобы разрушить её, необходимо противопоставить ей народную армию. Такая армия рождается не спонтанно, она долж-

1) Вариант перевода: «вот о чём говорит декларация».

на вооружаться из захваченных у врага арсеналов, и это обуславливает тяжёлый и длительный характер борьбы, в которой народные силы и их руководители всегда будут противостоять наступлению превосходящих сил, не имея адекватных условий для защиты и маневренности. Напротив, партизанский отряд, действующий в благоприятной для борьбы местности, обеспечивает безопасность и стабильность революционного руководства; городские силы, управляемые из Генерального штаба народной армии, могут осуществлять акции огромной важности, но возможная случайная гибель городских групп в этом случае не убьёт душу революции, её руководство, которое из сельской крепости будет продолжать укреплять революционный дух масс и организовывать новые силы для других боёв.

Во-вторых, это континентальный характер борьбы. Можно ли представлять этот новый этап освобождения Америки как противостояние двух местных сил, борющихся за власть на определённой территории? Очевидно, нет, ибо смертельная борьба развернётся между всеми народными и всеми репрессивными силами региона.

Янки вмешаются из-за общности интересов, а также потому, что борьба в Америке имеет для них решающее значение; при этом они вмешаются всеми средствами, обрушив на народные силы все имеющиеся в их распоряжении виды разрушительного оружия. Они не позволят консолидироваться революционной власти, а если где-то это тем не менее произойдёт, они возобновят свои атаки, не признают новую власть, постараются расколоть революционные силы, внедрят саботажников всех мастей, попытаются экономически удушить новое государство, словом, уничтожить его.

При такой перспективе мы полагаем, что будет весьма трудным достигнуть победы в отдельно взятой стране Америки. На единство репрессивных сил необходимо отвечать единством сил народных. Во всех странах, в которых угнетение доведено до невыносимого уровня, взвѣтается знамя восстания, и это восстание в силу исторической необходимости примет континентальный характер. Как сказал когда-то Фидель, Кордильера Анд призвана стать Сьерра-Маэстрой Америки, а все обширные территории этого континента призваны стать ареной борьбы не на жизнь, а на смерть против власти империализма.

Мы не можем предсказать, когда борьба примет этот, континентальный характер и сколько времени она продлится, но можем прогнозировать её пришествие, потому что она — продукт истори-

ческих, экономических и политических обстоятельств, и изменить её направленность нельзя.

Такому пониманию континентальной стратегии и тактики противопоставляют некоторые ограниченные формулы: избирательная борьба меньшего масштаба, отдельный избирательный успех вроде избрания двух депутатов, одного сенатора, четырёх алькальдов; крупная народная манифестация, разгоняемая выстрелами; выборы, которые проигрываются меньшим числом голосов, чем предыдущие; одна успешная и десять проигранных забастовок; шаг вперёд, десять назад; одна частная победа здесь и десять поражений там. И вдобавок в определённый момент противник изменяет правила игры и надо начинать всё сначала.

Откуда такая постановка вопросов? Для чего такое расточительство народной энергии? По одной простой причине. Внутри прогрессивных сил некоторых стран Америки существует полная путаница в тактических целях, что и даёт в результате полную утрату понимания целей стратегических. Надо записать на счёт здравого смысла реакции то, что она сумела сделать эти, умеренно-оборонительные позиции главной целью своего классового врага.

В тех местах, где есть такие серьезные ошибки, народ год за годом бросает свои легионы на завоевание достижений, стоящих ему многих жертв, но не имеющих ни малейшего значения. Это мелкие холмы, над которыми полностью господствует огонь вражеской артиллерии. Холм — парламент, холм — законность, холм — легальная экономическая забастовка, холм — повышение заработной платы, холм — буржуазная конституция, холм — освобождение народного героя. И самое худшее в том, что для завоевания этих позиций приходится участвовать в политической игре буржуазного государства, а чтобы получить разрешение на участие в этой опасной игре, надо продемонстрировать, что ты можешь существовать в рамках буржуазной законности. Надо показывать, что хорошо то, что не опасно, что никому не придёт в голову ни нападать на казармы и поезда, ни разрушать мосты, ни казнить провокаторов и палачей, ни восставать в горах, ни поднимать — твёрдо и решительно — знамя борьбы за единственно возможное, насильственное утверждение [достоинства и свободы] Америки, ведя последний, искупительный бой за её освобождение.

Противоречива картина сегодняшней Латинской Америки: Руководители прогрессивных сил, которые находятся не на высоте

руководимых; народы, достигающие неведомых прежде вершин, народы, горящие желанием что-то сделать, и руководители, которые сдерживают их устремления. Откровенные массовые убийства в этой части Америки и бесстрашный народ, идущий навстречу уготованной ему бойне, которая, однако, будет означать окончательное искупление; интеллектуалы, мудрецы, тормозящие всеми имеющимися в их распоряжении средствами натиск масс — и дезориентирующие их поиск, их страстное стремление реализовать великие стратегические цели: взять политическую власть, уничтожить армию и систему эксплуатации человека человеком.

Противоречивая, но и вселяющая надежду картина: массы знают, что роль Иова¹⁾ не сообразуется с миссией революционера — и готовятся к битве.

Будет ли империализм и далее сдавать одну позицию за другой или же, озверев²⁾, предпримет, как он недавно угрожал, ядерную атаку, которая бросит мир в атомный пожар? Этого сказать мы не можем. Но мы утверждаем, что должны идти по пути освобождения, даже если ценой этого станут миллионы жертв атомной войны. Ибо в смертельной схватке двух систем нельзя думать ни о чём, кроме окончательной победы социализма — или об его откате в случае победы ядерной агрессии империализма.

Куба — на пороге нашествия, ей угрожают самые могущественные силы империализма, она — на грани атомной смерти. Не отступая из окопов, она в последний раз зовет Америку на битву — битву, которая не завершится страшным, но коротким сражением, но может вылиться в годы изнурительных столкновений и невыносимых страданий во всех уголках континента. Наступление империализма и местной буржуазии ещё не раз поставит народные движения на грань уничтожения, но всякий раз, черпая силы в народе, они будут возрождаться, пока не наступит окончательное освобождение.

Отсюда, из одинокого окопа авангарда, наш народ обращает свой голос к братьям. Это не лебединая песня разгромленной революции, а революционный гимн, призванный увековечить себя на устах бойцов всей Америки. Ему вторит эхо истории.

«Verde Olivo», 6 октября 1968 г.

- 1) Т.е. оплакивающего свою судьбу и жалующегося на неё.
- 2) Вариант перевода: «или же как смертельно раненый зверь».

Марксистско-ленинская партия

предисловие к книге «Марксистско-ленинская партия»,
изданной Национальным руководством
Единой партии социалистической революции Кубы. Гавана, 1963 г.

Эта маленькая книжка предназначена для посвящения партийных активистов во всё многообразие и богатство марксистско-ленинских идей.

Выбор тем прост и эффективен. Речь идёт о главе «Основ марксизма-ленинизма» О.В. Куусинена и ряде выступлений Фиделя Кастро. Этот выбор хорош тем, что глава из «Основ марксизма-ленинизма» обобщает опыт братских партий и даёт общее представление о том, какой должна быть и как должна действовать марксистско-ленинская партия, а ряд выступлений товарища Фиделя раскрывают политическую историю нашей страны в изложении, иногда автобиографическом, руководителя Революции.

Это — вещи тесно связанные: общая теория как выражение опыта Коммунистической партии Советского Союза и других марксистско-ленинских партий всего мира, и практическое применение этих общих идей к нашим особым условиям. Из особенностей, которые определяют рамки развития общественных процессов в нашей части мира, не следует делать вывод, что существуют исторические исключения; просто в общие рамки теории, дочери опыта, вмещается как особый случай кубинская ситуация, которая, в свою очередь, обогащает мировое рабочее движение новым опытом.

С необыкновенной ясностью этот учебник показывает нам, что такое марксистско-ленинская партия: это «люди, спаянные общностью идей и объединяющиеся, чтобы наполнить жизнью положения марксизма, иначе говоря, для выполнения исторической миссии рабочего класса». Кроме того, книга разъясняет, что партия не может жить в изоляции от масс; что она должна находиться в постоянном контакте с ними; что она должна осуществлять критику и самокритику и сурово относиться к своим собственным ошибкам; что она должна основывать свою деятельность не только на негативных концепциях борьбы против чего-то, но также и на позитивных концепциях борьбы за что-то; что марксистские партии не могут сидеть сложа

руки, ожидая, пока объективные и субъективные условия, формирующиеся через сложный механизм классовой борьбы, достигнут всех характеристик, необходимых для того, чтобы власть упала в руки народа, как созревший плод. Он учит руководящей и катализирующей роли этой партии, авангарда и руководителя рабочего класса, способного указать ему путь к победе и ускорить переход к новым общественным ситуациям. Он настаивает на том, что даже в моменты общественного отлива надо уметь отступать и поддерживать в кадрах твёрдость, чтобы опереться на следующую волну и продвинуться дальше вперёд, к фундаментальной — на первом этапе революции — цели партии, которая состоит в достижении власти.

И логично, что эта партия — классовая. Марксистско-ленинская партия и не может быть никакой другой; её миссия — отыскать самый короткий путь к диктатуре пролетариата, и самых ценных активистов, руководящие кадры и тактику ей даёт рабочий класс.

Невозможно представить себе, что строительство социализма начала бы партия буржуазии; партия, среди членов которой было бы много эксплуататоров и что им было бы поручено определять её политическую линию. Очевидно, организация подобного типа может руководить борьбой только на этапе национального освобождения, и то лишь до известного уровня и при определённых обстоятельствах. Затем некогда революционный класс превращается в реакционный и складываются новые условия, которые требуют появления марксистско-ленинской партии как руководящей силы революционной борьбы.

Уже сейчас, по крайней мере в Америке, практически невозможно говорить об освободительных движениях, руководимых буржуазией. Кубинская революция поляризовала силы; столкнувшись с дилеммой — народ или империализм, бессильная национальная буржуазия выбирает империализм и бесповоротно предаёт свою страну. Таким образом, в этой части мира почти полностью утрачивается возможность мирного перехода к социализму.

Если марксистско-ленинская партия способна предвидеть предстоящие исторические этапы и способна сделаться знаменем и авангардом народа ещё до того, как завершится этап национального освобождения (поскольку речь идёт о наших колонизованных странах), — тогда эта партия выполнит двойную историческую миссию и сможет приступить к строительству социализма, будучи более сильной и с большим авторитетом в массах...

Далее идёт кубинский опыт, опыт, замечательный всем тем, что в нём ново, всем тем, что в нём действительно в эту эпоху развития американской революции, а также богатством уроков, извлечённых из его ошибок, публично проанализированных и исправленных в контакте с массами и перед судом общественного мнения.

Особенно важны выступления товарища Фиделя, посвящённые Единой партии социалистической революции и методу работы Объединённых революционных организаций¹⁾; выступления, которые отмечают два основных этапа нашего развития. Первый из них честно отражает трудные поиски подлинного революционера, который достиг вершины восходящего пути развития своей мысли и без колебаний высказывает перед всем миром свои марксистско-ленинские взгляды. Но он делает это, не ограничиваясь словесным утверждением, а показывая поступки, наиболее важные факты развития руководителя, развития Движения и Партии к объединению, призванному сплотить Единую Партию Социалистической Революции.

Осуществляя самоанализ, товарищ Фидель признаёт, что среда внушала ему множество отсталых понятий; рассказывает, как он инстинктивно им противостоял, закалялся в борьбе с ними; рассказывает о своих сомнениях и объясняет, откуда они появились и как разрешились.

На этом этапе Движение 26 июля представляло собой нечто новое, с трудом поддающееся определению; Фидель Кастро, герой Монкады, узник острова Пинос, обучал экспедиционную группу, которая имела задачей достичь берегов Ориенте, зажечь в провинции революционный пожар и отделить её в первый момент от остального острова или, если позволят объективные обстоятельства, неудержимо продвинуться до самой Гаваны, идя от победы к победе ценой большей или меньшей крови.

Действительность нанесла удар по нашим надеждам; не оказалось необходимых субъективных условий для того, чтобы эта попытка оказалась успешной; не соблюдались нормы революционной

1) Объединённые революционные организации (ORI) — первоначальная форма объединения политических партий и групп, принявших программу социалистической революции. Её основу составили «Движение 26 июля», Народно-социалистическая партия (название, принятое Коммунистической партией Кубы в начале 40-х годов) и «Революционный директорат 13 марта».

войны, которые позже нам предстояло усваивать ценой собственной крови и крови наших братьев на протяжении двух лет суровой борьбы. Мы были разбиты, и тут-то началась самая важная часть истории нашего движения. Здесь оно проявило свою истинную силу, свое истинное историческое преимущество; мы отдали себе отчёт в совершённых тактических ошибках и в отсутствии некоторых важных субъективных факторов: народ осознал необходимость перемен, но не был уверен в их возможности. Создать такую уверенность стало нашей задачей, и в Сьерра-Маэстре начался длительный процесс, который послужил катализатором движения по всему острову и дал начало полосе непрерывных бурь, непрерывных революционных вспышек на всей территории страны.

Делом доказывалось, что Революционная Армия, давая вере и энтузиазму народа верное направление, в благоприятных для борьбы условиях может наращивать свои силы, правильно ведя вооружённую борьбу, и в конце концов разгромить вражескую армию. Это великий урок нашей истории. До самой победы соотношение сил продолжало меняться, пока революционное движение не достигло решающего перевеса, пока не сложились субъективные предпосылки, необходимые для осуществления перемен и не был вызван необходимый для этого кризис власти. Америка обрела новый революционный опыт, было показано, что всегда сохраняют свою жизнённость великие истины марксизма-ленинизма; в данном случае — та, что миссия руководителей и партий состоит в том, чтобы своей борьбой создать необходимую полноту условий для взятия власти, не превращаясь в очередных созерцателей революционной волны, которая рождается из народных глубин.

В то же время была продемонстрирована необходимость того, чтобы очаги вооружённой борьбы, защищающие суверенитет народа, были защищены от неожиданностей, от нападений, от уничтожения; показано, как важно, чтобы вооружённая борьба развертывалась на наиболее подходящих для партизанской войны территориях, в наиболее пересечённых зонах сельских районов. Это ещё один вклад Революции в нашу борьбу за освобождение Америки; из деревни революция идёт в город, от меньшего к большему, создавая общенациональное революционное движение, которое достигает своей кульминации в Гаване.

В другом месте Фидель ясно говорит: важнейшее качество революционера — умение правильно истолковать реальность. Говоря

об апрельской¹⁾ забастовке, он объясняет, что мы не сумели в тот момент правильно оценить её, и поэтому нам пришлось пережить катастрофу. Почему была объявлена апрельская забастовка? Потому, что в глубинах движения существовал ряд противоречий, которые мы называли противоречиями между Сьеррой и Равниной; они проявились в том, что представления этих двух крыльев организации об элементах, считавшихся основными для исхода вооружённой борьбы, были диаметрально противоположны.

Сьерра намеревалась наносить поражение армии столько раз, сколько нужно, выигрывая у неё битву за битвой, захватывая у неё оружие, и таким путём прийти в определённый момент к взятию всей полноты власти на базе своей Повстанческой армии. Равнина же выступала за всеобщую вооружённую борьбу по всей стране²⁾, эпилогом которой стала бы всеобщая революционная стачка, которая покончила бы с батистовской диктатурой и утвердила бы власть «гражданских» правителей, сделав новую армию «аполитичной».

Столкновения этих мнений происходят постоянно, и это не способствует единству руководства, необходимому в такие моменты. Апрельская забастовка подготовлена и объявлена Равниной с согласия руководства Сьерры, которая не чувствует себя в состоянии этому помешать, хотя у неё и имеются серьёзные сомнения относительно результата, а НСП открыто высказывает свои возражения, вовремя предупреждая об опасности. Революционные команданте спускаются на Равнину, чтобы оказать помощь стачке, и тогда наш незабвенный команданте — Камило Сьенфуэгос начинает свои первые рейды в зону Байямо.

Эти противоречия имеют корни более глубокие, нежели тактические разногласия: Повстанческая армия по идеологии уже пролетарская и мыслит, исходя из интересов неимущего класса; Равнина ещё остаётся мелкобуржуазной, её руководство засорено будущими предателями и она находится под сильным влиянием среды, в которой она действует.

Это была малая борьба за внутреннюю гегемонию в рамках великой революционной борьбы за власть. Недавние события в Алжире легко объяснимы по аналогии с кубинской Революцией: рево-

1) 1958 года.

2) Т.е. борьбы, не централизованной вокруг действий Повстанческой армии, не создающей основ нового государственного устройства.

люционное крыло не позволяет отодвинуть себя от власти и борется за то, чтобы завоевать её полностью; Армия освобождения¹⁾ — это истинный представитель побеждающей революции.

...Снова и снова происходят столкновения, и единство руководства (которому, однако, ещё не все подчинялись) достигается лишь тогда, когда Фидель назначается премьер-министром — через несколько месяцев после победы Революции. Что мы сделали до этого момента? Мы, как сказал Фидель, обрели право начать. Мы лишь завершили победой этап, основу которого составляла борьба насмерть против установленного на Кубе режима, представленного диктатором Батистой; но последовательное проведение нами революционной линии, направленной на изменение нашего общества к лучшему и максимально возможное освобождение его от всех экономических пут, естественно толкало нас дальше — к фронтальной борьбе с империализмом.

Для развития и углубления нашей идеологии империализм был фактором исключительно важным; на каждый удар, нанесённый нам, надо было отвечать; каждый раз, когда янки, реагируя на наши действия со своим обычным высокомерием, принимали какие-то меры против Кубы, мы должны были принимать необходимые контрмеры, и таким образом Революция углублялась.

Народная Социалистическая партия вошла в этот фронт; товарищи из числа ветеранов революционной борьбы и товарищи, пришедшие к власти через борьбу в Сьерре, начали слияние своих организаций. И уже в тот момент Фидель предупреждал об опасности сектантства, критикуя и тех, кто на протяжении пятнадцати или двадцати лет партийной работы ковырял в носу, и сектантство бородачей со Сьерры, и городских боевиков.

В эпоху вооружённой борьбы существовала группа товарищей, которые претендовали на то, чтобы защищать движение от видимости вождизма [каудильизма со стороны Фиделя] и совершили ошибку которая была повторена и позже в эпоху сектантства²⁾: они смешивали огромные достоинства руководителя, огромные досто-

1) Во главе (в 1963 г.) с А. Бен Беллой и Х. Бумедьеном, выступившая против разнородного альянса большинства тогдашних политических руководителей Алжира.

2) Речь идет о процессах, развернувшихся на Кубе в конце 1961 — начале 1962.

инства лидера Революции и его неоспоримое дарование командира со свойствами такого индивида, который озабочен только тем, чтобы обеспечить себе безусловную поддержку «своих» и установить систему вождизма. Это была псевдопринципиальная борьба, которая велась группой товарищей и завершилась даже не первого января или в момент, когда Фидель взял на себя обязанности премьер-министра, а гораздо позже, когда правое крыло «Движения 26 июля» было разгромлено. Так пали с руководящих постов Уррутиа, Миро Кардона, Рай, Убер Матос, Давид Сальвадор и другие предатели, противопоставившие себя воле народа.

После полной победы над правым крылом возникает необходимость структурировать партию — Единую Партию Революции, носителя марксизма-ленинизма в новых условиях Кубы. Это должен был быть организм, связанный с массами, со строго подобранными кадрами, организация централизованная и в то же время гибкая; и, чтобы достичь всего этого, мы слепо доверились завоёванному за долгие годы борьбы авторитету Народной Социалистической партии, отказались почти полностью от наших, Движения 26 июля организационных критериев. Так создавались условия для того, чтобы созрел плод сектантства.

В процессе структурирования товарищ Анибал Эскаланте взял на себя организаторские задачи, и начался мрачный, хотя, к счастью, очень недолгий, период нашего развития. Методы руководства были ошибочны; Партия теряла свои существенные качества: связь с массами, осуществление демократического централизма и дух самопожертвования. Прибегая по временам к настоящему фокусничеству, людей без всякого опыта и без всяких достоинств выдвигали на руководящие посты лишь за то, что они смогли приспособиться к установившимся порядкам.

ОРО утратили функцию идейного мотора — и контроля над всем производственным аппаратом через осуществление этой функции — и стали превращаться в административный аппарат; в этих условиях сигналы тревоги, которые должны были приходиться из провинций, выявляя ряд существовавших там проблем, терялись потому, что административных работников должны были проверять те самые руководители ячеек, которые выполняли двойные функции — в партии и в государственной администрации.

Этап ошибочных концепций, вопиющих ошибок и механических заимствований, к счастью, завершен. Старые основания, на ко-

торых базировалось это порождение сектантства, были сломаны. Перед лицом недоумения масс в связи с происходящим Национальное Руководство под председательством Фиделя приняло решение: повернуться к массам, обратиться к массам; так установилась система консультаций на всех предприятиях для выдвижения — самими массами — образцовых рабочих, что давало возможность отбора для формирования ячеек Партии — партии, тесно связанной со своим классом.

Как часть изменений, происходивших в Партии, была проведена реформа системы партийного образования: теперь направлением туда награждали не как раньше — приятелей, «проверенных», а лучших трудящихся, людей, которые своим отношением к Революции, своим ежедневным трудом, своим энтузиазмом и духом самопожертвования проявили высшие достоинства члена руководящей партии.

В соответствии с этим были изменены все критерии; наступает новая эпоха укрепления партии, большей действенности методов её работы. Перед нами открывается широкий и светлый путь социалистического строительства, на котором перед Партией встаёт задача руководить. Это руководство не будет механическим и бюрократическим руководством жёсткого и сектантского контроля, руководством отдачи распоряжений, руководством указаний, которым надо следовать, поддерживая их на словах, вместо того, чтобы служить живым примером; руководством привилегии цитат или «прошлых заслуг».

Партия будущего будет тесно связана с массами и будет впитывать в себя их мысли и чувства, которые затем воплотятся в конкретные директивы; она будет строго применять дисциплину в соответствии с принципом демократического централизма, и в то же время в ней постоянно будет место дискуссии, открытой критике и самокритике, направленным на постоянное улучшение работы.

На нынешнем этапе это будет партия кадров, партия лучших, и они должны будут выполнять свою динамическую задачу: находясь в контакте с народом, передавать его опыт в вышестоящие сферы, передавать в массы конкретные директивы и идти во главе масс. Первые в учебе, первые в труде, первые в революционном энтузиазме, первые в самопожертвовании; всегда самые лучшие, самые чистые, самые человечные из всех — такими должны быть кадры нашей партии.

Потому что всегда надо помнить, что марксист — это не фанатичный управляемый автомат, нечто вроде торпеды, направляемой сервомеханизмом к намеченной цели. По этой проблеме откровенно высказался в одном из своих выступлений Фидель: «Кто сказал, что марксизм — это отречение от человеческих чувств, от товарищества, от любви к товарищу, от уважения к товарищу, от внимания к товарищу? Кто сказал, что марксизм — это бездушие и бесчувственность? Ведь именно любовь к человеку породила марксизм; любовь к человеку, к человечеству, стремление бороться против бедствий пролетариата, стремление бороться против нищеты, несправедливости, страданий и всяческой эксплуатации, от которой страдает пролетариат, — это и привело к тому, что из идей Карла Маркса возник марксизм, возник именно тогда, когда мог возникнуть, когда могла возникнуть реальная возможность, и более чем реальная возможность — историческая необходимость социальной Революции, истолкователем которой явился Карл Маркс. Но что сделало его истолкователем, если не поток человеческих чувств таких людей, как он сам, как Энгельс, как Ленин?»

Эта оценка Фиделя основополагающа для активиста новой партии; помните об этом всегда, товарищи, храните в памяти как самое действенное оружие против всяческих отклонений. Марксист обязан быть лучшим, самым завершённым, самым законченным из людей, но всегда, прежде всего — человеком; бойцом партии, который живет и волнуется вместе с массами; направляющим, который воплощает стремления массы, порой смутные, в конкретные директивы; неутомимым тружеником, который отдаёт всё своему народу; терпеливым тружеником, который отдаёт свои часы отдыха, свой личный покой, свою семью и свою жизнь Революции, но никогда не бывает чужд теплу человеческого общения.

В области международных отношении у нашей партии будут важнейшие обязанности; мы — первая социалистическая страна Америки, пример для других стран, живой опыт, который должен быть усвоен другими братскими партиями; животрепещущий опыт, повторяющийся и изменяющийся, который выносит на свет общественного сознания всё, что в нём верно — и неверно. Наш пример особо поучителен и обращён не только к тем, для кого марксизм-ленинизм стал символом веры, но и к народным массам Америки.

Вторая Гаванская декларация — это руководство к действию для революционного пролетариата, крестьянства, интеллигенции

Америки; наше собственное поведение будет для них постоянным руководством к действию. Мы должны быть достойны этой роли; мы должны трудиться каждый день, думая о нашей Америке, и всё более и более упрочивать основы нашего государства, его экономическую организацию и политическое развитие, чтобы иметь также возможность по мере нашего внутреннего укрепления всё больше и больше убеждать народы Америки в практической возможности начать социалистическое развитие уже на нынешнем этапе соотношения сил в мире.

При всём этом нельзя забывать, что наша способность эмоционально откликаться на бесчинства агрессоров и страдания народов не может быть ограничена пределами Америки и даже пределами Америки и социалистических стран, вместе взятых; мы должны осуществлять подлинный пролетарский интернационализм, воспринимая как личное оскорбление всякую агрессию, всякое бесчестье, всякое посягательство на достоинство человека, на его счастье в любой части мира.

Мы, бойцы новой партии, в новой освобождённой части мира, в новых условиях, должны всегда высоко держать то знамя человеческого достоинства, которое поднял наш Марти, наставник многих поколений, который сегодня с нами, нестареющий, как всегда, в жизни Кубы: «Всякий истинный человек должен чувствовать на своей щеке удар, нанесённый по щеке любого человека».

О партийном строительстве

выступление на генеральной ассамблее рабочих текстильного комбината «Аригуанабо» для ознакомления его работников с условиями членства в Единой партии социалистической революции. 24 марта 1963 г.

Товарищи!

Мы вместе с парторгами провинции и нашей партии в целом решили принять участие в этой ассамблее, учитывая важную роль, которую играет в экономике страны текстильный комбинат Аригуанабо, где в настоящее время трудится больше работников, чем на любом другом предприятии Кубы. Иными словами, это — крупнейший индустриальный центр, каким располагает наша страна.

Кроме того, он играет определяющую роль в одной из отраслей промышленности, наиболее важных для повышения благосостояния нашего народа, для обеспечения его одеждой — одним из основных благ, которыми наша Революция должна обеспечить народ при любых условиях, какие бы трудности мы ни испытывали.

Мы пришли сюда также для того, чтобы проанализировать новый процесс, изменяющий ряд наших концепций по организации партии, которая должна вновь повернуться лицом к массам.

Все вы согласны, более того, все подтвердили, что члены Единой партии социалистической революции на этом предприятии — люди, за которыми единодушная поддержка товарищей по труду. Создаваемые сейчас ячейки, партийные организации имеют уже необходимую массовую опору и уходят от почти подпольной, почти конспиративной работы, долгое время задававшей тон в работе нашей руководящей партии.

Из полумрака, в котором приходилось жить этим тайным ячейкам, избранным механистически и без возможности по-настоящему проанализировать качества товарищей, мы переходим к новой организационной структуре, при которой сами массы на низовом уровне решают, кого можно считать передовыми рабочими, выдвигаемыми в члены партии.

Отсюда — огромная разница с тем, что было раньше. Отсюда — та огромная сила, которую должна обрести руководящая партия

в соответствии со всей линией перемен в структуре и организации, в общей концепции партии; она твёрдо встанет во главе пролетарского государства и своими делами, своим примером, своим самопожертвованием, глубиной своей мысли и смелостью своих действий будет играть ведущую роль в каждый момент нашей Революции. Однако ещё не всё совершено, отнюдь не всё. Это — очень мягко говоря. Многого надо исправлять.

Не будем далеко ходить — вот немного статистики: на этом предприятии 197 товарищей были признаны обладающими всеми необходимыми качествами для вступления в Единую партию социалистической революции, а всего здесь более трёх тысяч рабочих. Это точная цифра? Пусть четыре тысячи — статистическая картина та же. Из них выбрали 197 товарищей, но из этих 197 товарищей только пять женщин. А ведь, по статистике, доля женщин среди работников Аригуанабо гораздо выше этих двух с половиной процентов. Это показывает, что существуют изъяны в работе по включению женщины на равных правах, при равных условиях в активную работу по строительству социализма. Хорошо бы нам всем, на каждом участке, поразмыслить, почему это так.

Очевидно, самых бесспорных и определяющих причин две. Одна из них в том, что женщина на деле ещё не освободилась от многих пут, привязывающих её к традициям умершего прошлого. А это препятствует её включению в активную жизнь революционного рабочего. Другая причина, вероятно, в том, что масса рабочих так называемого сильного пола считает, что женщины ещё недостаточно развиты, и пользуется своим правом большинства; вот и у вас здесь мужчины на первом плане, их труд заметнее, а роль женщин забывается, оценивается необъективно.

Совсем недавно, несколько месяцев назад, нам пришлось заменить способную сотрудницу Министерства промышленности. Из-за чего? Из-за того, что по службе ей приходилось выезжать в провинции, часто вместе с инспекторами или начальником — Генеральным директором. Она была замужем (кажется, за бойцом Повстанческой армии), и по настоянию своего мужа не могла уезжать одна; ей приходилось ездить в командировки только тогда, когда муж мог оставить свою работу и сопровождать её туда, куда ей нужно было ехать.

Это — грубейшее проявление дискриминации женщины. Разве жена должна всякий раз сопровождать мужа, когда он едет в ко-

мандировку в провинцию или куда угодно, чтобы следить, как бы он не поддавался искушению или чему-то в этом роде?

О чём это говорит? Просто-напросто о том, что мы несём на себе груз прошлого, что освобождение женщины ещё не завершено, и одна из задач нашей партии должна состоять в том, чтобы добиться её полной свободы, внутренней свободы, поскольку нельзя вовлечь женщин в активную деятельность принудительным путём; это — тоже груз прежних традиций.

И на этом новом этапе, который мы переживаем, на этапе строительства социализма, когда кладется конец всякой дискриминации; когда единственной и определяющей остаётся одна диктатура — диктатура рабочего класса как организованного класса над классами, потерпевшими поражение; этапа подготовки к долгому пути, на котором будет много борьбы и ещё много неудач, к совершенному обществу, которое будет обществом без классов, в котором исчезнут все различия, — в такой момент нельзя допустить какой-либо иной диктатуры, кроме диктатуры пролетариата как класса. А пролетариат не имеет пола; это — совокупность всех мужчин и женщин, которые на всех рабочих местах страны ведут последовательную борьбу ради достижения общей цели.

Это — один пример того, что необходимо сделать. Но, естественно, лишь один пример, и дело не только в нем. Сделать предстоит ещё многое. Не говоря уже о традициях, сложившихся задолго до победы Революции, имеется немало и более поздних традиций, относящихся к нашей непосредственно предреволюционной истории.

Согласно этим традициям, дело членов партии, активистов профсоюзов, различных массовых организаций — руководить, ориентировать, давать указания, но, как правило, не работать самим. Это — явление сугубо отрицательное. Кто стремится быть руководителем, тот должен быть готов предстать перед массами, выслушать их вердикт; он должен быть уверен в том, что избран руководителем или выдвинут в руководители потому, что он — лучший из лучших по своему труду, готовности на жертвы, постоянной авангардной позиции во всякой борьбе, которую пролетариат призван постоянно вести ради построения социализма.

Всё это [изъяны, о которых я говорил] ещё сильно в нас. Наши организации ещё не вполне освободились от этого греха, уже внедрившегося в столь молодые традиции нашей Революции и начав-

шего уже наносить ущерб. Надо также полностью изгнать самую мысль о том, что членство в любой массовой организации или руководящей партии Революции — даёт этим товарищам хоть малейшую возможность получать больше, чем имеет остальной народ. Другими словами, мысль о вознаграждении лучших материальными благами, вознаграждении тех, кто проявил большую сознательность и большую готовность на жертвы, материальными благами; политика, основанная на этом принципе.

В процессе строительства социализма диалектически сталкиваются и сочетаются два момента. С одной стороны — материальные стимулы, необходимые, поскольку мы выходим из общества, не помышлявшего ни о чём, кроме материальных стимулов, и строим новое общество на основе старого, при многочисленных пережитках его в сознании людей. Поскольку мы не имеем ещё возможности давать каждому по потребностям.

Поэтому материальный интерес будет определённое время играть роль в процессе строительства социализма.

Но деятельность авангардной партии состоит именно в том, чтобы поднимать как можно выше знамя противоположного принципа — знамя морального интереса, морального стимула, знамя людей, борющихся и идущих на жертвы, не рассчитывая ни на что, кроме признания товарищей, кроме того одобрения, которое вы сегодня выразили тем, кого выбирали в ряды Единой Партии Революции.

Моральный стимул, формирование нового, социалистического сознания — вот что должно служить нам точкой опоры, вот к чему мы должны стремиться, вот на что должны делать ударение. Материальный стимул — это наследие прошлого; с ним надо считаться, но надо, чтобы по мере движения вперёд он постепенно переставал преобладать в сознании людей. Один находится в процессе неуклонного восхождения; другой должен находиться в процессе неуклонного угасания. Материальному стимулу не будет места в создаваемом новом обществе, он угаснет на пути к этому обществу, и надо подготовить условия для того, чтобы этот эффективный сегодня тип мобилизации всё более терял свою нынешнюю важность и уступал место моральному стимулу, чувству долга, новому революционному сознанию.

Товарищи, сегодня сделаны первые шаги: на этом предприятии Единая Партия Революции уже существует, так сказать, офици-

ально; в этот первый момент в неё входят по меньшей мере 197 товарищей. Какие качества от них требовались? Вы об этом знаете, поскольку сами их выбирали. Вы знаете о готовности к жертвам, товариществе, любви к Родине, способности быть впереди в каждый момент борьбы, вести за собой других силой примера, без лишнего шума — всё это должно быть присуще члену партии. Но, кроме того, член новой партии должен быть человеком, всем своим существом глубоко прочувствовавшим новые истины; человеком, для которого они стали естественными; то, что для обычных людей — жертва, для него — просто повседневное дело, то, что надо делать и что естественно делать.

Следовательно, надо, чтобы полностью изменилось отношение к определённым обязанностям человека в его повседневной жизни и к определённым обязанностям революционера в таком процессе развития, как наш, перед лицом империалистического окружения.

На днях, на одном из многочисленных собраний, без которых мы, к сожалению, не можем обойтись, один товарищ рассказал последний — по крайней мере, последний из слышанных мной — анекдот, относящийся к созданию партии.

Речь шла о человеке, готовящемся вступить в партию, с которым говорят члены сексiонал, организаторы, объясняя ему обязанности коммуниста. Ему объясняют, что надо быть передовиком в сверхурочном труде, вести за собой других своим примером, использовать всё свободное время для повышения культурного уровня, по воскресеньям участвовать в добровольном труде, добровольно трудиться каждый день, забыть о всяких пустяках и всё свое время посвящать труду, участвовать во всех массовых организациях, какие есть на сегодняшний день; и, наконец, ему говорят: «Кроме того, вы как член партии должны быть готовы в любой момент отдать жизнь за Революцию. Вы готовы?» Тогда человек отвечает: «Ну, если я буду вести такую жизнь, как вы говорите, то чем тут дорожить? Отдам её с радостью».

Что это значит? В этом анекдоте выражено старое представление, уж не знаю, контрреволюционное или революционное, но точно несущее в себе глубинное контрреволюционное содержание. Почему? Потому что именно передовой трудящийся, член руководящей партии Революции, воспринимает все эти дела (которые именуют жертвой) с новой заинтересованностью, как часть своего долга,

не навязанного ему, а внутренне ему присущего, и выполняет их заинтересованно.

Велением заинтересованности, внутреннего усилия личности, углубления её сознания самые обыденные и скучные дела превращаются в существенно важные, во что-то такое, чего нельзя не выполнить без того, чтобы тебе стало плохо, без того, чтобы поистине принести себя в жертву. Не принести жертвы — это и есть самая большая жертва для революционера. Иными словами, категории и понятия уже меняются.

Настоящий революционер, член руководящей партии Революции, должен работать каждый час, каждую минуту своей жизни, в годы тяжёлой борьбы, которые нас ожидают, с заинтересованностью всегда обновляемой, всегда растущей и всегда свежей. Это — основополагающее качество.

Это и означает чувствовать Революцию. Это означает, что человек внутренне стал революционером, ощущает себя как революционер. И тогда понятие жертвы обретает новый смысл.

Активист Единой Партии Революции — это марксист; он должен знать марксизм и последовательно руководствоваться в своём анализе диалектическим материализмом, чтобы иметь возможность по-настоящему объяснять мир.

Но мир велик, широк, в нем много различных структур, в нем было много разных цивилизаций, и даже теперь кое-где в мире есть социальные слои и народы, живущие в самом примитивном из известных обществ: в обществе первобытного коммунизма. Существует, к несчастью, и рабовладение, и его в Америке ещё немало, существуют феодализм, капитализм и его последний этап — империализм. Кроме того, есть народы, приступающие к строительству социализма и такие, как в Советском Союзе, которые начинают строить коммунизм.

Но даже тогда, когда народы находятся в одинаковом общественном состоянии, является ли оно капиталистическим, или социалистическим, или находящимся в процессе строительства, или в каком-то ином, они пришли к этому историческому этапу различными путями и при условиях, особых для каждого народа.

Поэтому марксизм — это лишь руководство к действию. Им открыты великие основополагающие истины, и исходя из них, используя диалектический материализм как оружие, можно истолковать действительность в каждом районе мира. Поэтому строитель-

ство не будет единообразным; у него везде будут особенные черты, свойственные процессу его формирования.

И наша Революция также обладает такими характерными чертами. Они не могут не быть связаны с великими истинами, не могут существовать вне абсолютных истин, открытых марксизмом, — не изобретённых, не установленных как догмы, а открытых в ходе анализа развития общества. Но условия будут своеобразны, и члены Единой партии Революции должны будут действовать творчески, использовать теорию и творить практику в соответствии с теорией и со своеобразными условиями страны, где нам довелось жить и бороться.

Иными словами, задачу строительства социализма на Кубе надо ставить, избегая, как чумы, механицизма. Механицизм не ведёт революционную организацию ни к чему, кроме стереотипных форм, тайных ячеек, фаворитизма и прочих зол. Надо действовать диалектически, опираться на массы, всегда быть в контакте с массами, направлять их своим примером, пользоваться марксистской идеологией, диалектическим материализмом и всегда действовать творчески.

Имея всё это в виду, как можно определить самые важные задачи члена Единой партии Революции? Есть две основные, к которым мы постоянно возвращаемся и которые служат основой всего развития общества: первая — производство, создание необходимых народу благ, вторая — углубление сознания.

Излишне объяснять вам, почему производство столь важно. Ведь производство всегда должно оставаться одной из главных забот члена партии.

Социализм — не благотворительное общество, не утопический строй, основанный на доброте человека как такового. Социализм — это строй, к которому приходят исторически и который основывается на обобществлении основных средств производства и справедливом распределении всех богатств общества, при котором производство носит общественный характер. Иначе говоря, производство, созданное капитализмом: крупные фабрики, крупные капиталистические имения, крупные капиталистические фермы — предприятия, где труд, человеческий труд совершается совместно, сообща; но в ту эпоху использование плодов этого труда осуществлялось индивидуально капиталистами — эксплуататорским классом, юридически владевшим средствами производства.

Теперь дело меняется. Но основа остаётся та же: общественный класс, общественная структура утверждается, необходимо опираясь на предшествующую. И процесс строительства социализма — это процесс развития всего нашего производства.

А почему сознание? Дело в том, что сознание ещё важнее, если можно так сказать. Оно столь важно в силу новых характерных черт общественного развития в нашем столетии.

Когда Маркс анализировал известные ему общества, существовали первобытное общество, феодальное и ранее — рабовладельческое общества, и было известно общество капиталистическое. Маркс исследовал, почему возникло каждое из них; он показал, что всё это было связано с производством, что сознание человека порождается средой, в которой он живет, и эта среда задаётся производственными отношениями.

Углубляя анализ, Маркс сделал нечто ещё более важное: показал, что исторически капитализм должен исчезнуть и уступить место новому обществу — социалистическому.

Но со временем Ленин ещё более углубил этот анализ и пришёл к выводу, что переход от одного общества к другому не носит механического характера, что созревание его условий может быть максимально ускорено посредством некоторых катализаторов — так это можно назвать; выражение это не ленинское, а моё, но именно в этом идея, центральная идея. Она состоит в том, что при наличии авангарда пролетариата, способного выразить основные требования пролетариата, и ясного понимания того, куда надо идти, чтобы попытаться взять власть и приступить к созданию нового общества, то можно двигаться вперёд, минуя некоторые этапы; и что, кроме того, социалистическое общество может развиваться в одной отдельно взятой стране, даже в условиях жесточайшего империалистического окружения, с которым пришлось столкнуться Советскому Союзу в первые годы создания Советского государства; вот здесь и начинается объяснение особой важности сознания.

Ведь мы выяснили, что процесс исторического развития обществ в определённых условиях может быть сокращён и что авангардная партия — одно из главных орудий его сокращения. И, следуя уроку, который ещё 45 лет назад преподавал Советский Союз, мы на Кубе делаем то же самое. Мы смогли сократить сроки посредством действия авангарда, миновать некоторые этапы, утвердить социалистический характер нашей Революции через два года после

победы Революции¹⁾, и даже провозгласить социалистический характер Революции тогда, когда на деле, на практике, она уже носила социалистический характер, ибо мы ещё раньше взяли в свои руки основные средства производства, шли к полному взятию этих средств; шли к уничтожению эксплуатации человека человеком и к планированию всех производственных процессов, чтобы иметь возможность распределять, правильно и справедливо, между всеми.

Но эти процессы ускорения многих оставили на обочине.

Старое общество ещё давит, представления старого общества постоянно давят на сознание людей. И вот здесь-то фактор углубления социалистического сознания приобретает такую важность.

В современных условиях нашей страны переход к социализму, как и во многих других, совершается не путём устранения предшествующих общественных отношений, в ситуации, когда объективные условия созрели настолько, что переход к социализму стал лишь вопросом формы, иначе говоря, когда в сознании всех уже обозначилась необходимость нового общества. Здесь было иначе, здесь именно авангард развивал и вёл за собой народ; это была первейшая задача Фиделя — руководить нашим народом, разъясняя ему в каждый момент, что важнее всего сделать, давая ему уроки достоинства, самопожертвования, отваги — уроки, которые нам предстояло давать затем всему миру в эти четыре года Революции. И люди иногда включались в процесс строительства социализма по эмоциональным мотивам, но всегда остаются отстающие, и наша задача не в том, чтобы ликвидировать отстающих, подавлять их и заставлять подчиниться вооружённому авангарду, а в том, чтобы учить их, вести их вперёд, добиваясь, чтобы они следовали за нами благодаря силе нашего примера — Фидель назвал это однажды «моральным принуждением». Иными словами, чтобы каждому из них приходилось делать что-то, не испытывая к этому желания, не ощущая в этом внутренней необходимости, но следуя примеру своих лучших товарищей, делающих это день за днём с энтузиазмом, жаром, радостью.

Примеры, как хорошие, так и дурные, очень заразительны, и мы должны заражать других хорошим примером; работать над со-

1) Что имеет в виду политическую победу революции — завоевание власти в стране революционными силами после свержения диктатуры режима Батисты.

знанием людей, воздействовать на сознание людей, показывать, на что мы способны, на что способна Революция, когда она у власти, когда она уверена в своей конечной цели, когда она верит в справедливость своих целей и линии, которой следует, и когда она не намерена, как не намерен весь наш народ, отступить ни на шаг от наших законных прав.

Всё это мы должны сплавить и разъяснить так, чтобы это вошло в плоть и кровь, чтобы дошло до каждого, кто этого ещё не понял, даже до тех, кто ещё не воспринимает это как свое. Надо постепенно сделать его необходимостью и для них. Этот путь будет долгим, будет очень трудным, но именно в эту точку мы должны бить. Мы находимся почти в таком же окружении, в каком находился Советский Союз в жестокие и в то же время изумительные годы истории человечества. Но Советский Союз существует, существует лагерь социалистических стран — огромный массив людей, привлекающий на сторону идеи социализма всё новые силы, всё новые народы.

В Америке мы изолированы; ОАГ даром времени не теряет, Соединённые Штаты тоже; они готовят провокации в Гватемале, в любой из стран Америки; при подозрительных обстоятельствах падают самолёты в стране, правительство которой враждебно нам; появляются письма, появляются доклады. Всё это — один большой заговор империализма против кубинского народа.

Чем это вызвано? Тем, что, хотя у нас есть недостатки — и мы знаем об этом, — хотя на нашем четырёхлетнем пути наряду с большими победами есть относительные неудачи, побед так много и они так весомы и так поучительны для Америки, что империализм нас боится; нас он боится, возможно, больше, чем других, могущественных народов Земли.

Оплот империализма находится в Америке; самый сильный империализм, североамериканский, находится в Америке. В Америке говорят по-испански, Америка понимает нас, восхищается нами, видит в нас образ того, каким может стать будущее всех её народов, и готовится к этой победе.

Если в Америке есть партизанские движения — а это известно нам, известно и Пентагону, — то они отнюдь не наше творение; мы не можем этого сделать, у нас нет для этого сил, но мы смотрим на них с радостью. Нас воодушевляют успехи венесуэльцев, углубление венесуэльской революции; мы чувствуем воодушевление, ко-

гда узнаем, что в Гватемале, в Колумбии, в Перу пробиваются ростки революции; когда обшивка имперской власти начинает давать трещины, ещё небольшие, но многочисленные, во всех пунктах, — мы радуемся.

При этом, товарищи, в Америке есть нечто, весьма ошутимое и видимое. Это нечто — говорящее с ними по-испански, на их собственном языке и ясно разъясняющее им, что надо делать, чтобы обрести счастье — зовется кубинской Революцией. Поэтому нас боятся всерьёз.

Это не бахвальство, не ложная гордость и не ложная претензия маленькой страны; это объективный анализ имеющихся фактов. Все мы несём ответственность за то, что нас боятся и ненавидят империалисты.

И это должно быть нашей большой гордостью — их страх, их ненависть к нам, то, что для г-на Кеннеди кубинская Революция — это как фурункул, лишаящий его сна; что все марионетки Америки видят образ своего будущего в том, что произошло с им подобными здесь. Пусть они поймут размах и глубину народного правосудия, когда оно может свершаться беспрепятственно.

В этом — наше главное дело и великая ответственность перед всей Америкой и перед миром тоже.

В конце прошлого года мы дали урок достоинства, которого североамериканцы никак не ожидали.¹⁾ И мы продолжаем давать его нашими делами.

Что имеет значение, превосходящее масштабы нашей небольшой страны, и также служит нашей величайшей гордостью — это то, что в любом уголке мира кубинца уважают, им восхищаются, его любят, а иногда боятся и ненавидят за всё то, что представляет собой Революция, за глубину свершённого ею, за достигнутое ею в эти четыре года.

Это значит, товарищи, что нам надо готовить себя к тому, чтобы достижений становилось больше, а ошибок — меньше; к тому, чтобы повышать сознательность масс и наращивать производство, больше опираться на свои силы, привыкать к тому, что и в производстве мы можем действовать сами, как действовали во многие трудные моменты. И что помощь дружественных стран — помощь вели-

1) Здесь (и в последующих абзацах) Че имеет в виду позицию, занятую Кубой в ходе Карибского кризиса.

кодушная и братская, которая оказывалась нам неоднократно, должна быть для нас подспорьем в консолидации и обеспечении безопасности Революции, но не их основой; основой наших сил не может быть другая страна, какой бы дружественной и бескорыстной она ни была, ибо не может быть подлинной силы, которая не истекает из сознания своей собственной силы. Когда народ осознаёт свою силу, решимость бороться, решимость идти вперёд — тогда он действительно силен, тогда он действительно может противостоять любому врагу.

Мы этого добились, и в общем и целом можем по праву гордиться тем, что все мы совершили. Но мы также должны анализировать жёстко и объективно — так, как вы анализировали дела своих товарищей и критиковали то, что заслуживало критики — так же жёстко и объективно мы должны анализировать нашу работу и критиковать её всякий раз, когда дело идёт плохо, когда не решаются основные проблемы, когда впадают в конформизм, механицизм, когда теряют творческий подход и связь с жизнью.

Всё это требуется от вас, членов Единой Партии Революции, и всё это требуется также от каждого из тех, кто избрал своих товарищей, утвердил их членство в партии, но сам ещё к ней не принадлежит.

Мы хотим, чтобы весь наш народ шагал в едином ритме, держал единый шаг и чтобы его авангардному отряду приходилось бороться и продвигаться вперёд очень быстро, преодолевая многие трудности, чтобы оставаться впереди наших основных сил — всего народа. Вот наша цель.

Товарищи по партии теперь обязаны быть авангардом. Вспомните, что сказал Фидель: «... Там будут лучшие, такие, как Камило, люди, достойные доверия, способные на самопожертвование и сильные духом...» Но и весь наш народ должен стать таким, как партизаны, которые начинали неорганизованными, боявшимися самолётов, танков и солдат врага, а кончали наступая по всей Кубе и громя гораздо более мощную армию, у которой в руках были все средства разрушения, но не было высокого морального духа.

И в заключительный момент, когда победа была достигнута, она была достигнута потому, что доблесть уже не была исключительной чертой авангарда; авангард, во всяком случае, мог обладать большей доблестью, немного большей доблестью, но уже вся Повстанческая армия представляла доблесть народа.

И всякий раз, когда росла эта сила, эта доблесть и эта решимость бороться, враг отступал, сдавал позиции, терял веру в победу, его ряды редели, пока его не постиг полный крах.

Вот наша задача; она очень трудна и очень проста — всё зависит от того, как к ней подойти, от того, какую позицию мы займем в отношении революционной действительности и от того, что мы будем способны совершить, максимально освободившись от язв умершего общества.

Некоторые соображения о себестоимости

июнь 1963 года

Среди множества проблем, встающих перед социалистической экономикой в области планирования, возникает проблема анализа деятельности предприятия с учётом новых ситуаций, создаваемых развитием социалистической революции.

Основой, на которую опирается капиталистический рынок является закон стоимости, непосредственным выражением которого и является рынок. Нечего и думать об анализе закона стоимости в отрыве от его естественной среды; иными словами, можно сказать что капиталистический рынок и является собственным выражением закона стоимости. В процессе строительства социалистического общества многие производственные отношения изменяются по мере того, как меняется хозяин средств производства; рынок утрачивает характерные черты свободной конкуренции и приобретает другие, новые характеристики; он уже ограничен воздействием социалистического сектора, который сознательно воздействует на товарный фонд.

В нашем случае в ситуации нехватки товаров сразу должен был бы произойти рост цен на рынке, что вновь выровняло бы отношения спроса и предложения. Но мы жёстко заморозили цены, сохраняя систему распределения по нормам¹⁾, при которой реальная стоимость товара не может выражаться через рынок: последний имеет теперь другие отличительные особенности. Хотя распределение по нормам — переходное явление, но с течением времени плановое хозяйство в рамках отдельно взятой страны будет отделять её реальности от реальности внешнего мира. В запутанном процессе производства и распределения товара участвуют сырьё и разного рода затраты, которые и определяют цену. Когда все товары взаимодействуют в соответствии с ценами, имеющими определённую внутреннюю взаимосвязь, отличную от связи этих товаров на капиталистическом рынке, создаются новые отношения цен, не сравнимые с

1) Нормирование распределение основных продуктов питания и остродефицитных промтоваров было введено на Кубе в 1962–1963 гг.

отношениями, существующими во внешнем мире. Как сделать, чтобы цены совпадали со стоимостью? Как сознательно управлять знанием закона стоимости для достижения равновесия между товарным фондом, с одной стороны, и верным его отражением в цене — с другой? Это одна из самых серьезных задач, поставленных перед социалистической экономикой.

Советский Союз, первым построивший социализм, и те страны, что пошли за ним, приняли решение ввести планирование народного хозяйства, измеряемое крупными экономическими категориями в их стоимостном выражении, оставив отношения между предприятиями в рамках более или менее свободной игры цен. Таким образом, сложился так называемый хозяйственный расчёт — термин, представляющий собой плохой перевод с русского. На испанском он мог бы быть выражен через понятие самофинансирования предприятий или, более правильно, как финансовая самостоятельность.

Финансовая самостоятельность основывается в общих чертах на установлении глобального контроля, выраженного в стоимостных категориях, на превращении банков в органы первичного контроля за деятельностью предприятий и соответствующем развитии материального стимулирования так, чтобы оно, подчиняясь необходимым правилам, служило развитию независимой тенденции к максимальному использованию производственных возможностей, что означало бы большие доходы для отдельного рабочего или коллектива предприятия. При этой системе кредиты, предоставляемые социалистическим предприятиям, взимаются с процентом, что является средством ускорения оборота продукции.

В нашей экономической практике мы в первый момент начали процесс централизации всей финансовой деятельности предприятия — централизации, позволившей нам разрешить существенные проблемы определённого периода. Со временем мы стали думать о том, что имеется возможность развития нового механизма контроля, более централизованного, не в большей мере бюрократического, чем используемый, а в определённых условиях и более эффективного для промышленных предприятий.

Эта система основывается главным образом на идее применения в маленькой стране достижений, существующих в области общего учёта на капиталистических предприятиях. Хорошая связь, не только наземная и воздушная, но и телефонная и беспроводная, со-

здаёт условия для постоянного, в системе реального времени контроля за этой системой.

В нашей системе бюджетного финансирования¹⁾ банк предоставляет предприятиям денежные суммы, ассигнованные бюджетом, но без процента, так как в этих операциях отсутствуют кредитные отношения. Наша концепция, введённая пока лишь в определённых отраслях хозяйства, рассматривает продукт как длительный процесс, проходящий в рамках социалистического сектора все этапы вплоть до его превращения в товар, что происходит лишь тогда, когда передаются права собственности. Эта передача права собственности осуществляется в момент, когда продукция покидает государственный сектор и становится собственностью потребителя.

Переход продукции от одного предприятия к другому, принадлежащему тому же — или иному — министерству, должен рассматриваться лишь как часть производственного процесса, который увеличивает стоимость продукции. Банк как простейшая счётная касса регистрирует её передвижение. Предприятие не имеет собственных фондов, поэтому все доходы возвращаются в государственный бюджет.

Система показала, что она дееспособна, но вместе с тем в ней имеются и недостатки, которые делают её мишенью для серьезных замечаний.

Эти замечания касаются главным образом отсутствия прямого материального стимулирования и тенденции к бюрократизму, которую данная ситуация порождает.

В любом случае в данный момент нам не хотелось бы обсуждать это; сейчас мы хотели бы поговорить о значении экономического анализа для деятельности бюджетного предприятия. Как он должен производиться и при каких условиях?

Мы считаем, что основным элементом, который позволит руководству предприятия, объединения или в данном случае министерства как непосредственно, так и в общих чертах наблюдать за работой производственной единицы, является себестоимость производства.

Мы настаиваем на анализе именно себестоимости, так как часть нашей концепции связана с необязательностью совпадения —

1) Сам этот термин взят из последующего изложения проблемы в данной статье.

или тесной связи — между себестоимостью производства и ценой в социалистическом секторе. (Для Кубы, страны слабого развития и широкого внешнеторгового обмена, отношения с другими странами мира имеют огромное значение). Поэтому мы считаем, что общая структура внутренних цен никоим образом не должна отделяться от общей структуры цен внешнего рынка, понимая, разумеется, что внутренние цены относятся только к социалистической сфере, где они выполняют основные функции «арифметических денег», т.е. служат формой измерения.

Этому положению противопоставляются многочисленные затруднения, вызванные уже существующим перекосом по отношению к внешним ценам и технологическим достижениям, временными искривлениями или воздействиями монополий на рынки, что ведёт к ежедневному изменению цен на международном рынке. Не сделав пока полного анализа данной проблемы, мы считаем, что этого можно было бы избежать, установив общую систему, которая установила бы историческую шкалу цен мирового капиталистического рынка с поправками, которые могли бы быть введены действием цен социалистического рынка¹⁾, а также фактором повышения оплаты за фрахт с места закупки товара до нашей страны. Цены, зафиксированные таким образом, действовали бы в течение определённого времени без изменений.

Если бы были взяты цены основных товаров и на их основе установлены по приблизительным подсчётам цены на остальные товары, то можно было бы прийти к взвешенному историческому уровню цен мирового рынка, что позволило бы автоматически измерять относительную эффективность всех отраслей хозяйства на мировом рынке.

Здесь следует другое возражение: подобная структура цен на товары дала бы искажённое представление о национальном производстве, так как она измеряет лишь среднемировую эффективность, что может вызвать в сфере потребления опасные тенденции, основанные на соблазнительных ценах на продукты, затраты труда на производство которых намного превышают те, что показывает сравнение с другими странами.

1) Которые, с другой стороны, весьма близки — поскольку речь идет о внешней торговле — к ценам мирового капиталистического рынка. [Примечание автора].

Подобное возражение правомочно, и для правильного планирования следовало бы поискать несколько цифровых показателей для определения производства товаров в соответствии с их рентабельностью. Так как эта социалистическая система основана на централизованном контроле над экономикой и большой централизации решений, относительная рентабельность явилась бы лишь одним из показателей, поскольку то, что нас в действительности интересует, — это общая рентабельность производственного аппарата. Последняя измерялась бы, в меру возможностей и при постоянном к этому стремлении — в категориях мировой стоимости, если не прямо¹⁾, то на уровне потребительских цен.

Это ни в малейшей степени не означает, что мы тем самым обеспечим себе адекватный критерий для новых капиталовложений и что в соответствии с затратами наших предприятий и возможным объёмом новых капиталовложений, с учётом наших возможностей накопления автоматически можно найти искомые величины. Этого не произойдёт, как раз потому что закон стоимости находит относительно точное выражение на мировом рынке, а в нашей внутренней среде на него будет сильно влиять положение дел в социалистическом секторе и общественно необходимый труд по производству определённых изделий на местном уровне, не говоря уже о том, что нас, возможно, гораздо больше заинтересует развитие производства какой-то продукции, которая может не быть самой рентабельной, но иметь стратегическое значение или пользоваться большим спросом у населения, просто быть более полезной для него. Не надо забывать, ещё раз хотим это подчеркнуть, что будет существовать цена для населения, которая может быть относительно свободной от внутренней расчётной цены предприятий, руководствующихся этой системой.

При такой схеме мы немедленно имели бы «зеркало», в котором отразится весь ход развития экономики на данный момент. При подобном типе организации не обязательно вводить её по всей стране, а достаточно ввести лишь в нескольких отраслях промышленности, где мы смогли бы применять систему, позволяющую постоянно совершенствовать экономический анализ.

Именно себестоимость будет служить критерием, который даст нам реальный показатель деятельности предприятия, и не важ-

1) В оригинале: *si no inexcusablemente.*

но, будет она выше или ниже уровня цен социалистического сектора или даже — в отдельных случаях — цен товаров, продаваемых населению, поскольку нас интересует последовательный анализ деятельности предприятий в течение определённого времени, измеренный достижениями в снижении себестоимости. В этом случае в цене автоматически отразится анализ рентабельности относительно мировых цен. Для этого следует серьезнее подойти к данным проблемам, работа над которыми носит пока схематичный характер и проводится без глубокого анализа.

Необходимо разработать цельную систему проведения анализа себестоимости, которая систематически, с одинаковым постоянством поощряла бы — или наказывала — успехи или неудачи в борьбе за её снижение. Необходимо также разработать нормы потребления сырья, косвенных расходов, продукции, находящейся в производстве, порядок учёта сырья и конечной продукции.

Надо систематизировать контроль над учётом и проводить точный экономический расчёт этих показателей, постоянно их обновляя.

В нашей системе учёта мы выделили стоимость применённого сырья, прямых затрат материалов, стоимость косвенных затрат материалов и рабочей силы, амортизации и социального обеспечения, что является вкладом государственных предприятий, исчисляемом в зависимости от фонда заработной платы.

Необходимо воздействовать на все указанные компоненты и на каждый из них в отдельности, кроме налога на социальное обеспечение, который в действительности должен рассматриваться вне данного анализа, а в будущем, когда методы будут усовершенствованы, отпадет и необходимость его рассмотрения; просто государство ежегодно будет выделять в своём бюджете статью расходов, которая позволит заниматься вопросами социального обеспечения независимо от индивидуальной заработной платы рабочих.

На уровень потребления сырья и прямых затрат материалов можно воздействовать путём их непосредственной экономии, технологических изменений и приближения к безотходному производству. В косвенных затратах материалов экономии можно достичь за счёт снижения потребления электроэнергии, топлива и т. д., т. е. за счёт простых организационных мер или в некоторых случаях путём технологических изменений. Поскольку речь идет о рабочей силе, можно снизить её относительную стоимость, повышая общую произ-

водительность труда, а в том, что касается амортизации, нам надо развивать более научные методы, которые дали бы возможность чётко её измерить и одновременно продлить полезную жизнь основных фондов, посредством соответствующего их обслуживания, что позволит превратить амортизационные расходы в подлинный фонд накопления.

Всё сводится к общему показателю, объединяющему все те направления деятельности, которые были проанализированы ранее, к росту производительности труда, который является основой строительства социализма и необходимой предпосылкой коммунизма.

Есть несколько аспектов, по которым можно установить контроль за себестоимостью; первый — это административные наблюдения посредством соответствующей организации, контроля и подготовки нашего руководящего персонала, который должен будет научить остальной персонал непосредственно анализировать себестоимость и относиться к соответствующим подсчётам как к обычной рабочей задаче.

Естественно, в настоящий момент в достижении этого мы столкнемся с бесчисленными трудностями ввиду недостаточных навыков экономического анализа у наших управленцев, их низкого культурного уровня и того, что экономика в целом ещё недостаточно организована; однако последовательная работа, проводимая в этом направлении, может принести плоды в короткий срок и этой задачей мы занимаемся вплотную.

Необходимо чётко уяснить, что анализ себестоимости не подразумевает немедленного принятия мер, необходимых для исправления отмеченных недостатков. Существуют объективные и крайне важные обстоятельства, которые в течение некоторого времени будут этому препятствовать: плохая организация снабжения, столь зависимого от иностранного рынка; недостаточность работы, которую мы проводили до сих пор по содержанию оборудования, что приводит к неожиданным простоям; отсутствие норм юридических отношений между предприятиями, что вызывает серьезные перекосы в планах, когда одно из них не забирает заказанную продукцию и резко меняет заказы.

Необходимо отметить, что общее несовершенство планирования и изъяны внешнего обеспечения некоторое время ещё будут держать предприятия и объединения подчинёнными резким изменениям уровня себестоимости; это не должно нас столь беспокоить, как

неумение объяснить возникающее явление, сразу же после того как оно имело место.¹⁾

Однако можно работать и над индивидуальным контролем за себестоимостью, тем, который осуществляется самим рабочим, если установлены соответствующие нормы труда с учётом его качества и количества. При учёте качества именно экономия сырья может использоваться как средство, которое приведёт к соответствующим результатам за короткий срок. Это задача, в выполнении которой мы неуклонно продвигаемся вперёд, хотя, быть может, и не с необходимой скоростью.

Надо упорно добиваться внимания коллектива производственного предприятия к проблеме себестоимости; это можно осуществить, когда анализ его хозяйственной деятельности, проводимый через анализ себестоимости, помогает созданию стимулов, главным образом общественного характера, которые объединяют интересы трудового коллектива в борьбе за снижение себестоимости, позволяющее получить большую прибыль. Для этого необходимы и углубление сознательности и одновременно резкое повышение качества организации. Взяв выполнение этой задачи в свои руки, последовательно доводя её до масс, партия за короткий срок может изменить отношение рабочих к государственной администрации; однако мы не можем мечтать о том, чтобы прогресс в организационных вопросах шёл с той же скоростью, что и в иных, и мы должны согласиться с тем, что нужно время для того, чтобы многое привести в порядок. У нас есть несколько экспериментальных предприятий, где изучается система коллективного стимулирования общественного характера, позволяющего влиять на себестоимость. При этом должно быть ясно, что исходным пунктом, основой подобного анализа являются установленные показатели выпуска продукции и факт их безоговорочного выполнения. Выполнение производственного плана — это тот порог, переход через который (за исключением отдельных, строго обоснованных случаев) выступает неременным условием возможности анализировать деятельность коллектива предприятия на предмет его стимулирования.

Вся эта общая задача ставится в рамках идеи о возможности централизованного управления экономикой, но мы должны понять,

1) Вариант перевода: «Это, как и неумение объяснить происшедшее, сразу же после того, как оно имело место, не должно нас беспокоить.»

что это централизованное управление не означает необходимости принимать все решения лишь на самом высоком уровне; оно устанавливает градации, при которых организация препятствует нарушению своих принципов и обязывает к тому, чтобы на каждом соответствующем уровне решения принимались необходимые меры без обращения в другие инстанции. Подготовительная работа по чёткому определению отношений между различными уровнями и того, что следует или чего не следует делать на каждом из них, является одним из условий правильного функционирования системы.

Вся наша работа должна быть направлена на достижение того, чтобы задачи ведения хозяйства, контроля и управления с каждым разом упрощались, а усилия министерств и ведомств сосредоточивались на планировании и технологическом развитии. Когда будут установлены и введены все показатели, а также методы и навыки контроля, при развитии планирования во всех областях хозяйства эта работа станет механической и не будет вызывать серьезных затруднений.

В этот момент должное значение получают современные методы планирования, станет возможным приблизиться к идеалу экономики, управляемой посредством математического анализа, который и будет определять наиболее адекватные соотношения между потреблением и накоплением и между различными отраслями производства. Не забывая, разумеется, что человек, первопричина нашей Революции и главный объект наших чаяний, не может быть сведён к некоей упрощённой формуле, что его потребности будут с каждым разом усложняться, выходя за пределы простого удовлетворения материальных потребностей. Различные отрасли производства будут автоматизироваться, во много раз увеличивая производительность труда рабочего, его свободное время будет посвящено культуре, спорту, науке в их высшем проявлении, а работа станет общественной потребностью.

Возможность приблизить это далекое будущее будет определяться технической способностью рабочих и специалистов поддерживать наилучшие условия работы в каждой отрасли промышленности, способностью планировать таким образом, чтобы самые сокровенные желания населения сопрягались с самыми насущными потребностями экономики, а предоставление всё возрастающего числа благ — с необходимыми темпами роста. При таком понимании развития экономики функция контроля станет простой и будет

возложена на специализированное учреждение, располагающее соответствующими техническими средствами для решения задачи.

Если бы большая часть работников нашего министерства, которые сегодня напряжённо трудятся — под давлением необходимости, — решая самые обыденные, насущные для производства задачи, могли бы освободиться от этой деятельности, чтобы заняться исследовательской и творческой работой, качественный скачок стал бы виден сразу.

Мы должны работать над тем, чтобы управленческая деятельность стала совершенным часовым механизмом и чтобы главный импульс производству был дан продвижением по пути его технологического развития.¹⁾

«Nuestra Industria economica», № 1, июнь 1963 г.

1) Опущена заканчивающая статью таблица, отражающая динамику роста производительности труда в Венгрии в 1939–1960 гг.

Партизанская война как метод¹⁾

сентябрь 1963 года

Партизанская война велась в мировой истории множество раз, в разных условиях и преследуя разные цели. В последнее время к ней прибегали в нескольких народно-освободительных войнах, в которых авангард народа избрал путь иррегулярной вооружённой борьбы с противником, обладающим военным превосходством. Так было в Азии, Африке и Латинской Америке в ходе завоевания власти в борьбе против феодальной, неокOLONиальной или колониальной эксплуатации. В Европе партизанская война служила дополнением действий регулярных войск — своих собственных или союзных.

В Латинской Америке к партизанской войне обращались при разных обстоятельствах. В качестве относительно недавнего примера можно вспомнить опыт Аугусто Сесара Сандино, сражавшегося с экспедиционным корпусом янки в никарагуанской Сеговии. А позже — революционную войну на Кубе. С этого времени проблемы ведения партизанской войны стали предметом теоретической дискуссии прогрессивных партий континента; как возможность, так и целесообразность ведения партизанской войны находятся сейчас в центре ведущейся полемики.

Данные заметки являются попыткой изложить наши идеи относительно партизанской войны и верных путей её применения.

Для начала уточним, что эта форма борьбы является всего лишь методом — методом достижения поставленной цели. А необходимой, обязательной целью каждого революционера является завоевание политической власти. Поэтому при анализе специфических ситуаций в каждой латиноамериканской стране понятие «партизанская война» должно использоваться как категория, означающая метод борьбы за достижение этой цели.

Сразу же возникает вопрос: является ли партизанская война единственным методом завоевания политической власти во всех

1) Статья по основному содержанию (но, пожалуй, не по тональности) совпадает с текстом, написанным годом раньше (с. 283–296) данного издания, но оставшимся неопубликованным при жизни Че.

странах Латинской Америки? Или в любом случае преобладающим методом? Или же она будет не более чем одним из методов борьбы? И, в пределе: применим ли опыт Кубинской революции к реалиям других стран континента?

В ходе развернувшейся полемики тех, кто стремится вести партизанскую войну, обычно критикуют, утверждая, что они пренебрегают борьбой масс, как будто речь идёт о взаимоисключающих методах. Мы отвергаем стоящие за подобной позицией представления; партизанская война — это народная война, это массовая борьба. Пытаться вести войну этого типа без поддержки местного населения — значит заранее обречь себя на неизбежное поражение. Партизаны — это боевой авангард народа, оперирующий на определённом участке данной территории, авангард вооружённый и готовый осуществить серии боевых операций, направленных на достижение единственно возможной стратегической цели: взятия власти. Партизаны пользуются поддержкой крестьян и рабочих масс и в зоне своих операций, и в масштабах всей территории, о которой идёт речь. Там, где эти предпосылки отсутствуют, идти на партизанскую войну нельзя.

«Мы считаем, что Кубинская революция привнесла в развитие революционного движения на латиноамериканском континенте три основных урока.

1. Народные силы могут победить в войне против регулярной армии.

2. Не всегда нужно ожидать, пока все условия для революции будут налицо: повстанческий центр может сам создать их.

3. В слабо развитой Латинской Америке ареной вооружённой борьбы должна стать главным образом сельская местность»¹⁾.

Таковы выводы для развития революционной борьбы в Латинской Америке, и они вполне приложимы к любой стране нашего континента, в которой будет разворачиваться партизанская борьба.

Вторая Гаванская декларация указывает:

«В наших странах слабо развитая промышленность существует рядом с аграрными порядками, носящими феодальный характер. В силу этого, в каких бы тяжёлых условиях ни жили городские рабочие, сельское население существует в условиях несравненно более жестоких эксплуатации и угнетения; при этом оно является, за ред-

1) E. Che Guevara, La guerra de guerrillas. La Habana, 1960.

ким исключением, абсолютным большинством населения; во многих латиноамериканских странах доля сельского населения превышает 70%.

— Исключая помещиков, часто живущих не в деревне, а в городе, сельскохозяйственное население добывает средства к существованию поденной работой в поместьях, получая нищенскую плату или обрабатывая землю в условиях эксплуатации, неотличимой от средневековой. В силу этого беднейшие сельскохозяйственные слои в Латинской Америке в потенции являются грандиозной революционной силой.

— Правительственные армии, созданные и обученные для того, чтобы вести «войну по правилам», и являющиеся силой, на которую опирается власть эксплуататорских классов, оказываются совершенно беспомощными, когда они сталкиваются с иррегулярной крестьянской войной, ведущейся в привычных для крестьян условиях; правительственная армия теряет по десятку солдат на каждого убитого революционного бойца, *быстро* деморализуется, будучи вынужденной сражаться с противником невидимым и непобедимым, не дающим возможности проявить *выученные в академиях тактические приемы* и фанфаронство вояк, столь впечатляющие при подавлении выступлений рабочих и студентов в городах.

— Первоначальная борьба малочисленных боевых групп постоянно расширяется за счёт прихода новых сил, набирает обороты массовое движение, старый порядок мало-помалу раскалывается на тысячу кусков — и в этот-то момент выступление рабочего класса и городских масс решает исход борьбы.

— Что же с самого начала борьбы делает эти первые группы непобедимыми — независимо от численности, огневой мощи и ресурсов их противника? Это помощь народа, и именно этой поддержкой масс бойцы располагают с каждым днём во всё большей мере.

— Однако крестьянство является классом, который помещён в силу своей поддерживаемой властью культурной отсталости и изоляции нуждается в революционном и политическом руководстве со стороны рабочего класса и революционной интеллигенции, без которого само оно неспособно подняться на борьбу и добиться победы.

— В Латинской Америке в современных исторических условиях национальная буржуазия не может возглавить антифеодалную и антиимпериалистическую борьбу. Опыт показывает, что в наших странах этот класс, даже в тех случаях, когда его интересы противо-

речат интересам империализма янки, не способен ему противостоять, будучи парализован страхом перед социальной революцией, испуган голосом гнева эксплуатируемых масс».

Развивая эти важнейшие для латиноамериканской революционной мысли положения, Вторая Гаванская декларация в других своих положениях отмечает:

«— В каждой стране субъективные условия, то есть состояние сознания, организации, руководства, могут в зависимости от уровня своего развития замедлять или ускорять революционный процесс, но раньше или позже в каждую историческую эпоху, когда назревали объективные условия, складывалось сознание, создавались организации, появлялось руководство — и происходила революция.

— Будет ли эта революция развиваться в мирном русле или же через мучительные родовые схватки — зависит не от революционеров, это зависит от реакционных сил старого общества, оказывающих сопротивление рождению общества нового, появляющегося из противоречий, присущих старому. В истории революции играют ту же роль, что и присутствующий при появлении новой жизни врач: они не прибегают без необходимости к «скальпелю» и «щипцам», но используют их без колебаний, если это необходимо, чтобы помочь родам. Родам, которые несут угнетённым и эксплуатируемым массам надежду на лучшую жизнь.

— Во многих странах Латинской Америки революция сегодня неизбежна. Это не зависит от воли отдельных лиц. Неизбежность революции определяется ужасающей эксплуатацией, которой подвергаются латиноамериканцы, развитием революционного сознания масс, мировым кризисом империализма и развитием борьбы угнетённых народов всего мира».

На этих положениях мы и станем базироваться при анализе всей проблематики партизанской борьбы в Латинской Америке.

Итак, мы уточнили, что герилья — это метод борьбы для достижения искомой цели. Следовательно, для начала необходимо проанализировать саму цель и посмотреть, нельзя ли здесь, в Латинской Америке, завоевать политическую власть каким-либо иным путём, не прибегая к вооружённой борьбе.

Борьба мирными средствами, осуществляемая в рамках массового движения, может заставить — в особых кризисных ситуациях — правительство отступить и привести к переходу власти в руки Народных сил, которые затем установят диктатуру пролетариата. Те-

оретически это возможно. Вместе с тем анализ сказанного в свете ситуации на нашем континенте приводит к следующим выводам: в Латинской Америке наличествуют объективные условия, которые толкают массы к насильственным действиям против буржуазных и латифундистских правительств. Во многих странах налицо также кризис власти и определённые субъективные предпосылки революции. Ясно, что в странах, в которых существуют все эти условия, не бороться за взятие власти было бы прямым преступлением. Там же, где этого нет, вполне допустимо выдвижение различных вариантов борьбы и решения о предпочтительности того или иного из них — применительно к условиям каждой страны — в ходе теоретической дискуссии. Единственное, чего история не приемлет, — это чтобы теоретики и практики политической борьбы пролетариата ошибались. Никто не вправе требовать присвоения официального звания «авангардной партии», подобно тому, как выдаётся официальный диплом об окончании университета.

Быть авангардной партией — значит стоять во главе рабочего класса в его борьбе за власть, уметь вести его к завоеванию власти, в том числе и по спрямлённым путям. Такова миссия наших революционных партий, и, чтобы избежать ошибок, анализ должен быть глубоким и исчерпывающим.

На сегодняшний день в Латинской Америке сложилась ситуация неустойчивого равновесия между силами олигархических диктатур и давлением народа. Определяя эти диктатуры как олигархические, мы тем самым подчеркиваем реакционный характер альянса буржуазии каждой из стран со «своим» классом, владеющим землей, при большем или меньшем преобладании феодальных структур и методов эксплуатации. Эти диктатуры существуют в определённых рамках «законности», которую они сами же и установили — с тем, чтобы создать оптимальные условия для своего неограниченного классового господства на неопределённое время; но поскольку мы переживаем этап усиливающегося давления народных масс, стучащих в двери буржуазной легальности, она рискует пасть жертвой своих же творцов, стремящихся сдержать напор масс. Но наглые нарушения существовавших — или введённых задним числом — законов способны лишь увеличить давление народных сил. Это приводит олигархические диктатуры к попыткам восстановления традиционных законодательных норм — с тем, чтобы изменить конституционный порядок и успешнее гасить борьбу пролетариата, из-

бегая при этом фронтального столкновения. Однако же здесь возникает противоречие. Народ не согласен терпеть старые формы принуждения — и ещё менее готов терпеть новые, используемые диктатурой, и пытается сломать их. Мы никогда не должны забывать о классовом, авторитарном и ограничивающем характере буржуазного государства. Ленин так писал об этом: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» («Государство и революция»)¹⁾.

Иными словами, мы не должны допускать того, чтобы слово «демократия», используемое в апологетической форме для прикрытия диктатуры эксплуататорских классов, потеряло бы свою концептуальную глубину и свелось бы к представлению о нескольких свободах, дарованных гражданину. Борьба за восстановление буржуазной законности, в ходе которой не ставится проблема революционной власти, является всего лишь борьбой за возвращение к диктаторскому же, по существу, порядку, установленному в прошлом господствующими классами; иначе говоря, борьбой за то, чтобы ядро на цепях каторжника стало бы не столь тяжёлым, как сейчас.

В этой ситуации конфликта олигархия нарушает взятые ею на себя обязательства, порывает с видимостью «демократии» — и прямо атакует народ, в то время как в обычных условиях она предпочитает прибегать к надстроечным инструментам, используемым для поддержания угнетения. И вновь встаёт вопрос: что делать? Мы отвечаем: насилие не является привилегией эксплуататоров, эксплуатируемые имеют такое же право на него. Более того, в определённые моменты истории они обязаны прибегнуть к этому праву. Марти сказал: «Преступник и тот, кто разжигает войну, которой можно избежать, и тот, кто уклоняется от войны, ставшей неизбежной».

«Социал-демократия никогда не смотрела и не смотрит на войну с сентиментальной точки зрения, — писал об этом же Ленин. — Бесповоротно осуждая войну как зверский способ решения споров человечества, социал-демократия знает, что войны неизбежны, пока общество делится на классы, пока существует эксплуатация человека человеком. А для уничтожения этой эксплуатации нам не обой-

1) Ленин В.И. ПСС. Т. 33. М., 1981. С. 7.

тись без войны, которую начинают всегда и повсюду сами эксплуатирующие, господствующие и угнетающие классы»¹⁾. Это было написано в 1905 году; позднее, в статье «Военная программа пролетарской революции», глубочайшим образом проанализировав классовую борьбу, Ленин заявит: «Кто признаёт борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах — неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это. Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции»²⁾.

Говоря иначе, мы не должны бояться насилия — насилие является повивальной бабкой нового общества. Но к насилию следует прибегать только в определённые моменты, когда силы, руководящие народом, сочтут обстоятельства наиболее благоприятными для его борьбы.

Каковы же эти обстоятельства? В субъективном плане они зависят от двух дополняющих друг друга и постоянно углубляющихся в ходе борьбы факторов: это — *осознание необходимости перемен* и *уверенность в осуществимости этих революционных перемен*. В соединении с объективными условиями, которые почти во всей Латинской Америке более чем благоприятны для развития борьбы, с твёрдостью воли в достижении поставленной цели и с новым соотношением сил на мировой арене эти факторы определяют выбор способа действия.

Как бы далеки ни были от нас социалистические страны, их благоприятное воздействие на борющиеся народы всегда даёт себя чувствовать; и их воспитывающий пример придаёт народам новые силы. В последнюю годовщину дня 26 июля Фидель Кастро говорил: «Долг революционера, особенно сегодня, — суметь осознать, уловить, какие изменения в соотношении сил произошли в мире, и понять, что эти изменения облегчают борьбу народов. И долг революционеров, латиноамериканских революционеров, не в том, чтобы ждать, когда дальнейшее изменение соотношения сил в мире породит чудо социальных революций в Латинской Америке, а напротив, в том, чтобы полностью использовать все те благоприятные возмож-

1) Ленин В.И. ПСС. Т. 10. М., 1979. С. 340.

2) Ленин В.И. ПСС. Т. 30. М., 1980. С. 133.

ности, которые создают для нашего революционного движения эти сдвиги, — и осуществить революции».

Некоторые говорят: «Мы допускаем, что революционная война является — в некоторых специфических условиях — методом завоевания политической власти, но откуда нам взять таких великих руководителей, как Фидель Кастро, которые привели бы нас к победе?» Фидель Кастро, как и любой другой человек, является продуктом истории. Военные и политические лидеры, которым предстоит руководить повстанческой борьбой в Латинской Америке, слитые — если бы это было возможным — в одну, единую личность — научатся военному искусству в ходе боевых действий. Нет такой должности или профессии, к которым можно подготовиться исключительно по книгам. Борьба в этом случае — величайший учитель.

Понятно, однако, что эта задача не будет ни простой, ни свободной от серьезных угроз, возникающих при её решении.

В ходе развития вооружённой борьбы крайнюю опасность для будущего революции представляют два её момента. Первый — на подготовительном этапе — и форма решения этой проблемы определит степень решимости народных сил и степень осознания ими своих целей. Когда буржуазное государство разворачивает наступление на позиции народных сил, тем, разумеется, приходится обороняться — и обороняться от атакующих превосходящих сил противника. Если наличествует хотя бы минимум необходимых объективных и субъективных условий, сопротивление должно носить вооружённый характер, но при этом народные силы не должны лишь пассивно сдерживать удары врага, а вооружённая оборона не должна превратиться в защиту последнего убежища преследуемых. Герилья, которая в данный момент действительно является оборонительным движением народа, несёт в себе способность к переходу в наступление и постоянно эту способность развивает. Именно она обусловит со временем характеристику герильи как катализатора борьбы народных сил. Говоря иначе, герилья — это не пассивная самооборона, а оборона с наступлением. И с того момента, как она утверждает себя как таковая, перед ней возникает как конечная перспектива завоевание политической власти.

Это важный момент. В общественных процессах различие между насилием и ненасилием не может быть выведено из сравнения числа выстрелов, сделанных с обеих сторон; это определяется особенностями конкретной и постоянно меняющейся ситуации. Не-

льзя упустить момент, когда народные силы, осознающие не только свою относительную слабость, но и свою стратегическую силу, должны будут принудить противника к действиям, необходимым для того, чтобы борьба не пошла на спад. Необходимо нарушить равновесие между диктатурой олигархии и давлением народа. Диктатура постоянно стремится действовать, избегая слишком откровенного использования силы; если же вынудить её сорвать маску, показать свое подлинное лицо — лицо насильственной диктатуры реакционных классов, это вызовет такое углубление борьбы, которое сделает невозможным возвращение к прежней ситуации. От того, как выполнят народные силы эту задачу (заставить диктатуру проявить свою истинную сущность), от того, затормозят или углубят они тем самым борьбу, и зависит, свершится ли окончательный переход к долгосрочным вооружённым действиям.

Возможность избежать второй опасности зависит от способности народных сил обеспечить поступательное развитие революционного процесса. Маркс всегда настаивал на том, что раз революция началась, пролетариат должен наносить врагу всё новые и новые удары. Революция, которая не углубляется с каждым днём, — это революция, которая отступает. Усталые бойцы начинают терять веру в победу — и тогда буржуазии вполне может удасться одна из тех её многочисленных уловок, какие она не раз демонстрировала. Это могут быть, например, выборы с передачей власти некоему сеньору с куда более медоточивым голосом и ангельским обликом, чем у действующего диктатора. Или же переворот, который совершают реакционеры, возглавляемые, как правило, военщиной, но поддерживаемые — прямо или косвенно — и прогрессивными силами. Могут быть применены и другие маневры, но исследование тактических приемов противника не является целью данной работы.

Остановимся лишь на том из них, о котором мы только что говорили. Что могут дать военные подлинной демократии? Организованный «верхами» военный переворот. Какой преданности демократии можно ждать от армии, если она является в чистом виде орудием господства реакционных классов и империалистических монополий и как каста стоит чего-либо лишь благодаря оружию, которым она обладает, стремясь только к сохранению своего веса в обществе.

Когда в трудной для угнетателей ситуации военные конспирируют и свергают фактически уже побеждённого народом диктатора,

можно предположить, что они делают это потому, что диктатор оказывается уже не способным защищать их привилегии, не прибегая к таким исключительным формам насилия, которые в наше время, как правило, уже не соответствуют стратегическим интересам олигархии.

Это никоим образом не означает, что революционеры должны отказываться от привлечения на свою сторону тех военных, которые в индивидуальном порядке порвали со своей социальной средой и де-факто восстали против неё. Но привлекать их надо при условии принятия ими руководства революционеров, в отношении которых они должны себя вести как рядовые бойцы революции, а не как представители своей касты.

Еще много лет назад Энгельс в предисловии к третьему изданию «Гражданской войны во Франции» написал: «...После каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоёванной рабочими революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих...» (цитирую по «Государству и революции» Ленина)¹⁾.

Подобный континуум сменяющих друг друга форм борьбы, которые приводят к формальным сдвигам того или иного типа и к стратегическому отступлению трудящихся, уже многие десятилетия повторяется в капиталистическом мире. Хуже того, постоянный обман пролетариата вокруг этой проблемы происходит раз за разом уже на протяжении столетия с лишним.

Опасно также такое распространённое явление, когда лидеры прогрессивных партий, стремясь на какое-то время сохранить — путём использования отдельных аспектов буржуазной демократии — более благоприятные условия для революционной деятельности, путают понятия (это часто происходит в горячке борьбы) и забывают о своей конечной стратегической цели — взятии власти.

Оба эти трудных момента, описанные выше в самом общем виде, могут быть преодолены, если руководящие борьбой марксистско-ленинские партии оказываются способными ясно видеть все возможности и опасности, которыми чреватые возникающие ситуации, и, осуществив предельно широкую мобилизацию масс, направить их движение верным путём — к решению основных противоречий.

1) Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 75.

В начале статьи мы предположили, что как идея вооружённой борьбы, так и формула партизанской войны как метода её ведения, возможно, получат широкое признание. Почему мы считаем, что в современных условиях Латинской Америки именно партизанская война представляет собой верный путь? Думается, что здесь существуют достаточно весомые аргументы, определяющие необходимость партизанского действия в Америке как центральной оси борьбы.

Первое. Принимая как неоспоримую истину то, что противник будет бороться за сохранение своей власти, нужно думать об уничтожении армии угнетателей, а для этого ей необходимо противопоставить народную армию. Эта армия не может возникнуть спонтанно, она должна будет вооружаться из arsenалов противника, что предполагает тяжёлую и очень длительную борьбу, в ходе которой народные силы и их руководство постоянно будут мишенью ударов превосходящих сил противника, не располагая к тому же возможностями для адекватного отпора и маневра.

Но партизанский очаг, созданный на территории, где условия благоприятствуют борьбе, обеспечивает безопасность и стабильность революционного руководства. При этом городские силы, которые также руководятся главным штабом народной армии, могут проводить действия неопределимой важности. Но и возможный разгром этих групп не убьёт душу революции, её руководство, которое, находясь в своей крепости — в сельской местности, — по-прежнему сможет и укреплять революционный дух масс, и готовить новые силы для новых боев.

Помимо прочего, в партизанских зонах начинается создание структур будущего государственного аппарата, задача которого — осуществлять эффективную классовую диктатуру на протяжении всего переходного периода. Чем длительнее окажется период вооружённой борьбы, тем большими и более сложными будут последующие проблемы управления, и накопленный опыт решения этих проблем позволит руководящим кадрам успешнее подготовиться к разрешению трудной задачи укрепления власти и экономического развития на следующем этапе революции.

Второе. Общее положение латиноамериканского крестьянства и всё более взрывчатый характер, который принимает его борьба против феодальных структур в рамках структурной социальной ситуации, характеризующейся союзом местных и иностранных эксплуататоров.

2.1 Вновь обратимся ко Второй Гаванской декларации:

«— Народы Латинской Америки освободились от испанского колониализма в начале прошлого века, но они не освободились от эксплуатации. Феодалы земельные владельцы приняли власть у испанских правителей; индейцы так и остались жить в мучительном рабстве; латиноамериканцы в той или иной форме оставались рабами; малейшие надежды народов на изменения к лучшему гибли под гнетом власти олигархий и игом иностранного капитала. Так, с тем или иным оттенком, в том или ином варианте, обстояли дела во всей Латинской Америке. Сегодня она порабощена империализмом намного более жестоким, более могущественным и более безжалостным, чем испанский колониальный империализм.

— Перед лицом объективной и исторически неумолимой реальности латиноамериканской революции — каково поведение империализма янки? Он намерен развязать колониальную войну против народов Латинской Америки, создаёт аппарат подавления, политические предлоги и псевдозаконные обязательства, под которыми стоит и подпись местных реакционных олигархий, для того чтобы огнём и кровью подавить борьбу латиноамериканских народов».

Эта объективная ситуация показывает нам всю — потенциальную — силу нашего крестьянства и необходимость использовать эту силу для освобождения Латинской Америки.

Третье. Континентальный характер борьбы.

Может ли рассматриваться новый этап освободительной борьбы в Латинской Америке как противоборство двух местных сил, оспаривающих власть в каждой отдельно взятой стране? Вряд ли. Борьба не на жизнь, а на смерть будет происходить между всеми народными силами региона и между всеми силами угнетателей. Это же предсказывают и цитировавшиеся выше положения Второй Гаванской декларации.

Вмешательство янки неизбежно — и в силу классовой солидарности интересов, и в силу той решающей роли, которую играет для них сегодня борьба в Латинской Америке. Фактически янки уже занимаются подготовкой репрессивных сил и созданием аппарата подавления освободительной борьбы в масштабах всего континента. Далее они продолжают эту деятельность со всевозрастающей энергией; постараются использовать против народных сил все имеющееся в их распоряжении орудия разрушения; они не будут давать консолидироваться революционной власти; если же им это не удастся —

они возобновят атаки на неё: откажутся её признавать, попытаются расколоть силы революции, будут засылать саботажников всех возможных видов, разжигать пограничные конфликты, натравливать на революционную власть соседние реакционные государства, попробуют задушить новое государство экономическими методами. Попросту, сделают всё для того, чтобы новую власть уничтожить.

С учётом подобной ситуации в полушарии, кажется маловероятным, что победа может быть достигнута и закреплена в какой-либо одной его стране. Союзу сил репрессии необходимо противопоставить союз народных сил. Во всех странах, где гнет становится невыносимым, должно взвиться знамя восстания, в силу исторической необходимости это знамя должно стать знаменем континента. Анды призваны стать Сьерра-Маэстрой Латинской Америки, как сказал Фидель, и всей огромной территории континента суждено стать ареной борьбы не на жизнь, а на смерть с империалистической властью.

Нельзя заранее предсказать, в какой именно момент борьба примет истинно континентальный характер и как долго она будет продолжаться, но мы можем предсказать её приход и её победу, поскольку они — результат неизбежных исторических, экономических и политических процессов, чье течение не может быть повернуто вспять. Долг революционеров — начать эту борьбу, как только сложатся необходимые условия в их стране, вне зависимости от того, созрели ли условия в других странах континента. Само развитие борьбы будет определять её общую стратегию; предвидение того, что она будет носить континентальный характер, вытекает из анализа сил каждого из её участников, но это никоим образом не исключает локальных взрывов. И подобно тому, как начало борьбы в любом уголке какой-либо страны предполагает распространение борьбы на всю её территорию, так и начало борьбы в одной стране способствует складыванию новых условий для революций в соседних странах.

Как правило, развитие революций происходит через чередование подъёмов и спадов революционной волны, причем подъём революции прямо коррелирует с отступлением контрреволюции, и наоборот. В периоды отлива революционной волны положение народных сил становится трудным, и они должны прибегнуть к самым эффективным методам обороны, чтобы уменьшить свои потери. Их противник чрезвычайно силен — и он «континентален». По-

этому они не могут более ограничиваться анализом относительных слабостей местной буржуазии, принимая решения, ограниченные масштабами одной страны. Еще менее обоснованы надежды на возможность союза между этими олигархиями и вооружённым народом: Кубинская революция прозвучала как колокол тревоги. Поляризация сил стремится к пределу: эксплуататоры — с одной стороны, эксплуатируемые — с другой; масса мелкой буржуазии будет примыкать то к одному блоку, то к другому, в соответствии со своими интересами и с политической успешностью линии, проводимой по отношению к ней. Нейтралитет станет исключением из правила. Так будет выглядеть революционная война.

Подумаем, как может возникнуть партизанский очаг. Относительно небольшие группы находят зоны, благоприятствующие ведению в них партизанской войны — и начинают в этих зонах операции с намерением перейти в наступление либо отвлечь внимание противника. Необходимо чётко усвоить следующее: в первые моменты относительная слабость партизан такова, что их непосредственная цель заключается лишь в том, чтобы закрепиться в зоне операций, изучить местность и людей, установить контакты с населением и укрепить те местности, которые, вероятно, станут затем их опорными базами.

Для того чтобы обеспечить выживание «становящейся» герильи, в этих условиях необходимо соблюдение трёх принципов: постоянная мобильность, постоянная бдительность, постоянная недоверчивость. Без обязательного следования этим трем элементам военной тактики герилья вряд ли выживет. Надо помнить, что в эти моменты героизм партизана определяется величиной поставленной цели и непрерывными жертвами, которые он приносит ради её достижения. Эти жертвы приносятся не в ежедневных сражениях, не в борьбе с врагом лицом к лицу — они принимают менее явные и более трудные формы, переносят их тяжелее и для тела, и для духа партизана.

Герилья, как правило, испытывает тяжёлые удары правительственной армии; отряд нередко оказывается раздробленным на мелкие группы; попавших в плен ждут пытки и смерть; в зонах боевых действий их преследуют как диких зверей; они постоянно опасаются, что противник напал на след отряда; они вынуждены никому не доверять, так как запуганные крестьяне нередко предают их, чтобы избавиться от присутствия карательных отрядов; единственный выбор

для партизан — смерть или победа, в момент, когда смерть — это постоянно присутствующая реальность, а победа — миф, о котором революционер может только мечтать.

Это и есть партизанский героизм; поэтому и говорится, что передвигаться — значит сражаться, и уклониться от боя с противником — тоже значит сражаться. Тут дело в том, чтобы в условиях значительного военного перевеса противника найти такую тактику, которая могла бы обеспечить партизанам относительное превосходство сил в конкретной выбранной ими точке, то есть сосредоточить в ней больше бойцов, чем у противника, либо так разместить их с учётом особенностей местности, что это изменит баланс сил. Именно это и обеспечивает тактические победы; если же нет уверенности, что вы добились относительного превосходства, лучше не ввязываться в бой. Нужно уклоняться от такого боя, который не приведёт к победе, — во всяком случае тогда, когда у вас есть возможность выбирать, как и когда.

В рамках широкой военно-политической кампании, элементом которой она является, герилья растёт и консолидируется. Тогда и наступает время создавать опорные базы — важнейшее условие успешного развития партизанской армии. Опорные базы — это территория, на которую армия противника может проникнуть лишь ценой больших потерь; бастионы революции, — опорные базы являются и убежищем партизан, и местом их подготовки ко всё более дерзким и всё более глубоким рейдам.

Но этого момента удастся достичь только в том случае, если будут успешно преодолены и тактические, и политические препятствия. Партизаны никогда не могут забывать о своей главной функции — авангарда народа, о полученном от него мандате, и потому они должны создавать все необходимые условия для установления революционной власти, основанной на полной поддержке её массами. Основные требования крестьянского населения должны быть удовлетворены в той мере и в той форме, какую позволят осуществить обстоятельства, что превратит всё население в сплочённую и готовую к борьбе общность.

Какой бы тяжёлой ни была в первое время военная ситуация, политическая ситуация может оказаться не менее щекотливой; и если единственная военная ошибка способна привести к гибели герильи, то одна политическая ошибка может на долгое время затормозить её развитие.

Борьба носит характер политико-военный, именно так её следует развивать и — соответственно — понимать.

В процессе своего роста герилья приходит к этапу, когда деятельность отряда полностью покрывает определённую территорию, более того, численность бойцов и их концентрация в этой зоне становятся даже излишними. Тогда происходит явление, напоминающее роение пчел: пользующийся авторитетом партизанский командир переходит в другой район — и там вновь повторяются все этапы развития партизанской войны, по-прежнему под руководством единого центрального командования.

Нужно при этом подчеркнуть, что нельзя рассчитывать на победу, пока не создана народная армия. Партизанские отряды могут расширять зону своих действий — но до определённого размера; народные силы в городах и в других легко доступных для противника зонах могут наносить ему определённый урон; но всё это не способно разрушить военный потенциал сил реакции. Между тем всегда надо помнить, что конечным результатом борьбы должно быть уничтожение противника. Поэтому партизанские отряды, начинающие борьбу во всё новых оперативных зонах, в тылу врага, в главных городах страны, должны сохранять отношения зависимости от единого командования. Речь идёт не о строго иерархическом подчинении (что характерно для регулярных армий), а о подчинении стратегическом. Располагая определённой свободой действий, партизанские отряды обязаны, однако, выполнять все стратегические указания центрального командования, базирующегося в самой надёжной, самой мощной из партизанских зон и готовящего условия для объединения в нужный момент всех народных сил. Разве может существовать другое решение, ведущее к меньшим потерям?

Как правило, партизанская, или освободительная, война в своём развитии проходит три стадии. Первая — стратегическая оборона, когда партизаны небольшими подвижными силами наносят беспокоящие «кукусы». Это не поиск убежища для пассивной обороны на ограниченной территории, это оборона, которая на самом деле представляет собой наступательные операции ограниченного масштаба (поскольку только на такие партизаны тогда и способны). Следующая стадия — стадия равновесия сил, когда оперативные возможности партизан и противника оказываются примерно равны. И последняя стадия — стадия полной утраты репрессивными силами контроля над ситуацией, что ведёт ко взятию крупных городов,

к крупным решающим сражениям, к полному уничтожению противника.

После того, как достигнута точка равновесия, когда силы обеих сторон оказываются приблизительно равны, партизанская война в своём развитии приобретает новое качество. Партизаны начинают использовать маневр; крупные партизанские колонны атакуют опорные пункты противника; происходит переход к мобильной войне, которая предполагает переброску на большие расстояния значительного количества живой силы и относительно мощных средств ведения войны. Но поскольку противник сохраняет возможность эффективно сопротивляться и способен контратаковать, эта маневренная война не может ещё окончательно заменить войну партизанскую. На данном этапе она представляет собой лишь одну из форм действия герильи, отражающую рост численности партизанских сил. Но в конце концов рост этот воплощается в создании народной армии, партизанские части становятся соединениями. Но и в этот момент продолжают действовать партизанские — в собственном смысле слова — отряды: они ведут борьбу перед фронтом наступления главных сил, уничтожая коммуникации противника, дезорганизуя весь аппарат его обороны.

Мы предсказывали, что война будет континентальной. Это означает, помимо прочего, что она будет длительной, будет вестись на многих фронтах, и будет стоить большой крови и многих жизней. Но активно развивающиеся сегодня в Латинской Америке процессы поляризации сил и чёткое разделение между эксплуататорами и эксплуатируемыми, которое произойдёт в ходе будущих революционных войн, неизбежно приведёт к тому, что при завоевании вооружённым авангардом народа власти в стране или в странах, где это произойдёт, будут ликвидированы одновременно все виды угнетения — как со стороны местных эксплуататоров, так и те, носителями которых выступают империалисты. Первый этап социалистической революции останется позади, и народы будут готовы к тому, чтобы, залечив раны, приступить к строительству социализма.

Существуют ли возможности, сопряжённые с меньшим кровопролитием?

Немало времени прошло с того момента передела мира, при котором Соединённые Штаты захватили большую часть нашего континента; сегодня империалисты Старого Света вновь серьёзно укрепили свои силы, и напор европейского «Общего рынка» внушает страх

самим североамериканцам. Это способно породить надежды на то, что можно будет вначале наблюдать со стороны за схваткой между империалистами, чтобы потом добиться продвижения вперёд, быть может, в союзе с национальной буржуазией там, где та наиболее сильна. Однако, не говоря уже о том, что пассивная политика никогда не приносила добрых плодов в классовой борьбе, а союзы с буржуазией, — какой бы революционной та ни выглядела в данный момент, необходимо носят временный характер, существуют и иные факторы, которые заставляют революционера занять другую позицию. Речь идёт об особенностях нынешнего этапа борьбы, об «обстоятельствах времени». В Латинской Америке обострение основного противоречия кажется столь стремительным, что это подавляет «нормальное» развитие противоречий, возникающих в ходе борьбы за рынки между империалистами.

Буржуазия латиноамериканских стран в подавляющем большинстве своём вступила в союз с североамериканским империализмом — и поэтому в каждой стране она должна будет разделить его судьбу. Даже в том случае, когда национальные буржуазии, вступив в союз с европейскими империалистами, окажутся вовлечёнными в противостояние с империализмом североамериканским, этот конфликт будет развиваться в рамках главного конфликта — борьбы, которая примет характер противостояния между *всеми эксплуататорами и всеми эксплуатируемыми*. Сегодня поляризация сил антагонистических классов опережает развитие противоречий между эксплуататорами, противоречий, возникающих из-за дележа прибылей. Налицо два лагеря — и выбор между ними становится всё более ясным для каждого человека и для каждого специфического социального слоя, общества.

«Союз ради прогресса» — это попытка сдержать то, что сдержать невозможно.

Если же вдруг наступление европейского «Общего рынка» (или какой-то другой группы империалистов) на американские рынки начнет опережать развитие основного противоречия, тогда нам осталось бы ввести в образовавшуюся между империалистами трещину — подобно клину — народные массы, и именно они должны будут возглавить борьбу и, используя новых участников этой борьбы, не заблуждаться относительно их конечных целей. Нельзя классового врага пускать на свои позиции, нельзя делиться с ним оружием и секретами, если мы не хотим лишиться всего.

Подъём революционной борьбы в Латинской Америке уже начался. Кто окажется в центре бури — Венесуэла, Гватемала, Колумбия, Перу, Эквадор..? Не окажутся ли эти столкновения лишь демонстрацией недовольства, которая не принесёт желанных плодов? Результаты сегодняшней борьбы не имеют принципиального значения. Для конечного итога борьбы не важны временные поражения того или иного движения. Главное то, что решимость продолжать борьбу усиливается день ото дня, день ото дня крепнет сознание необходимости революционных перемен и убеждённость в их осуществимости.

Так выглядит наш прогноз. Мы выступаем с ним, убеждённые, что история подтвердит нашу правоту. Анализ объективных и субъективных факторов как в Латинской Америке, так и в империалистическом мире внушает нам уверенность в правильности наших выводов, которые основаны и на Второй Гаванской декларации.

«Cuba Socialista», № 25, сентябрь 1963 г.

Заключительная речь на Международной встрече студентов-архитекторов

29 сентября 1963 года

Товарищи студенты и преподаватели архитектуры со всего мира! Мне выпало на долю, как говорят на Кубе, сделать резюме или завершить несколькими словами Международную встречу студентов.

Я должен прежде всего сделать весьма тягостный для себя вывод: признать свое предельное невежество в этих вопросах; я даже не знал, что эта, завершающаяся Международная встреча студентов носила неполитический характер. Я полагал, что это встреча студентов, и не знал, что её проводит организация, подчинённая Международному союзу архитекторов.

Студенты, активно участвующие в жизни страны, тем самым — политики, считал я и, прочитав заключительные документы, убедился, что речь идёт о невежестве коллективном: ведь это документы вполне политические. (*Смех, аплодисменты*).

Так вот, прежде всего я думал сказать, что согласен с этими выводами, которые кажутся мне логичными: они не только революционные, но и научные — одновременно и научные, и революционные. И выступить с небольшой речью, если хотите, немного политической. Но сейчас я уже не знаю, подходящий ли это момент, чтобы говорить о политических делах. Во всяком случае, решать вам (ведь в технике я не очень-то разбираюсь). (*Аплодисменты, возгласы «Да!»*).

Хорошо. Я выступлю, это не дешёвая демагогия и не попытка нарушить регламент. Я не знал вашего регламента, просто пришёл сделать резюме именно в своём качестве политика, политика нового склада, народного политика, но так или иначе политика по своим функциям; к тому же на меня произвело впечатление, что значительным большинством здесь одобрены выводы, с большей частью которых я согласен и которые фиксируют роль студента и роль технического специалиста в обществе.

Честно говоря, эти выводы меня даже немного удивили, ведь конгломерат приехавших к нам — это люди из всех стран мира. Чис-

ло стран, где уже построен социализм, невелико, хотя людей в них живет порядочно. Много стран, которые борются за освобождение, переживая различные моменты развития этой борьбы; но правительства в них тоже разные, а специалисты не всегда руководствуются общими с ними интересами. У капиталистических стран, естественно, своя идеология. По всему этому тон дискуссий нас [приятно] удивил.

Я думал, может быть, несколько механистически-догматически, что вообще-то студенчество многих капиталистических, колониальных и полуколониальных стран принадлежит к тем слоям населения, которые по своим возможностям не являются пролетариатом и поэтому их идеология весьма далека от революционной идеологии, которой мы на Кубе придерживаемся и которую поддерживаем.

Однако из-за своего механицизма я забыл, что и на Кубе существовал слой студентов, который по социальному происхождению в огромном большинстве не принадлежал к пролетариату. И тем не менее этот слой студентов участвовал во всех революционных действиях недавнего времени на Кубе. Он дал делу освобождения некоторых из самых любимых нашим народом павших героев, другие влились в наши ряды, а третьи ещё продолжают учебу; они интегрировались в революционный процесс и полностью его поддерживают.

Я забыл, что есть нечто более важное, чем общественный класс, к которому принадлежит человек,— это молодость, свежесть идеалов, это культура, которая, когда наступают годы юности, становится на службу самым чистым идеалам. Позже социальные механизмы различных режимов угнетения, при которых приходится жить, могут постепенно изменить этот склад сознания. Но студенчество в своём значительном большинстве — революционно. Оно лучше или хуже осознаёт факт научной революции, лучше или хуже понимает, чего именно хочет для своего народа и мира и как этого добиваться, но студенчество по природе своей революционно, так как принадлежит к слою молодёжи, открытой жизни и каждый день получающей новые знания.

В нашей стране было так. И несмотря на то, что немало специалистов и студентов от нас уехало, мы с большим удовлетворением, а иногда и с удивлением, видим, что огромное большинство студентов и специалистов осталось на Кубе, хотя у них были все возможности уехать и несмотря на все искушения, которые обрушивал на них империализм.

И причина понятна: даже учитывая, что при эксплуататорском общественном строе студенты не могут выбирать род занятий, следуя настоящему внутреннему призванию, всегда сохраняется связь между призванием человека и его последующей профессиональной деятельностью, случаи разочарования в ней довольно редки. Обычно человек выбирает занятие не без влияния ряда экономических соображений, но в основном потому, что это занятие его интересует.

В нашей стране специалистам и студентам дана возможность, к которой должен стремиться настоящий специалист: возможность располагать всеми средствами своего труда, чтобы иметь возможность делать свое дело.

Впервые в истории Кубы специалисты почувствовали себя настоящими строителями общества, причастными к этому обществу, ответственными за это общество. Они перестали быть наемными работниками — раньше это более или менее скрывалось разными формами эксплуатации, но в конечном счёте они в огромном большинстве были наемными работниками, должны были трудиться на других, приспособляться к желаниям и взглядам других, всегда создавать своим трудом богатство других.

Конечно, вначале существуют немалые ограничения. Наши учёные не могут вести те исследования, какие хотят. Иногда им не хватает красителей, всякого рода технических материалов, необходимых для исследований. Наши архитекторы не могут до конца выражать в своих проектах свой вкус и чувство прекрасного.

Недостаёт материалов. То, что есть, приходится делить между многими, чтобы больше доставалось тем, у кого нет ничего. На этом этапе необходимо перераспределять богатство, чтобы было понемногу у всех.

Но в этих конкретных условиях, в занятии профессией, которую вы представляете, проверяется творческий дух человека. Проблема ставится материалами, которые имеются в наличии, делом, которое должно быть сделано, но решение этой проблемы должны найти наши специалисты.

Тут им надо сражаться, как если бы они сражались с природой, со средой, не зависящей от воли человека, чтобы суметь наилучшим возможным образом осуществить стремление больше дать нашему народу и испытать личное удовлетворение от строительства нового общества своими собственными руками, своим талантом, своими знаниями.

Наша Революция отличается большой широтой. Крупных проблем, которые в других строивших социализм странах возникали со специалистами вокруг дискуссий по вопросам искусства, у нас не было и нет. Мы подходим к этому очень широко.

Мы согласны не со всем, что утверждают наши специалисты и наши художники. Нередко нам приходится с ними горячо дискутировать, но мы добились того, чтобы даже люди, не убеждённые в социализме, не приверженные социализму, более того, чувствующие злость на социализм и тоску по старым временам, оставались на Кубе, боролись, спорили, трудились и созидали. И на практике эти люди оказываются социалистами, в чём и заключается наш интерес. (Смех).

Мы никогда не избегали ни столкновения, ни дискуссии. Мы всегда были открыты для обсуждения всех идей и единственное, чего не позволяли,— это идейного шантажа или саботажа Революции. Тут мы в самом деле абсолютно непреклонны, так же непреклонны, как кто-либо иной.

В принципиальных вопросах в нашей стране существует то, что научно называется диктатурой пролетариата. И этот, государственный аспект диктатуры пролетариата мы считаем неприкосновенным и не позволяем покушаться на него. Но в рамках диктатуры пролетариата существует огромный простор для дискуссии, для выражения идей. Единственное, чего мы требовали,— это уважения генеральной линии государства на этом этапе строительства социализма. Так мы жили.

Были специалисты, угодившие в тюрьму за прямые контрреволюционные действия, за саботаж. Но даже эти специалисты в тюрьме исправлялись и трудились сначала там, а выйдя на свободу, включились в работу нашей промышленности и трудятся там сейчас. Мы доверяем им так же, как любому из наших технических специалистов, и они включаются в общее дело, хотя испытали на себе самое тяжёлое и пугающее в Революции — репрессии, к которым вынуждена прибегать всякая победившая Революция. Ведь победой Революции классовая борьба не исчерпывается, а в нашей стране после победы Революции классовая борьба максимально обострилась.

Тут и саботаж, и покушения — вы сами видели, как вчера они приветствовали нас взрывом бомбы прямо во время заседания: продемонстрировали свою «силу», свой контрреволюционный разгул. Так всегда и было.

Вот эту часть общества, которая поднимает против нас оружие, будь то оружие прямого разрушения или идеологическое оружие, направленное на разрушение нашего общества, мы атакуем без снисхождения. Остальным несогласным, честным инакомыслящим, которые заявляют, что не являются и никогда не станут социалистами, мы просто говорим: ладно, вас раньше никто не спрашивал — за капитализм вы или нет, у вас был контракт и вы его выполняли; выполняйте и теперь свой контракт, работайте, и придерживайтесь каких угодно идей; мы в ваши идеи не вмешиваемся.

Так мы ведем строительство — со многими проблемами, со многими скачками назад. Путь Революции — это не путь непрерывных успехов, постоянного ритмичного движения вперед. Бывают моменты, когда мы заходим в тупик, слабеет революционный напор, теряется ориентация. Приходится перегруппировывать силы, анализировать проблемы, разбираться, в чём мы ошиблись, и продолжать двигаться вперед.

Так и делаются революции, так и укрепляются революции. Они начинаются так, как начиналось у нас: группа людей, поддержанных народом, в подходящем для борьбы районе.

Теперь мы дошли до настоящего момента, и мне приходится выступать в роли теоретика в вопросах, в которых я не силен. Попробую с моими скромными возможностями определить, как я понимаю задачи архитектора.

Полагаю, что архитектор, как практически всякий специалист, — это человек, сочетающий в себе общую культуру, достигнутую к этому моменту человечеством, с техникой, общей человечеству или особенной у каждого народа.

Архитектор, как практически всякий специалист, — человек, и он живет в обществе. Он может участвовать в неполитических международных организациях; и так надо для поддержания совместной жизни в обществе и мирного сосуществования, но вот как может человек говорить о себе, что он аполитичен, — этого я не понимаю.

Быть аполитичным — это значит повернуться спиной ко всем движениям в мире, повернуться спиной к вопросу о том, кто станет президентом или главой твоей страны, повернуться спиной к строительству нового общества или к борьбе против его ростков — ведь в обоих случаях приходится заниматься политикой. Человек в современном обществе — это существо политическое по самой своей природе.

И архитектор как политический человек, соединяющий культуру всего человечества, которую он смог усвоить на сегодняшний день с техникой, которой он располагает, имеет дело с реальностью.

Культура есть нечто принадлежащее миру, примерно так, как язык принадлежит роду человеческому. Но техника — это оружие, и должна использоваться как оружие, и каждый использует её как оружие.

Взгляните на этот мураль¹⁾ — здесь тоже изображено оружие. Это североамериканский автомат М-1, или «Гаранд». Это оружие было очень уродливо, когда извергало на нас очереди, находясь в руках батистовских солдат, но обретало необычайную красоту, когда мы его захватывали, отнимали у них, когда оно становилось оружием народной армии; в наших руках оно обретало достоинство и, нисколько не меняя ни своего устройства, ни своей функции — убивать людей, обретало новое качество: становилось средством борьбы за освобождение народов.

С техникой — то же самое. Технику можно использовать для укрощения народов, а можно поставить её на службу народов ради их освобождения. (*Аплудисменты*). Именно этот вывод вытекает из документа, который вы одобрили.

Чтобы поставить оружие техники на службу обществу, надо овладеть обществом. А чтобы овладеть обществом, надо разрушить факторы угнетения, надо изменить нынешние общественные условия некоторых стран и вручить оружие техники всем специалистам, народу; это — дело всех нас; всех, кто убежден в необходимости перемен в некоторых регионах Земли.

Не может быть специалистов, которые, мысля как революционеры, не действуют как революционеры. Совершить Революцию — повелительная необходимость для большинства континентов: почти всей Америки, всей Африки и всей Азии, где эксплуатация достигла невыносимых степеней.

И кто пытается утверждать, что технический специалист, архитектор, медик, инженер, любой учёный должен заниматься только своим делом, работать только в своей области, пока его народ умирает с голоду или гибнет в борьбе, тот на деле уже стал на другую сторону. Он не вне политики, он участвует в политике, но на стороне противников освободительных движений.

1) Мураль (исп.) — настенная роспись.

Естественно, я уважаю мнения всех здесь присутствующих. Наверняка здесь найдутся даже молодые товарищи и немало специалистов, которые думают, что социалистический строй — вернее, то, что им пока известно о нем — это строй угнетения, нищеты, посредственности — в духе вульгарных утверждений, распространяемых пропагандой, — и что человек может полностью реализовать себя только там, где существует свободное предпринимательство, свобода мышления, люди, согласные со всеми обвинениями, которые бросает нам империализм. Многие искренне так думают, и я не намерен с ними полемизировать. Тут полемизировать не о чем. Всё это выработывалось долго, на протяжении целых поколений, всем тем коллективным воспитанием, к которому прибегал капитализм, чтобы готовить свои кадры — и если бы он не сформировал кадры, верные его принципам, то уже потерпел бы крах.

Начало его нынешнего краха — в том, что мир пробуждается и старые утверждения больше не принимаются лишь потому, что написаны давно; теперь всё надо доказывать практикой, всё надо исследовать и подвергать научному анализу. Из этой обеспокоенности рождаются революционные идеи, они всё больше распространяются по миру, опираясь на примеры того, что может сделать техника, поставленная на службу человеку, как это произошло в социалистических странах. Вот что я мог бы сказать вам всем.

Но для моих товарищей, кубинских студентов, мне бы хотелось ещё кое-что добавить. Остальных, для кого это уже несколько специфично, несколько провинциально, я попрошу просто сделать вид, что вы не слушаете, если тема вас не интересует. Нашим студентам надо уделять особое и постоянное внимание. Наша молодёжь родилась среди больших потрясений. Это страна, где всего несколько лет назад североамериканские моряки справляли нужду на голову нашего Апостола Марти¹⁾, а сегодня весь наш народ поднялся против североамериканского империализма. Произошло исключительное явление: полное изменение массового сознания за несколько лет революционной работы. Но, как при любых внезапных и резких переменах, не всё сразу становится ясным и в головах наших студентов сегодня не всё ясно, и сознание наших студентов, как и всего нашего народа, несвободно от многих сомнений.

1) Че имеет в виду осквернение морскими пехотинцами США статуи национального героя Кубы (в 195... году).

Поэтому мы бы хотели ещё раз подчеркнуть, что в этот момент борьбы, когда мы непосредственно противостоям империализму янки, когда он угрожает нам каждый день, когда его агрессивность очевидна, задачи студенчества важнее, чем когда-либо. Надо поскорее учиться, чтобы стать настоящими творцами нового общества, но в то же время надо углублять свое сознание, чтобы точно знать, каким образом и в какой форме это общество надо создавать, чтобы не быть простым строителем без идей, а поставить свои руки, свою голову, свое сердце на службу рождающемуся обществу. И в то же время надо не выпускать из рук винтовку, ведь защита нашего общества — не такая задача, которую можно переложить на плечи того или другого слоя общества.

Защита кубинской Революции — постоянная задача всех кубинцев, во все моменты, на всех позициях.

Ваша задача, товарищи студенты, — выполнить в максимальной мере указание Ленина: «Каждый революционер на своём месте труда и борьбы должен быть лучшим». Ваше место борьбы — университет, учеба, срочная подготовка наших специалистов, чтобы восполнить их нехватку, закрыть ту брешь, которую оставили нам империализм, сманивший наши кадры, и общая отсталость страны; чтобы быстрее построить новое общество.

Это основополагающая задача, но, будучи основополагающей, эта задача не единственная, ведь никогда нельзя забывать о сознательном изучении теории, нельзя забывать и о том, что в любой момент может возникнуть необходимость взять в руки винтовку, и о постоянной, ежеминутной необходимости защищать революцию идеологическим оружием.

Это трудная задача, эта задача требует от нашего студенчества напряжения всех сил. Нынешнее поколение — это поколение самопожертвования. Это, наше поколение не сможет и в самой малой степени обладать теми благами, какие будут иметь поколения, следующие за нами. Мы должны ясно сознавать это, сознавать нашу роль, ведь нам выпала великая честь стать авангардом Революции в Америке и сегодня выпадает честь быть самой ненавидимой империализмом страной. Каждую минуту мы в авангарде борьбы. Мы не отказались ни от одного из наших принципов, никогда и ни в чём не переставали выполнять свой долг. Поэтому мы идём во главе, поэтому мы окружены славой, что чувствует каждый кубинец в каждой точке мира, где он бывает. Но это требует и усилий.

Нынешнее поколение, сделавшее возможным то, что кажется чудом, — рождение социалистической революции в нескольких шагах от североамериканского империализма, — должно оплачивать эту свою славу самопожертвованием. Ему приходится жертвовать собой день за днём, чтобы ценой своих усилий строить день завтрашний.

Ваше желание, ваша мечта — будущее, в котором все материалы, все средства, вся техника будут в вашем распоряжении, чтобы вы могли их преобразовать, вдохнуть в них жизнь — уж позвольте мне эту немного идеалистическую фразу — и поставить их на службу народу.

Ради этого мы должны создавать материальные средства, отражать атаки империализма и преодолевать все трудности. Вот почему наше поколение займет особое место в истории Кубы — и в истории Америки. Никогда не должны мы обмануть надежду, которую все товарищи, все революционеры, все угнетённые народы Америки, а может быть и мира, возлагают на кубинскую Революцию.

Кроме того, мы никогда не должны забывать, что кубинская Революция воздействует силой своего примера не только здесь, внутри страны, что её долг выходит за границы Кубы: это долг нести идейное пламя Революции во все уголки Америки, во все уголки мира, где к нам прислушиваются; долг чувствовать все бедствия мира, всякую эксплуатацию и несправедливость; долг, емко выраженный Марти в словах, которые мы часто произносим и всегда должны держать у своего изголовья на самом видном месте: «Всякий настоящий человек должен чувствовать на собственной щеке каждый удар, нанесённый по щеке любого человека».

Таким должен быть синтез идей Революции по отношению ко всем народам мира. Такой и должна всегда быть наша молодёжь: свободной, дискутирующей, обменивающейся идеями, неравнодушной к событиям во всём мире, усваивающей технику всего мира, воспринимающей от всего мира то, что он может нам дать, и всегда живо чувствующей борьбу, беды, надежды угнетённых народов.

Так мы будем строить наше будущее.

Перед вами — пора перейти к актуальным сегодня практическим делам — стоит долгосрочная задача. Начинается полоса конгрессов, где на первом месте будет техника, а политика не будет предметом общения и обмена опытом. Но вы, студенты мира, никогда не забывайте, что за техникой всегда стоит тот, кто ею пользуется, и этот некто — общество, и можно быть с этим обществом или против

него. И что в мире есть те, кто думает, что эксплуатация — благо, и те, кто думает, что эксплуатация — зло и что с нею надо покончить. И что, даже если совсем не говорить о политике, человек как политическое существо не может уйти от этой ситуации, неотделимой от его человеческой сущности. И что техника — это оружие, и тот, кто чувствует, что мир далеко не так совершенен, как должен быть, должен бороться за то, чтобы оружие техники было поставлено на службу обществу, и для этого прежде всего освободить общество, чтобы техника служила как можно большему числу людей и чтобы мы могли строить общество будущего, называйте его как хотите. Это общество, о котором мы мечтаем и которое мы называем так, как назвал его основатель Научного Социализма, — «коммунизм».

Родина или смерть! Мы победим! (Овацья).

«Revolucion», 30 сентября 1963 г.

О ПОНЯТИИ СТОИМОСТИ

(ответ на некоторые утверждения по этому вопросу)

В этом номере журнала «Нуэстра индустриа. Ревиста экономика» мы воспроизводим статью Альберто Моры, недавно опубликованную в журнале «Комерсио экстериор»¹⁾ — издании министерства этой отрасли — под названием: «К вопросу о функционировании закона стоимости в кубинской экономике в настоящее время».

Статья начинается словами: «Некоторые товарищи утверждают, что закон стоимости не действует в настоящее время внутри государственного сектора кубинской экономики». Важно опровержение аргументов, но важно также, кто обвиняемые. «Некоторые» не названы по именам и фамилиям, но у них — тех, против кого направлена критика, они есть: речь идёт о министре промышленности, авторе данной статьи, и о товарище Луисе Альваресе Роме, министре финансов, не говоря сейчас о других, которым может быть поставлена в вину приверженность концепции Системы бюджетного финансирования.

Мы начали с этого, потому что важно знать не только представления, но и людей, которые их придерживаются.

Нам хотелось бы прояснить три вывода, сделанных Морой. Мы полагаем, что самое важное из того, что в этой статье заслуживает обсуждения, — не спор с теми, кто отрицает функционирование закона стоимости, а само даваемое автором определение стоимости, поскольку оно не соответствует идеям Маркса.

«Итак, что такое стоимость? Как мне представляется, если мы придаем категории стоимости некий определённый смысл, то нельзя не признать, что она охватывает (или, точнее, выражает) некое отношение. Во-первых, она есть мера и как таковая выражает отношение; и, во-вторых, она есть вследствие этого категория, создан-

1) «Внешняя торговля». Альберто Мора: в прошлом — боевой соратник Че, команданте, министр внешней торговли. В этот период один из лидеров (вместе с К. Р. Родригесом и председателем Центрального Банка М. Фернандесом) группы сторонников советских методов управления экономикой.

ная человеком при определённых обстоятельствах и с определённой целью, вписанной в среду развиваемых ими общественных отношений».

Проанализируем этот абзац. Несколькоими строчками выше Альберто Мора утверждает по поводу стоимости: «Но мера предмета не есть сам предмет»; теперь же: «Во-первых, она есть мера и как таковая выражает отношение». Это представляется нам противоречивым.

Затем он говорит: «и, во-вторых, она есть вследствие этого категория, созданная человеком при определённых обстоятельствах и с определённой целью». Это находится в полном противоречии с идеями Маркса об экономических законах общества. Весь его труд был посвящён раскрытию сущности явлений за их видимостью; Маркс продемонстрировал, что различные фетиши, которыми человечество обзавелось, годятся лишь на то, чтобы прикрывать его невежество. Мы считаем, что уж чего не мог сделать человек, так это создавать стоимость с определёнными целями. Стоимость порождена производственными отношениями, существует объективно, и знаем мы о ней или нет, это не меняет ни реальности её существования, ни стихийности выражения ею капиталистических отношений.

Маркс пролил свет на запутанный механизм капиталистических производственных отношений, но их познание едва ли меняет реальность; единственное, что может сделать человек, это в определённых условиях изменить общество, но не «изобрести» его законы.

Ниже Мора добавляет: «Вспомним, что только один тип труда создаёт стоимость: общественно необходимый труд. Это означает применение ограниченно доступных ресурсов для удовлетворения общественно признаваемой необходимости. Следовательно, именно это отношение выражается категорией стоимости; оно и есть сама стоимость».

Заметим, что Мора приписывает словам «общественно необходимый» иной смысл, чем они имеют, а именно смысл необходимого для общества, тогда как в действительности здесь выражается мера труда, который общество в целом должно выполнить, чтобы произвести некоторую стоимость. Наконец, Мора утверждает, что отношение между потребностями и ресурсами есть стоимость.

Очевидно, что если общество не признает полезности продукта, он не будет иметь меновой стоимости (отсюда, возможно, концептуальная ошибка Мора при рассмотрении общественно необхо-

димого труда), но не менее очевидно, что Маркс связывает идею стоимости с идеей абстрактного труда. Поиск меры труда отождествляется с поиском меры стоимости. В «Капитале» мы читаем следующее: «Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлён, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину её стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой “созидающей стоимость субстанции”»¹⁾.

Оказывается, что без потребительной стоимости не существует стоимости, как немыслима и потребительная стоимость без стоимости (за исключением некоторых сил природы) ввиду диалектической взаимосвязи, которая существует между ними.

Может быть, ближе к реальности идея, что в стоимости заложено отношение «необходимость — ресурсы»; это выглядит логичным, так как эту формулу можно заменить формулой рыночного предложения и спроса, что составляет одно из звеньев функционирования закона стоимости или отношения стоимости.

Вот первое возражение, которому мы придаем значение, так как опасно было бы схематизировать эту проблему, сводя её к простому изложению закона предложения и спроса.

Возвращаясь к началу первого абзаца комментируемой статьи, скажем, что это суждение неточно. Мы рассматриваем проблему стоимости иначе. Сошлюсь на статью, опубликованную в первом номере «Нуэстра индустрия. Ревиста экономика»²⁾. Там говорилось: «Когда все продукты обращаются в соответствии с ценами, которые находятся между собой в определённых отношениях, отличных от отношения этих продуктов на капиталистическом рынке, создаётся новое соотношение цен, которое не является подобным мировому. Как добиться, чтобы цены совпадали со стоимостью? Как сознательно пользоваться знанием закона стоимости, чтобы достичь равновесия рыночного фонда, с одной стороны, и его правильного отражения в ценах — с другой? Это одна из самых серьезных проблем, стоящих перед социалистической экономикой».

Таким образом, мы не оспариваем реальность действия закона стоимости; речь идёт о том, что этот закон достигает самой раз-

1) См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 47.

2) Речь идет о статье «Некоторые соображения о себестоимости» (см. с. 320–329).

витой своей формы на капиталистическом рынке и что изменения, внесённые в функционирование рынка социализацией средств производства и аппарата распределения, влекут за собой такие изменения, которые препятствуют немедленному определению его действия.

Мы утверждаем, что закон стоимости является регулятором рыночных отношений в условиях капитализма и поэтому в той мере, в какой по какой-либо причине искажается функционирование рынков, подвергнется искажению и действие закона стоимости.

Форма и мера, в которой это может происходить, пока не изучены с той же глубиной, с какой Маркс осуществил свое исследование капитализма. Ни он, ни Энгельс не предвидели, что переходный этап может начаться в экономически отсталых странах, и поэтому не размышляли над экономическими характеристиками этого момента и не изучали их.

Ленин при всей своей гениальности просто не имел времени на то, чтобы провести длительное исследование — длиной в целую жизнь, как Маркс, — экономических проблем переходного этапа; этапа, на котором тот исторический факт, что общество вышло из капитализма, не завершив его развития (и в нём ещё сохраняются остатки феодализма), сочетается со сосредоточением собственности на средства производства в руках народа.

Это реальный факт, возможность которого Ленин предвидел, исследуя неравномерное развитие капитализма, зарождение империализма и разрабатывая теорию прорыва слабейших звеньев системы в моменты таких социальных потрясений, как войны. Он же утвердил — русской революцией и созданием первого социалистического государства — реальность этого факта, но не имел времени продолжить исследования, полностью отдавшись консолидации власти, участию в революции, как он и заявил в оборванном финале своей книги «Государство и революция»¹⁾. (Совокупность работ Ленина по

1) «Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 г. — пишет В.И. Ленин в послесловии к «Государству и революции». Мною был уже составлен план следующей, седьмой главы «Опыт русских революций 1905 и 1917 гг.». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун Октябрьской революции 1917 г. Такой «помехе» можно только радоваться... приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нём писать». (В.И. Ленин, Полное собр. соч. т. 33 с. 120.)

экономике переходного периода служит нам ценнейшим введением в эту тему, но ему не удалось развить её глубже, для чего требовались время и опыт).

В своих выводах товарищ Мора категорически утверждает: «При социализме закон стоимости продолжает действовать, хотя и не является единственным регулирующим критерием производства. При социализме закон стоимости действует посредством плана».

Мы в этом не так уверены.

Даже предполагая, что будет разработан вполне гармоничный во всех отношениях план, следует предположить, что должен иметься какой-то находящийся вне его инструмент анализа, позволяющий его оценивать, и я не представляю себе, что может быть таким инструментом, кроме самих результатов выполнения этого плана. Но те удостоверяют, что всё в порядке или что-то не в порядке (здесь подразумевается — в отношении закона стоимости, так как могут быть недостатки и иного происхождения) лишь *a posteriori*. Нам придётся тщательно изучить слабые пункты, чтобы попытаться принять практические меры, опять-таки *a posteriori*, и исправлять ситуацию, всё время идя ощупью. Во всяком случае, равновесие между рыночным фондом и платежеспособным спросом могло бы служить контрольным эталоном, так как анализ неудовлетворённых потребностей ничего бы нам не прояснил, поскольку по определению не существует условий, позволяющих давать человеку в этот период по потребности.

Предположим нечто более реальное: необходимо принять меры перед лицом данной ситуации, расходовать средства на оборону, на исправление крупных диспропорций внутреннего производства, на инвестиции, поглощающие часть наших возможностей производить для потребления, но необходимые ввиду их стратегической важности (я имею в виду не только военный, но и экономический аспект). Тогда возникнет напряжение, которое надо будет снимать административными мерами, чтобы не допустить взвинчивания цен, и тем самым создадутся новые отношения, которые будут всё больше затемнять действие закона стоимости. Всегда можно рассчитать результаты; это делают и капиталисты при исследовании конъюнктуры. Но закон стоимости будет отражаться в плане всё бледнее. Таково наше мнение по этому вопросу.

Нам хотелось бы сослаться и на другую часть цитируемой статьи, где говорится следующее: «Когда некоторые товарищи отрица-

ют, что закон стоимости действует в отношениях между предприятиями внутри государственного сектора, они ссылаются на то, что весь государственный сектор находится в единой собственности; что предприятия являются собственностью общества. Последнее, конечно, верно. Но экономически это неправильный подход. Государственная собственность ещё не является вполне развитой общественной собственностью, которая будет достигнута только при коммунизме». И дальше: «Достаточно взглянуть на отношения между государственными предприятиями; на то, какие между ними возникают противоречия и какие претензии они предъявляют друг другу, чтобы дать себе отчёт в том, что в настоящее время государственный сектор на Кубе отнюдь не составляет единого большого предприятия».

Альберто Мора имеет в виду некоторые беседы, которые у нас были, моё выступление на выпуске курса Школы администраторов и неизданную брошюру товарища Альвареса Рома, где говорится об этом как о мечте Ленина. У последнего идёт речь о фабриках как цехах объединённого предприятия и о стремлении по мере развития экономики привести все отношения к таким, которые будут существовать в единой большой фабрике.

Нам хотелось бы отметить, что, если верно, что между разными предприятиями — мы говорим не о предприятиях народного хозяйства вообще, а о тех, что находятся под руководством Министерства промышленности, — существуют противоречия, то не менее верно, что существуют противоречия между фабриками одного предприятия, между цехами одной фабрики, а иногда (например, у трудящихся бригады на повременной оплате с премией) и внутри бригады, противоречия, которые выражаются на практике в том, что бригада не разрешает одному из трудящихся уделить хоть час рабочего времени обучению других товарищей, поскольку это снижает производительность группы и, следовательно, её зарплату. Однако мы строим социализм, ликвидируя эксплуатацию человека человеком. Разве при капитализме в цехах одной фабрики, взаимно зависящих друг от друга, не происходит схожих вещей? Или в двух системах существуют противоречия сходного типа?

Противоречия между людьми постоянно проявляются в социалистическом секторе, но если они не усугубляются крайним непониманием или образом действий, не свойственным революции, это противоречия неантагонистические, разрешаемые в тех пределах, которые общество ставит как рамки их действия. Мы согласны в том,

что государственный сектор ещё отнюдь не составляет единого большого предприятия — вследствие организационных слабостей, из-за недостаточного уровня развития нашего общества и потому, что существуют две системы финансирования. Выражая наше понятие единого предприятия, мы базируемся в основном на данном Марксом определении товара: «Чтобы быть товаром, продукт должен перейти в руки другого, который его потребляет, путём акта обмена» — и на замечании Энгельса, объяснявшего, что он вводит понятие товара, чтобы избежать ошибки тех, кто считает товаром всякий продукт, потребляемый не его производителем, и объясняет, что продукты, отдаваемые крестьянами сеньору, не являются товарами потому, что тут обмена не существует.

Энгельс приводит пример из феодального общества; но не может ли это понятие товара с соответствующими примерами быть применимо и к нашему настоящему, к строительству социализма?

Мы считаем, что переход продукции от одного цеха к другому или от одного предприятия к другому при развитой бюджетной системе не может считаться актом обмена; это просто акт создания или прибавления новых стоимостей посредством труда. Иными словами, если товар — это продукт, меняющий собственника посредством акта обмена, то коль скоро все фабрики находятся в государственной собственности, при бюджетной системе, где нет этого явления, продукт приобретет черты товара, только когда он, поступив на рынок, перейдёт в руки потребителя.

Наше мнение о себестоимости выражено в уже цитированной статье, вышедшей в этом журнале за моей подписью; к ней мы отсылаем заинтересованного читателя. При кубинских масштабах, применяя подход Моры, мы бы могли предложить ему разделить свое министерство на девять автономных министерств, по одному на этаж. Если он не согласен, пусть попробует подняться в свой кабинет по лестнице и убедится в правоте этого утверждения. Если он пользуется телефоном, лифтом и внутренней связью — так на то они и существуют; расстояния на Кубе измеряются техническими средствами современной коммуникации, а не временем, которое требовалось нашим предкам, чтобы добраться из одного места в другое.

О разногласиях — всё.

Мы хотим выразить уверенность, что эта полемика, начавшаяся с нашего возражения, может оказаться очень полезна для нашей подготовки в той мере, в какой мы будем способны вести её как мож-

но строже в научном отношении и как можно объективнее. Мы не уходим от столкновения мнений, но, находясь в центре дискуссии, достигшей высших уровней правительства и партии, где сохраняются две линии взглядов на систему финансирования, мы считаем важной заботу о форме и методе дискуссии.

Мы приветствуем инициативу товарища Мора вынести свои возражения на публичное обсуждение; хотя вещи всегда лучше называть своими именами; и, кроме того, поздравляем его с высоким качеством журнала Министерства внешней торговли, качеством, которого мы пытались достичь и в нашей скромной публикации.

«Nuestra Industria», № 3, октябрь 1963 г.

Заключительное выступление на неделе солидарности с Южным Вьетнамом

20 декабря 1963 года

Товарищи члены Фронта освобождения Южного Вьетнама!
Товарищ Посол Народной Республики Вьетнам!

Революционное правительство и Единая партия Социалистической революции уполномочили меня от их имени и от имени кубинского народа приветствовать освободительную борьбу южно-вьетнамского народа и третью годовщину вооружённой борьбы за освобождение вашего народа.

Борьба вьетнамского народа длится уже много лет, потому что мы не можем рассматривать народ Вьетнама в рамках того искусственного разделения, которое было установлено в результате Женевских соглашений. Народные силы начали длительную освободительную борьбу ещё тогда, когда Вьетнам находился под колониальной властью Франции и был известен в учебниках географии под названием Индокитай.

Именно в тот момент, когда здесь, в Америке, мы присутствовали при падении единственного по тем временам подлинно демократического режима на нашем континенте¹⁾, в середине 1954 г. до нас дошло известие о победе народных сил в Дьен-Бьен-Фу. Оно прозвучало тогда как предостережение империалистам, как предупреждение им о том, что частичная победа в каком-нибудь одном уголке мира никоим образом не означает победы империализма в мире. И это же известие стало для угнетённых народов мира сигналом надежды, который показывал, что частичное поражение народных сил в каком-либо районе мира ни в коем случае не означает окончательного крушения стремления народов к свободе.

Несколько месяцев спустя французские колониальные войска, убедившись в бесполезности войны, которая истощала силы всего французского народа, пришли к решению о прекращении борь-

1) Имеется в виду падение гватемальского правительства Хакобо Арбенса.

бы, и в Женеве было подписано соглашение, посредством которого Вьетнам был разделён на две части. Это соглашение имело те же основные черты, как и то, что годами раньше разделило корейский народ — тоже на две части.

Но на этот раз предусматривалось, что в течение нескольких лет будут проведены всеобщие выборы, на которых весь вьетнамский народ определит свою дальнейшую судьбу. Французский империализм, оставляя эту зону в Азии, уступал свое место империализму североамериканскому.

А североамериканцы очень быстро убедились в том, что любое свободное проявление воли народа могло привести лишь к одному результату — к полной утрате их владений в той зоне, которую они рассматривают как стратегическую для Южной Азии. Так были попраны Женевские соглашения, воля всего вьетнамского народа. Так начали США подготовку к длительной войне на уничтожение, неизбежность которой они предвидели.

Некоторое время народ Южного Вьетнама пребывал в ожидании. В период с 1954 г., когда закончилась война, до 1960 г., когда она снова разгорелась, имели место многочисленные манифестации в рамках мирной борьбы за то, чтобы заставить уважать волю единого народа. Однако наступил момент, когда стало ясно, что не осталось иного средства, кроме как снова взяться за оружие.

Мы говорим «не осталось иного средства», потому что такой вид народной войны с небольшими армиями, которые поддерживаются огромными массами невооружённого населения против колониальных властей, имеющих в своём распоряжении все существующие средства разрушения, означает огромные потери народа, его холокост во имя окончательного освобождения. Но другого пути уже не оставалось, и в Южном Вьетнаме снова разгорелась вооружённая борьба.

В это же самое время в Латинской Америке снова было возведено народам всего мира, что и её народы не пребывают в спячке, не отказались окончательно от своего освобождения, и Кубинская революция стала превращаться в то, что североамериканцы объявляют сегодня одной из самых трудных своих проблем.

К этому времени достигла своего апогея и освободительная война народа Алжира, которая через несколько лет привела сначала к Эвианским соглашениям, а затем к освобождению алжирского народа и созданию его нынешнего, социалистического правительства.

ства. Америка, Азия и Африка — все три угнетённых континента — возвестили миру, что перестают терпеть присутствие колониальных властей на каждом из них.

Затем разгорелись новые освободительные войны: в Лаосе до сих пор сохраняется нестабильная ситуация после того, как здесь были по крайней мере сорваны устремления империалистов. В Анголе и Португальской Гвинее борьба в настоящий момент ведётся непосредственно в форме партизанской войны. А на нашем континенте в данное время в Никарагуа, Гондурасе, Гватемале, Санто-Доминго, Колумбии, Венесуэле и Парагвае народные силы демонстрируют свою жизнеспособность и, кроме того, бессилие армий, созданных для репрессий, для подавления стремления народов к свободе.

В последние месяцы текущего года крупные победы были одержаны венесуэльскими народными силами на этом континенте и Освободительной армией Южного Вьетнама. Восьмитысячные потери, нанесённые врагу в этих последних боях — а среди этих потерь четыре тысячи приходится на пленных и дезертиров, — наглядно свидетельствуют о той силе, которую обрело движение в Южном Вьетнаме. Горные базы на севере практически освобождены, и вооружённые силы Южного Вьетнама стягиваются к равнинам, где расположена столица, Сайгон, оказывая всё большее давление на власть южновьетнамских марионеток.

Мы не можем предсказать, сколько ещё продлится эта борьба. Боевые действия носят весьма продолжительный характер, сопровождающие их процессы подчас — или почти всегда — развиваются очень медленно и влекут за собой очень большие жертвы, но силы накапливаются народом в геометрической прогрессии, и как только соотношение сил представит партии народа малейший удобный случай, в этот самый момент стремительно наступит развязка.

Так это было на Кубе, так это было в Северном Вьетнаме, так произошло и в продолжительнейшей освободительной войне, результатом которой стало установление Китайской Народной Республики.

В определённый момент народные силы достигают такой мощи, что переходят к крупномасштабному наступлению, преобразуют свои партизанские силы в регулярные или полурегулярные армии, переходят от партизанских акций к действиям колонн, к насто-

ящим военным операциям и в короткий срок низвергают власть угнетателей.¹⁾

Мы не знаем, когда сможем поздравить Южный Вьетнам с окончательным освобождением. Мы никогда не сможем предсказать, когда именно наступит освобождение каждого из народов, борющихся сегодня с оружием в руках за свою свободу. Но мы точно знаем, что итогом этой борьбы неизбежно станет свобода народов. И знаем, что, чем с большей энергией, с большим энтузиазмом и с большей верой народы ведут эту борьбу, тем короче окажется период, в течение которого всё население страны вынуждено страдать от ударов карательной власти.

В Южном Вьетнаме уже несколько месяцев назад сложились такие условия, что Соединённые Штаты решили сменить команду, находившуюся у власти. Очередной диктатор не согласился на это, и Соединённые Штаты ещё раз продемонстрировали, что происходит с их марионетками, когда они в какой-то момент не подчиняются безоговорочно их приказам. Как передали североамериканские информационные агентства, с диктатором Нго Динь Дьемом и его братом случилось то, что в тот момент назвали «самоубийством по западному». В нашем регионе более или менее схожая судьба постигла Трухильо, когда он тоже отказался служить разменным материалом в одной из хитроумных комбинаций, предпринимаемых имперской властью, когда их услуга «изнашивается».

Это тем не менее указывает, что для сил угнетения ситуация в Южном Вьетнаме становится неуправляемой, и товарищи из Фронта освобождения ясно об этом заявили. Из данной ситуации есть три пути. Нынешний — когда для борьбы, репрессий и пыток в Южном Вьетнаме используются местные войска и лишь специальная команда североамериканских советников — быстро обнаруживает свою неэффективность. Альтернативным путём выступает переход к прямой интервенции в Южный Вьетнам, к массовому использованию североамериканских экспедиционных сил. Естественно, что это делает борьбу ещё более тяжёлой, но зато и более ясной для всего мира. Сегодня, когда отмечаются победы и объявляется о восьмитысячных потерях южновьетнамской карательной армии, кто-то может задаться вопросом: а сколько среди этих восьми тысяч представ-

1) Как известно, все произошло именно так — одиннадцатью годами позже.

лены невинными жертвами, людьми из народа, которые по тем или иным причинам оказались завербованными на борьбу против свободы. Как это много раз случалось на Кубе, где солдаты Батисты часто оказывались в армии из-за отсутствия работы и должны были отдавать свои жизни, пытаясь сдержать развитие революционной борьбы. Если же войска североамериканских интервентов осуществят массовое вторжение в Южный Вьетнам, то всем будет совершенно понятно, в кого и за что там стреляют. И весь мир поймет намного лучше, кто является подлинным врагом, сможет распознать его гораздо быстрее. И это янки тоже знают.

Когда сегодня мы со всем энтузиазмом поднимаем знамя Южного Вьетнама, мы делаем это не только из пролетарской солидарности, повинувшись жажде справедливости, которую привила всем нам революция. Мы делаем это также потому, что данный фронт борьбы имеет чрезвычайно важное значение для всего будущего Америки.

Там, во Вьетнаме, они тренируют силы, которые однажды придут подавлять наших партизан, наших — на американском континенте. Там опробуются все новые виды оружия уничтожения, новейшие образцы техники для борьбы против свободы народов. В настоящее время Южный Вьетнам является главной лабораторией империализма янки по подготовке всех его подразделений для борьбы, которая, возможно, будет ещё более важной и развернётся на заднем дворе его колониального владения, на всём американском континенте. Борьбы, победоносное завершение которой означало бы также конец североамериканского империализма. Поэтому они уделяют такое внимание войне во Вьетнаме, не говоря уже о естественной стратегической ценности Южного Вьетнама как оперативной базы для посягательств против всего южного фланга социалистического блока в Азии. Эти две стратегические характеристики превращают Южный Вьетнам в одну из сложнейших проблем, с которыми сталкивается новая¹⁾ североамериканская администрация, и они, конечно же, тщательно анализируют, что им надо делать в данный момент.

Естественно, никто не думает, что результатом этого анализа станет переход к реальному и демократическому миру и что вьет-

1) Т. е. наследующая администрации убитого месяцем раньше Дж. Ф. Кеннеди.

намскому народу так просто позволят добиться победы, объединиться в единую нацию и перейти, подобно их братьям с севера, к активному строительству социализма на базе отсталых структур, унаследованных от колониализма, и разрушенных богатств, оставленных в наследство войной. Они думают о других тактиках, о новых рамках стратегии. Каким будет их решение? Мы пока ещё не можем знать этого, но предвидим длительную борьбу и новые страдания героического народа Южного Вьетнама, подобные тем, которые можно предсказать всем народам, борющимся за свою свободу. Однако живое присутствие сил освобождения Вьетнама, их постоянные успехи, их постоянное продвижение в наиболее укрепленные зоны вражеской обороны являются тем примером, который усваивают все народы. Наша задача здесь, на Кубе, также состоит в усвоении этого яркого примера, в том, чтобы он вошёл в плоть и кровь нашего народа как воплощение справедливости и неделимости всего великого братства угнетённых народов мира. И ещё мы должны всеми средствами довести этот пример до угнетённой Америки, показывая ей, что борьба ведётся на всех континентах и как можно на всех континентах бороться за освобождение народов. И вдобавок к этому продемонстрировать народам нашей Америки ещё кое-что: когда исчерпываются мирные условия борьбы, когда реакционные державы раз за разом обманывают народ, то не только возможно поднять знамя Революции, но и должно поднять его. (*Аплодисменты*).

Мы не говорим в данном случае об определённых странах. Мы говорим о конкретных ситуациях. Форму, средства и время определяют народные силы каждой страны. Но примеры, живые примеры налицо, они показывают, каким образом, несмотря на химическую войну, несмотря на всё новые методы разрушения, которые изо дня в день испытывают всё те же янки, можно вести борьбу. И если мы задержимся на минуту у карты маленького Южного Вьетнама, а затем остановимся у карты нашей громадной Америки с её двадцатью миллионами квадратных километров, мы с ещё большей уверенностью увидим, что борьбу вести можно...

И многие народы Америки созрели для революции. Не только те, которые сегодня уже начали вооружённую борьбу. Есть и такие, которые ещё её не начинали, но уже терпеливо точат свои мечи, зная, что час приближается. Они знают, что североамериканский империализм осуществит интервенцию в Америку, но они знают и то, что, чем больше фронтов будет открыто одновременно, тем

труднее будет для янки эта борьба. И сегодня речь идёт уже не о странах,¹⁾ поскольку Куба — это не просто страна данного региона мира, она — часть единой страны, Америки, и, кроме того, символ для всей этой страны. (*Аплодисменты*).

Так что каждый народ, который начинает борьбу, начинает также рыть могилу империализму и заслуживает всяческой поддержки и всяческого одобрения²⁾ с нашей стороны.

Сегодня здесь стремятся ликвидировать Кубу, чтобы ликвидировать «дурной пример», и, если бы они хоть на минуту поверили в свою способность одержать победу, то, вне всякого сомнения, уничтожили бы всё, что наше правительство сделало, все социальные завоевания и всех представителей этого правительства. И мы все тоже знаем об этом, а потому борьба ведётся не на жизнь, а на смерть. Иной альтернативы нет: либо победа, либо полное поражение и долгие годы империалистической власти, чьи подошвы ощусят на себе угнетённые страны.

Именно поэтому надо хорошо продумать выбор времени, дать борьбе созреть, но единожды начав её, надо идти до конца. Здесь не должно быть сделок, не должно быть половинчатости, не должно быть перемирий, которые не в полной мере гарантируют стабильность страны. Победа должна быть полной. В этом духе вёл и ведёт борьбу наш народ. В этом же духе на протяжении семи долгих лет вёл борьбу народ Алжира. (*Аплодисменты*). И с тем же убеждением сегодня ведёт борьбу народ Южного Вьетнама. (*Аплодисменты*). Но у него есть ряд преимуществ, кроме того, за ним — вся солидарность и поддержка его братьев из Северного Вьетнама; в большей мере, чем какой-либо другой народ мира, он может опереться на непрерывность борьбы за свою свободу, на пример своих собственных братьев, которые девять лет боролись за свержение французского ига, и в его распоряжении пример современного положения в Северном Вьетнаме — в сравнении с тем, которое переживает Южный Вьетнам.

По всем этим причинам его вера должна быть ещё более глубокой, а его уверенность в победе — ещё более прочной. И поэтому

- 1) Т. е. когда речь идет о «фронтах», имеются в виду не отдельные страны, а восстания в регионе, развивающиеся независимо от национальных границ.
- 2) Буквально: аплодисментов (*aplausos*).

мы знаем, как сказал товарищ делегат, что, каким бы ни был результат той или иной битвы, какие бы методы борьбы ни использовал североамериканский империализм, конечным итогом станет победа Южного Вьетнама и объединение всей страны. *(Аплодисменты)*.

Завершая празднование этой недели — празднования третьей годовщины создания Фронта, мы приветствуем братский народ Южного Вьетнама — брата по борьбе и образцового товарища в эти трудные моменты мировой истории. И более того, мы приветствуем их как выполняющих в мире ту же функцию, что и мы, — солдат авангарда, бойцов передней линии наступления мирового пролетариата против империализма.

По всем этим причинам, когда мы собираемся здесь, чтобы приветствовать вьетнамский народ, мы приветствуем подлинного брата, сжимаем в своих объятиях братьев, которые в далеком районе мира борются за нашу безопасность, за общие чаяния, которые объединяют все народы всех трёх угнетённых — пока — континентов: Азии, Африки и нашей Америки.

Товарищи, позвольте мне завершить эти приветственные слова возгласом, который сегодня повторялся многократно:

Да здравствует народ Южного Вьетнама! *(Аплодисменты)* Да здравствует его революционная армия! *(Аплодисменты)*. Да здравствует пролетарский интернационализм! *(Аплодисменты)*. Смерть империализму! *(Аплодисменты.)* Родина или смерть! *(Овации)*.

О системе бюджетного финансирования

февраль 1964 г.

Общие посылки

Об этом вопросе уже кое-что говорилось, но недостаточно, и я считаю, что совершенно необходимо приступить к более глубокому анализу с тем, чтобы чётко определить содержание проблемы и методологию подхода к ней.

Система, о которой идёт речь, официально санкционирована Законом, регулирующим бюджетное финансирование государственных предприятий, а свое крещение она получила в процессе работы внутри Министерства промышленности.

История вопроса сравнительно недавняя, и едва восходит к 1960 г., когда система приобрела некоторую цельность, но наша задача — проанализировать не развитие системы, а то, какой она предстаёт в настоящий момент, понимая при этом, что эволюция её ещё далеко не завершена.

Наша задача — сравнить систему бюджетного финансирования с системой так называемого хозяйственного расчёта; при анализе последней мы делаем упор на самофинансировании, так как именно оно является основной чертой различия между двумя системами, а также на отношении к материальному стимулированию, так как именно на его основе устанавливается самофинансирование.

Объяснить эти различия непросто, так как они подчас неясны и тонки, а кроме того, изучение бюджетной системы финансирования не было настолько глубоким, чтобы изложение её могло на равных поспорить в ясности с изложением сущности хозяйственного расчёта.

Начнём с нескольких цитат. Первая взята из экономических рукописей Маркса, принадлежащих тому периоду, который впоследствии был окрещён эпохой молодого Маркса, когда даже в его языке сказывалось воздействие философских идей, повлиявших на его формирование, а экономические его воззрения не были столь точны. Однако Маркс находился в расцвете сил, уже встал под знамя угнетён-

ных¹⁾ и дал философское обоснование их борьбы, правда, пока ещё не столь строго научное, как в «Капитале». Он мыслил скорее как философ, и поэтому более конкретно обращался к человеку как личности, и к проблемам его освобождения как общественного существа, не анализируя ещё проблемы неотвратимости крушения общественных структур эпохи, уступающей место переходному периоду, диктатуре пролетариата. В «Капитале» же Маркс предстаёт уже учёным-экономистом, скрупулезно изучающим переходный характер социальных эпох и их определение по производственным отношениям, не отвлекающимся на философские отступления.

Значение этого памятника человеческой мысли таково, что зачастую заставляет нас забыть о гуманистическом (в лучшем смысле этого слова) характере его [Маркса] исканий. Механизм производственных отношений и их последствия, борьба классов как бы скрывают тот очевидный факт, что в исторической среде действуют личности. Сейчас же нас интересует именно человек, отсюда и цитата, не утратившая своей ценности, как высказывание мысли философа, — в силу молодости автора.

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как завершённый натурализм, = гуманизму, а как завершённый гуманизм, = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он обладает сознанием того, что он есть это решение»²⁾.

Слово «сознание» выделено, потому что мы считаем его основным в постановке проблемы; Маркс думал об освобождении человека и рассматривал коммунизм как решение противоречий, по-

- 1) В оригинале: «Había abrazado la causa de los humildes».
- 2) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116 (цитаты даются по произведениям Маркса, изданным в СССР. — Прим. редакции).

родивших его отчуждение, и в то же время как сознательный акт. Следует отметить, что коммунизм не может рассматриваться только как объективный результат развития классовых противоречий в высоко развитом обществе, которые разрешались бы в переходный период на пути к достижению вершины; человек — сознательное действующее лицо истории. Вне этого сознания, включающего и осознание себя как части общества, не может быть коммунизма.

Работая над «Капиталом», Маркс не оставил свою партийную деятельность; когда в 1875 г. состоялся съезд в Готе по объединению рабочих организаций, действующих в Германии (Социал-демократическая рабочая партия и Всеобщая ассоциация немецких рабочих), и была разработана программа. Ответом на неё стала работа Маркса «Критика Готской программы».

Эта работа, при том, что была написана во время написания фундаментального труда¹⁾ и обладает чётко выраженной полемической направленностью, важна тем, что в ней, хотя и мимоходом, затрагивается тема переходного периода. Анализируя пункт третий Готской программы, Маркс останавливается на некоторых наиболее значительных вопросах этого периода, рассматриваемого им как результат крушения развитой капиталистической системы. На данном этапе не предусматривается использование денег, но предусмотрена индивидуальная оплата труда, потому что:

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даёт ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай».²⁾

Маркс мог только интуитивно предвидеть развитие мировой системы империализма. Ленин же её «прослушивает» и ставит свой диагноз:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что воз-

1) Че имеет в виду II и III тома «Капитала».

2) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 18.

можно победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свержая буржуазию, будет демократическая республика, всё более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, ещё не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетённого класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами».¹⁾

Через несколько лет Сталин довёл эту мысль до крайнего её выражения, провозгласив возможность свершения социалистической революции в колониях:

«Третье противоречие — это противоречие между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира. Империализм есть самая наглая эксплуатация и самое бесчеловечное угнетение сотен миллионов населения обширнейших колоний и зависимых стран. Выжимание сверхприбыли — такова цель этой эксплуатации и этого угнетения. Но, эксплуатируя эти страны, империализм вынужден строить там железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые центры. Появление класса пролетариев, зарождение местной интеллигенции, пробуждение национального самосознания, усиление освободительного движения — таковы неизбежные результаты этой «политики». Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и зависимых странах свидетельствует об этом с очевидностью. Это обстоятельство важно для пролетариата в том отношении, что оно в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции».²⁾

1) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354–355.

2) Сталин И.В. Собр. соч. Т. 6. С. 73–74.

Тезисы Ленина воплотились на практике в победе революции в России и рождении СССР.

Перед нами явление нового порядка: победа социалистической революции в одной-единственной и притом экономически отсталой стране, имеющей территорию в 22 млн. км², малую плотность населения, стране, бедность которой была обострена войной и, как если бы всего этого было мало, подвергшейся нападению империалистических держав.

После периода «военного коммунизма» Ленин закладывает основы НЭПа и вместе с тем основы развития советского общества вплоть до наших дней.

Здесь необходимо охарактеризовать конкретный исторический момент, который переживал Советский Союз, и никто лучше Ленина этого не сделает:

«Я держался, таким образом, в 1918 г. того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию Советской республики государственный капитализм представлял собой шаг вперёд. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша республика была социалистической республикой; тогда мы предпринимали каждый день с величайшей поспешностью — вероятно, с излишней поспешностью — различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И всё же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперёд, и я пояснял эту мысль дальше тем, что просто перечислил элементы хозяйственного строя России. Эти элементы были, по-моему, следующие: “1) патриархальная, т.е. наиболее примитивная, форма сельского хозяйства; 2) мелкое товарное производство (сюда относится и большинство крестьянства, торгующее хлебом); 3) частный капитализм; 4) государственный капитализм и 5) социализм”.

Все эти хозяйственные элементы были представлены в тогдашней России. Я поставил себе задачу разъяснить, в каком отношении к друг другу находятся эти элементы и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется весьма странным, что несоциалистический элемент расценивается выше, признаётся выше стоящим, чем социализм, в республике, которая объявляет себя социалистической. Но дело становится

понятным, если вы вспомните, что мы отнюдь не рассматривали хозяйственный строй России как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т.е. наиболее примитивную форму земледелия наряду с формой социалистической. Какую же роль мог бы играть государственный капитализм в такой обстановке?.. После того, как я подчеркнул, что мы уже в 1918 г. рассматривали государственный капитализм как возможную линию отступления, я перехожу к результатам нашей новой экономической политики. Я повторяю: тогда это была ещё очень смутная идея, но в 1921 г., после того как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас.

Чем было вызвано это своеобразное, и для нас, разумеется, очень неприятное, положение? Причина была та, что мы в своём экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперёд, что мы не обеспечили себе достаточной базы, что массы почувствовали то, чего мы тогда ещё не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление так, чтобы ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель»¹⁾.

Как видим, экономическое и политическое положение Советского Союза делало необходимым отступление, о котором говорит Ленин. Таким образом, эту политику можно охарактеризовать как тактику, тесно связанную с историческим положением страны, поэтому не следует придавать данным утверждениям значение универсальной закономерности.²⁾ Нам представляются исключительно

1) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 279–280, 282.

2) Вариант перевода: «не следует рассматривать данные утверждения как выражение универсальной закономерности».

важными два фактора места и времени, которые необходимо учитывать при переносе этой практики в другие страны:

1. Особенности царской России в момент свершения революции, включая развитие техники на всех уровнях, специфический характер народа, общие условия в стране; к этому надо добавить ущерб, принесённый мировой войной, разруху, которую принесли орды белых и империалистические захватчики.

2. Общие черты эпохи — поскольку речь идёт о технике управления и контроле за экономикой.

Оскар Ланге¹⁾ в статье «Актуальные проблемы экономической науки в Польше» говорит следующее:

«Буржуазная экономическая наука выполняет и иную функцию. Буржуазия, а также монополии ассигнуют крупные средства на создание высших школ и научно-исследовательских центров в области экономических наук не только для апологетики капиталистической системы. Они ждут от экономистов большего — помощи в решении многочисленных проблем, связанных с экономической политикой. В эпоху конкурентного капитализма задачи в этой области были ограничены, они сводились к финансовому администрированию, денежной и кредитной политике, таможенной политике, транспорту и т.д. Но в условиях монополистического капитализма, особенно в условиях всё возрастающего проникновения государственного капитализма в экономическую жизнь, проблемы эти возрастают. Назовём некоторые из них: изучение рынка для содействия политике цен крупных монополий, методы централизованного управления объединением промышленных предприятий, согласованные между ними правила бухгалтерского учёта и контроля, запрограммированная связь их деятельности и развития, их соответствующее размещение, политика амортизации и капиталовложений. Из всего этого вытекают более общие вопросы, связанные с деятельностью капиталистического государства на современном этапе, а также критерии деятельности национализированных отраслей промышленности, их политики капиталовложений и размещения (например, в

3) Ланге Оскар (1904–1965) — польский экономист и статистик, государственный деятель. Член ПОРП и её ЦК (с 1948 г.), председатель экономического совета при Совете министров ПНР (1957–1962). Автор работ в области политэкономии, статистики и экономико-математических методов.

области энергетики), способы политико-экономического вмешательства в комплекс национальной экономики и т.д.

Ко всем этим проблемам добавился ряд технико-экономических завоеваний, которые в некоторых областях, таких, например, как изучение рынка или программирование деятельности предприятий, составляющих часть группы, или регламентация бухгалтерии на каждом предприятии или группе предприятий, политика амортизации и др., могут быть частично использованы нами в процессе строительства социализма (так же как, несомненно, будут они использованы в будущем трудящимися сегодняшних капиталистических стран, когда там будет осуществлён переход к социализму)».

Надо заметить, что Куба ещё не осуществила свой переход и даже не начала ещё свою Революцию, когда это писалось. Но многие из технических достижений, о которых говорит Ланге, существовали и на Кубе, так как условия кубинского общества того времени позволили установить централизованный контроль за некоторыми предприятиями, находящимися в Гаване или Нью-Йорке. Объединение нефтяных предприятий, созданное путём кооперации трёх империалистических нефтеперерабатывающих заводов (Esso, Техасо и Shell), сохранило, а в некоторых случаях и усовершенствовало свою систему контроля и считается образцовым в нашем министерстве. Там, где не было ни традиций централизации, ни практических условий, объединения создавались на основе национального опыта (Мукомольное Объединение, завоевавшее первое место среди предприятий легкой промышленности).

Несмотря на то что практика первых дней руководства промышленностью полностью убеждает нас в невозможности рационально следовать иным путём, было бы бесплодной тратой времени спорить сегодня о том, дали бы подобные — или лучшие результаты организационные меры по внедрению самофинансирования на уровне предприятия; главное — то, что в очень тяжёлых условиях мы смогли при помощи централизации (например, в обувной промышленности) ликвидировать множество непроизводительных мелких мастерских и высвободить шесть тысяч рабочих для других отраслей производства.

Приведённым рядом цитат мы пытались наметить темы, представляющиеся нам основополагающими в объяснении системы.

Первое: коммунизм — это цель человечества, достигаемая сознательно; стало быть, воспитание, ликвидация пережитков пред-

шествующего общества в сознании людей становится важным фактором, не забывая, конечно, при этом, что никогда нельзя прийти к такому обществу без параллельных достижений в области производства.

Второе: формы управления хозяйством как технологический аспект вопроса должны заимствоваться оттуда, где они наиболее развиты и могут быть приспособлены к условиям нового общества. Нефтехимическая технология империалистического лагеря может быть использована социалистическим лагерем без боязни «заразиться» буржуазной идеологией. В экономической области (во всём, что касается методов руководства и контроля за производством) происходит то же самое.

Если это не будет воспринято как излишняя претенциозность, то можно перефразировать Маркса — его высказывание относительно использования диалектики Гегеля — и сказать, что эти методы были поставлены с головы на ноги.

Анализ методов учёта, обычно используемых сегодня в социалистических странах, показывает, что между ними и нашими методами лежит концептуальное отличие, сравнимое с тем, которое существует в капиталистической системе между конкурентным капитализмом и монополией. В конечном счёте методы, используемые прежде, послужили основой для развития обеих систем, однако после того как они «встали на ноги», их пути разошлись, так как у социализма свои собственные производственные отношения, а значит, и свои требования.

Таким образом, можно сказать, что, поскольку речь идёт о методе, предшественником бюджетной системы финансирования является империалистическая монополия, обосновавшаяся на Кубе и претерпевшая изменения в процессе долгого развития методов управления и контроля, которые появились с зарождением монополистической системы и совершенствуются до наших дней, когда система эта достигла своего высшего уровня. Отступая из страны, монополисты увели с собой кадры высшего, а порой и среднего звена; в то же время наша незрелая концепция Революции привела нас к отказу от ряда использовавшихся методов только потому, что они были капиталистическими. В итоге, наша система не достигла ещё степени эффективности, которую имели креольские филиалы северных монополий в области управления и контроля производства; мы идём по этому пути, очищая его от всякой «палой листвы» прошлого.

Основные различия между хозяйственным расчётом и бюджетной системой финансирования

Между хозяйственным расчётом и бюджетной системой финансирования существуют различия разных степеней, мы попытаемся разделить их на две большие группы и бегло разъяснить их; есть различия методики, скажем, практического характера, и различия более глубокие, анализ природы которых может, однако, показаться схоластическим¹⁾, если обращаться с проблемой без должной осторожности.

Теперь следует пояснить, что сторонников обеих концепций объединяет общая задача: поиск наиболее действенных форм для того, чтобы прийти к коммунизму. Здесь принципиальных расхождений между нами нет. Хозяйственный расчёт показал свою практическую эффективность; и, исходя из тех же посылок, его сторонники ставят те же цели, что и мы; но мы полагаем, что схема действия нашей системы при соответствующем её развитии может повысить эффективность хозяйственной деятельности социалистического государства, углубить сознательность масс и ещё крепче сплотить мировую социалистическую систему на основе интеграции действий.

Самое первое различие возникает, когда речь заходит об определении предприятия. Для нас предприятие — это конгломерат заводов или подразделений, которые имеют схожую технологическую базу, единую направленность производства или — в некоторых случаях — объединены территориально; в системе хозяйственного расчёта предприятие — это производственное подразделение с собственным юридическим лицом. Сахарный завод для этой системы является предприятием, а для нас все сахарные заводы и другие подразделения, связанные с производством сахара, составляют Объединение сахарных предприятий. Недавно в СССР были проведены эксперименты по созданию предприятий подобного типа, приспособленных к условиям этой братской страны.

Другим отличием выступает форма использования денег; наша система оперирует ими только как арифметическими деньгами, это лишь ценностное отражение деятельности предприятия, которое центральные ведомства будут анализировать при осуществлении контроля за его функционированием; при хозяйственном расчёте

1) bizantino.

те деньги — не только это, они ещё и средство оплаты, действующее как косвенный инструмент контроля, так как именно эти фонды позволяют действовать предприятию, а его отношения с банками схожи с отношениями частного производителя с капиталистическими банками, которым он должен неустанно объяснять свои планы и доказывать свою платежеспособность. Хотя, естественно, в данном случае решение принимается не произвольно, а в зависимости от плана и отношения осуществляются между государственными организациями.

Поэтому при новой форме использования денег наши предприятия не имеют собственных фондов, в банке у них есть отдельные счета по расходам и вкладам; предприятие может согласно плану «снимать» фонды с общего счёта расходов и со специального счёта по выплате заработной платы, но вклад предприятия автоматически переходит во владение государства.

Предприятия же большинства братских стран имеют в банках свои собственные фонды, подкрепляемые кредитами этих же банков, за которые выплачивается процент, не забывая при этом, что эти *собственные* фонды, так же как и кредиты, принадлежат обществу, а их передвижение отражает финансовое состояние предприятия.

Что касается норм труда, то хозрасчётные предприятия используют нормативы по времени, по выработке за час или по количеству продукции (сдельная оплата труда); мы же пытаемся перевести все наши заводы на повременные нормативы — с премированием (за перевыполнение), ограниченным потолком высшей ставки. Ниже мы подробнее скажем об этом.

В системе полностью развитого хозяйственного расчёта существует строгий метод контрактации, с денежными вычётами за невыполнение заданий и на основе юридических норм, выстроенных за годы её действия. В нашей стране пока не существует такой структуры даже для самофинансируемых ведомств, таких, как ИНРА, и введение их особенно осложнено сосуществованием двух столь различных систем. Сейчас существует Арбитражная комиссия, не имеющая исполнительных полномочий, однако значение её постоянно возрастает и в будущем она может стать основой нашей юридической структуры. Между организациями, подчинёнными режиму бюджетного финансирования, решение проблемы несложно: если контроль счётов ведётся хорошо и точно (это уже делается на большин-

стве предприятий нашего министерства), то оно осуществляется в административном порядке.

Исходя из того, что в обеих системах государственный план — высший, обязательно соблюдаемый закон, можно синтезировать аналогии и оперативные различия, говоря о том, что самоуправление основано на глобальном централизованном контроле и очевидной децентрализации; при этом производится косвенный контроль посредством «рубля» со стороны банка и результат работы в денежном выражении служит мерой для премирования; материальная заинтересованность — сильный рычаг, индивидуально и коллективно воздействующий на трудящихся.

Бюджетная же система финансирования основана на централизованном контроле деятельности предприятия; его план и хозяйственная деятельность контролируются центральными организациями напрямую, у него нет собственных фондов, оно не получает банковских кредитов и самостоятельно использует принцип материального стимулирования, т.е. индивидуальные денежные поощрения и вычеты, а при случае могут использоваться и коллективные; однако непосредственное материальное стимулирование ограничено формой оплаты по тарифным ставкам.

Более тонкие (sutiles) противоречия.

Материальное стимулирование и сознательность

Здесь мы вступаем в область противоречий, менее осязаемых и требующих более развернутого объяснения. Тема материального стимулирования и стимулирования морального вызвала массу споров среди заинтересованных в этих вопросах лиц. Необходимо чётко и ясно разъяснить следующее: *мы не отрицаем объективной необходимости материального стимулирования, но мы против его использования в качестве основного побудительного рычага.* Мы считаем, что в экономике подобный тип рычага быстро приобретает качество самоцели и затем его собственная сила довлеет над отношениями между людьми.¹⁾ Не надо забывать, что он пришёл из капитализма и должен умереть при социализме. Что мы должны сделать, чтобы он умер?

1) «Imponer su propia fuerza en las relaciones...»

к Действовать постепенно, наращивая объём потребительских благ для населения, что делает этот стимул ненужным, — отвечают нам. В этой концепции мы усматриваем слишком жёсткий механизм. Потребительские блага — вот лозунг; им принадлежит в конечном счёте основная роль в формировании сознания, по мнению защитников другой системы. В нашей концепции прямое материальное стимулирование и социалистическое сознание — противоречащие друг другу понятия.

Это один из пунктов, в которых наши разногласия принимают качественный характер. Речь идёт уже не об оттенках: сторонники самофинансирования считают, что прямое материальное стимулирование, проецируемое в будущее, сопутствуя обществу на различных этапах строительства коммунизма, не противоречит «развитию» сознания, а по нашему убеждению, противоречит ему. Именно поэтому мы боремся против его преобладания, которое означало бы отставание в развитии социалистической морали.

Да, материальное стимулирование противостоит развитию сознания, но оно — мощный рычаг для достижения высоких результатов производства; следует ли отсюда, что предпочтительное внимание к развитию сознательности замедляет развитие производства? Можно сказать, что на определённом этапе это возможно, хотя никто не делал соответствующих расчётов; но мы утверждаем, что в сравнительно короткий срок повышение сознательности сделает больше для развития производства, чем материальное стимулирование; мы говорим это, основываясь на представлении о магистральной тенденции развития общества, идущего к коммунизму, который предполагает, что труд перестанет быть тягостной необходимостью, а превратится в радостный императив. Конечно, речь идёт об утверждении, перегруженном субъективизмом и требующем проверки практикой, этим мы и занимаемся; возможно, опыт покажет, что это опасный тормоз в развитии производительных сил, нужно будет набраться решимости резать по живому и вернуться на проторённые пути; но до сих пор этого не случилось, и наш метод, совершенствуясь по мере развития практики, с каждым годом наполняется содержанием и доказывает свою внутреннюю последовательность.

Каков же, на наш взгляд, правильный подход к вопросу о материальной заинтересованности? Мы считаем, что о её существовании никогда нельзя забывать, выражает ли она коллективное стрем-

ление масс или отражение в индивидуальном сознании трудящихся навыков старого общества. По отношению к материальной заинтересованности в коллективной форме у нас пока нет чёткой точки зрения, что связано с недостатками в аппарате планирования, не позволяющими нам со всей уверенностью на него полагаться, и с тем, что пока не выбран метод, который позволил бы избежать возникающих вокруг этой проблемы трудностей. Гораздо бóльшую опасность мы видим в антагонизме, возникающем между государственной администрацией и производственными организациями, — антагонизме, изученном советским экономистом Я.Г. Либерманом¹⁾, который приходит к выводу, что необходимо изменить методы коллективного стимулирования, оставив в прошлом старые формы премирования за выполнение плана, и перейти к другим, более передовым формам этого стимулирования.

Мы не согласны с тем ударением, которое делает Либерман на материальной заинтересованности (в качестве рычага), но его озабоченность теми отклонениями, которые с течением времени возникают в понятии «выполнение плана» представляется нам правильной. Отношения между предприятиями и центральными ведомствами приобретают довольно противоречивые формы, а методы, используемые предприятиями для получения прибыли, приобретают порой черты, весьма далекие от понятия социалистической морали.

Мы считаем, что в определённой степени попусту растрачиваются возможности развития, предоставляемые новыми производственными отношениями, чтобы ускорить эволюцию человека на пути к Царству свободы. В нашем определении основных аргументов в пользу системы мы приводим пункт, касающийся взаимосвязи, существующей между воспитанием сознания — и развитием производства. Можно приступить к решению задачи по выработке нового сознания именно потому, что мы уже имеем дело с новыми формами производственных отношений — и хотя в общеисторическом смысле сознание является производным от этих отношений, необходимо учитывать характерные особенности современной эпохи, основным противоречием которой (на мировом уровне) является противоречие между империализмом и социализмом. Социали-

1) Либерман Я.Г. — советский экономист. Автор книг «Госбюджет и социалистическое воспроизводство», «Государственный бюджет в новых условиях хозяйствования» и др.

стические идеи влияют на сознание людей всего мира, поэтому развитие сознания может опередить конкретный уровень развития производственных сил в той или иной стране.

В первые годы СССР характеризовался как социалистическое государство, опирающееся на весьма отсталые производственные отношения, которые существовали в его недрах. Капитализм содержал в себе остатки феодализма, но именно капитализм — это та система, которая характеризовала общество после того, как на её основе стали решаться основные проблемы экономики страны. На Кубе развитие противоречий между двумя мировыми системами способствовало обретению революцией социалистического характера, что было результатом сознательного акта, ставшего возможным благодаря знаниям, полученным её руководителями, углублению сознательности масс — и соотношению сил в мире.

Если всё это возможно, то почему не задуматься о роли воспитания как о верном помощнике социалистического государства в деле ликвидации традиционных изъянов общества, уже скончавшегося и уносящего в могилу старые производственные отношения?

Перечитаем Ленина:

«Например, до бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «учёные» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»

«Россия не достигла такой высоты производственных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замеша-

ны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило её развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятерая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определённый «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы...»¹⁾

Что касается личной материальной заинтересованности, то мы её признаем (даже борясь с ней и пытаясь ускорить её отмирание посредством воспитания) и применяем её при повременном нормировании труда — с премированием и вычетом из заработной платы при невыполнении норм.

Тонкое различие по этому вопросу между сторонниками самоуправления и нами заключается в обосновании необходимости выплаты нормированной заработной платы, премий и осуществления вычетов. Производственная норма — это среднее количество труда, затраченного на создание продукта за определённое время при средней квалификации и в специфических условиях использования оборудования; это отдача определённой доли труда обществу одним из его членов; это выполнение общественного долга. Перевыполнение нормы — это большая польза для общества, и можно предположить, что рабочий, перевыполняя норму, лучше выполняет свой долг и, таким образом, заслуживает материального вознаграждения. Мы принимаем эту концепцию как «необходимое зло», при-

1) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380–381.

сущее переходному периоду, но не согласны с тем, что исчерпывающее истолкование принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду» должно означать полную оплату — дополнительно к заработной плате — каждого процента перевыполнения данной нормы (хотя есть случаи, когда выплата даже превышает процент перевыполнения — в качестве особого стимулирования личной производительности труда). В «Критике Готской программы» Маркс чётко объясняет, что значительная часть заработной платы рабочего идёт на статьи, имеющие к нему весьма косвенное отношение:

«Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется *совокупным общественным продуктом*.

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых, то, что требуется для возмещения потреблённых средств производства.

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

В-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.

Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости. Остаётся другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

Прежде чем дело дойдёт до индивидуального дележа этой оставшейся части, из неё вновь вычитаются:

Во-первых, общие, но не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет всё более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых, то что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

Эта доля сразу же значительно возрастёт по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет всё более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных, короче — то, что теперь относится к так называемой официальной помощи бедным.

Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя всё удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идёт на пользу ему как члену общества.

Подобно тому, как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.¹⁾

Всё это показывает нам, что объём резервных фондов зависит от целого ряда политико-экономических или политико-административных решений. Так как все блага, составляющие резерв, состоят из неознаграждённого труда, мы можем заключить, что значительные по объёму компоненты общественных фондов, проанализированные Марксом, приводят к изменениям в выплате, т.е. изменениям в объёмах труда, не возмещённых непосредственно. Ко всему вышесказанному следует добавить, что либо не существует, либо неизвестна математическая норма, которая определила бы *справедливый* размер премии за перевыполнение (как неизвестно и точное определение базовой зарплаты), поэтому эта норма главным образом должна основываться на новых общественных отношениях, на правовой структуре, санкционирующей форму распределения коллективом доли труда каждого отдельного рабочего.

При бюджетном финансировании система норм имеет то преимущество, что она устанавливает обязательность повышения профессиональной подготовки для перехода из одной категории в другую, что с течением времени даст значительное повышение общего технического уровня. Невыполнение нормы означает невыполнение общественного долга, общество наказывает нарушителя вычетом определённой части его имущества. Норма — не просто цель, определяющая возможный объём, или договорённость об определённом объёме труда, — это выражение нравственной обязанности труженика, это его социальный долг.

Именно здесь должны сойтись действия административного контроля и контроля идеологического. Основная роль партии в производственном подразделении и заключается в том, чтобы стать его внутренней движущей силой и использовать все формы личного

1) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 17–18.

примера своих членов, чтобы производительная работа, повышение квалификации, участие в решении хозяйственных вопросов предприятия стали неотъемлемой частью жизни рабочих, превращаясь в неприменную привычку.

Относительно закона стоимости

Глубокое различие (по крайней мере поскольку речь идёт о строгости употребляемых терминов) существует между концепциями закона стоимости и возможности его сознательного использования, выдвигаемых поборниками хозяйственного расчёта — и нами.

В учебнике по политической экономии¹⁾ говорится:

«В противовес капитализму, где закон стоимости действует как слепая и стихийная сила, противостоящая людям, в социалистической экономике закон стоимости осознан, а государство учитывает и использует его в практике планового ведения хозяйства.

Знание действия закона стоимости и его разумное применение непременно помогут руководителям хозяйств придавать производству рациональное направление, постоянно улучшать методы работы, использовать скрытые резервы, чтобы производить больше продукции и лучшего качества».

Выделенные нами слова подчеркивают дух этих абзацев.

Закон стоимости мог бы действовать как слепая, но знакомая сила, и поэтому укрощаемая или используемая человеком. Однако этот закон имеет имманентно присущие ему черты. Первое: он обусловлен существованием общества с рыночными отношениями. Второе: результаты труда не поддаются измерению а priori и должны отражаться на рынке, где идет обмен между производителями и потребителями. Третье: закон стоимости последователен и действует в рамках единого целого, включающего и мировой рынок, и изменения или отклонения в разных отраслях производства, которые отражаются на общем результате. Четвертое: в силу своего характера экономического закона он действует в основном как тенденция, а в переходные периоды эта тенденция логически обречена на исчезновение.

1) Речь идет об книге, подготовленной АН СССР в начале 1950-х годов и переведенной на испанский десятилетием позже. Подробный и сугубо критический анализ ее («Пражские тетради») должен, наконец, увидеть свет в этом году.

Несколькими абзацами ниже в учебнике говорится:

«Социалистическое государство использует закон стоимости, осуществляя посредством финансирования и кредитной системы контроль над производством и распределением общественного продукта.

Овладение законом стоимости и его использование применительно к плану представляют огромные преимущества социализма над капитализмом. Благодаря овладению законом стоимости его действие в социалистическом хозяйстве не влечёт за собой расточительства общественного труда, неотделимого от анархии производства, свойственной капитализму. Закон стоимости и связанные с ним категории: деньги, цена, товар, кредит, финансы — успешно используются Советским Союзом и странами народной демократии в интересах строительства социализма и коммунизма, в процессе планового ведения хозяйства».

Это может считаться верным лишь поскольку речь идёт об общих размерах стоимости товаров, произведённых для непосредственного потребления населением, и о соответствующих фондах, предназначенных для их приобретения. Определить эту величину мог бы любой капиталистический министр финансов в стране с относительно сбалансированными финансами. В этих рамках есть место для любых частичных искривлений закона.

Далее в учебнике отмечается: «Товарное производство, закон стоимости и деньги прекратят свое существование только при достижении высшей фазы коммунизма. Но для создания условий, обеспечивающих прекращение товарного производства и товарооборота на высшей стадии коммунизма, необходимо *развивать* и использовать закон стоимости и товарно-денежные отношения в период строительства коммунистического общества».

Почему *развивать*? Мы понимаем, что в течение некоторого времени будут сохраняться категории капитализма и этот отрезок времени не может быть определён заранее, но характеристики переходного периода — это характеристики общества, ликвидирующего старые пути, чтобы быстрее вступить в новый этап. По нашему мнению, *тенденция* должна состоять в возможно более быстром устранении прежних категорий, включая рынки, деньги, а тем самым и рычаг материальной заинтересованности, или, лучше сказать, условий, которые вызывают их существование. В противном случае мы должны были бы предположить, что задача строительства

социализма в отсталом обществе сродни несчастному случаю на пути истории, а его руководители для исправления ошибки должны посвятить себя консолидации всех категорий, присущих именно промежуточному обществу; при этом из основ нового общества остаются лишь распределение доходов по труду и тенденция к ликвидации эксплуатации человека человеком. А это выглядит совершенно недостаточным, чтобы самим по себе стать основой гигантского сдвига в сознании, необходимого для того, чтобы решить проблемы перехода. Сдвига, который должен стать результатом всестороннего действия всех новых общественных отношений, воспитания социалистической морали. И трудно совместим с индивидуалистической концепцией, которую поддерживает в сознании прямое материальное стимулирование, сдерживающее развитие человека как существа социального.

Резюмируя наши расхождения: мы рассматриваем закон стоимости, как частично действующий в нашем обществе — благодаря сохранению остатков рыночного общества, отражением чего, в частности, является характер обмена, производимого между государством-поставщиком — и потребителем; мы считаем — и это особенно важно — что в обществе с очень большой ролью внешней торговли (таким как наше) закон стоимости в международном масштабе должен быть признан как факт, который определяет отношения между странами — даже в рамках социалистического лагеря, и мы признаем необходимость того, чтобы эта торговля перешла к более высоким формам, препятствуя углублению различий между развитыми и наиболее отсталыми странами через механизм обмена. Следует отметить, что необходимо находить такие формы торговли, которые позволят финансировать промышленные капиталовложения в развивающихся странах, даже если это противоречило бы системам цен, существующим на мировом капиталистическом рынке; это способствовало бы более равномерному развитию всего социалистического лагеря, естественным последствием чего стало бы преодоление шероховатостей и укрепление духа пролетарского интернационализма (недавний договор между Кубой и СССР¹⁾ — пример ша-

1) Речь идет о заключенных в январе 1964 г. советско-кубинском торговом и платежном соглашениях на период 1965–1970 гг., в котором обе стороны предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования.

гов, которые могут быть предприняты в этом направлении). Мы отрицаем возможность сознательного использования закона стоимости, исходя из отсутствия свободного рынка, который автоматически отражал бы противоречия между производителями и потребителями; отрицаем применимость категории товара в отношениях между государственными предприятиями и считаем все эти предприятия и учреждения частью большого единого предприятия — государства (хотя на практике это ещё не происходит и в нашей стране). Закон стоимости и план — это два понятия, связанные противоречием и его решением; таким образом, мы можем сказать, что централизованное планирование — это способ бытия социалистического общества, его определяющая категория; тот рубеж, где человеческое сознание достигает наконец возможности обобщить и направить экономику к своей цели — полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества.

О ценообразовании

В теории ценообразования у нас тоже имеются глубокие расхождения. При самоуправлении цены образуются с учётом закона стоимости, однако не объясняется (насколько нам известно), какое из выражений закона стоимости при этом используется. За исходную точку берётся общественный труд, необходимый для производства данного изделия, однако упускается из виду тот факт, что общественно необходимый труд есть понятие экономико-историческое и тем самым переменное — не только на местном (или национальном) уровне, но и в мировом масштабе; постоянное развитие технологии, являющееся следствием конкуренции в капиталистическом мире, снижает затраты необходимого труда, а значит, и стоимость продукции. Закрытое общество может игнорировать эти изменения в течение определённого времени, но оно всегда должно возвращаться к этим международным отношениям, чтобы сопоставить стоимость своей продукции. Если определённое общество игнорирует эти изменения в течение длительного времени, не развивает новых и точных расчётов ценообразования взамен старых, оно создаёт внутренние взаимосвязи, которые будут формировать собственную схему стоимости, существующую сама по себе, но вступающую в противоречия с тенденциями более развитой техники (пример стали — и пластмассы); это может вызвать относительные отставания — большей или

меньшей важности — и в любом случае искажения в действии закона стоимости в международном масштабе, которое делает несопоставимыми экономики различных стран.

Налог с оборота — это расчётный вымысел, посредством которого поддерживаются определённые уровни рентабельности предприятий, при этом продукция для потребителя дорожает таким образом, что предложение товаров выравнивается с фондом платежеспособного спроса; мы считаем, что это навязывание системы, но не абсолютная необходимость, и работаем над методами, которые учитывали бы все эти аспекты.

Мы считаем, что необходима глобальная стабилизация товарного фонда и платежеспособного спроса: Министерство внешней торговли займется выравниванием покупательной способности населения и цен на предлагаемые товары, всегда учитывая, что целый ряд товаров первой жизненной необходимости и даже менее значительных товаров должен предлагаться по низким ценам, даже если последует обвинение в очевидном игнорировании закона стоимости в каждом конкретном случае.

Здесь возникает серьезная проблема: какой должна быть основа образования реальных цен, которую должна принять экономика для анализа производственных отношений? Ею мог бы стать анализ необходимого, по кубинским понятиям, уровня производительности труда. Это повлекло бы за собой немедленные искривления и потерю из вида мировых проблем вследствие обязательного создания автаркических взаимных связей. Можно, напротив, принять в качестве подобной основы мировую цену, что повлекло бы за собой утрату видения национальных проблем, поскольку в рамках общемировых критериев производительность нашего труда неприемлема почти ни в одной отрасли.

В качестве первого приближения к проблеме мы предлагаем рассмотреть возможность создания индексов цен, основанных на следующих положениях.

Всё импортное сырьё будет иметь твёрдую стабильную цену, основанную на среднерыночной международной цене, плюс определённая доля расходов на транспортировку и содержание аппарата Министерства внешней торговли. У всего кубинского сырья ценой будет денежное выражение реальной себестоимости его производства. В обе цены будут включены запланированные расходы труда, плюс износ основных средств производства; это и будет цена про-

дукции, распределяемой между предприятиями и направляемой в сеть внутренней торговли, однако она будет постоянно изменяться под воздействием показателей, отражающих цену этих товаров на мировом рынке (плюс стоимость транспортировки и расходы на содержание Министерства внешней торговли). Предприятия, работающие в режиме бюджетного финансирования, будут работать на основе запланированной себестоимости и не будут иметь доходов; все доходы пойдут Министерству внутренней торговли (конечно, это относится к той части общественного продукта, который реализуется как товар, это основа фонда потребления); показатели будут постоянно сообщать нам (центральному аппарату и администрации предприятия), какова наша реальная производительность, что поможет избежать принятия ошибочных решений. На населении все эти перемены никак не отразятся, потому как все цены на товары, им покупаемые, установлены независимо [от меняющихся показателей], с учётом спроса и жизненной необходимости каждого товара.

Например, чтобы рассчитать объём капиталовложений, мы считаем затраты на сырьё и импортное оборудование, расходы на строительно-монтажное оборудование, запланированный объём окладов согласно реальным возможностям и определённый фонд для содержания аппарата строительства. По окончании строительства мы можем получить три цифры: первая — реальная стоимость объекта в денежном выражении; вторая — то, что должен был бы стоить объект согласно нашим подсчётам; третья — то, сколько он должен был бы стоить в пересчёте на мировую производительность труда. Разница между первой и второй цифрами относится за счёт неэффективности аппарата строителей, разница между второй и третьей — станет показателем нашего отставания в данном секторе экономики.

Это позволит принимать определяющие решения относительно альтернативного использования таких материалов, как цемент, сталь, пластмасса, кровля из фиброцемента, алюминия или цинка, трубы — стальные, свинцовые или медные, использование дерева, стали или алюминия при изготовлении окон и т.д.

Все решения могут отклоняться от оптимального математического варианта по политическим, внешнеторговым и т.д. причинам, однако мы всегда будем иметь «зеркало», отражающее нашу работу в свете реальных процессов в мире. Цены в этом случае никогда не будут отделены от мировых, которые будут меняться в со-

ответствии с технологическими достижениями — и с растущим воздействием социалистического рынка и международного разделения труда после формирования мировой социалистической системы цен, более логичной, чем та, что используется ныне.

Можно и дальше развивать эту интереснейшую тему, но лучше пока остановиться на данных наметках некоторых первоначальных идей и отметить, что всё это требует дальнейшей разработки.

Коллективные премии [поощрения]

Говоря о коллективном премировании за деятельность предприятия, нам в первую очередь хотелось бы обратиться к эксперименту, изложенному Фикриятом Табеевым в статье «Экономические исследования и управление хозяйством»¹⁾, где говорится: «Каким же должен быть основной и решающий показатель при оценке работы предприятия? Экономические исследования позволили нам внести ряд предложений в этом смысле. Одни экономисты предлагают в качестве основного показателя норму накопления, другие — затраты труда и т.д. Советская пресса отразила на своих страницах широкую дискуссию, вызванную статьей профессора Либермана, в которой в качестве основных показателей работы предприятия предлагаются степень рентабельности, норма накопления и прибыль. Мы считаем, что, оценивая работу предприятия, прежде всего следует учитывать вклад работников данного предприятия в развитие данного типа производства. В конечном итоге это не противоречит борьбе за достаточно высокую рентабельность предприятия и производства, позволяет лучше сосредоточить силы работников предприятия на совершенствовании производственного процесса. Общие организации Татарии предложили использовать в качестве основного показателя норму стоимости выработки каждого изделия. Чтобы проверить возможность применения данного предложения на практике, был проведён хозяйственный эксперимент.

В 1962 г. были установлены и апробированы нормы стоимости продукции для всех отраслей промышленности Татарии. Этот год ознаменовал переходный период, в течение которого новый по-

1) Ф.А. Табеев (1928 г. р.) в годы написания статьи был первым секретарем Татарского обкома КПСС. Статья публиковалась в журнале «Проблемы мира и социализма» (Revista Internacional) №11, 1963.

казатель использовался в планировании параллельно с показателем валового производства. Показатель, основанный на норме стоимости выработки, выражает технически оправданные затраты, включая заработную плату и надбавки рабочим, а также затраты, произведённые цехом и всем заводом для производства каждого изделия.

Следует отметить, что применение данного показателя ничего общего не имеет с «адовыми» системами учёта труда, используемыми в капиталистических странах. Мы сознательно ориентируемся на рациональную организацию рабочих процессов, а не на безудержную интенсификацию труда. Вся работа, направленная на установление норм труда предприятий, проводится при непосредственном участии работников данного предприятия и общественных организаций, в первую очередь — профсоюзов.

В отличие от показателя валового производства норма стоимости выработки не включает ни большинство материальных затрат — материализованный прошлый труд других предприятий, ни прибыль, т.е. компоненты стоимости продукции, учёт которых может привести к завышению истинного объёма производственной деятельности предприятия. Более точно отражая труд, вложенный в производство каждого изделия, этот показатель, выражая норму стоимости выработки, позволяет более реально определить задачи по повышению производительности труда, снижению себестоимости, улучшению рентабельности данного типа производства, кроме того, он более пригоден с точки зрения внутризаводского планирования и для организации хозяйственного расчёта на предприятии — и позволяет сравнивать производительность труда на родственных предприятиях»¹⁾.

Нам представляется заслуживающим внимательного изучения данное советское исследование, в некоторых аспектах совпадающее с нашими положениями.

Выводы из размышлений о бюджетной системе финансирования

Чтобы резюмировать наши размышления по поводу бюджетной системы финансирования, следует уточнить, что это концепция общего характера, т.е. её объективное действие скажется, когда она

1) «Проблемы мира и социализма», 1963 г. № 11.

охватит все области экономики, в рамках того единого целого, которое, исходя из политических решений и пройдя Хусеплан¹⁾, дойдёт по министерским каналам до каждого предприятия и сольётся с жизнью населения для того, чтобы через него вернуться к органу политических решений, образуя таким образом гигантское, хорошо выровненное колесо, в котором определённые ритмы могут меняться более или менее автоматически, поскольку контроль над производством это позволяет. На министерства в этом случае возлагается особая ответственность по разработке планов и контролю за их выполнением, при этом предприятия и объединения будут их выполнять в соответствии со своим уровнем решений, уровнями, которые могут быть более или менее гибкими в зависимости от качества достигнутых организационных форм, типа производства или от особенностей текущего момента. Хусеплан же займётся глобальным и централизованным контролем за экономикой при помощи Министерства финансов — во всём, что касается финансового контроля, и Министерства труда — в вопросах планирования рабочей силы.

Так как всё это на деле пока происходит иначе, мы опишем нашу сегодняшнюю реальность — со всеми её ограничениями, маленькими победами, её недочётами и крушениями, оправданными и неоправданными, следствием нашей неопытности в одних случаях и грубых просчётов — в других.

Хусеплан даёт только основные направления плана и контрольные цифры по той продукции, которую мы называем базовой и над которой осуществляется более или менее реальный контроль. Центральные органы, к которым мы относим и Министерство промышленности, осуществляют контроль за так называемой централизованной продукцией, остальная же распределяется на договорных началах между предприятиями. После установления и сведения плана подписываются договоры (иногда, напротив, всему предшествовало подписание контракта) — и начинается работа.

Центральный аппарат министерства берёт на себя обеспечение выполнения производственного плана на уровне предприятия, а то — на уровне своих подразделений. Главное — добиться, чтобы учёт сосредоточился в этих двух точках: на предприятии и в министерстве. Контроль над основными средствами производства и их инвентаризация должны осуществляться на уровне Центра с тем, чтобы можно

1) ЛУСЕПЛАН — аналог советского Госплана.

было свободно перемещать по всему комплексу производственных подразделений те ресурсы, которые по тем или иным причинам остались не востребованными на каком-либо предприятии. Министерство имеет также полномочия на передвижение основных средств и между объединениями. Движение фондов не имеет рыночного характера¹⁾, просто в одном месте делается пометка об их принятии, а в другом — о списании. Что касается продукции, то одна часть её направляется непосредственно потребителю через сеть Министерства внутренней торговли, а другая — на производственные предприятия иных отраслей, для которых наши продукты являются промежуточными.

Наша основная концепция заключается в том, что во всём этом процессе продукция приобретает стоимость за счёт вложенного в неё труда, но при этом не существует никакой потребности в товарных отношениях между предприятиями; просто акты сдачи и соответствующие акты приобретения или другие документы, которые требуются в определённый момент, констатируют факт «выполнения долга» по производству и сдаче определённой продукции. Тот факт, что другое предприятие принимает определённую продукцию, должен означать (надо признать, что на сегодняшний день это звучит несколько идеализированно) и принятие оценки качества этой продукции. Продукция превращается в товар при юридической смене владельца, став предметом индивидуального потребления. Средства производства, предназначенные для других предприятий, не представляют собой товара, однако их следует оценивать согласно предложенным выше показателям, сравнивая затраченный фактический труд с необходимым — для того, чтобы определить цену на основные средства производства или сырьё, о котором идёт речь.

Задания по качеству, количеству и ассортименту должны выполняться по квартальным планам. Производственное подразделение в соответствии со своими нормами работы непосредственно выплачивает рабочим их заработную плату. Белым пятном остаётся вопрос, о котором ещё не шла речь: форма поощрения коллектива производственного подразделения за особые заслуги или выдающиеся достижения в рамках комплекса народного хозяйства, а также решение вопроса о том, наказывать ли те предприятия, которые оказались неспособными выполнить отведённую им роль.

1) Вариант: «фонды не являются товаром».

Бюджетная система финансирования по состоянию на сегодняшний день

Что же реально происходит сегодня? Одна из первых реальностей этого рода — то, что предприятие никогда не снабжается сырьём в надлежащем виде и в срок, а потому и не выполняет производственный план; однако, что ещё хуже, зачастую оно получает сырьё, предназначенное для иного технологического процесса и вынуждено производить технологические изменения собственного производства; это прямо влияет на себестоимость продукции, на численность рабочих, в некоторых случаях — и на капиталовложения и порой разрушает весь план, обрекая производство на частые изменения.

В настоящее время на уровне министерства мы вынуждены были ограничиться ролью «принимающих» подобные аномалии, их регистраторов, однако мы уже вступаем в фазу, когда сможем реально воздействовать на некоторые категории плана, по крайней мере потребовать, чтобы любые отклонения были предусмотрены в математической форме или через механизмы отчётности и, таким образом, были бы контролируемы. Пока нет ещё автоматических устройств для того, чтобы этот контроль и анализ показателей осуществлялись с необходимой быстротой; нет достаточных навыков анализа, достаточных возможностей, чтобы правильно составлять показатели или цифры для их последующего истолкования.

Объединения непосредственно связаны со своими заводами — иногда телефоном или телеграфом или через своего представителя в провинции, в других случаях — через представительство министерства, осуществляющее контроль, а в муниципалитетах и подобных им административно-политических делениях действуют так называемые ЦИЛОС, являющиеся не чем иным, как собранием директоров соседних предприятий, на которых возложена ответственность анализировать свои проблемы и оказывать помощь при решении небольших вопросов (их решение через бюрократические каналы может слишком затянуться); в некоторых случаях они могут предоставить в пользование другого предприятия основные средства производства, однако до их передачи вопрос должен быть согласован с соответствующим объединением.

В первых числах каждого месяца статистические данные по производству поступают в министерство, где они анализируются вплоть до высшего уровня и принимаются основные меры по ис-

правлению недостатков. Затем поступают другие, более обработанные статистические данные, которые также позволяют принимать на различных уровнях конкретные меры по решению вопросов.

Каковы основные слабости системы? Мы считаем, что, во-первых, это её незрелость. Во-вторых, нехватка действительно подготовленных кадров на всех уровнях. В-третьих, недостаточное распространение всей системы и её механизмов, что препятствует лучшему её пониманию людьми. Можно упомянуть также и об отсутствии центрального аппарата планирования, который работал бы таким же образом и в той же системе подчинённости, что облегчило бы работу. Назовём и просчёты в обеспечении материалами, перебои в транспортировке, которые в одних случаях вынуждают нас складировать продукцию, а в других препятствуют производству; недочёты во всём нашем аппарате контроля качества и в отношениях (которые должны быть очень тесными, гармоничными и хорошо отлаженными) с органами распределения — с Министерством внутренней торговли и с некоторыми министерствами-поставщиками, особенно с Министерством внешней торговли и Национальным институтом аграрной реформы. Пока трудно установить, какие из этих просчётов являются следствием слабых мест самой системы, а какие связаны в основном с уровнем нашей сегодняшней организованности.

Ни объединения, ни предприятия в настоящее время не используют материальное стимулирование коллективного характера, что не отвечает главной идее всей схемы; такое положение связано с тем, что пока мы не достигли ещё достаточного организационного уровня для осуществления стимулирования на иной основе — не связанной с простым выполнением или перевыполнением основных планов предприятия, по причинам, изложенным выше.

Системе вменяется в вину тенденция к бюрократизму, и одним из пунктов, требующих постоянного и самого пристального внимания, является рационализация всего административного аппарата с тем, чтобы он был как можно меньшим. При этом с точки зрения объективного анализа очевидно, что бюрократии будет тем меньше, чем централизованнее будут все операции по учёту и контролю предприятий и объединений, так что если бы все они смогли централизовать свою административную деятельность, то их аппарат был бы сведён к небольшому управленческому ядру и центру сбора информации для передачи её в высшие инстанции.

В настоящий момент это невозможно, однако мы должны идти на создание предприятий оптимальных размеров, чему система в значительной степени способствует, ибо она устанавливает нормы труда с единым типом тарифов заработной платы, что меняет узкое представление о предприятии как о центре деятельности индивидуума и обращено в большей мере к обществу в целом...

Преимущества системы в общих чертах

В нашем понимании эта система обладает следующими преимуществами.

Первое: тяготея к централизации, она стремится к более рациональному использованию фондов национального значения.

Второе: она направлена на большую рациональность всего административного аппарата государства.

Третье: сама тенденция к централизации заставляет создавать в соответствующих рамках укрупнённые производственные объединения, которые позволяют экономить рабочую силу, увеличивать производительность труда.

Четвертое: при включении в единую систему норм всех ведомственных Министерству промышленности предприятий, а при возможности и предприятий всех министерств создаётся одно большое государственное предприятие, в котором возможны перемещения как по горизонтали, так и по вертикали, по различным отраслям и районам страны, без того, чтобы это приводило к возникновению проблем с заработной платой, достаточно соблюдение её национальной шкалы.

Пятое: располагая бюджетными строительными организациями, можно значительно упростить контроль над капиталовложениями, конкретное наблюдение за которыми будет вести заказчик, а финансовый надзор — Министерство финансов.

Важно отметить, что при этом у рабочего складывается общее представление о сотрудничестве всех, ощущение принадлежности к большому содружеству людей, которым является население страны; это способствует осознанию им своего общественного долга.

Интересно следующее высказывание Маркса, которое, если убрать термины, предполагающие наличие капиталистического строя, анализирует процесс формирования традиций труда; про-

цесс, который в чём-то параллелен происходящему в ходе строительства социализма.¹⁾

«Мало того, что на одном полюсе выступают условия труда как капитал, а на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме собственной рабочей силы. Недостаточно также принудить этих людей добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признаёт условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы. Организация развитого капиталистического процесса производства сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а следовательно, и заработную плату, в границах, соответствующих потребности капитала в возрастании; слепая сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, ещё продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно представить власти «естественных законов производства», т.е. зависимости от капитала, которая создаётся самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается»²⁾.

Производительные силы развиваются, производственные отношения изменяются, всё ждёт непосредственного воздействия рабочего государства на сознание.

Поскольку речь идёт о материальной заинтересованности, мы хотим добиться этой системой, чтобы рычаг не превратился в нечто, принуждающее индивида или коллектив индивидов отчаянно бороться с другими за обеспечение условий производства или распределения, дающих привилегированное положение. Сделать так, чтобы выполнение общественного долга стало бы отправной точкой, на которую опирается любое трудовое усилие рабочего, и в то же время, отдавая себе отчёт в человеческих слабостях, следить за его работой, поощрять и наказывать, применяя материальное стимулирование или дестимулирование³⁾ индивидуального или коллективного харак-

- 1) Вариант перевода: «Который может рассматриваться как прецедент подобного процесса в ходе строительства социализма».
- 2) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 747.
- 3) Речь идет о вычетах из зарплаты и т.п.

тера в зависимости от того, оказались ли (или нет) отдельный рабочий или производственное подразделение способными выполнить свой общественный долг. Кроме того, обязательное для продвижения по службе повышение квалификации, став возможным в масштабах всей страны, вызовет всеобщее стремление к знаниям всей рабочей массы страны; повышение квалификации не будет тормозиться никакими местными особенностями, так как рамки труда будут задавать вся страна, всё это создаст стремление к значительному техническому совершенствованию.

Необходимо также учитывать, что можно будет легко — политикой субсидий — переводить студентов-рабочих, повысивших свою квалификацию, на другую работу, и, постепенно ликвидируя участки с преобладанием живого труда, создавать предприятия с более высокой производительностью труда, более соответствующие основной идее перехода к коммунизму, к обществу развитого производства и удовлетворения основных потребностей человека.

Остаётся, наконец, подчеркнуть воспитательную роль, которую призвана сыграть партия для того, чтобы каждое предприятие превратилось в место, где находят свое коллективное выражение стремления и беспокойство трудящихся, где их желание служить обществу воплощалось бы в жизнь.

Можно предположить, что рабочий центр мог бы стать основной политической ячейкой будущего общества, сигналы которой, поступая в более сложные политические органы, дали бы партии и правительству возможность принимать решения, основополагающие для развития экономики и культурной жизни индивида.

«Nuestra Industria. Revista economica», № 5, февраль 1964 г.

Молодёжь и Революция

речь, произнесённая 9 мая 1964 года
на закрытии семинара «Молодёжь и революция»,
организованного Союзом молодых коммунистов
Министерства промышленности

Товарищи!

Некоторое время назад я был приглашён организацией молодёжи завершить цикл лекций, акций, которыми Молодёжь¹⁾ подаёт — скажем так — признаки жизни в рамках политической деятельности министерства.

Мне было интересно поговорить с вами, высказать вам свою точку зрения, поскольку много раз я выражал критическое отношение к Молодёжи — не как к поколению, а как к организации, и это критическое отношение в общем не сопровождалось практически предложениями; иначе говоря, я вёл себя как вроде бы вольный стрелок, поведение, которое не согласуется со многими другими обязанностями, возложенными на меня как члена руководства, секретариата партии и т.д. Были некоторые концептуальные проблемы, связанные с пониманием того, какой должна быть молодёжная организация, по которым нам так и не удалось прийти к полному согласию. И мы всегда встречали в Молодёжи — как организации — момент механицизма, что, по нашему мнению, мешало ей быть настоящим авангардом. Потом, естественно, все эти проблемы обсуждались на протяжении долгого времени.

А ведь в свое время сама организация Молодёжи в её зачаточной форме возникла под нашим прямым руководством, когда в Сьерра-Маэстре была организована Повстанческая молодёжь, подчинённая Департаменту политического образования Повстанческой армии. В дальнейшем она отделилась, обретя собственное политическое лицо.

1) Здесь и далее Молодёжь означает Союз Молодых коммунистов (название, принятое в апреле 1962 г. Ассоциацией молодых повстанцев, которая объединила в январе 1960 г. революционную молодёжь Кубы).

Мы критически относились к организации Молодёжи, но это отношение не всегда сопровождалось конкретными предложениями о системе работы. Проблема эта достаточно сложна, поскольку неотделима от всего комплекса проблем, связанных с партийной организацией. Перед нами стоит ряд вопросов, не решённых не только в отношении Молодёжи, не решённых принципиально, с теоретической точки зрения. Какова функция партии? Не в общих абстрактных терминах, которые всем нам известны; но — какова должна быть позиция партии на каждом из различных фронтов, на которых она должна воевать? Какова степень её участия в государственном управлении? Какова степень ответственности, которую она должна нести? Какими должны быть, например, отношения между партией и различными уровнями государственной администрации?

Эти проблемы не имеют общепризнанного решения и, как все мы знаем, создают трения на определённых уровнях. Вне Национального руководства и Совета Министров, где ясно, кто кому подчиняется, и где речь часто идёт об одних и тех же лицах, каждый уровень приобретает самостоятельность в своей работе, создаются определённые навыки, представления, которые в жизни сталкиваются между собой и противоречия между которыми на практике нами ещё не разрешены.

Очевидно, это связано также с тем, что существуют различные концепции, ни одна из которых пока не смогла показать большей эффективности, большей основательности, чем другая. Эти концепции проистекают в том числе и из анализа тех глубоких проблем, которые имели место в мире социализма с момента победы первой социалистической революции, Октябрьской Революции 1917 года, до сего дня. И эти концепции должны быть проанализированы и изучены очень глубоко, в том числе и из-за специфических особенностей нашей Революции — Революции, возникшей вначале как движение масс, которое поддерживало повстанческую борьбу, не образуя органическую партию пролетариата, и пришло потом к объединению с партией, представлявшей пролетариат, Народной Социалистической Партией, которая в тот момент не возглавляла революционную борьбу.

В силу этих особенностей наше движение несёт на себе сильный отпечаток мелкобуржуазности — и в том, что касается его социального состава, и поскольку речь идёт о его идеологии. В ходе борь-

бы и революции каждый из нас эволюционировал — ведь и большинство руководителей революции было по своему социальному происхождению мелкобуржуазным и даже буржуазным.

Это изъян, который будет нас сопровождать ещё долгое время и который не мог быть вытравлен из души человека со дня на день. Даже когда был провозглашён социалистический характер Революции, причем провозглашению этому предшествовал реальный факт существования социалистической революции; мы уже взяли в свои руки большую часть основных средств производства. Однако идеология в целом не во всём шла вровень с наступлением Революции в сфере экономики и в некоторых аспектах идеологической сферы.

Эта характерная черта нашей Революции обязывает нас быть очень осторожными в оценке партии как руководителя всего рабочего класса и особенно — в её специфических отношениях с каждым из различных административных органов, армии, органов безопасности и т.д. До сих пор у нашей партии нет устава; наша партия даже не может считаться полностью сформированной. Возникает вопрос: а почему нет устава? Опыта много; опыта, полученного в результате почти пятидесяти лет практики, так в чём же дело? В том, что этот опыт ставит перед нами некоторые проблемы, которые мы хотели бы разрешить и которые мы не можем разрешить стихийно или, скажем, подойдя к ним поверхностно, потому что речь идёт об «определяющих», очень важных для будущего Революции.

Идеология ранее господствовавших классов постоянно присутствует на Кубе через её отражение в сознании людей, о котором я вам говорил. Но кроме того, она присутствует потому, что постоянно экспортируется из США, которые являются организационным центром мировой реакции и которые физически экспортируют саботажников, бандитов, пропагандистов различного рода и практически пронизывают всю национальную территорию, за исключением Гаваны, посредством своих передач, постоянно обрушивающихся на нас.

Иначе говоря, весь народ Кубы находится в постоянном контакте с идеологией империалистов, которая, естественно, адаптируется к здешним условиям научно организованными пропагандистскими структурами, чтобы представить мрачный образ такого режима, как наш, а он неизбежно должен и в самом деле иметь темные стороны, поскольку у нас переходный период и мы, которые руководили до сих пор Революцией, пока не профессионалы в экономике

и политике, вопреки накопленному нами опыту и сформировавшейся команде кадров¹⁾. И в то же время эта пропаганда представляет самую ослепляющую, самую фетишистскую картину капиталистического строя.

Всё это внедряется в страну и иногда находит отклик в подсознании многих людей, пробуждает в нём то, что едва заснуло, что было с трудом усыплено быстротой общественного процесса, огромным количеством эмоциональных разрядов, которые нам пришлось привести в действие ради защиты нашей Революции, когда слово «революция» слилось со словом «Родина», с отстаиванием всех интересов, святых для каждого человека, независимо от его социального происхождения.

Перед лицом термоядерной агрессии, как это было в октябре 1962 г., объединение народа происходило автоматически. Многие люди, которые никогда ранее даже не числились в народной милиции, пришли к нам, чтобы бороться с оружием в руках. Перед лицом очевидной несправедливости произошло всеобщее преобразование; всех охватило стремление продемонстрировать решимость бороться за свою Родину до конца, и это была решимость людей, противостоящих опасности, от которой нельзя было скрыться никак, ни на какой нейтральной позиции, потому что атомные бомбы не признают ни нейтралитета, ни иностранных посольств, ничего; они уничтожают всё...

Так мы двигались вперёд, с перерывами, неравномерными скачками, как движутся все революции. Мы двигались вперёд, углубляя в определённых аспектах нашу идеологию, всё больше участь, развивая марксистское образование. И в то же время постоянно опасаясь, как бы не оказаться на позициях, которые задержали бы Революцию, как бы не способствовать внедрению мелкобуржуазных представлений или идеологии империализма через критическое отношение к задачам и роли партии в государственном механизме. Поэтому до сих пор у нас ещё нет должным образом организованной партии, поэтому мы ещё не пришли к определённому уровню институционализации, поскольку речь идёт о высшем руководстве государства, а это представляется совершенно необходимым.

1) Эта фраза может читаться и по-иному: «... не профессионалы в экономике и политике, не имеем за плечами широкого опыта и устоявшейся команды кадров».

Но мы ставим и ещё некоторые проблемы. Надо выбрать нечто новое, что, как нам представляется, могло бы точно выразить отношения, которые должны существовать между массой и руководителями как прямо, так и через посредство партии. Так начали осуществляться различные пробные попытки, создаваться опытные образцы разных типов местной администрации: в Эль-Кано — в одной форме, в Гуинесе — в другой, в Матансасе — в третьей. При этом мы постоянно видим преимущества и изъяны, которые каждая из этих систем, несущих в себе зачатки организации более высокого типа, представляет для развития Революции и прежде всего — для развития централизованного планирования.

Среди всего этого океана идейной борьбы между сторонниками по меньшей мере разных взглядов, если не определённых тенденций или течений, и приходилось работать Организации Молодёжи, которая начинала действовать как ответвление Повстанческой армии, потом приобретала всё большую идеологическую глубину, а затем преобразовалась в Союз Молодых Коммунистов — уже как бы преддверие к членству в партии, с необходимостью обязывающее обрести ещё более высокий идеологический уровень.

Вокруг этих проблем не развертывалось никаких дискуссий; но кое-какие дискуссии возникали по вопросу о том, какой должна быть реальная, практическая роль организации Молодёжи. Должна ли она проводить собрания по три, четыре, пять часов для обсуждения высокоучёных философских тем? Конечно, она может заниматься этим, никто не запрещает, чтобы она это делала. Но возникает проблема меры, сбалансированности и практического поведения по отношению к Революции, к Партии и прежде всего — к народу. Проведение дискуссии по теоретическим проблемам указывает на теоретический уровень, уже достигнутый Молодёжью. Однако самоограничение обсуждением теоретических проблем говорит о том, что организации не удалось пока избежать подражательности и терминологической путаницы.

Говорилось также о необходимой спонтанности молодёжи, о радости молодости и тогда организация Молодёжи — я говорю вообще, а не только о группе нашего министерства, организовывала радость. Тогда молодые руководители стали размышлять о том, что именно должна делать молодёжь, поскольку она должна по определению быть радостной. Но это как раз и превращало молодых в стариков. Как может молодой человек раздумывать о том, чем должна

быть молодость? Просто делай то, что думаешь; это и должно быть тем, что делает молодёжь. Но этого-то и не происходило, потому что была целая группа руководителей, которые на самом деле состарили себя. Так что все эти разговоры о радости и спонтанности молодёжи — это та же «поверхностность», исполнение ритуала, и этого тоже надо остерегаться.

Не надо путать соответствующие декларации с тем, что в молодёжи всего мира и прежде всего в кубинской молодёжи — по складу характера и темпераменту её народа — есть действительно радостного, свежего, спонтанного. Это совершенно разные вещи. Можно и нужно быть неформальным и весёлым, но в то же время надо быть глубоким. Тут и встаёт одна из самых сложных для решения проблем, когда она становится темой теоретической дискуссии. Потому что Коммунистическая Молодёжь просто такова, какой должна быть. И не надо ей раздумывать принимать решения о том, какой быть; это должно идти изнутри.

Не знаю, не забираюсь ли я в полуфилософские глубины, но это одна из наиболее обсуждаемых проблем. Основополагающий аспект, в котором Молодёжь должна показывать путь, состоит именно в том, чтобы быть авангардом в каждом касающемся её деле.

Поэтому много раз у нас бывали кое-какие проблемки с Молодёжью — то не срублен весь тростник, который должны были срубить, то не вышло достаточно народа на добровольные работы. В конце концов, это всё потому, что нельзя руководить при помощи теории и уж подавно не может армия состоять из генералов. В армии может иметься один генерал, если она очень большая — несколько генералов или один главнокомандующий, но если некого вести в бой — армии нет. И если на поле битвы армией не руководят те, кто идёт в бой впереди других, — такая армия мало чего стоит. Наша Повстанческая армия как раз тем и отличалась, что в ней воинские звания — любое из трёх воинских званий, которые только и были в ней: лейтенанта, капитана или команданте — получали только люди, отличившиеся на поле боя личной доблестью. И по крайней мере лейтенанты и капитаны были теми, кто реально руководил боем. Вот в этом мы и нуждаемся. В лейтенантах, капитанах — назовите их как угодно, обойдитесь, если хотите, без воинских званий, — но в людях, которые шли бы впереди, показывали пример другим; следовать за другими или требовать от других — это бывает иногда нелегко, но это во много раз легче, чем побуждать других [первыми] идти за со-

бой по неизведанному ещё пути, по которому никто не сделал ещё и первого шага.

Молодёжи не хватало умения воспринять большие проблемы, которые ставило перед ними правительство, как проблемы, которые решают массы, сделать эти задачи своим собственным стремлением и идти этим путём в авангарде. Руководимая и ориентируемая партией, она должна идти в авангарде.

С пересмотром всех порочных методов руководства и введением системы выборов образцовых трудящихся, передовиков труда, трудящихся, которые на фронте труда действительно могут говорить авторитетно, идут во главе и за которыми следуют другие, в работе нашей партии происходит первая важная качественная перемена; эта перемена не единственная, и за ней должен последовать целый ряд организационных мер, но она знаменует собой самый важный аспект нашего преобразования. И в Молодёжи тоже произошёл ряд перемен.

Тут я хочу ещё раз вернуться к тому, к чему возвращаю вас постоянно; к тому, чтобы вы не переставали быть молодыми, не превращались в старых теоретиков или теоретизирующих стариков, сохраняли бы свежесть молодости. Будьте способны воспринять стратегические лозунги правительства, перерабатывать их внутренне и стать мотором всего движения масс, идя в их авангарде. Для этого надо уметь выделить ведущие аспекты, на которых настаивает правительство, то правительство, которое, с одной стороны, представляет народ, а с другой, является одновременно партией.

В то же время нужна сбалансированность и умение выделить главное¹⁾. Вот задачи, которые должна выполнить молодёжь. Вы сегодня говорили о технической революции. Это один из самых важных аспектов, одна из самых конкретных задач, наиболее соответствующих душевному складу молодёжи. Но одной технической революции мало, ведь техническая революция происходит во всём мире, во всех социалистических и несоциалистических странах, естественно — в развитых.

В Соединённых Штатах налицо техническая революция, во Франции — потрясающая техническая революция, и в Англии, и в Федеративной Республике Германии, и ничего социалистического

1) Другой вариант перевода: «нужно видеть проблемы в их балансе и последовательность их решения».

в этих странах нет. Стало быть, наша техническая революция должна иметь классовое содержание, социалистическое содержание, а для этого Молодёжь должна измениться так, чтобы стать подлинным мотором-движителем; это значит — чтобы постепенно отмирали все пережитки, пережитки того старого общества, которое само уже умерло. Нельзя думать о технической революции, не думая в то же время о коммунистическом отношении к труду, и это в высшей степени важно. Если нет коммунистического отношения к труду, не стоит говорить о социалистической технической революции. Тогда это — лишь отражение на Кубе технической революции, которая развёртывается в развитых странах через ряд крупных перемен, происходящих вследствие последних изобретений и открытий науки.

Это — вещи, которые не могут быть разделены, и коммунистическое отношение к труду состоит в переменах в сознании индивида; переменах, которые с необходимостью будут длительными и в отношении которых нельзя ожидать, что они завершатся в короткий срок; переменах, в ходе которых труд перестанет быть тем, чем ещё является сегодня, — принудительной общественной обязанностью, — и преобразуется в общественную необходимость. Это значит, что преобразования, техническая революция дадут каждому возможность заниматься более или менее тем, что его больше интересует в жизни, в его труде, исследованиях, учебе.

И отношение к такому труду будет совершенно новым отношением. Труд будет подобен сегодняшнему воскресенью — не дню отдыха от рубки тростника, но воскресенью с рубкой тростника.

Но для этого надо пройти весь длительный процесс, и этот процесс создаётся в навыках, привычках, приобретаемых, например, посредством добровольного труда. Почему мы так настаиваем на значении добровольного труда? Экономически он не значит почти ничего; добровольцы, даже те, кто идёт рубить тростник (а это одно из наиболее важных дел с экономической точки зрения), не дают высоких результатов. Рубщик тростника — работник министерства — нарубает в четыре или пять раз меньше, чем магатеро, привычно делающий это всю жизнь. Сегодня их труд экономически важен, лишь поскольку мы испытываем недостаток рабочих рук. Но по-настоящему важно то, что человек отдаёт обществу часть жизни совершенно бескорыстно, без какого-либо вознаграждения, только исполняя свой общественный долг. Так начинает создаваться то, что потом в результате развития техники, развития производства и произ-

водственных отношений станет чем-то более высоким, превратится в общественную необходимость.

Если все смогут соединить в каждый момент способность к внутреннему преобразованию себя в учебе, в отношении к новой технике, со способностью трудиться на своём рабочем месте как передовики, тогда мы продвинемся вперёд. И нужно постепенно привыкать к тому, что производительный труд будет тем, что даёт достоинство, а со временем станет внутренней необходимостью — тогда, тем самым, вы станете передовиками, руководителями Молодёжи, и вам никогда не придётся задаваться вопросом, «что же делать» для этого? Просто делайте то, что высвечено логикой данного момента, и вам не придётся специально искать нечто, способное понравиться молодёжи.

Не задумываясь об этом специально, вы и будете настоящей молодёжью и представителями самого передового в молодёжи. Тем, кто молод, молод прежде всего по духу, нечего бояться за свой авторитет, заботиться о том, что надо сделать, чтобы понравиться. Просто делать то, что необходимо, что соответствует логике данного момента. Так молодёжь будет задавать тон.

Сегодня начался весь этот процесс, назовём его политизацией нашего министерства, если говорить правду — холодного, достаточно бюрократического, гнезда осторожных и занудных бюрократов от министра и ниже, всегда воюющих с конкретными заботами и задачами; политизацией через поиск новых отношений и подходов.

Сегодня вы, молодёжь, жаловались, на то, что в те дни, когда я не приходил на организованное вами, в зале было пусто, и хотели, чтобы я об этом сказал. Ладно, я могу это сказать, но не могу никого обязать, чтобы приходили сюда. В чём тут дело? Просто в недостатке общения, или в недостатке интереса, или в том, что этого не смогли преодолеть люди, которым было поручено это преодолеть. И это — конкретная задача министерства. Это задача Молодёжи — победить безразличие министерства.

Ясно, что всегда есть место самокритике и всегда есть место анализу того, что не было сделано для того, чтобы постоянно быть в общении с людьми.

Всё это правда, но когда занимаешься самокритикой, надо доводить её до конца, поскольку самокритика — это не самобичевание, а анализ поведения каждого. И ещё огромный труд, который наваливается на плечи, когда одно наезжает на другое и всё в куче.

И подобная ситуация мешает установлению отношений другого типа, скажем, более человеческих, менее направляемых по бюрократическим каналам, посредством бумаг.

Это придёт со временем, когда работа не будет такой неотложной, и также когда будет подготовлено достаточно кадров, чтобы можно было передохнуть, когда все дела будут всегда выполняться вовремя, когда недоверие к работе другого перестанет быть одной из злополучных черт всего периода Революции. Когда приходится лично проверять бумаги, лично вести статистические подсчёты, где ошибки встречаются на каждом шагу. Тогда, когда останется позади этот период, а он уже проходит и пройдёт быстро, все кадры станут сильнее, все мы немножко продвинемся вперёд, и естественно, найдётся время для контактов иного типа: я не имею в виду посещения министром или директором того или иного работника с вопросами о том, как обстоят дела в семье и т. д., а организацию таких отношений, которые позволили бы всем — в министерстве и за его пределами — работать лучше и лучше знать друг друга.

Ведь сегодня, на нынешнем этапе строительства социализма и коммунизма, социализм создаётся не просто для того, чтобы у нас были отличные фабрики, он создаётся ради целостного человека; человек должен преобразовываться вместе с развитием производства, и мы не выполнили бы эту задачу адекватно, если бы стали только производителями товаров, сырья и не были одновременно созидателями людей.

В этом заключается одна из задач Организации Молодёжи — дать импульс, направлять примером созидание человека завтрашнего дня, и в это созидание, в эту направляющую роль включается созидание самих себя, ведь никто не совершенен — отнюдь, — и все должны совершенствовать свои качества трудом, человеческими отношениями, основательной учебой, критическими дискуссиями, всё это преобразует людей. Всё это нам известно, ведь прошло пять долгих лет с тех пор как наша Революция восторжествовала, семь — также долгих — лет с тех пор, как первые высадились и начали последний этап борьбы, и каждый, кто оглянется назад и подумает о том, что было семью годами прежде, отдаст себе отчёт в том, насколько большой путь пройден. Очень большой, но многое ещё остаётся.

Это — насчёт задач организации, и основное состоит в том, чтобы молодёжь понимала, где она находится и какова будет её ос-

новая задача. Чтобы она не увлекалась организационными играми больше, чем надо; чтобы не считала себя центром всего социалистического мироздания, но рассматривала себя как важное звено, очень важное, звено, нацеленное в будущее.

Наше поколение уже клонится к закату, несмотря на то, что географически — скажем так — мы ещё относимся к молодёжи, но мы прошли через много трудных дел, на нас легла ответственность за управление страной в предельно тяжёлые моменты, а всё это, естественно, старит, изнашивает, и через сколько-то лет нам, тем, кто останется, придётся уйти на зимние квартиры, чтобы новые поколения заняли наше место. Как бы то ни было, я думаю, что мы с определённым достоинством выполнили важную роль, но наша задача не была бы завершена, если мы не сумеем вовремя уйти. И ещё одна, ваша задача — создать из себя людей, которые бы нас заменили; так, чтобы тот факт, что нас оставят в забвении как нечто, относящееся к прошлому, стал одним из важнейших показателей успешного выполнения задачи, решаемой сегодня всей молодёжью и всем народом.

Социалистическое планирование, его значение

июнь 1964 года

В № 32 журнала «Куба социалиста» вышла статья товарища Шарля Беттельхейма¹⁾ под заголовком «Формы и методы социалистического планирования и уровень развития производительных сил». Эта статья затрагивает, несомненно, интересные вопросы, но помимо этого для нас её значение состоит в том, что она направлена на защиту так называемого хозяйственного расчёта и категорий, предполагаемых этой системой для социалистического хозяйствования, таких, как деньги в качестве средства платежа, кредит, товар и т.д.

Мы считаем, что в данной статье содержатся две основные ошибки и постараемся уточнить, в чём они заключаются.

Первая касается истолкования необходимого соотношения, которое должно существовать, между производительными силами и производственными отношениями. В связи с этим товарищ Беттельхейм приводит примеры из классиков марксизма-ленинизма.

Производительные силы и производственные отношения — два механизма, неразрывно участвующие во всех обычных процессах развития общества. В какие моменты его производственные отношения могут быть точным отражением состояния производительных сил? В полосе подъёма рождающегося общества, которое наступает на структуры предшествующего общества, чтобы сломать его как систему,— и на последующем этапе слома старого общества, когда новое, производственные отношения которого уже утвердились, борется за свою консолидацию цельность, за разрушение элементов прежней надстройки. Таким образом, не всегда производительные силы и производственные отношения в каждый данный момент могут в точности²⁾ соответствовать друг другу. Именно эта закономер-

1) Шарль Беттельхейм — известный левый французский экономист, специалист в области экономики стран Запада и «третьего мира» (см. русские переводы его книг «Экономика Франции, 1919—1952», «Экономика Франции после Второй мировой войны», «Независимая

²⁾ Индия»).

2) «En una forma totalmente congruente».

ность позволила Ленину настаивать на социалистическом характере Октябрьской революции и вместе с тем ставить в определённый момент задачу двигаться к государственному капитализму и проповедовать осторожность в отношениях с крестьянством.

Корни подобной постановки Лениным этого вопроса — в открытых им закономерностях развития мировой капиталистической системы.

Беттельхейм пишет:

«Решающим рычагом, изменяющим поведение людей, являются сдвиги, произведённые в производстве и его организации. Основная же цель воспитания — заставить исчезнуть навыки и поведение, унаследованные из прошлого и пережившие его, и обеспечить усвоение новых норм поведения, навязываемых самим развитием производительных сил».

А вот что говорит Ленин:

«...Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой социализм возможен».

С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся поистине как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережёвывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции.

Ну, а что, если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило её развитие на грани начинающихся и уже начавшихся революций на Востоке в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором как об одной из возможных перспектив писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 г. по отношению к Пруссии?

Что если полная безвыходность положения, удесятая тем самым силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных предпосылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определённый «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»¹⁾

Расширяясь как мировая система, развив отношения эксплуатации не только между людьми одной страны, но и между народами, мировая капиталистическая система, став империалистической, вступает в эпоху кризиса и может сломаться в самом слабом своём звене. Таковым и была царская Россия после Первой мировой войны и в начале Революции; страна, где уживались пять экономических укладов, которые отмечал Ленин в то время: патриархальная, самая примитивная форма сельского хозяйства; мелкотоварное производство, включая большинство крестьян, которые продавали свое зерно; частный капитализм; государственный капитализм и социализм.

Ленин указывал, что все эти уклады присутствовали в после-революционной России, однако определяла систему её социалистическая характеристика, несмотря на то, что развитие производительных сил в определённых отношениях не достигло ещё своей полноты уровня, необходимого для социализма.

Очевидно, что когда отсталость особенно велика, правильным для действий марксиста было максимальное приведение духа новой мировой эпохи к его стремлением к уничтожению эксплуатации человека человеком в соответствии с конкретными условиями данной страны. Так и поступил Ленин в России, вчера освободившейся от царизма; это и стало нормой в Советском Союзе.

Мы утверждаем, что вся эта система аргументов, абсолютно подтверждённая жизнью и совершенно необычайная по своему провидческому — для того времени — характеру, применима к другим конкретным ситуациям, создающимся в определённые исторические моменты. После того, что произошло в России, имели место события такой значимости, как создание всей мировой социалистической системы, охватывающей сегодня почти треть населения мира — около миллиарда человек. Непрерывное продвижение вперёд всей

1) В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 380–381.

социалистической системы влияет на сознание людей на всех уровнях и поэтому на Кубе в определённый момент её истории революция определяет себя как социалистическую, причем само это определение никоим образом не предшествовало реальному факту существования экономических структур, ему соответствовавших.

Как же может произойти переход к социализму в стране, колонизированной империализмом, с неразвитой тяжёлой промышленностью в ситуации монопроизводства, зависимого к тому же от одного-единственного внешнего рынка?

На этот вопрос можно отвечать по-разному. Можно, подобно теоретикам II Интернационала, провозгласить, что Куба порвала со всеми законами диалектики, исторического материализма, марксизма и что поэтому она — страна не социалистическая, либо должна вернуться к своему исходному положению.

Можно более реально смотреть на вещи и искать движущие силы, вызвавшие нынешнюю революцию в недрах производственных отношений на Кубе. Но, естественно, это послужило бы доказательством того, что есть много стран в Америке и других частях света, где революция даже более возможна, чем это было на Кубе.

Остаётся третье объяснение, на наш взгляд, точное: в рамках борьбы мировой капиталистической системы против социализма одно из её слабых звеньев — в данном конкретном случае Куба — может оказаться прорванным. Воспользовавшись особыми историческими условиями, при верном руководстве своего авангарда революционные силы в определённый момент берут власть и, основываясь на том, что уже имеются достаточные объективные условия, поскольку речь идёт об обобществлении труда, переступают через какие-то этапы¹⁾, и, заявив вслух о социалистическом характере революции, приступают к строительству социализма.

Такова та динамическая, диалектическая форма, в которой мы видим и анализируем проблему соотношения между производственными отношениями и развитием производительных сил...

После того, как Кубинская революция свершилась — факт, который необходимо требует анализа и не может быть обойдён никаким исследованием нашей истории, — мы приходим к выводу, что революция эта носила социалистический характер и, стало быть, для этого существовали определённые объективные условия. Ибо осуще-

1) Quemán etapas.

ствить революцию вне таких условий — прийти к власти и декретировать социализм по мановению волшебной палочки — это нечто, не предусмотренное никакой теорией; положение, которое вряд ли будет поддержано товарищем Беттельхеймом.

Если имеет место конкретный факт рождения социализма в этих новых условиях, значит, дело в том, что развитие производительных сил вступило в противоречие с производственными отношениями раньше, чем можно было бы рационально ожидать, для данной отдельно взятой капиталистической страны. В чём же тут дело? В том, что авангард революционного движения, находящийся под всё большим воздействием марксистско-ленинской идеологии, способен сознательно предвидеть ряд шагов, чтобы ускорить ход событий, но ускорить их в пределах того, что объективно возможно. Мы очень настаиваем на этом моменте, поскольку именно здесь один из определяющих изъянов в аргументации Беттельхейма.

Если мы исходим из конкретного факта, что революция не может произойти без наличия основополагающих противоречий между развитием производительных сил и производственных отношений, мы должны признать, что на Кубе такое противоречие имело место; мы должны признать также, что этот факт придаёт Кубинской революции социалистический характер, хотя объективный анализ её внутренних предпосылок показывает, что целый ряд факторов, о которых идёт речь, находятся ещё в зачаточном состоянии, не достигнув полного развития. Но если и в этих условиях свершается и побеждает революция, как же можно использовать довод о необходимом и обязательном соответствии (которое становится при этом узким и механистическим) между производительными силами и производственными отношениями, для того, чтобы, например, защищать хозяйственный расчёт и нападать на систему производственных объединений, которую мы используем?

Сказать, что Производственное объединение¹⁾ — заблуждение, — это примерно равнозначно тому, что сказать, что заблуждением является Кубинская революция. Эти концепции однотипны и могли бы обосновываться одним и тем же анализом. Товарищ Беттельхейм никогда не говорил, будто Кубинская социалистическая революция не была подлинной, однако он утверждает, что наши ны-

1) Понимаемое здесь как синоним системы бюджетного финансирования.

нешние производственные отношения не соответствуют уровню развития производительных сил, и поэтому он предвидит крупные неудачи. Разрыв в применении диалектического мышления к этим двум категориям — различных масштабов, но выражающих одну и ту же тенденцию — и вызывает ошибку товарища Беттельхейма. Производственные объединения зародились, развились и продолжают развиваться потому, что они это могут, это прописная истина практики. Является ли административный метод наиболее адекватным или нет, в конце концов не столь важно, потому что различия между одним и другим методом в основном количественные. При этом надежды, которые мы связываем с нашей системой, устремлены в будущее, к более ускоренному развитию сознания и через сознание — к ускоренному развитию производительных сил.

Товарищ Беттельхейм отрицает эту особую функцию сознания, основываясь на доводах Маркса относительно того, что сознание — продукт социальной среды, а не наоборот; мы же берем марксистский анализ, чтобы с его помощью бороться против позиции Беттельхейма, и утверждаем, что хотя этот довод абсолютно верен, но в современную эпоху империализма сознание также приобретает всемирный характер. И что это сегодняшнее мировое сознание выступает как продукт развития всех производительных сил мира, продукт примера и воздействия Советского Союза и остальных социалистических стран на массы всего мира.

При этом необходимо учитывать, что сознание авангарда определённой страны, основанное на глобальном развитии производительных сил, может обнаружить адекватные пути, чтобы привести к победе социалистическую революцию этой страны, несмотря на то, что на национальном уровне таких противоречий между развитием производительных сил и производственных отношений, которые делали бы эту революцию срочно необходимой или возможной, объективно не существует (во всяком случае, в рамках анализа страны, как отдельно взятой и изолированной).

Прервём пока размышления по этому вопросу. Второй серьёзной ошибкой, допущенной Беттельхеймом, является его требование признать за правовой структурой возможность самостоятельного существования¹⁾. В своём анализе он настоятельно ссылается на необ-

1) Вариант перевода: «рассматривать юридическую структуру как обладающую возможностью существовать самостоятельно».

ходимость учитывать производственные отношения при правовом установлении собственности. Полагать, что юридическая собственность, или, лучше сказать, надстройка данного государства в определённый момент навязана вопреки реально существующим производственным отношениям — значит неизбежно отрицать тот самый детерминизм, на котором он основывался, утверждая, что сознание есть продукт общественного бытия.

Естественно, во всех этих процессах — не физико-химических, которые протекают за тысячные доли секунды, а исторических, происходящих в течение длительного периода развития человечества, — есть целый ряд аспектов правовых отношений, не совпадающих с производственными отношениями, которые в данный момент характеризуют страну; но это означает лишь то, что первые будут разрушены со временем, когда новые отношения окончательно возьмут верх над старыми, но не наоборот, что возможно изменение юридической надстройки без предварительного изменения производственных отношений.

Товарищ Беттельхейм упорно настаивает на том, что природа производственных отношений определяется степенью развития производительных сил и что собственность на средства производства является абстрактным и юридическим выражением некоторых производственных отношений; при этом от него ускользает самый важный факт: если это положение полностью применимо к общей ситуации (будь то весь мир или отдельная страна), нельзя на его основе устанавливать обязательные «микроскопические» связи между уровнем развития производительных сил в каждой ситуации или в каждом регионе и правовыми отношениями собственности.

Беттельхейм нападает на экономистов, которые стремятся увидеть в собственности части народа на средства производства выражение социализма, говоря, что эти правовые отношения ни для чего не служат основой. Он был в определённом смысле прав по отношению к слову «основа»¹⁾, однако главное — то, что производственные отношения и развитие производительных сил в определённый момент сталкиваются, и это столкновение не является механически определённым накоплением экономических сил, а является качественной и количественной суммой, накоплением противоположных сил — с точки зрения экономического развития; преодоле-

1) Испанское «base» может быть воспринято и как «базис».

ние одного общественного класса другим — с точки зрения политической и исторической. Иначе говоря, никогда нельзя отрывать экономический анализ от исторического факта классовой борьбы (до создания совершенного общества). По этой причине для человека юридическая основа, представляющая надстройку общества, в котором он живет, — живое выражение классовой борьбы — имеет конкретную характеристику, конкретные черты и выражает осязаемую действительность. Производственные отношения, развитие производительных сил — это хозяйственно-технологические явления, накапливающиеся в ходе истории. Общественная собственность есть осязаемое выражение этих отношений, так же как конкретный товар есть выражение отношений между людьми. Товар существует потому что существует товарное общество, в котором на основе частной собственности произошло разделение труда. Социализм существует, потому что существует общество нового типа, в котором экспроприаторы были экспроприированы и общественная собственность пришла на смену прежней, индивидуальной собственности капиталистов.

Это — генеральная линия, которая должна определять логику переходного периода. Более частные отношения между теми или иными слоями общества представляют интерес только для определённых конкретных анализов, но теоретический анализ должен иметь более широкие рамки, охватывающие новые отношения между людьми, общество, находящееся в процессе перехода к социализму.

Исходя из этих двух основных концептуальных ошибок, товарищ Беттельхейм защищает обязательную тождественность между развитием производительных сил на каждый данный момент и в каждом данном регионе — и производственными отношениями. И одновременно переводит эти самые отношения в их юридическое выражение.

С какой целью? Посмотрим, что говорит Беттельхейм:

«В этих условиях рассуждения, ставящие своей целью обозначить различные высшие формы социалистической собственности, но исходящие при этом лишь из общего понятия «государственная собственность», в стремлении свести социалистическую собственность к единственной реальности сталкиваются с непреодолимыми трудностями, прежде всего когда речь идёт о том, чтобы анализиро-

вать товарооборот в государственном социалистическом секторе, социалистическую торговлю, роль денег и т.д.»

Затем, рассматривая разделение Сталиным социалистической собственности на две формы, он отмечает:

«Данная юридическая предпосылка и следующие из неё выводы ведут к отрицанию обязательного в данный момент товарного характера обмена между государственными социалистическими предприятиями, а также к непониманию в теоретическом плане природы купли и продажи, осуществляемых между государственными предприятиями, непониманию природы денег, цен, хозяйственного учёта, финансовой самостоятельности и т.д. Эти категории лишены какого-либо реального общественного содержания. Они возникают как абстрактные формы или более или менее произвольные технические средства, а не как выражение объективных экономических законов, закономерность которых, с другой стороны, подчеркивал сам Сталин».

Для нас статья товарища Беттельхейма, несмотря на то что он демонстративно становится на сторону противников высказанных нами в ряде случаев идей, имеет несомненную значимость как высказывание глубоко знающего экономиста и теоретика марксизма. Исходя из фактического положения дел и защищая (на наш взгляд — непродуманно) использование в переходном периоде унаследованных от капитализма категорий и необходимость индивидуализированной собственности в рамках социалистического сектора, он выявляет (в рамках марксистских позиций, которые мы назовём ортодоксальными) несовместимость детального анализа производственных отношений и общественной собственности с сохранением подобных категорий. И отмечает, что здесь «имеется нечто непонятное».

Мы утверждаем точно то же самое, только вывод наш — другой; мы считаем, что непоследовательность защитников хозяйственного расчёта связана с тем, что, следуя логике марксистского анализа и дойдя до определённой точки, они совершают скачок (перескакивая через «утраченное звено» в середине), чтобы встать на новую позицию, с которой продолжают свое рассуждение.

Конкретно защитники хозяйственного расчёта никогда не могли дать точного объяснения тому, что лежит в основе концепции то-

вара в рамках государственного сектора, или как «с умом» применяется закон стоимости в социалистическом секторе при «перекошенных» рынках. Заметив эту непоследовательность, товарищ Беттельхейм вновь принимается за терминологию, начиная анализ с того, чем должен бы закончить — нынешними правовыми отношениями в социалистических странах и существующими категориями, констатирует реальный и очевидный факт наличия этих юридических и товарных категорий и отсюда делает прагматический вывод, что раз они существуют, значит, они необходимы. Опираясь на эту основу, он развертывает свой анализ в обратном направлении, чтобы прийти к той точке, в которой произошло столкновение теории с практикой. В этой точке он даёт новое толкование теории, подвергает анализу взгляды Маркса и Ленина и выступает со своей собственной интерпретацией, которая зиждется на ошибках, о которых мы уже говорили. Такой прием позволяет ему сохранить последовательность процесса — и анализа — от начала статьи до её окончания.

Вместе с тем он забывает, что в историческом плане переходный период молод. В то время, когда человек только приближается к полному пониманию экономического деяния и овладевает им посредством плана, он подвержен неизбежным ошибкам в оценках. Почему считать, что то, что «есть» в переходном периоде, обязательно «должно быть»? Зачем объяснять удары, нанесённые реальностью по некоторым смелым экспериментам исключительно смелостью, а не — частично или полностью — техническими просчётами администрации?

Нам кажется, что слишком умаляет значение социалистического планирования — со всеми его возможными техническими недочётами — утверждение, которое делает Беттельхейм:

«Из этого вытекает невозможность удовлетворительно, т.е. эффективно обеспечить а priori комплексное распределение средств производства (и продукции вообще) и потребности социалистической торговли и государственных торговых учреждений. Отсюда вытекает также и роль денег в рамках самого социалистического сектора, роль закона стоимости и система цен, которая должна отражать не только общественную себестоимость различной продукции, но также выражать соотношения между предложением и спросом на данную продукцию и по возможности обеспечить баланс между этим предложением и этим спросом, если план а priori не смог его обеспе-

чить и если применение административных мер для становления этого баланса подорвало бы развитие производительных сил».

Учитывая наши (на Кубе) слабости, мы вместе с тем попытались дать наше определение сущности проблемы:

«Мы отрицаем возможность сознательного использования закона стоимости, исходя из отсутствия свободного рынка, который автоматически отражал бы противоречия между производителями и потребителями; отрицаем наличие категории товара в отношениях между государственными предприятиями и считаем все эти отдельные предприятия и учреждения частью большого единого предприятия, которым является государство (хотя на практике в нашей стране это ещё не происходит). Закон стоимости и план — два понятия, связанные противоречием и его решением; таким образом, мы можем сказать, что централизованное планирование — это способ бытия социалистического общества, его определяющая категория; тот рубеж, на котором человеческому сознанию наконец удаётся обобщить и направить хозяйство к своей цели — полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества».¹⁾

Связывать производственную единицу (экономический субъект для Беттельхейма) с физическим уровнем интеграции — значит довести применение рыночного механизма до крайности и отказать нам в возможности сделать то, что североамериканские монополии технически уже сделали во многих отраслях кубинской промышленности. Это значит быть слишком неуверенным в наших силах и способностях.

То, что может быть названо производственной единицей (и что является подлинным экономическим субъектом), со всей очевидностью изменяется в зависимости от уровня развития производительных сил. В некоторых отраслях производства, где интеграция деятельности достаточно интенсивна, производственной единицей может стать сама отрасль. Такое возможно, например, в производстве электроэнергии на основе взаимосвязи, потому что это позволяет единое централизованное управление всей отраслью.

1) См. данный том, с. 396.

Прагматически развивая нашу систему, мы пришли к постановке некоторых уже рассмотренных проблем и попытались предложить их решение, следуя как можно более последовательно — в той мере, в какой это позволяла наша подготовленность — великим идеям Маркса и Ленина. Это привело нас к проблеме противоречий существующих в марксистской политэкономии переходного периода. Стремясь преодолеть эти противоречия, которые лишь на какое-то время могут затормозить развитие социализма, — поскольку социалистическое общество фактически уже существует — мы изучили организационные методы, наиболее адекватные практике и теории, в наибольшей мере позволяющие нам двигать вперёд общество посредством развития сознания и производства. И это — та глава, в которую мы углубились сегодня.

В порядке заключения:

1. По нашему мнению, Беттельхейм совершает две грубые ошибки в методике анализа:

а) он механистически переносит общетеоретическую концепцию необходимого соответствия между производственными отношениями и развитием производительных сил — на «микроскоп» производственных отношений в конкретных условиях отдельной страны в течение переходного периода и, таким образом, приходит к апологетическим и окрашенным прагматизмом выводам относительно так называемого хозяйственного расчёта;

б) делает столь же механистический анализ концепции собственности.

2. Мы не согласны с мнением Беттельхейма относительно того, что финансовое самоуправление или хозяйственная самостоятельность «связаны с данным состоянием производительных сил» — логическим следствием его аналитического метода.

3. Мы отрицаем его концепцию централизованного управления на основе материальной централизации производства (он приводит пример соединения линий электропередачи) и относим этот принцип к централизации всех основных экономических решений.

4. Мы не считаем правильным объяснение причин необходимости неограниченного действия закона стоимости и других категорий рынка в течение переходного периода, хотя и не отрицаем возможность использования элементов этого закона в целях сравнения (стоимость, рентабельность в арифметическом денежном выражении).

5. Для нас «централизованное планирование — это образ жизни социалистического общества» и т.д., поэтому мы признаем за ним гораздо большую власть решения, чем Беттельхейм.

6. Мы придаем большое теоретическое значение проблеме несоответствия классического метода марксистского анализа существованию товарных категорий в социалистическом секторе; вопросу, требующему более глубокого изучения.

7. В связи с данной статьей защитникам «хозяйственного расчёта» подойдёт и это: «Убереги меня, боже, от друзей, а от врагов я уберегусь сам».

«Cuba Socialista», № 36, июнь 1964 г.

Новое отношение к труду

выступление на акте вручения Грамот за коммунистический труд рабочим предприятий Министерства промышленности 15 августа 1964 года*

Товарищи! Полагаю, что сегодня, по случаю акта, столь революционного по своему значению, на котором Министерство промышленности вправе заявить о своей гордости тем, что всегда возглавляло процесс углубления революционного сознания путём организации коллективного труда, труда по природе своей общественного и добровольного, нужно начать с некоторых предварительных соображений о том, что же такое труд при социализме.

Если позволите, я прочту небольшое стихотворение. (*Аплодисменты*). Не беспокойтесь, это не плоды моего собственного, как говорится, вдохновения! Это поэма, несколько строк из поэмы одного отчаявшегося человека; поэмы, написанной старым поэтом приближающимся к финалу своей жизни; ему больше 80 лет, он видел, как отстаивала свое дело испанская Республика, а после её падения отправился в изгнание и теперь живет в Мексике. В последней книге, изданной несколько лет назад, есть любопытные строки:

«...Но человек — трудолюбивое и глупое дитя, превратившее труд в тяжкую поденщину; барабанную палочку он превратил в мотыгу и вместо того, чтобы сыграть на земле песнь радости, принялся копать...»

А дальше у него говорится примерно так — не помню точно, у меня не очень хорошая память:

«Я хочу сказать, что никто не может копать в ритме солнца и никто ещё не срезал колос с любовью и благоговением»²⁾.

- 1) Выступление состоялось в дни, когда произошёл инцидент в Тонкинском заливе и США начали прямую вооружённую интервенцию против Демократической Республики Вьетнам. Это наложило отпечаток на содержание выступления.
- 2) Другой возможный перевод последнего слова («gracia») в данном контексте — «благодарение», «благодарность». Имеются в виду стихи испанского поэта Леона Фелипе. См. письмо Э. Гевары Леону Фелипе (в данном томе, с. 557).

Это — отношение к труду именно потерпевших поражение в том, другом мире, который мы уже оставили позади; во всяком случае, это — стремление вернуться к природе, превратив повседневную жизнь в игру. Но, однако, крайности сходятся, поэтому я и хотел процитировать вам эти слова, ведь мы можем сегодня сказать этому отчаявшемуся большому поэту: пусть приезжает на Кубу и увидит, как человек после того, как прошёл все этапы капиталистического отчуждения, после того, как к нему относились как к вьючной скотине, впряжённой в ярмо эксплуататора, вновь открыл свой путь и вновь открыл путь игры. Сегодня у нас на Кубе труд всё больше обретает новое значение, делается с новой радостью.

Мы могли бы пригласить его на поля сахарного тростника, чтобы он увидел, как наши женщины срезают тростник с любовью и благоговением, чтобы он увидел мужественную силу наших рабочих, рубящих тростник с любовью и благоговением, чтобы он увидел новое отношение к труду, чтобы увидел, что человека порабощает не труд, а то, что он не владеет средствами производства; и когда общество достигает определённого этапа развития и он становится способным начать борьбу за свои интересы, разрушить власть угнетателя, сломить его вооружённую руку — армию, утвердиться у власти, его отношение к труду снова обретает прежнюю радость, радость выполнения долга, радость исполнять свой долг, чувствовать свою значимость в общественном механизме, ощущать себя шестерней, обладающей своими собственными особенностями, необходимой, пусть и не незаменимой в процессе производства; и шестерней сознательной, которая обладает своим собственным мотором и стремится запустить его всё сильнее и сильнее, чтобы довести до счастливого завершения создание одной из предпосылок построения социализма: иметь достаточное количество предметов потребления, чтобы предложить их всему народу.

И вместе с этим, вместе с трудом, который день за днём выполняет задачу создания новых богатств для распределения в обществе, человек, трудящийся с этим новым отношением, совершенствует себя.

Поэтому мы говорим, что добровольный труд не должен оцениваться с точки зрения его сегодняшнего экономического значения для государства; в основе своей добровольный труд — фактор, развивающий сознание трудящихся более чем что-либо другое. И особенно когда эти трудящиеся работают в местах им непривычных,

например, на рубке тростника, иногда в довольно трудных условиях; или когда наши административные или технические работники знакомятся с полями Кубы и знакомятся с предприятиями нашей индустрии, потому что занимаются на них добровольным трудом, и так устанавливается новое единение и понимание между двумя работниками, которых производственная машина капитализма всегда разделяла и сталкивала друг с другом, потому что это было частью её задачи постоянного разделения трудящихся — ради сохранения многочисленной армии безработных, отчаявшихся людей, готовых драться за кусок хлеба вопреки всем своим долгосрочным интересам, а то и вопреки всем принципам.

Таким образом, добровольный труд становится орудием связи и понимания между нашими административными работниками и работниками физического труда, прокладывая путь к новому этапу развития общества, к тому новому этапу, когда не будет классов и, поэтому не будет существовать никаких различий между работником физического и работником умственного труда, между рабочим и крестьянином.

Поэтому мы отстаиваем его с такой настойчивостью, поэтому мы стараемся быть верными тому принципу, что руководители должны быть примером — как не раз утверждал Фидель.

Мы с товарищем Боррего¹⁾ пришли на это собрание и для того, чтобы получить наши собственные Грамоты. Это не акт ребячества и не акт демагогии, это просто необходимая демонстрация того, что мы, постоянно говорящие о повелительной необходимости создать новое сознание ради развития страны и ради того, чтобы она могла отстоять себя перед лицом огромных трудностей и больших опасностей, угрожающих ей — могли показать наше удостоверение в том, что мы сами сознательны и следуем тому, что говорим, и имеем поэтому право просить у нашего народа несколько больше.

Ведь трудные дни ещё отнюдь не миновали; они не миновали в плане экономики и уж подавно они не миновали в плане угрозы иностранной агрессии. Это дни, по-настоящему трудные, но достойные того, чтобы их прожить.

Весь так называемый слаборазвитый мир, мир эксплуатируемый и зависимый; мир, на который империалисты обрушивают

1) Орlando Боррего (род. в 1937 г.) — ближайший сотрудник и помощник Че в 1959–1965 гг. В 1964 г. — министр сахарной промышленности.

свои кризисы, обрушивают своих магнатов, свои армии грабителей; мир, чьи богатства они выкачивают до последней капли, пробуждается и борется. И эта борьба представляет для нас опасность.

На нас указывают, нас осуждают на заседаниях министерства колоний¹⁾. Но имя Кубы — на устах революционеров целого мира (*аплудисменты*), имя Кубы уже перешагнуло наши границы, уже несколько лет как перешагнуло их. И оно распространяется как пример и надежда не только по Америке, но и по другим регионам мира, о которых прежде наш народ, ввергнутый в эксплуатацию и бескультурие, едва знал.

Но сегодня весь наш народ знает, что существует Вьетнам (*продолжительные аплодисменты*); знает, что эта страна — прежде эксплуатируемая, а сегодня разделённая, — собрав все свои силы, борется против империалистического угнетения; знает, что параллель, которая искусственно делит страну, уже скоро станет только историческим воспоминанием.

И наш народ, который не знал географии и имел лишь смутное понятие о том, что где-то на противоположной стороне земного шара, у пределов Азии, существует французская колония Индокитай, сегодня точно знает обо всех подвигах наших вьетнамских братьев. И там, во Вьетнаме, мы видим, что несколько дней назад героически, как всегда бывает у вьетнамских бойцов, вступил в бой батальон — или бригада — «Плайя-Хирон» (*аплудисменты*); ведь Плайя-Хирон — символ для всех угнетённых народов; Плайя-Хирон — первое поражение империализма в Латинской Америке, но также одно из первых поражений империализма во всемирном масштабе. И народы будут помнить это имя.

И раз это происходит во Вьетнаме, мы гордимся тем, что это имя — для нас уже историческое — стало именем боевой бригады этих героических борцов. Так наше имя и имя нашего Главнокомандующего (*аплудисменты*, возгласы «Фидель, Фидель!») появились в газетах всего мира, и многие простые люди, ввергнутые в невежество годами, веками угнетения, отождествляют — до полного слияния — имена Кубы и Фиделя Кастро. Мы встречали такое много раз во время поездок, в которые нам приходилось отправляться по поручению правительства. И это — опора нашей гордости, это возмещает народу все тяготы блокады, все угрозы вторжения, все трудно-

1) Имеется в виду Организация американских государств.

сти, прибавляющиеся к той, которую представляет трудная сама по себе великая задача строительства социализма. И несмотря ни на что мы движемся вперёд, и движемся всё лучше, независимо от того, что политические ситуации изменчивы и экономическая ситуация развивается не по прямой восходящей линии, тут есть колебания, есть годы получше и похуже, сафры получше и похуже; но независимо от материального и конкретного аспекта каждого данного года наш народ обретает всё более высокий уровень сознания.

И наше дело, дело бойцов производственного фронта — сделать так, чтобы на пути, которым мы идём, сознание развивалось всё больше; сделать это так, чтобы каждый трудящийся был влюблён в свою фабрику, но и чтобы каждый трудящийся знал, что если цена сохранения его фабрики, его работы и самой жизни его и его детей будет состоять в том, чтобы стать на колени, то эту цену народ Кубы никогда заплатить не сможет. (*Аплодисменты*).

Мы пришли сюда отпраздновать акт вручения Грамот за коммунистический труд, труд мирный, труд созидательный, и я не знаю, какой механизм мышления тут же возвращает нас к выстрелам, к борьбе, к решимости стоять непоколебимо, что бы ни случилось. (*Аплодисменты*). Дело в том, что одно тесно связано с другим, что именно наша борьба позволяет нам сегодня жить в мире и созидать, и наше стремление — максимум мира, полный мир, мир для всех народов, которые оставили позади систему эксплуатации и перешли к высшим этапам развития общества. Но если кто-то противится тому, чтобы кубинская действительность повторилась у других народов Земли, то позволительно на время отказаться от мира и завоевать мир оружием. (*Аплодисменты*).

Это и делают вьетнамские товарищи, это они делают день за днём, какие бы провокации ни совершались, сколько бы ни вторгались в их небо самолёты янки, сколько бы ни нападали на их корабли, как бы ни пытались безжалостными бомбёжками разрушить их экономику. Это уже не борьба деспота-гиганта против беззащитного, теперь не начало нынешнего века и не конец прошлого, когда один вид жерл орудий янки внушал уважение и менял правительства. Теперь силы народа дают отпор. Что-то в экономике Вьетнама может быть на какое-то время разрушено; мы это знаем; мы знаем, что однажды может случиться, что подобная атака, подготовленная подобной провокацией, может обрушиться и на нашу территорию. Ну и что? За право высоко держать наше знамя, за право строите

социализм по воле нашего народа можно заплатить любую цену. (Аплодисменты)!

Я бы хотел спросить вас, товарищи: кто из нас, находящихся здесь, может с большим правом удостоиться Грамоты за коммунистический труд... (голоса из зала: «Фидель!») — я сказал: из нас, находящихся здесь, — чем трудящийся, который провёл многие годы в горах своей родной земли, видел, как его товарищи даже умирали от голода, и боролся день за днём, каждую минуту... В то время он не умел ни читать, ни писать, прожил годы в голоде и нищете, видя воочию, как империализм, колониализм разрушали то небольшое, что удавалось создать; как гибли его родные, одни от голода, другие от вражеских очередей. Многие из вас читали эту историю. Вот почему созидательный коммунистический труд тесно связан с коммунистической верой и решимостью создать лучший мир и преодолеть все преграды. И нет среди нас никого, кто по справедливости заслужил бы эту грамоту больше, чем товарищ Ноуп¹⁾, достойно представляющий здесь свой народ. (Аплодисменты, возгласы: «Куба, Вьетнам, объединённые, победят!»).

Ладно, товарищи, поговорим немного о значении дела, итоги которого я здесь подвожу, с цифрами в руках. Всего отработано 1 миллион 683 тысячи часов. Разделив эти часы на восемь часов нормального рабочего дня, получаем, что отработано 21 тысяча 37 дней; это значит — много лет труда, выполненного добровольно.

Вот вам ещё пример того, что может сделать человек, тот человек, который действительно может срезать колосья с любовью и благоговением. Мы анализировали рекордное время товарища Арнета, и поскольку пока ещё — да, пока ещё, и надолго — нам всем свойственно некоторое недоверие, мы начали делать подсчёты.

Тысячу шестьсот семь часов разделить на восемь рабочих часов — получается двести рабочих дней. В шести месяцах 182 рабочих дня. Выходит, этот товарищ ежедневно отработывал гораздо больше одного (восьмичасового) рабочего дня сверхурочно; тогда мы решили провести проверку. Проверка подтвердила абсолютную честность товарища Арнета; но кроме того — хотя он, кажется, немного недоволен, ведь он говорил, что работает ради Революции, а не ради награды, и для него не важно, столько-то часов или больше, он

1) Вьетнамский партизан, в августе 1964 г. посетивший Кубу в составе делегации Фронта национального освобождения Южного Вьетнама.

просто посвящает эти часы Революции, — он, например, уже несколько лет все отпуска работает здесь же, на предприятии. Кроме того, накопив познания в самых разных областях — ведь у него за плечами уже сколько годков? сколько? сорок девять! — в часы добровольного труда он работает плотником, электриком, водопроводчиком, механиком, маляром. Кроме того, мне очень приятно видеть, что товарищ Арнет человек моего склада — из тех, кому просто больно зря тратить хоть сентаво. (Смех, аплодисменты).

Вот послушайте, что говорится об этом в докладе проверявших: «Он сложил стены и установил сантехнику в двух туалетах и душевой, сам всё покрасил, и во избежание расходов, которые счёл излишними, не стал брать напрокат строительные леса, а соорудил их сам, используя как опоры бобины от бумаги, на которые положил сверху две доски, на них поставил стол, а на него — лесенку; встав на неё, он мог кистью, привязанной к палке, дотянуться до самого верха стены». (Аплодисменты).

И в этом же духе — вся история тысячи шестисот часов, которые отработал товарищ Арнет.

Мы знаем — и притом знаем по собственному опыту, — что уже двести сорок часов в полгода отработать нелегко, и мы не можем надеяться, что все товарищи дадут такую выработку, хотя у некоторых тоже набирается около тысячи, вот товарищ электрик, товарищ Мануэль Фумеро (аплодисменты), отработал девятьсот один час; но мы хотим, чтобы это служило примером, зажигало энтузиазмом всё больше людей, и чтобы всё больше людей участвовало в добровольном труде.

Еще раз повторю: нам важен не экономический эффект достигнутого; в конце концов всё, чего тут можно достичь в экономическом плане — снижение себестоимости, повышение рентабельности, — всё это только для того, чтобы больше распределить среди вас, среди народа вообще; никому не причитается ни на сентаво больше, чем другому, за то, что он трудится добровольно и отдаёт это усилие коллективу.

Но мы хотим, чтобы усилия регулировались, чтобы побольше людей, которые не могут достичь рубежа в двести сорок часов — это ведь целый месяц нормального восьмичасового труда за полугодие, — тоже могли участвовать в добровольном труде, чтобы движение ширилось, чтобы в каждой отрасли росло количество отработанных часов на человека. Ради чего? Повторю: чтобы каждый обрёл

более высокое сознание. Ясно, что это дело, полезное для производства своими непосредственными результатами, но также тем, что оно значит как пример, как развитие сознания.

Вот и товарищ Арнет — сошлюсь на него ещё раз — похвастался, что на фабрике, где он работает, уже несколько месяцев нет прогулов. К тому же чистота и порядок на этой фабрике образцовые; она совсем небольшая. Теперь товарищ Арнет, по укоренившейся у нас дурной привычке, недавно назначен начальником цеха: мы сняли замечательного товарища с производства и отняли у него несколько часов на то, чтобы он руководил цехом. Я говорю — укоренившаяся дурная привычка, потому что задача руководства — это конкретная задача, которую надо как следует анализировать и которая не всегда соответствует духу, образу действий, личным склонностям трудящегося-передовика, и есть прекрасные работники, из которых может не выйти хороших администраторов, поскольку это разные задачи: физический труд конкретен, труд руководителя абстрактен. Но, разумеется, о заслугах не спорят; нам важно только одно — чтобы товарищ Арнет и дальше всегда давал другим товарищам импульс к совершенствованию. Товарищ электрик уже сказал мне, что в этом полугодии «потягается» с Арнетом; уж не знаю, не снизит ли Арнет немного темп, сделавшись администратором, но у него уже есть достойный соперник.

А соревнование такого типа ведётся как игра; пусть работа идёт лучше, пусть всё шире становится круг трудящихся, участвующих в общественном строительстве сознательно, ведь каждый отданный ими час труда — сознательный час; другие рабочие часы включаются в механизм устоявшихся общественных отношений и потому это часы более или менее «бессознательные».

Поэтому мы обсуждали с некоторыми министерствами необходимость дать этому делу импульс — конечно, в добровольном порядке, если они согласны. Мы встречались с товарищем Боррего из Министерства сахарной промышленности; с товарищем Ябуром из Министерства юстиции, специально относительно участия в физическом труде, ведь это уже полная связь непроизводительного труда, труда в секторе услуг, умственного труда с трудом производительным. И под началом КТК¹⁾, которая всё это направляла и возглавляла, мы вчетвером приняли совместное коммюнике.

1) КТК — Конфедерация трудящихся Кубы, единый профцентр страны.

В этом коммюнике среди прочего содержится призыв к организациям, которые захотят этого, принять участие в том, что может стать соревнованием или превратиться в соревнование между организациями. Товарищ Боррего, как неблагодарный отпрыск Министерства промышленности¹⁾, уже бросает вызов своим родителям и создаёт у себя батальоны добровольцев, это — настоящий вызов.

Коммюнике гласит:
«О добровольном труде.

Первое. При социализме непрерывный рост производства материальных благ обеспечивает максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей общества, и для этого требуется, чтобы трудящиеся участвовали в нем с энтузиазмом и решимостью.

Второе. Добровольный труд — это подлинное выражение коммунистического отношения к труду в обществе, где основные средства производства находятся в общественной собственности; это — пример людей, которые привержены делу пролетариев и подчиняют этому делу свое время досуга и отдыха, чтобы самоотверженно выполнять задачи Революции.

Добровольный труд — это творческая школа сознания, это усилие, совершаемое в обществе и для общества как индивидуальный и коллективный вклад; он формирует то высокое сознание, которое позволяет нам ускорить процесс перехода к коммунизму.

С целью организации добровольного труда в национальном масштабе в организациях, подписавших это Совместное коммюнике, и участия в нем всех их работников, а также для обеспечения выполнения достигнутых соглашений и для того, чтобы призвать всех трудящихся нации вступать по всему острову в Красные батальоны добровольного труда, упомянутые организации вносят следующее предложение:

Уже образованным Красным батальонам и тем, что будут сформированы в дальнейшем, основываясь на накопленном за год, в целом положительном, опыте добровольного труда в Красных батальонах, принять свои уставы в соответствии со следующими основными принципами:

О добровольном труде. Добровольным является труд, осуществляемый вне обычного рабочего времени без дополнительного

1) Министерство сахарной промышленности было выделено из Министерства промышленности.

экономического возмещения. Он может осуществляться внутри или вне своей организации.

О батальонах. Состав батальона будет следующим: начальник, отвечающий за все бригады, начальники бригад по числу бригад в батальоне; число членов каждой бригады будет определяться характером предстоящего труда или организации батальона.

Категории членов. Будут существовать три категории: передовики — те, у кого набирается 240 или больше часов за полугодие; отличившиеся — те, у кого набирается 160 часов за полугодие; рядовые члены — те, кто отработал минимум 80 часов.

Об организации труда. Хорошая организация добровольного труда — основное условие развития этой деятельности; в этом плане должны учитываться следующие аспекты: труд на производстве, промышленный или сельскохозяйственный; неоплачиваемый труд по обучению в сфере образования; технический труд. Категория «технического труда» будет присваиваться бригаде технических специалистов, создаваемой на определенное время для выполнения конкретной задачи.

О соревновании батальонов и контроле. Каждый батальон совместно со своим профсоюзом будет определять индивидуальных или коллективных победителей в соревновании как внутри своего батальона, так и между различными батальонами.

Для оценки труда батальона, а также его вклада в развитие социалистического общества будет осуществляться строжайший контроль за результатами выполненного труда.

Об отличиях. Передовикам будет вручаться Грамота за коммунистический труд, подписанная министром отрасли и генеральным секретарем Революционной КТК и заверенная особой печатью. Отличившимся будет вручаться грамота, удостоверяющая их отличие, за теми же подписями. Рядовым членам батальона тоже будет вручаться грамота, свидетельствующая об их результате. Все эти знаки отличия будут вручаться по итогам каждого отработанного полугодия.

Об уставах батальонов. Каждый батальон выработает совместно со своим профсоюзом устав, которого он должен будет придерживаться, охватывающий следующие вопросы: а) форма вступления; б) обязанности ответственных и членов батальонов; в) дисциплинарные нормы; г) качество работ; д) обнародование результатов труда.

Устав подлежит утверждению Революционной Конфедерацией Трудящихся Кубы с целью его оформления и с тем, чтобы все уставы были более или менее единообразны».

И, наконец, заключительная фраза типа той, которой кончается Гаванская декларация: «с одобрения нынешней Генеральной ассамблеи участников добровольного труда в помещении Театра нашего Профцентра трудящихся Кубы пятнадцатого августа тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года настоящий документ подписали следующие организации: Министерство промышленности, Министерство сахарной промышленности, Министерство юстиции, Революционный профцентр трудящихся Кубы.»

Вы с этим согласны? (*Аплодисменты, крики «Да!»*).

Предупреждаю, товарищи: категории отличившегося и рядового вводятся для новых товарищей, вступающих в батальон или включающихся в добровольный труд, а не для того, чтобы вы расслаблялись и теряли категорию. Вам, всем нам, надо оставаться передовиками. У нас уже есть соответствующие Грамоты, и нам надо и дальше получать их по возможности каждое полугодие.

Ладно: мы приобрели большой опыт, увидели большие возможности развития этого типа труда; но мы видели и то, как отсутствие заинтересованности, отсутствие понимания проблемы идёт во вред работе.

Отрасль легкого машиностроения положила начало этому типу труда, проявила эту инициативу больше года назад; и теперь отрасль снова выходит победительницей. Кроме того, на одном предприятии этой отрасли, фабрике рекуперации сырья (*аплодисменты*), за полугодие набирается по 47 часов на человека. Иначе говоря, если мы разделим общее число отработанных часов на количество всех занятых на предприятии людей, получится, что каждый отработал добровольно по 47 часов. Конечно, это не так, ведь многие и совсем не работают, а другие работают гораздо больше, но эти средние цифры очень интересны, они, естественно, гораздо выше, чем на всех других предприятиях.

А теперь об отрицательной стороне всего этого, об отрицательном аспекте. Например, есть предприятия и учреждения, где не получено ни одной Коммунистической грамоты за добровольный труд. И к этому имеют прямое отношение — осмелюсь так выразиться — директора предприятий. В некоторых особых случаях есть проблемы с сырьём, очень серьезные проблемы, производство на этих

предприятиях очень ограничено; но одно наше предприятие состоит из целой кучи фабрик, всегда какая-нибудь одна может работать, в том числе на основе добровольного труда, — хотя бы покрасить фабрику, навести на ней чистоту, да мало ли что.

Это нам здесь, из-за недостаточного внимания к труду, может казаться, что рабочие этих предприятий не заинтересованы, но проблема не в этом. Проблема в том, что их не мобилизовали по-настоящему.

Директору предприятия, с одной стороны, и профсоюзу — с другой надо как следует подготовиться, чтобы донести до массы все указания, весь энтузиазм, чтобы зажечь огонь добровольного труда.

Вот эти предприятия: машиностроительное, автомобильное, металлопрокатное металлургической отрасли... Тут был Агапито, и он говорил — где Агапито? — что привлек кучу народа; за ним — три предприятия этой отрасли.

Никого не представили ни Объединённое горнорудное предприятие, ни Институт технологических исследований по машиностроению, ни Исследовательский институт горной, металлургической и химической промышленности.

Только одна Провинциальная делегация (от Матансаса) получила Коммунистическую грамоту за добровольный труд, и то всего на одного трудящегося.

Из тех, кто их получил, меньше всех у Объединённого предприятия основной химии: один-единственный товарищ, и это — работник администрации.

Общее число трудящихся Министерства промышленности, получивших Грамоты за добровольный труд, равнялось тысяче двум; вначале было девятьсот с чем-то, под конец прибавилось ещё.

Таковы некоторые отрицательные явления — потому, что хоть это и добровольный труд и он выражает энтузиазм людей, но без контроля мы не можем строить социализм, и добровольный труд тоже надо хорошо контролировать, не бюрократически, но контролировать хорошо.

Мы надеемся, что в предстоящем полугодии будет сформировано много Красных батальонов, и хоть в это время нет сафры, на которой можно работать и накапливать часы добровольного труда, но в будущем полугодии участников добровольного труда, отработавших по 240 часов и получивших Грамоту за коммунистический труд, станет больше.

Мы понимаем, что при такой организации можно будет совершенствовать вовлечение в добровольный труд новых товарищей. Таким образом мы сможем всё больше расширять нашу базу. Я уже не раз за сегодняшний вечер повторял: самая большая необходимость для нас — расширять добровольный труд ради его воспитательных целей, а мы тем временем будем продолжать решение всего объёма наших задач, и прежде всего крайне трудной задачи добиться выполнения производственных планов; тут мы всегда сталкиваемся с огромным числом проблем. В истории Министерства промышленности был пока только один месяц, когда по всему министерству удалось выполнить производственный план на сто процентов. (*Аплодисменты*).

Чему вы аплодируете? Выполнили план за один-единственный месяц и аплодируют. А что было бы, если бы выполняли план каждый месяц!

Ну, ладно; вот что интересно: этот месяц, план которого был выполнен, был прошлым месяцем, июлем, то есть месяцем, когда проводилась мобилизация ради достижения поставленных целей, и все налегли на работу.

Как-то раз мы уже говорили, что необходимо создать в трудящихся творческий дух, чтобы они помогали техническим специалистам и специалистам-управленцам улучшить качество труда, чтобы извлечь то огромное потенциальное богатство, которое лежит иногда в наших недрах, а иногда на наших складах, и с которым мы не можем справиться из-за недостатка сырья, из-за недостатка адекватной технологии, из-за недостатка организации, что не позволяет нам полностью выполнить наши задачи. Конечно, существует империалистическая блокада, и она просуществует ещё какое-то время, пока они не устанут или пока не произойдёт чего-то ещё. Но это может служить нам только новым стимулом к нашему труду, побуждающим нас создавать свою собственную базу, свои запчасти, свою технологию и всё меньше зависеть от капиталистических стран, на которые мы не очень-то можем полагаться, — ведь они всегда подвержены сильнейшему политическому нажиму и постоянно изменяют своим обязательствам.

Всего несколько дней назад вы видели, что правительство Чили, раньше голосовавшее против ОАГ, из-за давления США или, быть может, из-за внутренних политических маневров — в конце концов оно хоть и проводило юридически корректную линию, но

является правительством буржуазии, — порвало с нами. Следовательно, и оно тоже присоединяется к блокаде, объявленной Кубе империализмом.

То же самое может произойти с любой другой страной. Поэтому мы должны иметь очень прочную собственную базу, которая позволила бы нам, максимально используя мировую торговлю, никогда не зависеть от неё; иначе говоря, основу, которая позволила бы нам, например, иметь отношения со всеми странами, с которыми мы имеем отношения сегодня, и расширять их, но так, чтобы это никак не затрагивало — ни в коем случае — проблемы сознания, проблему принципов Революции.

Не так давно французское правительство было очень раздражено нами потому, что мы поддерживали Алжир. Мы признали алжирское повстанческое правительство. В тот момент Франция в какой-то форме примкнула к империалистической блокаде. Позже со стороны того же французского правительства было проявлено большее понимание. Алжир освободился; историческая судьба вела его к освобождению, не могло быть другого решения, кроме освобождения Алжира, и все попытки воспротивиться этому только принесли бы бедствия героическому народу и погнали бы многих французских солдат на бойню. Проблема была урегулирована лучшим из возможных способов. Сегодня Алжир и Франция поддерживают добрые отношения друг с другом, и мы поддерживаем как нельзя лучшие отношения с братским народом Алжира и также добрые отношения с Францией. (*Аплодисменты*).

Но мы должны быть готовы к тому, чтобы не зависеть от добрых отношений ни с кем. И для этого надо учиться, надо готовить себя, потому что без передовой технологической базы никакие усилия — какими бы огромными они ни были, какими бы героически они ни были — не позволят нам идти вперёд достаточно быстро.

И, как всегда, надо держаться лозунга, который уже некоторое время является лозунгом молодых коммунистов: «Учёба, труд и винтовка». (*Аплодисменты*). Это значит — держать всегда, как три знамени, этот лозунг из трех слов, поскольку постоянно важны все три. И чтобы отстоять наше право жить и говорить авторитетно как революционной стране, нам необходимы все три: труд, направленный на строительство социализма; учёба, чтобы всё больше углублять наши знания и нашу способность действовать; и, конечно, винтовка, чтобы защищать Революцию. (*Аплодисменты*).

Не важно, что теперь такие времена, когда дуют лихие ветры, когда каждый день возникают новые угрозы, когда против нашего и других народов мира развязывают пиратские атаки; пусть нам угрожают выбором между Джонсоном и Голдуотером (*свист*) — двумя сапогами из одной пары; пусть империализм с каждым днём становится всё агрессивнее — народы, решившиеся бороться за свою свободу и отстоять обретенную свободу, не могут позволить запугать себя этим. И вместе мы построим новую жизнь, вместе — потому что мы вместе — мы здесь, на Кубе; Советский Союз или Китайская Народная Республика там, и на юге Азии — борющийся Вьетнам. (*Аплодисменты*).

В нашей части света империалистическая агрессия нарастает уже давно; но стоит задуматься над тем, что у них есть на то основания. У них есть основания потому, что им очень трудно соперничать со стремлением народов к освобождению. Они пытаются потопить в крови всякое освободительное движение; однако здесь, в Америке, сегодня есть по крайней мере два упрочившихся движения, которые ведут борьбу и наносят империализму поражение за поражением; это — движения народов Гватемалы и Венесуэлы. (*Аплодисменты*).

А что происходит в Африке? В Африке, где какую-нибудь пару лет назад был убит и растерзан премьер-министр Конго, где обосновались североамериканские монополии и началась борьба за обладание Конго. Почему? Потому, что там есть медь, потому, что там есть радиоактивные руды, потому, что Конго хранит в своих недрах исключительные богатства стратегического значения. Поэтому они убили руководителя её народа, который имел наивность верить в право, не отдавая себе отчёта в том, что право должно быть подкреплено силой. Так он стал мучеником своего народа.

Но народ подхватил его знамя. И сегодня североамериканские войска должны отправиться в Конго. Зачем? Чтобы ввязаться в ещё один Вьетнам: неминуемо потерпеть ещё одно поражение; сколько бы времени ни прошло, но поражение наступит. И народ Африки, народ срединной страны Африки, сегодня занимает большие пространства территории — там огромная территория — и готовится к борьбе, которая будет долгой, но завершится победоносно.

Так же будет и на северо-западе Африки, в маленькой стране, которую очень редко упоминают в новостях, — её называют Порту-

гальской Гвинеей, однако больше половины этой территории уже контролируется Силами Освобождения Гвинеи (*аплодисменты*), и она неминуемо освободится, как освободится Ангола, как освобожден был однажды Занзибар, о котором империалисты говорили, будто там это кубинские войска там действовали; на самом деле Занзибар — наш друг, мы тоже оказали ему нашу скромную помощь, нашу революционную помощь, в тот момент, когда было необходимо её оказать. И в Азии Лаос и Вьетнам тоже борются за свое освобождение, и тоже навлекают на себя агрессию североамериканского империализма.

Везде, где народы освобождаются, империализм тут как тут. Это не должно нас пугать. Если они совершат ошибку, это может иметь тяжёлые для мира последствия, но мы не можем позволить запугать себя возможностью того, что они совершат ошибку. Если они совершат ошибку, погибнут миллионы людей во всех частях света; но ответственность ляжет на них, и их народ тоже пострадает. И когда я говорю «их народ», я думаю сейчас о тех, кого руководители Северной Америки могут считать своим народом, — о немногочисленной элите, которая их окружает и которая тоже испытывает на себе последствия атомной войны.

Нас это не должно беспокоить. Нас не должно беспокоить, Джонсон будет или Голдуотер; нас не должны беспокоить действия врага, разве что в той мере, в какой они означают общую угрозу миру во всём мире, нас вместе со всеми народами мира могут беспокоить эти угрозы. Но мы как страна знаем, что за нами великая сила всех стран мира, которые составляют социалистический блок, и народов, борющихся за свое освобождение (*аплодисменты*), и сила и сплочённость нашего народа, да, сила и сплочённость нашего народа, его решимость бороться до последнего мужчины, до последней женщины, до последнего человека, способного держать оружие.

Эта готовность нашего народа даёт империализму понять, что с нами — несмотря на то, что мы невелики и у нас немного физических сил для своей защиты — шутить не стоит.

И хотя мы можем гордиться тем, чем мы являемся для освободительных движений мира, нам не надо впадать в непомерное тщеславие и не полагаться на свои силы сверх меры; надо уметь точно рассчитывать свои реальные силы и никогда не позволять себя спровоцировать.

Надо поступать так, как на днях советовал Фидель: сохранять холодную голову, так, чтобы налицо были мужество и разум, но чтобы ни одно из этих двух качеств не превосходило другое, чтобы они шли рука об руку. Так мы сумеем и дальше удерживать и укреплять свою позицию, позицию страны, которая говорит с миром собственным голосом и которой есть что сказать миру; страны, которая входит в великое братство социалистических стран, провозглашает это с гордостью, и провозглашает с гордостью, что говорит здесь, по-испански, в 150 километрах от североамериканских пляжей, как первая страна, строящая социализм в Америке. (*Аплодисменты*).

И для вас, товарищи, для вас, составляющих авангард авангарда, для всех, кто на трудовом фронте проявляет дух самопожертвования, коммунистический дух, ваше новое отношение к жизни, всегда должны оставаться в силе слова Фиделя, которые вы начертали на одном из ярусов этого зала: «Сумеем стать на производстве теми же, кем были в часы смертельной опасности: сумеем трудиться под девизом «Родина или смерть!» (*Овация*).

Выступление на Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций по праву предоставления слова для возражения

11 декабря 1964 года

Прошу извинения за то, что во второй раз вынужден занять эту трибуну. Делаю это, пользуясь правом на возражение...

Мы ответим на каждое — одно за другим — утверждение тех делегатов, которые оспаривали выступление Кубы, и ответим примерно в том же духе, в каком эти утверждения были сделаны.

Начну с ответа делегату от Коста-Рики, который выразил сожаление по поводу того, что Куба позволила себе «бурно реагировать на выдумки сенсационалистской прессы», и заявил, что его правительство сразу же предприняло ряд мер по проверке, когда независимая пресса Коста-Рики, «весьма отличная от рабской прессы Кубы», обнародовала некоторые разоблачения.

Быть может, делегат от Коста-Рики прав. Мы действительно не можем делать категорические заявления, основываясь на репортажах, которые империалистическая пресса, особенно пресса Соединённых Штатов, посвятила кубинским контрреволюционерам. Но если Артима и являлся командиром провалившегося вторжения на Плайя-Хирон, то был он им с некоторым перерывом, так как командовал он до тех пор, пока не высадился на кубинское побережье и понёс первые потери — и после того как вернулся в Соединённые Штаты. В перерыве же он, как и большинство участников той «героической освободительной экспедиции», был поваром и санитаром, потому что именно в качестве таковых прибыли на Кубу все её попавшие в плен освободители — во всяком случае, согласно их утверждениям...

Ставший теперь снова их вожаком Артима возмущён обвинениями в его адрес. Какими же? Оказывается — в контрабанде виски. Он доказывает, что на его базах в Коста-Рике и Никарагуа не занимаются контрабандой виски, там идёт лишь «подготовка революционеров к освобождению Кубы». Эти заявления были сделаны агентствами новостей и облетели весь мир.

В Коста-Рике это обличалось неоднократно. Коста-риканские патриоты сообщили нам о существовании баз контрреволюционеров в Тортугерасе и прилегающих зонах, и правительству Коста-Рики должно быть хорошо известно, правда это или нет. Мы абсолютно уверены в достоверности этой информации, как уверены и в том, что господин Артима наряду со своими многочисленными «революционными» занятиями имел достаточно времени и для контрабанды виски — вполне естественного занятия для того сорта освободителей, которых защищает, пусть и без лишнего пыла правительство Коста-Рики.

Мы снова и снова утверждаем, что революции не экспортируются. Революции рождаются в гуще народа. Революции вызываются эксплуатацией, которой правительства — такие, как правительства Коста-Рики, Никарагуа, Панама или Венесуэлы — подвергают свои народы. Затем уже освободительным движениям может оказываться — или не оказываться — помощь, в первую очередь моральная поддержка. Но реальность такова, что революции не могут экспортироваться.

Мы говорим это не для того, чтобы оправдаться перед Ассамблеей; мы просто напоминаем о факте, давно известном науке. Поэтому ничем хорошим не было бы пытаться экспортировать революцию, и особенно, естественно, в Коста-Рику, где, отметим справедливости ради, существует режим, с которым у нас нет никаких общих дел и который не принадлежит к числу тех, что отличаются своим прямым и всеобщим подавлением народа.

Что до Никарагуа, то хотел бы сказать представителю этой страны, что я не понял в точности его намеки по поводу произношения: думаю, что он имел в виду Кубу, Аргентину и, возможно, Советский Союз. В любом случае я надеюсь, что представитель Никарагуа не обнаружил в моём выступлении североамериканского акцента — вот это действительно было бы опасно. В самом деле, вполне возможно, что в моей речи проскальзывали иногда произношение и обороты, характерные для Аргентины. Я родился в Аргентине, и это ни для кого не секрет. Я кубинец, а также аргентинец и, если сиятельные господа из Латинской Америки не обидятся, я ощущаю себя патриотом и Латинской Америки в целом, и любой отдельной её страны не в меньшей мере, чем кто-либо другой. И, если когда-нибудь понадобится, я готов отдать свою жизнь за освобождение любой страны Латинской Америки, ничего ни у кого не прося взамен, ничего не требуя и нико-

го не эксплуатируя. И готовность эта свойственна не только выступающему в данный момент перед Ассамблеей, но и всему народу Кубы.¹⁾ Весь народ Кубы дрожит от негодования всякий раз, когда совершается несправедливость не только в Латинской Америке, но и в любой стране мира. Мы можем повторить то, что столько раз говорили о прекрасном афоризме Марти: каждый настоящий человек должен ощущать на своей щеке удар, нанесённый по щеке любого другого человека. И таково ощущение всего народа Кубы, господа представители.

Если представитель Никарагуа желает осуществить небольшую ревизию своей географической карты или воочию увидеть труднодоступные места, он может также поехать из Пуэрто-Кабесас, откуда (как я думаю, он не станет этого отрицать) отправлялась часть, значительная часть или даже вся экспедиция на Плайя-Хирон, в Блу-Филдз или Манки-Пойнт, который, как мне кажется, должен был бы называться Пунто-Моно²⁾, но я не знаю, по какому такому странному историческому совпадению, находясь в Никарагуа, он называется Манки-Пойнт. Там он сможет найти кое-каких кубинских контрреволюционеров или революционеров, в зависимости от того, как вам, господа представители Никарагуа, сподручнее их называть. Там их много, и они всех мастей. Там также много виски, не знаю, доставленного ли контрабандой или ввезённого легально. Мы осведомлены о существовании этих баз. И, естественно, мы не станем требовать, чтобы ОАГ провела расследование, есть ли они там или нет. Нам слишком хорошо знакома коллективная слепота ОАГ, чтобы обращаться со столь абсурдной просьбой.

Говорят, что мы признали факт обладания атомным оружием. У нас такого оружия нет. Я думаю, что это была маленькая ошибка представителя Никарагуа. Мы лишь защищали свое право иметь такое оружие, которое смогли бы получить для собственной защиты, и отвергали право какой бы то ни было страны определять, какой тип оружия мы должны иметь.

Представитель Панамы, любезно назвавший меня Че,— как меня называет народ Кубы, начал выступление, говоря о Мексикан-

-
- 1) Вариант: «И в таком расположении духа находится не только временно представляющий народ Кубы перед этой Ассамблеей, но весь этот народ».
 - 2) Манки-Пойнт (англ.), Пунто-Моно (исп.) — Обезьяний мыс.

ской революции. Делегация Кубы говорила о бойне, учинённой североамериканцами против народа Панама¹⁾, а делегация Панама как начала с Мексиканской революции, так и продолжала в том же стиле, даже не упомянув о той бойне, из-за которой правительство Панама разорвало отношения с Соединёнными Штатами. Быть может, на языке капитулянтской политики это называется тактикой, но на языке революции это, господа, называется гнусностью — отвечаю за каждую букву этого слова. Эта делегация сослалась на вторжение 1959 года, когда группа авантюристов во главе с «барбудо из кафе», который никогда не был в Сьерра-Маэстре, а сейчас находится в Майами или на какой-нибудь военной базе США, сумел сагитировать группу молодёжи и учинить ту авантюру, о которой шла речь. Чтобы ликвидировать её, люди из кубинского правительства трудились вместе с правительством Панама. Правда, что группа эта отплыла из кубинского порта, но правда и то, что в тот момент мы дружески обсуждали с правительством Панама эту проблему.

Из всех прозвучавших здесь выступлений против Кубы самым непростительным во всех отношениях мне представляется именно выступление делегации Панама. У нас не было ни малейшего намерения обидеть её или *правительство* Панама. Но правда и то, что у нас не было ни малейшего намерения защищать правительство Панама. Мы хотели защитить *народ* Панама, обличая действия США перед Объединёнными Нациями, раз уж правительство страны не имеет мужества и достоинства, чтобы поставить здесь эту проблему, назвав вещи своими именами. Мы не хотели ни оскорблять правительство Панама, ни защищать его. Наши симпатии обращены к братскому народу Панама, который мы попытались защитить, обличая его врагов.

Среди утверждений представителя Панама есть одно, представляющее особый интерес. Он сказал, что, несмотря на бравады кубинцев, на их территории всё ещё находится база США! Правда, в своём выступлении, которое ещё свежо в памяти представителей, он вынужден был признать, что мы предали огласке свыше 11 300 всевозможных провокаций с этой базы от совсем мелких до выстрелов из огнестрельного оружия. Мы объяснили, насколько не желает Куба дать себя спровоцировать, потому что хорошо представляет себе

1) Речь идет о расстреле морскими пехотинцами США студенческой демонстрации (в зоне канала) в январе 1964 г.

последствия этого для нашего народа; мы ставили вопрос о базе в Гуантанамо на всех международных конференциях и всегда отстаивали право народа Кубы вернуть себе эту базу мирными средствами. Мы никогда не выступали с бравадами, господин представитель Панамы, потому что люди, готовые умереть, защищая свое дело, руководители народа, также готовые умереть за это, попросту не нуждаются в бравадах. Мы не бравировали на Плайя-Хирон, мы не бравировали, когда имел место Октябрьский кризис, когда весь народ оказался перед перспективой атомного гриба, которым североамериканцы угрожали нашему острову, и весь народ пошёл в окопы, пошёл на предприятия, чтобы наращивать производство. Не было сделано ни шагу назад, не было ни единого стоны и жалобы, тысячи и тысячи людей, не входивших в народную милицию, добровольно влились в её ряды, когда североамериканский империализм угрожал сбросить бомбу или несколько атомных бомб на Кубу. Такова наша страна. И такой стране, чьи руководители и чей народ — я могу заявить это с высоко поднятой головой — не испытывают ни малейшего страха перед лицом смерти и прекрасно осознают ответственность за свои действия, совершенно чужды бравады. Именно так, господин представитель Панамы: борьба на смерть, если это станет необходимым, и вместе со своим правительством на смерть будет бороться весь народ Кубы, если он подвергнется агрессии.

Господин представитель Колумбии заявил в умеренном тоне — и я тоже должен сменить интонацию, — что здесь прозвучало два неверных заявления: одно из них касается интервенции янки в 1948 году в связи с убийством Хорхе Элизера Гайтана¹⁾; и по тону выступления господина представителя Колумбии чувствуется, что он очень жалеет о той смерти, глубоко ею опечален.

Но я в своём выступлении говорил о другой, состоявшейся раньше интервенции, о которой, возможно, господин представитель Колумбии забыл, о североамериканской интервенции, результатом которой стало отделение Панамы. После этого он заявил, что в Колумбии нет освободительной борьбы, потому что там нечего

1) Х.Э. Гайтан — руководитель левого крыла «полуправящей» Либеральной Партии, исключительно популярный в массах. С его убийства и народного восстания в столице (Bogotazo), которое стало ответом на это убийство, началась длящаяся уже более полувека гражданская война в Колумбии.

освобождать. В Колумбии, где о представительной демократии говорят с такой непринуждённостью как о чём-то само собой разумеющемся и где существует только две партии, которые в течение многих лет, в соответствии с фантастической демократией, делят власть пополам, мы можем сказать, что колумбийская олигархия достигла высшей точки развития демократии. Эта олигархия делится на либералов и консерваторов, консерваторов и либералов четыре года у власти одни, четыре — другие. И ничего не меняется.

Таковы избирательные демократии, такова представительная демократия, которую защищает — и, похоже, с большим энтузиазмом — господин представитель Колумбии. И это в стране, где, утверждают, погибло 200 000 или 300 000 человек в результате гражданской войны, захлестнувшей Колумбию после смерти Гайтана. И тем не менее говорится, что освобождать нечего. Наверное, не за кого мстить, нет тысяч убитых, ждущих отмщения, не было вооружённых сил, истребляющих народ, и в стране не та самая армия, которая занимается этим с 1948 года. Либо то, что там происходит, она в чём-то изменила, либо её генералы теперь другие, либо её командование теперь иное или оно подчиняется теперь другому классу, а не тому, что истреблял народ в течение четырёх лет длительной войны и продолжал непрерывно истреблять его ещё в течение ряда лет. И говорят, что нечего освобождать.

Неужели господин представитель Колумбии не помнит о том, что в Маркеталии имеются силы, которые сами колумбийские газеты называют «Независимой Республикой Маркеталия», и что одному из её руководителей дали кличку «Точный Выстрел»¹⁾, дабы превратить его в вульгарного бандита? И неужели он не знает, что там была проведена крупная операция, в которой участвовало 16 000 солдат колумбийской армии, с советниками из числа североамериканских военных и использованием такой техники, как вертолёты и, возможно, хотя я не могу это утверждать это с уверенностью — самолёты североамериканской армии? Похоже, господин представитель Колумбии, находясь вдалеке от своей страны, плохо информирован или же страдает провалами памяти. Кроме того, господин представитель Ко-

1) «Тіофі́жо» — Мануэль Маруланда, старейший (в течение более 40 лет) лидер партизанской борьбы в регионе, руководитель ФАРК — Революционных Вооружённых Сил Колумбии. И само прозвище его давно уже лишилось криминального оттенка.

лумбии с полной беззастенчивостью объявил, что, если бы Куба оставалась на орбите других американских государств, то всё было бы по-другому. Мы не очень хорошо понимаем, какую именно орбиту он имеет в виду; но в любом случае на орбите находятся спутники¹⁾, а мы не являемся спутниками. Мы находимся не на чьей-либо орбите, а за пределами орбиты. Конечно, всё было по-другому, если бы мы представили здесь слащавый текст на нескольких страничках куда более утончённого, цветистого и содержательного испанского языка и говорили бы о прелестях межамериканской системы и о нашей твёрдой и неизменной защите свободного мира — под руководством центра орбиты, который всем вам известен и называть который нет необходимости.

Господин представитель Венесуэлы тоже использовал умеренный, хотя и высокопарный слог. Он заявил, что обвинения в геноциде в адрес его страны бесчестны и что в самом деле невероятно, чтобы внимание кубинского правительства занимало наличие подобных вещей в Венесуэле в то время, когда оно творит такие репрессии против своего народа. Мы должны заявить здесь о том, что является общеизвестной истиной и о чём мы всегда заявляли миру: расстрелы мы действительно совершали, мы расстреливали и будем расстреливать, пока это необходимо. Наша борьба — это борьба не на жизнь, а на смерть. Мы знаем, что стало бы результатом нашего поражения, и гусанос также должны знать, что станет результатом их сегодняшнего поражения на Кубе. В таких условиях мы живём и созданы они североамериканским империализмом. Но правда и в том, что мы не чинили таких убийств, которые чинит сейчас венесуэльская полиция, называемая, если я достаточно информирован, Дихеполом. Эта полиция совершила ряд актов варварства, расстрелов, которые, по существу, были убийствами, а затем выбросила трупы непогребёнными. Такие факты зафиксированы, например, в отношении студентов. Свободная пресса в Венесуэле в последнее время неоднократно подвергался запрещениям за публикацию фактов подобного рода. Под руководством инструкторов янки венесуэльская военная авиация подвергла бомбардировкам обширные сельские районы, убивая крестьян. Да, ширится народное восстание в Венесуэле, и в будущем мы увидим его результаты.

1) Слово «спутник» на испанском языке имеет два значения: «спутник» и «вассальная страна».

Господин представитель Венесуэлы возмущен. Я помню возмущение господ представителей Венесуэлы, когда делегация Кубы в Пунта-дель-Эсте¹⁾ зачитала секретные доклады, которые специалисты Соединённых Штатов Америки сооблаговостили довести до нас, естественно, не по прямым каналам. Тогда перед ассамблеей в Пунта-дель-Эсте мы зачитали то мнение, которого господ представители Соединённых Штатов придерживались о правительстве Венесуэлы. Они возвестили нечто, в высшей степени интересное, что примерно — простите меня за неточность, потому что в данный момент я не могу процитировать дословно — звучало так: « Или эти люди изменятся, или здесь все пойдут к стенке ». « Стенка » — это условное обозначение Кубинской революции; стенка, у которой расстреливают. Представители североамериканского посольства в документах, подлинность которых не вызывает сомнения, объявили, что такая судьба ожидает венесуэльскую олигархию, если та не изменит свои методы; её обвиняли в коррупции; фигурировали там и другие ужасные обвинения подобного рода в её адрес²⁾. Венесуэльская делегация была страшно возмущена, не Соединёнными Штатами, естественно, а кубинским правительством, которое любезно ознакомило её с мнением Соединённых Штатов о правительстве, а также о народе Венесуэлы. Единственным ответом на всё это стало смещение с поста господина Москосо³⁾, который — хотя и не в прямой форме — сооблаговостили предоставить нам эти документы.

Мы напоминаем это господину представителю Венесуэлы, потому что революции не экспортируются, революции действуют. В свое время это произойдёт и в Венесуэле — и тех, у кого не окажется наготове самолёта, как это было на Кубе, чтобы бежать в Майами или другое место, постигнет судьба, которую им уготовит венесуэльский народ. В том, что там произойдёт, не обвиняйте другие

- 1) В августе 1961 г.
- 2) «Административный аппарат этой страны характеризуется неспособностью, безразличием, неэффективностью, формализмом, партийным фаворитизмом при назначении на должности, казнокрадством, созданием частных империй...» Затем в том же обличительном списке фигурировали землевладельцы, олигархия, нувориши, «экономические сектора» в целом, военные и духовенство: все они предупреждались о срочной необходимости «выбора» между реформами и ... «стенкой».
- 3) Посол США в Венесуэле в 1960–1961 гг.

народы или другие правительства. Хочу порекомендовать господину представителю Венесуэлы, чтобы он, если это ему интересно, прочитал некоторые прелюбопытнейшие мнения о том, что такое партизанская война и как с ней бороться, которые были написаны и опубликованы в прессе вашей страны некоторыми наиболее разумными членами КОПЕЙ. Вы увидите, что не бомбами и не убийствами надо бороться с вооружённым народом; эти средства лишь придают народам ещё большую революционность. Мы хорошо это знаем. Конечно, нехорошо, что своему открытому врагу мы оказываем подобную услугу, рассказывая ему об эффективной антипартизанской стратегии, но мы делаем это, зная, что вы настолько слепы, что не последуете ей.

Остаётся господин Стивенсон. К сожалению, он здесь не присутствует. И мы отлично понимаем, почему отсутствует господин Стивенсон. Мы ещё раз выслушали его глубокие и серьезные заявления, достойные интеллектуала его уровня. Столь же высокопарные, глубокие и серьезные декларации прозвучали и на заседании Первой комиссии 15 апреля 1961 года, во время 1149-й сессии, в тот самый день, когда североамериканские самолёты-пираты с кубинскими опознавательными знаками, вылетевшие, насколько я помню, из Пуэрто-Кабесас в Никарагуа — или из Гватемалы (до сих пор это не уточнено), подвергли бомбардировкам кубинские аэродромы и почти уничтожили наши воздушные силы. После совершения своего однократного «подвига» самолёты приземлились в Соединённых Штатах. В ответ на наши обвинения господин Стивенсон рассказал очень интересные вещи.

Простите за затянутость моего выступления, но я полагаю, что стоит вспомнить ещё раз откровения такого заслуженного интеллектуала, как господин Стивенсон, произнесённые всего лишь за четыре или пять дней до того, как господин Кеннеди перед лицом всего мира спокойно скажет, что берёт на себя всю ответственность за происшедшие на Кубе события. Итак, он говорил (разумеется, я привожу лишь резюме сказанного): «Сформулированные против Соединённых Штатов представителем Кубы обвинения по поводу бомбардировок, которые, как говорят, были осуществлены в отношении аэродромов Гаваны и Сантьяго, а также штаб-квартиры кубинских военно-воздушных сил в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, лишены каких бы то ни было оснований». И господин Стивенсон эти обвинения категорически отвергает:

«Как заявил президент Соединённых Штатов, вооружённые силы США ни при каких обстоятельствах не станут вторгаться на Кубу, и Соединённые Штаты сделают всё возможное для того, чтобы ни один американец не принимал участия в какой-либо акции против Кубы». Через год с небольшим мы со всей любезностью возвратили тело пилота, упавшего на кубинскую землю. Не тело майора Андерсона, а другое — в те же месяцы. «Что же касается событий, которые, как говорят, произошли вчера и сегодня утром, то Соединённые Штаты рассмотрят просьбы о предоставлении политического убежища согласно обычным существующим процедурам». Они собирались предоставить политическое убежище людям, которых сами же послали на Кубу.¹⁾ «Те, кто верит в свободу и ищет убежища от тирании и угнетения, всегда найдут понимание и покровительство со стороны американского народа и правительства Соединённых Штатов».

Так продолжал господин Стивенсон свои пространные разглагольствования. Через два дня на Плайя-Хирон высадилась рать Бригады 2506, чей героизм наверняка войдёт в анналы американской истории. Еще через два дня героическая бригада сдалась, не потеряв почти ни одного человека, и вот тогда началось представление — которое некоторые из вас, наверное, помнят — с людьми, одетыми в форму «гусанос», ту же, что имеется у армии Соединённых Штатов, когда они стали объяснять, что прибыли на Кубу в качестве то ли поваров, то ли санитаров, то ли простых моряков экспедиции. Именно тогда президент Кеннеди совершил достойный поступок. Он не стал продолжать лживую политику, которой никто не верил, и открыто заявил о том, что принимает на себя ответственность за всё то, что произошло на Кубе. Он-то принял ответственность, да, но вот Организация американских государств на него эту ответственность не возложила и не потребовала от него никакого ответа, насколько я помню. Это была ответственность перед его²⁾ собственной историей, перед историей Соединённых Штатов, и только потому, что Организация американских государств двигалась по орбите, у неё не было времени заниматься подобными вещами.

Я благодарю господина Стивенсона за его экскурс в историю — его упоминание о моей долгой жизни коммуниста и революцио-

- 1) Речь идет о пилотах самолетов, бомбивших Кубу.
- 2) Т. е. Кеннеди.

нера, кульминацией которой стало участие в кубинской революции. Как всегда, североамериканские агентства — не только новостей, но и шпионажа¹⁾ — путают. Моя история как революционера коротка, по сути дела, она начинается с «Гранмы» и продолжается по сей день.

Я не принадлежал к Коммунистической партии до тех пор, пока не оказался на Кубе, где сегодня все можем провозгласить перед этой Ассамблеей марксизм-ленинизм теорией действия Кубинской революции. Но важны не эти личные моменты, важно то, что господин Стивенсон вновь говорит о том, что нет никаких нарушений международного права, что самолёты отсюда не вылетают и, разумеется, не отплывают корабли, что пиратские нападения возникают из ничего, что из ничего возникает всё. Он говорит тем же самым голосом, с той же уверенностью, тем же тоном серьезного и уверенного в себе интеллектуала, как и в 1961 году, когда высокопарно утверждал, пока не был уличён во лжи, что те кубинские самолёты вылетели с кубинской территории и что речь шла о политических эмигрантах. Естественно, — скажу это ещё раз — я понимаю, почему distinguished colleague, господин Стивенсон, сообразовал удалиться с этого заседания Ассамблеи.

Соединённые Штаты утверждают, что имеют право осуществлять разведывательные полёты, потому что их одобрила Организация американских государств. Но кто она такая, Организация американских государств, чтобы санкционировать разведывательные полёты над территорией какой-либо страны? Какова же тогда роль, которую играют Объединённые Нации? Для чего они нужны, если наши судьбы будут зависеть от орбиты спутников — по точному определению представителя Колумбии, — Организации американских государств?

Это очень серьезный и важный вопрос, который следует задать этой Ассамблее. Потому что мы, малая страна, никоим образом не можем согласиться с правом большой страны нарушать наше воздушное пространство, а в ещё меньшей степени с беспрецедентными претензиями на то, чтобы такие её действия обладали законностью, которую им придало решение Организации американских государств; организации, которая исключила нас из числа своих членов и с которой нас теперь ничто не связывает. Эти заявления представителя Соединённых Штатов весьма серьезны...

1) .. Намек на Central Intelligence Agency — ЦРУ.

Хочу сказать ещё лишь две маленькие вещи. Я не собираюсь занимать всё время Ассамблеи этими репликами и контррепликами.

Господин представитель Соединённых Штатов утверждает, что Куба взваливает вину за провалы в экономике на экономическую блокаду, между тем как это результат плохого управления правительства. Но когда ничего из этого ещё не случилось, когда на Кубе только начинали приниматься первые национальные законы, Соединённые Штаты уже приступили к принятию таких репрессивных экономических мер, как одностороннее и без каких бы то ни было объяснений упразднение квоты на сахар, который мы традиционно продавали на североамериканском рынке. Таким же образом они отказались перерабатывать ту нефть, которую мы, осуществляя свои законные права и опираясь на все возможные законы, закупали у Советского Союза.

Я не стану пересказывать длительную историю экономических агрессий Соединённых Штатов. Но скажу, что, несмотря на эти агрессивные действия, с помощью социалистических стран, и в первую очередь Советского Союза, мы стали продвигаться вперёд и будем продолжать это делать; что, если мы и осуждаем экономическую блокаду, она нас не остановит и мы, что бы там ни происходило, будем продолжать представлять для США маленькую головную боль не только на этой, но и на других Ассамблеях, называя вещи своими именами, а представителей Соединённых Штатов — всемирными жандармами.

И последнее. Существует ли эмбарго на медикаменты для Кубы? Но если это не так, то наше правительство в ближайшие месяцы сделает заявку здесь же, в Соединённых Штатах, и отправит господину Стивенсону телеграмму, которую наш представитель зачитает на заседании комиссии или в любом другом подходящем месте, дабы все видели, справедливы или нет обвинения Кубы. Во всяком случае, до сих пор это эмбарго действовало. Последний раз, когда мы пытались на 1 500 000 долларов закупить медикаменты, которые не производятся на Кубе и необходимы исключительно для спасения жизней, североамериканское правительство вмешалось и сорвало эту покупку.

Недавно президент Боливии сказал нашим делегатам со слезами на глазах, что он был вынужден разорвать отношения с Кубой, потому что Соединённые Штаты заставили его сделать это. Он сказал это, провожая наших дипломатов из Ла-Паса. Я не могу гаранти-

ровать правдивость этих заверений президента Боливии. Но повторю то, что мы сказали ему: эта сделка с врагом не принесёт ему никакой пользы, так как он уже обречён — вот это действительно правда.

И этот президент Боливии¹⁾, с которым у нас не было и нет никакой связи, с чьим правительством мы ограничивались лишь теми отношениями, которые необходимо поддерживать с народами Латинской Америки, — этот президент уже свергнут посредством военного переворота. Сейчас там создана правительственная Хунта. В любом случае, подобным людям, не умеющим проигрывать достойно, стоит напомнить то, что сказала, кажется, мать последнего халифа Гренады своему сыну, когда тот плакал после падения города: «Ты хорошо делаешь, что оплакиваешь как женщина то, что не сумел защитить как мужчина»...

1) Речь идет о В. Пасе Эстенсоро — одном из руководителей боливийской революции 1952 г. и президенте страны в 1952–1956 и 1960–1964 гг. Свергнувший его генерал Р. Барриентос через три года станет палачом Че.

Речь на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки¹⁾

г. Алжир, 24 февраля 1965 года

Дорогие братья!

Куба прибыла на эту конференцию, чтобы был услышан голос всех народов Америки, и — о чём мы не раз уже говорили — она делает это одновременно в своём качестве слаборазвитой страны и страны, строящей социализм. Поэтому не случайно нам, американцам, предоставлена возможность высказать наше мнение в кругу народов Азии и Африки. Общее стремление покончить с империализмом объединяет нас в нашем походе к будущему. Точно так же, как общее прошлое борьбы с тем же врагом объединило нас на пройденном участке этого пути.

Здесь собрались борющиеся народы. Наша борьба разворачивается на двух фронтах. Они в равной степени важны и требуют от нас всей полноты наших усилий. Борьба против империализма, за освобождение от его колониальных и неоколониальных оков, которая осуществляется оружием политики, политикой оружия или сочетанием того и другого, не есть что-то отдельное от борьбы против отсталости и нищеты. Речь идёт об этапах единого пути, ведущего к созданию нового общества, которое будет одновременно и богатым, и справедливым. Совершенно необходимо завоевать политическую власть и ликвидировать классы угнетателей, но после этого необходимо взяться за решение задач второго этапа борьбы, пожалуй, более сложного, чем предыдущий.

С тех пор как монополистические капиталы овладели миром, они держат в нищете большую часть человечества и делят прибыли внутри группы самых сильных стран. Высокий уровень жизни этих стран основан на нищете наших. Чтобы поднять уровень жизни слаборазвитых стран, надо, следовательно, бороться против империа-

1) Последнее (по сути дела — прощальное) публичное выступление Че, вызвавшее сильное недовольство в европейских столицах «реального социализма».

лизма. Каждый раз, когда ещё одна страна вырывается из сферы империалистического влияния, это означает не только частичную победу в борьбе с главным врагом, но также и его реальное общее ослабление и новый шаг по направлению к окончательной победе.

Это борьба не на жизнь, а на смерть, и она не знает границ. Мы не можем оставаться равнодушными перед лицом событий, в какой бы части мира те ни происходили. Победа любой страны над империализмом — это наша победа, поражение какой бы то ни было нации — это поражение всех. Следовать духу пролетарского интернационализма — не только долг народов, которые борются за лучшее будущее, но и необходимость, от которой нельзя уклониться. Если враг — империализм США или какой-либо другой страны — ведёт борьбу против слаборазвитых народов и социалистических стран, то элементарная логика обуславливает необходимость союза слаборазвитых народов и социалистических стран. Даже если бы не существовало иных факторов их сплочения, наличие общего врага должно стать таким фактором.

Ясно, однако, что подобные союзы не возникают спонтанно, им предшествуют дискуссии, долгие, подчас мучительные роды.

Мы уже говорили, что отпадение той или иной страны от мировой империалистической системы, её освобождение означает поражение всей этой системы в целом. Но следует договориться о том, что мы понимаем под «отпадением». Это не сам факт провозглашения независимости и даже не победа вооружённой революции, но прекращение империалистического экономического господства над народом данной страны. Поэтому социалистические страны кровно заинтересованы в эффективном отделении народов от империалистической системы и наш интернациональный долг, долг, закреплённый руководящей нами идеологией, — это способствовать нашими усилиями тому, чтобы освобождение происходило возможно более быстро и глубоко.

Из всего этого необходимо сделать вывод: развитие стран, которые начинают сейчас свой путь освобождения, должно стоять социалистическими странами¹⁾. Мы говорим это без малейшего намека на шантаж или позерство и не в порядке поиска лёгких путей сбли-

1) «Debe costar a los países socialistas». Именно эта формула оказалась в фокусе последующей полемики, носившей в основном закрытый характер.

жения с народами Азии и Африки. Речь идёт о нашем глубоком убеждении. Не может существовать социализм, если в сознании людей не произойдёт переворот, который воплотится в новое, братское отношение к человечеству: идёт ли речь об отношениях между индивидами в странах, где социализм уже построен или только строится. Или между народами, страдающими от гнёта империализма в мировом масштабе.

Мы убеждены, что именно так надо понимать свою ответственность за помощь зависимым странам. И надо прекратить разговоры о «развитии взаимовыгодной торговли», основанной на ценах, которые закон стоимости и международные отношения неэквивалентного обмена, порождённые этим законом, навязывают отсталым странам.

О какой «взаимной выгоде» может идти речь, если по ценам мирового рынка продаётся сырьё, стоимость которого определяется потом и безграничными страданиями народов отсталых стран, и закупается — по ценам того же рынка — оборудование, произведённое на крупных современных автоматизированных предприятиях?

Применяя эти критерии к типу экономических отношений между двумя группами наций, мы приходим к выводу, что социалистические страны в определённой степени выступают как сообщники имперской эксплуатации. Можно, конечно, возразить, что объём взаимообмена со слаборазвитыми странами составляет незначительную часть во внешней торговле этих стран. И это абсолютно верно. Но не снимает вопроса об аморальном характере обмена. Моральный долг социалистических стран — покончить с этим молчаливым пособничеством странам-эксплуататорам Запада. Тот факт, что на сегодняшний день объём торговли социалистических и развивающихся стран невелик, ещё ничего не означает. В 59-м году Куба время от времени продавала сахар какой-то стране социалистического блока через английских или иных посредников. Сегодня же восемьдесят процентов её торговли происходит именно в этой сфере. Все виды жизненно важного обеспечения мы получаем из социалистического лагеря, и фактически мы вступили в этот лагерь. Нельзя сказать, что этим вступлением мы обязаны исключительно количественному росту торговли. Нельзя также сказать, что причина только в том, что мы сломали старые структуры и перешли к социалистическим формам развития. Оба разноположенных суждения соприкасаются, оба процесса взаимосвязаны.

Мы не вступили на путь, ведущий в конечном счёте к коммунизму — со всеми положенными шагами и этапами, — исходя из логики целенаправленного идеологического развития. Правда социализма плюс жестокая правда империализма — вот что шаг за шагом выковало выбор нашего народа и указало ему путь, который впоследствии мы сознательно приняли. Народы Африки и Азии, идущие к своему окончательному освобождению, должны будут вступить на тот же путь. Рано или поздно они к этому придут, какое бы прилагательное ни уточняло их понимание социализма. С нашей точки зрения, единственное сущностное определение социализма — это отмена эксплуатации человека человеком. Пока этого не произошло, речь может идти лишь о периоде строительства социалистического общества. Если же вместо этого «преодоление эксплуатации» превращается в некое застойное явление, а тем более если происходит попятное движение, то даже о строительстве социализма говорить неправильно.

Мы должны подготовить условия для того, чтобы наши братья прямо и сознательно вступили на путь окончательного уничтожения эксплуатации. Но мы не можем приглашать их вступить на этот путь, если сами являемся сообщниками эксплуатации. Если нас спросят о методике установления эквивалентных цен, мы не сможем ответить, мы не знаем практических величин, вернее — их теоретического обоснования. Единственное, что мы знаем, это то, что в результате политических дискуссий Советский Союз и Куба подписали выгодные для нас соглашения об условиях, по которым мы будем продавать до пяти миллионов тонн сахара по фиксированным ценам, более высоким, чем те, которые обычно устанавливаются на так называемом мировом свободном сахарном рынке. Китайская Народная Республика также придерживается этих фиксированных цен.

Но это всё достижения прошлого. Основная же задача состоит в выработке критериев, определении цен, способствующих развитию. Коренной перелом должен произойти в обусловливающем механизме системы международных отношений. Не внешняя торговля должна определять политику, а напротив, братские отношения народов должны определять условия внешней торговли.

Давайте вкратце проанализируем вопрос о долгосрочных кредитах для развития базовых отраслей промышленности. Зачастую мы сталкиваемся с тем, что страны, получающие кредит, торопятся

заложить основы отраслей, развивать которые они не способны, продукцию которых они не могут потребить на своей территории... С другой стороны, нередко инвестиции социалистических стран на своей собственной территории окупаются лишь в случае полного использования, глубокой переработки добываемого сырья, а до этого висят мертвым грузом на государственном бюджете. Мы считаем, что имеет смысл обдумать возможность направить инвестиции подобного типа в слаборазвитые страны.

Таким образом можно было бы задействовать колоссальную силу, таящуюся в недрах наших нещадно эксплуатируемых континентов, ни от кого не получающих помощи для своего развития. Можно было бы приступить к этапу подлинного международного разделения труда, основанного не на истории того, что делалось до сих пор, но на истории будущего, того, что можно сделать.

Государства, на чьих территориях будут размещены новые инвестиции, должны были бы иметь все права суверенного собственника производимой продукции, будучи при этом обязанными поставлять определённое количество продукции странам-инвесторам в течение определённого количества лет и по определённой цене.

Следовало бы изучить и форму финансирования тех расходов, на которые должна будет пойти сама страна, куда осуществляются инвестиции подобного типа. Такой формой помощи, которая не означала бы раздачу подавания свободно конвертируемой валюты, могло бы стать предоставление правительствам слаборазвитых стран товаров повышенного спроса — посредством долгосрочных кредитов.

Другая острая проблема — это овладение техникой. Общеизвестна нехватка технических кадров, от которой так страдают, так страдаем развивающиеся страны. Нет необходимых учебных заведений и преподавателей. Зачастую нет и подлинного понимания наших потребностей и решимости проводить в жизнь политику технического, культурного и идеологического развития народа, которую мы считаем приоритетной.

Помощь социалистических стран должна обеспечить осознание всего этого — и создание центров технического обучения и специальную подготовку обучающего состава. Последнее особо важно. Специалисты, приезжающие в наши страны, должны быть образцовыми. Этим товарищам придётся столкнуться с незнакомой средой, очень часто враждебно относящейся к технике; с людьми, которые

говорят на другом языке и имеют совершенно иные нравы и обычаи. Специалист, который противостоит этой тяжёлой ситуации, должен прежде всего быть коммунистом в самом глубоком и благородном смысле этого слова. Обладая этим качеством и минимумом организованности и гибкости, можно творить чудеса.

Куба знает, что это достижимо, ибо братские страны прислали нам специалистов, которые сделали для развития нашей страны больше, чем десяток институтов, и способствовали укреплению нашей дружбы более, чем десяток послов или сотня дипломатических приёмов.

Мы могли бы значительно преуспеть в достижении нашей общей цели, если бы эффективно осуществили всё, о чём только что было сказано, и если бы в распоряжении слаборазвитых стран была бы предоставлена вся технология стран передовых, при отказе от нынешней системы патентования, которая «закрывает открытия», сделанные и теми и другими.

Империализм потерпел поражение во многих отдельных сражениях. Но в современном мире он остаётся значительной силой, и только усилиями и самопожертвованием всех можно добиться его окончательного поражения.

Тем не менее комплекс предложенных мер не может быть принят в одностороннем порядке. Развитие слаборазвитых стран должно быть частично оплачено социалистическими странами — об этом мы уже говорили. Но одновременно и слаборазвитые страны должны напрячь все свои силы и твёрдо встать на путь строительства нового общества, как бы мы его ни называли, в котором орудия производства, труда не были бы орудием эксплуатации человека человеком. Также нельзя претендовать на доверие социалистических стран, балансируя между капитализмом и социализмом, пытаясь использовать каждую из этих противостоящих друг другу сил и извлечь выгоду из их противостояния.

Новая, характеризующаяся абсолютной серьёзностью политика должна определять отношения между двумя группами государств. Стоит ещё раз повторить: для того чтобы признаки эксплуатации постепенно исчезали, средства производства должны находиться главным образом в руках государства.

С другой стороны, нельзя отдать развитие страны на волю абсолютной импровизации. Строительство нового общества необходимо планировать. Планирование — это один из законов социализ-

ма, вне которого тот существовать не может. Без грамотного планирования нельзя обеспечить гармоничную взаимосвязь между отраслями экономики, нельзя осуществить те прорывы в будущее, которых требует наша эпоха.

Планирование — чтобы быть успешным — не может осуществляться изолированно каждой из наших маленьких стран с их изуродованной экономикой, базирующейся на добыче какого-то одного вида сырья или производстве того или иного продукта или полуфабрикатов, будучи лишёнными большинства остальных. Планирование с самого начала должно носить региональный характер, чтобы способствовать взаимопроникновению экономик разных стран и достижению интеграции на основе подлинной взаимной выгоды.

Думаю, что наш нынешний путь полон опасностей, опасностей не изобретённых и не предвидимых — поскольку речь идёт о далёком будущем — никаким высшим разумом. Опасностей, ставших результатом жестокой реальности, окружающей нас. Борьба против колониализма вступила в свой заключительный этап, но в настоящее время неоколониальный статус представляет собой не что иное, как проявление империалистического господства. Пока империализм существует, он, по определению, будет стремиться к господству над другими странами. Это-то господство и называется сегодня неоколониализмом.

Вначале неоколониализм возник и развился в Южной Америке, на всём континенте, а сегодня всё более интенсивно внедряется в Африку и Азию. В разных странах характеристики его проникновения и развития различны. Иногда они отличаются крайней грубостью и жестокостью, как это произошло в Конго. Бесцеремонное и ничем не прикрытое применение грубой силы — это крайнее, последнее оружие неоколониализма. Есть и другая, более изощрённая форма его проникновения в страны, которые добились признания своего суверенитета политическим путём; там неоколониализм устанавливает связи с зарождающейся местной буржуазией, способствует развитию класса паразитической буржуазии, находящейся в союзе с метрополией и защищающей её интересы. При этом неоколониализм опирается на некоторый уровень благосостояния или временный его рост, связанные с тем, что в очень отсталых странах простой переход от феодальных отношений к капиталистическим означает шаг по пути прогресса, независимо от пагубных последствий, которые со временем принесёт этот сдвиг трудящимся.

Неоколониализм показал свои когти и клыки в Конго. Это признак не его силы, а его слабости. Он был вынужден прибегнуть к своему последнему оружию. Он использовал силу как экономический аргумент, что породило ответную реакцию большого размаха. Но в ряде стран Африки и Азии неоколониализм выступил в гораздо более тонкой форме. Там уже ускоренно происходит то, что некоторые называют «южноамериканизацией» этих континентов — т.е. развитие паразитической буржуазии, которая не только не вносит никакого вклада в рост национального богатства, но и вывозит из страны свои огромные прибыли, вкладывая их в капиталистические банки Севера, и которая заключает сделки с зарубежными кругами ради получения ещё большего дохода при полном пренебрежении к нуждам собственного народа.

Существуют и иные опасности. Среди них — конкуренция между братскими странами, политическими друзьями, подчас — соседями, вступающими в борьбу за инвестиции, которых добиваются в одно и то же время, для производства одного и того же продукта, предназначенного для одних и тех же рынков; рынков, которые к тому же зачастую отказываются эти продукты принять. Подобная конкуренция чревата напрасной растратой энергии, которую можно было бы направить на развитие гораздо более широкого экономического взаимодополнения, сорвав при этом игру империалистических монополий.

Конечно, столкнувшись с невозможностью осуществить те или иные инвестиции при помощи социалистического лагеря, мы прибегаем к договорённости с капиталистами. К числу дефектов этих, капиталистических инвестиций относятся не только условия предоставления займов, но и иные, дополнительные, но очень важные — такие, например, как создание совместных предприятий и фирм, партнёром в которых является опасный сосед. Как правило, инвестиции направляются параллельно в несколько государств, что приводит к возникновению противоречий между дружественными странами в силу разного уровня их экономического развития. При этом возникает опасность коррупции, проистекающая из постоянного присутствия капитализма, который очень умело манипулирует умами людей, показывая им красивые картинки на темы ждущего их развития и процветания.

Немного спустя происходит падение цен на рынках, что является следствием их перенасыщения аналогичными товарами. Пост-

радавшие страны не видят иного выхода, кроме как просить о новых займах — или позволить вливание дополнительных инвестиций, которые позволили бы конкурировать более успешно. В итоге подобная политика приведёт к тому, что экономику страны приберут к рукам монополии, и медленно, но верно всё вернётся к прошлому. С нашей точки зрения, единственно надёжная форма использования инвестиций — это прямое участие государства как собственника и покупателя, ограничивающего участие империалистов контрактами по поставкам и не допускающего их дальше порога собственного дома. Здесь было бы позволительно сыграть и на противоречиях между империалистическими странами, добываясь менее обременительных условий.

Надо обратить внимание на оказание так называемой «безвозмездной» экономической, культурной и т. д. помощи, которую империализм представляет либо сам, либо посредством марионеточных государств; подобная помощь в некоторых частях мира пользуется большим доверием, чем традиционные формы империалистической политики.

Если все те опасности, на которые мы указали, не будут распознаны вовремя, если неокOLONиальные отношения сложатся в тех странах, которые с верой и энтузиазмом приступили к решению задачи национального освобождения, если очень тонко, постепенно, а потому незаметно монополии займут господствующее положение, то в момент, когда последствия всего этого проявятся со всей полнотой и жёсткостью, может быть уже поздно.

Перед нашими двумя мирами — миром социалистических стран и так называемым третьим миром — гигантская задача, огромные проблемы; проблемы, непосредственно связанные с судьбой человека и его благополучием. И с борьбой против главного виновника нашего отставания.

Перед лицом этих дел и задач все мы, все страны и народы, осознающие свой долг, подстерегающие их опасности, жертвы, которыми чревато желанное развитие, должны предпринять конкретные меры к тому, чтобы наша дружба крепилась в двух планах — экономическом и политическом, которые никогда не могут развиваться отдельно друг от друга, и создать мощный компактный блок, который, в свою очередь, поможет новым странам освободиться не только от политической, но и от экономической власти империализма.

Проблема вооружённой борьбы за освобождение от политической власти угнетателей должна решаться нами в соответствии с нормами пролетарского интернационализма. Абсурдна даже мысль о том, что директор предприятия воюющей социалистической страны будет раздумывать, стоит ли ему послать произведённые его заводом танки на фронт, не получив гарантии оплаты за эту продукцию. Но не менее абсурдно, представляется, осведомляться о возможностях подобной оплаты народом, борющимся за своё освобождение или нуждающимся в оружии для защиты свободы завоеванной. В отношениях между нашими мирами оружие не может быть товаром. Оно должно бесплатно предоставляться в необходимом и возможном количестве тем народам, которым оно требуется, чтобы стрелять в общего врага. Именно на этих принципах основана та военная помощь, которую оказывают нам СССР и Китайская Народная Республика. Мы — социалисты, — и это представляет собой гарантию адекватного использования данного оружия. Но мы — не единственные, кто ведёт борьбу против империализма, и практика в этом вопросе должна быть одинаковой в отношении всех.

Ответом на зловещую агрессию североамериканского империализма против Вьетнама и Конго должны стать поставки в эти страны всех необходимых средств обороны, наша солидарность — в полном объёме и без всяких условий.

Что до экономического аспекта, то для взятия высот развития мы нуждаемся в самой современной технике. Мы не можем позволить себе повторять — шаг в шаг — долгий путь прогресса человечества: от феодализма к эре атома и автоматизации, это был бы путь, чреватый гигантскими жертвами и к тому же в значительной мере — бесполезный. Технику надо брать отовсюду, где она имеется. Надо совершить огромный технический рывок, чтобы постепенно стало стираться различие, существующее сегодня между нами и развитыми странами. Техника должна внедряться как на крупных предприятиях, так и в сельском хозяйстве, в его относительно развитых зонах. Но прежде всего краеугольными камнями этого прогресса должны стать процессы развития технической и идеологической культуры, обладающие достаточной динамикой и массовой базой, которые делали бы возможной постоянную подпитку учебных и исследовательских институтов. Такие институты должны создаваться в каждой стране и принять всех людей, которым предстоит работать с современной техникой, которые способны адаптироваться к той

новой технике, которая нами приобретена. Эти кадры должны ясно осознавать свой долг перед обществом, в котором они живут. Вне сочетания с идеологической культурой не может сложиться в наших странах адекватная техническая культура. Без этого в большинстве наших стран невозможно построить необходимую базу для индустриального прогресса, который определяет развитие всего современного общества, производство товаров народного потребления, обеспечивает соответствующий уровень системы образования.

Значительная часть национального дохода должна быть направлена на развитие народного образования, хотя подобные инвестиции считаются непроизводительными. Также следует уделить особое внимание повышению производительности труда в сельском хозяйстве. Во многих капиталистических странах та достигла невиданных высот, приводя к противоречащим здравому смыслу кризисам перепроизводства зерна, других продуктов питания и промышленного сырья и заполняя весь мир этой продукцией высокоразвитых стран в то время, как существует целый мир, страдающий от голода — и это при наличии земли и рабочих рук, способных произвести в несколько раз больше того, что необходимо для того, чтобы накормить всё человечество.

Сельское хозяйство должно рассматриваться как основа развития в целом. И поэтому наши усилия должны быть направлены на изменение структуры сельского хозяйства, на внедрение новой техники и уничтожение эксплуатации человека человеком.

Прежде чем принимать дорогостоящие решения, которые могут принести непоправимый ущерб, надо в качестве предварительной меры провести тщательную инвентаризацию всего национального достояния, всей территории страны с тем, чтобы на этой основе впоследствии перейти к экономическим исследованиям и грамотному планированию.

Мы горячо приветствуем предложение Алжира о придании государственно-правового характера нашим отношениям. По этому поводу хотелось бы поделиться некоторыми дополнительными соображениями.

Первое. Для того чтобы наш союз стал орудием борьбы против империализма, необходимо содействие латиноамериканских народов и союз с социалистическими странами.

Второе. Необходимо оберегать революционный характер Союза, закрыв в него доступ правительствам и движениям, которые не

идентифицируются с основополагающими чаяниями наших народов, и создав механизм, позволяющий изгонять из рядов союза тех, кто сошёл с правильного пути — идёт ли речь о правительстве или народном движении.

Третье. Надо бороться за новые равноправные отношения между нашими странами и странами капиталистическими. Надо создать революционную юриспруденцию, к нормам которой мы могли бы прибегнуть в случае конфликта и которая придавала бы новое содержание отношениям между нами и остальным миром. Мы говорим на языке революции и честно боремся за победу её дела. Но очень часто мы сами, как муха в паутине, увязаем в хитросплетениях международного права, созданного для улаживания столкновений и разногласий между империалистическими державами, а не как результат борьбы народов за свободу и справедливость...

Лишь один пример. Наши народы испытывают тягостное давление размещённых на их территории иностранных баз или тяжесть ярма гигантского внешнего долга.

Всем известна история возникновения этих бед. Марионеточные правительства, а также правительства, ослабленные долгой борьбой за освобождение либо развитием капиталистических рыночных отношений, позволили навязать себе договоры, которые сегодня угрожают внутренней стабильности наших стран и связывают обязательствами их будущее. Настала пора сбросить с себя это бремя, добиться пересмотра условий выплаты давящей внешней задолженности, вынудить империалистов покинуть свои базы агрессии...

Я не хотел бы закончить это выступление, это повторение концепций, которые всем вам уже известны, не обратив внимания всех участников этого семинара на то, что Куба — не единственная латиноамериканская страна; это просто та из них, которая сегодня имеет возможность выступать перед вами. Иные народы Америки проливают кровь за то, чтобы иметь это право. С этой трибуны и с трибун всех конференций и из всех мест, где слышатся сегодня слова солидарности с героическими народами Вьетнама, Лаоса, так называемой «португальской» Гвинеи, Южной Африки и Палестины, со всеми эксплуатируемыми странами, которые борются за своё освобождение, мы должны протянуть руку помощи, послать голос солидарности братским народам Венесуэлы, Гватемалы и Колумбии, которые сегодня, с оружием в руках, говорят решительное «нет!» империалистическому врагу.

На земле существует мало сценариев утверждения антиимпериализма, мало городов-символов этой борьбы, подобных Алжиру — одной из самых героических столиц свободы. Пусть же замечательный алжирский народ, закалённый как немногие страданиями своей борьбы за независимость под решительным руководством своей Партии во главе с нашим любимым товарищем Ахмедом Бен Беллой и дальше служит нам примером в этой беспощадной борьбе против мирового империализма.

Газета «Revolucion», 25 февраля 1965 г.

Социализм и человек на Кубе¹⁾

Уважаемый товарищ! Завершаю эти заметки во время поездки в Африку, подталкиваемый желанием, пусть с запозданием, выполнить своё обещание. Старался придерживаться темы заголовка. Полагаю, что эти заметки могут представить интерес для уругвайских читателей.

Уже стало привычным слышать из уст капиталистических глашатаев в качестве аргумента в идеологической борьбе против социализма утверждение, будто характерной чертой социализма или периода его строительства (чем мы сейчас и заняты) является упразднение личности во имя утверждения Государства. Я не претендую на то, чтобы опровергнуть это положение с чисто теоретических позиций. Обращусь к фактам кубинской действительности с добавлением комментариев общего характера.

В первую очередь хочу в общих чертах воспроизвести историю нашей революционной борьбы до и после взятия власти.

Как известно, точной датой начала революционных акций, завершившихся 1 января 1959 года, является 26 июля 1953 года. На рассвете того дня группа товарищей, руководимая Фиделем Кастро, атаковала казарму Монкада в провинции Орьенте. Нападение закончилось поражением. Поражение переросло в катастрофу. Оставшиеся в живых попали в тюрьму. После амнистии они возобновили революционную борьбу.

Во время этого процесса, содержавшего в себе лишь ростки социализма, человек представлял собой главный фактор. В него верили как индивида, человека, отличного от других, с именем и фамилией; от его личной способности совершить поступок зависел успех или провал поставленной общей задачи.

Наступил этап партизанской борьбы. Она развивалась в двух различных средах. Это ещё находившийся в состоянии спячки народ; массы, которые надо было мобилизовать,— и его авангард, пар-

1) Написанный в январе–марте 1965 г. во время поездки по Африке, данный текст был направлен в марте 1965 года главному редактору ... журнала «Marcha» (Уругвай) Карлосу Кихано.

тизаны, движущая сила мобилизации, генератор революционной сознательности и боевого духа. Именно этот авангард был катализатором, тем, кто создал субъективные условия, необходимые для победы. И на этом этапе, в рамках процесса пролетаризации нашего мышления, в ходе революции, происходившей в наших взглядах и обычаях, личность тоже была главным фактором. В активе каждого из бойцов Сьерра-Маэстры, который удостоивался командирского звания в революционных силах, — выдающиеся свершения. На основе этого он и получал своё звание.

Это была первая из героических эпох революции, когда люди соревновались за функции, налагавшие наибольшую ответственность и сопряжённые с наибольшей опасностью; когда единственной их наградой была удовлетворённость сознанием исполненного долга. Сегодня в работе революционного воспитания мы часто возвращаемся к этой поучительной теме. В поведении наших бойцов проступали черты человека будущего.

И в другие моменты нашей истории мы не раз сталкивались с этим феноменом тотальной самоотдачи делу революции. Во время Октябрьского кризиса и разгула циклона «Флора» мы были свидетелями исключительного мужества и самопожертвования, проявляемых всем народом. Найти формулу, которая позволила бы закрепить этот героизм в повседневной жизни народа, — это одна из главных наших идеологических задач.

В январе 1959 года было создано Революционное правительство с участием нескольких представителей проамериканской буржуазии. Наличие Повстанческой армии в качестве основного фактора силы гарантировало характер власти. Сразу же возникли серьёзные противоречия, урегулированные на первом этапе приходом Фиделя Кастро на пост главы правительства. Процесс завершился 1 июля того же года, когда под давлением масс президент Уррутиа подал в отставку.

В историю Кубинской революции недвусмысленно включилось действующее лицо, которое с тех пор будет присутствовать постоянно: народные массы.

Эта многоликая общность не является, как уверяют некоторые, суммой однопорядковых элементов (ставшей таковой под давлением навязанной системы), ведущей себя как послушное стадо. Действительно, массы без колебаний следуют за руководителями, прежде всего — за Фиделем Кастро. Но степень этого завоёванного им до-

верия объясняется именно тем, что он с наибольшей полнотой выражает чаяния и желания народа, искренне борется за выполнение данных обещаний.

Массы участвовали в аграрной реформе и в упорных усилиях по управлению государственными предприятиями, прошли через героическую эпопею Плайя-Хирона, закалялись в борьбе против различных банд, вооружённых ЦРУ, пережили одно из самых острых испытаний нашего времени — Октябрьский кризис и продолжают сегодня работу по строительству социализма.

На поверхностный взгляд может показаться, что правы те, кто говорит о подчинении личности государству, когда массы с беспрецедентным энтузиазмом и дисциплиной добиваются выполнения целей, поставленных правительством, будь то задачи экономического, культурного, военного, спортивного или иного характера. Инициативы, как правило, исходят от Фиделя или от всего высшего руководства революции; они разъясняются народу, который воспринимает их как собственные. В других случаях источником подобных инициатив является обобщаемый партией и правительством местный опыт.

Однако государство иногда ошибается. Когда такая ошибка происходит, отмечается падение коллективного энтузиазма масс в результате количественного сокращения каждого из векторов, его образующих. Работа идёт на убыль вплоть до самых низких отметок; это момент необходимости исправить линию. Так случилось в марте 1962 года в связи с сектантской политикой, навязанной партией Анибалом Эскаланте.

Очевидно, механических рычагов недостаточно, чтобы гарантировать последовательность разумных решений; сказывается отсутствие более структурированной связи с массами. Мы должны укрепить её в ближайшие годы. Но пока, в условиях, когда инициативы исходят из высших правительственных сфер, мы используем почти интуитивный метод прощупывания прослушивания общей реакции населения на поставленные проблемы.

Подлинным мастером в этом деле является Фидель, чью исключительную способность улавливать настроения народа, сливаться с ним можно оценить, только видя её в действии. Во время крупных народных манифестаций можно наблюдать нечто вроде диалога в двух диапазонах, когда звучание одного вызывает отклик другого. Реакции Фиделя и массы начинают сливаться в диалоге нара-

стающей интенсивности, — вплоть до кульминации, обрывающейся резким финалом, за которым следуют призывы к борьбе и победе.

Тем, кто не живёт революцией, трудно понять это тесное диалектическое единство, существующее между личностью и массой, когда они обуславливают друг друга и когда, в свою очередь, масса как сообщество индивидуумов действуют как бы взаимно с руководителями.

При капитализме подчас тоже имеют место феномены подобного типа — когда появляются политики, способные мобилизовать народ. Но если речь не идёт о подлинном социальном движении, которое, по сути дела, выходит за традиционные рамки капитализма, то подобное движение действует на протяжении жизни того, кто его вдохновляет, или до того дня, когда изживаются массовые иллюзии, что предопределяется самой сущностью капиталистического общества. При капитализме человеком руководит такой порядок вещей, который обычно выходит за рамки его понимания. Отчуждённая человеческая личность связана с обществом невидимой пуповиной. Это закон стоимости. Он действует во всех сферах жизни, определяя поведение и судьбу человека.

Законы капитализма невидимы для большинства и вслепую воздействуют на личность таким образом, что та и не догадывается об этом. Она только видит горизонт, кажущийся ей безграничным. Так представляет жизнь капиталистическая пропаганда, которая пытается создать из истории Рокфеллеров — правдивой или нет — урок на тему о безграничных возможностях личного успеха. Нищета, накопление которой необходимо для подобного успеха, и сумма подлостей, неизбежных при сколачивании такого огромного состояния, остаются за кадром. И не всегда этот круг проблем может быть понят народными массами. (Здесь было бы уместным порассуждать о том, как в империалистических государствах рабочие утрачивают классовое интернационалистское чувство в силу того, что сами они в какой-то мере становятся соучастниками эксплуатации зависимых стран, и как это обстоятельство подтачивает дух борьбы в массах самих этих государств. Однако данная тема выходит за рамки этих заметок).

Во всяком случае, рисуется некий усеянный препятствиями путь, который личность с соответствующими качествами вроде бы способна преодолеть, чтобы достичь поставленной цели. Награда смутно виднеется вдали, путь — одинок, и кроме того, речь идёт о

волчьих бегах: прийти к цели можно только через поражение по турам других...

Теперь я попытаюсь охарактеризовать личность как действующее лицо удивительной и захватывающей драмы строительства социализма, личность в неразрывности её двойственного бытия — как единственного в своём роде индивида и как члена сообщества.

Думаю, что самым простым было бы признать её качество незавершённости, незаконченного продукта истории. Индивидуальное сознание переносит изъяны прошлого в настоящее, и необходима постоянная работа для того, чтобы искоренить их.

Процесс этот двусторонний. С одной стороны, действует общество, оказывающее прямое и косвенное воспитательное воздействие. С другой — индивидuum сознательно принимает участие в процессе самовоспитания.

В ходе своего становления новое общество вынуждено весьма жёстко конкурировать с прошлым. Это проявляется не только в том, что индивидуальное сознание обременено пережитками воспитания, которое систематически ориентировалось на изоляцию личности, но и в характере самого переходного периода, пронизанного товарными отношениями. Товар — экономическая ячейка капиталистического общества. Пока он существует, его влияние отражается на организации производства и в конечном счёте — на сознании людей.

В схеме Маркса переходный период понимался как результат взрывной трансформации капиталистического общества, раздираемого собственными противоречиями; в реальности последующих лет мы видели, как отрываются от империалистического дерева отдельные страны, которые были его наиболее слабыми ветвями, — феномен, который предвидел Ленин. В этих странах капитализм развился в достаточной степени, чтобы его воздействие в той или иной мере почувствовали на себе народы, но развал системы происходит не из-за того, что её собственные внутренние противоречия исчерпали возможности её развития. Освободительная борьба против иностранной экспансии; нищета, порождённая непредсказуемыми причинами, например, войной, последствия которой привилегированные классы перекадывают на плечи эксплуатируемых; освободительные движения, призванные свергнуть неокOLONиальные режимы, — таковы были обычно факторы, служившие детонатором цепной реакции. Сознательные действия довершают остальное.

В таких странах ещё не полностью завершился курс обучения общественному характеру труда и накопление богатства было ещё далеко от того, чтобы массы могли овладеть им посредством простого акта присвоения. Отсталость, с одной стороны, и привычная утечка капиталов в «цивилизованные» страны — с другой, делают невозможными быстрые и не требующие жертв перемены. Предстоит пройти долгий путь построения экономической базы, и велико искушение следовать проторёнными тропами материальной заинтересованности, сделать именно её рычагом ускоренного развития.

Может возникнуть опасная ситуация, когда деревья мешают видеть лес. В погоне за химерой строительства социализма с помощью ущербного механизма, завещанного нам капитализмом (товар как экономическая ячейка общества, рентабельность, личная материальная заинтересованность в качестве рычага развития и так далее), можно попасть в тупик.

Причём в него упрутся после длительного пути, на котором дороги перекрещиваются много раз, и трудно почувствовать момент, когда ошиблись в выборе маршрута. Между тем приспособившаяся экономическая база уже наложила свой пагубный отпечаток на сознание. Для построения коммунизма одновременно с созданием материальной базы необходимо формировать нового человека.

Поэтому так важен правильный выбор орудия мобилизации масс. Оно должно быть в основном морального порядка, хотя мы не вправе забывать и о правильном использовании материальных стимулов, особенно из общественных фондов.

Как я уже сказал, моральные стимулы легко мобилизуются в экстремальной ситуации; для того чтобы поддерживать их действенность вне подобной ситуации, необходимо развитие сознания, в котором изменились бы ценности и новые категории пришли бы на место прежних. Всё общество должно превратиться в огромную школу.

Основные черты этого явления схожи с процессом формирования буржуазного сознания в его раннюю эпоху. Капитализм прибегает к силе, но, кроме того, воспитывает людей в рамках системы. Прямая пропаганда, ведущаяся уполномоченными лицами, доказывает неминуемость этого классового строя, утверждает его божественное происхождение или его механическую обусловленность самим развитием природы. Всё это заставляет смириться массы, осознающие себя жертвами зла, против которого невозможно бороться

ся. Затем, однако, приходит надежда. И в этом новый строй отличается от прежних кастовых режимов, которые не оставляли никаких альтернатив.

Для некоторых ещё сохраняет силу кастовая формула: за послушание — посмертное переселение в другие, чудесные миры, где достойные будут вознаграждены. Тем самым продолжается старая традиция. Для других само разделение на классы является фатальным, но отдельные личности могут выйти из класса, к которому они первоначально принадлежит, посредством труда, инициативы и так далее. Этот процесс и самовоспитание во имя успеха неизбежно основаны на глубоком лицемерии: это корыстная демонстрация того, что ложь является правдой.

В нашем случае непосредственное прямое воспитание приобретает гораздо большую важность. Разъяснение убедительно, поскольку оно основано на истине и не нуждается в уловках. Оно осуществляется воспитательным аппаратом государства в русле развития общей культуры, идеологии, повышения уровня технических знаний посредством таких организаций, как Министерство просвещения и агитационный аппарат партии. Процесс воспитания охватывает массы, и новое, проповедуемое поведение приобретает тенденцию превратиться в привычку; масса воспринимает его, делает его частью своего сознания и оказывает давление на тех, кто ещё его не воспринял. Такова косвенная форма воспитания масс, столь же действительная, как и иные.

Но это сознательный процесс. Индивидуум постоянно ощущает на себе воздействие нового общественного строя и осознает, что ещё не вполне соответствует ему. Благодаря этому воздействию, которое подразумевает косвенное воспитание, личность стремится приспособиться к ситуации, которую сама она считает справедливой, но которой она до сих пор не соответствовала лишь по причине изъянов в своём развитии. Так происходит самовоспитание.

На нынешнем этапе строительства социализма рождается новый человек. Его образ ещё полностью не завершен; вероятно, этого никогда не добиться, так как формирование личности происходит параллельно с развитием новой экономической формации. Даже не принимая в расчёт тех, кого отсутствие воспитания толкает на путь индивидуализма, удовлетворения своих личных амбиций — и среди тех, кто вовлечён в процесс развития нового сознания, есть и такие, кто, участвуя в этом общем движении, склонны обособиться

от идущих вместе с ними масс. Отсюда, в частности, важность того, чтобы у людей постоянно росло и сознание необходимости единения с обществом и в то же время — понимание важности каждой личности как мотора развития общества.

Сейчас люди у нас уже не бредут в одиночку по запутанным тропам к некоему отдалённому времени исполнения желаний. Они идут за своим авангардом, образуемым Партией, передовыми рабочими и гражданами, которые в своём движении вперёд ощущают свою тесную связь с массами, их принадлежность к одной с собой общности. Взгляд авангарда устремлён в будущее, его ведёт мысль о той награде, которую это будущее принесёт. Но речь идёт не об индивидуальной премии: как «награда будущего» ощущается само построение нового общества, которое состоит из людей, обладающих качественно иными характеристиками, общества человека-коммуниста.

Путь к нему долг и полон трудностей. Иногда, сбившись с пути, приходится отступать; порой, двигаясь слишком быстро, мы отделяемся от масс, в иных же случаях, напротив, потеряв темп, мы начинаем ощущать дыхание тех, кто уже наступает нам на пятки. Стремясь поступать как революционеры, мы пытаемся идти с максимально возможной скоростью, прокладывая новые пути, — но знаем, что пути эти должны стать доступными и массам, и что те смогут быстрее продвигаться вперёд, только если мы сумеем ободрить их своим примером.

Несмотря на значение, придаваемое моральным стимулам, сам факт, что существует разделение общества на две основные группы (исключая, естественно, меньшинство, которое по тем или иным причинам не участвует в строительстве социализма), указывает на недостаточность развития общественного сознания. Группа авангарда идеологически более подготовлена по сравнению с массой, которая уже знакома с новыми ценностями, но пока — недостаточно. Если качественный сдвиг в сознании авангарда уже позволяет ему принимать самопожертвование как естественную функцию передового отряда, кругозор масс пока ограничен, они нуждаются в стимулах — и в определённом давлении. Это и есть диктатура пролетариата, которая применяется не только по отношению к разгромленному классу, но — в индивидуальном порядке — и к представителям класса победившего. Отсюда необходимость иметь — для достижения полного успеха — специальные механизмы и революционные

институты. В сознании масс, устремлённых в будущее, концепция институционализации представляется гармоничным комплексом хорошо функционирующих каналов, ступеней, барьеров, хорошо смазанных механизмов, которые помогают нашему продвижению, способствуют естественному отбору тех, кому суждено идти в авангарде, присуждают награды или определяют наказания тем, кто строит новое общество или противодействует этому.

Институционализация революции ещё не достигнута. Мы ищем чего-то нового, такого, что позволило бы достичь полного отождествления власти с обществом в целом; отождествления, которое было бы приспособлено к особым условиям строительства социализма, максимально избегая общих мест буржуазной демократии, пересаженных в организм формирующегося общества (таких, например, как законодательные собрания). Без излишней поспешности уже предприняты определённые эксперименты с целью постепенной институционализации революции. Основной наш тормоз — это боязнь того, что какой-либо из формальных аспектов процесса может отдалить нас от масс и личности, что мы потеряем из виду конечную и самую важную революционную цель — увидеть человека, освобождённого от его отчуждения.

Несмотря на отсутствие институтов, которое постепенно должно быть преодолено, сегодня массы уже творят историю как сознательный коллектив личностей, борющихся за общее дело. При социализме человек вопреки кажущейся стандартизации является более цельным; несмотря на отсутствие совершенного механизма, его возможности для самовыражения и для того, чтобы дать почувствовать свой вклад в развитие социального организма, неизмеримо выросли.

Всё ещё необходимо усилить сознательное участие личности — индивидуальное и коллективное — во всех управленческих механизмах. И увязать это с идеей необходимости получения технического и идеологического воспитания так, чтобы личность почувствовала, насколько тесно взаимосвязаны эти процессы и насколько параллельным должно быть их развитие. Только так человек сможет полностью осознать свою социальную сущность, что равнозначно тому, что он полностью состоялся как человеческое существо, разорвав цепь отчуждения. Это конкретно проявится и в восстановлении его природной сущности в процессе освобождённого труда, и в выражении его личности через культуру и искусство.

Для того чтобы решить первую из этих задач, труд должен приобрести новое содержание; человек-товар прекращает своё существование, и возникает система, которая выделяет ему долю за выполнение общественного долга. Средства производства принадлежат обществу, и машина — это только окоп, где исполняется долг. Человек начинает освобождать своё мышление от досадного факта, предполагающего необходимость удовлетворять свои природные потребности посредством труда. Он начинает видеть себя, отражённого в своих свершениях и осознавать свою человеческую ценность в произведённом им продукте, в проделанной им работе. Это уже не влечёт за собой необходимость отчуждать часть своего «я» в форме продаваемой им своей рабочей силы, более ему не принадлежащей. Напротив, это означает эманацию его собственного «я», вклад в жизнь общества, выражающий выполнение им своего долга перед этим обществом.

Мы делаем всё возможное, чтобы придать труду эту новую характеристику общественного долга и соединить его, с одной стороны, с техническим развитием (что создаст условия большей свободы), а с другой — с добровольным неоплачиваемым трудом (базируясь на мысли Маркса о том, что человек в полной мере достигает своей человеческой сущности лишь тогда, когда производит, не подвергаясь принуждению физической необходимости продаваться, подобно товару).

Ясно, что труд, даже если он добровольный, пока не свободен от элементов принуждения; человек ещё не преобразовал любое окружающее его принуждение в условный рефлекс своей общественной природы; во многих случаях он ещё производит под давлением среды (Фидель называет это моральным принуждением). Ему ещё предстоит достичь состояния полного духовного удовлетворения от собственного труда, без прямого давления общественной среды, но связанного с нею новыми навыками. Это и будет коммунизм.

Перемены как в сознании, так и в экономике не совершаются автоматически. Они происходят медленно и неритмично: периоды ускорения сменяются застоем и даже упадком.

Кроме того, надо иметь в виду, что мы сталкиваемся не с чистым переходным периодом, каким его видел Маркс в «Критике Готтской программы», а с новой, не предусмотренной им фазой, первым периодом перехода к коммунизму, или строительством социализма. Для этой фазы характерна острая классовая борьба при наличии в

недрах процесса элементов капитализма, которые затемняют правильное понимание этого процесса.

Если ко всему этому прибавить схоластику, затормозившую развитие марксистской философии и помешавшую систематическому исследованию переходного периода, исследование политической экономии которого так и не было развернуто, то нужно согласиться с тем, что мы всё ещё находимся в «пеленках» и нам необходимо заняться изучением элементарных особенностей этого периода, прежде чем приступать к выработке более основательной экономической и политической теории.

Такая теория, совершенно очевидно, отдаст предпочтение двум основополагающим факторам созидания: формированию нового человека и совершенствованию техники. По этим направлениям предстоит ещё многое сделать, и тем непростительнее отставание, когда речь идёт о технической стороне дела, так как здесь уже можно продвигаться не вслепую, а следовать по пути, проложенному более развитыми странами мира. Поэтому Фидель с таким упорством говорит о необходимости технологического и научного просвещения всего нашего народа и тем более — его авангарда.

В области идей, которые направляют непроизводительную деятельность, легче заметить разделение между материальной и духовной потребностями. На протяжении длительного времени человек пытается избавиться от отчуждения посредством культуры и искусства. Он ежедневно «умирает» на восемь и более часов, когда выступает в роли товара, и воскресает в духовном творчестве. Но это последнее средство несёт в себе возбудителя аналогичного заболевания: он одинокое существо, которое ищет слияния с природой. Он защищает свою индивидуальность, подавленную общественной средой, и реагирует на эстетические идеи как единственное в своём роде существо, стремление которого состоит в том, чтобы остаться непорочным.

Речь идёт лишь о попытке к бегству. Закон стоимости уже не является простым отражением производственных отношений; капиталистические монополисты обнесли его сложной системой «лесов», которая превратила искусство в послушного слугу, даже когда используемые ими методы следует назвать чисто эмпирическими. Надстройка навязывает определённый вид искусства, в духе которого надлежит воспитывать художников. Непокорные укрощаются механизмом общественного давления и только исключительные та-

ланты могут создавать независимые произведения. Остальные превращаются в стыдливых поденщиков от искусства — или «перемалываются».

Изобретается концепция художественного «поиска», который и преподносится как критерий свободы, но этот «поиск» имеет свои пределы, не ощущаемые до тех пор, пока на них не натываются, например, при постановке действительных проблем человека и его отчуждения. Безадресный пессимизм и вульгарное времяпрепровождение являются удобными выпускными клапанами для человеческого беспокойства; отвергается идея превращения искусства в орудие обличения.

Если вы принимаете правила игры, то добиваетесь почестей, сходных с теми аплодисментами, которые могла бы получить обезьяна, придумавшая новый пируэт. Главное условие — не пытаться убежать из невидимой клетки.

Когда революция взяла власть, произошёл исход тотально прирученных; остальные — революционеры, и не только они — увидели новый путь. Художественный поиск получил новый импульс. Однако маршруты были более или менее известны, и смысл концепции бегства в себя от действительности, от общества укрылся за словом «свобода». Даже среди революционеров часто сохранялось подобное поведение — отражение буржуазного идеализма в их сознании.

В странах, которые пережили схожий процесс, пытались бороться против этих тенденций с позиций ультрадогматизма. Общая культура стала подобием «табу», был разработан кодекс дозволенных культурных устремлений, формально точно представляющих реальности природы. Затем этот комплекс превратился в механическое отражение реальностей социальных — таких, какими их хотели видеть; идеальное общество почти без конфликтов и противоречий; общество, каким его пытались создать.

Социализм молод, у него есть ошибки. Нам, революционерам, часто недостаёт знаний и интеллектуальной смелости, необходимых для того, чтобы взяться за развитие нового человека методами, отличными от общепринятых, а общепринятые методы испытывают на себе влияние общества, которое их создало. (Снова возникает тема взаимоотношений между формой и содержанием). Утрата ориентации весьма сильна, и проблемы материального производства нас буквально поглощают. У нас нет пользующихся неоспоримым авторитетом деятелей культуры, которые имели бы одновременно

и большой революционный авторитет, поэтому деятели партии должны взять на себя решение и этой задачи, чтобы добиться достижения главной цели: воспитания народа.

Всё это и порождает тенденцию упрощения, поиск того, что было бы «понятно всем», то есть понятно и чиновникам. Ликвидируется подлинный художественный поиск, а проблема общей культуры сводится к присвоению (как эталона) «социалистического настоящего» и мертвого (а следовательно, безопасного) прошлого. Так на основе искусства прошлого века рождается социалистический реализм.

Но реалистическое искусство XIX века также является классовым, пожалуй, даже более капиталистическим, чем декадентское искусство XX столетия, которое отражает тревогу, смятение отчуждённого человека. Капитализм в культуре дал всё, что мог и имел, и в искусстве от него остался лишь запах разлагающегося трупа — сегодняшнее декадентство. Но зачем искать в застывших формах социалистического реализма единственно стоящий рецепт? Нельзя противопоставлять социалистическому реализму «свободу», какой ещё не существует и не будет существовать вплоть до полного развития нового общества; но нельзя и безапелляционно осуждать с папского трона «ультрареализма» все формы искусства, возникшие после первой половины XIX века. Так можно впасть в прудонистскую ошибку возвращения к прошлому, надев смирительную рубашку на художественное самовыражение человека, который рождается и формируется сегодня.

Отсутствует развитие культурно-идеологического механизма, который стимулировал бы поиск и способствовал бы очищению от сорной травы, так буйно разросшейся на почве, удобренной государственными субсидиями.

В нашей стране ошибка механистического реализма не получила развития, зато налицо заблуждения обратного характера. Произошло это из-за непонимания необходимости воспитать нового человека, который не был бы носителем идей ни XIX века, ни века нынешнего — упадочнических и болезнетворных. Человек XXI века — вот кого нам предстоит создать, хотя пока это субъективное и не систематизированное стремление. Именно это — один из основных пунктов нашего исследования и работы.

И в той мере, в какой мы достигнем конкретных успехов на основе нашей теории или, наоборот, сделаем широкие теоретиче-

ские обобщения на базе наших конкретных исследований, мы внесём важный вклад в марксизм-ленинизм, в дело всего человечества. Мы отринули духовные ценности человека XIX столетия, но это привело нас к рецидиву декадентства XX века; это не очень тяжкий грех, но нам надо его исправить, иначе откроется широкое русло для ревизионистских тенденций.

Широкие массы будут развиваться, новые идеи приобретут в нашем обществе соответствующий размах; материальные возможности всестороннего развития абсолютно всех членов общества сделают наш труд ещё более плодотворным. Настоящее принадлежит борьбе, грядущее будет нашим.

В порядке резюме: изъяны многих наших интеллигентов и деятелей культуры коренятся в их первородном грехе: они не являются подлинными революционерами. Конечно, мы можем попытаться привить грушу вязу¹⁾, но одновременно надо сажать и грушевые сады. Придут новые поколения, свободные от первородного греха. Вероятность появления выдающихся художников будет тем большей, чем больше расширится поле культуры и возможности для самовыражения. Наша задача состоит в том, чтобы не дать нынешнему поколению, раздираемому своими конфликтами, развратиться и разложить поколения молодых. Мы не должны плодить ни поденщиков в искусстве, послушных официальным взглядам, ни «стипендиатов», живущих под крылышком бюджета и практикующих свободу в кавычках. Придут, придут революционеры, которые запоют песнь нового человека подлинным голосом народа. Но этот процесс требует времени.

В нашем обществе особую роль играют молодёжь и Партия. Особенно важна первая, ибо является той «мягкой глиной», из которой можно лепить нового человека, свободного от родимых пятен прошлого. С ней обращаются соответственно нашим стремлениям и надеждам. Её воспитание становится всё более совершенным, и мы не забываем о её включении в трудовой процесс с самых ранних лет. Наши стипендиаты занимаются физическим трудом во время каникул или одновременно с обучением. В одних случаях труд — это поощрение, в других — средство воспитания, никогда — не наказание. Рождается новое поколение.

1) — От испанской поговорки «требовать груши от вяза», т.е. просить о невозможном.

Партия — это организация авангарда. Лучших трудящихся их товарищи по работе рекомендуют ко вступлению в её ряды. Партия немногочисленна, но пользуется большим авторитетом благодаря качеству её активистов. Мы стремимся к тому, чтобы партия стала массовой, но только тогда, когда массы достигнут уровня развития авангарда, иными словами, — когда уровень их сознания станет коммунистическим. Именно на воспитание такого сознания нацелена наша работа. Партия — живой образец; её кадры должны подавать пример трудолюбия и самопожертвования, вести — своим действием — массы к конечным целям революции, что потребует многих лет нелёгкой борьбы против трудностей, классовых врагов, язв прошлого, против империализма...

Теперь хотелось бы объяснить роль, которую играет личность, человек как индивидуум — вождь масс, творящих историю. Речь идёт о нашем опыте, не о каком-то универсальном рецепте. Фидель дал импульс Революции — в её первые годы, руководство и общую тональность — постоянно. Но есть и немалое число революционеров, которые развиваются в том же направлении, что и лидер, и широкие массы, которые следуют за своими руководителями, потому что верят им, верят именно потому, что те смогли выразить чаяния самих масс.

Речь не идёт о том, сколько килограммов мяса можно потратить, сколько раз в году отдохнуть на курортах, сколько импортных вещей можно купить на нынешнюю заработную плату. Речь идёт о том, насколько удовлетворённым чувствует себя человек, насколько он богат духовно, насколько развито у него чувство ответственности. Человек, личность в нашей стране, знает, что славная эпоха, в которую ему довелось жить, это эпоха самопожертвования. И он знает, что такое самопожертвование. Первыми поняли это бойцы в Сьерра-Маэстре и повсюду, где шла борьба против диктатуры. Позднее это осознала вся страна. Куба — авангард Америки и должна идти на жертвы, потому, что она находится на передней линии, потому что она указывает народам Латинской Америки путь к полному освобождению.

Внутри страны руководители должны выполнять свою роль авангарда. И — надо сказать это со всей искренностью — в подлинной революции, в той, которой отдаётся всё и от которой не ждут никакого материального вознаграждения, задача авангарда, революционера одновременно великолепна, тревожна и мучительна.

Рискуя показаться смешным, хотел бы сказать, что истинным революционером движет великая любовь. Невозможно себе представить настоящего революционера, не испытывающего этого чувства. Вероятно, в этом и состоит великая внутренняя драма каждого руководителя. Он должен совмещать страстность духа и холодный ум, принимать мучительные решения, не дрогнув ни одним мускулом. Наши революционеры из авангарда должны поднять до уровня идеалов свою любовь к народу, к своему святому делу, сделать её нерушимой и целостной. Они не могут принести даже малую дозу повседневной человеческой нежности туда, куда её приносит обычный человек. У руководителей революции есть дети, в чьём первом лепете не слышится имя отца; жёны, вынужденные стать частью той общей жертвы, в которую приносится жизнь их мужей — для того чтобы привести Революцию к её цели. Круг их друзей жёстко ограничен — это товарищи по Революции. Вне её — нет жизни.

В подобных условиях надо обладать большим зарядом человечности, чувства справедливости и культа правды, чтобы не впасть в крайности догматизма, в холодную схоластику, в самоизоляция от масс. Каждый день надо бороться за то, чтобы эта любовь к живому реальному человечеству превращалась в конкретные дела, в действия, которые служили бы примером, стимулом мобилизации.

Революционер — идеологический движитель революции в рядах своей партии. Он сжигает, расходует себя в этой непрерывной деятельности, которую может остановить лишь смерть, если только новая жизнь не победит во всемирном масштабе. Если же вдруг его революционный пыл остывает, когда самые насущные задачи предстают как решённые в локальном масштабе, если он забывает о пролетарском интернационализме, то революция, которой он руководит, перестаёт быть для него движущим фактором — и он впадает в сладкую дрему, чем и пользуется наш непримиримый враг, империализм, переходя в наступление. Пролетарский интернационализм — это долг, но также и революционная необходимость. Так мы воспитываем наш народ.

Наша нынешняя ситуация чревата и специфическими опасностями. Это не только угроза догматизма и замораживания отношений с массами, но и опасность поддаться обычным соблазнам. Если человеку придёт в голову мысль, что, посвятив всю свою жизнь Революции, он имеет право на то, чтобы по крайней мере не беспокоиться о том, что его сыну не хватает какого-то продукта или что детская

обувь у него истрепалась; имеет право быть избавленным от мысли, что его семье не хватает каких-то благ — то под покровом подобной логики начинают прорастать семена будущей коррупции.

В нашем случае мы утверждаем, что наши дети должны иметь то и не иметь того, что имеют и чего не имеют дети обычных людей. Наши семьи должны понимать это и бороться за это. Революция делается через человека, но и человек должен изо дня в день выковывать в себе дух революции...

Так идём мы вперёд. Во главе огромной колонны — Фидель, и мы не стесняемся и не боимся говорить об этом. За ним — лучшие кадры партии, а вплотную к ним, причём так близко, что ощущается его огромная мощь, примыкает народ в целом, несокрушимый костяк индивидуальностей, идущих к общей цели. Это личности, обретшие сознание того, что нужно делать; люди, борющиеся за то, чтобы вырваться из царства необходимости в царство свободы.

Эта огромная масса людей организуется. Организация обусловлена осознанием её необходимости. Это уже не раздробленная сила, разделённая на тысячи фракций, движущихся по разным траекториям, подобно осколкам взорвавшейся гранаты, каждый из которых стремится достигнуть любой ценой в борьбе с себе подобными определённого положения, чего-то, что даёт точку опоры перед лицом неясного будущего.

Мы знаем, нам предстоят новые жертвы, и мы должны заплатить высокую цену за героическую решимость создать из нации — авангард. Мы, руководители, понимаем: право сказать, что мы идём во главе народа, который находится во главе Америки, должно быть оплачено. Все и каждый из нас вносят свою долю самопожертвования, сознавая, что нашим вознаграждением станет чувство исполненного долга; сознавая, что мы все двигаемся по направлению к новому человеку, облик которого уже вырисовывается на горизонте...

Позвольте мне попытаться сделать несколько выводов.

Мы, социалисты, свободнее остальных, потому что мы более цельны; мы более цельны, потому что более свободны.

Остов нашей полной свободы создан. Ему не хватает белкового вещества и одежды. Мы их создадим.

Наша свобода и её фундамент — цвета крови и цементированы самопожертвованием.

Наше самопожертвование — сознательно. Это цена, которую мы платим за свободу, которую мы строим.

Путь наш долог и частично неизведан. Мы знаем, что нас ограничивает. Но мы сформируем человека XXI века — нас самих.

Мы выкуем себя в каждодневном действии, создавая нового человека, владеющего новой техникой.

Личность выполняет мобилизующую и руководящую роль в той мере, в какой она воплощает самые высокие качества и стремления народа, — и не сбивается с пути.

Путь прокладывает группа авангарда, лучшие среди хороших, Партия.

Главный материал нашего строительства — молодёжь. На неё мы возлагаем свои надежды, её мы готовим для того, чтобы она взяла знамя из наших рук.

... Если весь этот лепет, что-то разъясняет, — письмо достигло цели, с которой я его посылаю.

Прими наше традиционное приветствие — как если бы это было рукопожатие или «Ave Maria Purissima». Родина или смерть!

«Marcha», Montevideo, 12 мая 1965 г.

Из выступлений на заседаниях руководства Министерства промышленности*

20 января 1962 г.

Мой способ делать дело состоит в том, чтобы всегда говорить правду. Я лично считаю, что это — лучшее из того, что может быть...

Вообще-то случается, что в странах, находящихся на ранних стадиях революции и революционного возбуждения, моральные стимулы оказываются сильнее, чем материальные. И те, и другие тесно связаны между собой... Мы не собираемся отказываться от материальных стимулов или же устанавливать такое положение, при котором моральные стимулы должны максимально долгое время использоваться для поощрения рабочих... делать моральные стимулы главными²⁾.

середина 1962 г.

Мы создали ситуацию, при которой у множества людей есть деньги, но они до сих пор ничего не производят... из-за ужасно задуманных и безобразно осуществлённых инвестиций, из-за огромного расхода средств. В итоге деньги у людей есть, но всё уже съедено, мы ели коров, а теперь у нас нет и маланги³⁾... Ответственность за это несём мы и должны откровенно сказать об этом. Рабочий класс хочет осудить нас? Хорошо, пусть осуждает, пусть сменяет, пусть расстреливает нас или делает что-либо иное. Но проблема — именно здесь [в нас?].

- 1) См. Введение. Декрет о назначении Че министром промышленности датирован 21 февраля 1961 г.; заседания руководства (Consejo de Dirección, коллегии) министерства в принципе проводились раз в два месяца. Первое из них состоялось 20 января 1962 г.; последнее — накануне вылета Че в Конго, 22.III.1965 г.
- 2) Этот и все остальные отрывки из выступлений заимствованы из книги Пако Игнасио Тайбо-II «Guevara, alias Che» (Mexico, 1957) и из статьи К. Таблады (см. Введение).
- 3) Южноамериканское растение («вестиндская капуста»), корневища которого идут в пищу; «еда бедняков».

22. II. 1964 г.

...Участие рабочих в управлении предприятиями сегодня равно нулю — вопреки всем нашим инструкциям. Каждый раз, приезжая на предприятие, я спрашиваю, как проходят производственные собрания... и администратор сообщает мне: «Собрания, конечно, проводятся ежемесячно, но проходят они скучно, плохо посещаются, люди не проявляют активности...»

В чём же причина недостаточного участия рабочих и их апатичности? Просто они воспринимают посещение собраний как обязанность перед кем-то посторонним, а не как нечто, необходимое для того, чтобы самим разобраться со всем происходящим...

1964 г.¹⁾

Речь идёт о статье Суизи²⁾, где тот анализирует одно из китайских писем³⁾, в которых делается попытка доказать, что Югославия является капиталистической страной. Так вот сначала Суизи доказывает догматизм этой китайской позиции, а затем говорит, что на деле Югославия — это страна, идущая к капитализму. Почему? Потому, что в Югославии действует закон стоимости, и с каждым днём во всё большей мере. [Под этим углом зрения] интересно то, что говорил о Югославии товарищ Хрущев, который послал туда людей перенимать опыт. Так вот, то, что он увидел в Югославии и что показалось ему таким интересным, — всё это в гораздо более развитом виде имеется в Соединённых Штатах, потому что там — капитализм. ... Так оно происходит в Югославии. Но и в Польше идут по югославскому пути, происходит деколлективизация, возвращаются к частной собственности на землю, введён целый ряд специальных систем обмена валюты, усиливаются связи со США. В Чехословакии и Восточной Германии также начинают изучать югославскую систему с

- 1) Точной датой заседания мы не располагаем, но, по-видимому, речь идёт о второй половине 1964 г.
- 2) П. Суизи — известный американский экономист-марксист, соавтор (с Л. Губерманом) прогремевшей книги «Куба. Анатомия Революции» (1960 г.).
- 3) Речь идёт о письмах 1962–1963 гг., в которых руководство КПК излагало свою позицию по спорным проблемам международного коммунистического движения.

тем, чтобы в дальнейшем применить её. Таким образом, уже целый ряд стран дружно меняет курс. Перед лицом чего? Перед лицом реальности, которую нельзя игнорировать, хотя об этом не говорится в слух: блок западноевропейских стран развивается быстрее, чем страны народной демократии. Почему же это происходит? И вот здесь вместо того, чтобы идти к сути этой проблемы, решение которой действительно является необходимостью, даётся сугубо поверхностный ответ. И тогда стремятся укрепить рыночные отношения, расширить [сферу воздействия] закон[а] стоимости, усилить материальное стимулирование.

Для меня закон стоимости равнозначен капитализму. Для меня очевидно, что там, где хотя бы косвенно используется закон стоимости — там мы контрабандой импортируем капитализм; во всяком случае, у нас на Кубе существует целый ряд категорий капитализма, которые мы возвращаем в деятельность госсектора.

...

И мы были озабочены уже не только строительством социалистической экономики. Помимо этого мы создали — думаю, что первыми в истории (можем это сказать, хотя это и звучит тщеславно), первыми в мире мы [поставили себе целью создать] последовательную — или почти последовательную, марксистскую, социалистическую систему, в центр которой был поставлен человек, где прямо говорится о роли индивида, говорится о человеке как о сущностном факторе революции. Но пока что мы оказались неспособными создать такие системы, в рамках которых этот человек даст [обществу] всё, что он может дать; и изъяны в наших механизмах ведут к тенденции превращения человека в машину. Даже такие вещи, как добровольный труд, превращаются в механические. ... Существует некая умственная лень, препятствующая тому, чтобы проникнуть в глубь проблемы, чтобы осознать, что мы делаем, и попытаться понять причины происходящего.

У нас избыток дисциплины в том, чтобы «следовать линии», и недостаток дисциплины сознания, дисциплины поиска ответов [на вопрос «почему»]. Надо изучать все эти вопросы, связанные со строительством социализма; проблемы, которые ставит перед нами необходимость и закономерность создания [нового] человека. И не правда, что... существует связь между финансовым самоуправлением (или хозрасчётом) и [воспитанием] масс. При самоуправлении

человек оценивается по критерию производимого им. Но ведь так поступают и при капитализме, достигая при этом совершенства, сверхсовершенства. Не существует и связи между поведением масс и способностями руководства... Когда мы начинали ставить подобные вопросы — не знаю, есть ли среди вас те, кто пережил ту эпоху, — так вот тогда в ответ слышалось: «Он ревизует», «Об этом надо спросить у Партии», «Это ещё что такое?». Настоящая буря. Ведь Библией для «борцов за чистоту» был у нас, к несчастью, не «Капитал», а учебник¹⁾.

Единственное, в чём я уверен, это то, что либо мы должны быть способными опровергнуть мнения наших оппонентов по данному вопросу, либо предоставить [им] возможность эти мнения [свободно] выражать. Нельзя опровергать чужие мнения палочными ударами; именно это убивает всякое развитие, свободное развитие разума²⁾. Каждый из вас в отдельности слишком мало знает, чтобы суметь в одиночку разработать всеохватывающую солидную теорию. И кроме того, вообще даже умные и знающие люди [в одиночку] солидные теории не творят — особенно в моменты, подобные тем, которые переживает мир сейчас. Стало быть, надо помогать друг другу; вы должны были больше помогать, думать, сотрудничать, прочитать все основополагающие работы — те, которые доступны для общего пользования...

1964 г., декабрь

Все новые инвестиции [должны быть] использованы для того, чтобы производительность труда [на новых предприятиях] достигла мирового уровня, т.е. противоположно тому, как они использовались прежде, когда каждая наша новая фабрика или химический завод оказывались технологически устаревшими [с самого начала] и мало чем помогали [росту] средней производительности в стране...

- 1) В оригинале «no El Capital, sino el manual». Речь идёт об учебниках и учебных пособиях по политэкономии, диалектическому и историческому материализму и т. п., тоннами (десятками тонн?) ввозимыми из СССР.
- 2) От этих высказываний Че — прямая дорога к его письму А. Харту (декабрь 1965 г.). (см. с. 505–508).

декабрь 1964 г. (после поездки в постхрущевскую Москву)

[Че рассказывает о дискуссии, состоявшейся в ноябре 1964 г. с обучающимися в СССР кубинскими студентами]

... В ходе нашего спора эмоции вышли из под контроля. В те дни студенты руководствовались не Библией «Капитала», а простым марксистским справочником, а тут их познакомили с несколькими точками зрения, в том числе и опасно капиталистическими, на основе которых может возникнуть тенденция к ревизионизму.

... [Я] обсуждал со студентами свои взгляды на моральное стимулирование, говорил о том, что система хозрасчёта в СССР является настоящим бедствием ... У меня никогда не было такой восприимчивой аудитории, потому что мои собеседники (студенты) жили непосредственно в средоточии проблемы.

«Что ни говори, западноевропейский блок развивается гораздо быстрее, чем блок народно-демократических государств». Это происходит, по мнению Че, из-за того, что в СССР вернулись к материальным стимулам, конкуренции и дифференциации в заработной плате. «Начальники получают всё больше и больше»... «У лидеров нет никаких обязательств перед массами...»¹⁾

март 1965 г.

М.А. Мизгерас²⁾

*Из воспоминаний о последней встрече с Че
(перед отъездом в Конго).*

... Последний раз мы разговаривали в ночь с 25 на 26 марта. [Че] был очень расстроен тем, что империалисты сотворили в Конго и сетовал на то, что Чехословакия и СССР продают оружие освободительным движениям: «Это не социализм, и не что-то ему подобное; они должны были просто дать оружие». Он спросил меня: «Что вы имеете для пятнадцатого номера журнала?.. Пусти статью, опубликованную в «Марче»³⁾, потом ту часть статьи Альберто Мора⁴⁾, где

- 1) Изложение — по книге Пако И. Тайбо-ИИ (М. 2000 г., с. 509–510).
- 2) Сотрудник Министерства промышленности, отвечавший за выпуск его журнала «Nuestra Industria. Revista economica».
- 3) Статья Че «Социализм и человек на Кубе» (с. 475—492).
- 4) Соратник и выдвиженец Че, ставший в то же время его оппонентом в «Экономической дискуссии» (см. с. 359–366).

он нападает на меня и отстаивает материальное стимулирование, пусть статью Манделы и ещё статью аргентинского социолога о человеческой психологии¹⁾ и о проблеме мотивации». И ещё он сказал мне: «Как угодно выпроси отрывок статьи одного из вице-президентов [компании] Форда, где рассказывается о методах повышения квалификации кадров. Это была статья [Ли] Якокки. А потом, черт возьми, аргентинец ушел, а мне партия задала вопрос: «Кто тебе велел печатать это?»²⁾

-
- 1) Речь идет о статье А. Капарроса «Моральные и материальные стимулы труда».
 - 2) Цит. по книге Пако Игнасио Тайбо-II, с. 539.

Я сделаю это

Статьи и заметки 1966 годов. Письма

Из «Записок о революционной войне: Конго»¹⁾

Из пролога (предисловия)

...Каково главное противоречие современной эпохи? Если бы это было противоречие между социалистическими и империалистическими странами или между империализмом и рабочим классом его стран — роль т. н. третьего мира действительно была бы намного меньшей, чем на самом деле. Однако существуют с каждым днём всё более веские аргументы для того, чтобы считать, что главным является противоречие между эксплуатирующими нациями и эксплуатируемыми народами. Условия [в которых я сейчас нахожусь] не позволяют мне приступить здесь к развернутому доказательству этого положения — того, как и почему оно не противоречит характеристике нашей эпохи как переходной к социализму...

* * *

... Это — история провала.

Если подобный отчёт может иметь какое-то значение, то связано оно с возможностью извлечь из него опыт, который послужит другим революционным движениям. Победа — это великий источник позитивного опыта, но поражение не в меньшей мере является таковым. Тем более в случае, подобном этому, когда и участники борьбы, и рассказывающие о ней — это иностранцы, рисковавшие жизнями в стране, с которой их связывают только ценности пролетарского интернационализма — на незнакомой территории, где говорили на чужом языке; когда закладывались основы метода, не применявшегося в освободительных войнах последних десятилетий — со времён гражданской войны в Испании...

Эти записки будут опубликованы много после того, как были надиктованы, и возможно, что автор не сможет принять на себя от-

1) Написаны Геварой зимой 1965/1966 г. в Дар-эс-Саламе (Танзания). Впервые опубликованы в 1994 г. в том же под заголовком «Год, когда нас нигде не было» («El año en que no fuimos en ninguna parte») — вместе с воспоминаниями других участников борьбы; отдельным изданием вышли в 1999 г. в Испании и на Кубе.

ответственность за всё, в них сказанное. Время сгладит многие шероховатости, и, если издание этих страниц будет иметь какое-то значение, редакторы смогут внести изменения, которые считают нужными (в частности, используя документальные источники), чтобы прояснить ход событий или суть позиций в свете последующей истории.

Из заключительной части «Записок»

«Мне остаётся самая трудная часть анализа, та, которая касается моего собственного поведения. Углубляя самокритику до предела собственных возможностей, я пришёл к следующим заключениям.

С точки зрения отношений с [конголезским] революционным командованием¹⁾ важнейшим препятствием стал тот не вполне нормальный способ, каким я попал в Конго: за всё последующее время я так и не смог преодолеть это препятствие. В этих отношениях я проявлял непоследовательность; долгое время мою позицию можно было определить как чрезмерно снисходительную, а временами я позволял себе вспышки ярости, которые обижали людей; может быть, речь идёт о врождённых свойствах моего характера... Единственный сектор, с которым мне бесспорно удавалось поддерживать правильные отношения, — это крестьяне, потому что я более привычен к политическому языку, к прямым объяснениям, к воздействию личным примером. Мне кажется, что в этом мне удалось добиться успеха. Я не овладел суахили в достаточной мере и достаточно быстро: это было связано в первую очередь с тем, что я знал французский. Что позволяло мне общаться с руководителями, но отдаляло от рядовых. Мне не хватило воли на необходимое усилие.

Что до отношений с нашими людьми [кубинцами], думаю, что с точки зрения физического и бытового самопожертвования ничто не может быть вменено мне в вину. Правда, в Конго я не смог не поддаться двум своим слабостям — курению (курева мне почти всегда хватало) и чтению (читал я здесь очень много). Иначе говоря, я не ощущал как жертву бытовые неудобства — будь-то разбитые башмаки или отсутствие смены белья, общий со всеми рацион питания

1) «С полевыми командирами» — по сегодняшней терминологии...

или жизнь в одинаковых с бойцами условиях. Но то, что я уединялся для чтения, оставаясь в стороне от повседневного быта отряда, вело к отдалению от товарищей, не говоря уже о том, что есть в моём характере черты, которые затрудняют близкие отношения с другими. Я бывал резок, но думаю, что не чрезмерно и не допуская несправедливости. Я прибегал к методам, не используемым в регулярной армии, — оставляя, например, провинившихся без еды; это — единственный известный мне в условиях герильи действенный способ воздействия. Вначале я пытался применять моральное принуждение — и потерпел неудачу. Я пробовал действовать так, чтобы люди целиком разделяли мой собственный взгляд на происходящее и тоже потерпел неудачу; я оказался неподготовленным к тому, чтобы смотреть с оптимизмом в будущее, которое надо было провидеть сквозь такой мрачный туман, какой окружает нас сегодня. У меня не хватило мужества призвать людей к максимальному самопожертвованию в решающий момент. Речь шла о внутреннем, психологическом барьере. Для меня было очень легко остаться в Конго: с точки зрения самолюбия бойца — это было то, что надо было сделать. Как отразится такое решение на моей будущей деятельности — даже если бы всё это закончилось не лучшим образом, — мне в тот момент было безразлично. Но когда я взвешивал это решение, против [меня] как раз и работало сознание того, насколько легко было выбрать самопожертвование мне лично. Сегодня я считаю, что должен был преодолеть в себе тяжесть подобных «самокритических» сомнений и доказать хотя бы части бойцов необходимость этого заключительного сражения; пусть нас было бы мало, но мы должны были остаться.

Наконец, мои отношения с личным составом — я ощущал это почти физически, хотя речь идёт о чём-то совершенно субъективном — были отягощены [моим] письмом Фиделю. Оно¹⁾ привело к тому, что товарищи вновь, как и несколько лет назад в Сиерра-Маэстре, стали воспринимать меня как «иностранца среди кубинцев». Только вчера это было тем, что складывалось, сегодня — тем, что уходило. Появились вещи, которые больше не воспринимались как общие для нас; стремления, от которых я молча или вслух отказался и которые остаются самыми важными для каждого человека, взятого

1) Речь идёт об отказе от официальных постов, кубинского гражданства, об «освобождении Кубы от всякой ответственности за...» и т.д. (см. с. 562).

в его отдельности от других, — связанные с его семьей, его страной, его средой. Письмо, которое вызвало столько похвальных слов на Кубе и за её пределами, отделило меня от бойцов.

Может быть, эти психологические соображения покажутся неуместными при анализе борьбы почти континентального масштаба. Я остаюсь верным своей концепции революционного «ядра»¹⁾ — я был командиром группы кубинцев, не большей, чем рота, и моя задача состояла в том, чтобы быть их реальным руководителем — таким, который мог бы привести их к победе, добиваясь создания и развития подлинной народной [конголезской] армии. Но специфика ситуации, в которой я оказался, делала меня одновременно солдатом, представителем иностранной державы, инструктором (кубинцев и конголезцев), стратегом, политиком высокого уровня в незнакомой политической ситуации. И «Катоном — цензором», нудным и высокомерным в моих отношениях с руководителями [конголезской] революции. Необходимость тянуть за столько нитей привела к образованию гордиева узла, разрубить который у меня не хватило решимости. Если бы я был солдатом — и только, — у меня было бы больше возможности влиять на другие аспекты моих сложных отношений... Я рассказал уже, как дошёл до крайности — защиты безопасности руководителя (моей драгоценной персоны) в особо катастрофической ситуации, в которую оказался втянут, и как я не смог избавиться от субъективных соображений в связи с вопросом о продолжении борьбы в последний момент.

Я многому научился в Конго. Были допущены ошибки, которые я больше не повторю, другие я, возможно, повторю — или совершу новые. Я покинул Конго с большей, чем когда-либо, верой в партизанскую борьбу — но так или иначе мы потерпели провал. Моя личная ответственность за это велика, я не забуду ни этого поражения, ни ценнейших его уроков.

1) В скором будущем она получит название «очага» (foco).

Письмо Армандо Харту Давалосу¹⁾

Дар-эс-Салам, 4. XII. 1965 г.

Мой дорогой секретарь:

Поздравляю тебя с предоставленной тебе возможностью побывать богом: ты располагаешь шестью днями для этого²⁾. Прежде чем ты закончишь и сядешь отдыхать, хочу изложить тебе некоторые идейки насчёт культуры нашего авангарда и нашего народа в целом.

В этот период длительных каникул я сунул нос в философию, что я давно уже думал сделать. Первая трудность, с которой я столкнулся: на Кубе ничего не опубликовано, если исключим советские кирпичи³⁾, слабость которых в том, что они не дают тебе думать: так как партия уже сделала это за тебя, и твоё дело — переваривать это. Не говоря уже о том, что подобная методология полностью противоречит марксизму, книги эти по общему правилу попросту очень плохи. Вторая же — и не меньшая трудность — моё полное незнание философского языка (в тяжёлом поединке с маэстро Гегелем я уже в первом раунде дважды был послан в нокдаун). Поэтому я составил себе план занятий, который, как я думаю, может быть проанализирован и намного улучшен, для того чтобы заложить основы подлинной школы мышления; мы ведь уже много сделали, но когда-нибудь должны будем и осмыслить сделанное. Я составлял это как план собственного чтения, но он может быть приспособлен и для того, чтобы послужить планом серьёзных публикаций в политическом издательстве⁴⁾. Если ты бросишь взгляд на его публикации, сразу же увидишь избыток советских и французских авторов. Это вызвано лёгко-

- 1) Письмо написано в Танзании через три–четыре недели после неудачи в Конго и адресовано старому соратнику по борьбе против Батисты, министру культуры в 1960–1965 гг. Армандо Харту.
- 2) Че подтрунивает над избранием Армандо организационным секретарём реорганизованной Коммунистической Партии Кубы (одинадцать лет спустя, в 1976 г., он вернулся на пост министра культуры). «Шесть дней» — по аналогии с шестью днями творения.
- 3) Речь идёт о переводах советских учебников. См. выше.
- 4) Кубинское издательство «Политическая литература».

стью с получением переводов и идеологическим хвостизмом. Так не прививается народу марксистская культура, в лучшем случае так распространяется марксистская литература, что необходимо (хотя лишь в том случае, если речь идёт о хорошей литературе — чего не наблюдается), но недостаточно.

Вот этот мой план:

- Классики философии.
- Великие диалектики и материалисты.
- Современные философы.
- Классики политэкономии и предшественники.
- Маркс и марксистское мышление.
- Социалистическое строительство.
- Еретические и капиталистические авторы.
- Полемика.

Каждая из этих серий автономна по отношению к другим и может быть развита следующим образом.

Серия 1.¹⁾ Берутся работы общеизвестных классиков, уже переведённые на испанский язык и предваряемые серьёзным исследованием философа (по возможности марксиста) и обширным объяснительным справочником. Здесь же публикуется словарь²⁾ философских терминов и краткая история философии. Может быть, Дынника³⁾ или Гегеля. Публикацию можно выстроить в определённом — селективно — хронологическом порядке, то есть начать с одной или двух книг самых великих мыслителей и продолжить эту серию, доведя её до наших дней, а затем вернуться к истокам, публикуя в хронологическом порядке работы философов, менее значительных — и менее значительные работы великих и т.д.

2. Здесь можно следовать тем же путём, обязательно воспроизведя тексты некоторых античных философов, — некоторое время назад я читал аргентинское издание, в котором были Демокрит, Гераклит и Левкипп.

3. Здесь были бы опубликованы работы наиболее представительных из современных философов — сопровождаемые серьёзными и тщательными [...] исследованиями понимающих авторов (не

- 1) Пункты 1, 2, 3 соответствуют пунктам плана, изложенного выше.
- 2) По-испански «vocabulario» — в первом случае и «diccionario» — во втором.
- 3) Речь идёт о пятитомной «Истории философии».

кубинцев) с соответствующей критикой в тех случаях, когда представленная точка зрения является идеалистической.

4.¹⁾ Это — единственное, что уже делается, хотя совершенно беспорядочно и без [перевода] ряда фундаментальных работ Маркса. В этой серии должны быть опубликованы полные собрания сочинений Маркса и Энгельса, Ленина, Сталина и других великих марксистов. Никто, например, не читал [у нас] ничего [из написанного] Розой Люксембург, у которой могли быть ошибки²⁾, но которая была убита, а в делах такого рода инстинкт империализма более развит, чем наш. Не знаем мы и тех марксистских мыслителей, которые, подобно Каутскому или Гильфердингу, впоследствии сбились с дороги, но до этого свой вклад внесли — и многие современные марксисты, не полностью ставшие на схоластические позиции.

5. Социалистическое строительство. Книги, посвящённые конкретным проблемам, написанные не только нынешними, но и вчерашними руководителями. Это требует серьезных изысканий относительно реального вклада данных авторов — философов и особенно экономистов и государственных деятелей.

6. Здесь располагаются работы наиболее крупных представителей ревизионизма (если хотите, сюда можно поместить и Хрущева), требующие особо глубокого, большего чем кто-либо, анализа, и должен быть твой друг Троцкий — ведь он жил и творил. А также наиболее крупные из буржуазных теоретиков капитализма — такие как Маршалл³⁾, Кейнс Шумпетер⁴⁾ и др. И их работы должны быть глубоко проанализированы — с объяснением всех «почему?»

7. Как следует из самого её названия (*Polemicas*), эта серия — наиболее полемична. Но именно так развивалось марксистское мышление. Прудон написал о философии нищеты, но о его существовании мы помним сегодня благодаря [марксовой] «Нищете филосо-

-
- 1) Здесь пропущен пункт, наличествующий в плане. Последующий абзац раскрывает содержание начального пункта 5.
 - 2) В качестве примера этого Гевара приводит критические замечания Р. Люксембург на «III том Маркса». Неясно, идёт ли речь о «Капитале» или о чём-то ином.
 - 3) А. Маршалл (1842–1924), английский экономист, один из классиков западной политэкономии XX века, создатель микроэкономического анализа и Кембриджской школы.
 - 4) И. Шумпетер (1883–1950) — одна из главных фигур экономической мысли XX века. С 1933 г. — в США.

фии». Критическое издание¹⁾ поможет понять эпоху и развитие самого Маркса, которое [в ту пору] ещё не достигло фазы зрелости. То же относится к Робертусу и Дюрингу в том веке — и к ревизионистам и к главным фигурам полемики 20-х годов в СССР, представляющим для нас наибольшую важность.

Лишь сейчас обнаружил, что об одной из серий я забыл (пищу наспех), потому оказался перепутанным порядок. Так вот, 4-ю серию составят работы классиков политэкономии и предшественников [марксизма], начиная с трудов физиократов, Адама Смита и т.д.

Речь идёт о гигантской работе. Но Куба её заслуживает — и думаю, может попытаться [сделать это]. Больше не стану утомлять тебя этой болтовней. Пишу именно тебе, поскольку плохо знаю нынешних ответственных за идеологическую ориентацию и, быть может, было бы неосторожным [писать им] и по другим соображениям (не только из-за проблемы хвостизма, которая и сама по себе значит многое)²⁾.

Ладно, достославный коллега (по философской линии), желаю тебе успеха. Надеюсь, что мы увидимся «на седьмой день». Обнимаю всех, кто этого заслуживает, включая по пути меня в число тех, кто очастливлен твоей дорогой и воинственной дружбой.

R³⁾.

Письмо впервые опубликовано на Кубе в журнале «Contracorriente» (1997, № 9).

- 1) Т. е. снабжённое комментариями и, быть может, включающее «объяснительные» статьи по теме.
- 2) «Хвостизм» — здесь, как и выше, условное обозначение обязательного и бездумного копирования буквы и духа официальных идеологических установок СССР.
- 3) R. = Ramon, псевдоним Че в Конго, а затем в Боливии.

Отрывки из экономических рукописей 1966 года («Пражских тетрадей»)

1. Из замечаний (Notas) на «Учебник политэкономии (Академия наук СССР)»

1966 г.

Противостоя концепции плана, понимаемого как экономический выбор масс, которые осознают интересы своего народа, нам предлагают плацебо, при котором успех зависит лишь от используемых экономических рычагов. Это механистическая, антимарксистская позиция. Массы должны иметь возможность управлять своей судьбой, они должны решать, сколько пойдёт в накопление, а сколько на потребление; экономическая технология должна оперировать этими цифрами, а сознание масс — обеспечивать выполнение намеченного. При этом государство воздействует на индивида, не выполняющего свой классовый долг, штрафую или — в обратном случае — премируя его...

Таковы воспитательные факторы, которые будут способствовать преобразению человека в рамках великой воспитательной системы социализма. Чувство общественного долга — а не желудок индивида — должно быть тем, что подвигает его к участию в производстве. На это должно быть направлено воспитание.

.....

Личный интерес должен быть отражением интереса общественного; основываться на личном интересе для мобилизации производства — значит следовать линии наименьшего сопротивления, дать крылья идеологии капитализма... В своё время в ключевой момент истории СССР¹⁾, выходявшего из длительной и разорительной гражданской войны, Ленин, глубоко встревоженный создавшейся ситуацией, сделал шаг назад в своей теоретической концепции и положил начало длительному процессу гибридизации²⁾, кульминацией

1) Так в тексте.

2) О термине — см. ниже (с. 510–511).

которого и стали нынешние сдвиги в структуре экономического управления социалистических стран.

.....

... НЭП — это один из крупнейших шагов назад, сделанных СССР¹⁾, недаром Ленин сравнивал его с Брестским миром. Решение было в высшей степени трудным и, судя по сомнениям, которые терзали душу Ленина в последние годы жизни, если бы ему довелось прожить ещё несколько лет, он исправил бы наиболее опасные последствия этого решения. Но его продолжатели этой опасности не увидели и так возник в конструкции социализма огромный троянский конь — прямой материальный интерес, в качестве [основного] экономического рычага. НЭП складывался не будучи направлен против мелкого товарного производства, но как воплощение требований этого производства.

.....

Ошибка СССР состоит в том, что материальный стимул понимается лишь в одном своём смысле капиталистическом, хотя и централизованном. Важно же показать трудящемуся его долг перед обществом и наказывать его экономически, если он его не выполняет. Когда же он даёт сверх должного, надо награждать его, поощрение может носить и материальный, и моральный характер, но в первую очередь должно выражаться в представлении возможности повысить квалификацию, перейти к работе на более высоком технологическом уровне.

Всё происходит из ошибочной концепции — желания построить социализм из элементов капитализма, не меняя последние по существу. Это ведёт к созданию гибридной системы, которая заводит в тупик; причём тупик, с трудом замечаемый, который заставляет идти на всё новые уступки господству экономических методов, т. е. вынуждает к отступлению.

.....

.. Давно уже известно, что социальное сознание обусловлено социальным бытием, известна и та роль, которую играет [в историческом процессе] надстройка. Сейчас же мы присутствуем при ин-

1) см. выше.

тересном феномене, который открыт не нами, но понимание значения которого мы пытаемся углубить: речь идёт о диалектике взаимоотношений базиса и надстройки. Мой тезис состоит в том, что изменения, происшедшие в связи с НЭПом, настолько глубоко отразились на жизни советского общества, что наложили отпечаток на весь последующий этап его истории. И результаты этого — обескураживающие: капиталистическая надстройка во всё более отчётливой форме влияет на производственные отношения, и конфликты, вызванные той «гибридизацией», которую обозначил НЭП, решаются сегодня в пользу надстройки; происходит возвращение к капитализму.

Эта наша работа¹⁾ обладает ещё одной отличительной чертой: речь идёт о «призыве из слаборазвитости»²⁾. До сих пор революции с социалистическими тенденциями происходили как в странах, в высшей степени отсталых (и к тому же разорённых войной), так и в странах индустриально сравнительно развитых (Чехословакия, восточная часть Германии) или, наконец, в странах — континентах. Но каждая из них принадлежала к одному единому географическому массиву. Иными словами, до сих пор ещё ни разу эксперимент с социализмом не начинался в маленькой изолированной стране, лишённой как возможностей, которые даёт широкий рынок, так и преимуществ быстрого использования международного разделения труда — и в то же время обладавшей сравнительно высоким жизненным стандартом.

Допущенные нами ошибки, бездумные порывы также найдут отражение — как часть поучительной истории — на этих страницах, но наиболее важными представляются наши мотивы; мотивы, которые роднят нас со всеми слаборазвитыми странами, что и даёт нам основания ставить вопрос об определённой универсальности той постановки вопроса, которую мы и предлагаем.

Многие почувствуют определённое недоумение перед лицом этой совокупности новых — и различных — аргументов, другие ощутят себя уязвлёнными, найдутся и те, кто во всей книге усмотрят

- 1) Из имеющихся в нашем распоряжении материалов (статья Таблады) остаётся неясным, является ли этот текст отрывком из «Пражских тетрадей» или же фрагментом книги, которую Че писал в последние месяцы своей жизни, в том числе и в ходе боевых действий в Боливии.
- 2) в оригинале: «grito dado desde el subdesarrollo».

лишь бешеный антикоммунизм, замаскированный под теоретическую аргументацию. Но многие (мы искренне надеемся на это) почувствуют в ней и дыхание новых идей, увидят выражение своих собственных забот и сомнений — до сих пор не образующих единого целого. Именно этой группе и адресована в первую очередь данная книга. И ещё — массе кубинских студентов, которые должны будут пройти через болезненный процесс зубрежки «вечных истин» — по публикациям, идущим прежде всего из СССР; студентам, которые сталкиваются с тем, что наше поведение, неоднократно заявленная позиция наших руководителей полностью противоречат тому, что они читают в текстах.

Тех же, чье недоверие к нам вызвано уважением и лояльностью по отношению к социалистическим странам, хотел бы предупредить вот о чём: утверждение Маркса, высказанное им на первых страницах «Капитала», относительно неспособности буржуазной науки критиковать самое себя, о замене ею критики апологетикой, к несчастью, применимо сейчас к марксистской экономической науке.

Эта книга представляет собой попытку вернуться на нужную дорогу, и независимо от научной ценности этой попытки я горд тем, что она была предпринята в маленькой развивающейся стране.

Многие потрясения ещё ожидают человечество до его окончательного освобождения, но (и абсолютная уверенность в этом — это то, что руководит мной) оно может быть достигнуто только при радикальном изменении стратегии основных социалистических держав. Станет ли это изменение результатом неизбежного империалистического давления или эволюции масс самих этих стран или совокупного действия различных факторов — это нечто, о чём скажет история. Мы же вносим свою скромную песчинку, подозревая, что предприятие в целом окажется намного выше наших сил. В любом случае останется свидетельство того, что попытка была предпринята: наша сила духа должна пройти проверку, принимая вызов Сфинкса, а не увиливая от его грозного вопроса.

1966 год¹⁾.

... Значение категории «хозяйственный расчёт» всегда было для меня неясным; похоже, что реальный смысл его несколько раз менялся со временем; странными же являются попытки придать этой

1) Из какой работы извлечён (К. Табладой) данный абзац — не ясно.

форме административного управления (в СССР) характер экономической категории, без которой нельзя обойтись. Настаивать на этом — значит использовать практику как шаблон (единственное мерило), не прибегая даже в минимальной мере к теоретической абстракции или — хуже того — возводя в принцип апологетику. На деле хозрасчёт — всего лишь совокупность методов контроля, руководства и управления социализированными предприятиями в период, обладающий специфическими характеристиками...

... Потому что предприятие, которое функционирует на основе потребительского спроса, таким путём измеряющее свою прибыль и эффективность своего руководства, не представляет собой ни большую редкость, ни что-то особо секретное: это обычный образ действий капитализма. Но именно это происходит сегодня на некоторых предприятиях СССР. Речь идёт о специфических экспериментах, и я никоим образом не хочу доказать этим, что в Советском Союзе существует капитализм. Я хочу сказать лишь, что мы являемся свидетелями некоторых феноменов, происхождение которых связано с кризисом теории, а теоретический кризис возник потому, что было забыто о существовании Маркса, и потому, что основываются только на части трудов Ленина, ведь Ленин 20-х годов — это только малая часть Ленина. Фактом является то, что между Лениным «Государства и революции» и «Империализма как высшего этапа капитализма» — и Лениным НЭПа существует пропасть... Сегодня основываются прежде всего на сказанном в этот, последний период, принимая за научную истину вещи, которые теоретически не верны, но были навязаны практической необходимостью... Ленин... был прежде всего политиком, а политики должны уметь идти на уступки. И в любом случае, что бы там ни было, в какой-то момент политик должен говорить вещи, которые не соответствуют его теоретическому подходу...

Послание народам мира через Конференцию трёх континентов¹⁾

*Создать два, три... много Вьетнамов —
таков лозунг.*

*Это час пылающих горнов,
и не должно быть видно ничего,
кроме света.
Хосе Марти*

Уже прошёл двадцать один год после окончания последнего мирового пожара; и это событие, символизируемое капитуляцией Японии, вызвало к жизни большое число публикаций на всех языках. Во многих секторах обоих неравных лагерей, на которые разделён мир, царит по этому поводу климат оптимизма.

Двадцать один год без мировой войны — и это в ситуации острейших конфронтаций, столкновений с использованием силы и внезапных перемен — действительно кажется очень долгим сроком. Однако, даже не анализируя практические результаты этого мира (нищета, деградация, эксплуатация всё возрастающего числа регионов Земли) — мира, готовность бороться за который мы все провозглашаем, — хорошо бы понять, является ли он реальностью.

Цель данных заметок — не описание локальных вооружённых конфликтов, случившихся со времени капитуляции Японии, и не составление длинного и всё увеличивающегося реестра гражданских конфликтов, случившихся за период так называемого мира. Сомневаясь в обоснованности чрезмерного оптимизма, достаточно сослаться на войны в Корее и Вьетнаме.

1) Этот текст был написан Геварой на Кубе, в августе–сентябре 1966 г., непосредственно перед его отъездом в Боливию. Конференция трёх континентов (Триконтиненталь) — встреча Организации солидарности народов Африки, Азии и Латинской Америки состоялась в Гаване в апреле 1967 г.

В Корее после нескольких месяцев ожесточённых боев северная часть страны подверглась самому чудовищному опустошению, какое можно найти в анналах современных войн: сплошь перепаханная бомбами, она осталась без фабрик, без школ, без больниц, без какого-либо следа жилья, где могли бы укрыться десять миллионов её жителей.

Под прикрытием флага ООН в этой интервенционистской войне участвовали десятки стран, которыми командовали США, в боевые операции было вовлечено большое число американских солдат, в качестве пушечного мяса использовались призванные по мобилизации южные корейцы.

С другой стороны, армия и народ Кореи, а также добровольцы из Китайской Народной Республики получали помощь оружием, боеприпасами и военными советниками из СССР. Американцы испытали и задействовали в войне все виды оружия массового разрушения, кроме термоядерного; в ограниченных масштабах использовалось даже бактериологическое и химическое оружие. Во Вьетнаме патриотическим силам пришлось практически непрерывно вести боевые действия против трёх сменявшим друг друга империалистических держав: сначала против Японии, чья военная мощь рухнула только после бомб Хиросимы и Нагасаки, затем против Франции, которая забыла о данных ею в тяжёлые для неё времена обещаниях и вновь захватила свои индокитайские колонии, оккупированные Японией, и, наконец, против Соединённых Штатов, в нынешней и последней фазе.

Локальные столкновения имели место на всех континентах, хотя в Латинской Америке долгое время случались лишь военные мятежи да попытки развернуть освободительную борьбу — до тех пор, пока сигнал тревоги, данный Кубинской революцией, не напомнил, насколько важен этот регион, и не вызвал гнев империалистов. Куба должна была защищать свои берега сначала на Плайя-Хирон, а затем во время Октябрьского кризиса.

Последний инцидент мог спровоцировать войну в непредсказуемых масштабах, если бы вокруг Кубы произошло столкновение США и СССР.

Несомненно, однако, что средоточие основных противоречий в настоящее время находится на территории Индокитайского полуострова и прилегающих к нему стран. Лаос и Вьетнам сотрясают гражданские войны, которые перестают быть таковыми после того,

как американский империализм всей своей мощью вмешался в события, и весь регион превратился в огромнейшую пороховую бочку, в любой момент готовую взорваться.

Максимальной остроты конфронтация достигла во Вьетнаме. Мы не намерены описывать историю этой войны. Укажем только на главные её вехи.

В 1954 году, после того, как французская армия потерпела сокрушительное поражение под Дьенбьенфу, были подписаны Женевские соглашения, по которым страна была разделена на две зоны и которые предусматривали в течение 18 месяцев проведение выборов, которые и должны были определить, кто будет управлять Вьетнамом и как будет объединена страна. США не подписали эти соглашения, начав маневры, чтобы заменить французскую марионетку — императора Бао Дая — своим человеком. Им оказался Нго Динь Дьем, чей трагический конец — лимона, выжатого империализмом — известен всем.

Первые месяцы после подписания Женевских соглашений в лагере народных сил царствовал оптимизм. На юге страны демонтировались базы сопротивления, созданные в период войны с французами; и ждали выполнения соглашений. Однако вскоре патриоты поняли, что выборов не будет, если только США не будут уверены, что смогут навязать через урны свою волю — а это им не удалось бы сделать, к каким бы из известных им методов избирательного мошенничества они ни прибегали.

С тех пор возобновившаяся на Юге Вьетнама борьба принимает всё более интенсивный характер — и к настоящему времени американская армия нашествия достигает там полумиллиона человек, в то время как численность марионеточной армии постоянно сокращается, и главное, она почти полностью утратила свою боеспособность.

Почти два года назад североамериканцы начали систематические бомбардировки территории Демократической Республики Вьетнам, вновь пытаясь таким образом снизить боеспособность Юга и навязать переговоры с позиции силы. Вначале бомбардировки ДРВ происходили лишь время от времени — под предлогом возмездия за так называемые провокации Севера. Затем интенсивность бомбардировок возросла, методы их изменились, и теперь они превратились в гигантскую бойню, которую ежедневно осуществляют ВВС США с целью уничтожения каких-либо признаков цивилизации в

северной части Вьетнама: бомбардировки стали частью печально известной политики эскалации.

В значительной степени янки удалось воплотить в жизнь свои материальные устремления, несмотря на бесстрашное сопротивление вьетнамских сил ПВО, уничтожение более чем 1700 американских самолётов и помощь оружием со стороны социалистического лагеря.

Мы стоим перед горькой реальностью: Вьетнам, страна, представляющая чаяния и надежды на победу обездоленных всего мира, трагически одинока. Вьетнамский народ должен выносить удары американской военной машины — почти в упор — на Юге, с минимальными возможностями защиты — на Севере, но всегда в одиночку. Солидарность прогрессивного мира с народом Вьетнама напоминает ту горькую иронию, которую означало для гладиаторов, сражавшихся на аренах римских цирков, шумное одобрение плебса. Нужно не желать успеха жертвам агрессии, а разделить их судьбу, идти вместе с ними к смерти или к победе.

Анализируя одиночество Вьетнама, мы чувствуем острую боль [angustia]: настолько алогичным выглядит отношение человечества к происходящему.

Империализм США виновен в агрессии, его преступления огромны, и их ареной стали все районы мира. Мы знаем это, господа! Но виновны и те, кто в определённый момент допустил колебания и не решился провозгласить Вьетнам неприкосновенной территорией социализма¹⁾, что было бы чревато риском войны мирового масштаба, но риском, с которым вынужден был бы считаться и американский империализм. Виноваты и те, кто продолжает вести войну обмена ударами и оскорблениями, уже давно тянущуюся между двумя крупнейшими державами социалистического лагеря.

Мы спрашиваем, рассчитывая на честный ответ: изолирован или нет Вьетнам, опасно балансируя между двумя противоборствующими сверхдержавами?

Но как велик этот народ! Столько в нем стоицизма и мужества! Каким примером для мира служит его борьба!

Пройдёт немало времени, прежде чем выяснится, всерьёз ли президент Джонсон думал о проведении реформ, необходимых для

1) То есть объявил бы нападение на Вьетнам нападением на мир социализма в целом.

народа — чтобы снизить остроту классовых противоречий, всё чаще заявляющих о своей взрывоопасности. Но уже сейчас очевидно, что эти реформы, помпезно названные «борьбой за великое общество», утонули в трясине Вьетнама.

Крупнейшая из существующих империалистических держав ощущает, что её организм обескровливает сопротивление бедной и отсталой страны, что её чудо-экономика подрывается напряжением войны. Убийство перестаёт быть самым выгодным бизнесом для монополий. А ведь всё, чем располагают великолепные вьетнамские бойцы, — это оборонительное оружие (да и то в недостаточном количестве), да ещё любовь к своей родине, к своему обществу и исключительное мужество. Империализм завяз во Вьетнаме, он не может найти выхода из создавшегося положения и отчаянно ищет кого-либо, кто помог бы ему, не потеряв лица, выбраться из этой опаснейшей ситуации. Однако «четыре условия», предложенные Севером, и «пять условий», предложенных Югом, зажимают его в клещи, и противостояние делается всё более фронтальным.

Всё, по-видимому, показывает, что хрупкий мир, который и миром-то называется только потому, что не произошло никакого пожара мирового масштаба, сегодня вновь подвергается опасности быть разрушенным каким-либо необратимым и неприемлемым для другой стороны действием североамериканцев. А нам, эксплуатируемым этого мира, какая роль отведена нам? Народы трёх континентов следят за событиями во Вьетнаме и извлекают уроки из этих событий. Раз угрозой войны империалисты шантажируют человечество, его верный ответ состоит в том, чтобы перестать бояться войны. Атаковать постоянно и решительно на каждом участке конфронтации — такой должна быть общая тактика народов.

Но там, где этот жалкий мир не нарушен, — какова наша задача там? Освобождение любой ценой.

Картина мира сегодня отличается большой пестротой. Такая задача, как освобождение, стоит даже перед странами старой Европы, достаточно развитыми, чтобы ощутить на себе все противоречия капитализма, но слишком слабыми, чтобы следовать по пути открыто империалистической политики или вступить на этот путь. В ближайшие годы противоречия в этих странах примут взрывоопасный характер¹⁾, но их проблемы (а следовательно, и решения этих

1) Написано за два года до событий 1968 г.

проблем) отличаются от проблем наших народов — экономически отсталых и зависимых.

Основная сфера империалистической эксплуатации охватывает три экономически отсталых континента — Азию, Африку и Латинскую Америку. Каждая из стран этих континентов обладает своими особенностями, как, впрочем, и сами эти континенты.

[Латинская] Америка представляет собой более или менее однородную общность, и почти на всей её территории абсолютное превосходство удерживает североамериканский монополистический капитал. Marionеточные или в лучшем случае — слабые и трусливые местные правительства не в силах противиться приказам североамериканского хозяина. США достигли почти пика политического и экономического господства на континенте; сверх того, что уже есть, они могут получить лишь очень немногое — и потому любое изменение ситуации грозит им потерей их превосходства. Поэтому политика США нацелена на удержание уже завоёванного. Сегодня линия действий США на континенте сводится к использованию грубой силы для уничтожения освободительных движений какого бы то ни было типа.

Лозунг «Не позволим новой Кубы» выступает как прикрытие прямых актов агрессии, таких, как совершённый против Доминиканской Республики¹⁾, а ранее — побоище в Панаме, а также в качестве откровенной угрозы: войска янки готовы к интервенции в любой точке Латинской Америки, где будет поколеблен существующий порядок и поставлены под угрозу североамериканские интересы. Эта политика проводится в условиях, по сути, полной безнаказанности: ОАГ, сколь бы дискредитирована она ни была, остаётся удобным прикрытием; беспомощность ООН граничит со смешным — или с трагедией; армии всех стран Латинской Америки готовы действовать, чтобы раздавить собственные народы. Де-факто создан интернационал преступлений и предательства.

В то же время местная буржуазия окончательно утратила способность сопротивляться империализму (если она когда-либо имела такую способность) и превратилась в его покорного приспешника. Выбора нет: либо революция на континенте будет социалистической, либо это будет карикатура на революцию.

1) Речь идёт о прямой, циничной интервенции вооружённых сил США в Доминиканскую Республику (апрель–сентябрь 1965 г.)

Азия — это континент с иными характеристиками. Здесь в результате освободительной борьбы против различных европейских колониальных держав возникли более или менее прогрессивные режимы, эволюционировавшие либо к углублению первоначальных целей национального освобождения, либо к возврату на проимпериалистические позиции.

С точки зрения экономики Соединённые Штаты рисковали в Азии очень немногим, а приобрести могли много. Здесь они заинтересованы в изменениях, они борются за то, чтобы отодвинуть другие неоколониальные державы и внедриться в новые для себя сферы экономики — иногда напрямую, иногда используя Японию.

Существуют, однако, особые политические условия (в первую очередь на Индокитайском полуострове), которые придают особое, первостепенное значение ситуации в Азии и играют важнейшую роль в глобальной военной стратегии империализма США. Последний осуществляет окружение Китая, опираясь на Южную Корею, Японию, Тайвань, Южный Вьетнам и Таиланд. И это — по меньшей мере.

Эта двуединая задача — важнейший стратегический интерес Соединённых Штатов (военное окружение Китайской Народной Республики) — и стремление американского капитала к проникновению на крупные азиатские рынки, где он пока не доминирует, делают Азию одним из самых взрывоопасных мест в современном мире, несмотря на видимость стабильности за пределами вьетнамской территории.

Ближний Восток, хотя он географически принадлежит к азиатскому континенту, обладает настолько выраженной спецификой, дошёл до такой остроты конфликта, что сегодня невозможно предугадать, чем кончится нынешняя «холодная война» между Израилем, который поддерживают империалисты, и прогрессивными странами этого региона. Это ещё один вулкан, угрожающий миру.

Африка же представляет собой, можно сказать, почти нетронутое поле для неоколониального вторжения. Здесь мы наблюдали перемены, заставившие колониальные державы отказаться от своих прежних абсолютных прерогатив. Однако в тех случаях, когда эти перемены происходили в течение длительного времени, колониализму наследует — без применения насилия — неоколониализм. С точки зрения экономического господства результаты одного и другого ничем друг от друга не отличаются.

У Соединённых Штатов не было колоний на этом континенте, и сейчас США пытаются проникнуть в прежние заповедные зоны своих союзников. Можно не сомневаться, что Африке в стратегических планах американского империализма отводится роль отложенного на будущее резерва: существенные вложения североамериканского капитала наблюдаются лишь в Южно-Африканском Союзе, а проникновение капитала США в Конго, Нигерию и некоторые другие страны, где разворачивается ожесточённая конкурентная борьба (пока ещё мирная) с другими империалистическими державами, только начинается.

В этом регионе янки пока что не имеют столь значительных интересов, чтобы их надо было бы защищать, — кроме разве самой своей претензии на «право» вмешательства в любой точке земного шара, где американские монополии унюхали возможность крупных прибылей или существование богатых месторождений полезных ископаемых.

Всё это позволяет ставить вопрос о кратко- и среднесрочной перспективе борьбы народов за своё освобождение.

Если мы начнём анализировать африканскую ситуацию, мы увидим, что относительно активная борьба ведётся сегодня в португальских колониях — в Гвинее, в Мозамбике и в Анголе, причём в Гвинее — успешно, а в двух других странах — с переменным успехом. Продолжается борьба и в Конго — между последователями Лумумбы и бывшими сообщниками Чомбе, причём в данный момент чаша весов, судя по всему, склоняется в сторону последних, тех, кто «умиротворили», к собственной выгоде, значительную часть страны (хотя в латентной форме партизанская война ещё продолжается).

В Родезии ситуация выглядит по-иному: британский империализм использовал все доступные ему возможности, чтобы передать бразды правления в этой стране белому меньшинству, которое и удерживает власть в настоящее время. С точки зрения Великобритании, конфликт носит характер абсолютно нелегитимный, причём эта держава с присущей ей дипломатической ловкостью — иначе именуемой лицемерием — официально выражает сугубое неодобрение действиям правительства Яна Смита¹⁾. Эта двуличная позиция Англии находит поддержку в некоторых странах Британского Со-

1) Расистское правительство тогдашней Южной Родезии (ныне — Зимбабве).

дружества, которые следуют в фарватере политики Лондона, и отвергается значительной частью стран Чёрной Африки, вне зависимости от того, являются ли они — экономически — вассалами британского империализма или нет.

В Родезии ситуация может взорваться, если кристаллизуются усилия авангарда чёрного большинства, направленные на начало вооружённой борьбы, и если это движение будет действительно поддержано соседними африканскими нациями. Пока же все проблемы Родезии пробуют разрешить в рамках таких беспомощных организаций, как ООН, Британское Содружество или ОАЕ¹⁾.

Как бы то ни было, политическая и социальная эволюция Африки не выглядит как чреватая приближением континентальной революционной ситуации. Освободительная борьба против португальских колонизаторов должна завершиться победой, но сама Португалия не занимает никакого места в мировой империалистической иерархии. С точки зрения революции важны именно те столкновения, которые ставят под удар всю систему империализма, хотя понимание этого, конечно, не заставит нас прекратить борьбу за освобождение трёх португальских колоний и углубление происходящих в них революций.

Только когда чернокожее население Южной Африки и Родезии начнёт подлинно революционную борьбу, в Африке наступит новая эпоха. Или же стартом этой эпохи может стать выступление обездоленных масс какой-либо страны континента во имя того, чтобы вырвать своё право на достойную жизнь из рук правящих местных олигархий.

Пока что на континенте происходят — один за другим — лишь военные перевороты, в ходе которых одна группа офицеров свергает другую или же гражданских правителей, чья деятельность перестала отвечать интересам той или иной касты или иностранной державы, этой кастой манипулирующей. Народные же движения практически отсутствуют. В Конго такое движение, вдохновленное памятью о Лумумбе, на короткое время возникло, однако и оно в последние месяцы утратило свою силу.

В Азии же, как мы видим, ситуация взрывоопасна — и борьба идёт не только во Вьетнаме и Лаосе, есть и иные горячие точки. Это Камбоджа, против которой американцы могут в любой момент на-

1) Организация африканских государств.

чать прямую агрессию, Таиланд и Малайзия и, разумеется, Индонезия. Не думаем, что последнее слово в этой стране уже сказано, хотя власть захватили реакционеры и в стране уничтожена Коммунистическая партия. И, естественно, остаётся ещё и Ближний Восток.

В Латинской Америке вооружённая борьба ведётся сегодня в Гватемале, Колумбии, Венесуэле и Боливии; первые ростки такой борьбы прорились в Бразилии. Вспыхивают и гаснут и другие очаги сопротивления. Но почти все страны континента созрели для борьбы, победа в которой должна привести как минимум к установлению власти, нацеленной на социализм.

На этом континенте говорят практически на одном языке, исключение составляет Бразилия, но и с бразильцами испаноязычные могут легко объясниться вследствие близости обоих языков. Идентичность между социальными классами Латинской Америки настолько велика, что мы можем говорить о некоем «латиноамериканском интернационале». Их объединяют язык, обычаи, общий хозяин. В значительной части Латинской Америки практически однотипны степень и форма эксплуатации, а также её последствия — как для эксплуататоров, так и для эксплуатируемых. И восстание быстро зреет в регионе.

Мы можем спросить себя: какими будут плоды этого восстания? какого типа оно будет? Мы уже давно предположили, что в силу крайней близости характеристик разных стран региона борьба в Латинской Америке рано или поздно примет континентальные масштабы. Латинская Америка станет ареной многих великих битв человечества за его освобождение.

С точки зрения битвы континентального масштаба, борьба в тех странах, где она сейчас активно ведётся, — не более чем частные эпизоды, но эта борьба уже дала своих мучеников, имена которых будут занесены в книгу истории Латинской Америки как имена тех, чья кровь стала на нынешнем этапе борьбы необходимым вкладом в дело полного освобождения человека. В этой книге будут имена команданте Турсиоса Лимы, священника Камилло Торреса, команданте Фабрисо Охеды, команданте Лобатона и команданте Луиса де ла Пуэнто Уседы,¹⁾ сыгравших важнейшую роль в революционном движении в Гватемале, Колумбии, Венесуэле и Перу.

1) Че упоминает здесь имена руководителей партизанского движения Латинской Америки, погибших в 1965–1966 гг.

Но мобилизация народа выдвигает новых руководителей: Сесар Монте и Йон Соса поднимают знамя борьбы в Гватемале, Фабио Васкес и Маруланда — в Колумбии, Дуглас Браво и Америко Мартин командуют фронтами в Венесуэле — на западе страны и в Эль-Бачильере.

Новые ростки партизанской войны появятся в этих и в других странах, как это уже произошло в Боливии; они будут крепнуть, несмотря на все превратности судьбы, с которыми сопряжена эта опасная профессия современного революционера. Многие падут жертвами собственных ошибок, другие погибнут на полях надвигающихся суровых битв, но новые бойцы и новые лидеры возникнут в огне революционной войны.

Народ будет готовить и своих воинов, и своих вождей, сама война станет инструментом такого отбора. Будет расти и число агентов янки, осуществляющих репрессии. Сегодня военные советники янки имеются во всех странах, где ведётся вооружённая борьба, — и похоже, что в Перу армия, обученная этими советниками и при их непосредственном участии, весьма успешно провела операцию по подавлению революционной борьбы.

Но если очаги вооружённой борьбы будут действовать достаточно умело в военном и политическом планах, эти очаги станут практически неуничтожимы, что заставит янки посылать в зону боевых действий всё новые и новые контингенты. В той же Перу новые бойцы, пусть ещё не известные миру, демонстрируя твёрдость и настойчивость, реорганизуют партизанское движение. Мало-помалу устаревшее оружие, которого правительственным армиям хватает для подавления небольших вооружённых групп, придётся заменять современным вооружением; и соответственно придётся всё более наращивать численность американских советников, так что в конце концов Соединённые Штаты вынуждены будут присылать уже регулярные войска — и во всё возрастающем количестве, иначе им не удастся обеспечить стабильность власти в странах, местные марионеточные армии которых разлагаются в ходе борьбы с партизанами.

Это — путь Вьетнама; по этому пути должны следовать народы, по этому же пути пойдёт и Латинская Америка — с той лишь особенностью, что здесь вооружённые движения смогли бы создать что-то вроде Хунт Координации, чтобы затруднить империализму осуществление репрессий и помогать друг другу в достижении поставленных целей.

Перед Латинской Америкой, континентом, забытым в последних политических битвах за освобождение, континентом, голос которого, голос авангарда его народов — Кубинской революции, будут донесены до его собратьев на Конференции трёх континентов, стоит задача гораздо более значимая: создать второй или третий Вьетнам или одновременно и второй, и третий Вьетнамы.

В конце концов, мы должны иметь в виду, что империализм, последняя стадия капитализма — это мировая система, и что надо победить его в конфронтации мирового масштаба. Конечная стратегическая цель нашей борьбы — уничтожение империализма. Задача, стоящая при этом перед нашими народами, народами отсталых и эксплуатируемых стран, — это разрушение тыловых баз империализма, пресечение его возможностей черпать отсюда свои капиталы, дешёвое сырьё, дешёвую рабочую силу и дешёвых специалистов — и направлять сюда новые капиталы — как орудие своего господства, оружие и прочие средства, призванные содействовать нашей тотальной зависимости. Иначе говоря, основополагающим элементом этой стратегической задачи станет подлинное освобождение народов, которое в большинстве случаев возможно только путём вооружённой борьбы и которое в Латинской Америке почти неизбежно будет нести в себе тенденцию превращения в социалистическую революцию.

Если мы говорим о разрушении империализма, необходимо чётко идентифицировать его руководящую силу. Это — Соединённые Штаты Америки.

Мы должны осуществить задачу общего типа, тактическая цель которой — заставить противника расстаться с привычными ему условиями, вынудить его сражаться в такой местности, где привычный ему образ жизни приходит в противоречие с господствующей реальностью. Не стоит недооценивать противника: с точки зрения технической американский солдат обладает высокими качествами, а поддерживающие его средства таковы, что могут испугать кого угодно. Ему не хватает, однако, идеологической мотивации — того, чем сегодня в полной мере обладают его самые яростные противники — вьетнамские партизаны. Мы победим американскую армию только в том случае, если сможем подорвать её моральный дух. А достигается это тем, что мы наносим этой армии поражения в боевых столкновениях и постоянно поддерживаем атмосферу лишений и опасностей, в которой она находится.

Эта сжатая схема достижения победы подразумевает большие жертвы народов, жертвы, которые требуется приносить уже сегодня, немедленно; однако вероятно, что они окажутся меньше тех жертв, какие нам пришлось бы принести, если мы будем постоянно избегать борьбы в надежде, что кто-то другой будет таскать нам каштаны из огня.

Ясно, что та страна, которая последней встанет на путь борьбы за освобождение, имеет все шансы избежать вооружённой борьбы, а народ её окажется избавлен от страданий, которые сопряжены с долгой и жестокой войной, навязанной империализмом. Но, может быть, в силу всемирного характера схватки и этой стране не удастся избежать ни самой вооружённой борьбы, ни её последствий, и страдания её народа окажутся столь же велики или даже большими, чем в других странах. Мы не можем предсказывать будущее, но недостойно поддаваться оппортунистическому искушению и выступать знаменосцами народа, который желает своей свободы, но отказывается от борьбы, к ней ведущей, и ожидает победы, как нищий ожидает подаяния.

Абсолютно справедливо стремление к тому, чтобы избежать любых ненужных жертв. Поэтому так важно понять, насколько реальна для нашей зависимой Латинской Америки возможность достичь освобождения мирным путём. Для нас ответ на этот вопрос ясен: мы можем ошибиться в выборе места и времени для начала борьбы, но мы больше не можем строить иллюзий относительно возможности достижения свободы без сражений — и не имеем права на эти иллюзии. И этими сражениями будут не уличные стычки, противостояние камней слезоточивому газу, и не всеобщие стачки мирного характера, и не стихийные выступления разъярённого народа, способные в два-три дня разнести в щепы репрессивные структуры правящих олигархий; нет, борьба будет длительной, беспощадной, передовая линия её будет проходить через укрытия партизан, через дома бойцов, где члены их семей будут становиться лёгкой добычей репрессий, через уничтожаемое крестьянское население, через города и села, разрушаемые вражескими бомбардировками.

Нас толкают к такой борьбе — и у нас нет другого выхода, кроме как решиться на неё и готовиться к ней.

Начало борьбы не может быть лёгким, оно будет очень трудным. Олигархии мобилизуют на службу своему делу все возможности репрессивной машины, всю свою жестокость и всю свою дема-

гоию. В первое время нашей задачей будет выживание, затем начнут работать такие факторы, как сила примера борющегося партизанского отряда, проводящего вооружённую пропаганду — во вьетнамском смысле этих слов, — пропаганду выстрелов, пропаганду боёв, выигрываемых или проигрываемых, но постоянно навязываемых противнику.

Важнейшим является великий урок непобедимости герильи, усваиваемый массами обездоленных. Пробуждение национального духа, подготовка к решению более трудных задач, к сопротивлению более свирепым репрессиям.

Ненависть как фактор борьбы: непримиримая ненависть к врагу, преодолевающая природные ограничения человеческой личности и превращающая её в эффективную, яростную, действующую холодно и избирательно машину уничтожения. Наши солдаты должны быть такими; народ, не способный ненавидеть, никогда не одержит победы над жестоким врагом.

Нужно донести войну туда, куда её доносит противник: туда, где он живет, и туда, где он отдыхает; сделать войну тотальной. Нельзя давать противнику ни минуты покоя — ни в казармах, ни за их стенами; нужно атаковать его всюду, где бы он ни находился; противник должен везде чувствовать себя затравленным зверем. Тогда его моральный дух долго не выдержит. Он станет зверствовать пуще прежнего — но вместе с тем первые признаки упадка его духа вырвутся на поверхность.

И пусть заявит о себе подлинный пролетарский интернационализм, возникнут интернациональные пролетарские армии, боевым знаменем которых станет священное дело освобождения человечества, когда смерть за свободу Вьетнама, Венесуэлы, Гватемалы, Лаоса, Гвинеи, Колумбии, Боливии, Бразилии — упоминая лишь те страны, где сегодня уже ведётся вооружённая борьба, — станет равно славной и желанной для латиноамериканца, для азиата, для африканца и даже для европейца.

Каждая капля крови, пролитая за освобождение страны, где ты не родился, — это опыт, который усвоят выжившие, чтобы применить его впоследствии для освобождения своей страны. И каждый освобождённый народ — это победоносный этап битвы за освобождение своего собственного народа.

Настало время отложить в сторону наши разногласия и поставить всё на службу общей борьбе.

Что мир, борющийся за свободу сегодня, сотрясают серьезные противоречия,— это общеизвестно, и скрывать этого мы не можем¹⁾. Знаем мы и то, что противоречия эти приобрели такой характер и такую остроту, что всякий диалог и тем более примирение представляются в высшей степени трудными — или невозможными. Нет способа начать диалог, если спорщики от него отказываются. Но перед нами противник, он каждый день наносит нам удары и грозит новыми — и эти удары нас объединят — сегодня ли, завтра или послезавтра. И те, кто поймут неизбежность этого раньше других и начнут готовиться к этому необходимому союзу, заслужат благодарность народов.

Принимая во внимание ту степень агрессивности и непримиримости, с какой отстаивается каждая из противоборствующих точек зрения, мы, обездоленные, не можем принять чью-либо сторону в этом споре — даже когда мы в каких-то случаях согласны с постановкой вопроса одной или другой стороной или тезисы одной из сторон кажутся нам ближе, чем тезисы другой. В условиях острой борьбы против общего врага форма, в какой публично выражаются нынешние разногласия, ослабляет всех нас; но, учитывая уровень этих разногласий, хотеть исправить положение дел словами — значит предаваться иллюзиям. История либо сотрёт эти разногласия, либо даст им подлинное истолкование.

В нашем борющемся мире любые расхождения относительно тактики и методов достижения ограниченных целей должны анализироваться со всем уважением, которого заслуживают чужие оценки. Но поскольку речь идёт о великой стратегической цели — полном уничтожении империализма посредством борьбы с ним, — мы должны быть непримиримыми.

Синтез наших стремлений к победе выглядит так: разрушение империализма посредством разрушения его главного оплота — имперского господства Соединённых Штатов Америки. Тактическим путём к этому является последовательное освобождение наших народов, одного за другим или целыми группами, навязывая противнику трудную для него борьбу за пределами его территории, ликвидируя его тыловые базы на зависимых территориях.

Это означает длительную войну. И, повторим ещё раз, войну жестокую. Пусть никто не обманывает себя на этот счёт, начиная вой-

1) Намек на советско-китайскую дискуссию в мировом коммунистическом движении.

ну, и пусть никто не будет колебаться, начинать ли её, страшась последствий войны для своего народа. Это — почти единственная надежда на победу.

Мы не можем уклониться от вызова времени. Этому нас учит Вьетнам своим постоянным уроком героизма, своим повседневным и трагическим уроком борьбы и смерти во имя достижения окончательной победы.

Там солдаты империализма оказались в неудобном для себя положении — привыкнув ко всем прелестям североамериканского образа жизни, они вынуждены теперь существовать во враждебной стране; они испытывают неуверенность, чувствуя, что каждый их шаг — это шаг по земле противника; смерть поджидает тех из них, кто покидает свои укрепления, везде и постоянно они встречают враждебное население.

Всё это уже отозвалось внутри Соединённых Штатов: вновь возникает фактор, который во времена наибольшей силы империализма тому удалось приглушить, — классовая борьба на его собственной территории.

Каким близким и сияющим смогли бы увидеть будущее, если бы на планете возникло два, три, много Вьетнамов — с их квотами смертей и безмерными трагедиями, но и с каждодневным героизмом, непрерывными ударами по империализму: ударами, заставляющими его расплывать свои силы под натиском растущей ненависти народов мира!

И если бы мы смогли объединиться для того, чтобы наши удары стали сильнее и точнее, чтобы всесторонняя помощь сражающимся народам стала бы ещё более действенной — каким бы великим стало будущее, каким близким!

Если нам, всем, кто в крошечной точке на карте мира исполняет долг, о котором мы говорим, и отдаёт борьбе то небольшое, что мы можем отдать, — наши жизни, наше самопожертвование, если нам придётся в один из этих дней издать последний вздох в любой стране, орошённой нашей кровью и ставшей поэтому нашей, знайте: мы осознаём масштаб наших действий и рассматриваем себя лишь как часть великой армии пролетариата, но мы гордимся тем, что восприняли основной урок Кубинской революции и её вождя, урок, воплощённый в их действиях на этой части планеты: «Что значит опасность, угрожающая одному человеку или даже целому народу, что значат их жертвы, когда на кону судьба человечества?»

Все наши действия — это призыв к антиимпериалистической войне и воззвание к единству народов мира против главного врага рода человеческого — против Соединённых Штатов Америки. И где бы ни застала нас смерть — мы приветствуем её, если только наш боевой клич достигнет чуткого уха, и иная рука подхватит наше оружие, и другие бойцы готовы будут пропеть надгробные песни — очередями пулеметов и новыми возгласами войны и победы.

Tricontinental. Suplemento especial, 16 de abril de 1967.

«Granma», 17 de abril 1967

Письма (1959–1966 гг.)¹⁾

14 января 1959 г.

Сеньоре Серхиа Кордова

Военный Департамент [гарнизона] «Ла Кабанья»²⁾

Уважаемая сеньора,

Пишу, отвечая на ваше письмо от 3 января, в котором вы спрашиваете о своём сыне — Леонеле Родригесе-и-Кордова.

С глубоким прискорбием сообщаю вам, что ваш сын Леонел погиб смертью героя, сражаясь против тирании в бою у Санто-Доминго, убитый осколком вражеского снаряда. Тело погибшего — со всеми почестями, подобающими званию капитана [Повстанческой армии], похоронено на территории усадьбы «Хулиан Перес». Командование разделяет с Вами горе безвозвратной потери столь доблестного соратника.

С уважением. Свобода или смерть.

Эрнесто Че Гевара

Начальник Военного Департамента «Ла Кабанья».

1) Здесь приводятся те тексты писем Че, которые вошли в собрания сочинений, изданные в 1969 г. («Фельтринелли, Милан), 1970 и 1977 (1985) гг. (на Кубе). Тексты нескольких других писем — в следующем разделе. При переводе опущены почтовые адреса, а также девиз «Родина или смерть. Мы победим», которым после 1961 г. заканчиваются все письма Че (кроме «прощальных» — 1965 г.). Напротив «Comandante» (Cmnte) в подписях всюду сохранено: это звание (единственное «значившее» для Че) заменяло для него отсылку ко всем иным его должностям и функциям.

2) Один из двух военных гарнизонов Повстанческой армии в Гаване. Назначение Че — и иных руководителей революции — на подобные посты соответствовало общим тактическим установкам Фиделя в первые месяцы после победы.

Гавана, 5 февраля 1959 г.

Хосе Э. Марти Лейва¹⁾, Ольгин

Уважаемый друг,

С искренней радостью я прочитал Ваше письмо, где вы выражаете желание принять участие в борьбе за свободу столь близкого нам народа Санто-Доминго⁴⁾.

В полной мере оценивая благородство и великодушие этого предложения, призываю вас сохранить жар вашего нынешнего энтузиазма для будущего, когда возможность [осуществить то, что вы предлагаете] придёт. А пока — использовать свои школьные годы, превратиться в «человека, приносящего пользу», в которых так нуждается сегодня Куба; уверен, что вы станете одним из них. Посвятите себя живописи, обещайте мне это.

С сердечным приветом

Др. Эрнесто (Че) Гевара

Команданте Военного Департамента «Ла Кабаньи».

Гавана, 5 февраля 1959 г.

Хуану Эонгу Кинтана

Уважаемый друг,

Благодарю вас за ваше предложение. Всегда похвальна готовность молодежи к самопожертвованию во имя благородных целей, подобных освобождению Санто-Доминго, но я думаю, что в этот момент наше место борьбы здесь, на Кубе, где предстоит преодолеть огромные трудности.

Посвятите себя воодушевлённому труду во имя нашей Революции, и это — пример нашей полной победы — станет лучшей помощью доминиканскому народу.

Примите привет от Эрнесто (Че) Гевары, военного коменданта «Ла Кабаньи».

- 1) Ответ на одно из пяти писем кубинских старшеклассников, просивших о своём зачислении в группу борцов против диктатуры Л. Трухильо в Доминиканской республике. См. также следующее письмо).
- 2) Доминиканская республика.

Тарара¹⁾, 10 марта 1959 г.

Тов. Карлосу Франки

Редактору газеты «Революсьон», Гавана

Товарищ Франки

В журнале «Карталес», в секции «Из последних новостей» («Что стоит за новостью»), которую ведёт Антонио Льяно Монтес, я натолкнулся на заметку, заинтересовавшую меня тем, что представляет собой намёком на моё поведение как революционера: речь идёт о следующей по видимости безобидной фразе «Команданте Гевара выбрал себе резиденцию в Тараре».

Не стану анализировать здесь, кем является сеньор журналист, не буду обсуждать источники его сведений о моём — охраняемом — местопребывании, в мои намерения не входят ни обвинения, ни выяснения, но я считаю своим долгом объяснить ситуацию общественному мнению и тем, кто доверяли мне как революционеру.

Объясняю читателям «Revolucion», что в настоящее время я болен и что болезнь свою я подхватил не в притонах и не проводя ночи в кабаре, но работая для Революции больше, чем смог вынести мой организм.

Врачи рекомендовали мне жилище в зоне, отдалённой от ежедневных визитов, и администрация управления брошенным имуществом²⁾ предоставила в моё распоряжение этот дом на данном пляже на время, пока лечащие меня коллеги не сочтут меня выздоровевшим. Я должен был занять дом деятелей прошлого режима, поскольку моё жалованье офицера Повстанческой армии (125 песет) не позволяет мне снимать жильё, достаточное для размещения людей, которые меня сопровождают.

То обстоятельство, что речь идёт о доме бывшего батистовца, объясняет его роскошь; хотя я выбрал самый скромный из этих домов, это в любом случае — оскорбление чувств народа.³⁾ И я обещаю сеньору Льяно Монтесу и прежде всего народу Кубы, что я покину это жилище сразу же после своего выздоровления.

- 1) Модный пляжный поселок к востоку от Гаваны. Впоследствии — главная зона детского отдыха на Кубе.
- 2) Recuperacion de Bienes.
- 3) В оригинале: «sensibilidad popular». Вариант перевода: «представлений и надежд народа, связанных с падением прежнего режима».

Я был бы тебе благодарен, если бы ты опубликовал эти строчки, чтобы наш народ был бы лучше осведомлен о деятельности тех кто взял на себя ответственность перед ним.

Че.

Гавана, 5 апреля 1960 г.

«Год аграрной реформы»

Сеньору Нельсону Меса Лопесу¹⁾

Уважаемый друг,

«День школьной корреспонденции» принес мне много писем от детей, которые, как и ты, хотят выразить своё единство с нашей Революцией. Мы очень горды патриотическим духом наших ребят и очень верим, что у будущей Кубы будут образцовые граждане.

Единственное, что мне хотелось бы сказать тебе, это то, что лучшая помощь, которую ты сегодня можешь оказать нашему правительству, — это не жалеть усилий в твоей учебе, всегда стараясь сделать ещё больше.

Тебя приветствует Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 12 апреля 1960 г.

«Год аграрной реформы»

Эрнесто Сабато²⁾

Аргентина

Уважаемый соотечественник!

Примерно пятнадцать лет назад, когда я узнал вашего сына (ему сейчас должно уже быть около двадцати) и познакомился с вашей женой (в местности, которая вроде называлась «Кабаранча» — в Карлосе Пас) и впоследствии, когда я прочитал вашу восхитившую меня книгу «Один и вселенная»... мне и в голову не могло прийти,

- 1) Ученик шестого (для нас — девятого) класса школы в провинции Гавана.
- 2) Один из классиков аргентинской литературы (в ряду Борхеса, Коргасара ...)

что именно Вы, обладатель самого священного для меня в мире звания — писателя, спустя годы обратитесь ко мне с вопросом об определениях, «возобновляя дискуссию», по вашим словам, и ссылаясь на мой авторитет (что основано на некоторых фактах — и куче субъективных обстоятельств).

Я останавливаюсь на этих, предваряющих воспоминаниях только для того, чтобы напомнить, что, несмотря ни на что, я принадлежу земле, на которой я родился, и что я ещё способен глубоко чувствовать все её радости и надежды — и её разочарования тоже. Было бы трудно объяснить Вам, почему «это» — не то, что «Освободительная Революция»¹⁾, хотя, быть может, стоило бы сказать вам, что кавычки вокруг слов, которые Вы обличаете, я видел с самых первых дней — и отождествлял эти слова с тем, что произошло в Гватемале, которую я покинул [в том же году] побеждённым и почти разочарованным, и таково же было настроение всех, кто сначала принял участие в этом странном приключении и чьи революционные чувства обрели впоследствии новую глубину в контакте и теснейшем взаимодействии с крестьянскими массами — в ходе жестокой двухлетней борьбы и воистину тяжкого труда.

Мы не могли быть носителями «Освободительной», поскольку не были частью плутократической армии, мы были новой, народной армией, взявшей за оружие, чтобы покончить со старой, и мы не могли быть «освободителями», потому что символом нашей борьбы были уничтоженные скотоводческие латифундии — не коровы, конечно, а колючая проволока, их окружавшая и уничтоженная тракторами (именно такова сегодня эмблема ИНРА)²⁾. Мы не могли быть «освободительной революцией» потому, что на Кубе служанки плакали от радости³⁾ в тот день, когда бежал Батиста и мы входили в Гавану — и сегодня они же сообщают нам о всех замыслах и всех тайных заговорах господ из «Кантри-Клуба» — тех же самых, которых

-
- 1) Официальное, апологетическое название правого военного переворота 1955 г., когда традиционная латифундистская элита страны свергла популистский режим генерала Перона.
 - 2) Национальный Институт Аграрной реформы (выполнявший фактически и функции Министерства сельского хозяйства).
 - 3) В противоположность сцене, описанной в книге Э. Сабато «Другой лик перонизма» — праздничное ликование аристократов и плачущие на кухне служанки (в дни свержения Перона).

вы знали в аргентинском «Кантри-Клубе» и в компании с которыми вы иногда совместно выражали свою ненависть к перонизму.

Здесь на Кубе покорность интеллигенции приняла гораздо менее утончённые, чем в Аргентине, формы. Здесь та находилась в прямом рабстве, не прикрываемом маской безразличия (как там) — и в гораздо меньшей мере подчеркивала свою интеллигентность; это было просто рабство на службе у позора, ничем не отягощённое и не облагороженное: они просто болтали.

Но всё это — лишь литература. Послать Вам — как это сделали Вы для меня — книгу (о кубинской идеологии) значило бы попросту отложить ответ на год; сегодня я могу лишь показать — как попытку потеоретизировать насчёт этой революции, первую попытку, м. б., серьёзную, но в высшей степени «практическую» (как и все наши вещицы закоренелых эмпириков) — книгу «Партизанская война». Это продукт почти ребяческой гордости умением размещать слова в определённой последовательности; она не претендует на объяснение серьёзных вещей, которые Вас беспокоят. И, м. б., не сумеет сделать этого и вторая книга, которую я думаю опубликовать, если национальные и международные обстоятельства не заставят меня снова взяться за оружие (дело достаточно мало значащее для члена правительства, но вызывающее энтузиазм у человека, склонного к приключениям). Предваряя то, что может появиться — или не появиться (книга), могу сказать вам — синтезируя её содержание, — что Революция эта — продукт чистой импровизации. Один из руководителей компартии, посетивший нас в Сиерра-Маэстре и восхищённый такой всеобъемлющей импровизацией и тем, какими подогнанными оказывались все пружины и колесики, самостоятельно функционировавшие и складывающиеся в единую централизованную организацию, сказал, что это — самый совершенно организованный хаос в мире. И этим качеством Революция обязана тому, что развивалась значительно быстрее, чем её идеология. В конце концов Фидель Кастро был кандидатом в депутаты от буржуазной партии, столь же буржуазной и респектабельной, как Радикальная партия в Аргентине; он следовал по стопам погибшего лидера — Эдуардо Чибаса¹⁾, до-

1) Наиболее видный деятель либерально-этической оппозиции режиму коррупционной демократии на Кубе, основатель Ортодоксальной партии. Застрелился во время выступления по радио (в 1951 г.), призывав народ к борьбе против коррупционного режима.

статочно схожим по характеру с [лидером наших радикалов] Ирригойеном¹⁾, и мы, шедшие за ним, были группой людей, политически мало подготовленных, обладавших лишь зарядом доброй воли и врождённой честности. Это и выражал наш девиз: «В 1956 году станем героями или мучениками». А немногим раньше нашим (или вернее — Фиделя) кличем было: «Стыд против коррупции». Так в простых фразах мы синтезировали нашу линию — не более сложную, чем эти лозунги.

Война сделала нас революционерами. Не существует для революционера опыта более глубокого, нежели война; не сам по себе тот факт, что мы носим оружие, убиваем, ведём борьбу того или другого типа — но совокупность всего, связанного с участием в войне; осознание того, что вооружённый человек представляет собой боевую единицу и стоит любого другого вооружённого человека и может уже не бояться других вооружённых людей... Объяснение (нами, руководителями) безоружным крестьянам, что они могут взять оружие — и показать солдатам, что вооружённый крестьянин стоит лучшего из них... И вместе с тем осознание того, что сила одного мало чего стоит, если кругом неё нет силы всех; осознание того, что революционные лозунги должны отвечать животрепещущим стремлениям народа; и сама учеба у народа — познание его самых глубоких чаяний и умение превратить эти чаяния в знамя политической агитации...

Через эту школу прошли мы все — и поняли, что жажда земли является самым мощным стимулом для борьбы крестьян на Кубе. Фидель понял и многие другие вещи, в своём развитии он превратился в народного вождя, каким он является сегодня, — и в гигантскую, объединяющую народ силу. Потому что Фидель в первую очередь — это в полном смысле слова объединитель, неоспоримый вождь, который устраняет все разногласия, разрушает их своим осуждением. Подчас — используя их, в других случаях — когда речь идёт о деньгах или честолюбии — бросая им вызов, он всегда со страхом воспринимается противниками.

Так появилась на свет эта Революция, так рождались её лозунги и так мало-помалу вокруг этих фактов начиналось теоретизирование, создавалась теория, которая шла на буксире событий. Провозглашению — в горах Сьерра-Маэстры — Закона об Аграрной рефор-

1) И. Ирригойен — основатель радикальной партии Аргентины.

ме предшествовал раздел между крестьянами земли в этом районе. И лишь поняв на практике многие и сложные реальности, мы изложили наш первый, робкий закон, в котором не рискнули ещё на главное: уничтожение латифундий.

Для континентальной прессы мы не были слишком плохими парнями по двум причинам: во-первых, благодаря исключительным качествам Фиделя Кастро как политика: он никогда не переходил известных границ, излагая свои цели и намерения, и сумел завоевать восхищение репортеров большой прессы, симпатизировавших ему и использовавших лёгкий путь к успеху — сенсационную хронику. Во-вторых же, потому что североамериканцы — великие доки по части тестов и циркулей для замеров всего — использовали один из своих измерителей, приложили одно из своих лекал и нашли для Фиделя привычную графу.

Согласно их классификационным таблицам лозунг «национализируем общественные службы» должен был читаться, как «мы стараемся, чтобы этого не произошло, если получим разумное воспомоществование», где говорилось «ликвидируем латифундии», подразумевалось «используем вопрос о латифундиях, чтобы выудить деньги для нашей политической кампании — или для нашего личного кошелька» — и далее в том же роде.

Им никогда и в голову не приходило, что провозглашённое — с такой резкостью и наивностью — Фиделем Кастро и нашим «Движением 26-го Июля» было действительно тем, что мы собирались осуществить на деле; мы были для них частью «великого хапка» этого полувека, мы говорили правду, притворяясь и готовясь увернуться от неё. Эйзенхауэр говорит, что мы изменили нашим принципам — и это отчасти верно, если смотреть на вещи с его позиции, ведь мы изменили тому нашему образу, который сложился у них в голове, повторилась — но будучи вывороченной наизнанку — притча о пастушке и волке¹⁾.

Сегодня мы говорим на новом языке, но по-прежнему двигаемся вперёд намного быстрее, чем думаем и структурируем наше мышление; движение наше постоянно, а теория хромает за ним очень медленно, так медленно, что, написав — в те немногие свободные

1) Т. е. Фиделю и его товарищам не верили, когда они говорили правду, и обвинили во лжи («измене»), когда эта правда подтвердилась. (Прим. ред.).

минуты, которые у меня были — учебник, который я Вам посылаю¹⁾, я обнаружил, что для Кубы он уже почти бесполезен. Напротив, в нашей стране его можно использовать, но только с умом, без торопливости и извращений.

Поэтому я боюсь писать об идеологии движения: если бы я опубликовал всё это, каждый здесь был бы уверен, что речь идёт о работе, написанной несколько лет назад.

Пока внешняя ситуация продолжает обостряться и международная напряжённость растёт, наша Революция также должна принимать всё более острый характер. Это проблема выживания. Но обострению Революции всякий раз соответствует рост напряжённости, что вновь обостряет революционный накал. Складывается подобие порочного круга, который, кажется, обречён на то, чтобы идти по всё сужающейся спирали — до момента «разрыва». Посмотрим тогда, как мы выйдем из этого тупика. В чём я могу Вас уверить, так это в том, что народ этот силён потому, что он боролся, победил и знает цену победы; он знает запах пороха и разрывающихся бомб и знает вкус угнетения. Он сумеет бороться с полной самоотдачей и решимостью. В то же время я уверяю Вас, что этот момент (несмотря на то, что сейчас я пытаюсь сделать некоторые робкие шаги в данном направлении) наш опыт ещё не осмыслен нами теоретически и мы должны будем решать возникающие проблемы, опираясь прежде всего на ловкость, обрётённую нами в партизанской жизни. И ещё я знаю, что в этот день ваше оружие честного интеллигента будет стрелять в сторону врага, нашего врага — и что мы сможем рассчитывать на ваше присутствие и вашу борьбу бок о бок с нами.

Письмо получилось довольно длинным — и не лишено некоторого позёрства, внушённого (таким простым людям, как мы) желанием предстать перед мыслителем в качестве тех, кем мы на самом деле не являемся, — мыслителей.

Так или иначе — я в Вашем распоряжении.

С сердечным приветом

Эрнесто Че Гевара²⁾.

1) Речь опять-таки идёт о «Партизанской войне».

2) Письмо было впервые опубликовано в 1967 году в итальянском журнале «Ideologie» (№2).

Гавана, 17 мая 1960 г.

«Год аграрной реформы»

Хосе Тикету

Мехико

Дорогой друг,

Прошу тебя простить за опоздание с ответом. Причина этого не моя небрежность, но отсутствие времени.

Мне очень хотелось бы оплатить твоё путешествие на Кубу, но я этого не сделаю. Мои доходы ограничиваются жалованьем Команданте Повстанческой армии, чего в соответствии с политикой строгой экономии, проводимой нашим революционным правительством, хватает только на прожитие.

Письмо твоё ни в какой мере меня не задело, напротив, оно доставило мне большую радость.

Твой Команданте Эрнесто Че Гевара.

Гавана, 15 февраля 1961 г.

«Год образования»

Доктору Фернандо Барралю¹⁾

Будапешт

Дорогой Фернандо,

Это действительно досада, что мы не смогли увидеться, хотя бы на несколько минут. Пишу тебе в спешке и кратко — другой возможности дела мне не дают; надеюсь, что ты это понимаешь. Конкретно: хотя ты не пишешь об этом в твоём последнем письме, но из предыдущего я понял, что ты хочешь приехать и работать в этих местах.

Пока могу лишь сказать, что работа для тебя и твоей жены здесь есть. Что зарплата будет достойной, хотя роскошествовать вам не позволит, что опыт Кубинской революции — это нечто, очень интересное для людей, которые — как ты — должны будут когда-то на-

1) Ф. Барраль — коммунист, испанский эмигрант, сын знаменитого скульптора, погибшего при обороне Мадрида; после ареста в Аргентине получил политическое убежище в Венгрии.

чать заново в стране, откуда они родом. Ясно, что свою мать ты можешь взять с собой и что тебе будут предоставлены личные удобства, необходимые для твоей работы. Университет перестраивается и там хватит работы, если это вас интересует.

Конечно, ты найдёшь здесь много иррационального по сравнению с Венгрией, потому что Революция всё сдвигает и переворачивает — и необходимо постепенно найти для каждого место, на котором он принесёт больше пользы. Единственно важное при этом — чтобы никто не мешал работать другому.

Резюмируя: тут ты будешь как дома. Если захочешь приехать, предупреди меня в той форме, которую сочтёшь лучшей, и объясни мне, какова обычная практика приглашения супругов.

Поскольку мы столько лет шли разными дорогами, сообщая тебе — в порядке личной информации, что я женат, имею двух дочек и что моя мать побывала здесь несколько месяцев назад.

По-братски обнимаю, твой друг

Энесто Че Гевара

Гавана, 19 ноября 1962 г.

«Год планирования»

Анне Луизе Стронг¹⁾

Пекин

Уважаемый товарищ,

Получил ваше письмо от 10 сентября.

Понимаю ваши проблемы.

В своё время мы пригласили вас на Кубу прежде всего, чтобы радостно встретить вас здесь, чтобы вы смогли познакомиться с нашей Революцией. Ни в коем разе мы не будем настаивать на том, чтобы вы писали о ней, хотя думаю в этой связи, что ваше мнение о своей квалификации грешит излишней скромностью.

Я прилагаю несколько экземпляров [перевода] вашей книги о Коммунах²⁾, имевшей большой успех на Кубе. К сожалению, дол-

1) А.Л. Стронг — левая американская писательница, проживавшая в Китае.

2) Речь идёт о народных коммунах в КНР.

жен сообщить вам, что ваша книга о Лаосе попала в опасные сцепления нашей бюрократической машины.

Куба живёт в ситуации постоянной тревоги; народ в боевой готовности ждёт агрессии. Никто не думает о том, чтобы отступить хотя бы на шаг. Все готовы выполнить свой долг. Если нам на долю выпадет гибель (а произойдёт это после того, как мы очень дорого отдадим свои жизни), в каждом уголке нашего острова смогут прочитать послания, подобные тем, что остались у Фермопил. В любом случае — мы не репетируем позы для последнего акта, мы любим жизнь и будем защищать её.

Примите революционный привет от друга

Команданте Эрнесто Че Гевара.

Родина или смерть. Мы победим.

Декабрь, 1962 г.

Товарищу Карлосу Франки¹⁾

Редактору газеты «Революсьон»

Товарищ Франки,

Вчерашнее грандиозное приложение [к газете] мне не понравилось. Разрешите мне сказать об этом со всей откровенностью. И объяснить, почему (если эти строки будут опубликованы, это произойдёт без моего ведома).

Помимо всяких мелочей, не свидетельствующих в пользу серьезности журнала,.. в номере есть ошибки по существу.

1. Отрывок из [моего] дневника — не полностью аутентичен. Ещё во время войны у меня спросили, веду ли я дневник. Я делал это, но в форме кратких заметок для личного пользования: «довести» их в тот момент у меня не было времени. Этим занялся — не помню уже при каких обстоятельствах — один господин из Санта-Клары, который проявил достаточную «резвость» и дополнил заметки описанием всяческих подвигов, набитым соответствующими прилагательными.

2) В 1962 г. — видный член «Движения 26 июля», впоследствии эмигрировал.

С исчезновением подлинности была утрачена и та незначительная ценность, которую эти заметки могли иметь.

2. Неправда, что война представлялась чем-то второстепенным по сравнению с лечением крестьян. В тот момент самым важным было именно выиграть войну, и думаю, что я полностью отдавался именно этой задаче. После того, как мы дошли до Эскамбрая¹⁾, я дал два дня отдыха своим солдатам — и это после сорока пяти дней похода в предельно трудных условиях. И сразу же возобновил военные операции, овладев Гуиниа де Миранда. Если в чём я и согрешил, речь шла об обратном. Я не уделил достаточного внимания неблагодарной обязанности призвать к порядку стольких «пожирателей коров», которые обретались на этих проклятых холмах²⁾, Гутьеррес Менойо со своей шайкой стоили мне много желчи, которую я должен был глотать молча, чтобы полностью отдаться главному: войне.

3. Неправда, что «Рамиро Вальдес тесно сотрудничал с Че в организационных вопросах» — и не понимаю, как это появилось у тебя, редактора, так хорошо знающего все детали.

Рамиро — участник штурма Монкады, военнопленный на острове Пинос, был лейтенантом на «Гранме», стал капитаном, когда меня произвели в команданте, как команданте возглавил колонну, был вторым командиром «вторжения» и потом, когда я пошёл на Санта-Клару, возглавил операции в Восточном Секторе.

Я считаю, что историческую правду нужно уважать; конструирование её по своему капризу не может привести ни к чему хорошему. Это — и тот факт, что мне тоже довелось играть роль в этой части драмы — подтолкнуло меня к данной, хотел бы думать конструктивной, критике.

Думаю, что, если бы ты прочитал текст более внимательно, этих ошибок можно было бы избежать.

Счастливых праздников и Нового года без излишка сенсационных заголовков желает тебе Че.

-
- 1) Горный массив в центральной Кубе — первая цель «вторжения».
 - 2) Речь идёт о формированиях под командой Гутьерреса Менойо (впоследствии перешёл в лагерь контрреволюции и был расстрелян), систематически грабивших окрестных крестьян.

Гавана, 4 мая 1963 г.

«Год организации»

Товарищу Гильермо Лоренцу¹⁾

Товарищ,

Получил ваше письмо, благодарю вас.

Я родился в Аргентине, воевал на Кубе и начал становиться революционером в Гватемале.

Это автобиографическое резюме, может быть, послужит смягчающим обстоятельством, объясняющим, почему я «вмешиваюсь» в ваши дела.

В Гватемале идёт партизанская война. Народ — как умел — взялся за оружие. Существует лишь одна возможность сдержать развитие борьбы, которая выглядит как обладающая перспективой вылиться, углубляясь, в революционную — типа кубинской или алжирской. Такая возможность — «свободные выборы» с кандидатурой Аревало — у империализма есть, но не знаю, рискнёт ли он использовать её.

Такова моя точка зрения на этот счёт. Она вызывает у вас сомнения?

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара.

Гавана, 4 мая 1963 г.

«Год организации»

Г-ну Питеру Маруччи²⁾

Гельф, Канада

Товарищ,

Прежде всего позволь мне сделать признание: в нашей стране бюрократия прочна и хорошо укоренилась. Её гигантское чрево по-

- 1) Письмо адресовано политэмигранту из Гватемалы и является ответом на его соображения, связанные с проектом выдвижения оппозицией на предстоящих президентских выборах в Гватемале кандидатуры бывшего (демократического) президента страны Х.Х. Аревало (предшественника свергнутого Х. Арбенса).
- 2) Издатель канадской газеты «Daily Mercury».

глощает письма, «высжиживает» их и лишь спустя какое-то время доводит до адресата.

Такова причина, по которой я [только] сегодня отвечаю на ваше дружеское письмо. Куба — это социалистическая, тропическая, неукротимая, наивная и радостная страна. Она стала социалистической, не потеряв ни одной лишь ей свойственной черты, но прибавив к ним зрелость своего народа.

Узнать её стоит. Мы ждём вас, когда это будет вам удобно. С уважением.

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 23 июня 1963 г.

«Год организации»

Здесь, *товарищу Лисандро Отеро*¹⁾, секретарю УНЕАК²⁾.

Товарищ, никто не может знать о себе самом, до какой степени похвалы [в его адрес] являются заслуженными. В любом случае мне они не нравятся, и я считаю их ненужными.

Здесь же скажу лишь о некоторых неточностях — по форме и по существу. По сути дела: [мои] «предки», которые «доказали свою ненависть к угнетателям народа», принадлежали к высшей скотоводческой олигархии Аргентины, а борьба против Росаса³⁾ никогда не носила характера народной. С марксистской точки зрения противников Хуана Мануэля де Росаса никак нельзя зачислить по разряду прогрессистов. Между прочим, в годы отрочества и юности мне была совершенно чужда какая-либо социальная озабоченность, и я

1) Известный кубинский писатель. Письмо Че — это его отзыв на выпущенное УНЕАКом первое издание «Заметок о революционной войне»; замечания относятся к подготовленному Союзом предисловию к книге.

2) УНЕАК — Union de Escritores y Artistas de Cuba, Союз писателей и деятелей искусства Кубы.

3) Аргентинский каудильо XIX века, враг правящей олигархии (провинции Буэнос-Айрес), ставший в буржуазной историографии символом «реакции» («антисеверной»). В известном смысле — предшественник Х.Д. Перона.

не участвовал ни в малейшей степени в политической и студенческой борьбе.

По форме: это не книга, а сборник заметок.

С революционным приветом.

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 31 мая 1963 г.

«Год организации»

Товарищам Мотосборочного предприятия,

Цех 0-1.

Сантьяго-де-Куба

Товарищи,

В постановке вами проблемы содержится ошибка. Рабочие, выпускающие ту или иную продукцию, не имеют никакого особого права на неё. У пекарей нет права на большее количество хлеба, у цементников — на большее число мешков цемента, у вас — на мотоциклы.

Когда я был у вас на предприятии, я заметил, что один из [произведённых вами] трёхколесных мотоциклов используется как микроавтобус — и в тот самый момент, когда я критиковал вас за это, парень из Коммунистической молодежи выехал на мотоцикле по делам организации, за что я критиковал вас вдвойне — и за ненадлежащее использование произведённой машины, и за неправильную практику использования времени, оплачиваемого обществом, для задач, которые — подразумевается — должны быть выполнены в нерабочее, дополнительное время на принципах абсолютной добровольности и безвозмездности.

Вместе с тем в ходе нашей беседы я сказал, что займусь вопросом об условиях оплаты вашей работы и узнаю, возможно ли передать машины некоторым рабочим и техникам.

В Министерстве транспорта, которому я передал все функции, связанные с распределением и продажей автомашин, мне заявили, что возможностей для удовлетворения моих предложений не существует.

С революционными приветам

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 19 сентября 1963 г.

«Год организации»

Сеньору Хосе Матару,

Координатору Национального руководства
Комитетов Защиты Революции (CDR)¹⁾

Уважаемый товарищ,

Хотя и с опозданием отвечаю на вашу просьбу высказать своё мнение о вышеназванном органе.

По всему, что я знаю до сих пор, основополагающей характеристикой вашего Исполнительного бюро является дезорганизованность, продемонстрированная хотя бы тем фактом, что письмо, датированное 22 июля и содержащее просьбу о том, чтобы ответить не позже 31 июля²⁾, имеет в качестве даты отправления (из CDR) — 12 июля, а получена в данном учреждении 17 сентября.

Может быть, впрочем, что дезорганизованность имела место в данном министерстве. В этом случае я должен буду немедленно информировать CDR.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 28 октября 1963 г.

«Год организации»

*Товарищу Пабло Диасу
Камагуэй*

Пабло, прочитал твою статью.

Должен поблагодарить тебя за то, как хорошо я в ней выгляжу. Слишком хорошо. Впрочем, мне кажется, что и себя ты не обидел.

1) Наиболее массовая из организаций, созданных на Кубе (в сентябре 1960 г.) — сначала как «капиллярный» (по кварталам) орган «бдительности и борьбы против контрреволюции», впоследствии — вплоть до возникновения выборных органов власти — как организация, координирующая всю социальную деятельность и подготовку к обороне на местах.

2) Ответ был предназначен для специального выпуска газеты CDR, посвящённого трёхлетию деятельности комитетов.

Первое, что должно заботить революционера, пишущего об истории, это чтобы отношения между её правдой и текстом были бы такими же, как между пальцем и перчаткой, в которую он входит.

Ты сделал это, только перчатка оказалась боксерской. Так не годится.

Мой совет: перечитай статью, убери из неё всё то, что, как ты знаешь, правдой не является, и будь осторожен со всем тем, в правдивости чего ты не полностью уверен.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 28 октября 1963 г.

«Год организации»

Доктору Артуро Дону Варона

Камагуэй

Доктор, подтверждаю получение вашего заявления, но мне кажется, что размеры вашей собственности слишком велики, чтобы можно было укрыться за какой бы то ни было статьёй закона¹⁾.

В любом случае не скрою от вас своей озабоченности, поскольку много раз Государство оказывалось менее эффективным управляющим, чем частный производитель.

Судя по вашему адресу, вы — не из тех производителей, которые сохранили непосредственный контакт с сельской местностью, но, возможно, ваш административный опыт позволяет вам управлять собственностью с эффективностью, о которой говорят [приведённые вами] цифры. Прошу вас рассматривать то, что я скажу, как шутку дурного вкуса, но, быть может, ваше вступление в ИНРА послужило бы усилению этого организма. Всё зависит от вашей способности воспринять всю глубину и справедливость момента, который мы переживаем, и, таким образом, критически оценить многочисленные ошибки, которые не может не совершать подлинно народная революция.

С уважением, ваш

Команданте Эрнесто Че Гевара

1) Речь идёт о Втором Законе об аграрной реформе.

Гавана, 30 октября 1963 г.

«Год организации»

Сеньоре Лидии Арес Родригес

Гавана

Товарищ, ваше письмо передано в Министерство внутренних дел, поскольку именно оно должно решать дела такого рода.

В любом случае я благодарен вам за вашу позицию по отношению к труду и к Революции, но должен сказать, что, по моему личному мнению, ваш сын должен понести наказание, потому что покушение на социалистическую собственность — это серьезнейшее преступление независимо от возможных смягчающих обстоятельств.

Мне грустно, что я должен сказать это, и я сожалею о той боли, которую это причинит вам, но я не выполнил бы своего революционного долга, если бы не высказался со всей честностью.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 11 ноября 1963 г.

«Год организации»

Товарищу Хуану Анхелю Карди

Ведадо, Гавана

Товарищ, подтверждаю получение посланных вами 3 октября глав из ваших неизданных романов.

Не имею ничего против использования вами так, как вы считаете это нужным, дневника о военных действиях в Лас-Вильяс. Помните лишь, что при публикации он был разукрашен цветистым языком какого-то говноеда.

Главу «Плеяды» я читал, как будто искал фотографии знакомого места, не находя его. Создается впечатление, что вы никогда не были в Сьерре и даже не говорили с участниками событий. С вашего разрешения должен по-братски сказать вам: мне кажется, что величие тех моментов вы не восприняли во всей его глубине.

Речь идёт лишь о впечатлении, не о литературной критике, просто, подобно человеку, ищущему себя на старой фотографии, подаренной на память друзьями, я вижу, что время или какие-то технические погрешности сделали изображения неузнаваемыми.

Если данное замечание как-то поможет вам, это меня обрадует, если нет — не воспримите мою откровенность с обидой. Я не знаю ни вашего возраста, ни того, является ли писательство вашим призванием. Единственное, что мной руководит на том поприще, на котором вы сейчас выступаете, это страсть к тому, чтобы передать правду (только не смешивайте меня с яростным защитником социалистического реализма). На всё я смотрю именно с этой точки зрения.

Вас приветствует и желает вам успеха в вашем паломничестве по издательствам

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 20 февраля 1964 г.

«Год экономики»

Сеньоре Марии Росарио Гевара
Касабланка, Марокко

Товарищ, по правде, я не знаю хорошо, из какой части Испании происходит моя семья. Естественно, выехали мои предки оттуда давно, в чём мать родила (*по-испански — «с одной рукой спереди, а с другой — сзади»¹⁾*), и если сейчас я сменил позу, то лишь потому, что постоянно сохранять её затруднительно.

Не думаю, что мы слишком близкие родственники, но если Вы способны дрожать от негодования всякий раз, когда в мире совершается несправедливость, мы — товарищи, что важнее.

Революционный привет от

Команданте Эрнесто Че Гевары

Гавана, 25 февраля 1964 г.

«Год экономики»

Сеньору Луису Амадо-Бланко
Послу Кубы в Ватикане, Рим

Товарищ, подтверждаю получение «Revista de Occidente».

По вашему тону я чувствую, что вы огорчены моим молчанием в ответ на ваши предыдущие письма. Вы абсолютно правы. Про-

1) По-русски: «прикрывая срамные места».

сто я виноват в том, что не смог найти вашу книгу и каждый раз, когда я сталкиваюсь с вашим молчаливым осуждением, я отчаянно ищу способ отдалить мгновение [признания в этом].

Я благодарю вас за ваш интерес к целому ряду проблем, касающихся нашей промышленности. Случай с «Бакарди»¹⁾ изучается правительственной комиссией, которая сильно опоздает [с решениями] и ничего не сделает: как потому, что обладает характеристиками комиссии, так и потому, что она состоит при правительстве.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

✶

✶

✶ Гавана, 26 февраля 1964 г.

«Год экономики»

Сеньору Хосе Медеро Местре

Гавана

Товарищ:

Спасибо вам за ваш интерес к теме и за ваше письмо.

Чтобы убедить меня, вы вложили перст в рану, цитируя моих оппонентов. К сожалению, я не могу расширить ареал нашей полемики — в силу тех последствий, которые это имело бы для моего времени. В последующих номерах «Nuestra Industria Económica»²⁾ появятся статьи, которые покажут, что и некоторые советские эксперты озабочены сходными проблемами.

Лишь одно соображение, над которым я вам советую подумать: противопоставлять неэффективность капиталистического управления предприятиями социалистической эффективности — значит путать желаемое с действительным. Неоспоримые преимущества социализм имеет в сфере распределения, в осуществлении централизованного планирования, где он смог преодолеть технологические и организационные изъяны, присущие капитализму.

После разрыва с предшествующим обществом была предпринята попытка создания нового общества, как гибридного: человека-волка, общество волков заменили обществом иного рода, лишённым убийственного импульса ограбления себе подобных — поскольку

1) Предприятие, производившее знаменитый ром.

2) Основанный Че и издаваемый его министерством журнал.

ку исчезла эксплуатация человека человеком, но обладающим родственным по существу (хотя и сугубо меньшим по интенсивности) импульсом [своего развития] — поскольку рычаг материального интереса становится творцом благосостояния индивидуума и малого коллектива (фабрики, например); и именно в отношениях, возникающих вокруг этого, я вижу корень зла. Победить капитализм, опираясь на его собственные фетиши, из магического набора которых изъят к тому же самый эффективный из них — прибыль, кажется мне предприятием весьма трудным. Если сказанное представляется вам чем-то заумным¹⁾ (на моих часах уже перевалило за полночь), мою мысль прояснит, быть может, сравнение: рычаг материального интереса при социализме — это как лотерея Пасторситы²⁾: он не способен ни заставить загореться глаза самых жаждущих, ни преодолеть безразличие остальных.

Я не претендую на то, чтобы считать себя «закрывшим тему», ни в ещё меньшей мере на то, что сказал последнее слово по поводу этих или иных противоречий. К сожалению, большинство нашего народа, да и сам я имеем дело не с научным анализом системы, а с её апологетикой³⁾. Это не помогает нам уяснить суть дела, и поэтому все мои усилия направлены на то, чтобы побудить мыслить, отнестись к марксизму со всей той серьезностью, которую эта исполинская доктрина заслуживает.

Именно поэтому, потому что вы — думаете, я благодарю вас за ваше письмо; то, что мы [при этом] не согласны, куда менее важно.

Если вам когда-нибудь захочется ещё раз написать мне — вспомните, что я не учитель, но лишь один из тех, кто борется сегодня за новую Кубу; просто мне посчастливилось быть рядом с Фиделем в самые трудные моменты Кубинской революции — и в некоторые самые трагические и героические моменты истории мира, борюще-

- 1) В тексте — «слишком темным».
- 2) Лотерея с максимальным выигрышем в 5 долларов, «изобретенная» после победы революции (в порядке компромисса между обещанием «запретить все азартные игры» и народной традицией + источником дохода для многих тысяч людей) — и, конечно, быстро прогоревшая.
- 3) Речь идёт о потоке советской литературы по «марксизму-ленинизму», хлынувшей на Кубу в 1962–1964 гг., подменявшей, как сказал впоследствии Че, «Капитал» — учебником». («No “Das Kapital”, sino el manual»).

гося за свою свободу. Именно поэтому вы меня знаете — в то время, как я никогда не слышал вашего имени. Но всё могло быть наоборот, только тогда я должен был бы писать вам из какого-то отдалённого района мира, куда меня привела бы моя бродячая судьба — ведь я родился не здесь.

Это всё.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

✎

Гавана, 14 марта 1964 г.

✎ «Год экономики»

Тов. Луису Корвеа

Гавана

Товарищ, подтверждаю получение письма, в котором вы сообщаете, что в период с декабря 1962 по декабрь 1963 г. вы посвятили добровольному труду¹⁾ 354 часа.

В том же письме вы упоминаете мою речь от 11 января этого года, в которой я говорил о добровольном труде — и я хотел бы повторить высказанную там мысль, выражающую, как мне кажется, сущность этой столь почётной деятельности.

Я сказал тогда, что «важность добровольного труда отражается в порождаемой им трудовой сознательности — и в том стимуле и примере, которыми становятся эти действия для всех товарищей по труду». Коммунистическое воспитание должно базироваться на этом сознании и именно трудящиеся, идущие в авангарде добровольного труда, являются теми, кто лучше других воплощают в жизнь идеалы подлинного коммунизма.

Наша Революция столкнулась с огромными проблемами, она должна была защищаться от бесчисленных актов агрессии врагов и непосредственно — империализма янки; против многих зол нам предстоит ещё бороться, чтобы заслужить лучшее будущее — и мы должны сознавать, что это будущее, это новое общество, где будет существовать изобилие и не будет классов, мы сможем завоевать лишь трудом, потом, самопожертвованием.

1) Категория добровольности труда включает в себя и (или — «в первую очередь») его безвозмездность, а также физический характер.

Товарищ Корвеа, я горячо поздравляю вас и хотел бы, чтобы эти строки послужили для вас стимулом продолжать трудиться всё больше и лучше с каждым днем; вдохновляя — собственным примером — своих товарищей по работе следовать путём построения коммунистического общества.

Команданте Эрнесто Че Гевара, Министр промышленности

Гавана, 23 мая 1964 г.

«Год экономики»

Здесь,

Доктору Алейде Кото Мартинес¹⁾

Дорогой товарищ, спасибо за присланное вами.

Иногда мы, революционеры, чувствуем своё одиночество. Даже наши дети смотрят на нас как на чужаков. Они видят нас реже, чем часового, которого зовут «дядей».

Сочинения, которые вы мне прислали, на мгновение вернули меня в те времена, когда мы, ученики второго или третьего класса, писали сочинения в связи с визитом президента в наш город. И разница между тем, что выражали [в своих строчках] те дети, и тем, что стоит за написанным сегодня детьми революции — вселяет в нас чувство уверенности в будущем.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

Гавана, 26 мая 1964 г.

«Год экономики»

Д-ру Эдуардо В. Ордасу Дукунхе²⁾

Дорогой Ордас, настоящим подтверждаю получение журнала. Хотя времени у меня очень мало, поднятые темы мне кажутся очень интересными, и я постараюсь прочитать, сколько смогу.

-
- 1) Заместитель заведующего отдела начального образования в Регионале Министерства образования Пуэрта-Регла (Гавана).
 - 2) Директор психиатрической больницы в Гаване.

Но возбудило моё любопытство и другое: как могли быть напечатаны 6300 экземпляров специализированного журнала, если на Кубе нет даже такого числа врачей? У меня возникли сомнения, которые завели мою психику в дебри нейро-экономического психоза: не предполагается ли использование журнала крысами для углубления их психиатрических познаний или закалки их пищеварительного тракта? Или же планируется, что у своего изголовья его должен иметь каждый больной?

В любом случае тираж журнала превышает потребности в нём на 3000 экземпляров, прошу тебя — подумай об этом.

Серьезно: журнал хорош, тираж нетерпим. Поверь мне, потому что сумасшедшие всегда говорят правду.

С революционным приветом

Ч^А
.. Команданте Эрнесто Че Гевара

12 июня 1964 г.

«Год экономики»

Тов. Айде Сантамариа¹⁾

Редактору журнала

«Casa de las Americas»

Дорогая Айде, я дал указание Союзу Писателей, чтобы они предоставили эти деньги²⁾ в ваше распоряжение; речь идёт о простой финансовой операции, к которой я вынужден прибегнуть, чтобы не затевать борьбу вокруг очень масштабных принципов по столь глупому поводу.

Единственно важное в данном случае состоит в том, что я не могу принять ни единого сентаво за книгу, в которой лишь описываются перипетии [нашей] войны. Располагай деньгами так, как сочтешь нужным.

С революционным приветом

Ч^А
-Б Команданте Эрнесто Че Гевара

- 1) Айде Сантамариа, национальная героиня Кубы, участник и видный деятель кубинской революции. Один из ближайших друзей Че и его семьи.
- 2) Речь идёт о гонораре за книгу Че «Эпизоды революционной войны».

Гавана, 12 июня 1964 г.

«Год экономики»

Доктору Рехино Боти,
министру и техническому секретарю
Центральной Хунты планирования

Содержание:

Просьба об увеличении числа экземпляров журнала «Панамериканская конфедерация медиков»

Дорогой министр, дисциплинированно выполняем постановление Хунты.

Вооружённый своим скромным и мало вдохновляющим опытом врача, должен однако предупредить вас, что журнал этот — говно, и, по-моему, говно вообще не может выполнять политические функции, которые, возможно, на него в данном случае возлагаются.

Но это уже тема другой, большой истории¹⁾.

Всегда в твоём распоряжении,

Команданте Эрнесто Че Гевара.

25 июня 1964 г.

«Год экономики»

Здесь.

Кубинскому предприятию по импорту и экспорту культурных и ремесленных изделий

Товарищи, подтверждаю получение пластинок. Даже если они никоим образом не совершенны — я говорю об их оформлении, — сделанный вами шаг вперёд очевиден.

Может быть, я совершаю ляп, ведь среди подписавших письмо — настоящие писатели, но я позволю себе посоветовать, чтобы вы ещё раз просмотрели тексты; по-моему, они немножечко аляповаты. Если они принадлежат кому-либо из вас, не огорчайтесь, судья я в этой сфере совершенно неквалифицированный. О содержании — не говорю. О музыке же мне вообще не позволено иметь ка-

1) Намек на дискуссию по экономическим проблемам, в которой Че и Рехино Боти были оппонентами.

кое-либо, даже самое робкое, суждение, поскольку моё невежество на уровне -273° .

Большое спасибо за то, что вы так торопились продемонстрировать мне эти результаты.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

21 августа 1964 г.

«Год экономики»

Сеньору Леону Фелипе¹⁾

Мехико

Учитель, прошло уже несколько лет с тех пор, как после победы Революции я получил вашу последнюю книгу с дарственной надписью.

Я вас так и не поблагодарил за это, но всегда об этом помнил. Быть может, вам будет интересно знать, что одна из двух или трёх книг, которые я всегда держу у изголовья, это [ваш] «Олень», хотя вернуться к нему я смог лишь несколько раз, потому что на Кубе позволить себе иметь время, не заполненное работой — да и просто выспаться, — это пока «грех оскорбления руководителя»²⁾. На днях я присутствовал на собрании, преисполненном — для меня — огромного смысла. Зал был переполнен рабочими-энтузиастами, и вся обстановка была пронизана духом нового человека. Во мне пробудилась частица несостоявшегося поэта, которую я всегда ощущаю в себе — и я обратился к вам, чтобы заочно пополемизировать. Это — выражение моего преклонения перед вами, и я прошу именно так отнестись к моему выступлению.

А если Вы почувствуете себя склонным принять вызов — воспримите это как приглашение [к дискуссии].

С искренним восхищением и любовью

Команданте Эрнесто Че Гевара

1) Один из крупнейших испанских поэтов XX века. С конца 30-х годов — в эмиграции, в Мексике. Умер в 1968 г.

2) «*Lesas dirigencia*» — по шутливой аналогии с «*lesa majestae*» («грех оскорбления Величества»).

15 сентября 1964 г.

«Год экономики»

Товарищу Хулио Гонсалесу Норьега

Управление информации
Министерства внешней торговли¹⁾

Дорогой товарищ!

Мной получены ваши письма, где Вы со всей любезностью справедливо благодарите меня — хотя и лишь во второй инстанции — за полученный Вами моральный стимул (благодарность, вполне логичная в рамках системы Финансового Самоуправления). Я благодарю Вас за безвозмездные послания и, дабы отплатить той же монетой, дам Вам — совершенно бесплатно — пятиминутное интервью в четверг 17-го в два часа пополудни.

Должен, однако, предупредить Вас, что если продолжительность беседы окажется превышенной на пять секунд или больше, я потребую оплаты по достаточно скромной цене 2,25 песо за каждую дополнительную минуту — или по образцу тех пластмассовых изделий, которые Вы мне предлагаете.

Тот или иной вариант оплаты подлежит договорённости между сторонами — участниками контракта.

Накануне визита я попросил бы Вас предупредить моего секретаря письмом (служебная марка — 25 сентаво) о принятии Вами изложенных выше условий.

Приветствую Вас новым лозунгом [нашего] министерства:

«И система бюджетного финансирования умеет делать бизнес».

Эрнесто Че Гевара

- 1) Письмо — образец того, что сегодня именуется «стёбом»; написано в редкий момент «расслабления» и в ключе полемики между сторонниками концепций «бюджетного финансирования», оплотом которых было руководимое Че Министерство промышленности, и приверженцами хозрасчёта, руководившими Министерством внешней торговли, Хунтой планирования и ИНРА.

6 октября 1964 г.

«Год экономики»

*Тов. Мануэлю Морено Фрагинальсу*¹⁾

Уважаемый товарищ, подтверждаю получение книги²⁾, которую вы прислали мне с дарственной надписью.

Совсем недавно закончил её последнюю страницу и хочу заверить вас, что не припомню ни одной прочитанной мною латиноамериканской книги, в которой строгость марксистского анализа так органично сочеталась бы со скрупулезностью историка — и со страстностью, которая передается читателю.

Если другие тома книги сохраняют качество этого, я не боюсь предсказать вам, что «Инхенио» станет кубинской классикой.

С революционным приветом

Команданте Эрнесто Че Гевара

24 октября 1964 г.

«Год экономики»

*Тов. Шарлю Беттельхейму*³⁾

Уважаемый товарищ, получил ваше письмо и посылаю вам отдельным отправлением журналы, о которых вы меня просили.

С большим удовольствием я бы поговорил с вами «ещё раз о наших разногласиях»⁴⁾.

Немного более продвинутый, чем хаос (быть может, на первый или второй день творения) в голове у меня — целый мир идей, которые сталкиваются, перекрещиваются и иногда организуются. Мне хотелось бы присоединить их к материалу нашей полемики.

- 1) Известный кубинский историк.
- 2) Речь идёт о первом томе исследования, озаглавленного «Инхенио» (предприятие, объединяющее плантацию сахарного тростника и завод по его переработке — основная «единица» сахарной промышленности дореволюционной Кубы).
- 3) Известный французский марксист, главный «экономический оппонент» Че.
- 4) Намек на заголовок известного (1926 г.) доклада И.В. Сталина.

В ожидании вашего приезда с вами прощается с революционным приветом

«Родина или смерть. Мы победим»

Команданте Эрнесто Че Гевара

дочери Ильде

Дорогая моя¹⁾,

Когда ты получишь эти поздравления, я буду в африканской стране, а тебе исполнится девять лет. Посылаю тебе этот маленький подарок, не знаю, подойдёт ли он(о) тебе или окажется слишком большим; но, быть может, хотя бы для одного пальчика всё-таки будет годным.

Очень хочу тебя видеть. Прошло уже два месяца, как я уехал, и всё немного изменилось.

Посмотрим, будешь ли ты и в этом году отличной ученицей — на радость мне и твоей маме.

Старушка моя²⁾, тебя крепко целует и обнимает папа, который любит тебя. Привет всем вам.

Прощальное письмо друзьям (1965)³⁾

Пепе⁴⁾,

Настало время отъезда. Может быть, это объяснит тебе то, о чём я умолчал в связи с путешествием Роберто⁵⁾. Я оставляю тебе то, что, надеюсь, не станет посмертным воспоминанием. Речь не идёт

- 1) Письмо старшей дочери — Ильде, отправленное в начале февраля 1965 г. (Из Танзании? Египта? Алжира?).
- 2) «Viejita» — ласковое аргентинское обращение к детям — и родителям.
- 3) Посвятительные надписи в книгах «Очерки партизанской войны», оставленные Че в Гаване весной 1965 г. перед отъездом в Африку.
- 4) Речь идёт о Хосе Агиларе, друге детства Че, проживавшем в 1965 г. в Кордове (Аргентина). Вместе со своей книгой Че оставил для Агилара экземпляр «Маленького принца», одолженного у друга много лет назад. В нём находилась и фотография Эрнесто Гевары.
- 5) Сын Хосе Агилара.

о тщеславии интеллектуалоида: просто о дружеском жесте, ни о чём больше.

До свидания, быть может.

С братским приветом.

Че.

Альберто¹⁾,

Не знаю, что тебе оставить на память; предписываю тебе посвятить себя экономике и сахарному тростнику. Мой бродячий дом снова — о двух ногах, а мои мечты не будут иметь границ... по крайней мере до тех пор, пока пули не скажут последнего слова.

А тебя, осёдлый цыган, я буду ждать, как только запах пороха от выстрелов рассеется.

Обнимаю вас всех. (И Томаса)²⁾.

Гавана

«Год сельского хозяйства»³⁾

Фидель,

В этот час вспоминается многое, то, как я познакомился с тобой в доме Марии Антони, как ты предложил мне отправиться с вами, всё напряжение дней подготовки. Как-то был задан вопрос: кого надо известить в случае нашей смерти — и реальная возможность такого исхода поразила нас всех. Потом мы узнали, что это верно, что в революции (если она подлинная) или побеждают, или умирают. Многие товарищи остались на долгом пути к победе.

Сегодня всё выглядит не так драматично, потому что мы стали более зрелыми, но обстоятельства повторяются. Я чувствую, что выполнил ту часть своего долга, которая связывала меня с Кубин-

1) Послание предназначено ближайшему другу юности Эрнесто Гевары — сыну испанского эмигранта Альберто Гранато (с которым он путешествовал по Латинской Америке в 1951 г.).

2) Младший брат Альберто, сверстник Че.

3) Это письмо, как и два последующих, не датированы. Написаны они в последние дни (29? 30? 31?) марта 1965 г., накануне последнего отъезда (2 апреля) в Африку.

ской революцией на её территории и прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своих обязанностей в руководстве партии, от своего поста министра, от моего звания Команданте, от моего кубинского гражданства. Формально ничто больше не связывает меня с Кубой, лишь узы другого рода, которые не могут быть отменены подобно назначениям.

Подводя баланс своей прошлой жизни, думаю, что работал достаточно честно и преданно, чтобы закрепить победу революции. Единственной моей более или менее серьёзной ошибкой было не верить в тебя ещё больше с первых моментов в Сьерра-Маэстре, не понять достаточно быстро твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни и чувствовал рядом с тобой гордость принадлежности к нашему народу в светлые и грустные дни Карибского кризиса. Редко когда в истории государственный деятель оказывался на такой высоте, как ты в эти дни, и я горжусь тем, что следовал за тобой без колебаний, полностью разделяя твои взгляды и мысли, твою оценку опасностей и принципов.

Другие земли требуют той скромной помощи, которую я могу оказать. Я могу сделать то, в чём отказано тебе — твоей ответственностью лидера Кубы, — и поэтому пришёл час расставания.

Знай, что я делаю это со смешанным чувством радости и боли: здесь я оставляю самые чистые из моих надежд созидателя и самых любимых из людей, которые мне дороги; оставляю народ, который принял меня как сына. Это разрывает часть моей души. На новые поля битвы я унесу веру, которую ты мне внушил, революционный дух моего народа, ощущение выполнения самого священного долга: бороться против империализма везде, где тот существует; это воодушевляет и с лихвой излечивает любые раны.

Ещё раз повторяю, что освобождаю Кубу от какой бы то ни было ответственности, кроме той, которая вытекает из её примера, что если последний час придёт ко мне под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и особо — о тебе. Что я благодарю тебя за твои уроки и твой пример и буду стремиться быть верным — до конечных возможных последствий моих действий. Что я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции — и остаюсь на этой позиции. Что повсюду, где бы я ни был, буду чувствовать ответственность кубинского революционера и действовать как таковой. Что не оставляю своим детям и своей жене ника-

кого имущества — и это меня не печалит, скорее радует; что я ничего не прошу для них, потому что Государство даст им необходимое, чтобы жить и получить образование.

Мне много есть что сказать тебе и нашему народу, но чувствую, что это не столь уж необходимо: слова не могут выразить всё то, что я хотел бы, и не стоит зря марать листы.

Навсегда до победы! Родина или смерть!

Тебя обнимает с революционной одержимостью¹⁾

Че.

[Детям]

Дорогие Ильдита, Алейдита, Камило, Селия и Эрнесто

Если когда-нибудь вы прочтёте это письмо, значит, меня с вами не будет. Вы почти не будете помнить меня, а самые маленькие не вспомнят ничего.

Ваш отец был человеком, который действует, как думает, и уж точно был верен своим убеждениям до конца.

Растите хорошими революционерами. Много учитесь, чтобы суметь овладеть техникой, которая позволяет овладевать природой. Помните, что самое важное — это революция и что каждый из нас, в одиночку, ничего не стоит. И самое главное: будьте всегда способны до глубины души ощущать любую несправедливость, совершаемую против любого в любой части мира. Это — самое прекрасное качество революционера.

До свидания, ребятки, надеюсь вас ещё увидеть.

Крепко-крепко целую и крепко обнимаю

Папа

оригинал: 1960 г.

рукопись: 1960 г.

перевод: 1990 г.

редакция: 1990 г.

[Родителям]

Дорогие старики,

Я ещё раз ощущаю своими пятками ребра Росинанта, снова пускаюсь в путь со своим щитом на руке. Почти десять лет назад я

1) В оригинале «con fervor revolucionario». Из различных вариантов перевода «fervor» («порыв», «страсть», «пыл» и т.п.), выбран наиболее, мне кажется, соответствующий «антипатетическому» слогу Че.

написал вам другое прощальное письмо. Помнится, я жаловался тогда на то, что не стал ни лучшим солдатом, ни лучшим врачом; последнее уже меня не волнует, а солдат я не такой уж плохой.

По сути ничто не изменилось, кроме того, что стал я куда более сознательным, мой марксизм укоренился и очистился. Я верю в вооружённую борьбу как единственное решение для народов, борющихся за своё освобождение, и действую соответственно своим убеждениям. Многие назовут меня авантюристом, им я и являюсь, только авантюристом особого типа — и из тех, кто ставит на кон свою шкуру, чтобы утвердить то, во что верят.

Может быть, эта попытка станет последней¹⁾. Я не ищу конца, но он — в пределах логического расчёта возможностей. Если так и случится — это моё прощальное объятие.

Я очень любил вас, только не умел выразить свою нежность, я крайне жёсток в своих поступках и думаю, что иногда вы меня не понимали. Да, понять меня было нелегко, но хотя бы сегодня — поверьте мне.

Теперь воля, которую я шлифовал с наслаждением творца, послужит опорой слабым ногам и усталым лёгким. Я сделаю это.

Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века. Целую Селию, Роберто, Хуана Мартина и Патотина, Беатрис²⁾, всех.

Вас крепко обнимает блудный и нераскаявшийся сын

Эрнесто.

15 февраля 1966 г.

Дочери Ильде

Ильда, дорогая³⁾

Пишу тебе сегодня, хотя дойдёт это письмо до тебя много позже. Но я хочу, чтобы ты знала, что я помню о твоём дне рождения и надеюсь, что ты празднуешь его радостно. Ты ведь уже почти женщина и нельзя тебе писать как детям, рассказывая всякие глупости и враки.

- 1) Вариант перевода: «может быть, письмо это окажется последним».
- 2) Сестра, братья, тетка Че.
- 3) Письмо старшей дочери написано из Дар-эс-Салама (Танзания), где Че находился после неудачи («провала») в Конго. (См. стр. 501–504).

Ты должна знать, что я — далеко и долго ещё буду вдали от тебя, делая, что могу, чтобы бороться против наших врагов. Не то, чтобы это было так уж много, но кое-что делаю и думаю, что ты всегда сможешь гордиться своим отцом, как я горжусь тобой.

Помни, что впереди ещё многие годы борьбы, и даже когда ты станешь взрослой, ты должна будешь вносить свой вклад в эту борьбу. А пока надо готовиться к ней, быть хорошей революционеркой, что в твоём возрасте означает многое — как можно больше узнавать и всегда быть готовой поддерживать борьбу за справедливое дело. Кроме того, слушайся свою маму и не считай, что тебе можно делать всё раньше положенного времени. День для этого ещё придёт.

Старайся стать одной из лучших в школе. Лучшей во всех смыслах слова; ты знаешь, о чём я говорю: учеба и революционное отношение к жизни, иначе говоря — хорошее поведение, серьезность, привязанность к революции, товарищество.

Я не был таким в твоём возрасте, но ведь и рос я в ином обществе, где человек был врагом человека. У тебя преимущество — жить в другую эпоху и надо быть достойной её.

Не забывай заходить домой и следить, как идут дела у других детей, советовать им, чтобы они хорошо учились и вели себя. Особенно это относится к Алейдите, которая очень слушается тебя как старшую сестру.

Ладно, старушка, ещё раз счастливого тебе дня рождения. Обними маму и Джину и прими моё большущее и крепчайшее объятие — на всё то время, пока мы не увидимся.

Твой папа.

Из текстов, не вошедших в собрания сочинений

Отрывки из писем родителям (в Аргентину)

Мехико, ноябрь 1954 г.¹⁾ ...

... У коммунистов, быть может, нет чувства дружелюбия, которое тебе свойственно, но в своих отношениях между собой они обладают им так же — или в ещё большей мере, чем ты²⁾. Я мог убедиться в этом в той гекатомбе, которой стала Гватемала после поражения, когда все и каждый думали лишь о собственном спасении [и лишь] коммунисты сохранили нетронутыми свою веру и своё чувство товарищества и были единственной группой, которая продолжала свою деятельность. Я думаю, что они достойны уважения и что рано или поздно я вступлю в партию; в большей мере, чем что-либо иное, мне мешает сделать это сейчас, моя фантастическая потребность в поездке по Европе, чего я не смог бы сделать, будучи подчинённым железной дисциплине...

Мехико, декабрь 1954 г.

... К тому, чего ты так опасаясь, можно прийти двумя путями — позитивным, будучи прямо убеждённым, или негативно — от разочарования во всём остальном. Я вообще-то пришёл к этому вторым путём, но лишь для того, чтобы сразу же убедиться, что идти надо было первым. То, как гринго обращаются с [Латинской] Америкой, вызывало во мне растущее негодование, но одновременно я искал в теории понимание глубинных причин этих их действий и нашёл их научное объяснение. А потом случилась Гватемала...

- 1) Из писем матери, Селии де Ла Серна (1907–1965) — наиболее яркому — и близкому Че — члену семьи. В последние десятилетия своей жизни разделяла левые убеждения, участвовала в деятельности организаций, связанных с коммунистической партией.
- 2) Мать жаловалась Че на поведение гватемальских коммунистов, эмигрантов, посланных Эрнесто в семейное убежище в Буэнос-Айресе.

В какой именно момент тропа разума привела меня к чему-то, родственному вере, я не могу сказать тебе даже приблизительно; путь был длинным и с немалым числом попятных шагов...

Мехико, 6 июля 1956 г. (из тюрьмы)¹⁾

... Именно к этому [участию в революции] вели все пути моего прошлого. А будущее делится на среднесрочное и ближайшее. Могу сказать вам, что среднесрочное связано с освобождением Кубы. Мне предстоит или победить вместе с ними, или погибнуть там... О ближайшем же будущем я мало что могу сказать, так как не знаю, что случится со мною: я — во власти судьбы...

Мы готовы начать голодовку протеста... и продолжать её сколько потребуется. Дух в нашей группе в целом очень высок.

Если по какой-либо непредвиденной причине я больше не смогу писать, сойду с ума и т.п. — то, прошу, примите эти строчки как прощание, не слишком красноречивое, но искреннее. Всю свою жизнь я, спотыкаясь, шел, ища свою правду, и теперь, когда у меня есть дочь, которая сможет продолжить [дело] после меня, круг замкнулся. Теперь я могу воспринимать смерть просто как неприятность — как это сказано у Хикмета²⁾: «Я возьму с собой в могилу, лишь сожаление о неоконченной песне...»

15 июля 1956 г. (из тюрьмы)

Я не Христос и не филантроп, старушка³⁾, я — противоположность Христу. Я борюсь за вещи, в которые я верю, любым оружием, которое окажется в моём распоряжении, и постараюсь оставить другого мёртвым, так чтобы он не смог прибить меня гвоздями ни к кресту, ни к какому-либо иному месту. Что меня действительно пугает — это твоё непонимание всего этого, твои советы насчёт умеренности, здорового эгоизма и т. д. — то есть самых отвратительных качеств, которыми может обладать индивидуум. Я не только не умерен [сей-

1) Первое письмо, извещающее родителей о «Кубинских планах». Написано в тюрьме, куда Че попал с Фиделем и его соратниками в конце июня 1956 г.

2) Назым Хикмет (1902–1963) — крупнейший турецкий поэт XX века, коммунист. После 17 лет тюрьмы с 1951 г. жил в СССР.

3) См. примечание на с. 560.

час], но постараюсь никогда не стать таковым, и когда я обнаружу, что священное пламя во мне уступило место робкому, вымученному свету — как минимум, меня от этого вырвет на собственное дерьмо, а поскольку речь идёт о твоём призыве к умеренному эгоизму¹⁾, а попросту говоря, к ползучему и трусливому индивидуализму, я должен сказать тебе, что сделал многое, чтобы уничтожить его в себе... В эти дни тюрьмы и в предыдущие [недели] тренировки я добился полного отождествления с моими товарищами по делу. Категория «я» полностью исчезла, уступив место понятию «мы». Это уже была коммунистическая мораль, и, конечно, всё сказанное может казаться доктринерским преувеличением, но это было по-настоящему прекрасным — быть способным почувствовать это удаление «я».

... Глубокая ошибка с твоей стороны верить, что великие изобретения и шедевры искусства родились из «умеренности» или умеренного эгоизма. Для всех великих свершений необходима страсть, а для Революции страсть и смелость необходимы в больших дозах, и в нас — как в человеческой группе — они в наличии...

... При всём этом мне кажется, что эта боль, боль матери, стареющей и ждущей возвращения своего сына живым, — достойна уважения, и моя обязанность — считаться с этой болью, и я хочу унять её, и я сам хотел бы тебя увидеть, и не только для того, чтобы утешить тебя, но и искупить те уколы, которые я подчас наношу и в которых я редко раскаиваюсь...

Твой сын, Эль Че²⁾.

Осень 1956 г.³⁾

... В действительности о своей собственной жизни я могу рассказать мало, провожу её за физической подготовкой и чтением. Думаю, что после прочитанного я превращусь — в вопросах экономики — в настоящую боевую машину, хотя я и забываю прощупывать пульс и выслушивать сердце (это никогда у меня толком не получалось). Мой путь медленно, но верно расходится с призванием к

- 1) В монографии И. Ли Андерсена — «Self interest». Испанского подлинника письма в распоряжении редакции нет.
- 2) Первый текст с новой подписью Эрнесто Гевары.
- 3) Отрывки из двух писем из подполья (точнее — с чердака), адресованных матери.

нц

клинической медицине, но пока не настолько, чтобы полностью заглушить мою ностальгию по больницам. То, что я рассказал вам о [подготовке] к докторантуре по физиологии, — было враньём, но не стопроцентным.

Враньём — потому что я никогда не думал о том, чтобы принять это предложение, но оно было сделано — и была реальная возможность, что меня с моим дипломом и всем прочим приняли бы... В любом случае всё это уже в прошлом. Святой Карлос¹⁾ приобрёл усердного ученика.

... Я — в процессе смены характера моих занятий; раньше я с переменным успехом посвящал себя медицине, а в свободное время без определённого порядка (*en forma informal*) изучал святого Карлоса. Новый этап моей жизни требует и изменения этого соотношения; сегодня на первом месте — святой Карлос, он — ось всего и таким останется на все годы, пока шарик будет удерживать меня на своей поверхности...

*Около 2 июля 1959 г.*²⁾

Дорогая старушка, старая моя мечта — посетить все эти страны — сейчас сбывается, но так, что никакого счастья мне не приносит.

Все эти разговоры о политических и экономических проблемах, устройство приемов, на которых единственное, что я могу себе позволить, это не надевать смокинг, и невозможность доставить себе истинное удовольствие — пойти и помечтать в тени пирамид — или у саркофага Тутанхамона. И, главное, я здесь один, без Алеиды, взять которую с собой я не мог — из-за одного из своих сложных психологических комплексов³⁾.

Египет стал первостепенным дипломатическим успехом, посольства всех [аккредитированных в Каире] стран были представлены на прощальном [приеме], данном нами, и я мог воочию убедиться, какая сложная штука дипломатия — когда папский нунций с во-

- 1) Т. е. Карл Маркс.
- 2) Письмо, написанное матери во время первого из международных марафонов Че (июнь—сентябрь 1959), из Индии (возможно — на борту самолёта).
- 3) «Никаких привилегий, ничего за счёт революции» — так, наверное, мог бы определить Че этот свой комплекс.

истину блаженной улыбкой обменивался рукопожатием с российским атташе.

Теперь — Индия — и новые осложнения с протоколом, из-за которых меня охватывает паника, как ребенка. Один из моих спутников придумал, правда, для трудных ситуаций стандартный ответ на все случаи жизни, что-то вроде «Вот это да!», который действует безотказно.

...

Есть нечто, что действительно развилось во мне: это чувство массового — в противостоянии узко личному; я всё так же ищу свой путь в одиночку, без чьей-либо личной помощи, но теперь у меня есть чувство своего долга перед историей. У меня нет ни дома, ни женщины, ни родителей, ни братьев; мои друзья остаются моими друзьями лишь до той поры, пока политически мыслят, как я, — и всё же я доволен. Я чувствую в жизни что-то — не только мощную внутреннюю силу (это я чувствовал всегда), но и способность зажигать других и совершенно фантастическое ощущение своей миссии, которое начисто убивает страх.

Не знаю, почему я пишу тебе всё это; может быть, только из-за того, что скучаю по Алеиде. Прими это [послание] таким, как оно есть — как письмо, написанное в одну штормовую ночь в небе над Индией, далеко от моей родины и от тех, кого я люблю.

Эд Обнимаю каждого из вас.

Эрнесто.

Декабрь 1959 [предрождественское письмо].

Дорогие старики:

Вы знаете, как трудно мне писать письма. Я делаю перерыв в половине седьмого утра — не начиная рабочий день, а кончая его, чтобы пожелать вам всего, что достойно пожелания в эти дни. Куба переживает моменты, которые станут решающими для Америки. Когда-то я хотел быть одним из солдат Писарро, но чтобы удовлетворить мою жажду приключений и стремление преодолеть ограничения, налагаемые климатом и здоровьем, — в этом больше нет нужды: сегодня всё это есть здесь: и идеал, за который борешься¹⁾, и ответствен-

1) Вариант перевода: «Идеал, который стоит того, чтобы за него бороться...».

ность за то, чтобы показать пример, который ~~ни~~ будет расхотиться с идеалом.

133

Мы ощущаем себя не людьми, а рабочими машинами, борясь против времени, в окружении обстоятельств сколь трудных, столь и блистательных.

Департамент промышленности¹⁾ был моим собственным творением; я наполовину отдал его, с горечью усталого отца, чтобы погрузиться в то, что является, по-видимому, моим наследственным даром, — в дела финансовые²⁾. Помимо этого я остаюсь начальником Отдела боевой подготовки (Jefe de Entrenamiento) Повстанческой армии и командующим полка, находящегося в Орьенте. Мы творим подлинную историю высшей [латино]американской пробы. Мы представляем будущее, и мы знаем об этом, мы строим с ощущением счастья, хотя и забыли о личных привязанностях. Прими самые горячие объятия от этой машины, распределяющей рассчитанную любовь среди 160 миллионов [латино]американцев, но иногда чувствующей себя блудным сыном, к которому возвращается память.

Че.

1959 г.

Орента.

24

Из интервью итальянскому журналисту Дж. Тотти³⁾

...Я уже думаю о проблеме концентрации промышленности, о ее модернизации, в конечном счете — о ее автоматизации. Я добиваюсь, чтобы мы быстрее пришли к использованию электронной техники — во всяком случае, поскольку речь идет об осуществлении экономического анализа, сбора и проверки информации, о статистическом контроле (статистика на Кубе в прошлом просто не существовала), об уничтожении всяческих препятствий, порождаемых бюрократией. Поэтому я утверждаю, что необходимо сегодня начать думать о предстоящем завершении этапа социалистического строительства, о

1) Национального Института аграрной реформы, INRA.

2) 26 ноября 1959 г. Че был назначен президентом Национального Банка Кубы. «Наследственный дар» — ирония в свой и семьи адрес. «Фидель сошёл с ума, — откликнулся на назначение сына Гевара Линч. — Когда Гевара берётся за бизнес, дело всякий раз заканчивается крахом»...

3) Корреспондент журнала «Vie Nuove». Опубликовано 16 августа 1964 г.

строительстве коммунизма. Не строя, конечно, иллюзий, не надеясь на то, что можно решать вещи, произнося слова, не считая, что войти в коммунизм столь же легко, как в кино — купить билет... Но нужно начинать думать о высшем этапе будущего...

Из интервью французскому журналисту Жану Даннэлю¹⁾

Алжир

... Экономический социализм вне коммунистической морали мне не интересен. Мы боремся против нищеты, но в то же время боремся против отчуждения. Маркса волновали не только экономические отношения, но и их отражение в сознании. Он называл это «фактом сознания». Если коммунизм отвлекается от фактов сознания, он может быть методом распределения, но теряет характер революционной морали.

Из выступлений перед студентами²⁾

Наш метод мышления мы считаем абсолютно марксистским, строго марксистским; вместе с тем он обладает спецификой: мы пришли к этой марксистской системе взглядов, мысля и действуя самостоятельно, перед лицом ряда реальностей Кубы и требований, которые они перед нами выдвигали. Кроме того, мы разработали теорию наших действий уже после того, как сами эти действия имели место. И как всегда это бывает, теория объяснила и дополнила их — и указала нам наши следующие шаги.

- 1) Главный редактор левого в ту пору французского журнала «Экспресс» (в 1963 г. был посредником на тайных переговорах между Ф. Кастро и Дж. Кеннеди накануне убийства последнего). Интервью, по-видимому, дано в 1964 г.
- 2) По-видимому, в конце 1964 г. *Из выступления перед студентами*

Приложения

Основные вехи жизни, борьбы и творчества Эрнесто Гевары¹

1928

14 июня². В городе Росарио (Аргентина), в семье Эрнесто Гевары Линча и Селии де ла Серна рождается первенец — Эрнесто.

1931

Май. Простуда, бронхит, астма (до конца жизни).

1934–1943

Переезд семьи (из-за астмы Эрнесто) в Альта-Грасию — предгорный городок в центре страны. Борьба с болезнью, чтение, спорт (футбол). Начальная школа.

1936–1939

Гражданская война в Испании³.

1943

Май. Военный переворот в Аргентине, приведший впоследствии к установлению перонистского режима.

¹ В правой части страниц хронологии фигурируют выступления, статьи, письма Че (напечатанные в данном томе), которые относятся ко времени событий, о которых идёт речь в основном тексте «хронологии».

² Эта дата и сегодня остаётся «официальной». На самом деле Эрнесто родился месяцем раньше.

³ «Первое политическое событие, заметно вторгшееся в сознание Эрнесто Гевары». (Jon Lee Anderson. *Che Guevara A revolutionary life*. № 9, 1997, p. 22).

1943–1947

Семья Гевара проживает в Кордове, крупнейшем городе «внутренней» Аргентины. Учеба в средней школе. Чтение. Спорт.

1944

Первое («неудачное»: «ничего не понял») знакомство с трудами Маркса.

1945

Начало систематического изучения философии.

1946

Окончание средней школы.

1947

Поступление на медицинский факультет университета в Буэнос-Айресе — столице страны. Э. Гевара признан непригодным (астма) к военной службе.

1948

Второе, удачное знакомство с работами Маркса и Ленина.

Конец 40-х — начало 50-х годов

Занятия, чтение, стихи. Нарастающая враждебность по отношению к США, но никакого участия в партийно-политической борьбе в Аргентине Гевара не принимает (ни перонист, ни антиперонист...).

1950

Январь–февраль: первое путешествие на мотоцикле (4000 км по Северной Аргентине).

1950 (1952)

Первая любовь (Чичина — Мария дель Кармен Феррейра).

1952

Январь—август. Первое путешествие по Латинской Америке (Чили, Перу, Колумбия, Венесуэла) — на мотоцикле и кораблях (возвращение на самолёте).

1953

Апрель—июнь. Окончание университета. Диплом врача.

Июль—декабрь. Второе путешествие по Латинской Америке (Боливия, Перу, Эквадор, Панама, Коста-Рика, Гватемала). Кристаллизация революционных, антиимпериалистических и антикапиталистических убеждений.

1954

Январь—май. Эрнесто Гевара — среди левой латиноамериканской эмиграции в Гватемале. Борьба за выживание (экономическое). Первые кубинские друзья. Знакомство с будущей женой — перуанкой Ильдой Гадеа.

Май. Поездка в Сальвадор.

17 июня — 3 июля. Интервенция США в Гватемале и свержение демократического правительства Хакобо Арбенса.

Июль—август. Гевара — «беженец» в аргентинском посольстве; сближается с некоторыми из будущих лидеров повстанческой борьбы в регионе.

Сентябрь. Эмиграция из Гватемалы в Мексику.

Декабрь. Гевара впервые пишет матери о своих коммунистических убеждениях.

1955

Июнь—июль. Знакомство с Раулем и Фиделем Кастро.

18 августа. Официальная регистрация брака с Ильдой Гадеа.

1956

Январь—июнь. Совместно с кубинскими эмигрантами проходит интенсивный курс военного обучения. Эрнесто Гевара становится «Че». Изучение философии, политэкономии, углублённое чтение классиков марксизма.

15 февраля. Рождение дочери, Ильды-Беатрис.

Конец июня. Арест Фиделя и его группы. Че — в тюрьме до начала сентября.

Сентябрь—ноябрь. На чердаках и в ранчо Мехико.

Ночь с 24 на 25 ноября. «Гранма» выходит в море.

2 декабря. Высадка на болотистом побережье юго-восточной Кубы.

5 декабря. Поражение в Алегриа-дель-Пио. Отряд рассеян. Че делает выбор: «не врач, но солдат».

20 декабря. Воссоединение двенадцати оставшихся в живых повстанцев.

1957

16 января. Первый успех (Ла-Плата).

28 мая. Первая победа (Эль Уверо).

5 июля. Назначение командиром колонны (новой) — первое в Повстанческой армии; присвоение звания команданте.

Вторая половина года. Бои вокруг «Эль Омбрито». Че создаёт тыловые базы в Сиерре, широкую сеть сочувствующих (крестьян) и «колдовской ореол вокруг себя». Второе ранение.

1958

Начало года. Бои под Пино-дель-Агуа.

Январь. Выпускает первую газету Повстанческой армии.

Февраль. «Выходит в эфир» — создаёт «Радио Ребельде». Политическая полемика с «Равниной».

Февраль—август. Гражданский брак с Соилой Родригес.

Апрель. Неудача всеобщей забастовки.

3 мая. Че руководит заседанием Национального Директората «Движения 26 июля», передающего Фиделю всю полноту военного и политического руководства Движением.

· 41 Вторая половина апреля — конец мая. Вместе с Фиделем руководит подготовкой к отражению решающего наступления войск Батисты против ядра Повстанческой армии.

Конец мая — середина июля. «Решающее» наступление войск диктатуры.

15–18 июля — 9 августа. Поражение и отступление армии.

21 августа. Приказ Фиделя Кастро о назначении Че и Камило Сьенфуэгоса командующими колонн «Вторжения» (Восьмой и Четвёртой).

31 августа. Колонна Че (140 человек) начинает прорыв на запад.

Сентябрь — первая половина октября. Колонны Че и Камило с боями пробиваются через равнины и болота Орьенте и Камагуэя к центру Кубы.

16 октября. Колонна Че вступает в предгорья Эскамбрая. Завершение 47-дневного похода.

25 октября — 31 декабря. Кампания в Лас-Вильяс — центральной провинции Кубы.

Ноябрь. Встреча с Алейдой Марч.

15–26 декабря. «Партизанские отряды занимают города» Лас-Вильяс (кроме её столицы — Санта-Клары).

27–31 декабря. Сражение за Санта-Клару; Че выигрывает решающее сражение революционной войны.

1959

1 января. Бегство Батисты. Капитуляция последних очагов сопротивления диктатуры в Санта-Кларе. «Мы выиграли войну. А революция начинается только сейчас». Попытка военного переворота в Гаване.

2 января. Колонна Че движется к Гаване.

3 января. Вступление в Гавану. Че и Камило — коменданты двух военных баз столицы.

5 января. Встреча Че с Фиделем в Камагуэе.

8 января. Фидель — в Гаване.

9 января. Приезд родителей Че в Гавану.

Январь. Гражданский брак с Алейдой Марч.

27 января. Первое публичное выступление Че («**Proyección social**» — см. с. 43–54).

30 января. Первое интервью советскому журналисту (В. Чичкову).

7 февраля. Предоставление Че кубинского гражданского.

Февраль–май. В борьбе за аграрную реформу.

Март. На лечении в Тараре.

17 мая. Первый закон об аграрной реформе.

2 июня. Свадьба с Алейдой Марч.

12 июня — 9 сентября. Первая поездка Че в страны Африки и Азии (ОАР, Индия, Бирма, Таиланд, Япония, Индонезия, Сингапур, Цейлон, Пакистан, Судан, Марокко) — и в Югославию.

7 октября. Назначение заведующим индустриальным отделом Института аграрной реформы.

Октябрь. Начало занятий высшей математикой.

Конец октября. Отставка Уберто Матоса и гибель ближайшего друга Че — Камило Сьефуэгоса.

Октябрь 1959 г. — март 1960 г. Выступления в университетах Кубы (в Орьенте, Лас-Вильяс, Гаване).

26 ноября. Назначение председателем Кубинского национального банка (управление отделом промышленности ИНРА передано Орландо Боррего).

1960

1960

Февраль. Поездка по Кубе с Ф. Кастро и А. Микояном.

4, 6 марта. Взрыв «Ла Кубр», похороны его жертв, знаменитая фотография А. Корды.

Апрель. Письмо Гевары Э. Сабато.

Весна. Издана книга «Партизанская война». Встречи с Э. Хэмингуэем, Ж.П. Сартром, С. де Бовуар.

Лето. Национализация собственности компаний США (10 июня и 9 августа). Резкое усиление компании против Гевары в печати США.

Начало октября. Че перестаёт быть председателем Национального банка.

10 октября. В статье, опубликованной в «Verde Olivo», Че впервые публично выступает как марксист.

22 октября — 17 ноября. Первая поездка Че в СССР (Москва, Ленинград, Сталинград); экономические переговоры, Дом Союзов и — 7 ноября — трибуна Мавзолея.

Вторая половина ноября — декабрь. Поездка в КНР и КНДР.
Встреча с Мао Цзе-дуном.

24 ноября. Рождение дочери (Алеиды).

18 декабря. Подписание (в Москве) экономических соглашений между Кубой и СССР, КНР и всеми другими странами «реального социализма».

22 декабря. Возвращение на Кубу.

1961

3 января. США прекращают дипломатические отношения с Кубой.

Январь. В ожидании вооружённой интервенции США, Че принимает командование Западным военным округом.

Февраль — ? Изучение русского языка. Начало регулярного участия в «субботниках» («trabajo voluntario»).

23 февраля. Назначение министром промышленности: пост, который Че будет занимать (и работа, которой он будет отдавать основное своё время) до конца своего пребывания на Кубе. («Мы задержимся здесь на пять лет, а затем уберёмся: мы всё ещё сможем воевать в партизанах, когда станем на пять лет старше»).

15–19 апреля. Провал организованной администрацией США интервенции на Плайя-Хирон. Официальное провозглашение социалистического характера Кубинской революции.

Весна–лето. Усиливающийся дефицит продовольствия и потребительских товаров на Кубе. Разгар кампании по ликвидации неграмотности.

Лето. Объединение Движения 26 июля, Революционного Директората и Народно-Социалистической партии (коммунисты) в ОРО¹.

Июль. Сутки с прибывшим на Кубу Юрием Гагариным.

4–20 августа. Поездка в Уругвай, Аргентину, Бразилию. Выступление в Организации Американских Государств, встречи с президентами трёх стран — и с родными. Беседа с Р. Гудвиным — помощником президента США Д. Кеннеди. Че предлагает США «modus vivendi».

¹ ОРО (ORI) — Объединенные Революционные Организации.

Наращение «сектантской» линии в ОРО, нацеленной на монополизацию постов и власти в ОРО — и на Кубе — «старыми коммунистами» и копирование советской практики.

Сентябрь. Подготовка в США операции «Мангуст» (прямая военная интервенция против Кубы).

Декабрь. ОАГ (голосами всех стран, кроме Мексики) принимает антикубинскую резолюцию.

1962

Январь. Приостановлено членство Кубы в ОАГ.

Февраль. Запрет экспорта товаров из США на Кубу.

4 февраля. Принятие Второй Гаванской декларации.

Начало года. Развертывание подготовки планов и кадров для партизанских движений в Латинской Америке. (Вторая главная «сфера ответственности» Че).

Март. Введение карточной системы на Кубе.

13–26 марта. Выступление Фиделя Кастро (при поддержке Че Гевары и других лидеров вооружённой борьбы) против «сектантского уклона». Разгром «тенденции»¹. Че избран в новое руководство ОРО.

20 мая. На узком совещании кубинского руководства решено принять предложение Н.С. Хрущева о размещении советских ракет на Кубе. «Всё, что может остановить американцев — стоящее дело (vale la pena)».

В тот же день. Рождение сына (Камило).

Конец августа. Вторая поездка в СССР. Встреча с Н.С. Хрущевым в Крыму: Че привозит подписанное (и отредактированное) Фиделем «соглашение о ракетах»². Подписание соглашения об экономическом сотрудничестве СССР–Куба.

¹ В кубинской и советской литературе связанной с именем Оргсекретаря ОРО Анибалом Эскаланте.

² Н.С. Хрущев заявил, что подпишет соглашение в момент его обнаружения — в ходе предполагавшейся поездки советского руководителя на Кубу (январь 1963 г.)

1965

Январь–март. Решение об отъезде с Кубы и возвращении к личному участию в вооружённой революционной борьбе.

2–5 февраля. Посещение КНР.

Февраль. Переговоры в Танзании с руководителями конголезских повстанцев.

24 февраля. Выступление в Алжире.

В тот же день. Рождение второго сына (Эрнесто).

Февраль и март. Встречи с Г.А. Насером.

Январь–март. Работа над статьей «Социализм и человек на Кубе». (Опубликована в конце марта в Уругвае).

14 марта. возвращение — через Прагу — на Кубу.

14–16 марта. «40 часов беседы» с Фиделем.

22 марта. Последнее совещание в Министерстве промышленности. («Уезжаю на месяц на рубку тростника»).

31 марта. Прощание с Фиделем.

2 апреля. Отлёт в Танзанию.

24 апреля. Переправа через оз. Танганьика в Конго.

19 мая. Смерть — в Буэнос-Айресе — матери Че.

15 июня. Свержение президента Бен Беллы (в Алжире).

20 ноября. Кубинцы покидают Конго.

Конец ноября — март 1966 г. В Дар-эс-Саламе (Танзания) Че пишет «Воспоминания о революционной войне» (Конго).

1966

Март — 19 июля. Пребывание в Праге. Разработка концепции «континентального фронта» и конкретных планов создания «второго Вьетнама» в Латинской Америке. Выбор Боливии. «Пражские тетради».

Июль–октябрь 1966 г. Где-то в Западной Кубе: подготовка к боливийской кампании.

23 октября. Последний отъезд с Кубы.

3 ноября. Приезд в Боливию.

7 ноября. Прибытие в партизанский лагерь.

2 декабря. Прибытие в лагерь последней группы кубинцев.

31 декабря — 1 января 1967 г. Переговоры Че с Марио Монхе (генеральный секретарь Компартии Боливии). Их неудача.

1967

1 февраля—20 марта. Тренировочный поход по боливийским джунглям. Начало голода.

Конец марта—начало апреля. Успешные, но «преждевременные» бои с частями боливийской армии; начало широкого участия США (ЦРУ) в событиях.

17 апреля. В «Гранме» опубликовано «Обращение к народам мира через конференцию трёх континентов» (написано осенью 1966 г.)

18 апреля. Временное разделение герильи (соединиться двум отрядам—основной части герильи и тылового охранения—уже не придётся).

20 апреля. Арест «связников» Че (Дебрэ, Бустос). Конец «живых связей» с миром.

Май, июнь, июль. «Бои и походы» партизанской колонны. Ни одного боя пока не проиграно.

С конца июня. У Че—резкое обострение астмы.

Июль. Политический кризис в Боливии, момент наибольшего размаха и резонанса действий отряда Че.

Август. Главный враг—жажда. Армия обнаруживает склады партизан в Ньякауасу—боеприпасы, документы, лекарства. «Худший месяц войны».

31 августа. Гибель тылового охранения (группы Вило Акуньи), расстрелянного военными при переходе через Рио-Гранде.

Сентябрь. Разгром городской сети поддержки Герильи (в Ла-Пасе).

28 сентября. Первое поражение.

6–7 октября. Отряд в кольце.

8 октября. Последний бой. Ранение и пленение.

9 октября. Расстрел.

Октябрь. Начало «посмертных жизней» Че.

Феномен Эрнесто Че Гевары: трагедия и триумф

«Ни в чём так не нуждается революция, как в творческих людях, достойных её целей, и она порождает их».

В. И. Ленин

В своих записях о странствиях по Латинской Америке Эрнесто Гевара рассказывает, не упоминая ни даты, ни места, о ночной встрече с таинственным незнакомцем. Вот его загадочные слова, обращённые к Геваре: «Люди могут учиться только ценой собственных ошибок, а это стоит многих невинных жизней. Хотя, возможно, эти жизни не так уж и невинны, поскольку, оказываясь неспособны к адаптации, они совершают великий грех против природы. Все те, кто не смогут адаптироваться — вы и я, например, — умрут, проклиная власть, которую они ценой великих жертв помогали создавать. Революция безличностна; она унесёт их жизни, используя при этом память о них как пример или инструмент приручения молодёжи, которая пойдёт за ними. Мой грех больше, ибо я, более искушенный и обладающий большим опытом... умирая, буду знать, что становлюсь жертвой собственной негибкости, символизирующей нашу прогнившую рушащуюся цивилизацию. Я также знаю..., что вы умрёте, сжав кулаки и стиснув зубы, сгусток ненависти и борьбы, потому что вы не символ... а живая часть общества, которое должно разрушить; дух пчелиного улья говорит через ваши уста и мотивирует ваши поступки. Вы столь же полезны, как и я, но вы не знаете, насколько полезен ваш вклад в общество, которое жертвует вами».¹

Мы никогда не узнаем, вспомнил ли Гевара эти пронзительные слова за мгновение до смерти, когда сержант Марио Теран ворвался в школьный класс, где содержался под охраной пленник. Раненый Че

¹ Ernesto Che Guevara. Selfportrait. Melbourne. 2004, p. 62, 64. По предположению автора лучшей на сегодняшний день биографии Гевары Йена Ли Андерсона ночным собеседником 24-летнего Эрнесто был кто-то из восточно-европейских диссидентов.

с огромным усилием попытался встать. При виде поднимающегося партизанского командира убийца замешкался. Тогда, согласно одному из апокрифов, Че скомандовал ему: «Стреляй, сукин сын!» По-испански «сукин сын» звучит как оскорбление, которое не может простить ни один уважающий себя мужчина. И сукин сын выпустил в Гевару девять пуль...¹

Ровно через 10 лет французский философ Режи Дебре, участвовавший вместе с Геварой в партизанской борьбе в Боливии, со свойственной ему склонностью к эффектной фразе заявил: «Че был убит два раза: сначала — автоматной очередью сержанта Терана, потом — миллионами своих портретов»². Что же касается его врагов, например сотрудника франкистских спецслужб агента ЦРУ Л. Гонсалеса-Маты, они считают, что в первый раз Че «умер» в 1959 г., когда после победы кубинской революции был «оттеснён на второй план». А затем «умирал» почти каждый год, минимум девять раз, причем после Боливии «продолжает умирать каждый день на Кубе...»³. Сотни раз буржуа, обыватели и оппортунисты всякого рода объявляли Че «трупом, прогнившим от славы», сотни раз они пытались его похоронить, как, например, модный репортер парижского «Пари-матч» Жан Ко в романе «Страсть к Че Геваре», и тем самым избавить себя и мещан из великосветских салонов от кошмарного наваждения, которое внушает им его грозная тень. Они по-прежнему ненавидят его бешеной ненавистью, замешанной на животном страхе: ведь образ Че прочно овладел массами, стал поистине материальной силой. А поэтому, будучи не в силах похоронить Че, они не жалеют усилий для того, чтобы изолгать, извратить жизнь и дело великого революционера XX в.

История показывает: чем значительнее человек, тем больше предрассудков и заблуждений нагромождено вокруг него. По числу фильмов, романов, спектаклей, исследований, посвящённых ему, Че, наверное, превзошел любого политика второй половины XX в. В этом

¹ Nouvel Observateur. Paris, 1977, № 674, p. 56.

² Заметим, что все, кто принимал какое-либо участие в пленении и убийстве Че, погибли от пули либо в авиационных или автомобильных катастрофах: от президента Боливии Баррьентоса, утвердившего приказ о казни Че, и армейских генералов до «простых исполнителей». Приговор был приведён в исполнение или революционерами, или самой судьбой.

³ L.M. Gonzalez-Mata. Las muertes del «Che» Guevara. Barcelona, 1980, p. 11, 12.

приняла участие и гигантская пропагандистская машина Запада, задействованная, чтобы навязать массам такой образ Че, который был бы наименее опасен для буржуазии. В духе какого-нибудь жития святых пишут «страсти по Че», сочиняют рок-оперы, не жалеют сил, чтобы превратить его в «поп-звезду», сделать из его имени товар. В Лондоне даже открыли дорогой магазин женской моды под названием «Че Гевара». И, словно спохватившись, тут же пытаются доказать, что Че был человеком прошлого, пережитком иных эпох, анахронизмом в компьютерный век.¹ В то же время «многие молодые люди, которые называют себя революционерами, обожествляют его, превращают в миф или фетиш»...² Усилиями буржуазного идеологического аппарата серийно штампуются самые разнообразные мифы: «Че — романтический авантюрист, красный Робин Гуд, Дон Кихот коммунизма, новый Гарибальди, марксистский Сен-Жюст, секуляризованный Христос, Святой Эрнесто из Игеры, почитаемый боливийскими крестьянами, большевик с ножом в зубах, кошмарный сон богачей, красный пироманьяк...».³ Справа и «слева» на Западе возникают лжеипостаси Че: «романтический искатель приключений», «революционный наркоман», «князь Мышкин с автоматом», «фрустрированный психопат, ищущий в революции выхода своим фантазмам», «волютарист и субъективист», «одиночка-авангардист, оторванный от масс», «маргинал-изгой, человек без родины», «поджигатель войны», «политик-самоубийца, камикадзе от революции»... В итоге легенда о Че начала приобретать не только героические, но и демонические очертания: Че стал превращаться в символ тотального насилия и террора.

Прошло почти 40 лет после его гибели, а накал полемики вокруг его личности и наследия не ослабевает. В чём же тайна этого грандиозного человеческого феномена, имя которому «Эрнесто Че Гевара»?

Секрет этого феномена, по-видимому, в том, что в его личности для людей нашей эпохи сфокусировались извечные «проклятые» вопросы человеческой экзистенции: «Кто мы и зачем на этой земле?», «В чём смысл нашей жизни и смерти?», «В чём тайна отношений между мужчиной и женщиной?», «Как соотносятся индивид и

¹ См.: D. James. Che Guevara. New York, 1969, p. 347.

² M.A. Aguirre. El Che Guevara. Aspectos pohticos y economicos de su pensamiento. Bogota, 1979, p. 10.

³ M. Lowy. The Marxisme of Che Guevara. New York, 1973, p. 7.

коллектив?», «Что такое самопожертвование и чем отличается оно от самоубийства?», «В чём смысл человеческой солидарности?», «Способны ли мы овладеть собой и своей судьбой?». К тому же он своей патетически прожитой жизнью и жертвенной смертью ставил, словно эксперименты, кардинальные вопросы революционного движения: значимости человеческой инициативы, нравственной сущности революции, возникновения нового человека...

Но главное, он поставил самую важную проблему современности — проблему будущего.

«Антитеоретик» или теоретик иного типа?

О Че бытует представление как о принципиальном «антитеоретике», абсолютном практике, который презирал теорию и анализ и чьи действия намного опережали мысль. «Он не был ни оригинальным, ни глубоким мыслителем, он плохо понимал — причём с огромной наивностью — мир, в котором жил, и те великие силы, которые направляли его судьбу. Он ничего не знал в области экономики, а его понимание истории граничило с гротеском»¹.

Как возможно такое мнение о мыслителе, который в считанные годы, продолжая огромную практическую работу, создаёт целый ряд оригинальных теоретических и публицистических работ, в которых анализирует почти весь спектр современных ему проблем: от теории партизанской войны до сложнейших вопросов политэкономии социализма, от концепции нового человека до проблем философии и эстетики?

В любом случае, как получилось, что интеллигент, которому имманентно были присущи постоянная духовная напряжённость, связанные с ней интеллектуальная инициатива и независимость суждений, взвинченная сила воображения, «заслужил» репутацию человека, признающего только вооружённую силу? Может быть, причина этого парадокса (причём далеко не единственного, связанного с его именем) в том, что Че-практик затмевает Че-теоретика? Или в том, что Че при всей страсти к теоретическому осмыслению реальности ненавидел абстрактные, оторванные от «живой жизни» теоретизирования, никогда не подменял изучением текстов изучение действительности?

¹ J. Mallin. «Che» Guevara on Revolution. Miami. 1969, p. 44.

Однако для такого философского ума, как Ж.-П. Сартр, ранг Че как теоретика несомненен. Это ему принадлежит лучший афоризм о Че, который проясняет смысл этого парадокса: «Я думаю, что он был не только интеллектуалом, но и самым совершенным человеком нашей эпохи».

В чём суть этого совершенства? По-видимому, в неразрывном, скреплённом собственной кровью единстве мысли и дела. Вернее, в способности «мыслить действием», быть «практическим философом», для которого корректный теоретический анализ проблемы был немыслим вне практического её решения и неотделим от этого решения. Он на деле реализовал великий афоризм Мао: «То, что мыслимо, то осуществимо». В самом деле, Че никогда не прекращал попыток овладеть действительностью теоретически и в то же время всегда был готов к тому, чтобы овладеть ею действием, практически. При этом он взыскательно и вместе с тем уважительно относился к теории: «Теория должна освещать реальность, а не подменять её». Главное требование, которое Че предъявлял к теории, заключалось в том, чтобы установить, насколько действительность поддаётся изменению человеческим действием и что надо делать, чтобы изменить эту действительность. Другими словами, Че был не кабинетным теоретиком, а теоретиком «поля боя». Это — политический мыслитель, всем существом вовлечённый в стихию борьбы, соединявший в своей судьбе революционную теорию с революционной практикой.

Именно Сартр подметил примечательную черту Че — не прерывающийся ни на мгновение анализ собственных действий и письменное осмысление всего, что он делал и что происходило вокруг него. Только полтора последних дня его жизни — от пленения до гибели — не были описаны. Уже один только подобный уровень рефлексии характеризует его как выдающегося интеллектуала. Этот постоянный самоанализ стал эффективным способом обретения собственного «Я», даже самосотворения. Так Гевара реально преодолевал извечную дихотомию мысли и действия, разума и воли.

Че хорошо владел французским языком, неоднократно посещал Париж, общался с ведущими интеллектуалами того времени (например, Ж.-П. Сартром, С. Бовуар) и, несомненно, был знаком с главными тенденциями современной ему мысли. Его практическая борьба, им самим непрерывно подвергавшаяся рефлексии, оказалась глубоко созвучна и внутренне связана с напряжёнными философскими усилиями левых мыслителей Европы, европейскими «шестидесятни-

ками», ровесниками Че (М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, А. Негри), которые, как и он, постоянно поднимали проблему человеческой свободы и тем самым идейно взрывали всякую блокировку революционного действия.

Теория появляется тогда, когда человек на практике сталкивается с трудноразрешимыми проблемами. Для Гевары теория всегда ориентирована на действие. Че любил повторять ставшие крылатыми слова: «Лучшая форма что-нибудь сказать — это сделать». Теоретические дискуссии Че переводил в плоскость практической политики и именно так склонен был, следуя примеру Ленина, ликвидировать разрыв между теоретиком, который говорит, что надо делать, и практиком, который делает. В работе и жизни Че блестяще воплотилась фундаментальная мысль Маркса о том, что «разрешение теоретических противоположностей само оказывается возможным только практическим путём, только посредством практической энергии людей», и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой действительно жизненную задачу, которую философия не могла разрешить именно потому, что она видела в ней только теоретическую задачу.¹ С опорой на эту мысль связано то подлинно новаторское, что есть в геваровской постановке проблемы соотношения теория–практика в современный период. Поскольку теоретические трудности проистекают из практических трудностей, то и решать их надо не абстрактным теоретизированием, а практически. Тем самым Че попытался решить проблему важности и возможности конкретно-исторического эксперимента в революционной науке. Это обстоятельство ставит Че в один ряд с теми учеными-сподвижниками, кто, открыв противоядие против страшной болезни, сначала на себе испытывают новый препарат. Сама жизнь Че, таким образом, имеет огромное теоретическое значение: для Че задача преодоления очевидного для него «кризиса теории» имела только одно решение — практическое действие.

Поэтому понятно, почему Че рассматривал революцию даже в самой маленькой стране как лучший двигатель теории. Революции одним махом подводят итог годам самых напряжённых теоретических дискуссий и широко распахивают горизонты для новых идейных поисков. Дело здесь в том, что в революции теорию «двигают» вперёд сами массы своим революционным действием. Эта замкнутость на ре-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 123.

волюцию, способность «мыслить конкретным практическим действием», живой плотью классовой борьбы делает Че философом нового, ленинского типа, который на деле — и неординарно, — по-своему осуществил то «соединение революционной теории с революционной политикой... без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом»¹. Именно в этом соединении теории и практики причина того, что марксизм Че одновременно ортодоксален и антидогматичен: ортодоксален — поскольку последовательно революционен, антидогматичен — поскольку неотделим от практики.

Существо этой «антидогматической ортодоксальности» — в понимании того, что развивать марксизм в условиях современного мира — означает, прежде всего, внедрение на практике его теоретических положений. Перефразируя А. Грамши, Че можно назвать «практиком философии»: он постоянно указывает на «необходимость глубокого анализа исторического процесса... в свете марксизма, используя всю его творческую силу с тем, чтобы применить его к меняющимся обстоятельствам стран, отличающихся друг от друга...»². Анализируя победу вьетнамского народа над французскими колонизаторами, Че в предисловии к книге Во Нгуена Зиапа указывал, что главная причина этой победы в том, что «марксизм был применён к конкретной действительности Вьетнама...»³.

Гегелю принадлежит изречение: философия — это эпоха, схваченная в мысли. Для Че марксизм — это наша эпоха, схваченная не только в мысли, но и в действии; способ мыслить революционным действием, реальное превращение философии в политику, перевод на язык практики марксистских положений. Следуя за Марксом и Лениным, Че глубоко проник в сущность марксистского материализма, который радикально отличается от всего предшествующего материализма своим деятельностным, а не созерцательным характером. Знаменитый XI тезис Маркса о Фейербахе не только постулирует, что всё дело не в объяснении, но в изменении мира. В тезисе содержится также чрезвычайно важная для марксизма мысль, что объяснить мир можно, только изменяя его.⁴ Че говорил по этому поводу, что «заслуга Маркса в том, что он произвёл в истории общественной мысли под-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 375.

² G. Mallin. Op. cit. p. 109.

³ Ibidem.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. 42, с. 264, 266.

линный качественный скачок... надо не только объяснять мир, но необходимо его изменить. Человек перестал быть рабом и инструментом природы и превратился в архитектора собственной судьбы».¹ В самом Че воплотился тот высший тип мыслителя, который, по Марксу, оставляет старым философам «объяснять мир», а сам стремится изменить (и тем самым объяснить) его. Именно поэтому практически-революционная деятельность Че — важный вклад в философию марксизма.

Собранные в этом томе небольшие статьи и выступления по своему жанру и страсти напоминают молниеносные работы Ленина периода Октябрьской революции и первых лет Советской власти. Так же как и ленинская революционная публицистика, они представляют собой практическое развитие марксистской теории, иногда более ценное, чем толстые тома спекулятивных штудий. Но это не просто самознание бурно разворачивающейся революции. Это и пособие по организации революционной борьбы.

Че был первоклассным художником слова. Его стиль, проникновенно личный и в то же время предельно естественный, выдавал в нём рафинированного интеллигента. Этот энергичный стиль письма, как и в целом стиль всей его жизни, — свидетельство феноменальной внутренней свободы, никогда не покидавшей его, — ни когда он исколесил всю Латинскую Америку, ни когда был министром и дипломатом, или партизаном, встретившим свою последнюю пулю. Только очень свободный человек может рассказать о себе так: «Достичь вершины было для меня тяжким испытанием. Я дошел, но с приступом астмы, который делал невозможным малейшее движение... Когда я уже больше не мог и попросил крестьянина Креспо оставить меня, тот мне ответил на жаргоне, принятом в нашей армии: “Ну ты, аргентинский говнюк, давай двигайся, или я надаю тебе пинков под зад”»².

Это стиль беспредельной честности перед собой: когда читаешь тяжкий анализ партизанской войны в Конго, то после фразы «углубляя самокритику до предела собственных возможностей...» вдруг начинаешь понимать, что далее пойдёт совершенно беспощадный к себе текст, достойный лишь древних аскетов.

От текстов Гевары веет какой-то сакральной энергией, пронзительным ощущением максимально переживаемой жизни. «После

¹ Цит. по: A. Mellis. *Che cosa ha veramente detto Che Guevara*. Roma, 1970, p. 111–112.

² Che Guevara. *Mots, propos, aphorismes*, Paris, 2003, p. 17.

марш-броска в 16 километров и 2-часового боя на 45-градусной жаре, после 10 дней тяжелейших условий мы оказались у самого моря под палящим солнцем». Так может писать только человек, для которого жизнь неотъемлемо включает в себя опасность, испытания и даже бедствия. И жизнь воздаёт ему предельной радостью; такой человек обретает дар переживать жизнь по самой полной мере.

Вместе с тем это человек, лишённый всякого пафоса значимости своей персоны, склонный нередко к грубоватой шутке и сарказму в свой адрес. Вся Латинская Америка смеялась над его остротами. Например, над такой: «Я не был бы мужчиной, если бы не любил женщин. Но я не был бы революционером, если бы из-за любви к женщинам перестал выполнять любую из моих обязанностей, в том числе и мои супружеские обязанности».¹ Или, например, «хорошего в этой ситуации было лишь то, что она ухудшалась».² Даже журнал «Тайм», поместивший 8 августа 1960 г. на обложке портрет Че между Хрущевым и Мао, отмечал: «Фидель — душа и сердце сегодняшней Кубы. Рауль Кастро — сжатый кулак революции. Гевара — её мозг. Именно благодаря ему Куба пошла влево. Он — самый интересный и самый опасный из триумvirата. Всегда с меланхолической улыбкой, неотразимой для многих женщин, Че руководит Кубой уверенно и компетентно, с большим умом и огромным чувством юмора»³.

Проблема постэкономической формации

После победы революции Гевара, став министром промышленности в правительстве Фиделя Кастро, столкнулся с грандиозными проблемами. Он очень быстро понял, что взять власть — это даже ещё и не поддела. Он почувствовал, что революция упирается в некую непробиваемую толщу истории. В нём пробуждается острый интерес к политэкономии социализма. Он организывает знаменитый теоретический семинар под эгидой министерства, в рамках которого разворачивается глубокая дискуссия о становлении новой формации.

Гевара вновь и вновь возвращается к проблеме «раннего» захвата власти социалистической партией, — проблеме, которую ещё ставил Ф. Энгельс и обосновывал Ленин, утверждавший в статье «О

¹ Che Guevara. Mots, propos, aphorismes, p. 41.

² Ibid., p. 65.

³ Ibid., p. 31.

нашей революции», что в определённой исторической ситуации возможно сначала завоевать власть, а потом двинуться догонять другие народы.¹ И вместе с тем, по мнению Че, именно «Ленин... положил начало длительному процессу гибридизации, кульминацией которого и стали нынешние сдвиги в структуре экономического управления»². Я думаю, он прекрасно чувствовал страшную драму, пережитую Лениным в последние годы своей жизни. Он подчёркивал, что Ленин вынужден был пойти на НЭП не от хорошей жизни. Октябрьская революция оказалась в одиночестве и была вынуждена во враждебном окружении доделывать работу, не доделанную капитализмом. При этом, согласно Геваре, рождалась «ошибочная концепция — желание построить социализм из элементов капитализма, не меняя последние по существу»³.

Любое использование капиталистических механизмов — товарных отношений, закона стоимости, вертикального разделения труда — чревато вырождением революции, одним из направлений которого явилось становление бюрократической системы, ничего — кроме революционных фраз — не имеющей общего с социализмом. Особые, чуть ли не «личные счета» у Че были с законом стоимости, который в его понимании прямо враждебен социализму.⁴ Для него само выражение «рыночный социализм» имело столько же смысла, сколь и «деревянное железо». Че на разные лады доказывает, что «реальный социализм» отнюдь не единственный возможный вариант социализма. Уже в 1965 г. Гевара пишет: «В погоне за химерой строительства социализма с помощью ущербного механизма, завещанного нам капитализмом (товар как экономическая ячейка общества, рентабельность, личная материальная заинтересованность в качестве рычага развития и так далее), можно попасть в тупик»⁵.

Гевара прекрасно знал знаменитое уравнение Энгельса: чем менее развита экономика, тем больше роль насилия в становлении новой формации. Если в начале 50-х гг. он шутливо подписывал некоторые письма (например, тетке Беатрисе) «Сталин II», то после победы

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 304.

² Наст. изд., с. 509.

³ Наст. изд., с. 510.

⁴ См. подробнее: Ernesto Che Guevara. *El Gran Debate. Sobre la economía en Cuba*. Melbourne — New York — La Habana. 2003.

⁵ Наст. изд., с. 382.

революции вынужден был доказывать, что на Кубе нет условий для становления сталинской системы. Он постоянно предупреждает об «ужасных вещах, в которые впали многие страны, защищая справедливые принципы»¹. Чрезмерное использование капиталистических механизмов приводит к чудовищным искажениям социализма, который для их сдерживания прибегает к насилию. Важнейший вопрос над которым бьётся Гевара: почему революции вырождаются в бюрократические режимы. Уже после его смерти «Гранма» опубликовала в качестве передовой его статью без подписи: «Борьба против бюрократизма: решающая задача», где он пишет об угрозе «формирования в политической организации и даже в самой партии особого слоя граждан, отличающихся от остального населения», что ведёт к появлению бюрократической административной системы. Бюрократия, отмечает Че, не только «тормоз революционного действия», но и «кислота, разъедающая экономику, образование, культуру, общественные службы...» И далее Гевара отмечает, что «бюрократия начинает вести себя как новый класс. Между бюрократами устанавливаются связи и отношения, похожие на отношения других социальных классов»².

Мало кто в 60-е годы мог предположить вероятность гибели СССР. Че не только предвидел, но и теоретически предсказал грядущий крах «реального социализма». Если первая, осуществлённая Лениным, попытка использовать рынок (НЭП) была свернута установлением сталинской системы, то вторая, осуществлённая Горбачевым через 20 лет после гибели Гевары, попытка «второго издания НЭПа» закончится крахом Советской власти и реставрацией капитализма.

Наверняка каждый читатель почувствовал, как мысль Гевары бьётся в попытках избежать своего рода тупиковых ловушек, в которые история улавливает движение к новой формации. И здесь он делает поистине всемирно-историческое открытие: в новых условиях вслед за Марксом (которого он любовно называл Сан-Карлос), он одним из первых в мировой историографии XX в. ставит вопрос о постэкономической формации, которая в западной литературе получит наименование постиндустриального, или информационного, общества. По сути, он первым в марксизме формулирует задачу выхода за пределы экономической парадигмы.

¹ Ernesto «Che» Guevara. 1967–1987. La storia, la memoria. Roma, 1989, p. 88, 94.

² Ibid, p. 94, 95.

Специфика экономической парадигмы в том, что лишь развитием производства материальных благ в принципе невозможно вырваться за её пределы. Чем больше человечество будет производить материальные блага, тем всё большие перспективы для их производства будут перед ним открываться, поскольку неудержимо возникают всё новые и новые потребности. Природа же техники такова, что она существенно воспроизводит состояние нехватки, которое бесконечно стимулирует наши желания. Человечество, словно белка в колесе, неистово вращает это колесо ненасытных потребностей, которые всё больше поработают нас. В итоге мир всё больше превращается в планету печальных потребителей, задыхающихся от собственных отходов. При этом даже самый бурный экономический рост не только не снимает проблему неравенства, но в силу своей подчинённости принципу прибыли ещё более усугубляет её. Более того, возникают новые типы неравенства, например в сфере культуры.

Конечно, у Гевары в условиях, когда миллиарды людей живут в нищете, не могло быть и тени сомнения в том, что новый строй даст несравненно более высокую производительность производства. При этом, отмечает он: «По производительности труда западный блок обгоняет социалистические страны. Почему? Вместо того чтобы проанализировать причины этого по существу, понять корни этого положения... предлагаются поверхностные ответы, обращаются к теории рынка, снова прибегают к закону стоимости, усиливают роль материальных стимулов, на которых основывается вся организация труда... Это проистекает из слабости теории, принципов и анализа»¹. Выход из этого положения Гевара искал на путях повышения роли сознания во всей жизни общества. Именно в этом он видел возможность прорыва за пределы экономической формации.

Концепция «нового человека»

Как революция, так и социализм для Че — не только явления социально-политического порядка. Он рассматривал революцию (в полном соответствии с философской традицией, идущей от Канта) как явление этически-нравственного ряда, как средство достижения нравственной цели и как движение к ней. Для Че в революции как высшей

¹ Цит. по: Ernesto Che Guevara. 1967–1987. La storia, la memoria. Roma, 1989, p. 101.

форме исторического процесса форсированно формируются этически новые люди. В этом её величайшая нравственная и гуманистическая ценность. «...Революционная борьба делает людей чище, лучше...»¹ — писал он. Че исходил из того, что борьба преобразует не только внешний мир, но и самого борца. «Борьба является великим учителем»², — писал он. В этом, по его мнению, её выдающееся нравственное значение. Центральная тема всех выступлений и работ Че — «человек в революции». Его самой страстной мечтой было создание нового человека. Он хотел изменить не только мир, но прежде всего самого человека, его сознание, ценности, привычки, отношения с другими людьми...

Знакомство с ранними трудами К. Маркса, в частности с «Философско-экономическими рукописями» 1844 г., в которых разрабатывается проблематика отчуждения, позволило ему, с одной стороны, чётче осознать гуманистический смысл собственных воззрений, а с другой — глубоко проникнуть в замысел К. Маркса. Суть этого замысла грандиозна: речь идёт не только об освобождении всего человечества, но и каждого отдельного человека. В самом деле, Маркс вступал на научное поприще прежде всего как философ проблемы человека, которая была им сформулирована как проблема его эмансипации от отчуждения. Занятия философской антропологией убедили молодого Маркса, что сущность отчуждения человека есть отчуждение его труда. Но освободить труд возможно лишь путём упразднения частной собственности, выражающей отношение между большими группами людей. Такое упразднение есть не что иное, как социальная революция. Следовательно, для эмансипации человека необходима, прежде всего, эмансипация пролетариата посредством революции.³ Революция выступает таким образом как первый, исторически необходимый шаг на пути решения проблемы человека, где конечная и важнейшая цель — человек, «освобождённый от своего отчуждения»⁴.

Че опирается на мысли К. Маркса о том, что достижение свободы человека как уничтожение отчуждения есть не единовременный акт, а процесс. В ходе этого процесса создания свободы, формулирует он, у человека «появится полное осознание своей социальной сущности, что тождественно его реализации как всестороннего челове-

¹ Эрнесто Че Гевара. Эпизоды революционной войны, с. 234.

² Cuba socialista. La Habana. 1963, № 25, p. 35.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 588.

⁴ Наст. изд., с. 483.

ка, порвавшего цепи отчуждения. Конкретно это выразится в возвращении к его человеческой природе через освобождённый труд и творческую деятельность в сфере культуры и искусства»¹.

По сути, сама личность Че стала воплощением становления нового человека в горниле революционной борьбы. На Кубе произошёл подлинный расцвет личности Че, с взрывной силой проявился её универсализм. «Идеальный интеллигент» (по выражению Гегеля), он был врачом и незаурядным писателем, партизанским вождём и финансистом, организатором промышленности и теоретиком... Обдумывая пути формирования нового человека, он обращался к собственному опыту «становления себя как личности». В итоге этих размышлений он пришёл к двум кардинальным выводам. Во-первых, «я начал понимать, что оказывать... людям помощь так же важно, как и стать великим исследователем». Во-вторых, «я думал, что смогу помочь... людям собственными силами, хотел добиться чего-то в одиночку». Но изолированные усилия не приведут ни к чему, даже если человек готов пожертвовать жизнью. Личное усилие необходимо, но оно должно сочетаться с усилиями многих других людей. Он меньше всего хотел быть «гладиатором, одиноким борцом»². Революционный коллективизм, широкая «открытость, развернутость» на людей представляется, пожалуй, стержнем всей структуры его личности. В революции он как раз и видел высшую ценность, поскольку, фундаментально перестраивая мир, она утверждает братство людей. Незадолго до своего последнего похода Че писал: «Путь наш долг и частично неизведан. Мы знаем, что нас ограничивает. Но мы сформируем человека XXI века — нас самих»³.

Для него всё больше становится очевидно, что без нового человека, человека с принципиально иной структурой личности, с иными ценностями невозможно новое общество. «В нашей концепции материальное стимулирование и социалистическое сознание — противоречащие друг другу понятия... повышение сознательности сделает больше для развития производства, чем материальное стимулирование... труд перестанет быть тягостной необходимостью, а превратится в радостный императив»⁴. По Геваре, новый строй вызревает

¹ Там же.

² E. Guevara. Obras. Vol. II. La Habana, p. 174.

³ Наст. изд., с. 492.

⁴ Наст. изд., с. 387.

не только в материальном базисе старого уклада, но прежде всего в появлении новых людей, через которых в мир приходит новый тип этоса. И далее он пишет: «И если нам говорят, что мы романтики, неисправимые идеалисты, что мы мечтаем о невозможных вещах и что нельзя требовать от массы народа быть чем-то вроде человеческого архетипа, мы отвечаем с уверенностью, что это возможно, что мы правы, что весь народ может возвыситься, избавляясь от человеческой низости, как мы это сделали на Кубе за четыре года революции»¹.

Главную задачу революции он видел в «демассовизации масс», превращении каждого представителя массы в свободного индивида. «Вопреки тому, что думают некоторые, революция — это не стандартизация коллективной воли и коллективной инициативы, но нечто прямо противоположное: освобождение индивидуальных способностей человека».² Остро осознавая, что многие люди опасаются, что эгалитарное общество приведёт к дегуманизации, он убежден, что «несмотря на видимую стандартизацию при социализме люди более совершенны; и хотя у нас ещё нет налаженного механизма для этого, возможности людей для самовыражения и воздействия на общество будут бесконечно больше».

Новый человек Гевары очень напоминает ницшеанского сверхчеловека. Расхожее, вульгарное мнение о ницшеанской концепции сверхчеловека — некий супермен без жалости к ближним и одержимый волей к власти и господству. На самом же деле сверхчеловек — это индивид, преодолевший в себе «человеческое, слишком человеческое», преодолевший эгоистическую ограниченность собственного «Я». Это свободный индивид, вполне овладевший своей судьбой и в полной мере реализующий свои качества. Он достигает такого взаимодействия с другими людьми, при котором общественное сознание способно взять под свой контроль основы жизнедеятельности всего общества.

Гевара отмечает: «Централизованное планирование — это способ бытия социалистического общества... тот рубеж, где человеческое сознание достигает наконец возможности обобщить и направить экономику к своей цели — полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества». Именно упором на решающую роль человеческого сознания как на фактор прорыва из

¹ Che Guevara. Mots, propos, aphorismes. Paris, 2003, p. 47.

² Наст. изд., с. 115.

состояния отсталости объясняется его интерес к китайской теории «большого скачка».

По его мысли, эксплуатация исчезнет только тогда, когда рабочий не будет больше вынужден продавать свою рабочую силу, когда труд превращается в творчество, когда будет достигнута «конечная и важнейшая цель — ликвидация отчуждения человека». Будучи министром, он видит свою главную задачу в максимальном стимулировании добровольного труда, в радикальном раскрепощении трудящихся. Он видит в сознательной активности масс главный рычаг перехода к социализму. Для этого он делает упор на многообразные формы участия народа в демократическом процессе.

Че противопоставляет два типа демократии: прямую демократию, сложившуюся в ходе народной войны, и демократию буржуазную. Изначально последняя развивалась, выхолащивая подлинное духовное содержание собственно народовластия — системы, при которой каждый индивид практически управляет государством. В итоге буржуазная демократия превратилась в доведённую до предела модель формальной рациональности, функционирующую как сугубо арифметический механизм. Ей Гевара противопоставлял прямую демократию, в которой содержательно реализовывался индивид как духовный, а не количественный субъект. Если буржуазная демократия нивелирует и стандартизирует людей, то в геваровском понимании демократии происходит именно демассовизация индивида. Если буржуазная демократия в итоге превращается в электоральную игру, то для Че в прямой демократии происходит становление нового человека, способного овладеть своей судьбой и реализовать свою свободу в коллективе. Власть таких людей становится дериватом свободы.

По Геваре, не только производительностью труда новая формация выше старой. Именно свободой новое общество должно преодолеть старый уклад. Одна лишь постановка проблемы выхода за пределы экономической парадигмы посредством свободы делает его мыслителем первого ранга.

Третья революционная волна XX века

Че страстно искал выхода из кризиса социализма. И выход он видел в глобальном революционном действии. Только мировая революция, развертывающаяся планетарно, не исключая и основные центры империализма, могла вырвать мир из логики капитализма, тем самым

открыв дорогу за пределы экономической парадигмы. Иными словами, социализм может победить только в глобальном масштабе.

К середине 60-х гг. Гевара круто разворачивает свою судьбу. К этому времени Че уже отчётливо понимал, что мир на всех парах устремился к кризисной развилке. И по большому счёту не было в его действии никакого волонтаризма. Его активизм проистекал из глубокого проникновения в ход истории. Каким-то звериным чутьём он чувствовал поднимающуюся по нарастающей в 1960-х гг. последнюю в XX веке глобальную революционную волну. Она вылилась в целую цепь революционных (хотя и разнородных) событий, охвативших мир: приближавшийся «второй тур» революций в Латинской Америке, массовые протесты в США против войны во Вьетнаме, движение «чёрных пантер», антиколониальные революции в «третьем мире», «пражская весна» и попытки реформ в Советском Союзе, культурная революция в Китае, «красный май» во Франции¹, «жаркая осень» в Италии, вплотную приблизившая страну к социалистическому перевороту...

Решающее поражение этой волны в 1968–1969 гг. обернулось в конечном счёте широким наступлением неоконсерватизма Рейгана и Тэтчер. Откат этой глобальной революционной волны ещё долго будет сопровождаться отчаянным, но уже обречённым сопротивлением радикальной молодёжи, вылившимся в трагедии «красных бригад» в Италии и «Роте Арме фракцион» в ФРГ.

Че чувствовал эту волну на уровне инстинкта. Это была его мировая революция. Он старался любой ценой не упустить, поймать её, словно руководствуясь словами Маркса о том, что история мстит, если революционный класс упускает возможность революции. Именно поражение революционной волны 60-х — первой половины 70-х гг. предрешило переход мирового капитализма в постиндустриальную фазу и открыло дорогу неолиберальной глобализации.

Гевара был пророком глобальной революционной волны, охватившей мир. Вождь мировой бедности, он был первым глобальным революционером. До него даже самые крупные революционные деятели (Ленин, Мао, Хо Ши Мин), по существу, не выходили за национальные рамки. Именно поэтому он и стал «крестным отцом» современного альтерглобалистского движения. Именно поэтому Гевара, погибший за 30 лет до появления этого движения, стал его знаменем.

¹ Амфитеатр, где разворачивались майские события 1968 года в Париже, получил имя «Че Гевара».

Приблизительно в это же время проходит и просоветский настрой Гевары. Его глубоко покорила политика Хрущева во время «ракетного кризиса» 1962 г. Он считал, что над Кубой висит постоянная угроза подчинения международной политике СССР. Он резко осуждал соперничество между двумя социалистическими державами, справедливо полагая, что оно размывает единый антиимпериалистический фронт.

Более того, выступая в Алжире, он обвинил социалистические страны в том, что, ставя неравноправные условия торговли, они по сути сообщничают с «империалистическими эксплуататорами».¹ (Однажды он с горечью обронил: «Дипломатия — это искусство отделять действия от слова»².) Это, быть может, объясняет внутренний психологический конфликт с Фиделем и с другими членами руководства, которые в те годы стремились избежать прямой конфронтации с главным союзником Кубы.

Изначально Фидель и Че, как два лидера революции, являли собой по сути нечто целое. Преданность Гевары Фиделю была абсолютной. Но при этом Че был единственным в руководстве, кто мог возражать Фиделю в случае несогласия с ним. К тому же первенство в теоретических вопросах было явно на стороне Гевары. Их дружбу, которая выковалась в горниле революции, можно охарактеризовать лишь словами Ленина, сказанными о дружбе Маркса и Энгельса: отношения между Фиделем и Че «превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе». Каждый чувствовал другого как самого себя. Однако Че всё острее понимал, что социалистическое строительство на Кубе всё больше сталкивается с проблемами, которые невозможно преодолеть без континентальной — и даже мировой — революции. В этих условиях отъезд Че для подготовки партизанской войны в Конго устраивал обоим и вписывался в стратегию создания очагов сопротивления с тем, чтобы смягчить давление США на Кубу. Впрочем, ещё в Мексике они договорились, что после победы над Батистой Че вновь обретёт свободу действий. Р. Дебре в этой связи отмечает: «Вопрос не в том, почему он уехал с Кубы в 1966 г., но в том, почему он так долго оставался там»³ (гораздо дольше, чем сам предполагал в 1959 г., — семь лет). Потом, когда Че будет в Конго, Ка-

¹ E. Guevara. *Scritti, discorsi e diari de guerriglia*. Torino, 1974, p. 1422.

² Che Guevara. *Mots, propos, aphorismes*. Paris, 2003, p. 66.

³ R. Debray. *Les masques*. Paris, 1992, p. 89.

стро на пленуме ЦК КПК прочтёт прощальное письмо Че, по сути закрывшее для него возможность возвращения на политическую сцену Кубы. Сам Кастро скажет потом, что обнародование письма было в тот момент политической необходимостью.

После Конго Че проведёт тяжкие три месяца в маленькой комнате посольства Кубы в Танзании.¹ По настоянию Фиделя он возвращается на Кубу, где тот предоставляет в его распоряжение всё необходимое для организации партизанского очага в Латинской Америке: Кубинская революция не была исключением, ведь закономерностью всех революций является экспансия революционной активности за пределы страны после революционной победы.

Я не могу избавиться от ощущения трагичности, которой окрашивается образ Че в последние годы жизни. Нет, он, конечно, не ищет смерти. Он по-прежнему любит жизнь. Но в нём каким-то образом оказываются отброшенными всякие тормоза, всякий инстинкт самосохранения. Им овладевает странная одержимость: будто он чувствует себя виноватым за то, что до сих пор нет Большой Революции.

При этом он очень тяготится своим руководящим административным положением. В разговоре с Альберто Гренадо, с которым Че в юности исколесил всю Латинскую Америку, он сказал: «Посмотри на меня за этим столом. Когда другие умирают за свои идеалы... я не рождён для того, чтобы руководить министерствами или умереть дедушкой»². А в так называемых «Каирских документах» он сделал, по сути, отчаянное признание: «После революции работу делают не революционеры. Её делают технократы и бюрократы. А они — контрреволюционеры»³.

Напрочь лишённый всякого честолюбия, Гевара являл собой тип совершенного интеллигента. То есть того, кто постоянно противостоит власти. Даже заняв высокое положение во власти, он ставит своё пребывание в ней под вопрос. Пожалуй, главное, что мешало Че быть руководителем, а тем более, скажем так, революционным дикта-

¹ «... в последние дни в Конго я чувствовал себя более одиноким, чем где бы то ни было...» (Цит. по: F. Niess. Che Guevara. London, 2003, p. 108). Это одиночество усугублялось тем, что он опережал свой век в осмыслении мира, своего рода отрывом от наличного положения вещей, освещаемого предельно догматизированным официальным марксизмом.

² Che Guevara. Mots, propos, aphorismes. Paris, 2003, p. 55.

³ Ibid., p. 57.

тором,— это полное отсутствие самодовольства и полное присутствие почти неограниченной иронии и самоиронии. Самоирония в принципе противопоказана правителю. Власть должна ощущаться и подаваться величественно, то есть предельно серьезно.

Трагический театр

«Человек с подошвами из ветра», Гевара действительно рассматривал весь мир как единое поле боя. Он словно пропустил через своё сердце трагический разлом эпохи: с одной стороны, чудовищное положение подавляющего большинства населения планеты, с другой — почти непробиваемое сопротивление истории. «... Мне посчастливилось быть... в некоторые самые героические моменты истории мира, борющегося за свою свободу».¹ Несмотря на его трагическую гибель, возникает непреодолимое ощущение: этот человек одержал победу.

Гевара так стратегически выстраивал свою жизнь, что любое его поражение и даже смерть были лишь моментами в беспредельно самоотверженной борьбе. Я уверен, он знал, на что идёт. Революция была судьбой Гевары. Всей своей жизнью он воплощал эту судьбу. И эта судьба толкала его к прямой конфронтации с судьбой нашего мира. Этот человек словно мерился силами с историей.

У людей судьбы неизбежно наступает момент, когда они начинают доказывать свою правоту ценой своей жизни. «... Мои мечты не будут иметь границ... по крайней мере до тех пор, пока пули не скажут последнего слова».² Как Сократ выбрал чашу с ядом, а Христос взошёл на крест, так и Гевара в Боливийской ордалии утверждал ценой своей жизни свой проект другого мира.

История требовала от Че героического действия, которое вполне могло обернуться и обернулось трагедией. Однако это ничуть не могло повлиять на его борьбу, поскольку, говоря словами Мишеля Фуко, он полностью «снял озабоченность собой». Ничто не могло уже остановить его. Но это вовсе не было самоубийственным поведением. Он начисто лишён всякой виктимности: «... Мы не репетируем позы для последнего акта, мы любим жизнь и будем защищать её».³ Гевара жил яростно и в буквальном смысле получал огромное наслаж-

¹ Наст. изд., с. 552–553.

² Наст. изд., с. 561.

³ Наст. изд., с. 561.

дение от жизни. Он изо всех сил рвался за пределы своего существования с тем, чтобы максимально объёмно переживать жизнь. В итоге, если можно так сказать, он вошёл в самый эпицентр жизни.

«Последний парад» Гевары не был жестом отчаяния или влечением к самоубийству. Это было глубоко продуманное выстраивание собственной жизни. Он словно режиссировал её как глобальный по масштабам и возведённый до трагических высот театр. Сценография этого театра была продумана до мелочей: от прощального письма Фиделю до грандиозно задуманных и поставленных трагедий Конго и Боливии. Только гибель в этом театре была «неподдельной и всерьёз».

Он всегда помнил собственные слова: «... Максимальный возраст партизана... не должен превышать 40 лет...» Решение о боливийской операции было принято в 38 лет... «Четыре члена ЦК, два зам. министра, два высших чиновника оставили свои семьи, дома, машины, привилегии и последовали за Че в незнакомые джунгли..., где им пришлось испытать на себе голод, пить собственную мочу от жажды и встретить смерть стоя. Никто их к этому не понуждал, и телевидение не присутствовало, чтобы получить их последние впечатления»,¹ — писал Режи Дебре.

По сути, Гевара ставил своей жизнью теоретический эксперимент, тем самым уничтожая извечную дихотомию теории и практики. И это было особый эксперимент, результатом которого должна была стать некая новая подлинная жизнь. Своего рода сверхжизнь. И действительно, из своей короткой, дерзновенно прожитой жизни Гевара создал совершенное произведение искусства. Он демонстрирует нам «искусство героической жизни», которую он творит как художник. В этой жизни не было ни минуты прозябания, бессмыслицы, скуки — всего того, что является уделом столь многих. Но такая удавшаяся жизнь (*vita triumphatrix*) стала возможна благодаря перманентному мыслительному и волевому усилию, максимизирующему каждую её минуту. Эту жизнь творила «воля, которую я шлифовал с наслаждением художника»². И именно эта несгибаемая воля делала из его жизни искусство трагедии, которая, по Аристотелю, «есть подражание [людям] лучшим, чем мы»³. Поэтому даже спустя десяти-

¹ Цит. по: Che Guevara. Mots, propos, aphorismes, Paris, 2003, p. 155.

² Цит. по: P. Z. Sotolongo. Ernesto Che Guevara. Ethics and Aesthetics of an Existence. La Habana, 2002, p. 36.

³ Аристотель. Поэтика. Соч. в 4-х томах. Т. IV, 1453a.

летия эта жизнь, выпестованная волей и мыслью, порождает в нас мощную эстетическую реакцию, толкая миллионы людей на «подражание Геваре». Именно в этом секрет притягательности его экзистенции для народов мира.

Гевара — действительно крупнейший трагик XX века. Он словно герой древнегреческого мифа охвачен духом Агона, духом состязания с миром, который непрерывно толкает его к самым пределам его возможностей. Столкновение судьбы мира и воли героя оборачивается трагедией. Но катастрофа Гевары переросла в триумф. В отличие от античных героев, раздавленных роком, Че являет нам беспрецедентную победу над судьбой, утверждая, говоря словами Ницше, радость жизни перед лицом невероятных трудностей и страданий. Гевара демонстрирует своей жизнью ницшеанское понимание трагедии: «Герой — весел, вот что до сих пор ускользает от авторов трагедий». Он действительно шёл дорогой трагедии с «радостным стоицизмом».

Смерть Гевары имеет громадное жизнеутверждающее значение. Она — не отрицание жизни. Напротив, его жизнь была столь интенсивно избыточна и могущественна, что смерть превращалась как бы в пароксизм жизни, в её чрезмерное богатство, переливающееся через край существования. Эта смерть превращалась в самый предельный довод против неправильно и убого устроенной жизни. Мы должны, по выражению Хорхе Семпруна, учиться у этой смерти, пережить эту смерть борьбой. Действительно, эта смерть утверждала ценность и неотложность революционной борьбы. Для людей несравненно большей трагедией было бы его уклонение от действия. Несколько поколений молодёжи впали бы в уныние. Несмотря на реальный провал боливийской экспедиции, он, по сути, выводил мир из тупика. Своей жизнью и смертью он доказывал истинность парадоксальной мысли Ницше: «Величие не должно зависеть от успеха»¹.

Смерть Че потрясла миллионы людей в мире: словно вдруг разверзлась повседневность, и из страшного разлома хлынула какая-то одновременно неведомая и благая весть о другом мире.

В последнем бою в Боливии история, словно в насмешку над его словами: «Для партизана сапоги важнее винтовки»², лишила его и сапог, которые он потерял при форсировании реки, и карабина, который раздробила вражеская пуля. Но в смертельной конфронтации

¹ Ф. Ницше. Соч. в 2-х томах. М., 1990. Т. 1, с. 220.

² Che Guevara. Mots, propos, aphorismes. Paris, 2003, p.41.

с историей Гевара победил своё поражение. И когда его труп, привязанный к шасси вертолёта, летел по небу, его широко раскрытые глаза были умиротворены: он сделал своё дело. Он вошёл в легенду. Он поднял миллионы людей с колен.

Магия геваризма

Современный мир охватывает духовный кризис небывалых масштабов. Подавляющее большинство жителей планеты, обречённых на повседневную борьбу за выживание, влачат безысходную жизнь. Но и мир «золотого миллиарда», несмотря на материальный комфорт, всё больше подтачивают безотчётная тревога и невыразимая тоска. Люди всё больше взыскуют смысла, но ничто не приносит его. Ни псевдорелигиозный всплеск, ни эскапистский уход в частную жизнь, ни тем более погоня за наживой. Действительно главный удар, который судьба наносит по человеческой жизни,— это обесмысливание индивидуального существования. Капитал, заинтересованный в огромных массах людей лишь как в силе, приводящей в движение экономические механизмы, обрекает их на примитивную повседневность. Борьба против капиталистической повседневности становится кардинальной задачей. «Повседневность только тогда сохраняет или даже приобретает силу сопротивления против нажима упорядоченной рациональности, когда она сама становится большим, чем просто повседневная жизнь, то есть когда она “сама себя превосходит”»¹.

Радикальный революционер, Гевара хотел изменить самое косное в нашем человеческом уделе — повседневность. Он переводил на язык радикальных действий протест против безысходности и убожества человеческого существования, тоску по подлинной и полноценной жизни. Ведь, к сожалению, сегодня самый яркий симптом нашего духовного кризиса — чрезмерная затруднённость реализации больших творческих проектов. И среди них главного — проекта радикального преобразования нашей жизни и нас самих.

В мире предельной рациональности и расчёта Гевара страстно утверждал могучую силу воображения. Он выводил воображение на самый передний край жизни, превращая воображение в животворя-

¹ Б. Вальденфельс. Повседневность как плавильный тигль рациональности. В кн.: Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М., 1991, с. 49–50.

щую силу, источник творчества и свободы. Это воображение несло в себе огромный заряд антиавторитарного духа, творимой человеком утопии, без которой жизнь превращается в расколдованную пустыню. Своим межконтинентальным революционным действием этот революционный визионер — в противовес глобализирующимся рынкам капиталов, рабочей силы и ресурсов — воплощал собственное яркое, как солнце, необъятное видение грандиозного будущего. Он творил современный миф о мире как революционном целом. Силой своего духа он открывал иное измерение жизни, показывая, что невозможное возможно, что человеческая воля есть точка опоры для осуществления самых грандиозных проектов, в том числе революционного изменения мира.

В Геваре поражают избыток жизненных сил, своего рода «гигантизм» воли, «таранная», революционная страстность. Этот человек олицетворял собой непрерывное усилие. Удушающие припадки астмы, от которой Че страдал всю жизнь, он рассматривал как личный вызов. Постоянным волевым напряжением он побеждал свою болезнь — она не оказывала никакого влияния на его решения. Однажды в Боливии Че сказал своим товарищам-партизанам: «... Борьба даёт нам возможность стать революционерами, солью человечества, но она же позволяет нам стать настоящими мужчинами. Тот, кто не чувствует себя способным нести это звание, должен прямо сказать об этом и оставить борьбу»¹.

Че выработал в себе привычку бороться с непомерными трудностями. Он постоянно ставил перед собой задачи, которые, казалось, превосходили пределы человеческих возможностей, словно показывая, говоря словами Достоевского, насколько может быть силен человек. Эти задачи кому-то могли внушить ужас, на него же они оказывали мобилизующее действие. И чем опасней и тяжелей дело, тем с большей страстью он за него брался. Несомненно, он принадлежал к той редчайшей породе людей, в которую входят пророки, величайшие поэты, родоначальники новых философских систем, короче, люди прометеевского склада. В их душе бушует какой-то особый огонь, они чувствуют в себе могучие силы, они хотят вывести мир на новые рубежи. Сказать, что в душе Че бушевал такой огонь, — мало. Скорее, огромный пожар, в котором дотла сгорали узкие мерки обывательского «здорового смысла». Применительно к Че становится понятным

¹ Цит. по: «Всё — даже свою жизнь!». М., 1983, с. 107.

в своём первоначальном смысле выражение «пламенный революционер». Это внутреннее пламя не давало Че покоя. Трудно себе даже представить, что Че вообще когда-то душевно «спал», что душа его была умиротворена. Он сам сознательно культивировал в себе этот бунтарский огонь. Так, в письме матери от 15 июля 1956 г. он писал: «Я не Христос и не филантроп... я — противоположность Христу... Я борюсь за вещи, в которые я верю, любым оружием, которое окажется в моём распоряжении, и постараюсь оставить другого мертвым, так, чтобы он не смог прибить меня гвоздями к кресту... Я не только не умерен, но постараюсь никогда не стать им, и когда я обнаружу, что священное пламя во мне уступило место робкому, вымученному свету, самое меньшее, чего от меня можно ждать, это — что меня вырвёт на собственное дерьмо»¹.

Наверное, это был самый свободный человек в истории человечества. Этот человек всем своим существом утверждал свободу, которая состояла в непонятном для обывателей равнодушии и даже презрении к опасности, равно как к удобствам и лишениям и даже инстинкту самосохранения. Такая свобода, по меткому определению А. Камю, совпадает с героизмом.² Но главное: эта свобода была свободой пожертвовать собой для великого дела — дела освобождения человечества. Его свобода проистекает не только из личного бесстрашия, но и из удивительно полного отождествления себя с Историей, из острого чувства личной ответственности за то, каким путём пойдёт мир: «Я чувствую в жизни что-то — не только мощную внутреннюю силу (это я чувствовал всегда), но и способность зажигать других и совершенно фантастическое ощущение своей миссии, которое начисто убивает страх»³.

Секрет этой магической свободы, которую излучает личность Че, кроется в утверждении беспримерного по силе императива, по которому так истосковался наш погрязший в материальной корысти век. Гевара явился нравственным фактором выдающегося порядка. «Нравственность, — говорил Ленин, — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества»⁴. Че присущ глобальный воинствующий, если можно так сказать, вооружённый гуманизм, формула

¹ Наст. изд., с. 567–568.

² А. Camus. The Rebel. London, 1971, p. 64.

³ Наст. изд., с. 570.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.

которого — «чувствовать как удар, нанесённый по тебе самому, любую агрессию, любое оскорбление, любое действие, направленное против достоинства и счастья человека в любом уголке мира». Обладая способностью ощущать великие проблемы человечества как свои собственные, Че искал решение «проклятых вопросов», ставших повседневной данностью для широких слоев интеллигенции, и нашёл его в своей собственной борьбе, ярко осветившей реальные перспективы самоотдачи и подвига не только для себя самого, но и для каждого, кто хочет спасти в себе личность от дегуманизирующего яда обывательщины эпохи позднего капитализма.

В свете этой категорически-императивной нравственности главный вопрос революционной теории и практики для Гевары — как увязать коллективные действия «больших масс» с технологиями освобождения конкретной личности. Он отвергал человека, как он сложился за последние две тысячи лет. Весь пафос геваровской жизни состоял в борьбе против того, во что превратило людей господство капитала: сгусток эгоизма, зависти, мстительности, затаённой обиды, бессилия и покорности. Поэтому свою задачу революционера Гевара видел в уничтожении исторической обусловленности нашей человеческой ограниченности, в том, чтобы дать народу «уроки достоинства, самопожертвования, отваги». Его жертвенная и деятельная свобода превращалась в стратегический ресурс трансформации жизни миллионов. Он, говоря словами Мишеля Фуко, освобождал нас от самих себя. Тем самым он выводил людей из состояния духовной подчинённости и покорности. Как отдельный человек может переживать кризисы идентичности, неврозы и комплексы неполноценности, так и целые группы и классы людей могут быть охвачены депрессивными состояниями коллективного кризиса своего социального «я» и неуверенности.¹ Важнейший механизм господства правящих элит над низшими классами как раз состоит в культивировании у подчинённых масс этих депрессивных состояний. Соответственно никакая социальная революция невозможна без духовного разрыва этого состояния униженности, без взрывного расширения и возвышения коллективного «я» больших социальных групп. Именно эта духовная эмансипация, своего рода коллективная психотерапия революционным действием, является важнейшим нематериальным фактором революционных перемен, который уже в самой революции превраща-

¹ Недаром Че был с юности знаком с работами Фрейда, Юнга, Адлера.

ется, по выражению Ленина, в «праздник угнетённых». Именно радость, а не месть — мощный фактор революционных перемен¹.

Своей жизнью Че демонстрировал простую и великую истину, скрытую тысячелетиями противопоставления индивида и коллектива: тотальная самореализация человека возможна лишь в самоотверженной борьбе за интересы предельно больших человеческих масс. Избавляясь в этой борьбе от эгоистического «Я» через служение другим людям, человек пробивается к предельной интересусубъективности, расширяя своё «Я» до масштабов всего человечества. Говоря образно, личность Че прорывает границы, обычно отделяющие индивида от других людей, и демонстрирует нам жизненную практику, в которой воплощается целостное единство человека с человечеством. Он являет нам редчайший в истории пример (существовавший лишь в деяниях пророков) расширения человеческого «я» до масштабов огромных людских коллективов. Преодолевая свою субъективность, он показывает нам, что наибольшего расцвета личность достигает, воплощая в себе чаяния всего рода людского. Именно поэтому многие считают Гевару революционным мистиком. Это верно, если, конечно, под революционной мистикой понимать чувство единения с миром и людьми через коллективные действия больших революционных масс. Всякий, кому довелось участвовать в революционной борьбе, знает это пронзительное ощущение выхода за пределы собственного существа и подлинного братства.

Че утверждал борьбу за культурную гегемонию, за духовно-психологическое освобождение от буржуазной машины культурного подавления как важнейшее направление глобальной классовой борьбы. Он преследовал цель научить человека управлять своей волей и убедить его, что перед ним грандиозные возможности для исключительно широкого действия. Более того — что каждый угнетённый человек способен (и должен) превратиться в деятеля исторического масштаба. Громадное историческое значение личности Че в том, что

¹ После победы Кубинской революции Че некоторое время был комендантом крепости, где были расстреляны несколько сотен военных и полицейских, уличенных в пытках. Свою работу он прокомментировал так: «Революционное правосудие — подлинное правосудие, оно не питается злопамятностью или аморальными перехлестами. Когда мы приговариваем к смерти, мы делаем это правильно». (Che Guevara. *Mots, propos, aphorismes*. Paris, 2003).

миллионы угнетённых и униженных людей по всему миру благодаря его личности выходили из депрессивного состояния, сбрасывали с себя психологический гнёт рабства и поднимались на борьбу. Через его личность эти миллионы обретали внутреннюю свободу — главное условие восстания.

В Конго Че получил (благодаря врачеванию) кличку «муганда» — «тот, кто облегчает боль». Я думаю, и сегодня он продолжает облегчать боль миллионов людей в мире. Бесстрашная свобода Гевары распахивала перед людьми захватывающие духовные и этические перспективы, открывала опыт «иной жизни, причём предельно содержательной и интенсивной». Именно поэтому его жизнь, прожитая столь патетически, с такой невероятной страстью, даже спустя 40 лет после его гибели продолжает заряжать радостной волей целые поколения по всему миру. Именно поэтому его образ превратился в символ освободительных энергий и был растиражирован по всей планете в десятках миллионах экземпляров.

В самой личности и делах Че получила гармоничное разрешение двойная задача, поставленная В. И. Лениным перед каждым настоящим революционером, — «трезвость и бешеная страстность»¹. Революция была для Че сферой подлинной страсти. Он отрицал, что в жизни могут быть ситуации, когда человек не в состоянии действовать по-революционному. Этот урок геваризма особенно актуален в нашу эпоху. Сегодня поводом для мировых революционных перемен может стать «глобальная авария», по выражению французского философа Поля Вирилио. Это может быть сбой мировой капиталистической экономики в виде глобальной техногенной катастрофы, краха финансовых рынков, неконтролируемого роста цен на ресурсы, чудовищная деградация мировой экологии. Раптус капитализма спровоцирует массовую безработицу, кризис всей обеспечительной системы общества. В политической сфере могут начаться цепные реакции непредсказуемых событий, вплоть до установления тоталитарных диктатур. Такое будущее может быть ещё хуже нашего настоящего. Вот тогда от глобального субъективного фактора, «от существования личностей, обладающих исключительной волей и исключительной силой волевого воздействия»² будет зависеть лицо грядущего миропорядка.

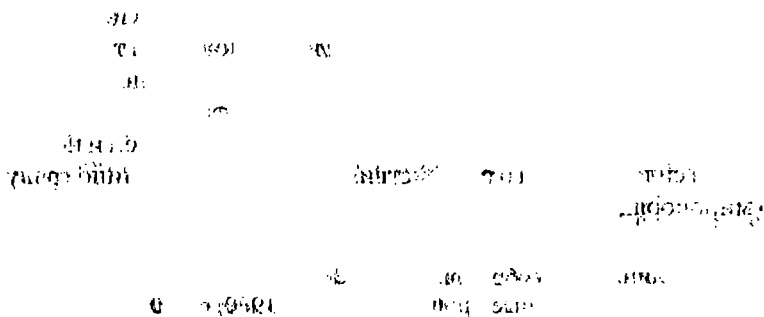
¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 386.

² А. Грамши. Избранные произведения. М., 1980, с. 310.

Ставку на таких людей и делает геваризм, небывалое синкретическое явление, в котором неразрывно сплавлены непрерывное моральное усилие и революционная практика, эстетика дерзновенного существования и высокая теория. Именно в синтезе революционной теории с волей, способной, говоря библейским языком, «двигать горами», в соединении этики и политики, разорванных капитализмом, в единое целое — революцию — и кроется тайна магии геваризма.

Гевара был творческим человеком в самом полном смысле этого слова, ибо был творцом самых высоких ценностей — более справедливой жизни и соответствующей ей нового человека. Не случайно Фидель Кастро назвал его художником. Своей красивой жизнью он воплотил пронзительные слова пролетарского поэта, удивительно родственного ему по силе темперамента и революционной страсти:

«... вам я
душу вытаску,
чтоб большая —
и окровавленную дам, как знамя».

Проблемно-именной указатель

- авангард (социального, революционного движения)
 роль, функции 314–315, 318, 334–335, 475–476
 и концепция «катализатора» 314–315, 423–424
 и «масса» (на Кубе) 264–265, 271–272, 475, 481–483, 489, 492, 509
- автономия исторического действия (Кубы)** 317–318, 451
- аграрная реформа**
 на Кубе 45–50, 66–67, 69, 90, 104–105, 124–125, 142, 535, 537–538
 в Латинской Америке 105, 242
- Азия (ситуация в 1950–1960-х гг.) 55, 520
- Азия и Африка (1950–1960-х гг.) 55–56, 286, 289
- Алжир 126, 128, 231, 288, 301–302, 368–369, 445, 474
- Альбису Кампос, Педро (1893–1963), лидер борьбы
 за независимость Пуэрто-Рико 99–100
- Ангола 288, 369
- антиимпериалистическая борьба 116, 125–126, 462, 474, 501, 519, 562
 и необходимость глобальной стратегии её участников
 372–374, 463, 514, 517–518, 522, 524–525, 528
- антиколониальная борьба (и её перерастание) 462
- антикоммунизм 98, 119–120, 299, 512
- Арбенс, Хакобо (1917–1971), президент Гватемалы в 1951–1954 гг.;
 свергнут в результате интервенции США 62, 99, 110, 574
- Аргентина 236, 238–239, 535–36, 545–546
- Аристотель (384–322 до н.э.), древнегреческий философ 606
- армии (латиноамериканские, буржуазные) 169–170, 172–173, 174,
 176–177, 187–188, 217–218, 232, 247–248, 338–339, 339, 519
- армия Батисты (1957–1958) 141, 176, 187, 371
- Африка (ситуация в 1950–1960-х гг.) 520–522
- Батиста, Фульхенсио (1901–1973). В 1952–1958 гг. — диктатор Кубы
 44–47, 81–82, 87, 579
- Бен Белла, Ахмед, один из руководителей антиколониальной
 борьбы в Алжире, в 1961–1965 гг. — президент Алжира 474, 583
- Бетанкур, Ромуло (1908–1981), президент Венесуэлы в 1959–1964 гг.
 107–108, 230

- Беттельхейм, Шарль, французский экономист, в 1960-е годы — ортодоксально-марксистской «ориентации» 423–431, 559–560
- Ближний Восток 520
- Бовуар де, Симона (род. в 1908 г.), французская писательница 580, 590
- Боливия 237, 241–242, 254, 460–461, 523–524
- Боррето, Орландо (род. в 1936 г.) 9, 10, 434, 439–440, 580
- Бразилия 248–250, 523
- буржуазия
 в Латинской Америке 170–171, 217, 286–287, 289–290, 293, 298, 334, 519
 на Кубе 164
- бюрократизм 179
 на Кубе (после революции): корни, механизм, пути борьбы с ним 178–185, 404, 542, 544–545
- Венгрия (уроки контрреволюции) 253–254
- Венесуэла 106–110, 229, 246–248, 288, 316, 446, 455–457, 523–524
- Вирилио, Поль (род. в 1932 г.), французский философ 613
- власть 172, 230, 284, 330, 334, 339
- внешний долг (слаборазвитых стран) 473
- военный переворот («превентивный») 174, 338–339
- вооружённый путь (антиимпериалистической, революционной борьбы) 102, 124–127, 169, 172–174, 215–216, 230, 232, 238, 240, 285, 288, 291, 335–361, 337–338, 372–374, 525–526, 537, 564
- как катализатор созревания субъективных предпосылок революции 300, 527, 537
- и переход к социалистической революции 288, 340, 346, 465, 525
- воспитание (социалистического, коммунистического сознания) 117, 128–129, 182, 183–184, 382–383, 479, 481, 495, 509, 553
 см. также коммунистический труд
- Всеобщая стачка (Куба, апрель 1958) 46, 139–140, 301–302
- Вторая Гаванская декларация (1962 г.) 233, 258, 285–286, 286–287, 292–293, 305–306, 331–333
- Вторая мировая война 82, 186, 190, 232
- Вьетнам
 история антиколониальной и антиимпериалистической борьбы 252, 367–368, 369–370, 514–515, 516–518
 значение противостояния Вьетнам–США (для Латинской Америки и мира 1960-х годов) 371–373, 435–437, 517–518, 524, 529

- Гаитан, Хорхе Элизер** (1898–1949), лидер левых либералов Колумбии. Его убийство (1949 г.) открыло в стране период «violencia» 453–454
- Гватемала** 62, 81, 99, 110, 113, 187, 215, 229, 367, 446, 523, 535, 544, 566
- Гваттари, Феликс** (1930–1992), французский философ 591
- Гевара, Эрнесто** (биография и личность Че в его текстах) 69, 112–113, 120–121, 279, 349, 416–418, 450, 459, 501–504, 512, 529, 530, 533–536, 539, 542, 544, 546, 548, 550, 552, 554, 555–571
- Гевара де ла Серна, Селия** (1907–1965), мать Э. Гевары 563–564, 566–570, 574, 584
- Гевара, Ильда** (род. 1955 г.), дочь Че от первого брака 560, 563, 564–565, 567, 578
- Гевара Марч, Алеида** (род. 1934 г.), вторая жена Э. Гевары, мать четырёх его детей 569–570, 579, 580
- Гевара Марч, Алеида** (Алейдита, род. 1960 г.), дочь Э. Гевары 563, 564
- Гегель, Георг Фридрих Вильгельм** (1770–1831), немецкий философ 505–506, 592
- «гибридная система» («реальный социализм»), происхождение и тенденции развития 509–511, 551–552
см. также *хозрасчет*
- Гильен, Николас** (1902–1989), крупнейший кубинский поэт XX века, коммунист 119
- Гильфердинг, Рудольф** (1877–1941), австрийский экономист, один из лидеров II Интернационала 507
- Горбачев М.С.** (род. в 1931 г.) 596
- государство (в развивающихся странах) 60, 467, 470, 548
- Гренадо, Альберто** (род. в 1924 г.), друг юности Че 604
- гуманизм (революционный) 277, 305, 328, 490–491, 495
- Даниэль, Жан**, французский журналист, в 60-х годах — редактор левых еженедельников 571–572
- «Движение 26 июля» 43–44, 137, 142, 260, 299, 301–302
- Дебре, Режи** (1930–1992), французский философ 585, 587, 603, 606
- Делёз, Жиль** (1925–1995), французский философ 591
- демократия
«представительная», электоральная (см. также *легальность, буржуазная*) 335, 339, 544
социалистическая 509
- Демокрит** (V в. до н.э.), древнегреческий философ 136, 506

Деррида, Жак (1930–2004), французский философ 591
Джонсон, Линдон (1908–1973), президент США в 1963–1968 гг. 446–447
диктатура пролетариата 482–483
дискуссия

необходимость, право на инакомыслие при социализме 66, 68, 203, 264, 271, 352–353, 365–366, 496, 497–498, 511–512, 552, 559
в левом движении Латинской Америки 161–163, 175, 232, 240–241, 285, 295
в международном коммунистическом движении 494–495, 511–512, 527–529

догматизм (схоластика, апологетика) 485, 486–487, 496, 505–506, 512–513, 552

необходимость и пути его преодоления 278, 490, 506–508, 512

Доминиканская республика 519, 532

Дюринг, Евгений (1833–1921), немецкий философ 508

Европа, Западная 230, 346–347, 518–519

Египет (ОАР) 569–570

Единая партия социалистической революции (PURSC, 1962–1965)
185, 223, 263–265, 307–308, 313

единство

антидиктаторских сил (на Кубе, в 50-е годы) 46, 49, 134, 537
левых (антиимпериалистических, «народа») сил на Кубе
119–120, 125

антиимпериалистических, революционных движений
в Латинской Америке (и мире) 125–126, 372, 446–447,
462–453, 472–473

социалистических стран и мирового коммунистического
движения) 106, 446, 517, 527–528

социалистических стран и стран «третьего мира»

(национально-освободительного движения) 463–464, 467, 470

действий в защиту Вьетнама и Кубы; необходимость его

в борьбе против «экспорта контрреволюции» (США) 109,

188–189, 374, 446–447, 471, 517

зависимость (политическая) и борьба против неё 71, 79, 81–83, 89,
92, 473

зависимость (экономическая) 70–72, 79–80, 82–85, 88–92, 97, 124,
146–149, 167–168, 241–242, 473

заимствование (новейших технологий и методов управления капитализма) 321–322, 382–383, 471–472, 485, 498

Иглесиас, Хоэль, команданте, руководитель молодёжных организаций на Кубе в начале 60-х годов 129, 171

идеология (роль, функции, содержание) 171–172

при капитализме 131–32, 355, 410–411, 478–479, 480–481

в развитии Кубинской революции 43–45, 50, 102, 137, 476, 536–537

в период социалистического строительства 118, 410–412, 479, 539

инвестиции, иностранные 89, 96–97, 210, 469–470, 496

Индия 56, 153, 570

индивидуализм 77–78, 116–117, 131–133, 568

Индонезия 55

индустриализация 171–172

в слаборазвитых странах 465–472

на Кубе 51, 67, 73, 76, 88–89, 97, 105–106, 148–151, 159–160

интеграция (Латинской Америки) 210–211, 213, 450–451

институционализация революции на Кубе 407, 409–410, 412, 477, 482–483

интеллигенция (специалисты) 407

на Кубе до революции 117, 201–202, 536

в ходе и после революции 61, 65, 118–119, 202–203, 351, 352–353, 486–488, 548

интернационализм (мысли, чувства, действия) 127–128, 155, 192, 277–279, 306, 357, 451, 490, 501, 527–528, 550, 563

искусство (культура)

при капитализме 485–487

после революции (на Кубе) 352, 486–488, 505

Испания 189–190

революция, антифашистская война 1936–1939 гг. — и Куба (50–60-х годов) 186–191

кадры и кадровая политика

в развивающихся странах 471–472

на Кубе 194, 207, 260–265

Камю, Альбер (1913–1960), французский писатель и философ 610

Кант, Иммануил (1724–1804), немецкий философ 597

- Карденас, Ласаро (1895–1970), лидер левого крыла правящей партии Мексики в середине XX века, президент страны в 1936–1942 гг. 80–81, 98
- Карибский кризис 1962 г. 290–291, 295–296, 317–318, 411, 453, 515, 542, 552, 562
- карточная система на Кубе 224–225, 320, 351
- Кастро, Фидель (род. 1926 г.) 17, 44, 47, 55, 86, III, 137, 142, 162–163, 175, 224, 233, 291, 302–303, 337, 435, 448, 477–478, 491, 536–537, 537, 538, 561–563, 574, 578, 579, 580, 582, 584, 594, 603–604, 614
- Кастро, Рауль (род. 1931) 79, 102, 139, 574, 594
- Каутский, Карл (1854–1938), немецкий экономист, теоретик марксизма 50
- Кейнс, Дж. Мейнард (1883–1946), английский экономист 50
- Кеннеди, Джон (1917–1963), президент США в 1961–1963 гг. 317, 457–458, 581
- Китайская Народная Республика 103, 128, 152, 513
и Куба 153, 154–155
- Клаузевиц, Карл (1780–1830) немецкий военный теоретик 283
- Ко, Жан, французский журналист 587
- коллективизм 132–133, 568
- колониализм 520
- Колумбия 229, 245–246, 453–455, 523–524
- Комитеты защиты революции (на Кубе) 254–255, 547
- коммунизм 278–279, 358, 376–377, 382–383, 387, 396, 407, 417, 434, 554, 571–572
см. также *коммунистический труд* (*trabajo voluntario*) 199, 415–416, 433–434, 437–439, 440–444, 553
- коммунисты 566
- Конго 253, 446, 468–469, 497, 501–504, 521
- Корейская Народно-демократическая республика 157–159, 514–515
- Коста-Рика 449–450
- кредиты (иностраннные) 465–466
- крестьянство
на Кубе 45, 47–49, 102, 118, 138, 143, 164–165, 176, 537
в Латинской Америке 169, 176, 341
- Куадрос, Жанио, президент Бразилии в 1961 г., свергнут *армией*, 248–249
- Куба
история 85–86

и США 85; 120, 214, 253
и Латинская Америка 85, 95, 108, 165, 214, 229, 233, 249–251,
259, 278
и её место в мире (1950–1960-е годы) 187, 284, 291, 317, 357,
447

и «реальный социализм» 512

её внешняя политика 84, 209, 210–214, 452–453

Кубинская революция

причины, характер, особенности 85, 87–88, 101–102, 123–124,
134, 161–162, 177, 192, 260, 299–300, 302, 409–410, 422–424,
464, 511, 536–537, 538–539, 539, 545, 571

история 74, 87, 101–102, 102–104, 134–135, 137–143, 178, 189, 192,
235, 300–301, 475–477, 535

этапы 135, 137, 192, 225, 301–302, 314–315, 475–477

опыт и уроки 53, 130, 188, 300

и теория 134–135, 511, 537, 538–539, 571

идеология 43–45, 50, 232, 410, 476, 536, 539

её место во всемирной истории 124, 130, 161, 374, 511, 512

и Латинская Америка 53–54, 85, 87, 95, 107, 170–171, 230,
233, 237–238, 240, 249, 251, 291, 305–306, 357, 489

и отдельные страны Латинской Америки 238–251

сравнение с иными революциями в Латинской Америке
(общее и особенное) 162–177

и «Третий мир» 54, 55–57, 116, 124–125, 231, 435, 462

и США 45

Ланге, Оскар (1904–1965) польский марксист, экономист 381–382

Лас-Вильяс (центральная провинция Кубы) 45, 48–49, 141–142

Латинская Америка 523

история 236–238

общая ситуация (в регионе и отдельных его странах)

в 1950–1960-х годах 55–56, 168, 229, 250, 285, 295–296, 335,
519, 523–525

и влияние кубинской революции 163, 170–174, 175–177

«ситуация неустойчивого равновесия» 334–335, 338

сравнение с иными регионами «третьего мира» 55–56, 286

Латиноамериканская революция

её континентальный характер 233, 237, 294–295, 341–343,
523, 524

- стратегия 169, 177, 293, 519, 523, 524–525
- тактика 172–174
- её объективные предпосылки 169–171, 336
- субъективные условия 169, 175–176, 232, 250, 300, 306
- город и деревня 169, 173–175, 177, 300
- и США 170, 341–342
- латифундизм 165–166
- легальность, буржуазия 334–335, 338, 446, 483
- Ленин В.И. (1870–1924) 15, 136, 223, 231, 283, 335–336, 356, 362, 364, 377, 379–380, 420–421, 430, 479, 507, 509–510, 513, 586, 592, 593, 594–595, 596, 602, 612, 613
- ленинизм 21, 314, 362, 377–380, 421–422
- Либерман Я.Г. (р.), советский экономист 388, 399
- Листер, Энрике (1906–1989), один из руководителей компартии и народной армии Испании 186–191
- Личность 376, 396
- при капитализме 117, 478–479
- в революции 113, 117, 475–477
- в период социалистического строительства 113–115, 122, 183, 207–208, 477–478, 479–480, 483, 490–492, 495, 509
- Колумба, Патрис (1925–1961), руководитель антиколониальной борьбы в Конго, первый премьер-министр страны, зверски убит в 1961 г. 177
- Люксембург, Роза (1871–1909) 507
- Мандела, Нельсон (р.), руководитель освободительной борьбы негритянских народов ЮАР, первый президент демократической Южной Африки 498
- Мао Цзедун (1893–1976) 103, 136, 581, 590, 594, 602
- Маркс, Карл (1818–1883) 5, 101, 136–137, 359–362, 365, 375–377, 405–406, 430, 479, 484, 507, 508, 512, 569, 592–593, 596, 598
- Марксизм 12–13, 16–18, 21, 103, 135–137, 312–313, 488, 506, 507, 552, 566, 572
- элементы кризиса (отставания) теории 485, 513
- Марти, Хосе (1853–1895) 43, 86, 88, 95, 122, 231, 306, 335, 355, 451
- Маруланда, Мануэль (Тигрифю), бессменный (с 1960-х годов) лидер главного партизанского движения (РВСК–FARC) Колумбии 454, 524
- Маршалл, Альфред (1842–1924), английский экономист 507

- материальное стимулирование труда** (в социалистически ориентированном обществе): про и contra 310, 386–388, 390, 406–407, 480, 493, 509–510, 551–552
коллективное 327, 399–400
см. также *гибридная система, хозрасчет*
- Мачадо-и-Руис, Антонио** (1875–1939), крупнейший испанский поэт XX века, антифашист 191
- Медеро Местре, Хосе**, один из кубинских корреспондентов Э. Гевары 551–553
- межимпериалистические противоречия** (и тактика революционных сил) 166–167, 231, 236–237, 290, 346–347
- Мексика** 80–81, 98, 250–251
- Мелья, Хулио Антонио** (1903–1929), руководитель кубинских коммунистов в 1920-х годах, убит в Мексике 86
- механисцизм** 313, 318
см. также *догматизм*
- Микоян, Анастас** (1895–1978) 101, 148, 580
- мир** (после Второй мировой войны) 514
- «Мирный путь»** (революции в Латинской Америке) 171–177, 241, 285, 287, 289, 333–334, 347
критика соответствующей концепции 295–296
- молодёжь** 350, 412–413, 416
на Кубе 268–271, 272–274, 275–279, 350, 355, 357, 488, 492, 532, 534
- монополии** 82, 89–91, 132, 215–216, 259
- Монро, Джеймс** (1758–1831), президент США (1817–1825); провозгласил пресловутую доктрину 96
- Мора, Альберто**, команданте повстанческой армии, впоследствии министр внешней торговли Кубы 359, 363, 366, 497
- мораль** (революционная) 257–258, 568, 571–572
- моральные стимулы труда** (при социализме) 183–184, 310, 406–407, 480, 493, 509
см. также *коммунистический труд*
- народ** (масса, народные массы) 123–124, 126–127, 175, 476–477, 491, 509
в революции 123, 127
- народная милиция** 121–122, 266
- Народно-социалистическая партия** (на Кубе, в 1943–1961 гг.) 142, 260–261, 302

- Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) 56, 584
- национализация 192–193, 235
- национальный суверенитет 83, 85
- Негри, Антонио (род. в 1933), итальянский социолог 591
- независимость 79–80, 83, 84–85, 87
 политическая 79, 82, 83–84, 216
 экономическая 79, 85, 88–89, 90–92, 97, 216, 463
- неоколониализм 167–168, 236–237, 258–259, 286, 468–470, 520
 и его разновидности 468–469
- Неру, Джавахарлал (1889–1964) 56
- Никарагуа 330, 450–451
- Ницше, Фридрих (1844–1900), немецкий философ 607
- «новый человек» (концепция) 114, 278, 311–312, 417, 480–482, 483, 484,
 486–487, 489, 491, 492, 557
 см. также *отчуждение, коммунистический труд,*
сознание, труд
- нормирование 201, 226, 390–392
- НЭП в России 379–381, 509–511, 514
- Общий рынок (европейский) 290
- Объединённые Революционные организации (ОРО, ORI),
 на Кубе в 1961–1962 гг. 222–223, 303
 см. также *сектантский уклон*
- Октябрьская революция (1917 г.) 231–232, 234
- организация, ее значение 130, 180, 261, 267–268, 270, 327, 491
- Организация американских государств (ОАГ) 127, 435, 451, 458–459,
 519
- Орьенте, восточная провинция Кубы, «колыбель революции» 45, 47
- Отеро, Лисандро 545
- отчуждение (и процессы его преодоления) 376–377, 478, 483–486, 571
- ошибки 130, 224, 235, 254–255, 548
- Паис, Франк, один из лидеров «Движения 26 июля»,
 руководитель подполья в Сантьяго де Куба.
 Убит батистовцами весной 1957 г. 45, 86, 139
- Панама 230, 237, 451–53, 519
- Парагвай 230, 237, 242–243
- партизанская война 169, 171, 173–174, 218, 247, 330–332, 337–338, 369,
 504, 525

- на Кубе 137–139, 140, 169, 178, 246, 535, 543
 в Латинской Америке 173–175, 218, 242, 245–246, 293–294,
 330, 340–342, 524
 и массы 331, 344
 этапы её развития 337–338, 343–346, 369–370, 524, 526–527
- партия** (её роль в революции и строительстве нового общества)
 223, 297–298, 304, 307–308, 334, 339, 392–393, 407, 489
 особенности на Кубе 409–410, 414
- переходный период** 376, 377, 410, 426, 428, 430, 479, 484–485
 в периферийных обществах 362–363, 378–379, 394–395,
 421–422, 428, 430, 465, 472–480
 и нерешённые проблемы его политэкономии 427–428, 430–432
- Перу 237, 243–244, 523–524
- Писарро, Франциско (1470/75–1541), конкистадор 170, 570
- планирование 80, 131, 193–94, 195, 327–328, 363, 396, 428–430,
 467–468
 как экономический выбор масс 509
- Повстанческая армия (Ejercito Rebelde) на Кубе 45–48, 50–53, 63,
 138–141, 142–143, 300–302, 318, 340, 413, 535
- политика и человек 353–354, 358
- политическая институционализация (в постреволюционной Кубе)
 407, 409, 411–412
- поляризация социально-политических сил в Латинской Америке
 (после Кубинской революции) 29, 298, 343, 346, 347
- Португальские колонии (в Африке) 369, 446–447, 521–522
- правда («культ» её) 64–65, 67, 107, 142, 253, 258, 404, 490, 493, 543,
 545–546, 548, 549, 549–550
- правосудие (революционное) 255–257, 455
- привилегии (в постреволюционном обществе) — проявления,
 последствия, императив борьбы с ними 257–258, 309–310,
 490–491, 533–534, 540, 555, 569
- принуждение (в переходный период) 482, 484
- прогнозы 127, 170, 172–173, 176–177, 216–218, 233, 250, 279, 289, 294,
 296, 342, 347, 348, 369, 470, 488, 512, 518, 524, 539
- производительность труда 206, 221
- производительные силы и производственные отношения 419–420,
 425–429, 430
 в периферийных обществах 389–390, 422–424
- производственные и правовые отношения 425–426, 428

- «проповедь примером» 315–316, 434
- профсоюзы 196
на Кубе 196–199, 226–227
- Прудон, Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ 487, 507
- Пуэрто-Рико 99, 100
- рабочий класс 230–231, 233, 546
на Кубе, в Кубинской революции: 40–46, 102, 195, 197–199, 200, 203–204, 219–220, 229
в Латинской Америке 239, 244
- революционер 120, 130, 172, 207–208, 305, 312, 490, 563
- революционная война 44, 101–103, 134–135, 141–142, 340, 345–346, 524
- «революционный глобализм» 372–373, 462–464, 465, 467, 471, 512, 525, 528–530
- «Революционный директорат», третья из антидиктаторских организаций Кубы, участвовавших в вооружённой борьбе и объединившихся в 1961 г. в ОРО 142
- революция 123, 312–313, 561
и интеллигенция 117–118, 128–129
и её ошибки 548
и борьба против мировой войны и шантажа ею 184, 252–253, 256, 296, 436, 446–447, 526
- Рейган, Рональд (1911–2004), президент США в 1981–1989 гг. 602
- Ривера, Диего (1886–1957), мексиканский художник, коммунист 98
- Робертус, Карл Иоганн (1805–1875), немецкий экономист 508
- Росас, Хуан Мануэль (1793–1877), аргентинский диктатор в 1833–1852 гг. 545
- руководители (революции) 129–130, 207–208, 262–265, 305, 489–490
и отношения «руководители–народ» («масса») 129, 207–208, 262, 264, 309–310, 489–490
- рынок (рыночные отношения) 320, 323, 393
и социализм 362, 393, 396, 430, 495
- Сабато, Эрнесто, один из крупнейших аргентинских писателей XX века 534–538, 580
- самокритика («теория и практика») 110, 130, 180–181, 204, 224, 254, 258, 261, 271, 318, 353, 416–417, 486, 493, 494–495, 502–504, 511, 551
- самопожертвование 156, 208, 256, 265, 277, 305, 311–312, 356–357, 489–491, 529–530, 553

- Сандино, Аугусто Сесар (1895–1934), руководитель антиимпериалистической борьбы в Никарагуа в 1926–1933 г. 190, 330
- Сантамария, Айде, член руководящей группы «Движения 26 июля», активный участник вооружённой борьбы 1953–1958 гг., близкий друг Че и Фиделя 555
- Сартр, Жан Поль (1905–1980), французский писатель и философ 610
 себестоимость (продукции) 322–327
 «сектантский уклон» (Куба, 1961–62 гг.) 222–224, 254, 271–272, 302–304, 307–308
- Семпрун, Хорхе (род. в 1923), французский писатель 607
 слаборазвитость 69–70, 124, 167–68
 и пути её преодоления 467
 см. также *зависимость экономическая*
- Смит, Адам (1723–1790), крупнейший экономист XVIII века (Англия) 508
- Соединённые Штаты Америки (США) 127, 252–253, 517–518, 529
 и Латинская Америка 81, 107–108, 125, 170, 215, 236–239, 252–253, 316, 341, 519, 566
 и Куба 70–72, 81, 95–96, 104, 109, 163–164, 214, 232–234, 251, 316–317, 458, 460, 538
 и «третий мир» 254, 519–520, 521
 как глобальный и основной противник мирового освободительного движения (в послевоенный период) 127, 177, 316, 525–530
- Сознание** 572–573
 его роль в строительстве социализма и коммунизма 184, 220–221, 314, 376, 417, 424, 481–482, 484
 специфика его функций в революциях на периферии 314–315, 395, 423, 480
 его воспитание 355–356, 387–389, 395, 406–407, 436, 438–439, 445, 480–481, 487, 482, 552–553
 его глобализация («мировое сознание») 336, 388–389, 421–422, 424
- Сократ (469–399 до н.э.), древнегреческий философ 605
 солидарность (с Кубой, Вьетнамом) 188–190
 соревнование 206, 275–276, 279
 социализм 198, 221, 313, 396, 417, 426, 430, 465
 в слаборазвитых (периферийных) странах 394–395, 422–424, 465
 на Кубе 511, 545

- нерешённые проблемы, ошибки 409, 430, 486–487, 492, 494, 495, 496–497, 511–513, 551
- социалистическая революция на периферии системы 465, 479
- социалистические страны
и «Третий мир» 106, 288
и Куба 106, 144–156, 188–190, 446–447, 464, 467, 471
- социалистическое предприятие 193–196, 199
- «Союз ради прогресса» (СРП), программа
общая оценка 209–218, 289–290, 347
Куба и СРП 209–213, 218
прогноз перспектив 215–218
- союзники, временные 347, 511
- СССР 35–37, 189–190, 231–232, 316, 379, 421, 509–510, 512, 513
и Куба 91–94, 106–107, 144–150, 153–154, 156–157, 234, 251, 395–396, 465
- справедливость (и революция) 88, 255–257
- Сталин И.В. (1879–1953) 136, 378, 427, 507
- Стивенсон Эдлай, в первой половине 1960-х годов — представитель США в ООН 457–460
- стоимость
понятие 359–360
закон 320–321, 361–363, 393–396, 430, 485, 494–495
- стратегия (и тактика) 120, 283–285
буржуазии 132, 284
глобальной антиимпериалистической борьбы 252–253, 285
см. также *Латиноамериканская революция*, стратегия
- студенчество 58–59, 350–351
на Кубе 61, 63–64, 74, 350, 351, 355
см. также *университет*
- субъективные предпосылки (революции) 526–527
- Сунзи, Пол (род. в 1910), американский экономист, марксист 494
- Сукарно, Ахмед (1901–1970), лидер борьбы за независимость Индонезии (40–50-е годы) и её первый президент 56
- Сьенфуэгос, Камило (1932–1959), ближайший сподвижник и друг Че в годы вооружённой борьбы; погиб в авиакатастрофе 86, 140–141, 267, 301, 318, 579, 580
- Сьерра-Маэстра, горный район на юго-востоке Кубы, главный очаг вооружённой революционной борьбы в 1957–1958 гг. 44–45, 102, 114, 165, 300–301, 536

- тактика 172, 337–338, 343–345
- теория 134–136, 208, 297, 487–488, 496, 512, 513, 536–537, 559–560
и политика 513, 538
теоретический кризис (марксизма) 512–513
- Тетчер, Маргарет (род. в 1926), английский политический деятель
в 1979–1990 гг. — премьер-министр Великобритании 602
- техника (и общество) 354–355, 357–358
- техническая помощь 466–467, 471–472
- Третья мировая война (угроза, борьба против войны
и против шантажа ею) 156–157, 184, 234, 251, 256, 436
и борьба против империализма 157, 253, 291, 525, 528–530
задачи и возможности Кубы в борьбе против войны 184, 236, 256
- техническая революция 59, 73–74, 414–415, 484–485
- товар 365, 394, 402, 431, 479, 484
- Троцкий Л.Д. (1879–1940) 507
- труд 270, 432–433
в ходе социалистического строительства и при социализме
220, 222, 273–274, 276, 415–416, 432–433, 444–445, 448, 483–484, 488
- университет
его роль в Латинской Америке 62
на Кубе 59–62, 64–67, 72–78
- университетская реформа (в Латинской Америке и на Кубе) 62–63,
65–66
- ультралевые группы 240, 539
- Уругвай 236, 238–240
- утопия 278
- Фелипе, Леон (1895–1968), испанский поэт, эмигрант 432–434, 557
- формализм («показуха» и т. п.) 275, 277, 413
- Франки, Карлос, видный деятель «Движения 26 июля»,
после революции — главный редактор газеты «Революсьон»,
с 70-х годов в эмиграции 533, 542
- Фрондиси, Артуро, президент Аргентины в 1960–1963 гг. 232
- Фуко, Мишель (род. в 1926), французский философ 591, 605, 611
- Харт, Армандо, один из руководителей «Движения 26 июля»,
а затем и компартии Кубы, министр культуры Кубы
в 70–80-х гг. 505, 508

- хвостизм 506, 508
- Хемингуэй, Эрнст (1899–1961), американский писатель 580
- Хикмет, Назым (1902–1963), турецкий поэт, коммунист,
в 1951–1963 гг. жил в эмиграции в СССР 567
- хозрасчёт (как «гибридная» экономическая система), «финансовая
самостоятельность» 321, 382–386, 427–428, 495–496, 497,
512–513, 513, 558
- Хо Ши Мин (1890–1969), лидер коммунистического
и национально-освободительного движения Вьетнама
и его первый президент 602
- Хрущёв Н.С. (1894–1970) 145, 256, 507, 582, 594, 603
- ценообразование 320, 396–399
- Центральная Америка 250
- цены
мировые 320, 323–325, 396, 464–466
на Кубе 320, 323, 396–398
- Чибас, Эдуардо, политический деятель Кубы 1940–50-х годов,
в партии которого начал свою политическую деятельность
Ф. Кастро 536, 537
- Чили 239, 241, 251, 444–445
- Шумпетер Иозеф один из крупнейших экономистов XX века 507
- Эйзенхауэр, Дуайт (1890–1969), президент США в 1952–1960 гг. 538
- Эквадор 244–245
- «Экономическая дискуссия» на Кубе, в 1963–1965 гг. 320–329,
359–366, 375–407, 419–431
- экономическая система централизованного (бюджетного)
финансирования (на Кубе, в 60-е годы) 321–322, 327–328, 375,
382–386, 388, 390, 392, 396–398, 400–405, 423–424
её связь с научно-техническим прогрессом 382–383
- экономика
и математика 328, 403, 404
и человек 328
- экономическая наука 507–508, 512
- экономический контроль и технологический прогресс 329
- «экспорт революции» 95, 316, 450

Энгельс, Фридрих (1820–1895) 339, 362, 507, 594, 595
эпоха, главное противоречие 288, 501, 525
Эскаланте, Анибал, лидер НСП, в 1961–1962 гг. руководитель
организации ОРО 303, 477
эффективность, экономическая (при капитализме, социализме,
гибридной системе) 550–551

Югославия 494–495

Экономика
и

и

и

и
и
и
и

и

и

и

и

и
и

Эрнесто Че Гевара

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОК

Статьи, выступления, письма

187

1885

Ф.

Ф.

Ф.

Составитель и научный редактор

11

К.Л. Майданик

Редактор

И.А. Эбаноидзе

Оформление и вёрстка

И.Э. Бернштейн

Корректор

Л.А. Васькина

т. 8 (495) 921-8471

www.fredrikh.com

59-1-0

Подписано в печать 18.09.2005.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура CharterС. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 39,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 5558

Издательство «Культурная Революция»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 9/4, стр. 1

Телефон/факс (095)9218471

E-mail frederih@mail.ru

ХХ века 5.

При участии ООО «ПФ «Сашко»

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14